

**Е.М. Черных,
О.Ф. Хайруллина**

Могильник Боярский "Арай" мазуинского типа в Удмуртском Прикамье

г. Ижевск

*Серия: Материалы и исследования Камско-Вятской
археологической экспедиции.
Том 34*

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии

Е. М. ЧЕРНЫХ, О. Ф. ХАЙРУЛЛИНА

**МОГИЛЬНИК БОЯРСКИЙ «АРАЙ» МАЗУНИНСКОГО ТИПА
В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ**

Монография

**При участии: Е.В. Голдиной, Т.Ю. Прокопьевой,
А.В. Рассказовой, И.Г. Широбокова**

Ижевск
2025

УДК 930.26(470.51)
ББК 63.48(235.5)-427
Ч-496

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Ответственный редактор: доктор исторических наук *Р. Д. Голдина*

Рецензенты: д-р исторических наук *Т.И. Останина*,
канд. исторических наук, науч. сотрудник отдела археологического наследия Южного
Урала ИЭИ УФИЦ РАН *А.Г. Колонских*.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.

Ч-496 Могильник Боярский «Арай» мазунинского типа в Удмуртском Прикамье : монография / Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина, отв. ред. Р.Д. Голдина. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 384 с. : ил. – (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 34).

ISBN 978-5-4312-1309-0

DOI: 10.35634/978-5-4312-1309-0-2025-1-384

В монографии публикуются результаты исследований могильника III–IV вв., расположенного в Каракулинском районе Удмуртской Республики. Могильник был открыт в 2002 году и изучен сотрудниками Удмуртского госуниверситета. Небольшой некрополь, включавший около 200 захоронений, оставлен локальной группой прикамского (мазунинского) населения на позднем этапе пьяноборской КИО Западного Предуралья, когда местные общества испытывали заметные трансформации под влиянием внешних и внутренних факторов эпохи Великого переселения народов.

В книге представлены текстовые описания (в виде каталога) изученных погребений, комплексы находок, классификация и датировка погребального инвентаря. Предложена хронологическая схема развития материальной культуры могильника, этапы заполнения погребального пространства. Даны антропологическая характеристика погребенных.

Книга предназначена археологам, историкам, краеведам, студентам исторических специальностей и всем, кто интересуется историей Волго-Камского региона.

УДК 930.26(470.51)
ББК 63.48(235.5)-427

В оформлении обложки использованы фотографии О.Ф. Хайруллиной

ISBN 978-5-4312-1309-0

DOI: 10.35634/978-5-4312-1309-0-2025-1-384

© Черных Е.М., Хайруллина О.Ф., 2025

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
Глава 1. Описание погребений Боярского («Арай») могильника.....	10
Глава 2. Погребальный обряд могильника.....	49
2.1. Погребальные сооружения.....	49
2.2. Останки умерших.....	52
2.3. Топография погребального инвентаря.....	56
2.4. Характеристика безынвентарных захоронений.....	70
Статистические таблицы (к главам №№ 1 и 2).....	76
Глава 3. Классификация погребального инвентаря могильника.....	94
3.1. Украшения костюма.....	94
3.2. Поясная гарнитура.....	118
3.3. Оружие и орудия труда.....	125
Глава 4. Датировка и хронология могильника.....	134
Заключение.....	152
Список источников и литературы.....	155
Список сокращений.....	170
Таблицы.....	172
<i>Приложение 1.</i>	
Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье.....	341
Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование.....	348
<i>Приложение 2.</i>	
Прокопьева Т.Ю., Черных Е.М. Химический состав металла украшений Боярского («Арай») могильника	357
<i>Приложение 3.</i>	
Широбоков И.Г. Результаты антропологического исследования Боярского («Арай») могильника.....	371
<i>Приложение 4.</i>	
Рассказова А.В. Антропологическая реконструкция облика жителей Прикамья по материалам Боярского («Арай») могильника.....	382

ПРЕДИСЛОВИЕ

Боярский могильник находится на юго-востоке Удмуртской Республики, в 4 км к западу от д. Боярка Каракулинского района (рис. 1А–В), на территории Среднего Прикамья, где в исторические времена тесно сплетались судьбы разных народов – удмуртов, башкир, татар, марийцев, русских. А древняя история этих мест питается столь многочисленными сказаниями и легендами, что ее сокровенные тайны еще долго будут волновать умы ученых и всех, кто, так или иначе, задается вечными вопросами «Кто мы?», «Откуда мы?».

Открытие Боярского могильника состоялось относительно недавно, в 2002 году, и имело весьма драматичный контекст. Весной 2002 г. научный сотрудник Музея истории и культуры Среднего Прикамья (ныне – Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) Н.Л. Решетников получил от жителя д. Боярка С. Хвостовцева несколько древних вещей из окрестностей деревни. После проверки информации о местонахождении Николаем Леонидовичем и сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета был установлен факт варварского разрушения «черными копателями» ранее неизвестного науке могильника середины I тысячелетия н. э. Поразил, прежде всего, размах деятельности «новых варваров», этих любителей легкой наживы: следы бульдозерных траншей (длиной до 15 м, шириной 2,5 м, глубиной от 0,7 до 1,0 м) и разбросанные на поверхности кости человека свидетельствовали о масштабной деятельности организованной группы копателей (рис. 1А, 2, 5, 6). Картина бедствия усугубляла интенсивная овражная эрозия (повсеместное явление для прикамских районов Удмуртии), с пятнами разрушенных могильных ям и человеческими костями в осипах.

С этого момента было принято решение, несмотря на тяжелые для университетской науки времена, организовать раскопки могильника, с опорой на активную поддержку администрации района и энтузиастов-краеведов. Полевые работы КВАЭ велись в этот период, главным образом, за счет средств учебной практики студентов исторического факультета. При тотальном сокращении бюджетов всех уровней учебная практика тоже была под угрозой, и только авторитет Р.Д. Голдиной, ее умение убеждать администрацию, способствовал сохранению практики в учебном плане факультета. Но надо отдать должное и некоторому удачному стечению обстоятельств. На тот момент в Удмуртской Республике была принята программа «Сохранение культурного наследия народов УР на 2001–2003 годы» с последующим продлением на 2004 и 2005 гг. Управлением по охране памятников истории и культуры, созданным в 1997 г. (руководитель – выпускница исторического факультета УдГУ Н.П. Девятова), даже при тотальном недофинансировании программы были выделены небольшие средства для проведения спасательных археологических работ. Боярскую администрацию тогда возглавлял выпускник факультета Владимир Афанасьевич Шайдуров, а Боярскую среднюю школу – Людмила Павловна Шайдурова. Директором Вятской средней школы трудился опять же наш выпускник, Заслуженный работник народного образования Удмуртской Республики, Владимир Сергеевич Буторин, хорошо известный в республике краевед. Старшеклассники этих двух школ в меру возможностей участвовали в раскопках. Широкий охват населения, как и внимание со стороны руководства района в лице тогдашнего руководителя администрации Сергея Николаевича Русинова, его заместителя Александра Николаевича Корепанова, а также начальника отдела культуры Владимира Николаевича Коткина и других во многом способствовали проведению ежегодных исследований памятника и, конечно, прекращению его разграбления. При их всесторонней поддержке в июне 2005 г. удалось организовать выезд на раскопки Боярского могильника участников международной научно-практической конференции «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху Великого переселения народов» (рис. 13), с непременным теплым приемом и угощением на гостеприимной каракулинской земле (Взаимодействие народов Евразии, 2006).

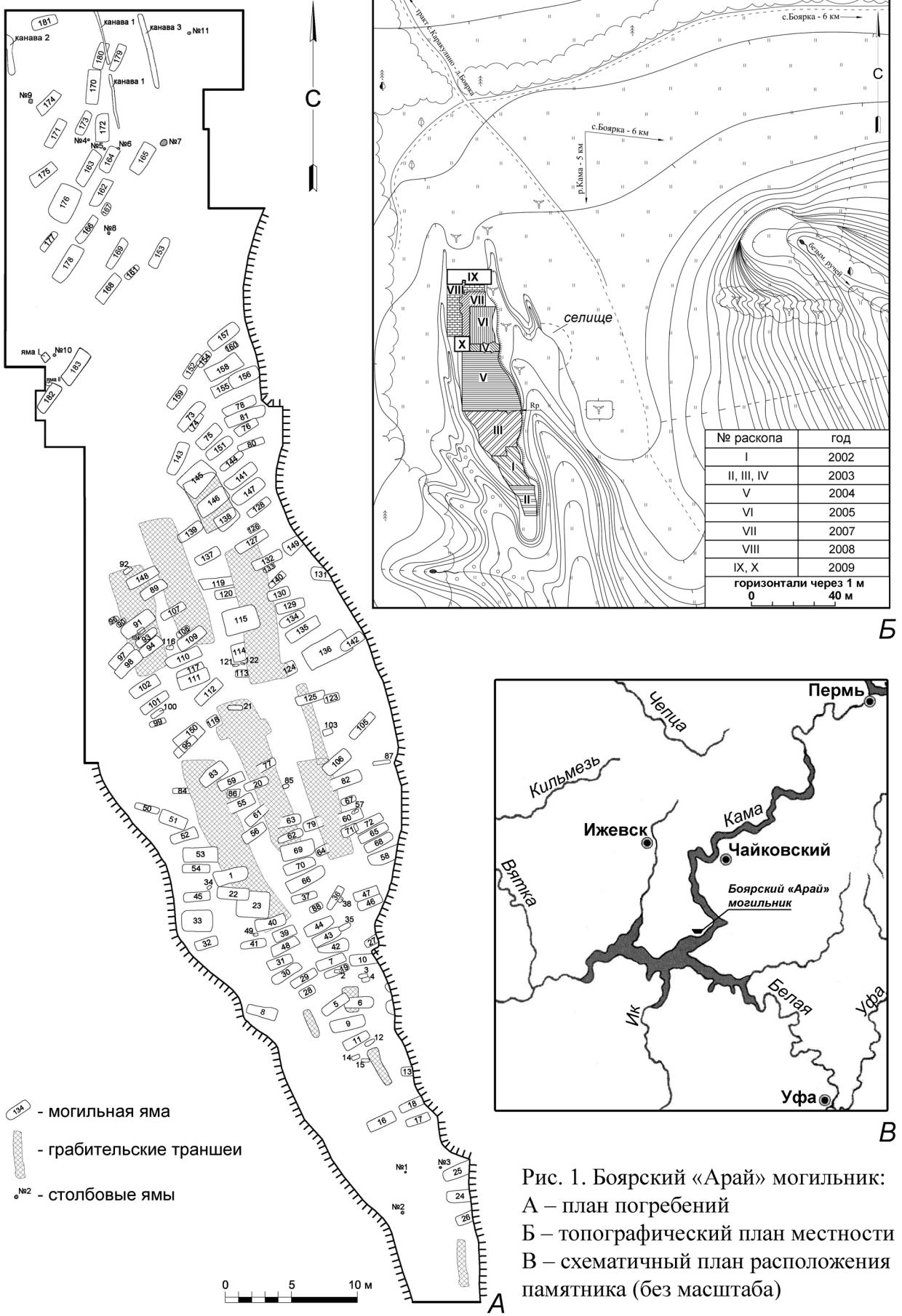

Рис. 1. Боярский «Арай» могильник:
А – план погребений
Б – топографический план местности
В – схематичный план расположения
памятника (без масштаба)

Физико-географическая характеристика района расположения Боярского могильника примечательная; его топография отличается от локализации уже известных мазунинских некрополей. Памятник занимает край высокого коренного берега р. Камы («низкое плато»), удаленного от реки и в значительной мере видоизмененного интенсивной овражной эрозией, в результате которой образовался довольно узкий мысовидный выступ (рис. 1–4). Ширина мыса составляет от 15 м на южной оконечности до 32 м в основании, длина – не менее 140 м.

Орографически эта территория рассматривается как часть Красноборско-Мазунинской гряды, протянувшейся по правобережью Камы, от д. Усть-Сарапулка до долины р. Иж (Жемчужина Прикамья, 2012, с. 21–25). У д. Боярка «гребень» гряды вместе с руслом Камы круто поворачивает на запад, образуя коленчатый изгиб (рис. 1Б). Долины правых притоков Камы прорезают коренной берег, заканчивающийся крутым отрогом. На его северном склоне берут начало множественные ручьи – правые притоки р. Ветлянки, а южный склон расченен глубокими оврагами, устья которых выходят в широкую пойму Камы. Край одного из таких активно растущих оврагов и занимал Боярский могильник. Единственный источник воды в окрестностях могильника – труднодоступный ключ, прячущийся глубоко в вершине одного из оврагов.

Русло Камы между д. Боярка и с. Вятским отходит от коренного берега на 4–5 км и формирует высокую пойму с множеством старицальных озер – настоящий «рай» для рыбаков (рис. 9, 10). С площадки мыса, занятой могильником, открывается на много верст широкая panorama большой реки и ее низменного левобережья (рис. 7). Снизу, с поймы, трудно подобраться к мысу: слишком крутые и опасные склоны; единственная полевая дорога ведет вправо от грунтовки, поворачивающей с трассы Каракулино–Галаново в д. Боярка, через поля и лесозащитные полосы, появившиеся здесь в конце 70-х гг. XX века. Полевой лагерь экспедиции с первого же года ставился в такой лесополосе, рядом с могильным мысом.

С «подачи» краеведа В.С. Буторина (рис. 12), Боярский могильник получил второе название – «Арай». Как топоним оно сохранилось на карте сельхозугодий с. Вятское. Так еще недавно русские жители села называли холмистую возвышенную равнину на склоне камского берега, к северо-востоку от бывшей д. Обухи, на границе с полями д. Боярка.

Полевыми работами на могильнике руководили научные сотрудники Камско-Вятской археологической экспедиции и Института истории и культуры народов Приуралья: Татьяна Алексеевна Лаптева, к.и.н. Станислав Евгеньевич Переvoщиков, Ольга Александровна Карпушкина (рис. 12). В разные годы в раскопках участвовали Вероника Александровна Бернц, Алексей Михайлович Вязников, Тимур Расилович и Татьяна Михайловна Сабировы (рис. 11), Александр Анатольевич Красноперов, Лариса Ивановна Липина. В качестве вспомогательного персонала были заняты студенты университета: Дарья Лаптева, Дмитрий Никитин, Ольга Нурмаметова, Александр Сабреков, Анна Самоделкина, Эльвира Соловьева и многие другие. В работах отряда принимал участие выпускник Санкт-Петербургского университета Иван Григорьевич Широбоков. Ежегодно он выезжал с нами в «поле», разделяя вместе с экспедицией тяготы полевого труда и быта. После защиты кандидатской диссертации Иван Григорьевич, уже сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), продолжал работать с антропологическими материалами Боярского могильника, как и многих других некрополей Прикамья.

Археологическими раскопками изучена вся площадь мыса (рис. 1Б). В первые два года – 2002–2003 – были вскрыты участки преимущественно на южной, стремительно осыпавшейся в результате овражной эрозии оконечности мыса (раскопы I–IV¹ общей площадью 531 кв. м); в них изучено 88 погребений. Весной 2004 г. грабители вновь предприняли попытку копать могильник, успев снять бульдозером только верхний почвенный слой. Масштабы разрушений таких «любителей древностей» хорошо заметны на плане (рис. 1А).

¹ Раскопы получали сплошную нумерацию, в соответствии с годом исследований.

На самом большом участке – раскоп V – была изучена та часть могильника, которая в наибольшей степени пострадала от грабительских работ; на площади 425 кв. м вскрыты 62 погребения. В последующие годы раскопки продолжились в северном направлении, с выходом на коренное плато. Раскопом VI 2005 г. изучено 11 погребений на площади 150 кв. м. Кроме того, в северо-восточной части раскопа, в вершине восточного оврага, удалось выявить культурный слой более раннего селища, перекрытого погребениями мазунинского могильника (рис. 1Б). Границы небольшого поселения исследованы также на территории раскопов VII–IX. В 2007 г. в раскопе VII, площадью 85 кв. м, вскрыто 8 погребений. Раскоп VIII (площадь 153 кв. м) охватил участки северо-западной части мыса, в вершине западного оврага, включая край коренного берега; в нем изучено 9 погребений. Последние исследования на могильнике проводились в 2009 г., уже за пределами мысовой площадки, на поверхности коренного плато. Раскоп IX на северной периферии могильника, площадью 103 кв. м, дал остатки трех погребений и культурный слой с объектами более раннего поселения; раскоп X (площадь 45 кв. м), наложенный на оставшийся неизученным в предыдущие годы небольшой участок между раскопами V и VIII, позволил изучить еще 2 могилы. Таким образом, могильник исследован практически полностью.

Основание мыса отчленялось от коренного берега едва заметной неглубокой ложбиной, соединявшей вершины двух растущих оврагов. В древности она, очевидно, служила неким естественным рубежом, отделявшим мысовую часть погребального поля от небольшой группы погребений, которые были вскрыты на поверхности коренного плато и составляли северную периферию могильника.

В ходе ежегодных работ на площади древнего некрополя были исследованы 183 погребения, останки 217 человек (с учетом костей из разрушенных грабителями погребений), локальные участки культурного слоя более раннего селища, отдельные ямы (включая столбовые, всего 13), относившиеся как к могильнику, так и, вероятно, остаткам селища (Голдина, Черных, 2015а; Голдина, Черных, 2015б; Черных и др., 2004; Черных и др., 2005; Черных и др., 2007; Черных и др., 2010; Черных и др., 2011; Черных и др., 2013; Черных, 2014; Черных, 2015; Черных, Хайруллина, 2018; Черных, Хайруллина, 2020; Черных, Широбоков, 2022; Широбоков, Черных, 2016). Коллекция находок, полученная в ходе работ на Боярском могильнике, насчитывает не менее 3256 предметов (без учета фрагментов глиняной посуды, которая может относиться к слою более раннего селища).

Могильник и находки из него послужили источниками для написания целого ряда студенческих работ, подготовленных на кафедре археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета, в том числе выпускных квалификационных: детские погребения изучала Анна Самоделкина (2007, с. 333–336), планиграфический анализ – Анастасия Сумарокова (2015), «дары умершему» («жертвенные комплексы») – Любовь Ипатова (2014, с. 318–319; 2015, с. 94–96). Характеристикой погребального обряда и анализом вещевого инвентаря некрополя успешно занималась Ольга Хайруллина (2014а, с. 194–197; 2014б, с. 323–324; 2015а, с. 149–151; 2015б, с. 40–45; 2016а, с. 141–145; 2016б, с. 77–80; 2018, с. 260–264; 2019, с. 114–116); именно вдумчивое и ответственное отношение к материалу, владение источником позволило ей стать одним из соавторов этой книги.

ГЛАВА 1. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ БОЯРСКОГО («АРАЙ») МОГИЛЬНИКА

Погребение 1 (уч. ДЕ/17, траншея I, табл. 1). Мужчина, 25–35 лет. Уровень фиксации –65 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела прямоугольную форму с закругленными углами, небольшое расширение в западной части (ближе к торцу), слегка скошенный западный торец, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 260 x 104, глубину –112 см. В заполнении слой № 2¹. На глубине –84–100 см расчищены фрагменты верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции, мощностью 3,0–5,0 см, в виде двух продольных досок и двух торцевых брусков; на глубине –105–110 см обнаружен тлен настила мощностью 1,5–3,0 см (возможно, конструкция представляла собой ящик с «ручками»). Костяк удовлетворительной сохранности, зафиксирован на глубине –103–109 см. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЗЮЗ. У левой плечевой кости найдена железная пряжка (табл. 1–3), слева в области таза – стеклянная бусина (табл. 1–2) и железный нож с фрагментами деревянных ножен (табл. 1–1).

Погребение 2 (уч. З/20, табл. 1). Ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –40 см. Яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, имеет прямоугольную с закругленными углами и спрятанным ВЮВ торцом форму, размеры 56 x 29 см, глубину –46 см; впущено в погребение № 19. В заполнении слой № 2. На глубине –43–46 см расчищен костяк младенца удовлетворительной сохранности (кости черепа и ребер). Установить ориентацию и положение погребенного невозможно. Вещей нет.

Погребение 3 (уч. ЗИ/20, табл. 1). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму с закругленным ЗЮЗ торцом и слегка скошенным В торцом, размеры 71 x 61 см, глубину –56 см. Южная длинная стенка слегка нарушена северной стенкой погребения № 4. В заполнении слой № 2. На глубине –50–55 см расчищен скелет младенца хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 4 (уч. И/20, табл. 1). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет овальную форму, северная длинная стенка слегка нарушена южной стенкой погребения № 3; размеры ямы 60 x 31 см, глубина –54 см. В заполнении слой № 2. На глубине –50–53 см зафиксирован неполный костяк младенца (череп, ребра, позвонки, кость ноги и кости правой руки) удовлетворительной сохранности. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на ВСВ, сохранившаяся правая рука вытянута вдоль тела. Вещей нет.

Погребение 5 (уч. ЖЗ/20–21, табл. 2). Мужчина, 35–45 лет. Уровень фиксации –25 см. СВ торец погребения разрушен поздней ямой. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, чуть скошенный ЮЗ торец, слегка вогнутую ЮВ стенку, плоско-покатое к СВ дно, ширину 72 см, максимальную глубину –47 см; глубина ямы понижается от –25 см в ЗЮЗ части до –47 в ВСВ. В заполнении слой № 4. В придонной части, на глубине –38–47 см, сохранились фрагменты деревянного настила, размерами 147 x 35 см и толщиной 0,5 см. На глубине –27–47 см расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки

¹ На памятнике отмечены разные по цветности и структуре слои: слой № 1 – дерново-пахотный, мощностью 15–25 см (в раскопе X – до 40 см); слой № 2 – светло-коричневый суглинок, с незначительными включениями гумуса (2а), угля (2б) или мергеля (2в) – заполнение погребений и столбовых ям; слой № 3 – красно-коричневый суглинок или желто-бурая глина с карбонатными включениями (материк); слой № 4 – светло-коричневый суглинок с незначительными частицами гумуса и дерново-пахотного слоя (заполнение грабительских ям, траншей); слой № 5 (уч. Г-Д/2`–1`) – светло-серый тощий суглинок с зольными включениями мощностью до 20 см (лесной подзол); слой № 6 – темно-коричневый гумусированный суглинок с единичными фрагментами керамики (культурный слой поселения), мощность 10–15 см (на уч. В/5` – до 60 см).

вдоль тела. Слегка смещены ребра, левая ключица, правая голень; позвоночник изогнут, пяточные кости попали в перекоп поздней ямы глубиной –55 см. Вещей нет.

Погребение 6 (уч. ЗИ/20–21, табл. 2). Мужчина (?), 40–50 лет. Уровень фиксации –45 см. Западная половина погребения разрушена грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ямы ориентирована по линии З–В, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, ширину 84–87 см, глубину –65 см. В заполнении слой № 4. На глубине –54–60 см расчищен костяк хорошей сохранности, но с нарушением анатомического порядка костей скелета. В западной части погребения находились смещенные кости черепа и левого плеча, в центральной – лопатки, ребра и кости правой руки, в восточной – нижние конечности, сохранившие анатомический порядок (кости левой ноги и правой голени несколько смещены). Кости нижних конечностей ориентированы по линии З–В; вероятно, умерший поконился головой на З. В северо-западной части ямы, слева от костей левой лопатки, расчищена стеклянная бусина (табл. 2–1).

Погребение 7 (уч. ЖЗ/19–20, табл. 3). Женщина (?), 30–40 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную со слегка закругленными углами форму, слегка скошенный В торец, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 225 x 74–76 см, глубину –55 см. В заполнении слой №2. На глубине –52–54 см зафиксированы остатки деревянного настила прямоугольной формы, размерами 183 x 49 см и толщиной 0,5–0,7 см. На глубине –46–53 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, кисть левой руки на тазу. Слева в изголовье расчищено скопление вещей²: под биметаллической бабочковидной фибулой (табл. 3–1–6) находились железные височные подвески с бронзовой обмоткой (4 экз., табл. 3–1–1–4) и железное шило (табл. 3–1–5). Чуть ниже скопления вещей найдена железная пряжка (табл. 3–2).

Погребение 8 (уч. Е/21, табл. 4). Мужчина, >60 лет. Уровень фиксации –45 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, имеет прямоугольную форму, слегка деформированную северную длинную стенку с расширением в придонной части, вертикальные южную длинную и торцевые стенки, плоское дно, размеры 228 x 70–90 см, глубину –115 см. В заполнении слой № 2. На глубине –110–115 см сохранились фрагменты деревянной погребальной конструкции в виде настила размерами 200 x 69 см, толщиной 2,0 см и деревянные плахи со следами обугливания вдоль ССВ стенки, толщиной 5,0 см. На глубине –95–115 см расчищены кости человека хорошей сохранности: только череп (в ЗСЗ части ямы), позвонок (в центральной части ямы) и смещенные кости ног (в ВЮВ конце ямы). Вещей нет.

Погребение 9 (уч. ЗИ/21, табл. 5). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, чуть скошенный ВСВ торец, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 265 x 74–93 см, глубину –86 см. В заполнении слой № 2. От погребальной конструкции, на глубине –80–84 см, сохранились фрагменты продольных досок настила и поперечного бруса в ногах умершего, размерами 164 x 56 см, толщиной 1,0–2,0 см. На глубине –71–84 см расчищен костяк хорошей сохранности: погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях, кисти на тазу. Слева от черепа расчищена железная пряжка (табл. 5–2); еще одна железная пряжка найдена на костях таза (табл. 5–1). В ногах справа было уложено копье (острием вниз) с железным наконечником и частично сохранившимся древком (табл. 5–3).

Погребение 10 (уч. ЗИ/19–20, табл. 4). Парное: А – женщина, 25–35 лет; Б – ребенок, 2–3 лет. Уровень фиксации –55 см. Восточный край могильной ямы разрушен осыпью;

² «Жертвенный комплекс», по Т.И. Останиной, либо «подарочный набор», по Р.Д. Голдиной. Подробнее о терминологии данного явления в главе 1, параграфе 2.3.

сохранившаяся часть ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением к Ю, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, слегка расширенную в З торце, вертикальные стенки, плоское дно, ширину 85 см и глубину –84 см. В заполнении слой № 2. На глубине –68–78 см сохранились фрагменты продольной и поперечной доски верхнего перекрытия погребальной конструкции, размерами 97 x 55 см, толщиной 3,0–4,0 см с едва заметными «ручками» в западной торцевой стенке (просматриваются на фотографиях полевой документации), на глубине –80–83 см – фрагменты настила, размерами 100 x 56 см, толщиной 3,0–4,0 см. На глубине –70–83 см расчищены останки двух погребенных. Костяк А хорошей сохранности: уложен вытянуто на спине, головой на З (череп повернут направо), левая рука вдоль тела, кости правого предплечья смещены, кости голеней также несколько смещены и подогнуты вправо. Вокруг теменной кости черепа собран бисер (65 экз., табл. 4–3) и бронзовая пронизка (табл. 4–2), вероятно, от головного убора; у правого плеча найдена железная пряжка (табл. 4–1). В области таза расчищены кости ребенка удовлетворительной сохранности (костяк Б), без вещей.

Погребение 11 (уч. ИЗ/21–22, табл. 6). Мужчина (?), 14–17 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, слегка расширенную в ЗЮЗ торце, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 270 x 64–71 см, глубину –68 см. В заполнении слой № 2. На глубине –63–65 см сохранился древесный тлен от настила, размерами 195 x 95 см, толщиной до 2,0–3,0 см. На уровне –55–65 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. На костях таза расчищен железный нож (табл. 6–1), у левого колена железная пряжка (табл. 6–2).

Погребение 12 (уч. И/21–22, табл. 2). Ребенок, <1 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет овальную форму, слегка зауженную в ВСВ торце, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 84 x 32 см, глубину –40 см. В заполнении слой № 2. В западной половине ямы, на глубине –35–40 см, расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела (левая чуть согнута в локте), головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 13 (уч. ИК/22, табл. 2). Женщина, 20–25 лет. Уровень фиксации –35 см. Западная часть могильной ямы, не разрушенная осыпью, ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением к Ю, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, ширину 70 см, глубину –110 см. В заполнении слой № 4. На глубине –92–110 см зафиксирована верхняя часть костяка хорошей сохранности: правая лопатка, ключица, несколько ребер и позвонки смещены к западу относительно костей грудной клетки, позвоночника и плечевых костей, сохранивших анатомическое положение. Под костями лопатки, на глубине –103–110 см, расчищены кости черепа. Вероятно, умерший был уложен головой на З. Вещей нет.

Погребение 14 (уч. З/22, табл. 5). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –25 см. Очертания могильной ямы не фиксировались, размеры установлены условно: 63 x 31 см, глубина –32 см. Погребение ориентировано по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении слой № 2. В западной половине ямы, на глубине –25–32 см, расчищены лежавшие компактно кости черепа, ключиц, ребер младенца удовлетворительной сохранности. Головой был уложен в ЮЗ направлении. Вещей нет.

Погребение 15 (уч. И/22, табл. 5). Ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –35 см. Очертания могильной ямы не фиксировались, размеры определены условно: 60 x 28 см, глубина –40 см. Погребение ориентировано по линии З–В. В заполнении слой № 2. На глубине –35–40 см расчищены кости младенца хорошей сохранности: покоялся вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на З. Вещей нет.

Погребение 16 (уч. И/23–24, табл. 6, рис. 14). Мужчина, 25–35 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 218 x 84 см, глубину –63 см. В заполнении слой № 2. На глубине –50–53 см сохранились фрагменты верхнего деревянного перекрытия погребальной конструкции и деревянных брусков в торцах ямы, размерами 190 x 72 см, толщиной 2,0–3,0 см, а на глубине –56–62 см – тлен от настила толщиной 0,5–3,5 см и размерами 190 x 72 см. На глубине –50–61 см расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен скорчено на левом боку, головой на ЗЮЗ, лицом на ССЗ. Руки согнуты в локтях, пальцы левой руки под челюстью, ноги согнуты в коленях. Вещей нет.

Погребение 17 (уч. К/23–24, табл. 7). Мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 185 x 63 см, глубину –53 см. В заполнении слой № 2. Восточный торец ямы нарушен поздним грабительским вкопом (в заполнении слой № 4). На глубине –37–53 см расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, кости позвоночника и грудной клетки смещены (позвонки справа от черепа, ребра у левой бедренной кости), головой на ЗЮЗ. Под костями левого плеча расчищена железная пряжка (табл. 7–1).

Погребение 18 (уч. ИК/23, табл. 7, рис. 16). Мужчина, 25–35 лет. Уровень фиксации –25 см. Восточный торец могильной ямы разрушен оврагом; сохранившаяся западная часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, ширину 64–67 см, глубину –60 см. В заполнении зафиксирован слой № 4. На глубине –49–60 см расчищены кости человека хорошей сохранности. Погребенный покоялся вытянуто на спине, руки вдоль тела, череп смещен и уложен основанием на левое плечо, часть позвонков выложена выше черепа вдоль длинной ССВ стенки ямы, кости стоп отсутствуют. Вещи в погребении не зафиксированы.

Погребение 19 (уч. 3/20, табл. 6). Мужчина (?), 45+ лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, слегка изогнутую ВЮВ стенку и чуть наклонную ССВ, остальные стенки вертикальные, дно плоское. Размеры ямы: 196 x 54 см, глубина –65 см; в могилу впущено детское погребение № 2. В заполнении слой № 2. На глубине –55–65 см расчищены останки человека хорошей сохранности с нарушением анатомического порядка костей: в ЗЮЗ конце погребения найдены фаланги пальцев и ребра, ниже – череп, лопатки, кости предплечья, голеней, ребра, позвонки, кости таза, берцовые и плечевые кости, зуб, ребра, фаланги. Судя по расположению костей, умершего, вероятно, сразу после смерти спеленали. Вещей нет.

Погребение 20 (уч. Е/15, траншея II, табл. 7). Женщина, 20+ лет. Уровень фиксации –30 см. Восточная половина могильной ямы разрушена грабительской траншеей; сохранившаяся часть ориентирована по линии З–В с незначительным отклонением к Ю, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, ширину 61 см, глубину –80 см. В заполнении слой № 2. В западной половине ямы, на глубине –73–80 см, расчищены кости верхней части скелета хорошей сохранности (череп, позвоночник, ребра, плечевые кости в анатомическом порядке); в слое разрушения найдены позвонок, кость предплечья, голень и стопа левой ноги. Умерший покоялся головой на З, череп повернут влево. Вещей нет.

Погребение 21 (траншея II, табл. 8). Ребенок, возраст не определен. Уровень фиксации –15 см. Очертания могильной ямы не зафиксированы, условные размеры: 115 x 36 см, глубина –25 см. Ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении слой № 2. На глубине –15–25 см обнаружены кости человека удовлетворительной сохранности: вытянуто на

спине, головой на ЗСЗ, кости правой руки и левого предплечья уложены вдоль тела, левая половина грудной клетки и левая плечевая кость смещены. В изголовье слева и в области пояса (вдоль позвоночника) обнаружен бисер (10 экз., табл. 8–1–1–10), над левым плечом найдены железная сюльгама (табл. 8–3) и фрагменты железной цепочки (табл. 8–2).

Погребение 22 (уч. ДЕ/18, траншея I, табл. 8). Мужчина, 45+ лет. Уровень фиксации – 65 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 240 x 90 см, глубину – 88 см. Восточный торец перекрывает СЗ угол погребения № 23. В заполнении слой № 2. На глубине – 77–86 см расчищены фрагменты продольных и поперечных досок перекрытия, общими размерами 198 x 49 см, толщиной 1,0–5,0 см, а на глубине – 84–86 см – остатки настила прямоугольной формы, размерами 225 x 46 см и толщиной 1,0–1,5 см. На уровне – 70–85 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на З, череп повернут влево, руки вытянуты, слегка согнуты в локтях и уложены на таз. Слева от черепа расчищен бронзовый пинцет (табл. 8–9), слева от костей таза – железный нож (табл. 8–13), рядом с костями стоп, с внешней стороны, были уложены двумя кучками костяные наконечники стрел (11 экз., табл. 8–1–8, 10–12).

Погребение 23 (ДЕ/18, траншея I, табл. 9, 10, рис. 17). Тройное: А – мужчина, 30–40 лет; Б – ребенок, 5–6 лет; В – женщина, 30–40 лет. Уровень фиксации – 65 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, с едва заметным отклонением к С, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 246 x 191 см, глубину – 84 см. СЗ угол ямы перекрыт восточным торцом погребения № 22; в заполнении слой № 2. В погребении обнаружено трое индивидов (А, Б и В), покоившихся в двух погребальных конструкциях. Остатки первой конструкции прямоугольной формы расчищены на глубине – 65–83 см: боковые стенки и днище гробовища общими размерами 195 x 71 см; высота длинной (южной) стенки 18 см, западной – 7–9 см, толщина досок днища 1,0–1,5 см. В ней было захоронено два индивида (А и Б). Костяк А (глубина – 68–82 см) хорошей сохранности, уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях; правая часть грудной клетки смещена. Справа вдоль тела (от плеча и до бедренной кости) вытянут пояс (табл. 10–3), от которого сохранились железная пластина пряжки (табл. 10–3–21), бронзовые накладки (не менее 20 экз., табл. 10–3–1–20) и фрагмент железного наконечника (табл. 10–3–22). На костях таза расчищены железная пряжка (табл. 10–6) и железный нож (табл. 10–5), слева от левого колена – костяной наконечник стрелы (табл. 10–4). Здесь же был захоронен костяк Б (ребенок, глубина – 74–82 см) удовлетворительной сохранности (сохранились череп, ребра, кости таза и ног), вытянуто на спине, головой на З. В области тазовых костей индивида Б найден железный нож с деревянной рукоятью (табл. 9–1). Во второй погребальной конструкции (остатки настила прямоугольной формы размерами 138 x 63 см и толщиной 0,3–0,5 см) на глубине – 82–83 см находился костяк В хорошей сохранности (глубина – 67–82 см), но с анатомическим нарушением верхней части скелета. Кости таза и ног умершей лежали в анатомическом порядке, тогда как череп, ребра, позвонки и плечевые кости были сдвинуты в ноги (очевидно, при рытье могилы № 22). За пределами погребальной конструкции и у таза, между бедренными костями, расчищены фрагменты железной сюльгамы (табл. 9–2).

Погребение 24 (уч. Л/25–26, табл. 11). Пол и возраст не определены. Уровень фиксации – 25 см. Восточный край могильной ямы разрушен оврагом; западная половина ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную форму, закругленный СЗ и скошенный ЮЗ углы, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 178 x 90 см. Максимальная глубина – 66 см. В заполнении слой № 2. В западной половине ямы, на глубине – 36–65 см, расчищено скопление костей человека хорошей сохранности, без анатомического порядка. Установить положение и ориентировку погребенного невозможно. Вещей нет.

Погребение 25 (уч. Л/25, табл. 11). Пол и возраст не определены. Уровень фиксации –35 см. Восточная половина могильной ямы уничтожена оврагом, западная ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальную северную и слегка наклонную южную стенки, плоское дно, размеры 218 x 97 см, глубину –64 см. В заполнении слой № 2. На глубине –50–63 см расчищен костяк хорошей сохранности с легким нарушением анатомического порядка скелета; погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела, кисти рук уложены на таз. Разрушена нижняя часть позвоночника: часть позвонков смешена в область черепа и правой ноги, лучевая и локтевая кости правой руки найдены в области таза. Вещей нет.

Погребение 26 (уч. Л/26, табл. 11, рис. 15). Женщина, 40–50 лет. Уровень фиксации –30 см. Восточная половина ямы уничтожена оврагом; сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную со слегка закругленными углами форму, вертикальные стенки и сильно покатое в южной части дно, размеры 130 x 78 см, глубину –62 см. В заполнении слой № 2. В центральной части ямы, на глубине –35–60 см, обнаружены остатки сильно разрушенного костяка хорошей сохранности: кости сложены кучно, часть позвонков и ребер разбросана в засыпь. На своде черепа погребенного имеются следы прижизненной травмы в виде глубокого среза. В ЗЮЗ конце ямы найден фрагмент железной вещи (накладки?) (табл. 11–1).

Погребение 27 (уч. И/19, табл. 12). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –40 см. Восточная часть могильной ямы разрушена оврагом; западная ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 108 x 64 см, глубину –75 см. В заполнении слой № 2. В западной половине ямы, на глубине –51–74 см, обнаружены кости погребенного удовлетворительной сохранности. Анатомический порядок скелета нарушен, ориентацию и положение умершего установить невозможно. Кости конечностей отсутствуют. Вещей нет.

Погребение 28 (уч. Ж/20, табл. 11). Ребенок, 2–4 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными торцевыми стенками форму, вертикальные (слегка наклонные) стенки, плоское дно, размеры 124 x 68 см, глубину –34 см. В заполнении слой № 2. На глубине –21–30 см обнаружен костяк ребенка хорошей сохранности. Наблюдалось явное смешение останков к СЗ стенке ямы; череп раздавлен, несколько фаланг пальцев и ребра (?) найдены отдельно, правее костяка. Умерший был уложен на спине, руки вдоль тела, головой на ЮЗ. Вещей нет.

Погребение 29 (уч. Ж/20, табл. 12). Подросток, 12–14 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами и изогнутыми длинными стенками форму, вертикальные (слегка наклонные) стенки, плоское дно, размеры 220 x 62 см. Максимальная глубина –45 см. В заполнении слой № 2. На глубине –26–45 см расчищены остатки деревянной погребальной конструкции размерами: верхнее перекрытие – 191 x 35 см, мощностью 4,0–6,0 см, настил – 165 x 30 см, толщиной до 1,0 см. В границах настила зафиксированы останки умершего хорошей сохранности, поконившегося вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки уложены вдоль тела и плотно прижаты к нему. Между тазовыми костями найден фрагмент железной пряжки с бронзовым язычком (табл. 12–1).

Погребение 30 (уч. ЕЖ/20, табл. 13). Мужчина (?), 50+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму, закругленный ЮЗ торец, изогнутые длинные стенки, скошенный С угол, вертикальные стенки, плоское дно, поникающееся к СВ торцу. Размеры ямы 247 x 71 см, глубина –90 см. В заполнении слой № 2. На глубине –73–80 см обнаружены остатки верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции размерами 180 x 35 см, мощностью 1,0–2,0 см. На дне расчищен костяк хорошей сохранности: погребенный уложен вытянуто на спине,

головой на ЮЗ. Руки умершего согнуты в локтях, кисти сведены вместе на тазовых костях (кость правой руки уложена на пояс, кость левой руки покоятся на тазу). Кости ног сдвинуты плотно в области колен (были связаны?). У левой локтевой кости, в области пояса, найдена железная пряжка (табл. 13–1).

Погребение 31 (уч. ЕЖ/19–20, табл. 14, 15). Женщина (?), 25+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ; имеет подпрямоугольную со слегка закругленными углами форму и скошенную ЗЮЗ стенку, вертикальные стенки, плоское дно, поникающееся к ВСВ торцу (к ногам умершего), размеры 193 x 77 см, глубину –85 см. В заполнении слой № 2. На глубине –48–84 см расчищен костяк хорошей сохранности: умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, плотно прижаты к бедренным костям. Под черепом сохранились остатки деревянной погребальной конструкции размерами 13 x 36 см и мощностью до 1,0 см. В изголовье погребенного, слева, расчищено скопление вещей (ЖК): железная гравна (табл. 15–3–33), железные с бронзовой обмоткой височные подвески (5 экз., табл. 15–3–44–48), стеклянные бусы (8 экз., табл. 15–3–36–43) и бисер с бронзовыми пронизками (77 экз., табл. 14–3–1–16, 18, 19), железная сюльгама (табл. 14–3–26), фрагменты железных предметов (табл. 14–3–20, 21), бронзовая и железная бляшки-накладки (2 экз., табл. 14–3–17, 24), бронзовая подвеска на куске кожи (табл. 14–3–22, 23), бронзовая ажурная накладка (табл. 14–3–25), железные браслеты (2 экз., табл. 15–3–34, 35), фрагменты украшения из бронзовых пронизок с привеской-колокольчиком и привеской из «белого» металла (табл. 15–3–27–29), а также с железными подвесками (табл. 15–3–30–32). Под вещами зафиксирован тлен от берестяной коробочки, в которую были уложены вещи. Под тленом находилась железная пронизка (табл. 14–2), возможно, также входившая в состав жертвенного комплекса. Слева вдоль тела умершего, от плеча к колену, был уложен пояс (табл. 14–1), от которого сохранились бронзовый наконечник (табл. 14–1–1) у плеча, тлен ткани вдоль тела и бронзовая пряжка (табл. 14–1–2) у колена.

Погребение 32 (уч. ГД/19, табл. 12). Мужчина (?), 20–25 лет. Уровень фиксации –30 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, слабо изогнутые (в разрезе вертикальные) стенки, плоское дно, размеры 185 x 75 см. Максимальная глубина –40 см. В заполнении слой № 2. На глубине –36–41 см расчищены кости погребенного хорошей сохранности; анатомический порядок костей сохранился лишь в нижней части посткраниального скелета: позвонки нижнего отдела позвоночника, кости таза, кости ног лежали вытянуто, с некоторым смещением от продольной оси могильной ямы, плечевая и лучевая кости левой руки прижаты к левому бедру, череп находился в Ю углу ямы. Вероятно, умерший был уложен головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 33 (уч. ГД/18–19, табл. 16). Парное: А – мужчина, 45–55 лет; Б – мужчина, 25–35 (?) лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные длинные и слегка наклонные торцевые стенки, плоское дно, размеры 235 x 155 см. Максимальная глубина –44 см. В заполнении слой № 2. В погребении, на глубине –32–43 см, расчищены останки двух индивидов (А и Б). Костяк А хорошей сохранности; был уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела и плотно прижаты к нему. Череп и позвонки шейного отдела позвоночника отклонены вправо. У левой бедренной кости обнаружены две железные пряжки (табл. 16–1, 3) и костяной наконечник стрелы (табл. 16–2). Костяк Б хорошей сохранности; был уложен слева от костяка А, вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Слева от головы найден костяной наконечник стрелы (табл. 16–5), на левой подвздошной кости железная пряжка (табл. 16–4).

Погребение 34 (уч. Д/18, табл. 16). Ребенок, <1 лет. Уровень фиксации –65 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В; имеет прямоугольную с закругленными углами форму,

вертикальные стенки, плоское дно, размеры 45 x 20 см, глубину –67 см. В заполнении слой № 2. На глубине –66 см, в беспорядке, расчищены кости ребенка плохой сохранности; установить ориентацию и позу погребенного не представляется возможным. Вещей нет.

Погребение 35 (уч. 3/19, табл. 16). Ребенок, <5 лет. Уровень фиксации –30 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ; имеет овальную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 90 x 40 см, глубину –37 см. В заполнении слой № 2. На глубине –35–36 см расчищены мелкие кости ребенка плохой сохранности. Умерший, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, положение рук установить невозможно. Вещей нет.

Погребение 36 (уч. 3/18, табл. 17). Женщина, 30–40 лет. Уровень фиксации –60 см. Могильная яма ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, имеет прямоугольную форму с закругленным ССВ торцом и прямой ЮЮЗ стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 190 x 55 см. Максимальная глубина –68 см. Восточная стенка могилы соприкасается с погребением № 38; характер взаимоперекрытия проследить не удалось. В заполнении слой № 2. На глубине –61–68 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ССВ, правая рука слегка согнута в локте, кисть уложена на таз, левая вытянута вдоль тела под тазовой и бедренной костями, кости левой стопы повернуты к левой малоберцовой кости. Вещей нет.

Погребение 37 (уч. Ж/18, табл. 17). Женщина, 35–45 лет. Уровень фиксации –85 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму со скошенным западным торцом и слегка зауженной восточной стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 195 x 60 см, глубину –100 см. В заполнении слой № 2. В восточном конце ямы, на глубине –90 см, обнаружены фрагменты верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции, размерами 35 x 20 см, мощностью до 2,0 см. На глубине –67–99 см расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный первоначально был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, кисти сведены вместе и уложены на правую подвздошную кость. Верхняя часть костяка была потревожена: кости черепа смешены в область левого плеча и грудной клетки погребенного. Вещей нет.

Погребение 38 (уч. 3/18, табл. 17). Ребенок, 1 лет. Уровень фиксации –60 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 45 x 30 см, глубину –62 см. В ЮВ продольной стенке яма соприкасается с погребением № 36, характер взаимоперекрытия обоих погребений проследить не удалось. В заполнении слой № 2. На глубине –60 см обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции мощностью 0,1 см; здесь же расчищены кости младенца плохой сохранности. Умерший, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, положение рук установить невозможно. Вещей нет.

Погребение 39 (уч. ЕЖ/19, табл. 17). Ребенок, возраст не определен. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ; имеет прямоугольную форму с закругленными углами, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 175 x 80 см, глубину –78 см. В заполнении слой № 2. На глубине –75–77 см, со смещением от продольной оси ямы к северо-западной стенке, обнаружены фрагменты погребальной конструкции: деревянный настил, размерами 80 x 20 см, мощностью 0,5–1,0 см и часть боковой доски, толщиной 0,5–1,0 см. На глубине –68–76 см, поверх древесного тлена, расчищены кости ребенка хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, кости рук несколько смешены. Вещей нет.

Погребение 40 (уч. ЕЖ/18–19, табл. 18). Мужчина (?), 18–22 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и вогнутой северной стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 225 x 75 см, глубину –100 см. В заполнении слой № 2. В восточной половине ямы, на глубине –82–97 см, выявлены остатки деревянной погребальной конструкции:

фрагменты верхнего перекрытия, толщиной до 2,0 см и боковых досок высотой 8–12 см, толщиной 2,0 см. На глубине –66–89 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, правая рука вдоль тела, кости левой руки отсутствуют, ноги сведены в области колен (были связаны?). Слева от таза найден бронзовый крючок (табл. 18–2), несколько ниже – фрагменты железного ножа (табл. 18–6), между тазовыми костями – железная пряжка (табл. 18–1), между бедренными костями – бронзовая накладка (табл. 18–3), справа от правой большеберцовой кости, рядом с фрагментом дерева – еще одна железная пряжка (табл. 18–4), у правой ступни – костяной наконечник стрелы (табл. 18–5).

Погребение 41 (уч. ДЕ/19, табл. 18). Подросток, 12–14 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, с небольшим отклонением к Ю; имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 198 x 65 см, глубину –65 см. В заполнении слой № 2. На глубине –52–60 см обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции типа колоды, размерами 145 x 45 см, толщиной 0,5–1,0 см (дно) и 2,0–3,0 см (стенки). На глубине –50–61 см расчищен костяк хорошей сохранности; погребенный уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Справа от черепа обнаружено скопление бисера (189 экз., табл. 18–1), у правого плеча и в области левого локтя – еще 7 экз. стеклянного бисера.

Погребение 42 (уч. ЖЗ/19, табл. 19–21). Женщина, 15–20 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет вытянуто-подтреугольную форму с закругленными в изножье углами, зауженный ЗЮЗ и широкий ВСВ торцы, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 236 x 80 см. Максимальная глубина –98 см. В заполнении слой № 2. На глубине –79–96 см обнаружены фрагменты деревянного настила, размерами 147 x 40 см, толщиной до 1,0 см. На уровне –72–93 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. У головы слева – железная с бронзовой обмоткой височная подвеска (табл. 19–1). На правом плече расчищено скопление вещей (ЖК), в котором обнаружены стеклянные бусы (5 экз., табл. 19–2–1–5) и бронзовые пронизки (3 экз., табл. 19–2–7–9), составлявшие ожерелье, фрагменты железных вещей (табл. 20–2–14), фрагменты железной с бронзовой обмоткой височной подвески (табл. 19–2–6), фрагменты спекшихся железной гравны с железными каплевидными подвесками (табл. 20–2–13), фрагменты железных браслетов (табл. 20–2–11, 12), фрагменты железной пряжки (табл. 20–2–10). Слева, в области груди, находилась бронзовая бабочковидная фибула (табл. 21–3), чуть ниже и правее обнаружены спекшиеся бронзовая накладка и железные каплевидные подвески (не менее 7 экз., табл. 21–4–1, 4–6) с фрагментами железных вещей (табл. 21–4–2, 3) – остатки составного нагрудного шумящего украшения (?).

Погребение 43 (уч. ЖЗ/19, табл. 22). Женщина (?), 50+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и зауженный ВСВ торец (прорезан погребением № 35), вертикальные стенки, плоское дно, размеры 230 x 85 см, глубину –70 см. В заполнении слой № 2. На глубине –63–65 см обнаружены фрагменты верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции, размерами 135 x 35 см, толщиной 2,0 см. На глубине –54–65 см расчищен костяк хорошей сохранности; погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. Справа от черепа расчищено скопление вещей (ЖК): железная сюльгама (табл. 22–4–1) и бисер (62 экз., табл. 22–4–2). У левого плеча найдены фрагменты железной вещи (табл. 22–1), у левого бедра – фрагменты железного ножа (табл. 22–2) и железной пряжки (табл. 22–3).

Погребение 44 (уч. ЖЗ/18–19, табл. 23). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ; имеет подпрямоугольную форму, выгнутые в центральной части длинные стенки и зауженный СВ короткий торец, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 230 x 90 см. Максимальная глубина –78 см. В заполнении

слой № 2. Яма нарушена двумя поздними вкопами: первый зафиксирован в области черепа, трапециевидной формы, размерами 45 x 40 см и глубиной –78 см; второй имеет прямоугольную форму, расположен в центре ямы (в области тазовых костей), размерами 40 x 43 см и глубиной –75 см; в заполнении обоих вкопов слой № 4. На глубине –72–76 см расчищены останки человека удовлетворительной сохранности. Погребенный, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ; в результате перекопов кости верхней части костяка (череп, плечевые, ребра) и таза оказались перемещены. Вещей нет.

Погребение 45 (уч. ГД/18, табл. 23). Парное: А – женщина, 20–25 лет; Б – ребенок, 0–0,5 лет. Уровень фиксации –85 см. Могила ориентирована по линии З–В, с небольшим отклонением к Ю, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 200 x 70 см, глубину –128 см. В заполнении слой № 2. На глубине –108–126 см расчищены останки двух погребенных (А и Б); оба костяка фиксировались несколько смещеными от центральной оси могильной ямы к северной длинной и восточной торцовой стенкам. Костяк А хорошей сохранности, уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Вещей нет. Костяк Б удовлетворительной сохранности; расчищен у правой голени погребенного А, головой на З. Вещей нет.

Погребение 46 (уч. ЗИ/18, табл. 24). Женщина, >50 лет. Уровень фиксации –80 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ; имеет прямоугольную с закругленными углами форму, ЮЗ торцевая стенка закруглена, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 190 x 65 см, глубину –100 см. Длинная ССЗ стенка нарушена погребением № 47. В заполнении слой № 2. На глубине –75–90 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. Кости верхней части посткраниального скелета – правые лопатка, ключица, левые лопатка, ключица, а также ребра – смещены относительно первоначального положения, левая плечевая кость и кости ступней отсутствуют. У правого колена расчищены стеклянная бусина (табл. 24–2) и две бронзовые пронизки (табл. 24–1, 3).

Погребение 47 (уч. ЗИ/18, табл. 24). Пол не определен, 14–18 лет. Уровень фиксации –80 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно. Длинная ЮЮВ стенка нарушает смежное погребение № 46. Размеры ямы 190 x 70 см, глубина –100 см. В заполнении слой № 2. На глубине –90–97 см обнаружены отдельные фрагменты деревянной погребальной конструкции мощностью 0,5–1,0 см. На глубине –82–95 см расчищены кости человека удовлетворительной сохранности, разбросанные по всей яме. Установить положение и ориентацию умершего невозможно. В центре ямы найдены фрагменты железных вещей (табл. 24–1).

Погребение 48 (уч. ЕЖ/19, табл. 25). Мужчина (?), 25–30 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную форму, косо срезанные торцы, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 220 x 80 см, глубину –95 см. На глубине –90–93 см обнаружены фрагменты деревянного настила, размерами 165 x 25 см и мощностью 1,0–2,0 см. В заполнении слой № 2. На глубине –80–94 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. И погребальная конструкция, и костяк фиксировались по центру могильной ямы, но на некотором расстоянии от СВ торцовой стенки таким образом, что оставалось свободное место в изножье погребенного. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки слегка согнуты в локтях, кисти уложены на таз. На костях таза, слева, обнаружена железная пряжка (табл. 25–1).

Погребение 49 (уч. Е/19, табл. 23). Ребенок, <1 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма не фиксировалась. Ориентирована по линии З–В, имела размеры не менее 35 x 20 см, глубину –36 см. В заполнении слой № 2. На глубине –35 см расчищены кости ребенка плохой сохранности; установить ориентацию возможно лишь условно – головой на З. Вещей нет.

Погребение 50 (уч. В/16, табл. 25). Ребенок, 6–8 лет. Уровень фиксации –65 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами

форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 180 x 50 см, глубину –77 см. В заполнении слой № 2. На глубине –65–77 см расчищен костяк хорошей сохранности: уложен в центре довольно свободной могильной ямы, вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. У левой стопы обнаружено скопление вещей (ЖК): просверленная фаланга лошади до 1 года³ (табл. 25–1–6), бисер (3 экз., табл. 25–1–1–3), бронзовое колечко от накладки (табл. 25–1–7), бронзовая пронизка, спекшаяся с железной вещью (табл. 25–1–4, 5).

Погребение 51 (уч. ВГ/16, табл. 26). Женщина (?), 25–35 (?) лет. Уровень фиксации –65 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 210 x 95 см, глубину –104 см. В заполнении слой № 2. В северной половине ямы, на глубине –100–103 см, обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции (настила), размерами 145 x 6–8 см, в виде тлена мощностью 1,0–2,0 см. Выше тлена, на глубине –89–103 см, расчищен костяк хорошей сохранности; погребенный уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, правая рука несколько откинута в сторону. Яма имела заметно большие размеры, нежели антропометрические особенности погребенного: костяк фиксировался смещением к восточной торцовой стенке так, что между противоположной стенкой и головой умершего имелось свободное пространство. Вещей нет.

Погребение 52 (уч. Г/16–17, табл. 26). Женщина (?), 40+ лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подтрапециевидную форму с закругленными углами (короткий ЗЮЗ торец ямы заужен), вертикальные стенки, плоское дно, размеры 205 x 75 см, глубину –105 см. В заполнении слой № 2. На глубине –80–103 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Верхняя часть костяка разрушена, часть костей (череп, ребра, позвонки, правая плечевая, ключица) отсутствуют. Судя по сохранившимся тазовым и длинным костям конечностей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, ноги соприкасаются в области колен. Вещи в погребении отсутствуют.

Погребение 53 (уч. ГД/17, табл. 27, 28). Женщина (?), 35–45 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно. ВСВ торцевая стенка разрушена грабительской траншеей. Размеры сохранившейся части ямы 230 x 110 см, глубина –139 см. В заполнении слой № 2. На глубине –133–138 см обнаружен деревянный настил прямоугольной формы, размерами 155 x 50 см и толщиной 1,0–2,0 см. На глубине –125–135 см, поверх настила, расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен с некоторым смещением от центральной оси ямы, вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, правая рука вытянута и слегка откинута, левая – согнута в локте, кисть уложена на таз. У правой плечевой кости обнаружены фрагменты железной пряжки (табл. 27–1). В ногах, слева, расчищено скопление вещей (ЖК): бисер (222 экз., табл. 28–2–1), пястная кость овцы возрастом около 12 месяцев (табл. 28–2–11), железные с бронзовой обмоткой височные подвески (2 экз., табл. 28–2–4, 7), бронзовые пронизки (2 экз., табл. 28–2–2, 3), спекшиеся железные вещи с фрагментами цепочки (табл. 28–2–9, 10), фрагменты железной сюльгамы (табл. 28–2–6), железное шило с деревянной рукоятью (табл. 28–2–8) и железная подвеска с фрагментом бронзовой вещи в центре (табл. 28–2–5).

Погребение 54 (уч. ГД/17, табл. 29). Женщина, 20–25 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную со слегка закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 210 x 65 см, глубину –104 см. В заполнении слой № 2. На глубине –87–102 см расчищен костяк хорошей сохранности; погребенный уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. У левой стопы найдены фрагменты железных с бронзовой обмоткой височных подвесок (3 экз., табл. 29–

³ Определение костных останков животных выполнено к.б.н. П.А. Косинцевым (г. Екатеринбург).

1–3), ниже, в ногах, между стоп, – скопление вещей (ЖК): бисер (260 экз., табл. 29–5–7), стеклянная бусина (табл. 29–5–1), железные накладки (4 экз., табл. 29–5–3–6), бронзовая пронизка (табл. 29–5–2). В засыпке могильной ямы, на глубине –83 см, обнаружена железная пряжка (табл. 29–4).

Погребение 55 (уч. ДЕ/15–16, табл. 30). Мужчина (?), 20–25 лет. Уровень фиксации –30 см. ЗЮЗ половина ямы разрушена грабительской траншееей; сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 170 x 90 см, глубину –77 см. В заполнении слой № 2. На глубине –75 см обнаружены разрозненные фрагменты деревянной погребальной конструкции мощностью 1,0–3,0 см. На глубине –63–75 см расчищены кости таза, длинные кости рук и ног плохой сохранности. Все кости перемещены, установить ориентацию и положение умершего невозможно. Вещей нет.

Погребение 56 (уч. ДЕ/16–17, табл. 30). Женщина (?), 30+ лет. Уровень фиксации –30 см. ЮЗ торец могильной ямы разрушен грабительской траншееей до уровня –80 см. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную со слегка закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 200 x 80 см, глубину –90 см. В заполнении слой № 2. На глубине –83–85 см расчищен костяк хорошей сохранности (не сохранились лишь череп и ключицы); погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Вещей нет.

Погребение 57 (уч. 3/16, табл. 30). Ребенок, <0 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма не зафиксирована, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Размеры определены условно: 80 x 30 см, глубина –33 см; впущено в погребение № 60. В заполнении слой № 2. На уровне фиксации расчищен костяк плохой сохранности; погребенный, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 58 (уч. И/17, табл. 31). Женщина, 25–30 лет. Уровень фиксации –30 см. ВСВ часть могильной ямы обрушилась в овраг; сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму (юго-восточная длинная стенка выгнута), вертикальные стенки, плоское дно; размеры 220 x 95 см, глубину –79 см. В заполнении слой № 2 с угольками. На глубине –60–76 см расчищен костяк хорошей сохранности, смещенный к длинной ССЗ стенке достаточно обширной погребальной камеры. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела (плотно прижаты к нему). Слева от черепа найдена железная гравюра (табл. 31–1).

Погребение 59 (уч. ДЕ/15, табл. 32). Мужчина (?), 20+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 220 x 70 см, глубину –94 см. ЗЮЗ торцевая стенка ямы в верхней части нарушена грабительской траншееей до уровня –70 см. В заполнении слой № 2. На глубине –90–93 см обнаружены фрагменты деревянного настила, размерами 190 x 45 см, толщиной 1,0–2,0 см. На уровне –73–92 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности, верхняя часть которого разрушена грабителями. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая рука сохранила свое расположение вдоль тела. В погребении найдены: пряжка с железной рамкой и бронзовой задней пластиной (табл. 32–2) в области предполагаемого черепа, фрагменты железных вещей (табл. 32–1) слева от костей таза, три костяных наконечника стрел (табл. 32–3–5) между стопами.

Погребение 60 (уч. ЗИ/16, табл. 33). Мужчина, 25–50 лет. Уровень фиксации –50 см. ЗЮЗ половина могильной ямы разрушена грабительской траншееей; сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 155 x 90 см, глубину –85 см. В центральной части ямы зафиксировано впускное погребение № 57. В заполнении слой № 2. На глубине –78–85 см расчищен костяк хорошей сохранности; верхняя часть разрушена грабителями,

кости левой стопы отсутствуют. Судя по сохранившимся длинным костям, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела, левая стопа отсутствует. Ниже кисти левой руки, у левого бедра, расчищены фрагменты железного ножа с костяной рукоятью (табл. 33–2), острием к ногам, еще ниже – железный колчанный крючок (?) (табл. 33–1).

Погребение 61 (уч. Е/16, табл. 32). Женщина (?), 15–18 (?) лет. Уровень фиксации могилы –30 см. ВСВ торец могильной ямы нарушен грабительской траншееей, сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 175 x 75 см. Максимальная глубина –82 см. В заполнении слой №2. На глубине –72–82 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности (позвонки и часть ребер не сохранились, больше-, малоберцовые кости и стопы разрушены траншееей). Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. В изголовье погребенного, на глубине –78–80 см, обнаружены разрозненные фрагменты дерева от погребальной конструкции, толщиной 1,0–2,0 см. В области груди, ниже левой лопатки, найдена железная пряжка (табл. 32–1).

Погребение 62 (уч. ЕЖ/16–17, табл. 33). Ребенок, 10–12 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет овальную с зауженным западным торцом форму, вертикальные стенки, плоское дно. Часть южной длинной стенки погребения уничтожена грабительской траншееей. Сохранившиеся размеры 205 x 60 см, глубина –64 см. В заполнении слой № 2. На глубине –57–63 см, в центре могильной ямы, но с незначительным смещением к северной стенке, расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Смещены кости черепа, правой руки, правой половины туловища, таза. Судя по сохранившимся костям нижних конечностей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З, левая рука вдоль тела. Вещей нет.

Погребение 63 (уч. ЕЖ/16, табл. 34). Мужчина, 40+ лет. Уровень фиксации –50 см. Большая часть могильной ямы разрушена грабительской траншееей. Сохранившаяся восточная часть ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные, слегка наклонные стенки, плоское дно. Размеры могильной ямы: 170 x 90 см, глубина –69 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы сохранились фрагменты тлена деревянной погребальной конструкции толщиной до 2,0 см. На глубине –63–69 см расчищены остатки костяка удовлетворительной сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З, левая рука вдоль тела. Возле правого колена найдены фрагменты керамики, у левой малоберцовой кости и под левой стопой – костяные наконечники стрел (3 экз., табл. 34–1–3).

Погребение 64 (уч. ЖЗ/17, табл. 34). Пол не определен, 25–40 лет. Уровень фиксации –45 см. Восточная половина погребения уничтожена грабительской траншееей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 80 x 65 см, глубину –50 см. В заполнении слой № 2. На глубине –45–50 см расчищена верхняя часть костяка вместе с черепом хорошей сохранности. Погребенный, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на З, левая плечевая кость вдоль тела. Около пятого шейного позвонка найдена подвеска из позвонка рыбы (табл. 34–4).

Погребение 65 (уч. ЗИ/16–17, табл. 35). Женщина, возраст не определен. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную со слегка закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 230 x 70 см. Максимальная глубина –96 см. В заполнении слой № 2. В придонной части погребения, на глубине –90–95 см, расчищены фрагменты дерева от верхнего перекрытия и настила погребальной конструкции, размерами 190 x 40 см, толщиной 2,0–3,0 см. На глубине –87–95 см, в границах тлена, расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный

был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. У левой плечевой кости найден фрагмент железного ножа (табл. 35–2), в области грудной клетки, слева – бронзовая пряжка (табл. 35–3), у правой лучевой кости – раздробленные кости мелкого грызуна⁴ (табл. 35, № 4), на тазовой кости – бронзовая рамка от пряжки с остатками железного язычка (?) (табл. 35–1).

Погребение 66 (уч. ЖЗ/17–18, табл. 36). Парное: А – женщина (?), 30–40 лет; Б – мужчина, >50 лет. Уровень фиксации –60 см. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет прямоугольную форму, скошенный и закругленный восточный угол, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 310 x 90 см, глубину –116 см. В заполнении слой № 2. На глубине –90–115 см расчищено 2 костяка. Умершие были уложены головами в противоположные стороны, «валетом». Костяк А хорошей сохранности; покоялся вытянуто на спине, головой на СВ, руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях, правая рука откинута, ноги смещены к ЮВ стенке (вероятно, сдвинуты при захоронении второго умершего). Слева у головы и возле левой плечевой кости найдены фрагменты железных вещей (табл. 36–1, 2). Костяк Б также хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях и откинуты в стороны, кости левой стопы налегают на кисть правой руки погребенного А, кости правой стопы – на его правую подвздошную кость. Возле левой малоберцовой кости найдены костяные наконечники стрел (2 экз., табл. 36–3, 4). На дне ямы, рядом с обоими костяками, обнаружены небольшие фрагменты тлена деревянной погребальной конструкции, толщиной 2,0–3,0 см.

Погребение 67 (уч. З/16, табл. 35). Ребенок, <0 лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 115 x 50 см. Максимальная глубина –60 см. В заполнении слой № 2. На глубине –57–59 см, с заметным смещением в восточную половину могильной ямы, расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 68 (уч. И/16–17, табл. 34). Мужчина, 40+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленным ВСВ торцом форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 235 x 65 см, максимальную глубину –43 см. В заполнении слой № 2 (с угольками). На глубине –30–42 см выявлены фрагменты деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы: продольные и верхняя поперечная доски высотой 12–13 см и толщиной 2,0–3,0 см. На глубине –32–43 см расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, череп завалился на правую сторону, руки вдоль тела. Вещей нет.

Погребение 69 (уч. ЕЖ/16–17, табл. 37). Женщина (?), 25–35 лет. Уровень фиксации –60 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленным ЮВ углом форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 260 x 120 см. Максимальная глубина –93 см. В заполнении слой № 2. СЗ угол погребения разрушен грабительской траншеей. На глубине –83–89 см зафиксированы остатки деревянной погребальной конструкции (продольная и поперечная боковые доски), мощностью 2,0–3,0 см. На уровне –79–92 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Вещей нет.

Погребение 70 (уч. ЕЖ/17, табл. 37). Мужчина, >55 лет. Уровень фиксации –60 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленным северным углом форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 245 x 90 см, глубину –84 см. В заполнении слой № 2. На глубине –76–83 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, череп повернут влево, руки вдоль

⁴ Определены несколько позвонков, остальные кости сильно размозжены (анализ выполнен к.б.н. В.И. Капитоновым, УдГУ).

тела, кисть левой руки отсутствует. Под правой малоберцовой костью найдена железная сюльгама (табл. 37–1).

Погребение 71 (уч. 3/15, табл. 36). Пол, возраст не определены. Уровень фиксации –50 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму с закругленными Ю и З углами, вертикальные стенки, плоское дно. Восточный торец разрушен погребением № 72. Сохранившиеся размеры ямы – 140 x 70 см, глубина –71 см. В заполнении слой № 2. На дне, в ЮЗ части погребения, зафиксированы фрагменты деревянной погребальной конструкции, толщиной 2,0 см. На ней, на глубине –67–71 см, расчищены длинные кости погребенного удовлетворительной сохранности. Установить положение и его ориентацию невозможно. Вещей нет.

Погребение 72 (уч. ЗИ/16, табл. 38). Мужчина (?), 40+ лет. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ; имеет прямоугольную с закругленными углами форму, СВ торец заужен, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 230 x 75 см. Максимальная глубина –105 см. В заполнении слой № 2. На глубине –96–104 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. У левой стопы найдены костяные наконечники стрел (5 экз., табл. 38–1–5).

Погребение 73 (уч. ГД/5–6, табл. 39). Мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с выгнутой наружу длинной СЗ стенкой и закругленным С углом, вертикальные стенки и плоское дно; ЮВ стенка в центральной части нарушена погребением № 74. Размеры ямы – 260 x 70 см, глубина –78 см. В заполнении слой № 2. На глубине –68–71 см зафиксированы фрагменты деревянного настила толщиной 0,5 см. Поверх тлен, на глубине –57–70 см, расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ (череп повернут влево), руки вдоль тела. На тазу найдена железная пряжка (табл. 39–1), чуть выше, на пояске – железный колчанный крючок (табл. 39–2), слева от таза – железный нож с костяной рукоятью (табл. 39–3).

Погребение 74 (уч. Г/6, табл. 38). Ребенок, 5–6 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами и зауженным СВ торцом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 150 x 45 см, глубину –36 см. В заполнении слой № 2. В засыпке центральной части могильной ямы, на глубине –30 см, зафиксировано пятно угля размерами 10 x 20 см, мощностью 1,0 см. Вблизи юго-восточной длинной стенки ямы, на глубине –32–34 см, расчищены остатки костяка плохой сохранности. Погребенный, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Справа в изголовье находилось скопление вещей (ЖК): 4 стеклянных бусины (табл. 38–1–2–5) и бронзовая височная подвеска (табл. 38–1–1).

Погребение 75 (уч. ГД/6–7, табл. 40). Женщина, 20–25 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 220 x 90 см, глубину –52 см. В заполнении слой № 2. На глубине –42–51 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, чуть согнуты в локтях, ноги слегка сведены в коленях, стопы подвернуты внутрь. Вещей нет.

Погребение 76 (уч. ДЕ/6, табл. 40). Пол не определен, 14–18 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами и расширением в ЗЮЗ половине, выгнутую ССЗ стенку и скошенные торцы, вертикальные стенки и плоское дно. Размеры ямы – 185 x 70 см, глубину –86 см. В заполнении слой № 2. На глубине –77–86, со сдвигом к ЗЮЗ торцовой стенке, зафиксированы остатки коры от погребальной конструкции прямоугольной формы, размерами 145 x 40 см и толщиной 0,5 см. На глубине –75–85 см, в границах

тлена, расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. Слева от таза найден железный нож (табл. 40–1).

Погребение 77 (уч. Е/14–15, табл. 41). Женщина (?), 20+ лет. Уровень фиксации –90 см. ЗЮЗ край могилы разрушен грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 150 x 60 см. Максимальная глубина –96 см. В заполнении слой № 2. На глубине –94–95 зафиксированы остатки деревянной погребальной конструкции типа колоды, размерами 115 x 45 см и толщиной тлена 1,0 см. В ней, на глубине –92–95 см, расчищены остатки костяка удовлетворительной сохранности (кости таза и ног). Судя по ним, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Вещей не найдено.

Погребение 78 (уч. ДЕ/5–6, табл. 41). Мужчина, 18–22 года. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением к Ю, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и скощенными к Ю торцами, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 265 x 70 см, глубину –74 см. Южная стенка частично нарушена погребением № 81. В заполнении слой № 2. На глубине –65–67 см, в центре ямы, зафиксированы остатки деревянной погребальной конструкции толщиной 1,0–2,0 см. В ее границах, на глубине –62–74 см, расчищен костяк хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З (череп отсутствовал), руки вдоль тела. В правой подвздошной кости застрял костяной наконечник стрелы, который, вероятно, послужил причиной смерти индивида. У правой плечевой кости и у правой бедренной кости найдены железные пряжки (2 экз., табл. 41–5, 6), на тазовых костях – крупная стеклянная бусина (табл. 41–7), на левой подвздошной кости – железный нож (табл. 41–9), под костями таза – костяное изделие (пронизка?) (табл. 41–8), возле левой стопы – костяные наконечники стрел (4 экз., табл. 41–1–4).

Погребение 79 (уч. ЖЗ/16, табл. 42). Мужчина, >55 лет. Уровень фиксации –60 см. Восточная половина могильной ямы разрушена грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами и расширением в средней части длинных стенок форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 155 x 80 см. Максимальная глубина –86 см. В заполнении слой № 2. На глубине –77–86 см расчищен костяк хорошей сохранности, но без нижней половины (сохранилась лишь левая бедренная кость). Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела (в положении *in situ* сохранилась только левая рука). У левой плечевой кости, снаружи, найдена железная пряжка (табл. 42–1).

Погребение 80 (уч. ДЕ/6–7, табл. 42). Ребенок, 7–12 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с искривленными продольными стенками и закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 205 x 50 см, глубину –64 см. В заполнении слой № 2. На глубине –42–64 см, в ЗЮЗ половине ямы, расчищен костяк хорошей сохранности: погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. Справа, в области грудной клетки и на поясце найдены две железные пряжки (табл. 42–2, 3).

Погребение 81 (уч. ГД/6–7, табл. 43, 44). Тройное: А – женщина, 40–50 лет; Б – ребенок, 8–10 лет; В – ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –40 см. При снятии пахотного слоя над могильной ямой, на глубине –20 см, обнаружен фрагмент деревянной конструкции (хвойная порода⁵), толщиной 10 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, со слегка изогнутыми продольными стенками, в разрезе вертикальные стенки, плоское дно, размеры 315 x 90 см. Максимальная глубина –49 см. Восточная стенка ямы слегка нарушена погребением № 76. В заполнении слой № 2. На глубине –29–49 см расчищены три лежавших в ряд костяка. Костяк А

⁵ Определение д.б.н. О.Г. Барановой, УдГУ.

удовлетворительной сохранности: погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая рука вдоль тела, правая рука согнута в локте, кисть уложена на таз; смещены от первоначального положения кости правой ноги, левые берцовые и стопы. Вещей нет. На месте сдвинутых бедренных костей костяка А лежал костяк Б хорошей сохранности; погребенный уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая рука вдоль тела, правая рука согнута в локте и кисть уложена на таз. Слева от черепа костяка Б стоял глиняный сосуд (табл. 44–1), справа – железная гривна с бронзовой обмоткой (табл. 44–3). На поясе найдена бляшка-накладка (табл. 44–2), в ногах – предмет кольчужного плетения, спекшийся с бронзовыми пронизками-уточками (5 экз.), бронзовой витой пронизкой, лапчатой и височной подвесками (табл. 43–1–1–9) (скопление вещей, либо остатки составного украшения – накосника / нагрудного украшения?). В ЮВ углу могилы, на глубине 40–49 см, расчищены фрагменты черепа и костей еще одного ребенка плохой сохранности (костяк В); положение и ориентацию костяка установить невозможно. Вещей нет.

Погребение 82 (уч. 3/15, табл. 45). Мужчина, 45–55 лет. Уровень фиксации –40 см. ЗЮЗ торец могильной ямы разрушен грабительской траншеей; сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 210 x 90 см, глубину –93 см. В заполнении слой № 2. На глубине –85–92 см зафиксированы остатки деревянной погребальной конструкции в виде настила прямоугольной формы, размерами 190 x 50 см, толщиной тлена 1,0–1,5 см и бруска продольной стенки, толщиной 5,0–10,0 см. На глубине –87–92 см, в границах тлена, расчищен костяк хорошей сохранности; от черепа сохранились лишь следы тлена. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая рука вдоль тела. Слева у плеча найден наконечник ремня с фрагментами ткани (табл. 45–7), на тазу лежала железная пряжка (табл. 45–6), в области левой подвздошной кости расчищен железный нож (табл. 45–8), слева от таза – фрагмент наконечника стрелы из яшмовидной гальки (определение к.и.н. Т.А. Цыгвинцевой) (табл. 45–4), возле левого колена – железная вещь (табл. 45–5), возле левой стопы – три костяных наконечника стрел (табл. 45–1–3).

Погребение 83 (уч. ГД/15–16, табл. 46). Мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –80 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с выгнутой наружу длинной ССЗ стенкой форму, в разрезе – вертикальные стенки, плоское дно. Размеры ямы – 225 x 110 см, глубина –90 см. В заполнении слой № 2. На глубине –85–88 см зафиксированы остатки деревянного настила прямоугольной формы, размерами 165 x 55 см, толщиной 0,5 см. На глубине –81–88 см, поверх тлена, расчищен костяк плохой сохранности (частично сохранились кости верхних и нижних конечностей, ребра). Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ (часть костей черепа смещена в ЗСЗ угол погребения), положение рук установить невозможно. У левого плеча найдены фрагменты железной пряжки (табл. 46–3), ниже, в области грудной клетки, слева – стеклянная бусина (табл. 46–2), у левой берцовой кости – фрагменты железного ножа (табл. 46–1).

Погребение 84 (уч. Г/15, табл. 44). Ребенок, 1–1,5 лет. Уровень фиксации –30 см. Восточный край могильной ямы разрушен грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 120 x 40 см. Максимальная глубина –72 см. В заполнении слой № 2. В центральной части ямы, на глубине –64–72 см, расчищен костяк ребенка хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Слева у черепа найдена бронзовая пряжка (табл. 44–1), под ней – фрагменты железных вещей (табл. 44–2).

Погребение 85 (уч. ЕЖ/15, табл. 44). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –40 см. ЗЮЗ конец могильной ямы разрушен грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры

30 x 20 см, глубину –45 см. В заполнении слой № 2. На уровне фиксации ямы расчищены остатки деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы, размерами 26 x 15 см, толщиной 0,5–1,0 см. Поверх тлены найден костяк плохой сохранности (только кости ног). Вероятно, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 86 (уч. Д/15, табл. 46). Пол не определен, 40+ лет. Уровень фиксации –70 см. Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную со слегка скошенным восточным краем форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 95 x 60 см. Максимальная глубина –74 см. В заполнении слой № 2. На глубине –70–73 см расчищены остатки частично обугленного дерева погребальной конструкции, имевшей форму ящика с «ручками», мощностью тлены 1,0 см. Внутри конструкции (на нижнем тлене), на уровне –70–73 см, обнаружены кости ног (берцовые и стопы) хорошей сохранности, уложенные в анатомическом порядке, по линии З–В. Вещей нет.

Погребение 87 (уч. И/14–15, табл. 46). Ребенок, 2–4 лет. Уровень фиксации –50 см. Очертания могильной ямы не зафиксированы; ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела размеры не менее 120 x 28 см, глубину –66 см. В заполнении слой № 2. На глубине –51–66 см расчищен костяк ребенка хорошей сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, с легким поворотом влево, руки вдоль тела, кисти уложены на таз. Вещи в погребении отсутствовали.

Погребение 88 (уч. Ж/18, табл. 46). Ребенок, <1 лет. Уровень фиксации –72 см. Очертания могильной ямы не фиксировались; была ориентирована в направлении З–В; условные размеры – 105 x 50 см, глубина –82 см. В заполнении слой № 2. В западной и восточной частях ямы, на глубине –72–82 см, расчищены разрозненные кости ребенка удовлетворительной сохранности. Судя по расположению костей черепа, погребенный, вероятно, был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Вещей нет.

Погребение 89 (уч. ВГ/10, табл. 47–49). Женщина, 18–20 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма прямоугольной формы, с закругленным северным углом и слегка скошенной СВ торцовой стенкой, ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имела вертикальные стенки и плоское дно, размеры 213 x 80 см, глубину –41 см. В заполнении слой № 2. На глубине –26–39 см обнаружены останки погребенного, слегка смещенные от центральной оси к ЮВ борту ямы. Кости хорошей сохранности, с легким нарушением анатомического порядка: левая лопатка и позвонок находились за черепом, часть ребер – в области таза и между бедренными костями умершего. Погребенный уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЮЗ. Слева на черепе расчищены бронзовые пронизки (7 экз.; табл. 47–1–7), на костях левого плеча – железная пряжка (табл. 47–8). У костей левой стопы выявлено скопление вещей (ЖК) (табл. 47–49): железная гривна с привесками (табл. 48–9–5), биметаллическая бабочковидная фибула (табл. 48–9–6), фрагменты височных подвесок (3 экз.; табл. 48–9–3, 4, 7), железный браслет (табл. 47–9–2) и фрагменты предмета кольчужного плетения (табл. 47–9–1).

Погребение 90 (уч. БВ/11, табл. 50). Ребенок, 0,5 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 80 x 42 см, глубину –28 см. В заполнении слой № 2. На глубине –20–27 см был расчищен детский костяк удовлетворительной сохранности, сдвинутый от центральной оси к северо-западному борту погребения. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на СВ. На правой берцовой кости найдена бронзовая пронизка (табл. 50–1).

Погребение 91 (уч. БВ/11, табл. 51). Женщина, 40–55 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленной ЮЗ торцовой стенкой форму, размеры 276 x 113 см, глубину –60 см. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. В могилу частично впущено детское погребение № 104. В заполнении слой № 2. На глубине –39–59 см расчищен костяк хорошей сохранности,

смещенный от центральной оси к северо-западному борту ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела – левая вдоль тела, правая несколько откинута в сторону. В изголовье обнаружено скопление вещей (ЖК), в состав которого входили две височные подвески (табл. 51–1–2, 3), фрагменты железной фибулы (табл. 51–1–1) и стеклянная бусина, рассыпавшаяся при расчистке. В области таза найдены железная пряжка (табл. 51–2) и железный нож (табл. 51–3).

Погребение 92 (уч. БВ/10, табл. 50). Ребенок, 0 лет (плод). Уровень фиксации –15 см. Могильная яма не прослежена; форма (прямоугольная) и размеры (около 72 x 37 см) определены условно. Была ориентирована по линии ЮЗ–СВ; максимальная глубина –20 см. В заполнении слой № 2. Остатки костяка удовлетворительной сохранности, расчищенные на глубине –13–18 см, в целом, сохранили анатомический порядок. Умерший был уложен на спине, головой на ЮЗ, руки, вероятно, находились вдоль тела. Вещей не обнаружено.

Погребение 93 (уч. В/11–12, табл. 50). Ребенок, 9–11 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленным СВ углом форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 190 x 70 см. Максимальная глубина –75 см. В заполнении слой № 2. На уровне –49–74 см был расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности, слегка смещенный от центральной оси к ЮВ борту ямы. Умерший был уложен на спине, головой на ЮЗ, руки раздвинуты в стороны и согнуты в локтях. В области левого плеча найдена железная пряжка (табл. 50–3), в области таза – еще одна железная пряжка (табл. 50–1) и железный нож (табл. 50–2).

Погребение 94 (уч. В/11–12, табл. 52). Ребенок, 2–4 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму с несколько зауженным ЮЗ торцом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 192 x 80 см, глубину –52 см. В заполнении слой № 2. На уровне –29–43 см, вдоль юго-восточного борта ямы, расчищена верхняя крышка деревянной погребальной конструкции, прямоугольной в плане и корытообразной в профиле формы, размерами 125 x 25 см, толщиной тлена до 1,5 см. Под ней, на глубине –45–51 см, находился детский костяк удовлетворительной сохранности и остатки тлена нижней части деревянной погребальной конструкции, толщиной 0,1 см. Останки были смещены от центральной оси ямы к ЮВ борту. Умерший уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В области шеи найдена железная пряжка (табл. 52–1), на груди – каплевидная подвеска (табл. 52–4), на тазу – фрагменты железных вещей (табл. 52–2, 8), бронзовая бляшка-накладка (табл. 52–5), железный наконечник ремня (табл. 52–7) и железный нож (табл. 52–9), еще одна железная пряжка находилась в области левой стопы (табл. 52–3). В области левой руки обнаружен железный браслет (табл. 52–6).

Погребение 95 (уч. ВГ/14, табл. 53). Женщина, 40–50 лет. Уровень фиксации –50 см. СВ часть ямы впущена в погребение № 150. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с несколько зауженным СВ концом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 207 x 60 см. Максимальная глубина –83 см. В заполнении слой № 2. На уровне –68–83 см расчищен костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси к ЮВ борту ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ; правая рука вдоль тела, левая слегка согнута в локте и уложена на таз, ноги сведены вместе. На костях левого плеча найдена железная пряжка (табл. 53–2). В ногах, рядом с левой стопой, расчищено скопление вещей (ЖК). В его составе: бисер (34 экз., табл. 53–1–1), железная сюльгама (табл. 53–1–3) и железные шилья (табл. 53–1–2, 4).

Погребение 96 (уч. Б/11, табл. 53). Ребенок, 0 лет (плод). Уровень фиксации –20 см. Очертания могилы зафиксированы условно: подпрямоугольной формы со скошенным ЮЗ торцом и выгнутой СЗ стенкой, размеры 80 x 43 см, глубина –24 см. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В заполнении слой № 2. На глубине –21–23 см расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности, смещенный от центра ямы в южный сектор: вытянуто на

спине, головой на ЮЗ, правая рука слегка согнута в локте и уложена вдоль тела. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 97 (уч. БВ/11–12, табл. 54). Мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 228 x 73 см. Максимальная глубина –55 см. Длинная ЮВ стенка нарушена погребением № 98. В заполнении слой №2. В СВ конце ямы, на глубине –50–54 см, выявлены остатки деревянной погребальной конструкции, вероятно, прямоугольной формы. Ее сохранившиеся размеры 45 x 20–30 см, толщина тленна до 5,0 см. На глубине –22–23 см расчищен костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки чуть согнуты в локтях и уложены на таз. В области таза, справа, найдена железная пряжка (табл. 54–3), на тазовых костях – железный нож (табл. 54–4), рядом с костями левой стопы – два костяных наконечника стрел (табл. 54–1, 2).

Погребение 98 (уч. БВ/12, табл. 55). Мужчина, 20–30 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с расширением в СВ торцовой стенке форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 240 x 89 см, глубину –65 см. СЗ длинной стенкой могила нарушила погребение № 97; СВ торцевой стенкой смыкается с погребением № 94. В заполнении слой № 2. На уровне –42–57 см расчищен тлен деревянной погребальной конструкции (верхнее перекрытие) прямоугольной формы, размерами 200 x 60 см, толщиной 0,5 см; в юго-западной части заметны явно выраженные «ручки». Костяк хорошей сохранности зафиксирован в центре ямы, на уровне –42–64 см, на тлене от нижней деревянной погребальной конструкции, размерами 193 x 45 см и толщиной 0,5 см. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, кисти уложены на таз. На тазовых костях, справа, найдена железная пряжка (табл. 55–1), справа от таза – железный нож (табл. 55–5), между костями стоп найдены три костяных наконечника стрел (табл. 55–2–4).

Погребение 99 (уч. ВГ/13–14, табл. 54). Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму со слегка скошенным СВ и округлым ЮЗ торцами, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 125 x 44 см. Максимальная глубина –33 см. В заполнении слой № 2. Останки умершего и вещи отсутствовали.

Погребение 100 (уч. В/13, табл. 54). Ребенок, 0 лет (плод). Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 105 x 40 см. Максимальная глубина –52 см. В заполнении слой № 2. На глубине –47–51 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности, смещенный от центральной оси в СЗ половину ямы. Судя по анатомическому порядку костей, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, сохранившаяся левая рука слегка согнута в локте. Вещи не обнаружены.

Погребение 101 (уч. ВГ/13, табл. 56). Женщина, 25–35 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную со слегка закругленными углами форму, размеры 243 x 68 см, глубину –82 см. Стенки ямы вертикальные, плавно переходят в плоское дно. В заполнении слой № 2. На уровне –53–75 см расчищен костяк хорошей сохранности, сдвинутый от центральной оси к ЮВ борту могильной ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела (плотно прижаты к нему), кисти рук уложены на таз. Вещи не обнаружены. В области грудной клетки и правой плечевой кости сохранился небольшой фрагмент деревянной погребальной конструкции, размерами 18 x 7 см, мощностью 0,5 см.

Погребение 102 (уч. В/12–13, табл. 57). Женщина, 45–55 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную со скошенной ЮЗ торцовой стенкой форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 235 x 85 см.

Максимальная глубина –75 см. В заполнении слой № 2; на уровне фиксации ямы, в ее СЗ половине, выявлено пятно слоя № 2а неправильной формы, размерами 190 x 45 см, глубиной до 25 см. На уровне –52–74 см, вплотную к СЗ борту ямы, был расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. У костей правой стопы, на тлене прямоугольной формы (от ёмкости?), найдено скопление вещей (ЖК): фрагменты бронзовой височной подвески (табл. 57–1–1), бронзовая бабочковидная фибула (табл. 57–1–3) и железный нож с остатками деревянной рукояти (табл. 57–1–2).

Погребение 103 (уч. З/14, табл. 56). Ребенок, 0,5–1 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет подпрямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 75 x 45 см, глубину –40 см. В заполнении слой № 2. На уровне –35–39 см, в северо-восточном сегменте ямы, найдены кости ребенка плохой сохранности: остатки черепа и трубчатые кости, судя по которым умерший был уложен головой на СВ. В противоположном углу ямы, на глубине –39 см, были расчищены фрагменты тлена деревянной погребальной конструкции, размерами 25 x 7 см и мощностью до 0,1 см. Вещи не обнаружены.

Погребение 104 (уч. В/11, табл. 58). Ребенок, <3 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма не фиксировалась, условные размеры – не менее 58 x 38 см, максимальная глубина –30 см. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ; частично впущена в погребение № 91. В заполнении слой № 2. На уровне –20–29 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен на спине, головой на ЮЗ. Слева у черепа найден глиняный сосуд (табл. 58–3), в ногах расчищено скопление вещей (ЖК), состоявшее из фрагментов железной пряжки (табл. 58–1), бронзовых пронизок (18 экз.) с бусиной (табл. 58–2).

Погребение 105 (уч. ЗИ/13–14, табл. 58, 59, рис. 18). Женщина, 30–40 лет. Уровень фиксации –30 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 245 x 65 см, глубину –98 см. В заполнении слой № 2. На глубине –85–95 см расчищен костяк хорошей сохранности, но с легким нарушением костей скелета (к черепу, бедрам и малоберцовой кости смещены фаланги пальцев; в границах скопления вещей обнаружен зуб человека, табл. 59). Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях и уложены на таз, ноги слегка подогнуты в коленях. Справа у черепа обнаружено скопление вещей (ЖК), включавшее бронзовую гривну (табл. 59–2–5), височную подвеску (табл. 59–2–6), глиняный сосудик (табл. 59–2–4), железную сюльгаму (табл. 59–2–3) и фрагменты железных вещей (2 экз.; табл. 59–2–1, 2). Под вещами зафиксированы небольшие фрагменты древесины толщиной до 0,2 см, сохранившиеся от деревянной ёмкости (?), в которую были помещены перечисленные вещи. Слева у черепа найдена еще одна железная пряжка (табл. 58–1).

Погребение 106 (уч. ЖЗ/14–15, табл. 60, 61). Мужчина (?), 50+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 235 x 100 см, глубину –93 см. В заполнении слой № 2. На уровне –82–84 см расчищена верхняя крышка деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы, размерами 200 x 65 см, толщиной до 2,0 см. Ниже, на уровне –83–92 см, обнаружен костяк удовлетворительной сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. У левой бедренной кости зафиксированы железная пряжка (табл. 60–1) и железный нож (табл. 61–6), на поясе – каменная подвеска-оселок (табл. 61–5), у левой стопы – 3 костяных наконечника стрел (табл. 60–2–4). Под костяком, на глубине –86–92 см, расчищено нижнее перекрытие погребальной конструкции, размерами 185 x 65 см, толщиной до 2,0 см. Судя по всему, погребальная конструкция представляла собой ящик с сохранившимися стенками до 5,0 см и высотой до 14,0 см.

Погребение 107 (уч. ВГ/10–11, табл. 61). Мужчина (?), >55 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными

углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 195 x 60 см. Максимальная глубина –44 см. В заполнении слой № 2. На глубине –31–44 см расчищен костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси ямы к ЮВ борту и СВ торцовой стенке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука погребенного согнута в локте и уложена на таз, левая – вытянута вдоль тела и откинута. Слева у черепа найдены 4 костяных наконечника стрел (табл. 61–2, 3, 5, 6), на костях таза – железный колчаный крючок (табл. 61–4), слева у костей таза – железный нож (табл. 61–7) и бронзовый пинцет (табл. 61–1).

Погребение 108 (уч. Г/11, табл. 62). Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и со слегка зауженным ЮЗ торцом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 110 x 45 см, глубину –29 см. В заполнении слой № 2. СВ половина ямы нарушена грабительской траншеей. Останков погребенного и вещей не обнаружено.

Погребение 109 (уч. ГД/11–12, табл. 62). Парное: А – женщина (?), 25–35 (?) лет; Б – ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную со скосенными торцевыми стенками форму, вертикальные стенки и плоское дно. Размеры ямы – 230 x 90 см, глубина –52 см. В заполнении слой № 2. На уровне –43–51 см расчищен костяк А хорошей сохранности. Погребенный был уложен в центре ямы, вытянуто на спине, головой на ЮЗ (череп повернут влево), руки вдоль тела (прижаты к нему), ноги сведены в области колен (были связаны?). Вдоль левой руки (у лучевой кости) обнаружены: железная сюльгама (табл. 62–2), бронзовая бляшка-накладка (табл. 62–4) и железные накладки пояса (5 экз.; табл. 62–5–1–5), под которыми зафиксирован тлен кожаного ремня; у костей левой стопы найдена железная пряжка (табл. 62–1) и фрагмент железного ножа (табл. 62–3). Справа от костей ног зафиксирована полоса угля, длиной 34 см и мощностью 0,1–0,2 см. Между ЮЗ бортом могильной ямы и черепом костяка А расчищены разрозненные кости ребенка (костяк Б) удовлетворительной сохранности. Под погребенным А, в районе грудной клетки, выявлены фрагменты тлена деревянной погребальной конструкции, мощностью 0,1–0,2 см.

Погребение 110 (уч. Г/12, табл. 63). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму с закругленным Ю углом и скосенной СВ торцовой стенкой, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 275 x 90 см, глубину –93 см. В заполнении слой № 2. На глубине –62–90 см, в центре могильной ямы, расчищен костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. У левой плечевой кости найдена железная пряжка (табл. 63–1), в области таза – стеклянная бусина (табл. 63–3), железный нож (табл. 63–9) и фрагменты железной пряжки (табл. 63–2). Справа у костей правой голени найдены железный колчаный крючок (табл. 63–4) и 4 костяных наконечника стрел (табл. 63–5–8).

Погребение 111 (уч. ГД/12–13, табл. 64). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 240 x 95 см. Максимальная глубина –78 см. В заполнении слой № 2. СЗ стенка могильной ямы перекрывала погребение № 117. На глубине –69–77 см расчищен костяк хорошей сохранности, нижние конечности которого были смещены в северный угол ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ (череп повернут вправо), левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локте и уложена на кости таза. В области таза найдены стеклянная бусина (табл. 64–1) и железная пряжка (табл. 64–2). У костей левой стопы – 4 костяных наконечника стрел (табл. 64–3–6).

Погребение 112 (уч. ГД/13–12, табл. 65). Парное: А – мужчина (?), 40–50 лет; Б – ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка выгнутой северо-западной стенкой, вертикальные

стенки и плоское дно, размеры 240 x 85 см, глубину –75 см. В заполнении слой № 2. Костяк А хорошей сохранности, был расчищен в центре ямы, на глубине –57–74 см. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. В южном углу могилы найден развал глиняного сосуда (табл. 65–1), при расчистке которого, под ним, обнаружены останки костяка Б удовлетворительной сохранности – фрагмент черепа и трубчатая кость ребенка.

Погребение 113 (уч. ДЕ/12, табл. 66). Уровень фиксации –20 см. Восточная половина погребения нарушена грабительской траншеей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 95 x 55 см, глубину –34 см. В заполнении слой № 2. Останков умершего и вещей не обнаружено.

Погребение 114 (уч. ДЕ/11–12, табл. 66). Ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –20 см. ВСВ половина могильной ямы разрушена грабительской траншеей; ее сохранившаяся часть ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 102 x 135 см, глубину –50 см. В заполнении слой № 2. В СЗ углу ямы, на глубине –42–48 см, обнаружены разрозненные кости черепа и трубчатые кости ребенка плохой сохранности. Инвентарь погребения представлен фрагментами железного ножа (табл. 66–1).

Погребение 115 (уч. ДЕ/11, табл. 66–70, рис. 19). Групповое (5 человек): А – мужчина (?), 30–40 лет; Б – мужчина, 25–35 лет; В – ребенок, возраст не определен; Г – женщина, 20–30 лет; Д – женщина (?), 14–18 лет. Уровень фиксации –30 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 267 x 190 см, глубину –73 см. В заполнении слой № 2. В южной половине ямы, на глубине –40–64 см, зафиксирован костяк А в удовлетворительном состоянии, но анатомический порядок костей тотально нарушен. Судя по костям черепа, умерший А был уложен головой на ЗЮЗ. В «ногах» погребенного, на уровне –64 см, расчищен фрагмент тленя деревянной погребальной конструкции размерами 40 x 20 см, мощностью 0,5 см; здесь же найдены 13 костяных наконечников стрел (табл. 66–1–13). Костяк Б удовлетворительной сохранности, расчищен на глубине –60–68 см, слева от костяка А. Умерший Б был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль тела. У левой плечевой кости погребенного находился железный нож (табл. 68–21), в районе груди, слева – каменная подвеска-оселок (табл. 68–22) и фрагмент бронзовой вещи (табл. 68–19), в области пояса – железная пряжка (табл. 68–18), у левой кисти – бронзовая бляшка-накладка (табл. 68–20), на тазовых костях, слева – еще один железный нож (табл. 68–23), между бедренных костей – железный колчанный крючок (табл. 68–17), между коленей, на фрагменте тленя деревянной конструкции (уровень –61–62 см), – костяные (5 экз., табл. 68–24–28) и железные (2 экз., табл. 68–15, 16) наконечники стрел. В районе стоп обнаружено скопление вещей (ЖК), состоявшее из железного ножа и спекшихся с ним бусин (3 экз., табл. 68–14–3), глиняного пряслица (табл. 68–14–1), фрагментов бронзовой фибулы с прикипевшей к щитку железной вещью (табл. 68–14–2). Костяк В (ребенок) удовлетворительной сохранности, расчищен слева от костяка Б, на глубине –64–65 см. Сохранились кости черепа и разрозненные кости ребер и конечностей. Судя по взаиморасположению костей, умерший был уложен вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. В области «ног» найден железный браслет (табл. 69–29). Костяк Г удовлетворительной сохранности, расчищен на глубине –62–70 см, слева от костяка Б. Умерший Г был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, правая рука согнута в локте и вытянута в сторону, левая также согнута в локте, но уложена на грудь (как бы обнимая ребенка В); ноги слегка согнуты в коленях. Под черепом, на тлене деревянной погребальной конструкции, найден железный нож (табл. 69–32); в области шейных позвонков обнаружено скопление вещей (ЖК), в которое входили стеклянные бусы (4 экз.; табл. 69–30–1–4), бисер (25 экз.; табл. 69–30–6, 7, 10), бронзовые (3 экз.; табл. 69–30–5, 8, 13) и костяные (2 экз.; табл. 69–30–9, 14) пронизки, бронзовая подвеска-лапка (табл. 69–30–12), фрагменты бронзовой

височной подвески (табл. 69–30–11). На правой стороне груди расчищена бронзовая бабочковидная фибула (табл. 69–31). Костяк Д хорошей сохранности, обнаружен на глубине –48–70 см, поверх костяка Г. Умерший Д был уложен на боку, на остатках тлен дерева погребальной конструкции (настил?), слегка согнут в пояссе, головой на ВСВ, руки согнуты в локтях (рис. 19). В затылочной области умершего найдено скопление вещей (ЖК) (табл. 70), в котором обнаружены: бусины из раковины (16 экз., табл. 70–36–1), бронзовая бляшка-накладка (табл. 70–36–2), костяная пронизка (табл. 70–36–3), бронзовая височная подвеска (табл. 70–36–5), костяное изделие (табл. 70–36–4). В области шейных позвонков найдена височная подвеска (табл. 70–34). На костях груди расчищена бронзовая сюльгама (табл. 70–35); у левой руки погребенного обнаружен пояс из бронзовых (и 1 железной) накладок (25 экз.) с бляхами-раковинами (табл. 70–33–1–6).

Погребение 116 (уч. Г/12, табл. 71). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии В–З, имеет подовальную в плане форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 55 x 30 см, глубину –22 см. В заполнении слой № 2. В яме зафиксирован костяк ребенка удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен на спине, головой на В. Вещи не обнаружены.

Погребение 117 (уч. ГД/12, табл. 71). Ребенок, возраст не определен. Уровень фиксации –20 см. ЮВ длинная стенка могилы разрушена погребением № 111. Яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 210 x 47 см. Максимальная глубина –63 см. В заполнении слой № 2. В западном углу могилы, на глубине –57–62 см, расчищен костяк ребенка хорошей сохранности; уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, вещи не обнаружены.

Погребение 118 (уч. Д/13–14, табл. 72). Ребенок, 1–2 лет. Уровень фиксации –40 см. Ориентировано по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 95 x 70 см, глубину –61 см. В заполнении слой № 2. В ЮВ половине погребения, на уровне –60 см, расчищен тлен деревянной погребальной конструкции, мощностью до 0,5 см, на котором находились разрозненные кости ребенка плохой сохранности, а также скопление вещей (ЖК), состоявшее из бисера (2 экз.; табл. 72–1–3, 4), фрагментов железной вещи с бронзовой пронизкой (табл. 72–1–1, 2) и стеклянной бусины (рассыпалась). В северном углу погребения найден глиняный сосуд (табл. 72–2).

Погребение 119 (уч. ГД/10, табл. 73). Мужчина (?), 16–20 лет. Уровень фиксации –15 см. Восточный торец могилы разрушен грабительской траншеей; западная торцевая стенка скошена. Яма ориентирована по линии З–В, с небольшим отклонением к Ю, имела прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 237 x 70 см. Максимальная глубина –67 см. В заполнении слой № 2. На глубине –41–66 см расчищен костяк хорошей сохранности, смещенный в восточную половину ямы. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Справа, на костях таза, найден железный наконечник дротика острием вниз (к ногам) (табл. 73–13), слева – железный нож (табл. 73–12). Между бедренных костей расчищена стеклянная бусина (табл. 73–6), между костей стоп обнаружено восемь костяных наконечников стрел (табл. 73–2–5, 8–11). У правой голени найдена бронзовая привеска (табл. 73–1), под которой находилась одна бисеринка (табл. 73–7).

Погребение 120 (уч. Д/10, табл. 72). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –15 см. Восточный торец могильной ямы разрушен грабительской траншеей; форма сохранившейся части – подпрямоугольная с закругленными углами, вертикальными стенками и плоским дном. Яма ориентирована по линии З–В. Размеры ямы – 154 x 75 см, глубина –21 см. В заполнении слой № 2. На уровне –17–20 см, в западной половине могилы расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, по диагонали, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Вещи не обнаружены.

Погребение 121 (уч. Д/12, табл. 71). Ребенок, <0,5 лет. Уровень фиксации –55 см. Очертания могильной ямы не фиксировались, приблизительные размеры – 50 x 16 см. Ориентирована по линии З–В. На глубине –56 см расчищены кости детского черепа плохой сохранности, а также фрагменты тленя деревянной погребальной конструкции, мощностью до 1,5 см. В заполнении слой № 2. Вещи не обнаружены.

Погребение 122 (уч. ДЕ/12, табл. 71). Ребенок, возраст не определен. Уровень фиксации –50 см. Могильная яма фиксировалась условно, по находкам останков погребенного. Приблизительные размеры – 32 x 14 см. Ориентирована по линии З–В. В заполнении слой № 2. На дне расчищен череп и длинные кости ребенка плохой сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на З, руки вдоль тела. Вещи не обнаружены.

Погребение 123 (уч. З/13, табл. 74). Ребенок, 9–11 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно; западным углом перекрывает угол погребения № 125. Размеры ямы – 123 x 64 см, глубина –61 см. В заполнении слой № 2. На уровне –43–60 см зафиксированы остатки костяка хорошей сохранности, анатомический порядок которого был тотально нарушен. Судя по положению черепа, умерший был уложен головой на ЮЗ. Погребальный инвентарь представлен бронзовой застежкой с неподвижным крючком (табл. 74–1).

Погребение 124 (уч. Ж/12, табл. 74). Пол не определен, 20+ лет. Уровень фиксации –25 см. ЮЗ половина погребения разрушена грабительской траншееей. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 100 x 75 см. Максимальная глубина –80 см. В заполнении слой № 4. На уровне –65–80 см обнаружены разрозненные остатки человеческого скелета плохой сохранности и фрагментарно – тлен деревянной погребальной конструкции толщиной до 0,9 см. Вещи не обнаружены.

Погребение 125 (уч. ЖЗ/13, табл. 75). Мужчина, 35–45 лет. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 256 x 72 см, глубину –97 см. Восточный угол могилы нарушен погребением № 123. В заполнении слой № 2. На уровне –52–78 см обнаружено верхнее перекрытие деревянной погребальной конструкции, размерами 212 x 37 см, мощностью 1,0 см, с явно выраженным «ручками» у ЗЮЗ края. На глубине –73–96 см расчищен костяк хорошей сохранности, сдвинутый к северо-западному (длинному) борту ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. На левом бедре, ближе к тазовым костям, найдена железная пряжка (табл. 75–1), под костями обнаружены фрагменты нижнего тленя погребальной конструкции, мощностью до 1,0 см.

Погребение 126 (уч. Е/8–9, табл. 76). Ребенок, <0 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма была ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имела прямоугольную в плане форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 90 x 50 см, глубину –58 см. В заполнении зафиксирован слой № 2. В СЗ сегменте ямы, на глубине –55–57 см, расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен на спине, головой на ЮЗ. Вещи не обнаружены.

Погребение 127 (уч. ДЕ/9, табл. 77). Парное: А – женщина (?), 30–35 лет; Б – ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 260 x 73 см. Максимальная глубина –59 см. В заполнении слой № 2. Южная половина погребения нарушена в верхних слоях грабительской траншееей. На глубине –44–56 см, со смещением в северный сегмент ямы, обнаружен костяк А хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ (череп слегка завалился вперед), руки вдоль тела. У левой голени костяка А, на глубине –51–58 см, находился костяк ребенка (Б) удовлетворительной сохранности. Ребенок был уложен на спине, головой на ЮЗ. Вещи не обнаружены.

Погребение 128 (уч. Е/8, табл. 77). Женщина (?), 20–30 лет. Уровень фиксации –15 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 200 x 62 см, глубину –26 см. В заполнении слой № 2. На уровне –15–25 см зафиксирован костяк удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Вещи не обнаружены.

Погребение 129 (уч. ЕЖ/10–11, табл. 76). Мужчина (?), 25–35 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет прямоугольную форму со слегка зауженным В торцом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 230 x 80 см. Максимальная глубина –78 см. В заполнении слой № 2. На глубине –62–75 см зафиксирован костяк хорошей сохранности, слегка сдвинутый к западному торцу могильной ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, череп повернут вправо и завален на правое плечо, правая рука вдоль тела, левая слегка согнута в локте и откинута в сторону. В области таза, справа, найдены костяное пряслице (?) (табл. 76–2) и железная пряжка (табл. 76–1).

Погребение 130 (уч. ЕЖ/10, табл. 78). Мужчина (?), 20–25 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно. В ЗЮЗ части, в верхних слоях, могила нарушена грабительской траншеей, не затронувшей костей. Яма имела размеры 175 x 82 см, глубину –90 см. В заполнении слой № 2. На уровне –78–89 см, в центре ямы, обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ (череп повернут влево), руки вдоль тела, кисти на тазу. Вещи не обнаружены.

Погребение 131 (уч. ЖЗ/10, табл. 78). Уровень фиксации –20 см. Восточная половина погребения разрушена оврагом. Сохранившаяся часть могильной ямы ориентирована по линии З–В, имела прямоугольную форму с закругленным западным торцом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 132 x 45 см, глубину –50 см. В заполнении слой № 2. Останков погребенного и вещей не обнаружено.

Погребение 132 (уч. Е/9–10, табл. 79, 80). Парное: А – женщина, 50+ лет; Б – ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка вогнутой СЗ продольной стенкой и закругленным СВ торцом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 240 x 72 см, максимальную глубину –105 см. В заполнении слой № 2. ЮВ стенка ямы нарушает СЗ борт погребения № 133. На глубине –90–100 см зафиксирован костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси к ЮЗ торцовой и СЗ продольной стенкам. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. В области грудной клетки, у правого плеча, зафиксированы железный нож (табл. 79–2) и железное шило с деревянной рукоятью (табл. 79–1), у костей левой стопы найдено скопление вещей (ЖК) (табл. 80), включавшее бронзовую височную подвеску (табл. 80–3–7), бронзовую фибулу (табл. 80–3–1), стеклянную бусину (табл. 80–3–4), 3 пронизки из бронзы (табл. 80–3–2, 3, 6) и железный браслет (табл. 80–3–5). В восточной половине ямы обнаружены разрозненные кости ребенка (костяк Б) удовлетворительной сохранности.

Погребение 133 (уч. Е/9–10, табл. 78). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с закругленной ЮЗ торцовой стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 95 x 43 см. Максимальная глубина –53 см. В заполнении слой № 2. СЗ борт ямы разрушен погребением № 132. На глубине –50–52 см, в ЮЗ половине погребения зафиксированы кости ребенка удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен головой на ЮЗ. Вещи не обнаружены.

Погребение 134 (уч. ЕЖ/11, табл. 81, 82). Женщина, 40–50 лет. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму с сильно закругленными торцами, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 191 x 75 см, глубину –80 см. В заполнении слой № 2. На уровне –59–79 см зафиксирован костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси к СЗ стенке ямы. Умерший уложен вытянуто

на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Справа вдоль тела умершего, от плеча до бедра, лежал развернутый пояс, от которого сохранились бронзовые накладки (44 экз., табл. 81–1–1–5). У левой стопы найдено скопление вещей в берестяной ёмкости (ЖК) (табл. 81, 82), включавшее пару бронзовых височных подвесок с напускными стеклянными бусинами (одна из бусин рассыпалась) (табл. 82–2–12, 13), бронзовую бабочковидную фибулу (табл. 82–2–11), 13 стеклянных бусин (9 из них рассыпались; табл. 82–2–5–8), железную вещь (табл. 82–2–10), две подвески из белого металла (табл. 82–2–3, 4), медную вещь («завиток» фибулы (?), табл. 82–2–2) и костяной амулет (?) (табл. 82–2–1).

Погребение 135 (уч. Ж/11, табл. 83). Женщина, 40+ лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с вогнутой внутрь СВ торцовой стенкой, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 276 x 82 см, глубину –101 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –90–100 см, зафиксирован костяк удовлетворительной сохранности. Анатомический порядок костей частично нарушен: кости стоп отсутствуют, вместо них выложены кости верхней части грудной клетки (правые лопатка и ключица, позвонки). Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, ноги сведены вместе в области колен (скорее всего, намеренно). У черепа, слева, найдены косточки животных – цевки утки чирка-свиристунка⁶ (табл. 83, №3). В ногах умершего, в области верхней части грудной клетки, расчищены стеклянная бусина (табл. 83–1) и железное шило с деревянной рукоятью (табл. 83–2).

Погребение 136 (уч. ЖЗ/11–12, табл. 84, 85). Парное: А – мужчина, 20–30 лет; Б – мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму вертикальные стенки и плоское дно, размеры 355 x 175 см, глубину –102 см. В заполнении слой № 2. Восточный угол ямы перекрыт погребением № 142. В ЮЗ половине погребального сооружения, на глубине –81–100 см, были расчищены два костяка удовлетворительной сохранности. Костяк А лежал на остатках тленя деревянной погребальной конструкции (глубина –81–100 см); судя по сохранившейся продольной доске – ящика «с ручками» на торце. Толщина тленя до 0,7 см. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. В области груди найдена биметаллическая пряжка (табл. 85–8), на костях таза зафиксирована еще одна, но уже железная пряжка (табл. 85–7). У правой бедренной кости найден железный нож (табл. 85–4), у левой – железный колчанный крючок (табл. 85–6). Между бедренных костей, ближе к тазу, обнаружена стеклянная бусина (табл. 85–5). Слева от костяка А, на глубине –81–102 см, на остатках деревянной погребальной конструкции толщиной до 0,1 см, расчищен костяк Б. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. В области тазовых костей найдены: железная пряжка (табл. 85–9), железный нож (табл. 85–11) и железный колчанный крючок (табл. 85–10). В засыпке могильной ямы обнаружены фрагменты от трех глиняных сосудов (табл. 84–1, 85–2, 3).

Погребение 137 (уч. ГД/9–10, табл. 83). Женщина, >55 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 195 x 76 см. Максимальная глубина –71 см. В заполнении слой № 2. На уровне –58–70 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела (чуть откинуты). У правой стопы, на тлене мощностью 0,2 см от прямоугольной ёмкости (?) найдено скопление вещей (ЖК), состоявшее из глиняного пряслица (табл. 83–1–2), кости животного (метоподия овцы, рассыпалась), бисера (32 экз.; табл. 83–1–1), железного ножа (табл. 83–1–3) и шила с деревянной рукоятью (табл. 83–1–4).

Погребение 138 (уч. Д/8–9, табл. 86). Мужчина, >50 лет. Уровень фиксации –15 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму (заужена в СВ

⁶ Определение к.б.н. А.Г. Меньшикова, УдГУ.

торцовой стенке), вертикальные стенки и плоское дно, размеры 195 x 115 см, глубину –50 см. В заполнении слой № 2. Вдоль СЗ стенки могильной ямы, на глубине –30–47 см, расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Кости черепа, рук и ног сохранили первоначальное положение, кости грудного отдела перемешаны. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела; верхние и нижние конечности плотно прижаты к телу (вероятно, были спеленаты или связаны). В области таза найдена железная пряжка (табл. 86–1).

Погребение 139 (уч. Г/8–9, табл. 87). Женщина, >50 лет. Уровень фиксации –15 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму со слегка закругленной СВ торцевой и выгнутой наружу ЮВ стенками, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 210 x 73 см. Максимальная глубина –71 см. В заполнении слой № 2. На уровне –48–70 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Судя по сохранившейся анатомический порядок верхней половине туловища, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Кости таза перемещены в северный угол могилы (в «ноги»); нижние конечности сведены в коленях (были связаны?). В области шеи найдена стеклянная бусина (табл. 87–1).

Погребение 140 (уч. ЕЖ/10, табл. 87). Ребенок, 0 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка зауженным ЮЗ торцом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 153 x 54 см, глубину –68 см. В заполнении слой № 2. В юго-западной половине могилы, на глубине –62–67 см, расчищен костяк ребенка удовлетворительной сохранности, смещенный в юго-восточный угол ямы. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, сохранившаяся левая рука вытянута вдоль тела. Вещи в погребении не обнаружены.

Погребение 141 (уч. ДЕ/7–8, табл. 88–91). Женщина, 25–30 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 277 x 89 см, глубину –75 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –53–58 см, расчищен тлен верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции, размерами 182 x 45 см и мощностью до 1,0 см. Под ним, на уровне –55–75 см, обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Вдоль левой половины туловища погребенного, от грудной клетки и до середины голени, был уложен пояс (табл. 88–1), от которого сохранились биметаллические накладки (56 экз.) и железный наконечник ремня (табл. 88–1–1–10). В ногах расчищено скопление вещей (ЖК), состоявшее из биметаллической бабочковидной фибулы (табл. 89–2–21), железной гривны с привесками (табл. 90–2–24; среди них – «завиток» фибулы (?), табл. 90–2–26), фрагментов железных браслетов (сохранилось 3 из 6 экз.; табл. 91–2–56–58), бусин из стекла (6 экз.) и раковины (4 экз.; табл. 89–2–1), бисера (314 экз.; табл. 89–2–2), двух височных подвесок с напускными бусинами (табл. 90–2–22, 23), составной пронизи (стеклянные бусины и бронзовые пронизки – 18 экз.; табл. 89–2–3–20), трех бронзовых пронизок (табл. 91–2–52–54), фрагментов бронзовой застежки-бляхи (табл. 90–2–27), бронзовой бляшки-накладки (табл. 90–2–25), украшений кожаного ремешка – бронзовой пронизки-«полуцилиндрика» и 21 бронзовой бляшки-накладки (табл. 91–2–28–49, 59), железных и бронзовых подвесок с фрагментами цепочки (табл. 91–2–50, 51, 55). Справа и слева от костяка сохранился тлен продольных досок от погребальной конструкции толщиной до 2,0 см.

Погребение 142 (уч. 3/11–12, табл. 92). Мужчина, >55 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно; ЮЗ половиной перекрывает восточный угол погребения № 136. Размеры ямы – 200 x 75 см, глубина –97 см. В заполнении слой № 2. На глубине –75–92 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Реальные размеры захороненного, судя по смещению костей, явно превосходили предназначенную

ему могилу. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Между ключицами погребенного обнаружена железная пряжка (табл. 92–2), в районе левой кисти и левого бедра – стеклянная бусина (табл. 92–1), железный нож (табл. 92–4), фрагмент железной вещи (пряжки?) (табл. 92–3). Справа в области черепа, на глубине – 85 см, зафиксированы остатки тленна от деревянной погребальной конструкции.

Погребение 143 (уч. Г/6–7, табл. 93). Мужчина, 20–30 лет. Уровень фиксации – 15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами, скошенный ССВ торец и выгнутую наружу восточную стенку, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 263 x 91 см, глубину – 61 см. В заполнении слой № 2. На уровне – 50–60 см расчищен фрагмент боковой доски толщиной 1,0–2,0 см от деревянной погребальной конструкции. На глубине – 37–60 см зафиксирован костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте и уложена на таз. В области тазовых костей, между ног погребенного, лежал железный нож (табл. 93–1).

Погребение 144 (уч. ДЕ/7, табл. 93). Парное, дети: А – 7–8 лет, Б – 5–6 лет. Уровень фиксации – 15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 210 x 50 см, глубину – 51 см. В заполнении слой № 2. В ЮЗ части ямы, на глубине – 39–50 см, расчищен костяк А удовлетворительной сохранности. Умерший А был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, череп откинут на правое плечо, левая рука вытянута вдоль тела, правая – слегка согнута в локте, кисть на тазу. Вещей нет. Костяк Б удовлетворительной сохранности, зафиксирован на глубине – 39–49 см. Умерший Б уложен ногами к костяку А, вытянуто на спине, головой на СВ (в противоположную сторону, «поза валета»), руки вдоль тела. Вещи не обнаружены.

Погребение 145 (уч. ГД/7–8, табл. 94, 95). Парное: А – мужчина, 25–40 лет; Б – мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации – 15 см. Могила, ориентированная по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму, сужающуюся к ССВ торцу, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 255 x 183 см, глубину – 76 см. В заполнении слой № 2. В ВЮВ половине ямы, на глубине – 63–75 см, расчищены остатки нижнего тленна (мощностью 3,5 см) от деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы, с незначительным заужением в ногах погребенного, размерами 183 x 56 см. Костяк А, зафиксированный в границах пятна древесного тленна, на уровне – 60–75 см, имеет удовлетворительную сохранность. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ (череп отсутствовал), руки вытянуты вдоль тела. В области шеи найдены фрагменты железной пряжки (табл. 95–5); слева от костей таза – фрагмент железной вещи (табл. 95–3) и привеска из белого металла (табл. 95–1), чуть ниже, слева на тазу, – фрагменты спекшихся железной и бронзовой вещей (табл. 95–2), железный нож (табл. 95–4). Слева от костяка А, в СЗ половине ямы, на уровне – 65–74 см, обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции, относящейся к костяку Б. Размеры пятна древесного тленна – 185 x 55 см, мощность – 3,0–5,0 см. Сам костяк, расчищенный на глубине – 59–75 см, имел удовлетворительную сохранность. Умерший Б лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, руки вдоль тела. Слева от костей таза найден железный нож (табл. 95–13), в области таза расчищены фрагменты еще одного железного ножа (3 экз., табл. 95–12) и железная пряжка-кольцо (табл. 95–10). На левой бедренной кости найден железный крючок (табл. 95–11), рядом – фрагмент железной вещи (табл. 95–9), у левой стопы – 3 костяных наконечника стрел (табл. 95–6–8).

Погребение 146 (уч. ГД/8, табл. 96). Мужчина, 55+ лет. Уровень фиксации – 15 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со скошенным ЮЗ торцом и закругленными углами, размеры 260 x 120 см, глубину – 66 см, вертикальные стенки, плоское дно. В заполнении слой № 2. На уровне фиксации ямы, по центру, выявлено

пятно слоя № 2а, размерами 230 x 30 см, глубиной до 15 см. В центре ямы, на глубине –54–58 см, расчищены остатки верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы, размерами 200 x 45 см, толщиной тлена 1,0 см. Ниже, под останками погребенного, на уровне –63–64 см, зафиксированы фрагменты тлена погребальной конструкции размерами 90 x 46 см, мощностью 1,5 см. Костяк имел хорошую сохранность, обнаружен на глубине –43–63 см. Анатомический порядок скелета нарушен: ребра и позвонки раскиданы вокруг головы, кости стоп рассредоточены в СВ части погребения. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела (правая рука слегка откинута). В изголовье погребенного, справа, найдена железная пряжка (табл. 96–1), в области таза, между ног, расчищен железный нож (табл. 96–7), около левой стопы погребенного кучкой были уложены 5 костяных наконечников стрел (табл. 96–2–6).

Погребение 147 (уч. ДЕ/7–8, табл. 97). Женщина, 30–40 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную со скошенной ЮЗ и закругленной СВ торцовыми стенками форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 275 x 105 см. Максимальная глубина –77 см. В заполнении слой № 2. На глубине –64–75 см, в центре ямы, значительно превышающей размеры погребенного, расчищены остатки нижнего тлена деревянной погребальной конструкции, размерами 148 x 56 см, мощностью 0,5 см. Костяк хорошей сохранности, зафиксирован на уровне –55–75 см вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях. Справа от черепа находилось скопление вещей (ЖК), состоявшее из височных подвесок (3 экз., табл. 97–1–6), крупной бляхи-раковины (табл. 97–1–16), рассыпавшейся стеклянной бусины, стеклянного бисера (4 экз., табл. 97–1–1–4), бусины (табл. 97–1–5), бронзовых пронизок (4 экз., табл. 97–1–12–15), подвески из раковины с бронзовым кольцом (табл. 97–1–11), фрагментов железных вещей (среди них – звеньев цепочки?) (табл. 97–1–7–10).

Погребение 148 (уч. В/10, табл. 98). Женщина, 40–45 лет. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка скошенным СВ торцом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 255 x 84 см, глубину –62 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –40–61 см, расчищен костяк хорошей сохранности. Анатомический порядок костей сильно нарушен: на первоначальном месте находился лишь череп, плечевые и берцовые кости; кости грудной клетки оказались рассредоточены по всей поверхности костяка. В области грудной клетки найдена бронзовая сюльгама (табл. 98–1), слева в области стоп обнаружено скопление вещей (ЖК), в составе которого височные подвески со стеклянными бусинами (одна бусина рассыпалась) (2 экз., табл. 98–2–2, 3), фрагменты лепной керамики (табл. 98–2–1) и фрагменты железных изделий (7 экз., табл. 98, №2–4), рассыпавшихся при выборке.

Погребение 149 (уч. Ж/9, табл. 100). Уровень фиксации –20 см. СВ половина погребения разрушена оврагом. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЮЗ–СВ; имела, вероятно, прямоугольную форму с расширением и закруглением в ЮЗ торцевой стенке, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 145 x 105 см, глубину –31 см. В заполнении слой № 2. Кости и инвентарь не обнаружены.

Погребение 150 (уч. ГД/13–14, табл. 99). Женщина (?), 25–35 лет. Уровень фиксации –50 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с зауженным СВ торцом форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 220 x 130 см, максимальную глубину –100 см. В заполнении слой № 2. ЮВ часть ямы нарушена могилой № 95. На глубине –82–98 см найден костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси ямы к ее СЗ борту. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. В области черепа сохранились остатки деревянной погребальной конструкции толщиной до 2,0 см. На левой плечевой кости индивида найдена железная сюльгама (табл. 99–1). У костей правой стопы обнаружено скопление вещей (ЖК), в котором находились

фрагменты железной гравни (табл. 99–2–2), фрагменты бронзовой височной подвески (табл. 99–2–3), железное шило с деревянной рукоятью (табл. 99–2–1).

Погребение 151 (уч. Д/6–7, табл. 100, 101). Мужчина, 35–50 лет. Уровень фиксации –15 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и слегка выгнутыми наружу длинными стенками, в профиле – вертикальные стенки и плоское дно, размеры 235 x 79 см, глубину –60 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –25–58 см, обнаружены останки погребенного хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ (череп повернут влево), руки вдоль тела. В области таза, слева, расчищены железные пинцет (табл. 100–4) и нож (табл. 101–5); на позвонках нижнего отдела позвоночника и правой подвздошной кости – две железные пряжки (табл. 100–1, 2). На левой бедренной кости (с внутренней стороны) найден железный колчанный крючок (табл. 100–3); у левой стопы – 4 костяных наконечника стрел (табл. 101–6–9).

Погребение 152 (уч. Г/4–5, табл. 101). Мужчина, 25–35 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 208 x 62 см, глубину –63 см. В заполнении слой № 2. Северо-восточный угол могилы (в ногах индивида) нарушен погребением № 154. В центре ямы, на глубине –48–62 см, расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Анатомический порядок костей нарушен: ребра правой стороны грудной клетки были раскиданы по всей площади погребения (у черепа, в ногах). Малые берцовые кости смещены; большая часть костей стоп отсутствовала. На глубине –50–55 см были расчищены остатки деревянной погребальной конструкции, мощностью тлена до 0,3 см, в изножье поврежденной. Умерший был захоронен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, правая рука уложена на таз, левая вдоль тела. Вещи отсутствовали.

Погребение 153 (уч. ВГ/1–2, табл. 102). Мужчина, 50+ лет. Уровень фиксации –45 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет подпрямоугольную с сильно закругленными углами и зауженной ССВ торцовой стенкой форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 248 x 73 см, глубину –117 см. В заполнении слой № 2. На уровне –110–115 см расчищена деревянная погребальная конструкция прямоугольной формы с четырьмя ручками (вероятно, типа ящика), размерами 190 x 57 см и толщиной тлена до 5,0 см. На глубине –100–116 см расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Умерший лежал поверх древесного тлена вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, руки вдоль тела. На левой плечевой кости погребенного найден железный нож (табл. 102–8), у правой подвздошной кости и у левой бедренной кости зафиксированы две железные пряжки (табл. 102–6, 7), у левой стопы были уложены 5 костяных наконечников стрел (табл. 102–1–5).

Погребение 154 (уч. ГД/4–5, табл. 103, 104). Ребенок, 3–5 лет. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 137 x 58 см, глубину –62 см. В заполнении слой № 2. Юго-западным углом нарушила погребение № 152. В придонной части ямы, на уровне –46–62 см, расчищен детский костяк плохой сохранности (сохранились фрагменты костей черепа и ног) вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В глиняном сосуде (табл. 103–1–10), слева у черепа, найдено скопление вещей (ЖК): бронзовая витая пронизка во фрагментах (3 экз., табл. 103–1–4, 5), бронзовая привеска (табл. 103–1–3), бронзовая пронизка-распределитель (табл. 103–1–7), стеклянная бусина (табл. 103–1–6) и бисер (2 экз., табл. 103–1–1, 2), бронзовая пронизка, спекшаяся с железной вещью (табл. 103–1–9), очевидно, составлявшие ожерелье. Рядом лежала еще одна бронзовая пронизка (табл. 103–1–8), вероятно, также входившая в состав набора. Между берцовыми костями умершего найдено скопление бисера с подвеской (4 экз., табл. 104–2–1–4) и бусины (табл. 104–2–5). Справа в изголовье обнаружено каменное изделие (табл. 104–3).

Погребение 155 (уч. Д/5, табл. 104). Мужчина, 45+ лет. Уровень фиксации –30 см. Северо-восточная половина могильной ямы разрушена погребением № 156. Сохранившаяся часть ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка вогнутыми длинными стенками, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 150 x 80 см. Максимальная глубина –96 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –90 см, найдены фрагменты тленя деревянной погребальной конструкции толщиной до 0,3 см. На уровне –75–95 см расчищен костяк хорошей сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Кости верхней половины скелета лежали в правильном анатомическом порядке, за исключением грудной клетки: часть ребер найдена в ногах умершего. Лучевая кость правой руки и несколько более мелких костей скелета находились слева у черепа, кость грудины занимала место лучевой кости правой руки. Кости ног были смещены на таз, берцовые, по-видимому, отчленены и сложены на бедренные. В области черепа, слева, найдены железная пряжка (табл. 104–1) и костяной наконечник стрелы (табл. 104–2). В области таза, также слева, обнаружен невыразительный фрагмент железной вещи (табл. 104, №3), рассыпавшийся при расчистке.

Погребение 156 (уч. ДЕ/4–5, табл. 105). Мужчина, 40+ лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами и торцовыми стенками форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 230 x 110 см, глубину –96 см. В заполнении слой № 2. Могильная яма своим ЮЗ краем прорезала погребение № 155. При расчистке погребения, в его СВ половине, на глубине –75 см, выявлены остатки тленя толщиной 0,1–0,2 см от верхнего перекрытия деревянной погребальной конструкции. Под ним, на уровне –76–80 см, расчищены длинные кости ног погребенного, судя по которым, умерший был уложен на спине, головой на ЮЗ. В ЮЗ половине ямы найдены разрозненные кости скелета плохой сохранности, а также длинные кости правой руки, вытянутой вдоль тела. Здесь же, на глубине –93–95 см, расчищен тлен продольной плахи толщиной 0,3 см от погребальной конструкции, длиной более 50 см. У предполагаемой головы (или плеча), слева, найден костяной наконечник стрелы (табл. 105–1), в области пояса, слева – жаберная кость рыбы (стерлядь) (табл. 105–2).

Погребение 157 (уч. Д/3–4, табл. 106). Женщина (?), 25–35 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму с сильно закругленной СВ торцовой стенкой, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 267x100 см. Максимальная глубина –95 см. В заполнении слой № 2. На глубине –85–95 см расчищен тлен от деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы с четырьмя ручками (скорее всего, типа ящика), размерами 210 x 45–50 см. Под крышкой, на глубине –90–94 см, выявлен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки чуть согнуты в локтях и уложены на таз. У левого бедра найден железный нож (табл. 106–1).

Погребение 158 (уч. ДЕ/4–5, табл. 107). Пол не определен, 16–20 (?) лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с расширением в СВ половине, СВ торцевая стенка скошена, северная длинная стенка изогнута. Стенки могилы вертикальные, дно плоское, размеры – 274 x 112 см, глубина –68 см. В заполнении слой № 2. На уровне –38–40 см обнаружены обугленные плахи от перекрытия и вертикальные продольные стенки погребальной конструкции прямоугольной формы (вероятно, типа ящика). Мощность угольного пятна составила от 1,5 до 28 см при ширине до 16 см. На глубине –58–67 см расчищен костяк плохой сохранности, лежавший на нижней части деревянной погребальной конструкции вытянуто на спине, головой на ЮЗ, правая рука слегка откинута и уложена вдоль тела, левая – не сохранилась. В области левого плеча обнаружено бронзовое кольцо (пряжка?) (табл. 107–1), слева, в области таза, расчищены фрагменты железного ножа (табл. 107–2), между бедренных костей – стеклянная бусина зеленоватого оттенка (табл. 107, № 3, рассыпалась).

Погребение 159 (уч. Г/5–6, табл. 108). Мужчина (?), 40–50 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 200 x 67 см, глубину –55 см. В заполнении слой № 2. На уровне –36–54 см расчищен костяк хорошей сохранности, лежавший по диагонали ямы (череп в южном углу могилы, ноги – в северном). Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях и уложены на таз. Кость грудины найдена в области левой стопы. Вещи не обнаружены.

Погребение 160 (уч. Д/4, табл. 108). Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет подпрямоугольную форму со скошенными торцевыми стенками, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 95 x 52 см, глубину –35 см. В заполнении слой № 2. На дне ямы, в СВ сегменте, зафиксирован фрагмент тлен деревянной погребальной конструкции размерами 17,0 x 4,0 см, толщиной 0,5 см. Останков погребенного и вещей не обнаружено.

Погребение 161 (уч. В/2, табл. 109). Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами и заужением в СВ торце, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 130 x 46 см. Максимальная глубина –40 см. В заполнении слой № 2. На глубине –34–37 см расчищен тлен толщиной до 1,0 см от деревянной погребальной конструкции, размерами 83 x 16 см (возможно, древесной коры). Останков погребенного и вещей не обнаружено.

Погребение 162 (уч. Б/1', табл. 110). Пол не определен, 15–25 (?) лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет подпрямоугольную форму со скошенным юго-восточным углом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 223 x 83 см, глубину –65 см. В заполнении слой № 2. На уровне –49–58 см расчищен древесный тлен: фрагменты продольных и поперечных стенок, а также днища погребальной конструкции типа ящика (?). Сохранность костей человека плохая: в ЮЗ конце ямы, на уровне –40–44 см, сохранились фрагменты черепа и зубов, в центре ямы, на уровне –36–37 см – костного тлен. Умерший, вероятно, был уложен головой на ЮЮЗ. Вещевой материал представлен тремя железными пряжками (табл. 110–3, 5, 7), найденными в центре ямы (в районе предполагаемого пояса), поверх тлен и рядом с ним, железными ножами (2 экз., табл. 110–4, 6): один расчищен в центральной части, на глубине –41 см, второй также в центре погребения, но в придонной его части, на глубине –64 см. В «ногах» зафиксирован железный наконечник дротика (табл. 110–8), располагавшийся острием к СВ торцу могилы; в области черепа расчищены фрагменты бронзовой вещи (2 экз., табл. 110–1, 2).

Погребение 163 (уч. АБ/1'–2', табл. 111). Женщина (?), возраст не определен. Уровень фиксации –45 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами и скошенным СВ краем, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 276 x 90 см, глубину –70 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на глубине –57–68 см, были расчищены остатки тлен деревянной погребальной конструкции в виде ящика с ручками в углах, размерами 230 x 60 см. От костяка сохранились только два обломка зубов человека: в центре ямы, на уровне –36–37 см и в ЮЮЗ части могилы, на уровне –68 см. Инвентарь погребения состоит из фрагментов железных вещей (4 экз., табл. 111–1, 7–9), найденных в центральной части и в СВ конце могильной ямы, железного язычка от пряжки (табл. 111–6), расчищенного в области черепа (справа), железного шила (табл. 111–10), обнаруженного в СВ части погребения, фрагментов двух височных подвесок (?) (табл. 111–4, 5), стеклянной бусины (табл. 111–3) и бронзовой пряжки (табл. 111–2), найденных там же, в СВ части могильной ямы, но под тленом деревянной конструкции.

Погребение 164 (уч. Б/1'–2', табл. 109). Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ; имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 205 x 87 см.

Максимальная глубина –75 см. В заполнении слой № 2. На уровне –49–50 см расчищен кусок древесного тлена мощностью 0,5–1,0 см – скорее всего, остатки погребальной конструкции. Останков погребенного и вещевого материала не обнаружено.

Погребение 165 (уч. В/1`–2`, табл. 109). Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с изогнутой ЮВ (длинной) стенкой, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 244 x 108 см, глубину –97 см. В заполнении слой № 2+3 (перемешанный светло-коричневый суглинок с желто-буровой материковой глиной). Вещей и антропологического материала не обнаружено.

Погребение 166 (уч. АБ/1, табл. 111). Женщина, 30+ лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с сильно выгнутой ЮВ (длинной) стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 237 x 68 см, глубину –60 см. В заполнении слой № 2. В ЮЗ половине могильной ямы, на уровне –50–55 см, расчищены фрагменты тлена деревянной погребальной конструкции, мощностью 0,5–1,0 см. Антропологический материал представлен зубами человека, остатками костного тлена от черепа и, вероятно, руки или ноги погребенного. В области черепа найдены фрагменты бронзовой сюльгамы (табл. 111–2) и стеклянная бусина (табл. 111–1).

Погребение 167 (уч. Б/1`–1, табл. 112). Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет овальную форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 96 x 55 см. Максимальная глубина –65 см. В заполнении слой № 2. Останки человека в погребении отсутствовали. В центре ямы, на глубине –35 см, найден фрагмент железной вещи (табл. 112–1).

Погребение 168 (уч. Б/2–3, табл. 113–117, рис. 20). Женщина, 20–30 лет. Уровень фиксации –45 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 224 x 82 см, глубину –120 см. В заполнении слой № 2в. В центре ямы, на уровне –102–105 см, расчищена верхняя крышка деревянной погребальной конструкции подпрямоугольной формы, размерами 163 x 40 см, толщиной 0,5–1,0 см. Под ней, на глубине –102–115 см, обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший поконился на нижнем тлене мощностью 1,0–1,2 см от погребальной конструкции, вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, руки уложены вдоль тела. На черепе погребенного расчищен сложный головной убор в виде шапочки (табл. 114, 117, рис. 20). В лобной части убора сохранилась двойная кожаная лента с узкими бронзовыми накладками-обоймами с выпуклыми полугорошинами (105 экз., табл. 114–2–2–4). В затылочной части ряд украшений дополнялся небольшими круглыми бляшками-накладками с тремя отверстиями (23 экз., табл. 114–2–5–27). Сзади к убору крепился предмет кольчужного плетения (накосник) в виде мешочка (?) с бронзовой подвеской и бронзовой ажурной накладкой (табл. 114–2–28–33). Здесь же были обнаружены фрагменты бронзовой спиральновитой пронизки (табл. 114–2–1). Слева от черепа погребенного расчищено скопление вещей (ЖК) (табл. 115–117): биметаллическая бабочковидная фибула (табл. 116–3–17), три бронзовых гринвы (табл. 115–3–2, 3, 6), три бронзовых височных подвески (табл. 115–3–4, 7, 9), россыпь бисера (502 экз.; табл. 116–3–11), фрагменты предмета кольчужного плетения (63 экз.; табл. 115–3–8), бронзовая ажурная накладка (табл. 115–3–1), фрагмент железного ножа (?) с деревянной рукоятью (табл. 115–3–5), трапециевидная подвеска из белого металла (табл. 116–3–12), фрагменты железных подвесок (табл. 116–3–10, 13–16). Слева на костях погребенного найден расправленный вдоль тела кожаный пояс (табл. 113–1) с железной пряжкой (табл. 113–1–1) в изголовье и наборным наконечником ремня (табл. 113–1–3) в изножье; был украшен железными накладками с бронзовыми полугорошинами (64 экз. табл. 113–1–2).

Погребение 169 (уч. БВ/1–2, табл. 112). Мужчина, 25–35 лет. Уровень фиксации –40 см. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами, зауженным ЮЮЗ торцом и скосенным СВ торцом, вертикальные стенки и плоское

дно, размеры 252 x 66 см. Максимальная глубина –90 см. В заполнении слой № 2. На глубине –70–86 см расчищен костяк хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, руки вдоль тела, уложены на таз. У левой бедренной кости найдены железный нож (табл. 112–1) и железная пряжка (ближе к тазовым костям, табл. 112–3), у правой берцовой кости расчищена бронзовая обойма-зажим (табл. 112–2).

Погребение 170 (уч. Б/3`–4`, табл. 118). Пол не определен, 25–35 (?) лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 263 x 98 см, глубину –43 см. В заполнении слой № 2. На дне погребения, в его ССВ половине, на уровне –39–40 см, зафиксированы остатки тленна мощностью 0,1–0,2 см от деревянной погребальной конструкции размерами 134 x 57 см. Антропологический материал имел плохую сохранность: в юго-западной половине могильной ямы, на глубине –33–41 см, сохранились лишь фрагменты костей черепа и зубы, в северо-восточной части, на глубине –33–40 см, – костный тлен конечностей. Судя по их взаиморасположению, умерший был уложен головой на ЮЮЗ. Вещевой материал представлен железным ножом (табл. 118–1), найденным в центре ямы, в области предполагаемых тазовых костей.

Погребение 171 (уч. А/2`–3`, табл. 112). Мужчина, 35–45 лет. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами, скошенный ЮЮВ край, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 235 x 76 см. Максимальная глубина –80 см. В заполнении слои №№ 2, 2а, 6. В центре ямы, на глубине –71–79 см, расчищен костяк удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисти уложены на таз. На правой бедренной кости найдена железная пряжка (табл. 112–1).

Погребение 172 (уч. Б/2`–3`, табл. 118). Ребенок, 10–15 лет. Уровень фиксации –30 см. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю, имеет подпрямоугольную форму со слегка скошенным СЗ углом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 211 x 103 см, глубину –35 см. В заполнении слой № 2. Антропологический материал представлен остатками зубов человека в северной половине ямы, на уровне –33–34 см. Вероятно, умерший был уложен головой на С. Инвентарь представлен бронзовой сюльгамой (табл. 118–2), найденной в центральной части погребения.

Погребение 173 (уч. АБ/2`–3`; табл. 119). Пол не определен, 20–30 (?) лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами и слегка скошенным СВ углом, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 190 x 74 см, глубину –60 см. В заполнении слой № 2. Антропологический материал имеет плохую сохранность, представлен костями черепа в ЮЮЗ половине ямы, расчищенными на уровне –50–58 см. Умерший был уложен головой на ЮЮЗ. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 174 (уч. аА/3`, табл. 119). Мужчина, 45+ лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами и сильно скошенными ЮЗ и СВ торцовыми стенками форму, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 205 x 81 см, глубину –98 см. В заполнении слои №№ 2 и 2а, 6. На уровне –79–95 см расчищен костяк хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, кисти рук уложены на таз. Сопровождающий инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 175 (уч. аА/1`–2`, табл. 120). Мужчина, 20–25 лет. Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами и расширением в ЮЗ торцовой стенке, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 220 x 90 см. Максимальная глубина –145 см. В заполнении слои №№ 2 и 2а. На уровне –115–135 см обнаружен тлен мощностью 2,0–5,0 см от деревянной

погребальной конструкции в виде продольных и поперечных (торцовых) досок верхней крышки гробовища, а также фрагменты днища (толщина тлена до 1,0 см), расчищенных на уровне –135–143 см. Под верхним перекрытием погребальной конструкции, на уровне –121–136 см, обнаружен костяк удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен вплотную к ЮЗ (торцовому) борту ямы, вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Череп сильно деформирован, повернут влево; кисти рук и стопы не сохранились. Рядом с правой лучевой костью расчищена железная пряжка (табл. 120–3) с железным наконечником ремня (табл. 120–4). В области таза находилась бронзовая пряжка с остатками кожи (табл. 120–1). Слева от левой бедренной кости обнаружены железный нож (табл. 120–5) и стеклянная бусина (табл. 120–2).

Погребение 176 (уч. А/1`–1, табл. 121–123). Парное, пол и возраст не определены. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму с закругленными углами, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 280 x 186 см, глубину –70 см. В заполнении слой № 2; на уровне фиксации ямы, по центру, выявлено пятно слоя № 2а, размерами 270 x 152 см, глубиной 6–23 см. На уровне –49–64 см были расчищены верхние крышки от двух деревянных погребальных конструкций, представленных продольными досками гробовищ, толщиной 1,5–3,2 см. Под ними обнаружены останки погребенных и нижний тлен конструкций (глубина –56–68 см) в виде аналогичных продольных и поперечных (торцовых) досок, но с деревянными «кручками» по углам. Мощность тлена от нижних конструкций составляла 1,0–2,5 см. Антропологический материал обоих захоронений имел плохую сохранность, представлен лишь тленом костей черепа, зафиксированным на одном уровне: –64–66 см (костяк А) и –66 см (костяк Б). Умершие были уложены головами на ЮЗ; положение тел установить невозможно. Вещевой материал костяка А довольно выразителен. Слева от черепа найдены фрагменты железной пряжки (табл. 121–1). В «ногах» погребенного, в левом углу гробовища, обнаружено скопление вещей (ЖК), состоявшее из биметаллической бабочковидной фибулы (табл. 123–5–15), фрагментов железной круглопроволочной гравны (23 экз., табл. 122–5–6), фрагментов железных с бронзовой обмоткой височных подвесок с напускными бусинами (5 экз., табл. 122–5–1–5), железного шила с деревянной рукоятью (табл. 122–5–7), фрагмента бронзовой вещи (табл. 122–5–12), бронзовой пронизки (табл. 123–5–14), стеклянной бусины (табл. 122–5–13) и фрагментов железных вещей (табл. 122–5–8–11). Комплект, вероятно, был уложен в берестянную коробочку. Инвентарь костяка Б беднее, представлен фрагментами двух височных подвесок (табл. 121–3, 4) в центральной части погребальной конструкции и фрагментами железной сюльгами (табл. 121–2), обнаруженной в СВ части гробовища.

Погребение 177 (уч. аА/1–2, табл. 124, 125). Ребенок, 4–10 лет. Уровень фиксации –20 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, вертикальные стенки, наклонное дно, размеры 175 x 52 см, максимальную глубину –58 см. В заполнении слой № 2. В ЮЗ половине ямы, на уровне –35–40 см, и в СВ части, на уровне –40–50 см, расчищены фрагменты тлена от деревянной погребальной конструкции толщиной 1,0–2,0 см. Антропологический материал имеет плохую сохранность, представлен фрагментами черепа и зубов на глубине –38–39 см. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на ЮЗ; позу установить невозможно. В ЮЗ части могильной ямы, справа от черепа, на древесном тлене найдены фрагменты железного шила (табл. 125–7), слева от черепа – фрагменты железной гравны с бронзовой обмоткой (табл. 125–6). В противоположном СВ конце могильной ямы, на расстоянии друг от друга, обнаружено два фрагмента височных подвесок с напускными стеклянными бусинами (табл. 125–3, 4). Между ними расчищены обломки бронзовой спиральновитой пронизки (2 фр., табл. 125–2). В СВ углу могильной ямы найдено два неопределенных фрагмента железной вещи (табл. 125–5). Около северо-восточной торцовой стенки ямы, в «ногах» погребенного, расчищено

скопление вещей (ЖК), включавшее стеклянный бисер (105 экз., табл. 124–1–2), бусину (табл. 124–1–1), бронзовую пронизку (табл. 124–1–3), фрагменты спекшихся друг с другом железной вещи и бронзовой цепочки (табл. 124–1–7), фрагмент бронзовой височной подвески (табл. 124–1–4), фрагмент спекшихся железной вещи и бронзовой пронизки-обоймы (табл. 124–1–5), два фрагмента железных вещей (табл. 124–1–6, 8) и спекшиеся друг с другом железные вещи и бисер (среди них – остатки браслета (?), табл. 125–1–9–11).

Погребение 178 (уч. А/1–2, табл. 126). Пол и возраст не определены. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму и слегка выгнутую ЮВ (длинную) стенку, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 234 x 113 см, глубину –75 см. В заполнении слой № 2. В центральной части погребения, на уровне –55–72 см, расчищен тлен деревянной погребальной конструкции, мощностью 1,0–5,0 см, в виде продольных и поперечных (торцовых) досок; конструкция имела «ручки». На глубине –65–73 см, под верхней крышкой, были обнаружены останки погребенного и фрагменты тлена нижней части деревянной погребальной конструкции. Кости имели плохую сохранность: обнаружены отдельные фрагменты черепа, зубов человека и костный тлен. Судя по расположению костей черепа, умерший был уложен головой на ЮЗ; позу установить невозможно. Инвентарь представлен железным ножом (табл. 126–1), найденным в центральной части могильной ямы (в области предполагаемой правой плечевой кости).

Погребение 179 (уч. БВ/4`–5`, табл. 127). Пол и возраст не определены. Уровень фиксации –20 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму со скошенным ЮВ углом, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 220 x 130 см, глубину –32 см. В заполнении слой № 2. В центре могильной ямы, ближе к ЗСЗ (длинной) стенке, на уровне –25–30 см зафиксировано аморфное пятно тлена от деревянной конструкции, размерами 130 x 20–70 см и мощностью 1,0–3,0 см. Антропологические остатки практически не сохранились: в северо-восточной половине ямы, на глубине –28–30 см, расчищены лишь две кости нижних конечностей. Положение умершего определить невозможно; предположительно был уложен головой на ЮЮЗ. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Погребение 180 (уч. Б/4`–5`, табл. 127). Пол и возраст не определены. Уровень фиксации –25 см. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет прямоугольную форму со слегка выгнутой ЗСЗ (длинной) стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 208 x 154 см, глубину –35 см. В заполнении слой № 2. В придонной части ямы, на уровне –32–34 см, зафиксирован тлен мощностью 1,0–2,0 см от деревянной погребальной конструкции прямоугольной формы (типа настила), размерами 160 x 100 см. Антропологический материал имел плохую сохранность; представлен отдельными зубами и костным тленом на глубине –31–35 см. Судя по их размещению, умерший был уложен головой на ЮЮЗ. Инвентаря в погребении не обнаружено.

В засыпке ЮЗ половины ямы, на уровне –27 см и –29 см, найдены три мелких фрагмента стенок лепной керамики коричневого цвета, с примесью органики в тесте. Очевидно, фрагменты попали в погребение из культурного слоя более раннего селища.

Погребение 181 (уч. аА/5`, табл. 128). Уровень фиксации –25 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и расширенной ЗЮЗ торцовой стенкой, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 182 x 94 см, глубину –37 см. В заполнении слой № 2. Антропологический и вещевой материал отсутствовали.

Погребение 182 (уч. аА/5–6, табл. 128). Мужчина, 30–40 лет. Уровень фиксации –35 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную форму со слегка скошенными торцовыми стенками, вертикальные стенки, плоское дно, размеры 270 x 172 см, глубину –77 см. В заполнении слой № 2. В центре ямы, на уровне –55–74 см, расчищен костяк

хорошей сохранности: вытянуто на спине, головой на ЮЗ (череп повернут вправо), руки вдоль тела. Слева у левого бедра обнаружены железная пряжка (табл. 128–1) и железный нож (табл. 128–2). В ногах погребенного, на глубине –75 см, сохранились небольшие фрагменты тленя толщиной не более 1,0 см от деревянной погребальной конструкции.

Погребение 183 (уч. АБ/4–5, табл. 129). Мужчина, 40–50 лет. Уровень фиксации –40 см. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ, имеет прямоугольную с закругленными углами форму, сильно скошенную ЮЗ торцовую и вогнутую СЗ (длинную) стенки, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 272 x 96 см, глубину –88 см. В заполнении слой № 2. На уровне –74–87 см расчищен костяк хорошей сохранности, смещенный от центральной оси к северо-западному борту могильной ямы. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела. Анатомический порядок костей частично нарушен: кости левой половины грудной клетки (ребра, ключица, лопатка) и часть шейных позвонков найдены в области ног, между бедренными и берцовыми костями (здесь же расчищены зубы человека), а также между костями стоп и северо-восточным бортом могильной ямы. В южном углу погребения, за костями черепа, найдены еще два фрагмента ребер. Под костями правой руки, под левой большеберцовой костью и справа от правой большеберцовой кости умершего сохранились фрагментированные остатки тленя толщиной 1,0–2,0 см от деревянной погребальной конструкции. Слева от левой бедренной кости найдены железный нож (табл. 129–5) и стеклянная бусина (табл. 129–1), с внутренней стороны левой бедренной кости расчищена железная пряжка (табл. 129–4). Между бедренными и берцовыми костями обнаружено два костяных наконечника стрел (табл. 129–2, 3).

На изученной площади Боярского «Арай» могильника исследовано несколько объектов, которые могут иметь отношение как к самому некрополю, так и более раннему селищу – это ямы разного назначения и канавы:

Яма № I (раскоп VIII, уч. аА/4, рис. 1А, табл. 133–16). Уровень фиксации –25 см. Имела ромбовидную форму, ориентирована по направлению СЗ–ЮВ, размеры 81,0 x 63,0 см, максимальная глубина –15 см. Дно плоское, с наклоном к северо-восточной стенке. Находки в яме представлены раздробленными костями животных (16 экз.). В заполнении слой № 26.

Яма № II (раскоп X, уч. А/5, рис. 1А, табл. 133–13). Уровень фиксации –22 см. Имела прямоугольную в плане форму со слегка скругленными углами, вертикальные стенки и плоское дно, размеры 42,0 x 24,0 см, максимальная глубина –35 см. Ориентирована по направлению З–В. В заполнении слой № 2. Находок нет.

Канава № 1 (раскопы VIII, IX, уч. Б/3`–5`, рис. 1А, табл. 133–12). Уровень фиксации –15–30 см. Ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Имела вытянуто-прямоугольную с закругленными углами форму, длину 8,2 м (северный конец вышел за пределы раскопа IX) и ширину 12–28 см. Проходила вдоль восточных бортов пп. 170, 172, прерывалась на участке Б/4` юго-западным бортом погр. 179, и продолжалась через северо-восточный сектор погр. 180. В поперечных разрезах канава имела подтрапециевидную и подтреугольную формы, дно в профиле плоское (уч. Б/3`) или округлое (уч. Б/4`–5`). Максимальная глубина –28 см. В заполнении слой № 2. На уч. Б/4`, на глубине –27 см, найден фрагмент стенки лепной керамики.

Канава № 2 (раскоп IX, уч. а/4`–5`, рис. 1А, табл. 133–14). Уровень фиксации –10–30 см. Ориентирована по линии С–Ю. В плане имела неправильную вытянуто-прямоугольную форму, с закругленным южным и расширенным северным бортами (северо-западный край уходит за пределы раскопа IX). В профиле канава подтреугольной формы с чуть вогнутыми стенками и округлым дном. Максимальные размеры: длина 3,0 м, ширина 68 см, глубина –40 см. В заполнении слой № 2. На глубине –35 см, в отдалении друг от друга, найдены фрагмент стенки лепного керамического сосуда и бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (табл. 159–23).

Канава № 3 (раскоп IX, уч. В/4`–5`, рис. 1А, табл. 133–15). Уровень фиксации –15–20 см. Ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ, шла параллельно канаве №1. В плане имела вытянуто-прямоугольную форму с закругленными углами, длину 6,0 м, ширину 30–40 см, глубину –30 см. В профиле стенки канавы наклонные, дно округлое. В заполнении зафиксирован слой № 2. Найдены в канаве отсутствовали.

Описание столбовых ям (рис. 1, табл. 133)

Объект	№ раскопа, участок	Уровень фиксации (см)	Форма в плане	Размеры (диаметр, см)	Глубина (от уровня фиксации, см)	Заполнение (№ слоя)	Форма дна
столбовая яма № 1	II, К/25	–20	округлая	10	6	2	коническая
столбовая яма № 2	II, ИК/26	–30	округлая	23	6	2	округлая
столбовая яма № 3	II, К/25	–35	округлая	15	9	2	коническая
столбовая яма № 4	VII, Б/2`	–50	округлая	14	4	2	округлая
столбовая яма № 5	VII, Б/2`	–40	округлая	18	4	2	округлая
столбовая яма № 6	VII, Б/2`	–40	овальная?	20	8	2	округлая
столбовая яма № 7	VII, ВГ/2`	–40	округлая	40	20	26	округлая
столбовая яма № 8	VII, Б/1	–30	округлая	20	10	2	округлая
столбовая яма № 9	VIII, а/3`	–25	подквадратная	28 x 28	12	2	плоская
столбовая яма № 10	VIII, А/4	–25	подквадратная	18 x 20	10	2	плоская
столбовая яма № 11	IX, Г/5`	–40	округлая	24	11	2	округлая

Рис. 2. Вид на площадку Боярского «Арай» могильника, с востока.

Фото С.Е. Перевощикова, 2002 г.

Рис. 3. Современное
состояние Боярского
«Арай» могильника.
Вид с востока. Фото
О.Ф. Хайруллиной,
2024 г.

Рис. 4. Боярский «Арай» могильник. Процесс раскопок на южной
оконечности мыса. Фото С.Е. Перевощикова, 2003 г.

Рис. 5. Грабительские раскопы на площадке Боярского «Арай» могильника, вид с запада.
Фото С.Е. Перевощикова, 2003 г.

Рис. 6. Результаты разрушительной деятельности «любителей древностей» на Боярском «Арай» могильнике: вскрытое погребение в стенке грабительской траншеи III.
Фото С.Е. Перевощикова, 2003 г.

Рис. 7. Окрестности Боярского «Арай» могильника (площадка соседнего мыса со слоем селища ананьинско-пьяноборского времени), вид с северо-северо-запада.
Фото О.Ф. Хайруллиной, 2024 г.

Рис. 8. Окрестности Боярского «Арай» могильника.
Вид с площадки селища, с запада. Фото О.Ф. Хайруллиной, 2024 г.

Рис. 9. Вид на д. Боярка Каракулинского района УР,
с севера. Фото А.Ю. Долгановой, 2019 г.

Рис. 10. Вид на оз. Большое, с северо-востока. Фото А.Ю. Долгановой, 2019 г.

Рис. 11. Боярский «Арай»
могильник. Процесс
выборки погребения.
Фото из личного архива
Т. Р. Сабирова 2004 г.,
второй справа

Рис. 12. С.Е. Перевощиков и О.А. Карпушкина знакомят школьников с. Вятское
с раскопом Боярского «Арай» могильника. Второй слева – историк-краевед
В.С. Буторин. Фото Т.Р. Сабирова, 2009 г.

Рис. 13. Участники
международной конференции
«Модели взаимодействия
народов Евразии в эпоху
Великого переселения
народов» на площадке
Боярского «Арай»
могильника, июнь 2005 г.

Рис. 14. Боярский «Арай»
могильник. Погребение 16
(раскопки 2002 г.)

Рис. 15. Боярский «Арай» могильник.
Погребение 26 (раскопки 2003 г.)

Рис. 16. Боярский «Арай»
могильник. Погребение 18
(раскопки 2002 г.)

Рис. 17. Боярский «Арай»
могильник. Костяк В погребения 23
(раскопки 2002 г.)

Рис. 18. Боярский «Арай»
могильник. Погребение 105
(раскопки 2004 г.)

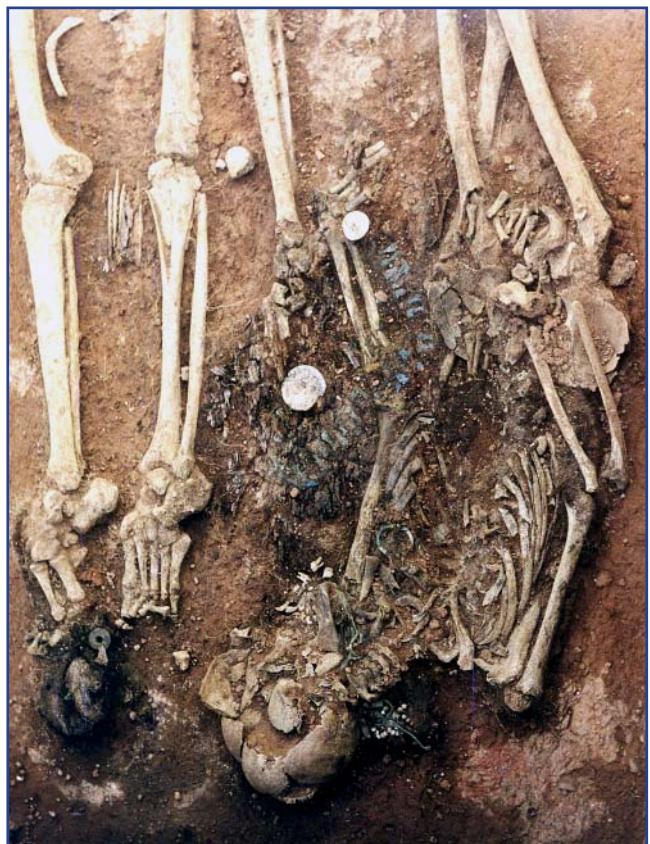

Рис. 19. Боярский «Арай» могильник.
Фрагмент погребения 115, костяки Б и Д
(раскопки 2004 г.)

Рис. 20. Боярский «Арай» могильник. Жертвенный комплекс (справа)
и расположение головного убора (слева) в погребении 168 (раскопки 2007 г.)

Рис. 1. Боярский (Арай) могильник. Типы бус
(к статьям Е.В. Голдиной и Е.М. Черных, помещенным в приложении №1)

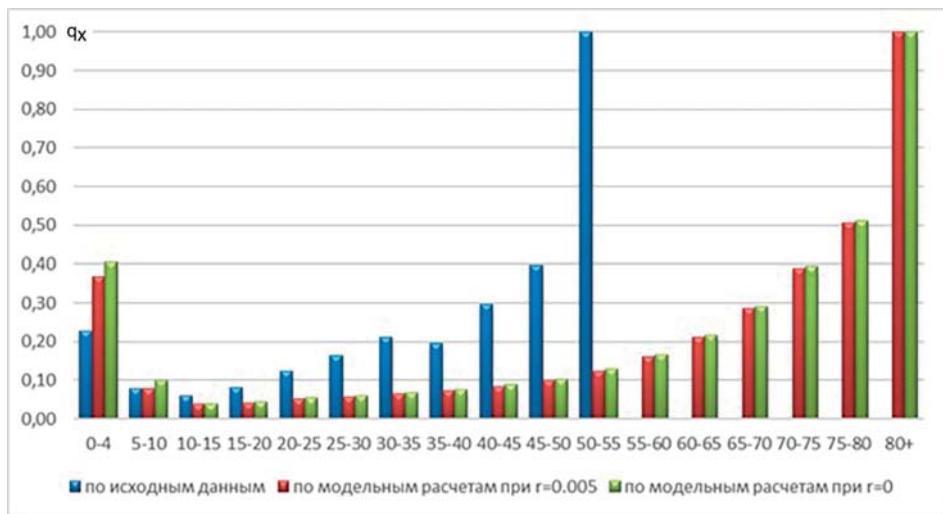

Рис. 1. Динамика вероятности смерти (q_x) у населения, оставившего Боярский могильник, согласно расчетам, основанным на исходных антропологических определениях, и реконструированная в соответствии с алгоритмом И. Сегюи (Сегюи, Бренже, 2010).

К статье И.Г. Широбокова (приложение № 3)

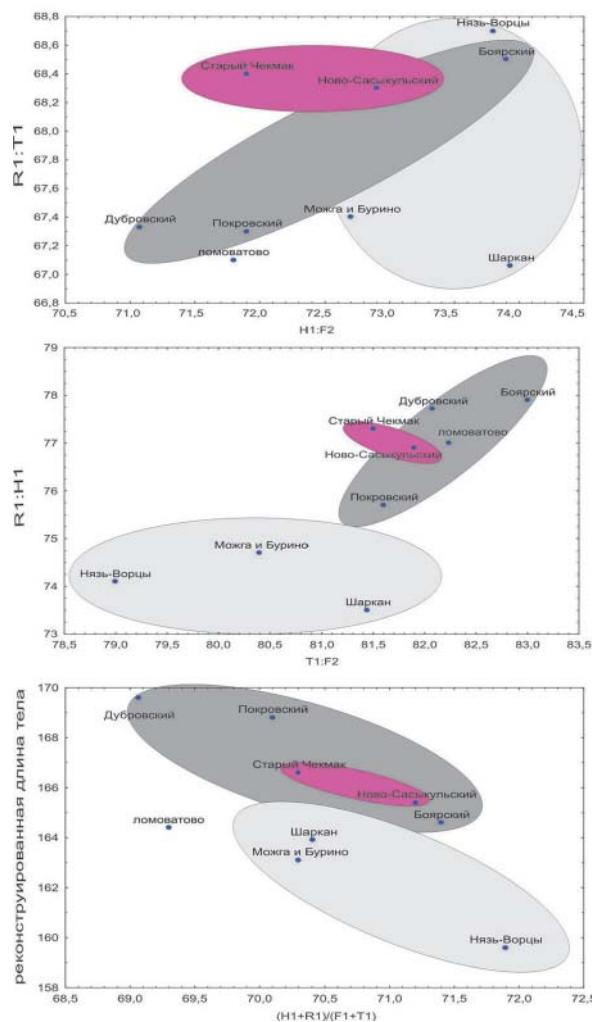

Рис. 2. Вариативность средних остеометрических показателей в мужских выборках населения Камско-Вятского междуречья. Темно-серой заливкой отмечена область изменчивости мазунинских выборок, фиолетовой – чегандинских, светло-серой – удмуртских. К статье И.Г. Широбокова (приложение № 3)

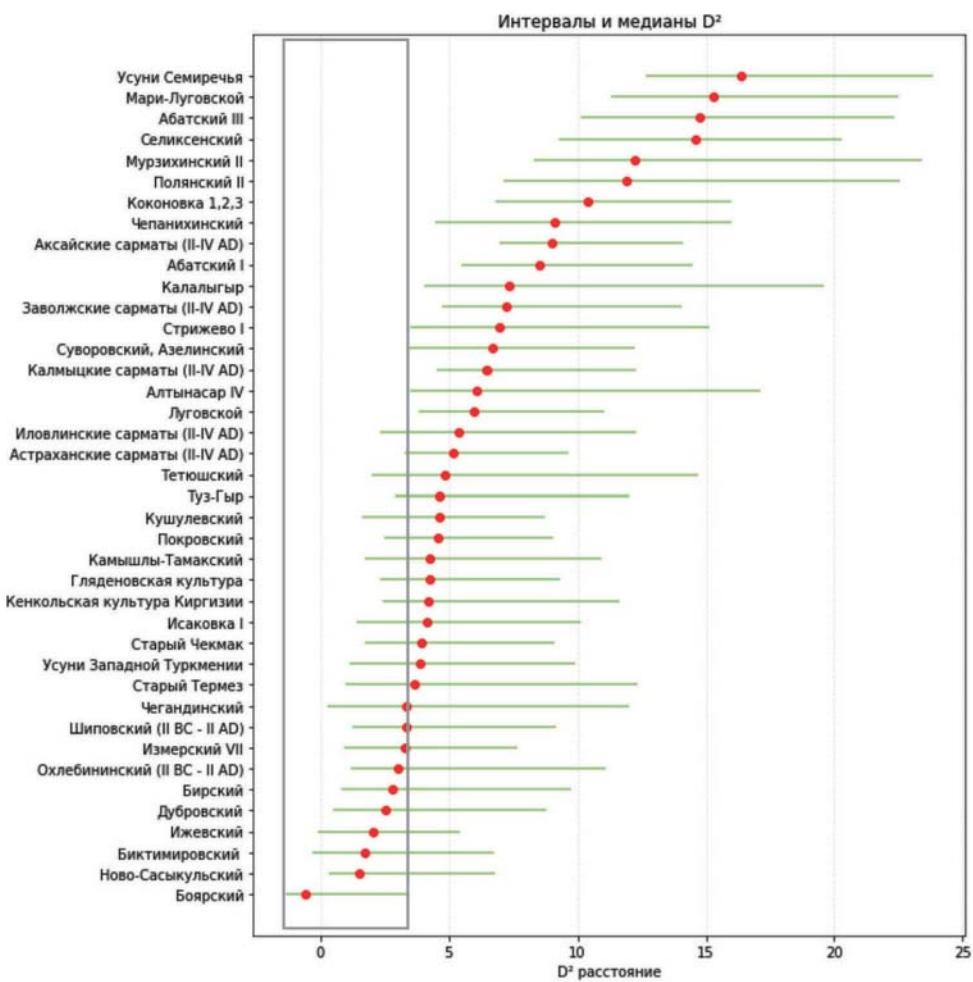

Рис. 3. Медианы и 95%-ые доверительные интервалы расстояний Махalanобиса (D^2) между мужской выборкой Боярского могильника и группами синхронного и предшествующего времени Поволжья, Приуралья, Казахстана и Западной Сибири.
К статье И.Г. Широбокова (приложение №3)

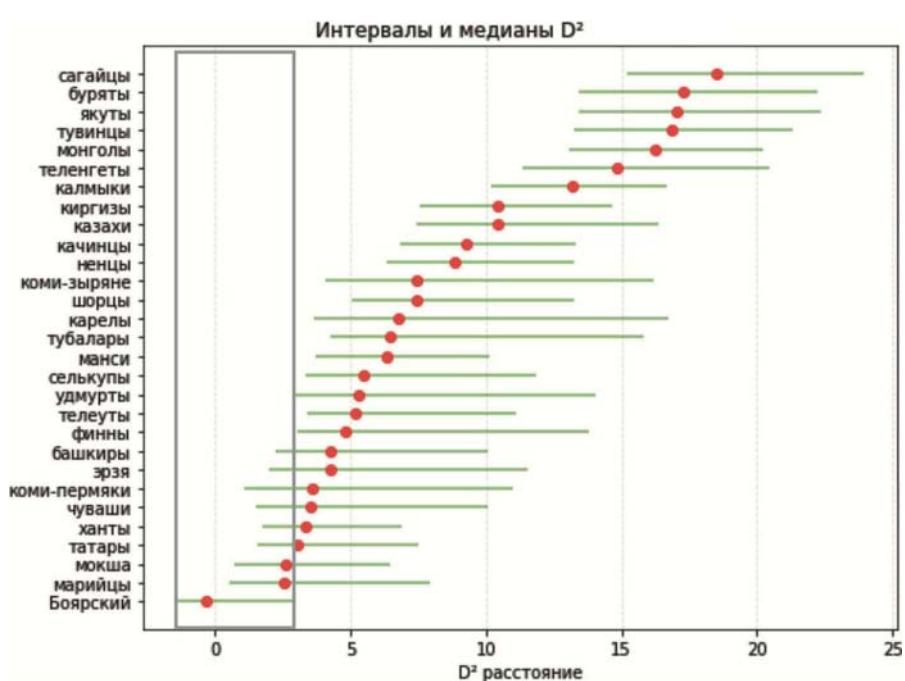

Рис. 4. Медианы и 95%-ые доверительные интервалы расстояний Махalanобиса (D^2) между мужской выборкой Боярского могильника и группами Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии.
К статье И.Г. Широбокова (приложение №3)

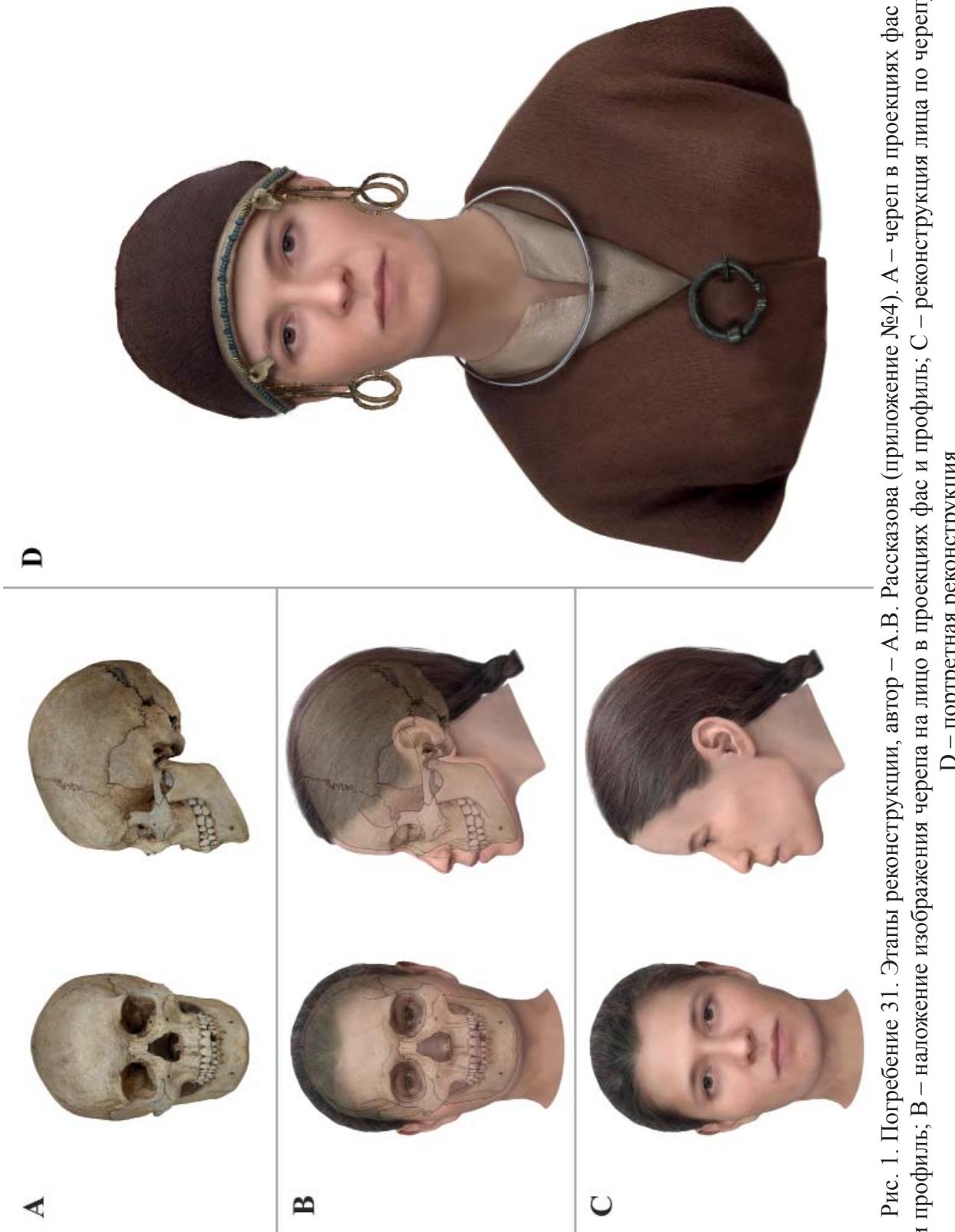

Рис. 1. Погребение 31. Этапы реконструкции, автор – А.В. Рассказова (приложение №4). А – череп в проекциях фас и профиль; В – наложение изображения черепа на лицо в проекциях фас и профиль; С – реконструкция лица по черепу; D – портретная реконструкция

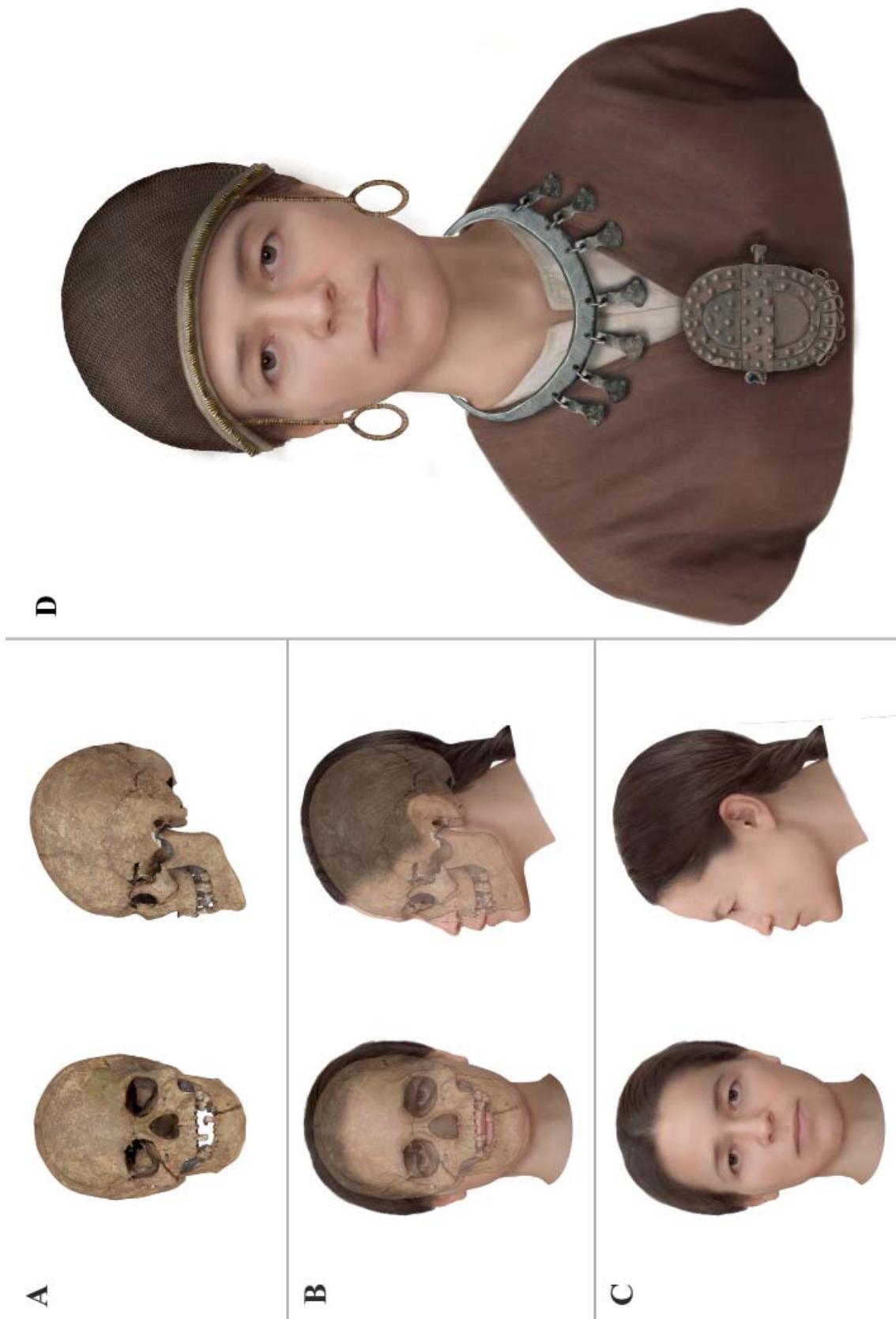

Рис. 2. Погребение 89. Этапы реконструкции, автор – А.В. Рассказова (приложение №4). А – череп в проекциях фас и профиль, В – наложение изображения черепа на лицо в проекциях фас и профиль; С – реконструкция лица по черепу, D – портретная реконструкция

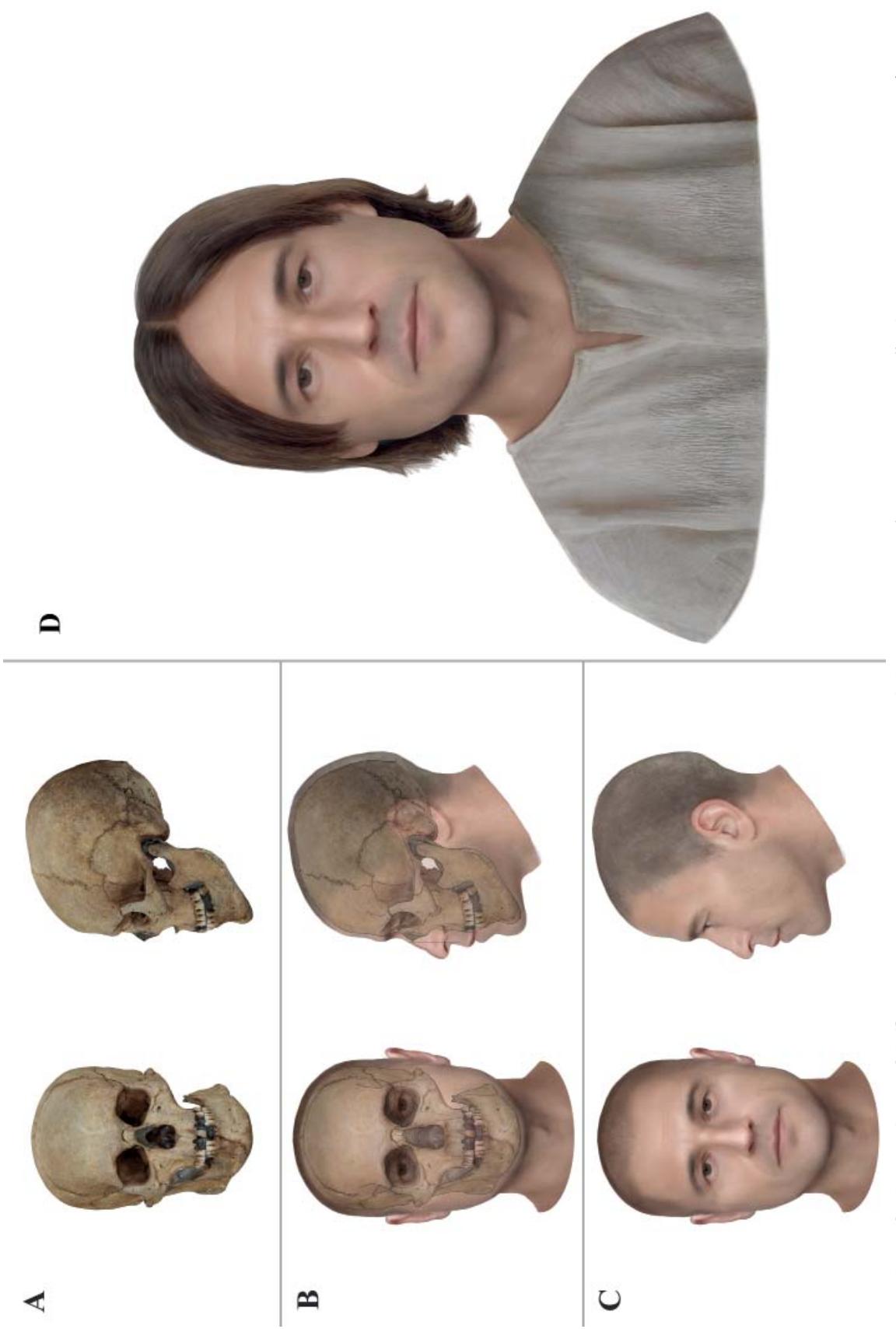

Рис. 3. Погребение 97. Этапы реконструкции, автор – А.В. Рассказова (приложение №4). А – череп в проекциях фас и профиль; В – наложение изображения черепа на лицо в проекциях фас и профиль; С – реконструкция лица по черепу, D – портретная реконструкция

ГЛАВА 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА

Под погребальным обрядом понимается комплекс действий определенного характера над умершим человеком, которым руководствуются живые в силу принятых в каждом конкретном обществе норм и правил. В археологической литературе обращение к погребальному обряду имеет особую значимость. Считается, что в нем находят отражение несколько сфер деятельности изучаемых обществ: религиозно-идеологическая, практическая (материальная), социальная (Алекшин, 1986, с. 6; Ольховский, 1991, с. 4; Иванова, 2002, с. 48). Первая («содержание обряда») связана с существующими в конкретных обществах религиозными представлениями, обычаями, традициями, предписаниями, санкционирующими переход умершего в качественно новое состояние – в «потусторонний мир»; вторая характеризуется реальными действиями, цель которых – устранение (изоляция) умершего члена коллектива посредством создания погребального памятника (Алекшин, 1986, с. 6; Ольховский, 1991, с. 4). Третья воплощает в себе социальные представления о месте и роли древнего человека, группы людей или древнего общества в целом (Иванова, 2002, с. 48).

Действия, направленные на посмертное обращение с мертвым телом укладываются в последовательность самостоятельных, но взаимозависимых стадий: первая – предварительная – характеризует манипуляции с телом умершего (трупосохранение или трупоуничтожение); вторая – завершающая – относится к созданию погребального комплекса (погребение / выставление); третья связана с поддержкой или игнорированием дальнейшего существования умершего (поминание / непоминание) (Смирнов, 1997, с. 10, 23). Археологам доступны элементы лишь второй стадии (изредка третьей) – да и те в виде материальных остатков. Однако даже такие «косточки» прошлых эпох способны дать информацию о различных аспектах жизни изучаемых древних обществ: в частности, об элементах духовной и материальной культуры, этнических и демографических процессах, антропологических характеристиках, социальной структуре и т.д.

При характеристике погребального обряда конкретного социума первобытности (по данным того или иного изученного могильника / кладбища) исследователями выделяются следующие структурные компоненты, образующие погребальный комплекс: 1) погребальное сооружение, 2) останки умершего, 3) погребальный инвентарь (Ольховский, 1991, с. 14, табл. 2; Смирнов, 1997, с. 31–32, 39). Такая структура описания используется во многих археологических публикациях. В анализе погребального обряда Боярского могильника авторы также придерживались приведенной выше последовательности.

2.1. Погребальные сооружения

Погребальное сооружение – это «форма организации замкнутого пространства вокруг умершего», вид которого определяется, религиозно-идеологическими представлениями, природной средой, наличием материальных и людских ресурсов (Ольховский, 1991, с. 16; Смирнов, 1997, с. 30, 33). Основные функции погребального сооружения сводятся к тому, чтобы принять и разместить тело покойного, обособить (изолировать) его от окружающих и сохранить в неприкосновенности в течение длительного времени (Смирнов, 1997, с. 39).

Боярский «Арай» могильник относится к типичным для раннего железного века – Средневековья грунтовым могильникам Прикамья. Он расположен в 4-х км к западу от д. Боярка Каракулинского района Удмуртской Республики, в 5 км к северу от основного русла р. Кама, на узком вытянутом мысу высотой 13 м коренного берега реки, образованном с запада и востока молодыми, интенсивно растущими оврагами (рис. 1, А–В). Поверхность памятника ровная, слегка наклонена к юго-востоку.

Всего на погребальном поле могильника было изучено 183 погребения и не менее 217 костяков⁷. Все захоронения на некрополе совершены в грунтовых ямах, заполненных светло-коричневым суглинком с незначительными включениями гумуса, угля или мергелей. Следы могил на современной поверхности, еще недавно распахиваемой, визуально не прослеживались; мощность пахотного горизонта составляла 10–40 см. В то же время в древности надмогильные сооружения, с большой долей вероятности, существовали, о чем свидетельствуют четкость и регулярность рядов погребений, протянувшихся с СЗ на ЮВ, а также редкие случаи взаимонарушений могил (всего 17 – пп. 3–4, 5–6, 2–9, 22–23, 35–43, 57–60, 71–72, 73–74, 91–104, 95–150, 98–97, 111–117, 123–125, 132–133, 136–142, 152–154, 155–156) (рис. 1А). В южной (№№ 1–3) и северной (№№ 4–11) частях погребального поля зафиксированы 11 столбовых ям диаметром 10–40 см; некоторые из них (№№ 1–6, 8–10), вероятно, обозначали в древности границы могильника, либо маркировали отдельные группы / погребения.

Форма могильных ям (табл. I). Захоронения на могильнике в основном совершались в ямах подпрямоугольных очертаний (165 погребений, 90,2%), с вертикальными или чуть наклонными стенками (170 погребений, 92,9%) и плоским дном (168 погребений, 91,8%). Как единичные отмечены ямы, близкие к овальной (табл. 33, погр. 62), подтреугольной (табл. 19, погр. 42) или трапециевидной (табл. 26, погр. 52) форме. Слегка изогнутые (деформированные) в разрезе стенки зафиксированы лишь в погребении 8; в трех могилах (пп. 5, 26, 177) дно было несколько наклонено. В 37 случаях отмечено нарушение целостности могил вследствие интенсивной овражной эрозии и действий «черных копателей».

Ориентация могил (табл. II) может быть охарактеризована скорее как широтная – преимущественно по линии ЮЗ–СВ / СВ–ЮЗ (72 погребения, 39,3%), ЗЮЗ–ВСВ (60 погребений, 32,8%), З–В / В–З (29 погребений, 15,9%) и ЗСЗ–ВЮВ (4 погребения, 2,2%), нежели меридиональная – ЮЮЗ–ССВ / ССВ–ЮЮЗ (17 погребений, 9,3%) и С–Ю (1 погребение, 0,5%), что диктовалось, очевидно, направлением течения р. Камы.

Размеры могильных ям имели следующие параметры (табл. III, IV, V): преобладает длина до 150 см (48 погребений, 26,2%), ширина – 71–90 см (65 погребений, 35,6%), глубина – 61–80 см (61 погребение, 33,3%). При корреляции длины и ширины могильных ям (табл. VI) выделилась группа погребений с длиной до 150 см и шириной 28–50 см (27 погребений, 14,8%), а также с длиной 211–240 см и шириной 71–90 см (24 погребения, 13,1%). Соотношение признаков длина и глубина могилы (табл. VII) показало, что разброс значений небольшой, однако выделяется группа погребений с длиной до 150 и глубиной до 40 см (21 погребение, 11,5%). Таким образом, для Боярского могильника, как и для остальных мазунинских, характерны «узкие, длинные, неглубокие прямоугольной формы могильные ямы» (Останина, 1997, с. 22). Стоит отметить, что в целом для умерших выкапывались просторные погребальные камеры (в том числе и для детских костяков, например, погр. 39, 94, 114, 117, 120 и др.), размеры которых явно превышают антропометрические данные индивидов. «Тесные» погребальные сооружения были, как правило, редки (например, погр. 17, 142). Любопытно, что у удмуртов существовало поверье, согласно которому ноги покойника не должны были касаться стенки гроба, а гроб – стенки погребения, «иначе на «том свете» жить будет тесно» (Шутова, 1992, с. 60).

В 83 погребениях некрополя зафиксирована 91 деревянная *погребальная конструкция* (у 88 индивидов, 45,8% – от 192 останков, найденных в погребениях) разной степени сохранности (табл. VIII). Четко определяются как минимум 2 вида используемых в обряде конструкций: собранные из отдельных досок гробы (34 случая, 37,3%) и монолитные колоды (2 случая, 2,2 %, табл. 18, погр. 41). У первых, как правило, фиксируется верхнее перекрытие и (или) нижний тлен (настил) с продольными и / или поперечными боковыми

⁷ В их числе антропологические останки, собранные с разрушенной поверхности могильника.

досками. Среди наиболее сохранившихся экземпляров выделяются подвиды – т.н. «ящики» (3 случая) и их разновидности, имевшие выступы в виде «ручек» по углам (8 случаев, табл. 106, погр. 157). Такие же приспособления выявлены на гробах, определяемых по наличию верхнего перекрытия и настила (4 случая). Собственно фрагменты нижнего тлена погребальных конструкций – настилы – обнаружены в 22 случаях (24,2%). Могли использоваться в качестве самостоятельного типа изоляции покойника, либо являются частью сохранившихся фрагментарно погребальных конструкций, как, например, остатки верхних перекрытий (3 случая). В погр. 76 (табл. 40) зафиксированы фрагменты настила прямоугольной формы, изготовленного, вероятно, из коры дерева (края конструкции в плане чуть загнуты внутрь).

У 75 индивидов с сохранившимися в могиле погребальными конструкциями был установлен пол и возраст: 39 мужских, 26 женских и 10 детских захоронений (табл. IX). При этом в мужских погребениях чаще встречались гробы (18 случаев), а так называемые «ручки» в торцах погребальных конструкций выявлены, главным образом, во взрослых захоронениях. Настилы отмечены одинаково как в мужских (8 случаев), так и в женских (8 случаев) погребениях; в двух колодах были захоронены женщина (погребение 77) и ребенок (погребение 41).

В 6 коллективных погребениях деревянные погребальные конструкции предназначались для каждого умершего – пп. 23А и В (табл. 9), 66А и Б, 115А, Б, Г и Д, 136А и Б, 145А и Б, 176А и Б. Это соответствует наблюдениям Т.И. Останиной, писавшей о том, что количество таких погребальных конструкций могло доходить до трех в одной могиле (1997, с. 23).

Все обнаруженные на Боярском могильнике внутримогильные погребальные конструкции были изготовлены без использования металлических гвоздей (в одном случае – погр. 81 – д.б.н. О.Г. Бараповой (УдГУ) определена хвойная порода дерева). Это характерная черта для всех мазунинских могильников. Исследователи находят объяснение данному феномену в религиозных традициях финно-угорских народов. В частности, у некоторых групп удмуртов гробы изготавливались из половых досок прямо в могиле, сами доски могли скрепляться между собой лыковыми веревками, колышками, либо соединялись в углах по типу сруба (Шутова, 1992, с. 62; Останина, 1997, с. 23; Голдина и др., 2015, с. 14). Дощатые гробы коми-зырян еще в начале XX в. скрепляли деревянными гвоздями-нагелями, либо доски стягивали бечевой через отверстия. Использовались также колоды и лодки; маленьких детей иногда погребали в люльке (Терюков, 2004, с. 316). У марийцев основными погребальными конструкциями до середины XIX в. служили колоды (из сосны, дуба, липы) или лубок, позднее использовались дощатые гробы, которые также связывались лыком (Кузнецов, 1904, с. 78; Попов, 2013, с. 249). Древнейшим погребальным сооружением марийцев считалась конструкция без днища, по типу «рамы», из четырех досок, которые укладывались в торцах и в длинных боковых стенках могилы, либо из двух досок по бокам и одной сверху (Кузнецов, 1904, с. 78–79).

Следует отметить, что в некоторых погребальных конструкциях боярцев (в гробах или настилах) встречаются дополнительные, по всей видимости, крепежные элементы в виде перекладин-брюсков, установленных в торцах или расположенных на небольшом расстоянии от краев конструкций (погребения 9, 16, 176) – черта, отмеченная и на других мазунинских некрополях (Останина, 1997, с. 23; Голдина и др., 2015, илл. 25).

В 7 могилах Боярского могильника – 8, 58, 68, 74, 86, 109, 158 (табл. 107) – выявлены следы *температурного воздействия*: это обугленные плахи погребальных конструкций, отдельные угольки в засыпке могильных ям или рядом с костяками, углистые пятна в погребениях.

2.2. Останки умерших

Всего в Боярском («Арай») могильнике зафиксированы останки 217 индивидов. Антропологический материал исследован к.и.н., сотрудником Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) Иваном Григорьевичем Широбоковым и опубликован (Широбоков, Черных, 2016; см. приложение № 3). Пол определен у 67 мужских (30,9%) и 54 женских (24,9%) костяков; на могильнике также было захоронено 64 (29,5%) детских костяка (табл. X). При этом антропологические останки – 192 костяка, 88,5% от общего количества погребенных – были обнаружены только в 172 погребениях: 65 мужчин (30,0%), 53 женщин (24,4%) и 59 детей (27,2%). Средний возраст смерти погребенных на Боярском могильнике составил 26 лет. Примерно треть умерших с определенным возрастом относится к категории моложе 15 лет (больше половины из них вошли в первый пятилетний интервал), каждый восьмой умерший – к старшей группе (более 50 лет). Средний возраст мужчин с установленным полом несколько выше, чем у женщин (39 и 36 лет). Эти показатели близки общим данным по мазунинским могильникам (29–38,8 лет) и средней продолжительности жизни средневекового населения Северной Европы (30–40 лет) (Останина, 1997, с. 138).

Отсутствует антропологический материал в 11 погребениях: 99, 108, 113, 131, 149, 160, 161, 164, 165, 167, 181.

Все захоронения совершены по способу трупоположения. *Поза погребенных* (табл. XI) определена в 148 случаях, 77,1% – от количества найденных в погребениях костяков. Умершие в основном лежали вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, ноги вытянуты (71 случай, 37,0%), что типично для мазунинского обряда (Останина, 1997, с. 24). Такая поза характерна как для мужчин (30 случаев) и женщин (26 случаев), так и для детей (13 случаев), захороненных на Боярском могильнике. Отклонения, как правило, редки: «верхние конечности вытянуты и кисти рук на тазу, нижние конечности вытянуты» (характерно для мужчин – 5 случаев из 9), «верхние конечности слегка согнуты в локтях и уложены вдоль тела, нижние конечности вытянуты» (характерно для взрослых – 5 случаев), «верхние конечности согнуты в локтях и кисти рук на тазу, нижние конечности вытянуты» (характерно для мужчин – 6 случаев из 8), «одна верхняя конечность вытянута, другая согнута и уложена на таз, нижние конечности вытянуты» (характерно также для мужчин – 5 случаев из 11) и т.д. Однако можно отметить оригинальные случаи: в коллективном п. 115 женщина 20–30 лет (костяк Г) как бы «обнимала» ребенка (табл. 67); другой женский (?) костяк Д 14–18 лет из этого же погребения был уложен таким образом, чтобы смог поместиться в могиле: поверх костяка Г, на левом боку, с согнутыми в локтях руками (рис. 19). У некоторых индивидов кости верхних и (или) нижних конечностей располагались близко друг к другу – вероятно, были связаны или чем-то обернуты: пп. 29, 30, 31, 33А, 40, 52, 58, 95, 101, 105 (рис. 18), 109А, 135, 138 (табл. 86), 139. Отсутствие подвижных частей верхних или нижних конечностей (кисти, стопы) наблюдается в погребениях 18, 27, 46, 60, 70, 135, 152.

В одном случае отмечено скорченное положение погребенного мужчины 25–35 лет из погр. 16: умерший был уложен на левом боку с согнутыми в локтях и скрещенными между собой (связанными?) руками, пальцы левой руки находились под челюстью, ноги согнуты в коленях (табл. 6, рис. 14). В мазунинских могильниках эта поза встречается достаточно редко (Останина, 1997, с. 24). Кроме Боярки, такие случаи, опять же единичные, известны в Старо-Кабановском (п. 132, захоронение № 1), Сайгатском (п. 15), Тарасовском (п. 1045), Дубровском (п. 193) могильниках (Стоянов, 1962, с. 125, рис. 18; Васюткин, Останина, 1986, с. 77; Останина, 1997, табл. 4; Голдина и др., 2015, илл. 34, 9; Черных, отчет-2017, рис. 42).

Черепа присутствуют практически у всех индивидов, захороненных в Боярском могильнике (178 случаев, 92,7%); в погребениях фиксируются «прямо», реже запрокинуты на правую (пп. 33А, 68, 111, 129, 144А, 182) или левую (пп. 16, 20, 22, 70, 73, 109А,

115В, 115Д, 130, 151, 175) стороны, что связано с позой умершего (например, «на боку») и, очевидно, посмертными изменениями трупов. Смещение черепов относительно своего первоначального положения отмечено в пп. 18 и 23В. Их отсутствие (14 случаев, 7,3%) наблюдалось, как правило, в тех могилах, где выявлены грабительские вкопы (пп. 56, 59, 60, 63, 77, 85), либо имелась неудовлетворительная сохранность костей (пп. 156, 179); не исключено, что в некоторых случаях черепа изымались намеренно (вместе с другими костями), например, в ритуальных целях, или могли быть утеряны результате каких-то военных столкновений – пп. 52, 55, 71, 78, 86, 145А.

Ориентировка погребенных определена в 169 случаях (88,0% – от количества костяков, найденных в погребениях) (табл. XII). В Боярском могильнике господствовало направление умерших головой в южный и западный секторы: ЮЗ (67 случаев, 34,9%), ЗЮЗ (53 случая, 27,6%), З (24 случая, 12,5%) и ЮЮЗ (13 случаев, 6,8%). Т.И. Останина полагает, что для мазунинцев выбор ориентировки при захоронении зависел от направления течения реки (1997, с. 24). При таком взгляде оказывается, что большинство погребенных в Боярском могильнике (157 случаев, 81,8%) покоилось головой к р. Каме, вниз по ее течению. Противоположное направление – «ногами к реке» (на С, ССВ, СВ, ВСВ и В) – отмечено всего в 9 случаях (4,6%): это, как правило, одиночные захоронения детей, либо взрослых женщин, а также парные погребения «валетом» без сопроводительного инвентаря или все-таки с небольшим количеством вещей: пп. 4, 36, 66А, 90, 103, 115Д, 116, 144Б, 172. Речная ориентация рассматривается как характерная и для раннечегандинских, и для караабызских могильников (Останина, 1997, с. 24).

В Боярке преобладали индивидуальные захоронения (157 могил, 81,8% – от количества костяков, найденных в погребениях). Имеется некоторое количество *коллективных погребений* (табл. XIII): парные (12 случаев), тройные (2 случая) и 5 костяков (1 случай). Парные захоронения представлены, главным образом, совместным погребением женщин и детей (5 случаев: пп. 10, 45, 109, 127, 132) – вероятно, молодых матерей 20–35 лет и их детей; в п. 132 захоронена пожилая женщина 50+ лет и новорожденный ребенок (возможно, бабушка и внук/внучка?). Реже совместно захоранивались мужчины, как правило, одного возраста (п. 145, табл. 94) или разновозрастные (с разницей в 10–15 лет, пп. 33, 136, табл. 16, 84). Мужчина и новорожденный ребенок покоились вместе в п. 112 (табл. 65); причем детский костяк был перекрыт глиняным сосудом. В п. 176 (табл. 121) оба захоронения женские (правда, пол обеих определен по составу инвентаря). Единственное погребение разнополых индивидов – № 66 (табл. 36) – вероятнее всего, супругов; в нем были погребены женщина 30–40 лет и мужчина до 50 лет. В двойном погребении 144 (табл. 93) захоронены двое детей близкого возраста – 5–6 и 7–8 лет. Тройное погребение 23 (табл. 9), возможно, являлось захоронением семейной группы – мужчины и женщины 30–40 лет и маленького ребенка 5–6 лет. В тройной могиле №81 (табл. 43) погребены женщина 40–50 лет и двое разновозрастных детей – 8–10 лет и старше полугода. Очевидно, несчастный случай или болезнь явились причиной одновременной смерти пяти человек (п. 115, табл. 67) – двух мужчин 25–40 лет, двух женщин 14–18 и 20–30 лет и одного ребенка. Характер позы одной из женщин (костяк Д) свидетельствует о помещении ее тела в уже заполненную могилу.

Ориентация умерших в коллективных погребениях ничем не отличается от одиночных. Исключением являются две могилы, захоронения в которых были разнонаправленными, т. е. «валетом». Этим способом укладывались умершие в двух парных погребениях 66 и 144, где один из костяков лежал головой в противоположную сторону – на СВ. Такой же случай имел место в погр. 115 с пятью индивидами: женский костяк Д, помещенный с краю (о чем упоминалось выше), был уложен головой в противоположную остальным четырем сторону – на ВСВ. Следует отметить, что парные захоронения с мужскими и женскими костяками (например, пп. 33, 136, 145, 176), отличавшиеся как разнообразным, так и скучным

набором погребального инвентаря, имели довольно просторные могильные ямы, вмещавшие порой по две индивидуальные деревянные конструкции (пп. 136, 145, 176). В этой связи можно предположить, что такие редкие и атипичные для мазунинского погребального обряда захоронения «валетом», с изменением ориентировки одного из умерших, могли совершаться при каких-то экстраординарных событиях, случившихся в семье или общине, когда требовалось быстро передать земле умерших членов коллектива; вполне возможно, что на характер захоронения также влияли социальный статус (все-таки одно из погребений «валетом» детское) или какие-то религиозные воззрения мазунинцев.

В Боярском могильнике наблюдаются захоронения с явными отклонениями от установленной нормы обрядности – 42 погребения⁸ и 43 костяка (22,4%) с *нарушенной схемой скелета*. Столь высокая доля таких случаев на могильнике побуждает рассмотреть это явление более детально. Выделяются две группы атипичных захоронений (табл. XIV):

1. Костяки, у которых отмечены «тотальные» нарушения анатомического порядка скелета, – 10 случаев. Схема разрушений выглядит следующим образом:

а) костяк полностью разрушен, кости приурочены к определенной части могилы: пп. 24, 26 (табл. 11, рис. 15), 27, 55, 71, 109Б, 123, 132Б.

б) кости разбросаны по всей площади дна могильной ямы – пп. 47 (табл. 24), 115А.

В данной группе оказались костяки, принадлежавшие индивидам с разным полом и возрастом – от новорожденного до взрослого 40–50 лет. В четырех погребениях (пп. 26, 47, 115А, 123) имелся погребальный инвентарь, правда, весьма невыразительный: застежка с неподвижным крючком и остатки железных вещей. Лишь в погр. 115А обнаружены 13 костяных наконечников стрел, но сложены они не компактно, как это отмечено в других мужских погребениях, а разбросаны по могиле (табл. 67). Симптоматично, что в коллективных погребениях 109, 115, 132 нарушенные костяки «соседствовали» с сохранившими анатомический порядок, что свидетельствует, скорее всего, об избирательности такой ритуальной практики. Кроме того, в данной группе зафиксировано отсутствие некоторых частей скелета: погр. 27 – кости конечностей; погр. 55 – череп, грудная клетка, таз, кисти, ступни; погр. 71 – череп, грудная клетка, таз, кости конечностей.

2. Костяки с сохранившимся анатомическим порядком; нарушения наблюдались лишь в отношении отдельных частей скелета (33 случая):

а) нарушения, связанные с черепом: пп. 13, 18, 37, 78, 145А. Их отсутствие наблюдалось в пп. 78 и 145А. В погр. 37 череп перемещен один, а в погр. 13 вместе с частями грудной клетки (лопатка, ребро). Голова костяка из погр. 18 (табл. 7, рис. 16) была отсечена и уложена на левое плечо, часть позвонков выложена в ряд выше черепа. У этого костяка также отсутствовали ступни ног.

Смещение черепов от положения *in situ* отмечено в двух женских погребениях (пп. 13, 37) и в одном мужском (погр. 18), не имевших инвентаря. Показательно отсутствие черепов в захоронениях мужчин наиболее дееспособного возраста – 18–22 и 25–40 лет (пп. 78, 145А), сопроводительный инвентарь которых представлен ножами, стрелами, пряжками и т.д. Они, скорее всего, являются жертвами военных столкновений, о чем свидетельствует костяной наконечник стрелы, застрявший в тазовых костях индивида из погр. 78.

б) нарушения, связанные с грудной клеткой, – 15 костяков: пп. 17, 21, 23А, 23В, 25, 32, 46, 52, 89, 135, 138, 146, 152, 159, 183. Условно можно выделить костяки, у которых при относительно хорошей сохранности отсутствовала лишь часть грудной клетки (пп. 32, 52, табл. 26), либо кости грудной клетки были смещены / разбросаны по могиле (пп. 17, 21, 23А, 23В, 25, 46, 89, 135, 138, 146, 152, 159, 183). Ребра, позвонки ключицы, лопатки могли быть рассеяны по всей длине костяка (пп. 89, 146, 152, 183, табл. 129), либо сложены компактно

⁸ В данную статистику отобраны только те погребения, в которых отмечен антропологический беспорядок костей в ненаруженной части могилы.

в ногах или в верхней части скелета (пп. 17, 21, 23А, 25, 46, 135 (табл. 83), 138, 159). Выделяются останки, у которых разрушена одна сторона грудной клетки – левая (пп. 21, 89, 146, 183) или правая (пп. 23А, 152). Следует отметить, что в погребениях подгруппы 2б нередки случаи, когда вместе с грудной клеткой были задеты кости верхних конечностей или черепа. Например, кости верхней части скелета индивида из погр. 23В (рис. 17) были сдвинуты в область тазовых костей таким образом, что костяк как будто оказался сложен вдвое (это случилось, вероятно, при рытье могилы № 22, когда скелетирование трупа еще не произошло). Кроме того, в некоторых погребениях вместе с разрушением грудной клетки встречалось отсутствие костей стоп – погребения 46 (отсутствует также левая плечевая кость), 135, 152.

В целом, нарушения подгруппы 2б зафиксированы как во взрослых (8 мужских, 5 женских), так и в одном детском погребении 21. Инвентарь захоронений достаточно разнообразен и выразителен: ножи, наконечники стрел, пряжки, наборный пояс, бисер, бусы, сюльгамы, жертвенные комплексы (дары) и т.д. Но есть и могилы без инвентаря. В данной группе их 6.

в) нарушение верхних конечностей скелета – 4 случая: смещение фаланг пальцев (пп. 28, 105, табл. 58, 59), отсутствие левой кисти (погр. 70, табл. 37) или левой верхней конечности (погр. 40). Такие нарушения выявлены как во взрослых, так и в детских (погр. 28) погребениях. Погребальный инвентарь имелся только у взрослых костяков.

г) нарушение нижних конечностей – 5 случаев: пп. 10А, 60, 81А, 139, 155. Здесь наблюдается смещение берцовых (погр. 10А, вместе с костями правого предплечья), бедренных и берцовых костей (пп. 81А, 155⁹, табл. 104), вместе с тазовыми костями (погр. 139), отсутствие левой стопы (погр. 60). У женского костяка из погр. 139 (табл. 87) кости таза были перемещены в ноги, бедренные и берцовые чуть сдвинуты в области колен (связаны?). Разрушения этой подгруппы выявлены в захоронениях женщин 25–50 лет; в двух случаях костяки принадлежали мужчинам 25–50 лет (пп. 60, 155).

д) нарушение большей части посткраниального скелета – 4 случая: пп. 8, 19, 86 и 148. Замечено, что кости черепа, берцовые кости, иногда плечевые, как правило, сохраняли свое изначальное положение. В погр. 8 обнаружены только череп, бедренные и берцовые кости. В пп. 19 и 148 (табл. 98) кости грудной клетки, верхних конечностей, таза, бедренные кости были разбросаны по всей длине костяка. Особняком стоит погребение 86 (табл. 46). При его расчистке обнаружены частично обугленные остатки миниатюрной погребальной конструкции типа ящика с «ручками», внутри которого были аккуратно уложены кости ног – берцовые и стопы. Вероятно, в могилу были уложены именно кости.¹⁰ Разрушение большей части скелета отмечено лишь у возрастных костяков (старше 40 лет) – в двух мужских и в одном женском (№ 148) погребениях.

Описанные выше варианты нарушений костяков Боярского могильника зафиксированы, как это следует из статистики, главным образом, у мужчин (20 случаев), в трети случаев – у женщин (13 случаев). Выявлены они и в детских погребениях (6 случаев). Погребальный инвентарь имелся примерно у половины таких костяков (23 случая); он, как правило, невыразительный. Попутно заметим, что могилы с нарушенными костяками обнаружены только в южной и центральной части некрополя.

⁹ В этих погребениях смещение костей могло быть вызвано подзахоронениями. Так, к костяку 81А (женщина, 40–50 лет) был погребен ребенок 8–10 лет (81Б), по-видимому, спустя какое-то время, когда мешавшие берцовые кости можно было спокойно передвинуть. Очевидно, то же самое произошло с погребением 155 (мужчина, старше 45 лет), в могилу которого оказался подзахороненным мужчина старше 40 лет (п. 156). Голени первого были отчленены и сложены на бедренные кости.

¹⁰ Целенаправленное выборочное рассмотрение И.Г. Широбоковым костей из погребений с нарушенным анатомическим порядком не выявило никаких признаков преднамеренного расчленения – только следы археологических ножей и падения сухих костей с большой высоты.

Такие преднамеренные манипуляции с телами почивших боярцев могли быть связаны с обрядом, хорошо известным в археологической и этнографической литературе как «обряд обезвреживания» покойников. В.С. Флеров, один из пионеров изучения данной обрядности у алан Центрального Предкавказья (2000), видит в нем проявление страха перед умершими – некрофобию (там же, с. 12). Следуя логике его рассуждений, разрушения грудной клетки и черепов, встреченные у 20 костяков Боярского могильника, по-видимому, можно связать с желанием уничтожить вместе лище жизненно важных органов человека – сердца, легких, мозга. Однако два случая с отделенными головами (погребения 18 и 78), скорее всего, следуют рассматривать как следствие военных столкновений.

Полное нарушение анатомического порядка костей скелета можно объяснить и особыми качествами покойника (там же, с. 12). В частности, удмурты одновременно уважали и боялись своих умерших родственников, которые после смерти могли как заботиться, так и преследовать живых (Шутова, 2003, с. 130–131, 212). Особым образом погребали ведунов (после смерти – Кылчин-Убиров): ничком, лицом вниз, в спину также могли забить деревянный кол. Умерших неестественной смертью (самоубийц, утопленников, убитых молнией) хоронили за пределами кладбищ или на специально отведенных для этого местах.

Несколько объяснений намеренным разрушениям тел дает Н.И. Шутова (2003, с. 142, 212): 1) у удмуртов XIX – начала XX в. предания о таких захоронениях сохранились по отношению к мертвцам без статуса; 2) разломанный сопровождающий инвентарь, который практиковался в Средневековье и гораздо чаще в XVI–XVII вв., символизировал вторичное будущее рождение вещи в ином мире. Эта идея вполне могла реализовываться и на умершем в виде намеренного разрушения трупа.

Манипуляции с телами покойников, конечно, могут объясняться иными обрядовыми действиями. Известно, например, что могущественных якутских шаманов часто перезахоранивали (Алексеев, 1980, с. 184, 185). Родственники по мере ветшания могилы должны были трижды «поднимать» кости, т. е. трижды повторять похороны. При повторных захоронениях обновлялись арангас и одежда. Все эти действия определенно вызывали полное или частичное нарушение анатомического порядка скелета. Кроме того, погребение умершего родственника могло затянуться, например, из-за времени года или родственников, которых не было на момент смерти рядом с покойником. Так, якуты не хоронили человека, скончавшегося зимой, а оставляли в юрте, где он умер. Остальные из нее выселялись, а сами похороны проводились весной.

Таким образом, можно предположить, что выявленные в Боярском могильнике случаи с нарушением анатомического порядка костей скелета могут быть следствием каких-то обрядовых действий мазунинцев. Но нельзя исключать и обычные ситуации, связанные, например, с подзахоронением, а также жертв военных столкновений между соплеменниками.

На площадке некрополя изучено 48 отдельных детских могил (26,2% от общего количества погребений) с останками 49 умерших (от 0 до 12–15 лет). Еще 10 детей грудного возраста (от 0 до года) или чуть старше (до 2–3 или 5–6 лет; исключение – п. 81Б – 8–10 лет) были захоронены в 9 погребениях вместе со взрослыми (пп. 10Б, 23Б, 45Б, 81Б, 81В, 109Б, 112Б, 115Б, 127Б, 132Б). Показательно, что часть детских захоронений оказалась, наряду со взрослыми, подвергнута в древности разрушениям.

2.3. Топография погребального инвентаря

Погребальный инвентарь характеризуется определенным набором вещей, приготовленным для умершего индивида с целью погребения вместе с ним и (или) отдельно от него; представляет собой артефакты искусственного и естественного происхождения, изготовленные из органических и неорганических материалов (Ольховский, 1991, с. 58; Смирнов, 1997, с. 33). Функция таких ритуальных предметов (в рамках концепции

продолжения посмертного существования) достаточно условна: обеспечить индивида «на том свете» минимальным набором вещей, которым он пользовался в прошлой жизни. Однако погребальный инвентарь не является обязательным элементом погребального комплекса: его отсутствие не меняет сути системы (Смирнов, 1997, с. 32, 35, 39).

В Боярском могильнике погребальный инвентарь зафиксирован у 116 умерших (60,4% – от количества костяков, обнаруженных в погребениях) и в 106 погребениях (57,9% – от количества погребений). Преобладают индивидуальные захоронения с вещами (94 погребения). В 5 парных захоронениях (пп. 33, 66, 136, 145, 176) инвентарь обнаружен у обоих костяков, в 4-х – только у одного из погребенных (пп. 10, 109, 112, 132). Еще 3 парных погребения (пп. 45, 127, 144) оказались безынвентарными. В одном из тройных погребений вещи присутствовали только у одного костяка (п. 81), в другом (п. 23) – инвентарь сопровождал всех троих умерших. В погр. 115 погребальный инвентарь найден при каждом из пятерых умерших. Важно отметить, что в 11 погребениях антропологический материал не зафиксирован (пп. 99, 108, 113, 131, 149, 160, 161, 164, 165, 167, 181). Практически все они, за исключением п. 167, не содержали вещей.

Посмертный инвентарь размещался в погребениях боярцев согласно канонам мазунинского погребального обряда. Особенность его, отмеченная многими исследователями культуры (А.В. Шмидт, В.Ф. Генинг, Н.А. Мажитов, Т.И. Останина), заключается в фиксации большинства украшений и других элементов убора (поясов, головных уборов и т.д.) не на теле индивида (т. е. в составе погребального костюма), но рядом с ним – в виде компактно сложенных (как правило, в берестяную емкость) предметов или разложенных в определенном порядке вещей (рис. 20). Подобные элементы погребальной обрядности были известны во многих культурах Урало-Поволжья с конца эпохи бронзы, в раннем железном веке – Средневековые и вплоть до нового времени. В зависимости от истолкования ритуала назывались они по-разному: «жертвенные (вещевые) комплексы» в маклашеевских, постмаклашеевских и ананьинских могильниках (Чижевский, 2008), «жертвенные комплексы», «подарочные наборы», «дары» в некрополях Средней и Нижней Камы, а также в бассейнах рр. Белой и Вятки в пьяноборское и постпьяноборское время (Генинг, 1967; Мажитов, 1968; Арматынская, 1987; Агеев, 1992; Останина, 1997; Голдина, 2004; Ошибкина, 2010; Лещинская, 2014б; она же, 2016; Казанцева, 2016 и др.), «дары» / «дарственные комплексы» в погребениях рязано-окского населения (Белоцерковская, 1997), «жертвенно-ритуальные» / «жертвенно-поминальные» / «жертвенные» комплексы, «жертвенные дары» в средневековых «древнемарийских» могильниках (Никитина, 2001; она же, 2002; она же, 2017), «жертвенные комплексы» / «жертвенные вещи» в поломско-чепецкой (Семенов, 1980; он же, 1991; Иванова, 1991), ломоватовской (Голдина, 1985), неволинской (Голдина, Водолаго, 1990), ванвиздинской, вымской (Истомина, 1982) и других культурах Волго-Уральского региона. Поскольку ритуальный характер описываемых явлений ни у кого из исследователей сомнений не вызывает, наиболее дискуссионной остается проблема интерпретации данной погребальной обрядности.

В работах уральских археологов мазунинские ритуальные наборы вещей (те, что часто обнаруживаются в берестяных емкостях) принято отождествлять либо с «жертвой» (личными вещами погребенного), либо с «подарком» умершему. Первая научная традиция оформляется в трудах В.Ф. Генинга. В ранних обобщающих работах исследователя по мазунинской культуре дается лишь краткое описание данного обряда (1958, с. 79–80; 1959, с. 202; Останина, 1997, с. 25), тогда как сам термин – «жертвенный комплекс» – «рождается», по-видимому, в дискуссионном поле Второго Уральского археологического совещания (Генинг, Стоянов, 1961, с. 83). Вероятно, именно с Уральского совещания 1961 г. данное понятие стало использоваться и в трудах Н.А. Мажитова, посвященных раннебахмутинским (мазунинским) памятникам Башкирии (1962а, с. 68, 70; 1962б, с. 62).

В начале 1960-х гг. термин «жертвенный комплекс» воспринимался условно (Генинг, Стоянов, 1962, с. 69; Стоянов, 1962, с. 127), но, по мере развития дискуссии В.Ф. Генинга и Н.А. Мажитова о принадлежности и происхождении мазунинско-бахмутинских памятников, постепенно входит в научный оборот. Тогда же формулируются и первые краткие определения описываемого явления. Так, в состав бахмутинских жертвенных комплексов, по наблюдениям Н.А. Мажитова, входили женские украшения, которые располагались главным образом в мужских погребениях «в берестяных коробках или в куче сбоку <от> костяков» (1963, с. 5; 1964, с. 102); мазунинские наборы состояли из нескольких предметов (чаще украшений, реже – других вещей), которые укладывались «в кучку у изголовья или в других местах рядом с погребенным» (Генинг, 1964, с. 120–121). Конкретизация понятия происходит в конце 1960-х гг., когда выходят в свет обобщающие труды по мазунинской / бахмутинской культурам (Генинг, 1967, с. 15–17, 52; Мажитов, 1968, с. 16, 25, 35). В частности, В.Ф. Генингом был уточнен состав жертвенных комплексов, в которые укладывались остатки ожерелий, височные подвески, фибулы, браслеты, а также ножи, шилья, пряжки и т.д.; к данной категории исследователь также относил не только скопления вещей, но и единичные предметы (1967, с. 15). Однако попытка выявления с помощью корреляции закономерностей в размещении на тот период немногочисленных жертвенных комплексов, их составе и принадлежности к определенному полу оказалась безрезультатной; прямые связи с удмуртскими воршудными коробами также выглядели несколько натянутыми (там же, с. 16–17, табл. В; Арматынская, 1987, с. 72–73).

Важно отметить, что интерпретация В.Ф. Генингом и Н.А. Мажитовым жертвенных комплексов не сводилась только к одному из знаменателей – личным вещам покойного («жертвам») или дарам умершему: оба варианта дополняли друг друга, поскольку описываемые ритуальные скопления вещей, состоявшие, по наблюдениям исследователей, все-таки из женских категорий украшений, могли встречаться в равной степени как во взрослых (женских или мужских), так и в детских погребениях мазунинской / бахмутинской культуры (Генинг, 1967, с. 16, 52; Мажитов, 1968, с. 16, 35). Основанием для подобных взглядов, возможно, послужили археологические и этнографические штудии первооткрывателя бахмутинской культуры – А.В. Шмидта. В частности, пытаясь объяснить некоторые особенности погребального обряда Бахмутинского могильника – вещей в засыпи могильных ям или скоплений предметов в межмогильном пространстве, – исследователь вводит понятие «жертвенные дары», которые закапывались на погребальном поле могильника с определенной («обрядовой») целью – например, для «потребления почивших» (Шмидт, 1929, с. 18), т.е. совершения жертвоприношения умершим членам семьи и (или) общины. Этим же термином А.В. Шмидт оперировал и при создании реконструкций костищ как особых жертвенных мест гляденовской культуры (1932). В этой связи следует особо подчеркнуть, что понятие «жертвенный комплекс» в уральской археологии имело изначально широкое определение, тогда как проблеме интерпретационной составляющей термина (дихотомия «жертвы» и «дара») особого внимания на тот момент не уделялось.

С накоплением источниковой базы по мазунинско-бахмутинским памятникам в 70–80-х годах XX в. появляются новые схемы объяснения феномена ритуального скопления вещей в среднекамских могильниках первой половины I тыс. н.э. (Арматынская, 1987; Останина, 1991; она же, 1997; Голдина, 1999, 2004). В частности, детальный анализ жертвенных комплексов был выполнен Т.И. Останиной на материалах 292-х погребений мазунинской культуры с 296-ю наборами вещей (1991, с. 80–80; 1997, с. 19–27). Исследовательнице удалось раскрыть основные признаки таких ритуальных скоплений предметов, а именно: дать их местоположение в погребениях (6 вариантов размещения), охарактеризовать состав комплексов (бусы, височные подвески, браслеты, гривны, головные украшения, ожерелья из бус и пронизок, височные кольца, фибулы, остатки поясов, бляшки, пронизки,

подвески, ножи, шилья, прядлица, пинцеты и т.д.), выявить истоки традиции (караабызская и чегандинская культуры), указать на аналогии (с азелинскими, ванвиздинскими, рязано-окскими и средневековыми марийскими могильниками). По мнению Т.И. Останиной, мазунинские жертвенные комплексы представляли собой скопления «не менее двух категорий вещей, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенном месте при умершем»; располагались они преимущественно в женских погребениях (мужские захоронения с ними редки – всего 5 случаев) и являлись личными вещами покойного, а не дарами ему (1991, с. 80–81; 1997, с. 25–26).

Другое объяснение мазунинского обряда ритуального скопления вещей приводит в своих трудах Р.Д. Голдина (2004, с. 209; Голдина и др. 2015, с. 19, 281–282). По мнению исследовательницы, это не жертвы, а подарки умершим родственникам (жене, невесте, мужу, сыну...) для загробной жизни – так называемые «подарочные наборы». Укладывались в погребениях в качестве дополнительных комплектов украшений и мелких орудий труда. Анализ подарочных наборов самого большого некрополя Среднего Прикамья (Тарасовского) в целом подтвердил озвученные ранее выводы Т.И. Останиной (Голдина и др., 2015, с. 21–22, илл. 56–63, 221–225), но наибольший интерес вызывают некоторые частные моменты. Во-первых, подарочные наборы были обнаружены в шестой части всех захоронений Тарасовского могильника I–V вв.: в 326 могилах (17,3%), у 334 индивидов; наибольшее количество таких погребений отнесено к мазунинскому времени (240 подарочных наборов, 27,6%). Во-вторых, мазунинские женские захоронения с подарочными наборами доминируют на погребальном поле могильника (107 случаев), тогда как количество мужских погребений с данными комплектами – достаточно редкое явление (всего 13 случаев), которое, тем не менее, нельзя не учитывать. В-третьих, состав подарочных наборов разнообразен (учтено 217 вариантов различных сочетаний категорий инвентаря), однако наиболее устойчивые связи демонстрируют пара украшений – бусы и височные подвески; также в одних комплексах чаще встречались височные подвески, бусы, бисер, накладки, пронизки, которые, возможно, являлись остатками головных уборов.

Конкурирующие между собой взгляды археологов в интерпретации мазунинских / баумутинских ритуальных скоплений вещей не проясняют сути самого обряда, истинное значение которого, без сохранившейся устной и (или) письменной традиции, вероятно, восстановить уже невозможно. Накопленный фактический материал не позволяет придерживаться какой-то одной из представленных выше точек зрения: находки дополнительных украшений в женских захоронениях могут являться и дарами, и личными вещами, демонстрирующими особый социальный статус умерших; а скопления женских украшений в мужских могилах пока лишь осторожно, за исключением других версий, можно интерпретировать в качестве совершенных поминально-дарственных обрядов (Лещинская, 2014б, с. 105).

Кроме того, в этнографической литературе нет такого четкого размежевания понятий, которое наблюдается в работах российских археологов. Зачастую оба термина – «жертва» и «дар» – используются как синонимы, либо разница между ними не столь существенна (Тэйлор, 1939, с. 291–297, 479, 480, 490–493; Токарев, 1981, с. 32–35; Рикман, 1983, с. 173–185; Токарев, 1990, с. 169, 170, 173–177). В общих чертах «дар» или «жертва» в живой культуре понимаются в качестве предметов, передаваемых навечно субъекту по исторически и социально обусловленной воле индивида. Такие вещи наделялись производственной магией и были призваны помочь выполнению желаний жертвователя / дарителя (Рикман, 1983, с. 173, 181, 182). В обоих действиях реализуются принципы обмена материальными ценностями и взаимного доброжелательства между людьми, людьми и божествами. Однако «жертвы» отличаются от «даров» тем, что они, во-первых, безвозвратны (принадлежат к сфере идеализированного обмена между людьми и сверхъестественными силами),

во-вторых, не приводят к получению материализованного подарка (хотя жертвователь рассчитывает на ответную добрую волю той силы, которой жертвует) и, в-третьих, обращены не к людям, а к стихиям, божествам, святым с целью «получения благ и предотвращения бед»; дарение – одна из зародышевых форм общественного обмена – подразумевает не только получение материальных благ, повышение престижа и уважения, но и ответное доброе отношение («рождает дружбу»), а также взаимные связи с обязательствами материального и морального свойства (там же, с. 173–174, 178, 179, 183). Жертвы и жертвоприношения появились в первобытном обществе и порождены представлениями «долгической области психики»; регулировали отношения между людьми и богами (там же, с. 179, 181).

Анализ материалов Боярского «Арай» могильника, а также совокупности данных по мазунинским / бахмутинским комплексам, позволяет внести корректизы в существующие определения феномена «жертвенных комплексов» / «даров» и рассматривать его так же, как и в вятских пьяноборских и постпьяноборских могильниках (Лещинская, 2014б, с. 105), – в разных аспектах. В широком понимании к таким ритуальным вещам, очевидно, следует отнести все атипичные случаи¹¹ – скопления из нескольких предметов (мелких орудий труда, украшений и других элементов костюма), помещенных в специальных емкостях (берестяных коробочках), а также отдельно взятые вещи (например, снятые и разложенные вдоль тела пояса, головные уборы, другой единичный инвентарь). В узком смысле под ними следует понимать только тот набор предметов (украшений, мелких орудий труда), который укладывался в какую-либо емкость (чаще берестяной туесок), поставленную в определенном месте при умершем. Такие комплексы вещей, ввиду специфики мазунинского погребального обряда, являются ценным (и порой единственным) источником по датировке мазунинских комплексов, а также изучению костюма населения Средней Камы в конце раннего железного века.

Ввиду того, что существующие определения «жертвенный комплекс», «подарочный набор» или «дар» достаточно субъективны и не отражают в полной мере сущности описываемого явления, авторы публикации для характеристики таких ритуальных (в «узком» понимании) комплексов Боярского могильника использовали нейтральное и сугубо рабочее понятие, которое звучит как «скопление вещей», – то, чем, по сути, они и являются. Всего они обнаружены в 27 погребениях и у 29 индивидов Боярского могильника: пп. 7, 31, 42, 43, 50, 53, 54, 74, 89, 91, 95, 102, 104, 105, 115Б, 115Г, 115Д, 118, 132А, 134, 137, 141, 147, 148, 150, 154, 168, 176А, 177 (табл. XV). В некоторых случаях сохранились остатки берестяных коробочек (или тлен от емкостей), в которые укладывались данные наборы вещей: пп. 31, 102, 105?, 134 (табл. 81–2–9, 82–2–9), 137, 176А. В детском погребении 154 предметы были обнаружены в глиняном сосуде.

Практически все скопления вещей найдены в захоронениях женщин (22 случая: пп. 7, 31, 42, 43, 53, 54, 89, 91, 95, 102, 105, 115Г, 115Д, 132А, 134, 137, 141, 147, 148, 150, 168, 176А, пол последнего определен по инвентарю) в возрасте от 14–18 до 50–55 и старше лет. Реже их укладывали в погребения детей от 1–2 до 10 лет (6 случаев: пп. 50, 74, 104, 118, 154, 177). Один комплект (железный нож, бисер, пряслице и фибула) найден при мужском костяке (погребение 115Б, 25–35 лет, табл. 68), инвентарь которого имел выраженный воинский характер – железные и костяные стрелы, пара ножей, колчанный крючок и т.д.

Местоположение скоплений вещей в большинстве случаев определяется областью ног умершего (16 случаев): «в ногах» (8 случаев: пп. 53, 54, 104, 115Б, 141, 148, 176А, 177), слева у левой стопы (5 случаев: пп. 50, 89, 95, 132А, 134), справа у правой стопы (3 случая: пп. 102, 137, 150). Такое расположение комплексов, по наблюдениям Т.И. Останиной, редко встречается в мазунинских могильниках (1997, с. 26). В 13 случаях они найдены у головы умершего или рядом с ней: слева (5 случаев: пп. 7, 31, 118, 154, 168) или справа (4 случая:

¹¹ То есть явно не относящиеся к надетой на умершего погребальной одежде.

пп. 43, 74, 105, 147) от черепа, в изголовье (п. 91), в области шейных позвонков (п. 115Г) или затылка (п. 115Д), на правом плече (п. 42). В погребении 115 такие наборы зафиксированы у трех из пяти захороненных – двух женщин (костяки Г и Д) и одного мужчины (костяк Б).

Особо следует остановиться на единичных предметах с атипичным расположением в погребениях боярцев, которые, очевидно, также укладывались в ритуальных целях (широкое определение термина).¹² Так, в погребении 41, справа от черепа ребенка 12–14 лет, обнаружено скопление бисера круглой формы (более 180 экз. – вряд ли остатки головного убора, скорее сложенное ожерелье?). Единственный предмет в женском погребении 58 – железная гривна – найден слева у черепа умершей. Справа у черепа ребенка 8–10 лет из погребения 81Б зафиксирована биметаллическая гривна; слева – глиняный сосуд, в ногах располагался предмет кольчужного плетения, спекшийся с пронизками и подвесками (накосник или нагрудное украшение?). Две височные подвески найдены в области предполагаемой грудной клетки костяка 176Б, тогда как фрагменты железной сюльгамы были расчищены ниже области ног, у края гробовища. В погребениях 163 (пол и возраст не определен) и 177 (4–10 лет) различные категории украшений и орудий труда найдены на расстоянии друга от друга, в разных частях могилы: например, шило и височные подвески в «ногах» погребения 163; гривна и шило в области черепа, височные подвески и бронзовые пронизки в нижней части могилы (область ног) костяка 177, в отдалении от скопления других вещей. Такое же дополнительное размещение инвентаря, вне связи со скоплением вещей, зафиксировано в женском погребении 54: сам комплекс покоялся ниже стоп, тогда как три височных подвески размещались отдельно у левой стопы. Любопытно, что в мужском погребении 22 бронзовый пинцет располагался слева у черепа, тогда как в остальных случаях (пп. 107 и 151) – в области тазовых костей.

Всего в Боярском «Арай» могильнике определено 28 категорий погребального инвентаря с 3066 предметами (табл. XVI). Кратко охарактеризуем их.

Остатки головных уборов. Один из них в виде шапочки зафиксирован в погребении 168 на черепе молодой женщины 20–30 лет (табл. 113, 114, 117, рис. 20): в любой части сохранилась двойная кожаная лента с узкими бронзовыми накладками-обоймами с 4-мя полугорошинами; на затылке это украшение дополнялось одним или несколькими (?) рядами круглых бляшек-накладок с тремя отверстиями. Сзади к убору крепился накосник кольчужного плетения в виде мешочка (?) с бронзовой подвеской и ажурной накладкой раннечегандинского времени. Невыразительное головное украшение из 7-ми бронзовых пронизок (спиральновитых и в виде обойм) сохранилось в погребении 89 на черепе женщины 18–20 лет. В погребении 10А вокруг теменной кости черепа индивида (женщина, 25–35 лет) зафиксирована полоса бисера (65 экз.), которая оканчивалась в затылочной части бронзовой спиральновитой пронизкой, что, по-видимому, также можно связать с украшением головного убора. Остатки еще одного головного украшения (?) в виде кожаного ремешка с бронзовой пронизкой-«полуцилиндриком» и 21 бронзовой бляшкой-накладкой обнаружены в скоплении вещей женского погребения 141 (25–30 лет) (табл. 91–2–59). О наличии надетого головного убора также могут свидетельствовать найденные в области черепа (п. 42, жен., 15–20 лет) и шеи (п. 115Д, жен? 14–18 лет) височные подвески «мазунинского» типа.

Височные подвески «мазунинского» («бахмутинского», или «подвески в виде знака вопроса») типа являются «визитной карточкой» мазунинских могильников. Они изготавливались всегда по одной схеме: одна часть проволоки оставалась прямой (край ее загибался в небольшой крючок для крепления к головному убору), а другая закручивалась в замкнутое кольцо (Останина, 1997, с. 33, 34).

¹² Здесь упоминаются только характерные факты ритуального расположения вещей; остальные случаи (например, разложенные вдоль тела пояса) рассматриваются ниже, при описании категорий погребального инвентаря.

Всего в Боярском «Арай» могильнике обнаружено 59 височных подвесок (54 экз. – в 22 погребениях, у 24 индивидов, еще 5 экз. происходят из разрушенных могил): пп. 7, 31, 42, 53, 54, 74, 81Б, 89, 91, 102, 105, 115Г, 115Д, 132А, 134, 141, 147, 148, 150, 163, 168, 176А, 176Б, 177. Они встречены в составе женского погребального инвентаря (21 костяк) от 14 до 55 и старше лет (в пп. 163, 176А и 176Б пол определен по инвентарю). В трех случаях височные подвески были найдены при детских костяках от 4 до 10 лет (пп. 74, 81Б, 177).

В большинстве случаев подвески встречались в скоплениях вещей: у 20 костяков, среди захоронений женщин и детей. Фиксация подвесок в области черепа (п. 42) и шеи (п. 115Д), очевидно, свидетельствует о креплении их к головному убору. Еще в пяти случаях височные подвески были найдены в нехарактерных для мазунинского костюма местах: в области ног (пп. 81Б, 163, 177) или стоп (п. 54), туловища (?) (п. 176Б).

По одному экземпляру височные подвески встречены в 7 захоронениях (пп. 74, 81Б, 102, 105, 115Г, 132А, 150), по два – в 9 захоронениях (пп. 42, 53, 91, 115Д, 134, 141, 148, 163, 176Б), по три – в пяти захоронениях (пп. 54, 89, 147, 168, 177), по четыре – в одном захоронении (п. 7), по пять – в 2-х захоронениях (пп. 31, 176А).

На 11 височных подвесках были нанизаны бусины (сохранилось 9 экз.). В захоронениях такие подвески обычно встречались парой (пп. 134, 141, 148, 176А, 177). В женском погребении 7 две височные подвески были соединены вместе с помощью железного колечка таким образом, что одна подвеска как бы накладывалась на другую. Простое соединение колец подвесок (без наложения друг на друга) известно в Бирском (п. 8) (Мажитов, 1968, табл. 2, 4) и Старо-Муштинском (Сунгатов и др., 2004, рис. 58, 4, 7) могильниках.

Выполнены височные подвески из бронзовой проволоки (8 экз.: пп. 74, 89 (1 экз.), 115Г, 115Д (2 экз.), 132, 134 (1 экз.) 148 (1 экз.)), но большая часть – биметаллические, в технике навивки (46 экз.).

Предметы кольчужного плетения и остатки цепочек зафиксированы в 6 погребениях: 21, 53, 81Б, 89, 168, 177; их фрагменты также происходят из разрушенных могил (2137/18–23, 2137/33). Первые отличаются плетением, которое аналогично защитному вооружению 1-й половины I тыс. н. э. – кольчужным доспехам *lorica hamata*; в мазунинском обществе являлись предметами импорта и использовались в женском костюме в качестве накосников или привесок к нагрудным украшениям (Хайруллина, 2021, с. 314–324). Наличие их установлено в двух женских (пп. 89 и 168) и в одном детском (п. 81Б) погребениях:

- п. 81Б: предмет обнаружен в ногах индивида в виде бесформенных кусков железа со спекшимися звеньями, к которым прикрепили бронзовые пронизки-уточки, спиральновитая пронизка, лапчатая подвеска, фрагменты височной подвески, органический материал (кожа?) (табл. 43–1–4–9). Диаметр звеньев 07–0,8 см, сечение железной проволоки круглое (толщина до 1,5 мм), следы клепки отсутствуют.
- п. 89: предмет найден в скоплении вещей в виде мелких разрозненных фрагментов (табл. 47–9–1); диаметр железных звеньев 0,8 см, сечение проволоки круглое (толщина до 1,0–2,0 мм), без следов клепки.
- п. 168: предмет зафиксирован в скоплении вещей (табл. 115–3–8; диаметр круглых звеньев 0,7–0,9, овальных – 1,0x1,4 см, сечение проволоки круглое, толщина 1,0–2,0 мм; без следов клепки) и в головном уборе (накосник, табл. 114–2–28–33: диаметр железных звеньев 0,8–1,0 см, сечение проволоки круглое и подпрямоугольное (плоское), толщиной 1,5 мм; диаметр бронзовых колец 0,8 см, сечение подпрямоугольное, без следов клепки).

Фрагменты цепочек в виде одного ряда звеньев круглой или овальной формы, соединенных между собой под прямым углом¹³, найдены в детских (пп. 21, 177) и в одном женском (п. 53) погребениях:

¹³ Ввиду плохой сохранности материала данные изделия могли первоначально относиться к предметам кольчужного плетения.

- п. 21 – сохранилось 2 железных звена окружной формы, диаметром ~1,0 см, сечение проволоки круглое, толщина 2,0 мм (табл. 8–2); обнаружены над левым плечом индивида вместе с железной сюльгамой.

- п. 53 – сохранилось 3 (?) железных звена подовальной формы, размерами 1,6 x 1,0 см, сечение проволоки окружное, толщина 2,0 мм (табл. 28–2–9); звенья находились в скоплении вещей (ЖК).

- п. 177 – сохранилось 4–5 (?) бронзовых звеньев окружной формы, диаметром 0,6 см, сечение проволоки окружное, толщина 1,5–2,0 мм (табл. 124–1–7); обнаружен предмет в скоплении вещей.

Гривны. В Боярском могильнике гривны найдены в 11 погребениях (13 экз., у 11 костяков), еще одна происходит из подъемного материала (2137/25). Принадлежали в 9 случаях женщинам (пп. 31, 42, 58, 89, 105, 141, 150, 168, 176А) в возрасте от 15–18 до 40 лет. Исключение составляют находки при двух детских костяках в возрасте 4–10 (п. 177) и 8–10 лет (п. 81Б). В погр. 168 были найдены 3 гривны. В погребениях они фиксировались либо в скоплениях вещей (таковых большинство – 10 экз.: пп. 31, 42, 89, 105, 141, 150, 168, 176А), либо слева / справа от черепа (3 экз., пп. 58, 81Б, 177), что также может указывать на связь с такими наборами. Выполнены гривны из железа и (или) бронзы.

Браслеты (12 экз.). Обнаружены в 7 погребениях, у 7 костяков: пп. 31, 42, 89, 94, 115В, 132А, 141¹⁴. Еще одна находка происходит из подъемного материала. Браслеты входили преимущественно в состав женского погребального набора (5 случаев; 9 экз.), реже зафиксированы у детей 2–4 лет (2 случая и 2 экз.: пп. 94, 115В). В женских захоронениях браслеты встречены в скоплениях вещей, в детских – в области левой руки (п. 94) или ног (п. 115В). По одному экземпляру браслеты найдены в 4-х захоронениях (пп. 89, 94, 115В, 132), по два – в 2-х захоронениях (пп. 31 и 42), по три – в погребении 141.

Фибулы найдены в 11 погребениях, у 12 костяков (12 экз.): пп. 7, 42, 89, 91, 102, 115Б, 115Г, 132А, 134, 141, 168, 176А; еще 2 застежки происходят из подъемных сборов (2137/26–27). Практически все фибулы входили в состав погребального инвентаря женщин от 15–20 до 55 лет (11 случаев) и были обнаружены в скоплениях вещей (9 случаев), реже – на груди умершей (2 случая: пп. 42 и 115Г). Одна фибула происходит из мужского погребения 115Б (табл. 68–14–2); найдена вместе с железным ножом и пряслицем в скоплении вещей.

Фибулы в погребениях боярцев единичны. В двух случаях (пп. 134 и 141) они обнаружены в скоплениях вещей вместе с «завитками», которыми обычно украшались приемники мазунинских застежек. Вероятно, могли использоваться как украшение в составе ожерелья (п. 134, табл. 81–2–2; 82–2–2) или в качестве привески к гривне (п. 141, табл. 90–2–24, 26).

Сюльгамы найдены в 15 погребениях, у 15 костяков: пп. 21, 23В, 31, 43, 53, 70, 95, 105, 109А, 115Д, 148, 150, 166, 172, 176Б. Еще 2 застежки происходят из подъемных сборов после грабительских раскопок. В 12 случаях они обнаружены в захоронениях женщин от 14–18 до 50 и старше лет (погр. 176Б определено по инвентарю как женское), при двух детских костяках (п. 21 – возраст не определен, п. 172 – 10–15 лет) и в одном мужском погребении 70 (до 55 лет).

Сюльгамы обнаружены в одном экземпляре. В женских захоронениях они чаще встречались в скоплениях вещей (5 случаев: 31, 43, 53, 95, 105) или найдены в том месте, где носились при жизни: в области черепа (п. 166) или туловища (груди – п. 115Д, ближе к левому плечу/локти – пп. 109А и 150, над левым плечом – п. 21). В мужском погр. 70 сюльгама обнаружена у правой берцовой кости. В четырех случаях (пп. 23В, 148, 172, 176Б) местоположение застежек определить трудно; у первых трех костяков – это, возможно, область грудной клетки – пояса, в п. 176Б – ноги?

¹⁴ Остатки еще одного железного браслета, возможно, имеются в погребении 177 в скоплении вещей (предмет не включен в подсчет) (табл. 125–1–10, 11).

Бусы и бисер найдены в 42 погребениях, у 44 костяков: пп. 1, 6, 10А, 21, 31, 41, 42, 43, 46, 50, 53, 54, 74, 78, 83, 91, 95, 104, 110, 111, 115Б, 115Г, 115Д, 118, 119, 132А, 134, 135, 136А, 137, 139, 141, 142, 147, 148, 154, 158, 163, 166, 168, 175, 176А, 177, 183. Всего 2052 экземпляра, 15 из которых утрачено (рассыпалось).¹⁵ В большинстве случаев они встречались в погребениях женщин от 14–15 до 55 лет (23 случая), реже – в захоронениях мужчин 16/18–55 лет (12 случаев), а также детей и подростков от 1 до 14 лет (8 случаев). В одном погребении (№ 158, 16–20? лет) пол индивида не определен.

В женских захоронениях бусы / бисер найдены в скоплениях вещей (17 случаев: пп. 31, 42, 43, 53, 54, 91, 95, 115Г, 115Д, 132А, 134, 137, 141, 147, 148, 168, 176А); редко они фиксировались в области черепа (пп. 10А, 166), шеи (п. 139), правой бедренной кости (п. 46, вместе с бронзовыми спиральновитыми пронизками). Еще в 2-х случаях местоположение бус не определено (пп. 135, 163). Скопление бисера в погребении 10А (вместе с бронзовой спиральновитой пронизкой), очевидно, следует рассматривать в качестве остатков головного убора. В мужских захоронениях бусы чаще встречались в одном экземпляре и преимущественно в нижней части тела (9 случаев): в области таза (5 случаев: пп. 1, 78, 110, 111, 136А), бедер (3 случая: пп. 142, 175, 183) или между ними (1 случай: п. 119); иногда они фиксировались рядом с ножом, пряжкой или дротиком (9 случаев: пп. 1, 78, 110, 111, 119, 136А, 142, 175, 183). Такие бусы, по мнению Е.В. Голдиной, могли выполнять роль темлячной подвески для ножа, что также отмечено в Тарасовском и Зaborынском могильниках (Голдина, Черных, 2015а, с. 572). В единичных случаях бусины обнаружены у правой голени (п. 119, вместе с накладкой) и в области грудной клетки, ближе к левому плечу (п. 83). В мужском погр. 6 местоположение бусины не определено в силу нарушения грабительскими раскопками анатомического порядка костей скелета. В погребении 115Б (мужчина, 25–35 лет) небольшое количество бисера (всего 3 экз.) входило в скопление вещей вместе с ножом, фибулой и прядицем. В детских захоронениях бусы и бисер найдены в скоплениях вещей (6 случаев: пп. 50, 74, 104, 118, 154, 177). Реже они встречались в области черепа (2 случая, пп. 21, 41), пояса (вдоль позвоночника, п. 21), правого плеча и левого локтя (п. 41, украшение рукавов платья?), между берцовых костей (п. 154). Количество их в основном не превышало 1–10 экз., за исключением двух закрытых комплексов: в п. 41 в области черепа индивида обнаружено свыше 180 экз. бисера (остатки головного убора, либо сложенное ожерелье?); более 100 экз. бисера также зафиксировано в скоплении вещей погребения 177.

В 6 могилах (женские – 134, 141, 148, 163, 176А, детское – 177) бусы являлись украшением височных подвесок.

Подвески (и привески) рассматриваются вместе в силу того, что, во-первых, некоторые типы привесок (например, «каплевидные») могут выполнять и функцию подвесок; во-вторых, только лишь небольшая их часть в Боярском могильнике была обнаружена непосредственно в составе украшений (гривен: пп. 42, 89, 141), остальные – в скоплениях вещей, что существенно затрудняет их отнесение к определенной категории предметов.

Всего в Боярском могильнике было обнаружено 55 подвесок и привесок: из них 54 экз. – в 16 погребениях у 17 костяков (пп. 31, 42, 53, 64, 81Б, 89, 94, 106, 115Б, 115Г, 119, 134, 141, 145А, 147, 154, 168); один экземпляр происходит из подъемных сборов. Чаще подвески фиксировались в скоплениях вещей (10 случаев: пп. 31, 42, 53, 89, 115Г, 134, 141, 147, 154, 168 – все женские, за исключением детского погр. 154), реже найдены в области грудной клетки (пп. 42, 94, 115Б – женщина, ребенок, мужчина), пояса (пп. 106, 145А – мужские), шеи (п. 64; пол не определен, 25–40 лет), у правой

¹⁵ Небольшая разница в подсчетах данной категории украшений с Е.В. Голдиной (приложение №1) объясняется учетом общего количества бус могильника – утраченных, поднятых с поверхности, а также выявленных в ходе дополнительного изучения коллекции.

голени (п. 119, мужское), на черепе в составе головного убора (п. 168, женское) или в сложносоставном украшении в ногах индивида (п. 81Б, ребенок).

В 9 случаях подвески найдены в женских погребениях; в четырех – в мужских (пп. 106, 115Б, 119, 145А); в трех – в детских от 2 до 10 лет (пп. 81Б, 94, 154). Еще в одном захоронении с подвеской (п. 64) пол и возраст индивида не определены.

По одному экземпляру данный вид украшения обнаружен в 11 погребениях (пп. 53, 64, 81Б, 94, 106, 115Б, 115Г, 119, 145А, 147, 154). Единичны случаи находления подвесок (и привесок) в одном захоронении в количестве двух (п. 134), пяти (п. 89), шести (п. 31), семи (п. 168), одиннадцати (п. 141) и двенадцати (п. 42) экземпляров.

Накладки. Всего в Боярке обнаружено 422 накладки.¹⁶ Из них 381 экз. найден в 12 погребениях (у 13 костяков: 23А, 31, 40, 42, 54, 81Б, 94, 109А, 115Б, 115Д, 134, 141, 168), остальные – 41 экз. – среди подъемного материала после грабительских раскопок.

Чаще накладки входили в состав женского погребального инвентаря (8 костяков), реже – мужчин (3 случая: пп. 23А, 40, 115Б) и детей (2 случая: пп. 81Б, 94). Замечено, что для мужских и детских костяков характерен больше такой вид накладок, как бляшки-накладки (круглые или иной формы с ушком для крепления), реже – поясные (расправлена вдоль тела пояс, п. 23А). Обнаружены бляшки-накладки в таких погребениях в области пояса / тазовых костей (пп. 81Б, 94), у левой кисти (п. 115Б), между бедренными костями (п. 40).

В женских захоронениях отмечено несколько вариантов размещения накладок: поясные, встречавшиеся в основном на развернутых вдоль тела поясах (пп. 109А, 115Д, 134, 141, 168), редко – в скоплениях вещей (п. 54). Количество накладок в одном погребении могло варьироваться от 4 до 64 экз. Бляшки-накладки в женских погребениях встречались чаще в скоплениях вещей (пп. 31, 115Д, 141), реже – в составе пояса (?) (п. 109А) или головного убора (п. 168). В одном погребении их количество могло варьировать от 1 до 23 экз. Накладки-обоймы с декором в виде полуторошин обнаружены в погребении 168 в составе налобной ленты (105 экз.; подобные же накладки – 35 экз. – подняты с поверхности после грабительских раскопок). Накладки раннечегандинского времени найдены в погребальном инвентаре трех женских индивидов (4 экз.): в скоплениях вещей (пп. 31, 168), в составе головного убора (п. 168) или в области груди (п. 42, вместе с «каплевидными» подвесками в нагрудном составном украшении?).

Пронизки. Всего обнаружено 87 пронизок (и их фрагментов) в 20 погребениях, у 21 костяка (пп. 10А, 31, 42, 46, 50, 53, 54, 81Б, 89, 90, 104, 115Г, 115Д, 118, 132А, 141, 147, 154, 168, 176А, 177). В основном пронизки являлись частью женского погребального инвентаря (14 случаев), реже – детского (7 случаев: пп. 50, 81Б, 90, 104, 118, 154, 177).

Чаще всего пронизки были найдены в скоплениях вещей (15 случаев: пп. 31, 42, 50, 53, 54, 104, 115Г, 115Д, 118, 132А, 141, 147, 154, 176А, 177), реже – в области черепа (3 случая: пп. 10А, 89, 168 – в составе головного убора?), ног (колен / берцовых костей / стоп; 3 случая: пп. 46, 81Б, 90); еще в одном случае местоположение пронизки не определено (погр. 177). По одному экземпляру они обнаружены в 8 захоронениях (10А, 50, 54, 90, 115Д, 118, 168, 176А), по два – в 2-х (46, 53), по три – в 3-х (42, 132А, 177), по четыре – в 2-х (47, 154). В единичных случаях пронизки встречались по 5 (п. 115Г), 6 (п. 81Б), 7 (п. 89), 9 (п. 31), 13 (п. 141) и 18 (п. 104) экземпляров.

Бляхи. Всего на некрополе обнаружено 5 блях (в 3-х погребениях и у 3-х костяков: 115Д, 141, 147); еще один предмет происходит из сборов с поверхности могильника после грабительских раскопок (2137/39). Все найденные бляхи принадлежали женщинам разного возраста – 14–18 (п. 115Д), 25–30 (п. 141) и 30–40 (п. 147) лет и входили в состав пояса (2 экз., располагались на концах) вместе с бронзовыми поясными накладками типа IIIС

¹⁶ Понятие «накладка» рассматривается как общая категория: накладки-обоймы, бляшки-накладки, поясные и иные накладки.

(сдвоенные, с трапециевидной площадкой – п. 115Д), либо обнаружены в скоплениях вещей (2 экз., пп. 141, 147).

Пряжки. Найдены в 60 погребениях (у 62 индивидов) Боярского могильника – всего 80 экз.; еще 4 пряжки происходят из сборов после грабительских раскопок. Входили в состав главным образом мужских погребальных комплектов (39 захоронений), реже – женских (17 захоронений; два из них – пп. 65 и 176А – определены по инвентарю) и детских (6 захоронений). В мужских погребениях пряжки размещались чаще в области тазовых костей или пояса (рядом с тазом) (27 случаев: 9, 23А, 30, 33Б, 40, 48, 73, 78, 82, 97, 98, 110, 111, 115Б, 125, 129, 136А, 136Б, 138, 142, 151, 153, 162, 169, 175, 182, 183). В иных случаях (всего 19) они фиксировались: в области плеча (или предплечья) – левого (5 случаев: пп. 1, 17, 79, 83, 110) или правого (3 случая: пп. 23А, 78, 175); у черепа – слева (погр. 9) или справа (погр. 146); между ключицами (2 случая: пп. 142, 145А) или в области грудной клетки (погр. 136А); у левого (4 случая: 11, 33А, 106, 153) или правого (погр. 171) колена / бедра; у правой берцовой кости (погр. 40). Еще в двух мужских погребениях 59 и 155 местоположение пряжек не определено вследствие нарушения порядка костей скелета.

В женских захоронениях местоположение пряжек зафиксировано в 18 случаях (расположение одной не определено лишь в погр. 163). Только в двух случаях (пп. 65, 91) оно соответствовало месту ношения – поясу (пряжки найдены на тазу). В остальных случаях пояс, по-видимому, снимался и укладывался рядом с умершей: пряжки располагались у черепа – слева (4 случая: пп. 7, 105, 168, 176А) или справа (погр. 163); в области левого (2 случая: пп. 89, 95) или правого (2 случая: пп. 10А, 53) плеча; грудной клетки (2 случая, пп. 61, 65); у левого колена (2 случая: пп. 31, 43) или у левой стопы (п. 109А). Единственный раз пряжка была зафиксирована в скоплении вещей (п. 42); единожды найдена в засыпке погребения (над грудной клеткой костяка п. 54).

В детских захоронениях, как и в случае с женскими погребениями, пряжки четко обозначенного места в могиле не имели. В 3-х случаях они обнаружены на тазовой кости (пп. 29, 80, 93); у 5 индивидов их расположение, скорее всего, соответствовало снятому поясу – пряжка у черепа слева (п. 84) или у левого плеча (п. 93), между ключицами (п. 94), в области грудной клетки (п. 80), у левой стопы (п. 94); в единственном случае пряжка найдена в скоплении вещей (п. 104).

В основном пряжки встречались в захоронениях в единственном экземпляре (45 случаев: пп. 1, 7, 10А, 11, 17, 29, 30, 31, 33Б, 42, 43, 48, 53, 54, 59, 61, 73, 79, 82, 83, 84, 89, 91, 95, 97, 98, 104, 105, 106, 109А, 111, 115Б, 125, 129, 136Б, 138, 145А, 146, 155, 168, 169, 171, 176А, 182, 183). На месте ношения – в области таза – они обнаружены в 18 случаях, главным образом, у мужчин (16 случаев: пп. 30, 33Б, 48, 73, 82, 97, 98, 111, 115Б, 125, 129, 136Б, 138, 169, 182, 183), реже – у женщин (п. 91) и детей (п. 29). В остальных случаях (за исключением скоплений вещей в пп. 42 и 104) их размещение в могиле, по-видимому, соответствовало снятому и уложенному вдоль тела поясу, что является типичным для мазунинских могильников (Останина, 1997, с. 28). Пояса, расправленные пряжкой к голове (слева и справа у черепа, у левого и правого плеча – всего 14 случаев), располагались чаще слева (11 случаев: мужские – пп. 1, 17, 79, 83; женские – пп. 7, 89, 95, 105, 168, 176А; детские – п. 84), чем справа (3 случая: мужские – п. 146, женские – пп. 10А, 53) от умершего. Пояса в пп. 61, 145А, видимо, были уложены поверх тела индивида (пряжки найдены между ключицами, в области грудной клетки). Пояса, расправленные пряжкой к ногам (у левого колена / бедренной кости, стопы; у правой бедренной, берцовой кости), отмечены всего в 6 случаях, и опять же чаще с левой (мужчины: пп. 11, 106; женщины: пп. 31, 43, 109А), нежели с правой (мужской костяк из п. 171) стороны.

Редко в могиле была обнаружена пара пряжек (16 случаев: пп. 9, 23А, 33А, 40, 65, 78, 80, 93, 94, 110, 136А, 142, 151, 153, 163, 175). В их размещении наблюдается некоторая

закономерность. Так, в 11 случаях одна из пряжек находилась на тазу (пп. 9, 23А, 40, 65, 78, 80, 93, 110, 136А, 153, 175), другая – отдельно от места ношения. Такой расправлений вдоль тела пояс был обращен пряжкой к голове (мужчины: пп. 9, 23А, 78; ребенок – п. 93) или к ногам (мужчина, п. 40). Также пояс мог быть положен на тело: пряжки найдены между ключицами – мужское погр. 142; на груди (погр. 65 – женское (?), погр. 80 – детское, погр. 136А – мужское); с внутренней стороны левого плеча или бедра (пп. 110 и 153 – мужчины). В мужском погр. 151 обе пряжки замечены на месте ношения, в области тазовых костей; в погр. 33А (мужское) они зафиксированы у левой бедренной кости, и, скорее всего, также были связаны с поясом. В погр. 175 пряжка вместе с наконечником ремня обнаружена у правого предплечья умершего мужчины. Возможно, в этом случае пояс был свернут, или наконечник вдет в пряжку. У двух индивидов, захороненных с двумя поясами, оба пояса были уложены в погребениях не так, как носились при жизни: в погр. 94 пряжки найдены у левой стопы и ключицы; в женском погр. 163 одна из застежек находилась в районе черепа, местоположение второй не определено.

В погребении 162 (по инвентарю, скорее всего, мужчина 15–25? лет) обнаружены три пряжки; все они располагались в области пояса / тазовых костей умершего. Учитывая положение пряжек в погребении, можно предположить, что один из поясов (с бесщитковой «банкообразной» пряжкой) был вытянут вдоль тела с левой стороны, пряжкой к ногам.

В единственных экземплярах в инвентаре могильника присутствовали:

- 1) железная *пряжка-кольцо*, найденная в области таза мужского костяка из погребения 145Б, рядом с фрагментами железного ножа (табл. 95–10);
- 2) бронзовая *обойма-зажим* у правой берцовой кости, уложенная кольцом к черепу в мужском погребении 169 (табл. 112–2);
- 3) бронзовое *кольцо* (диаметр 3,5 см) в области левого плеча костяка из погребения 158 (пол умершего не определен, 16–20 лет) (табл. 107–1);
- 4) бронзовая *застежка с неподвижным крючком* в детском погр. 123 (местоположение не определено в силу нарушения антропологического порядка скелета) (табл. 74–1).

Наконечники ремней (7 экз.) представлены в 7 погребениях, у 7 костяков: пп. 23А, 31, 82, 94, 141, 168, 175. Обнаружены в погребениях женщин 20–30 лет (3 случая, пп. 31, 141, 168), мужчин 20–55 лет (3 случая: пп. 23А, 82, 175) и одного ребенка 2–4 лет (погр. 94).

Все наконечники ремней поясные. В пяти погребениях они являлись частью развернутого вдоль тела пояса и были обнаружены как с левой стороны костяка (у плеча – пп. 31, 82; на костях грудной клетки, слева – п. 141; у берцовой кости – п. 168), так и с правой, у колена (п. 23А). В мужском погр. 175 наконечник ремня найден у правой лучевой кости индивида вместе с пряжкой (был вдет в пряжку?). Только в одном случае (детское, п. 94) наконечник ремня обнаружен на месте ношения – в области таза, в составе пояса.

Наборные пояса зафиксированы в 6 погребениях, у 6 костяков: пп. 23А, 109А, 115Д, 134, 141, 168. Пять таких поясов были найдены в захоронениях женщин (возраст различный – от 14–18 до 50 лет), и лишь один принадлежал мужчине 30–40 лет (п. 23А).

Практически все они были расправлены вдоль тела костяка как с левой (пп. 109А, 141, 168, табл. 113), так и с правой (пп. 23А, 134, табл. 81) стороны, пряжкой к черепу (пп. 23А, 168), либо к ногам (п. 141, пряжки не зафиксировано, но присутствует наконечник ремня, повернутый к черепу). Наборный пояс костяка 115Д находился в полурасправленном состоянии рядом с умершим, с левой стороны (табл. 67).

Ножи. Всего в Боярском «Арай» могильнике обнаружено 63 ножа (целых и во фрагментах): 53 экз. в 45 погребениях, у 49 костяков: пп. 1, 11, 22, 23А, 23Б, 40, 43, 60, 65, 73, 76, 78, 82, 83, 91, 93, 94, 97, 98, 102, 106, 107, 109А, 110, 114, 115Б, 115Г, 119, 132А, 136А, 136Б, 137, 142, 143, 145А, 145Б, 146, 151, 153, 157, 158, 162, 168, 169, 170, 175, 178, 182, 183. В это число входят еще 10 ножей, происходящих из разрушенных грабителями погребений.

Ножи встречены преимущественно в захоронениях мужчин в возрасте от 14 до 55 и старше лет (31 случай: пп. 1, 11, 22, 23А, 40, 60, 73, 78, 82, 83, 97, 98, 106, 107, 110, 115Б, 119, 136А, 136Б, 142, 143, 145А, 145Б, 146, 151, 153, 162, 169, 175, 182, 183; пол в п. 162 определен по инвентарю). Нож помещался рядом с умершим в области пояса и бедер (29 случаев: пп. 1, 11, 22, 23А, 40, 60, 73, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 115Б, 119, 136А, 136Б, 142, 143, 145А, 145Б, 146, 151, 162, 169, 175, 182, 183; из них с левой стороны – 21 случай, с правой – только 2 случая (пп. 98, 136А). В 2-х случаях нож был уложен у левого плеча (пп. 115Б, 153); по одному случаю зафиксировано положение ножа у левой берцовой кости (п. 83) и в скоплении вещей (п. 115Б).

Захоронений женщин с ножами всего 10: 43, 65, 91, 102, 109А, 115Г, 132А, 137, 157, 168; пол в погр. 65 определен по инвентарю. Однако расположение ножей в них неустойчивое: найдены в области таза и бедер (3 случая: пп. 43, 91, 157), в скоплениях вещей (3 случая: пп. 102, 137, 168), под черепом (п. 115Г), у правой (п. 132А, вместе с шилом) или левой (п. 65) плечевой кости, у левой стопы (п. 109А, вместе с пряжкой). Возраст женщин, захороненных с ножами, варьировался от 20 до 55 и старше лет (в пяти случаях возраст владелиц ножей старше 40 лет). Детских захоронений с ножами всего 4: пп. 23Б, 93, 94 (ножи размещались в области таза), п. 114 (местоположение ножа не определено).

В тех погребениях, где определен только возраст умерших (п. 76 – 14–18 лет, п. 158 – 16–20? лет, п. 170 – 25–35? лет) или антропологических определений нет (п. 178), ножи располагались на костях таза (пп. 76, 158, 170) или в области предполагаемого правого плеча (п. 178). Ножи в захоронениях встречены в основном по одному экземпляру, за исключением двух мужских погребений – 115Б (3 экз.), 145Б (2 экз.). В п. 162 (судя по инвентарю, мужчина) также было найдено 2 ножа.

*Наконечники стрел.*¹⁷ Всего в Боярском могильнике обнаружено 109 наконечников стрел: 105 экз. происходят из 25 погребений (13,7% от изученных в могильнике); еще 3 экз. собрано с поверхности после грабительских раскопок, один найден в слое более раннего селища. Стрелы обнаружены в 27 захоронениях мужчин 16–55 и старше лет: 22, 23А, 33А и 33Б, 40, 59, 63, 66Б, 72, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 115А и 115Б, 119, 145Б, 146, 151, 153, 155, 156, 183.

Наконечники стрел в 6 погребениях (23А, 33А, 33Б, 40, 155, 156) встречены по одному, в 3-х захоронениях (66Б, 97, 183) – по два, в пяти захоронениях (59, 63, 98, 106, 145Б) – по три, в 6 захоронениях (78, 82, 107, 110, 111, 151) – по четыре, в 3-х захоронениях (72, 146, 153) – по пять экземпляров. Единичными можно считать случаи, когда наконечники стрел встречались в большем количестве – 7 (п. 115Б), 8 (п. 119), 11 (п. 22) и 13 (п. 115А) экземпляров.

В захоронениях с двумя и более наконечниками стрел наблюдается общая тенденция в их размещении – стрелы лежали кучно, острием к ногам умершего: в области стоп (15 случаев: у левой – пп. 72, 78, 82, 97, 106, 111, 145Б, 146, 151, 153, у правой – п. 110, между – пп. 59, 98, 119, или с внешней стороны – п. 22); у левой голени (п. 66Б), между коленями (п. 115Б), слева у головы (п. 107). В погребениях с нарушенными костяками наконечники были либо хаотично разбросаны (п. 115А), либо лежали вблизи друг друга, но при этом были повернуты острием в противоположные стороны (пп. 155, 183). У костяка из п. 63 наконечники стрел, обнаруженные в области ног, были помещены в разных местах: у левой берцовой кости и под левой стопой. По одному экземпляру стрелы фиксировались с левой (голова, плечо, бедро – пп. 23А, 33А, 33Б, 156) или с правой (стопа – п. 40) стороны костяка.

Большинство погребений с наконечниками стрел – индивидуальные (20 погребений). Коллективные захоронения включали по два (пп. 33, 66, 145), три (п. 23) или пять (п.

¹⁷ Детальный анализ боярских погребений с наконечниками стрел дан авторами в отдельных публикациях (Черных, Хайруллина, 2020, с. 203–216; Хайруллина, Черных, 2020, с. 52–66).

115) костяков. Стрелы в них размещались либо рядом с каждым костяком (п. 33), либо принадлежали только одному из умерших (пп. 23, 66, 115, 145). В таких «семейных» усыпальницах были захоронены совместно только мужчины (пп. 33, 145), либо мужчины, женщины и дети (пп. 23, 66, 115).

Наконечники копий. В Боярском могильнике обнаружено 3 наконечника (пп. 9, 119, 162), и все в погребениях взрослых мужчин 16–20 (п. 119) и 30–40 (п. 9) лет. У индивида из погр. 162 определён только возраст – 15–25 (?) лет, однако присутствие в этом погребении трех пряжек разных типов, а также двух ножей свидетельствует скорее о том, что их владельцем был мужчина. Все три наконечника зафиксированы в погребениях с правой стороны костяка: на тазу (п. 119) или у стопы (пп. 9, 162), острием вниз, к ногам.

Крючки (12 экз.). Обнаружены в 9 погребениях, у 10 костяков: пп. 40, 60, 73, 107, 110, 115Б, 136А, 136Б, 145Б, 151. Еще 2 предмета происходят из разграбленных могил – 2137/30, 2137/45. Все крючки из закрытых комплексов принадлежали взрослым мужчинам от 18–22 до 55 лет. Их место в погребении: в области таза или рядом с ним (5 случаев: пп. 40, 73, 107, 136А, 136Б), между бедренными костями (п. 115Б), в области левого колена (пп. 60, 145Б, 151) или правой голени (п. 110).

Шилья (11 экз.). Найдены в 10 погребениях, у 10 костяков: пп. 7, 53, 95, 132А, 135, 137, 150, 163, 176А, 177. Они происходят из женских могил (возраст умерших от 25 до 55 и старше лет; два погребения – 163 и 176А – определены как женские по погребальному инвентарю). Шило найдено также в захоронении ребенка 4–10 лет (п. 177). Более чем в половине случаев шилья обнаружены скоплениях вещей (6 случаев: пп. 7, 53, 95, 137, 150, 176А). В остальных случаях они найдены в области головы (п. 177), грудной клетки (ближе к правому плечу, вместе с ножом – п. 132А), в ногах (п. 163). О местоположении шила в погр. 135 судить трудно, в силу нарушения анатомического порядка костяка. В основном шилья помещались в могилу по одному экземпляру, за исключением п. 95, в котором найдено 2 предмета: с тонким и толстым острием (для разного вида работ?).

Пинцеты. Найдены в 3-х погребениях, у 3-х костяков: пп. 22, 107, 151. Все пинцеты происходят из погребений мужчин 35–55 лет; размещались с левой стороны от умершего – в области головы (п. 22) или таза (пп. 107, 151).

Пряслица. Всего обнаружено 3 пряслица (в 3-х погребениях, у 3-х костяков: пп. 115Б, 129, 137). Одно из них костяное (п. 129, возможна иная интерпретация предмета); остальные – глиняные. В 2-х случаях пряслица были найдены в погребениях мужчин 25–35 лет. И только в п. 137 глиняный диск входил в состав погребального инвентаря пожилой женщины (до 55 лет). Найдены пряслица в скоплениях вещей (пп. 115Б, 137), либо в области таза, с правой стороны (п. 129, костяное).

Глиняная посуда (полной формы и во фрагментах) найдена в 10 погребениях и у 11 костяков Боярского могильника: 63, 81Б, 104, 105, 112А, 118, 136 (А и Б), 148, 154, 180.

В 4-х случаях целые ёмкости выявлены в захоронениях детей 1–10 лет, слева у черепа (пп. 81Б, 104, 154) или справа в ногах (п. 118). Сосуд в п. 154 (также детском) служил вместилищем для скопления вещей (ожерелья?). В двух случаях сосуды сопровождали захоронения взрослых: женщины 30–40 лет (п. 105; справа от черепа, в скоплении вещей) и мужчины 40–50 лет (п. 112А; в изголовье справа, установлен на костях ребенка).

Фрагментированная посуда обнаружена в 4-х захоронениях боярцев: на дне могильных ям, рядом с костяками (п. 63 – у правого колена мужчины старше 40 лет; в скоплении вещей женщины 40–45 лет из п. 148), либо в засыпи погребений 136 («в ногах» мужчин 20–30 и 40–50 лет, фрагменты от трех сосудов) и 180 (пол и возраст не определены).

В целом, глиняные сосуды – нечастая находка в мазунинских могильниках: обнаружены, по подсчетам Т.И. Останиной, всего в 2,7% погребений (1997, с. 30). Эти цифры, даже с учетом тарасовских, тураевских, старо-муштинских комплексов, заметно

теряются на фоне иных культур – караабызской, неволинской или ломоватовской, но не азелинской, где, по наблюдениям А.А. Красноперова, находок глиняной посуды в погребениях все же значительно меньше (2010, с. 83–109, табл. 2–4). Располагалась посуда в мазунинских могильниках, как и в Боярке, в основном у головы умершего, реже входила в скопления вещей (Останина, 1997, с. 30; Красноперов, 2010, табл. 4).

Кости животных и изделия из кости обнаружены в 9 погребениях (у 9 костяков): 50, 53, 65, 78, 115Д, 134, 135, 137, 156. В 5-ти случаях они происходят из погребений женщин в возрасте от 14–18 до 50 лет (пп. 53, 115Д, 134, 135, 137), в 2-х случаях – из погребений мужчин 18–22 (п. 78) и старше 40 лет (п. 156); еще одно костяное изделие найдено в детском погребении 50 (6–8 лет). Антропологические определения для костяка из погр. 65 отсутствуют, но по инвентарю, скорее всего, женщина.

Обработанные пястная кость и метоподия овцы были обнаружены в женских погребениях 53 (табл. 28–2–11) и 137, а костяная «бабка» из просверленной фаланги лошади до 1 года найдена в детском погребении 50 (табл. 25–1–6). Все три предмета находились в скоплениях вещей, и им, вероятно, придавалось ритуальное значение. Очевидно, с таким же определенным смыслом слева у черепа женщины из погр. 135 были уложены две косточки (цевки) утки чирка-свистунка (табл. 83, № 3). Сильно раздробленные кости мелкого грызуна найдены в погр. 65, у правой лучевой кости индивида (табл. 35, № 4).

Изделия с просверленными отверстиями, по-видимому, использовались и в качестве украшений, и (или) в качестве распределителей / фиксаторов. Так, в мужском погребении 78 костяной предмет округлой формы (диаметром 1,8 см) с отверстием в центре находился вместе с ножом, бусиной и пряжкой в области тазовых костей индивида (табл. 41–8). Из скопления вещей в женском погребении 115Д происходит костяное изделие полуovalной формы с двумя просверленными отверстиями (табл. 70–36–4; 146–1); вместе с бусами из раковины, костяными пронизками и бронзовой бляшкой оно, скорее всего, являлось частью ожерелья или сложносоставного украшения. Очевидно, вместе с бусами в составе ожерелья мог находиться и костяной «камулет», уложенный в скопление вещей женского погребения 134 (табл. 81–2–1; 82–2–1). В мужском погребении 156 в области пояса обнаружена жаберная кость рыбы (стерляди; табл. 105–2), которая, вероятно, использовалась в качестве проколки.

2.4. Характеристика безынвентарных захоронений

При рассмотрении погребального обряда Боярского могильника факту безынвентарных погребений необходимо уделить особое внимание. По их доле могильник превосходит все другие мазунинские некрополи.

Всего на Боярском могильнике изучено 72 безынвентарных захоронения (39,3%, от общего количества погребений).¹⁸ В 62 из них (погребения 2, 3, 4, 5, 8, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 45, 49, 51, 52, 55, 56, 57, 62, 67, 68, 69, 71, 75, 85, 86, 87, 88, 92, 96, 100, 101, 103, 116, 117, 120, 121, 122, 126, 127, 128, 130, 133, 140, 144, 152, 159, 173, 174, 179, 180) обнаружено 65 костяков. Всего же на могильнике с учетом коллективных захоронений, где один из умерших все же имел сопроводительный инвентарь (пп. 10, 81, 109, 112, 132 – 6 костяков), насчитывается 71 безынвентарный костяк (37,0%, от 192 обнаруженных в погребениях костяков). Близки боярским значениям только Усть-Сарапульский (35,7%, от изученных погребений) и Быргындинский (36,6%, от изученных погребений, но выборка очень мала, всего 12 погребений) могильники (Останина, 1997, с. 31, рис. 2б). Такая же вариативность показателей безынвентарных захоронений, вероятно, была свойственна и раннепьяноборским (чегандинским) некрополям (Агеев, 1992, с. 24–25).

¹⁸ Из данной статистики исключены 5 безынвентарных погребений (13, 20, 44, 77, 124), частично уничтоженных оврагом (около 50% могилы), или потревоженных поздними вкопами, затронувшими костяк.

Среди указанных безынвентарных костяков чуть более половины приходится на детские погребения (39 случаев, 54,9%) (табл. XVII) – это, в основном, новорожденные и дети возраста грудного вскармливания (до 1 года – 23 случая¹⁹). В возрастной группе от 1 года до 7–8 лет выявлено 13 случаев, 10–12 лет – 1 случай. Обратная ситуация наблюдается в детских захоронениях с инвентарем (всего 20; табл. XVIII): на полугодовалых детей здесь приходится всего 2 случая, остальные – на детские кости от года до 7–8 лет и с 8–10 до 15 лет, где показатели примерно одинаковые – по 8–9 случаев. Безынвентарные захоронения среди взрослых индивидов характеризуют 32 случая (45,1%): пол определен у 12 мужчин (16,9%) и 13 женщин (18,3%) (табл. XVII).

Погребальные сооружения таких захоронений не отличаются от погребений с сопроводительным инвентарем. Размеры могильных ям, как и на остальных мазунинских некрополях, определялись возрастом, полом умершего, количеством захоронений (табл. XIX, 1–4). Деревянные погребальные конструкции обнаружены у 20 безынвентарных костяков. Определяются гробы различной степени сохранности (пп. 8, 16, 39, 68, 69), в том числе в виде ящика «с ручками» (пп. 10, 86), остатки настилов (пп. 5, 51, 71, 85, 180) и верхних перекрытий (пп. 37). Еще в 7 случаях фиксируются только небольшие фрагменты дерева погребальных конструкций – пп. 38, 55, 101, 103, 121, 152 и 179.

Поза костяков, установленная в 46 случаях (64,8%), в целом также является общей для «мазунинцев»: «вытянуто на спине» с небольшой вариацией размещения рук – «вдоль тела» (17 случаев) / «вдоль тела, кисти на тазу» (6 случаев) / «слегка согнуты в локтях и вдоль тела» (1 случай) / «согнуты в локтях, кисти на тазу» (1 случай) / «одна рука вытянута, другая согнута и уложена на таз» (5 случаев) / «одна сохранившаяся рука вытянута или согнута в локте» (6 случаев) (табл. XI). В остальных случаях отмечены отклонения от данной «нормы». Это, прежде всего, уже упоминавшееся погребение 16 со скорченным костяком. Предельно близкие случаи обнаружены пока лишь в Тарасовском (п. 1045) и Дубровском могильниках (п. 193) – оба безынвентарные (Голдина и др., 2015, илл. 34, 9; Черных, отчет-2017, рис. 42). Погребения со скорченными костяками известны также в Старо-Кабановском (п. 132, захоронение 1) и Сайгатском (п. 15) могильниках, но с сопроводительным инвентарем (Стоянов, 1962, с. 125, рис. 18; Васюткин, Останина, 1986, с. 77). Для раннепьяноборского времени Б.Б. Агеевым в общей сложности было установлено 15 захоронений со скорченными костяками (могильники Чеганда II, Ныргында II, Ново-Сасыкульский, Старо-Киргизовский, Чиатавский) – почти все безынвентарные (за исключением п. 64, Чеганда II). В свое время В.Ф. Генинг интерпретировал их как погребения иноплеменников, захваченных во время военных набегов и превращенных в рабов (1970, с. 124–125).

Среди безынвентарных захоронений Боярского могильника также выделяются индивиды с нарушением анатомического порядка костей скелета – 20 случаев из 43 зафиксированных на некрополе (табл. XIV). Для них установлены практически те же варианты размещения костей в могиле, что описаны выше: 1) тотальное разрушение порядка костей скелета – кости перемешаны и сложены компактно (пп. 24, 27, 55, 71, 109Б, 132Б); 2) избирательное разрушение части скелета – черепа (пп. 18, 37), грудной клетки (пп. 17, 25, 32, 52, 152, 159), верхних конечностей (погр. 28), нижних конечностей (погр. 81А) или большей части скелета при сохранении изначального положения некоторых костей (пп. 8, 19, 86).

Планографический анализ показал относительную равномерность в распределении безынвентарных могил на погребальном поле могильника (рис. 21). Некоторая группировка безынвентарных костяков устанавливается внутри могильных рядов, чаще – попарно: взрослый + ребенок – пп. 2 и 19, 36 и 38, 37 и 88, 34 и 45, 57 и 60, 62 и 69, 100 и 101, 130 и 140, 126 и 127, 126 и 128, 132 и 133; взрослый + взрослый – пп. 16 и 18, 24 и 25, 51 и 52,

¹⁹ К данной возрастной группе, по-видимому, можно отнести еще два детских кости из погребений 112 и 122, антропологические определения для которых отсутствуют.

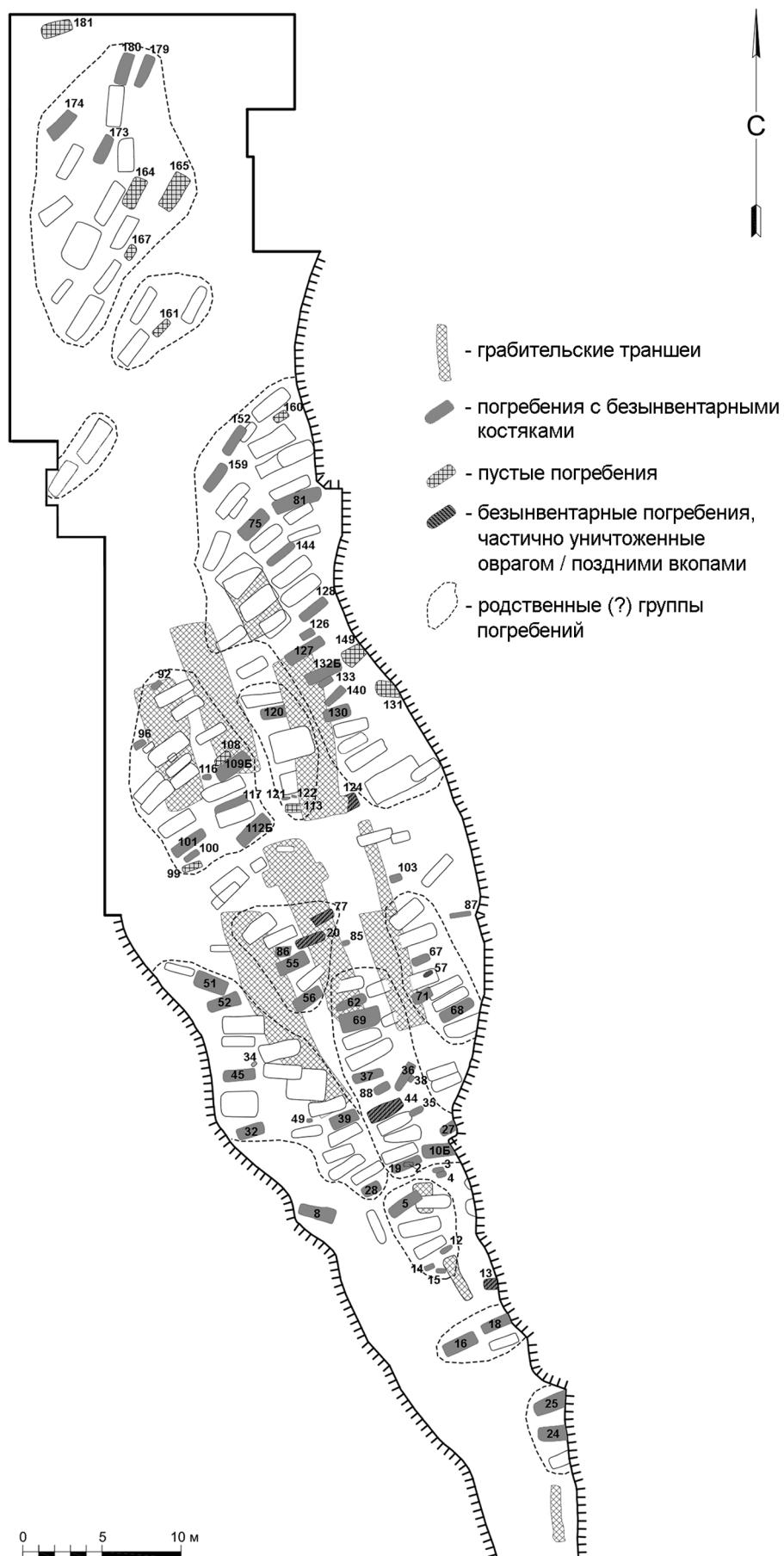

Рис. 21. Боярский «Арай» могильник. План размещения безынвентарных погребений

55 и 86; ребенок + ребенок – 3 и 4, 14 и 15. Кроме того, такие погребения замыкали ряды (пп. 32, 92, 96, 152, 159, 174) и / или находились на периферии некрополя (пп. 8, 10, 16, 18, 24, 25, 27, 87, 179, 180). Схожая ситуация наблюдается в мазунинских могильниках (Чепаниха, Нива) (Останина, 1997, с. 118, 126, 127), а также на некоторых пьяноборских некрополях (Чеганда II, Юлдашево, Старокиргизово и др.) (Агеев, 1992, с. 90–93).

Большой процент индивидов, захороненных без сопроводительного инвентаря на одном могильнике с обычными погребениями, по общим канонам мазунинского погребального обряда можно рассматривать через призму общественной и имущественной дифференциации среди боярцев. К примеру, В.Ф. Генинг интерпретировал чегандинские безынвентарные захоронения, за исключением скорченных костяков, как погребения полноправных, но обедневших членов рода (вместе с индивидами, в погребениях которых были обнаружены единичные вещи) (1970, с. 124–125). Редкие «отклонения» от норм обрядности (как в случае со «скорченным» костяком из погр. 16), по-видимому, могут отражать приниженное, если не зависимое, положение данных индивидов в мазунинском обществе, как это было известно у саргатцев (Берсенева, 2011, с. 124–125), скотов (Хазанов, 1975, с. 134–136) или пазырыкцев (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 219–220).

Высокую долю (54,9%) детских безынвентарных костяков в данной группе Боярского могильника нельзя рассматривать как что-то необычное; в целом, это норма для первобытных обществ (Кон, 2003, с. 256). Двойственное отношение к детям как воплощению невинности и одновременно существу, лишенному человеческого разума, по-видимому, сохранялось до возраста инициаций, включавших «неофитов» в систему возрастной стратификации и способствовавших обретению ими статуса полноправного субъекта (там же, с. 257). Этим, скорее всего, можно объяснить большое количество безынвентарных погребений среди новорожденных и детей грудного возраста, что, в целом, коррелируется с данными по другим мазунинским могильникам (Останина, 1997, с. 139).

Вопросы интерпретации безынвентарных захоронений Боярского могильника остаются открытыми. Не подлежит сомнению одно: материалы изучаемого некрополя, фиксирующие сложные процессы в жизни одной мазунинской общины, несомненно, являются ценным источником для дальнейшего изучения мазунинского общества в целом.

Резюмируя итоги исследования черт погребального обряда Боярского «Арай» могильника, важно отметить его типичные и особенные черты:

1. Топография памятника в целом отражает закономерности, прослеженные на материалах других мазунинских некрополей Т.И. Останиной (1997, с. 20–21). Общеизвестно, что основным ориентиром в выборе места захоронений для мазунинцев служил источник воды: это крупные реки – Кама, Белая, Иж, и их притоки первого-второго-третьего порядка, родники; могильники обычно занимали господствующее положение над местностью и располагались на второй – третьей надпойменных террасах, уходящих иногда на 1–2 км от современного русла реки.

Собственно площадка Боярского могильника «спрятана» в глубине террасы правого коренного берега р. Камы, в верховьях ее мелкого безымянного притока, однако с нее открывается достаточно широкий обзор на камское побережье. Кроме того, с юга эта территория надежно «прикрыта» широкой поймой Камы (не менее 3,0 км) с многочисленными старичными озерами, существовавшими задолго до поднятия уровня этой полноводной реки во второй половине XX в. В этой связи можно предположить, что выбор места для могильника был обусловлен стремлением конкретного небольшого социума «скрыть» его от посторонних глаз и, одновременно, сохранить связь с главной водной магистралью региона.

2. Боярский могильник является компактным грунтовым некрополем, вписанным в границы небольшого мысовидного выступа коренной террасы реки. Всего на нем

изучено 183 погребения, протянувшихся четкими рядами – с СЗ на ЮВ; взаимонарушения могильных ям редки. На некрополе было захоронено не менее 217 индивидов.

3. Господствующей формой погребального сооружения явилась прямоугольная яма (90,2%), с вертикальными или чуть наклонными стенками (92,9%) и плоским дном (91,8%). Превалируют следующие размеры погребений: длиной до 150 см (26,2%), шириной – 71–90 см (35,6%) и глубиной – 61–80 см (33,3%).

4 Могильные ямы ориентированы в большинстве случаев на промежуточные румбы, но, в целом, их направление близко широтному, в сторону ближайшего водного источника – реки Камы: ЮЗ–СВ / СВ–ЮЗ, ЗЮЗ–ВСВ, З–В / В–З (88,0%).

5. Для части боярцев, как и для других членов мазунинских общин, было характерно стремление изолировать покойника от соприкосновения с землей. Так, остатки внутримогильных деревянных конструкций выявлены у 88 костяков (45,8%). Определяется несколько видов таких конструкций (67,0%): гробы различной степени сохранности, в том числе в виде простого ящика и его модификации «с ручками», колоды и, вероятно, настилы. В некоторых коллективных захоронениях (6 сл.) наличествовали деревянные конструкции, изготовленные для каждого умершего.

6. Следы температурного воздействия (7 сл.) фиксируются по обугленным плахам погребальных конструкций, уголькам и углистым пятнам в засыпке могильных ям.

7. Все захоронения ингумационные. Умершему при погребении старались придать определенную позу – в большинстве случаев «вытянуто на спине, верхние конечности вдоль тела, нижние – вытянуты» (37,0%), что типично для мазунинского погребального обряда. Такое положение костяков характерно как для взрослых, так и для детских погребений Боярского могильника. Отклонения, как правило, были редки и касаются в основном позиции рук, например: «вытянуто вдоль тела, кисти на тазу», «согнуты в локтях, кисти на тазу», «согнуты в локтях и уложены вдоль тела» и т.д. В некоторых случаях тела перед погребением очевидно, связывали.

В процессе захоронения умерших ориентировали главным образом в южный и западный секторы (ЮЗ, ЗЮЗ, З и ЮЮЗ – 81,8%), головой к реке Каме, вниз по ее течению.

8. При определении демографических параметров популяции учтены останки 193 человек. Пол диагностирован у 67 мужских (30,9%) и 54 женских (24,9%) костяков; на могильнике также было захоронено 64 (29,5%) ребенка. Средний возраст смерти погребенных, по данным И.Г. Широбокова, составил 26 лет. Средний возраст смерти в группе взрослых мужчин несколько выше, чем у женщин (39 против 36 лет). В целом, эти показатели близки общемазунинским сериям (29–38,8 лет) и данным по средневековому населению Северной Европы (30–40 лет).

9. Преобладают индивидуальные захоронения (157, 81,8%). Совсем небольшую группу составили коллективные погребения: парные (12 сл.), тройные (2 сл.), 5 костяков (1 сл.). В парных захоронениях на могильнике хоронили главным образом вместе женщин и детей, реже – взрослых одного или разного пола. Имеются также захоронения одновременно нескольких членов семей (по три или пять человек) в общей могиле.

10. Одной из особенностей погребального обряда могильника следует считать достаточно высокий показатель разрушений анатомического порядка костяков (22,4%). Выделяются две группы таких атипичных погребений – полная или частичная деструкция костей скелета. Особо были распространены разрушения, связанные с грудной клеткой (иногда в сочетании со смещением рук, черепов) при сохранении анатомического порядка скелетных останков.

11. Погребальный инвентарь зафиксирован в 57,9% погребений (у 60,4% умерших) Боярского могильника. На фоне других мазунинских могильников, где погребения с вещами в среднем составляют свыше 70–80% (лишь в Быргындинском и Усть-Сарапульском

могильниках инвентарь сосредоточен в 63,4 – 64,3% могил; Останина, 1997, рис. 2б; Голдина и др., 2015, с. 126, илл. 50), этот показатель является одним из самых низких.

Преобладают индивидуальные захоронения с вещами (94 погребения). Доля детских погребений без инвентаря (54,9% – от количества безынвентарных костяков) ожидаемо высока по сравнению со взрослыми.

12. Погребальный инвентарь представлен 28 категориями вещей; самые массовые – это пряжки (32,3%), ножи (25,5%) и бусы (22,9%).

13. В Боярском могильнике, как и в остальных мазунинских некрополях, наблюдается определенный порядок в размещении погребального инвентаря – на месте ношения (в составе костюма) и в виде отдельных скоплений вещей (дарственных наборов или жертвенных комплексов). Вещи в последних численно преобладают (2007 экз.); представляют собой съемные украшения. Чаще всего такие обособленные наборы встречены в захоронениях женщин (22 сл.), реже – детей (6 сл.) и лишь в одном мужском. Зафиксированы они преимущественно в «ногах» умерших (16 сл., 55,2%), что нельзя признать характерным для мазунинских некрополей, в которых $\frac{3}{4}$ таких комплектов помещались у головы (Останина, 1997, с. 26, табл. 7). Отдельно от покойного в могилу складывали расправленные вдоль тела простые и наборные пояса (41 сл.), а также некоторые единичные вещи (например, гривны, бисер, височные подвески и т.д.).

14. Погребальный инвентарь довольно четко разделяется на «мужской», «женский» и «смешанный» (встречавшийся во взрослых и детских захоронениях). Для погребений мужчин характерен «воинский/охотничий» набор: наконечники стрел, крючки, наконечники копий, пинцеты-щипчики, подвески-оселки, пряжка-кольцо, обойма-зажим. Кроме того, именно в мужские погребения укладывали простые пояса с одной или несколькими пряжками (найдены на месте ношения, в области таза и бедер, а также расправленными вдоль тела умершего), железные ножи с бусиной в области таза / бедер / колен (возможно, также на поясе), прядица. Женский инвентарь более разнообразен: в нем преобладают украшения (височные подвески, гривны, браслеты, бисер и бусы, пронизки и пр.), а также орудия труда (шилья). Для женских захоронений в Боярском могильнике характерны расправленные вдоль тела наборные пояса (5 сл. из 6-ти). Вещи, обнаруженные в детских могилах, в целом, схожи с женскими по составу инвентаря, но уступают в количестве (табл. XVIII); они лишь чаще сопровождались сосудами. Для размещения инвентаря в детских захоронениях, как и во взрослых могилах, можно считать характерными те же позиции – на месте ношения (пряжки, ножи на тазу) или в скоплениях вещей. «Богатые» детские могилы (более 3 категорий инвентаря) приходятся на возрастную группу от 2–3 до 10 лет.

15. Еще одна особенность Боярского могильника заключается в достаточно высоком уровне безынвентарных погребений (39,3%) в сравнении с другими мазунинскими некрополями. Показательно, что в количественном отношении детские и взрослые захоронения без инвентаря довольно близки – 54,9% и 45,1% (из них с определенным полом: 16,9% – мужчины, 18,3% – женщины). Доля детских безынвентарных могил ожидаемо высока, что, в целом, считается нормой для первобытных обществ. Погребальный обряд для безынвентарных костяков, по-видимому, сохранял те же черты, что и для боярцев, в чьих могилах был найден сопроводительный инвентарь. Допускаем, что в данном социуме могли существовать элементы общественной и имущественной дифференциации.

Таким образом, погребальный обряд Боярского «Арай» могильника в целом соответствовал стереотипам обрядности других могильников мазунинского типа Среднего Прикамья, хотя и не был лишен определенного своеобразия.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ (К ГЛАВАМ №№ 1 И 2)

Таблица I. Боярский «Арай» могильник. Форма могильных ям

Форма могильной ямы	№№ погребений	Кол-во	%
Подпрямоугольная	1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183	165	90,2
Овальная	4, 12, 35, 62, 116, 167	6	3,3
Подтреугольная	42	1	0,5
Трапециевидная	52	1	0,5
Не определено	14, 15, 21, 49, 57, 87, 88, 104, 121, 122	10	5,5
Всего		183	100

Таблица II. Боярский «Арай» могильник. Ориентировка могильных ям

Ориентация	№№ погребений	Кол-во	%
С–Ю	172	1	0,5
Ю3–СВ / СВ–Ю3	28, 29, 30, 38, 44, 56, 66, 72, 73, 74, 75, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 112, 118, 123, 124, 126, 127, 128, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 166, 174, 175, 176, 177, 178, 182, 183	72	39,3
ЮЮ3–ССВ / ССВ–ЮЮ3	36, 143, 145, 152, 153, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 179, 180	17	9,3
3–В / В–3	6, 10, 13, 15, 20, 22, 23, 24, 33, 34, 41, 45, 49, 54, 62, 63, 64, 69, 78, 84, 86, 88, 113, 116, 119, 120, 121, 122, 131	29	15,9
3С3–ВЮВ	2, 8, 21, 50	4	2,2
ЗЮ3–ВСВ	1, 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 18, 19, 25, 26, 27, 31, 32, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46, 47, 48, 51, 52, 53, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 67, 68, 70, 71, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 110, 111, 114, 115, 117, 125, 129, 130, 151, 181	60	32,8
Всего		183	100

Таблица III. Боярский «Арай» могильник. Распределение могильных ям по длине

Длина (см)	№№ погребений		Кол-во	%
До 150, одиночные	2, 3, 4, 12, 14, 15, 21, 26, 27, 28, 34, 35, 38, 49, 57, 64, 67, 71, 74, 77, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 92, 96, 99, 100, 103, 104, 108, 113, 114, 116, 118, 123, 124, 126, 131, 133, 149, 154, 155, 160, 161, 167		48	26,2
151–180, одиночные	24, 39, 50, 55, 60, 61, 63, 79, 120, 130, 140, 177		12	6,5
181–210	одиночные	17, 19, 31, 32, 36, 37, 41, 46, 47, 51, 52, 54, 56, 62, 76, 80, 82, 93, 94, 95, 107, 117, 128, 134, 137, 138, 139, 142, 152, 159, 164, 173, 174, 180, 181	37	20,2
	коллективные	45, 144		
211–240	одиночные	7, 8, 16, 22, 25, 29, 40, 42, 43, 44, 48, 53, 58, 59, 65, 68, 72, 75, 83, 89, 97, 98, 102, 106, 111, 119, 129, 150, 151, 156, 162, 166, 168, 171, 172, 175, 178, 179	42	23,0
	коллективные	33, 109, 112, 132		
241–270	одиночные	1, 9, 11, 30, 69, 70, 73, 78, 101, 105, 125, 143, 146, 148, 153, 157, 165, 169, 170	23	12,6
	коллективные	23, 115, 127, 145		
Свыше 270	одиночные	91, 110, 135, 141, 147, 158, 163, 182, 183	13	7,1
	коллективные	66, 81, 136, 176		
Не определено	одиночные	5, 6, 13, 18, 20, 121, 122	8	4,4
	коллективные	10		
Всего			183	100

Таблица IV. Боярский «Арай» могильник. Распределение могильных ям по ширине

Ширина (см)	№№ погребений		Кол-во	%
До 27	34, 49, 85		3	1,6
28–50	одиночные	2, 4, 12, 14, 15, 21, 35, 38, 50, 57, 67, 74, 80, 84, 87, 88, 90, 92, 96, 99, 100, 103, 104, 108, 116, 117, 126, 131, 133, 161	31	16,9
	коллективные	144		
51–70	одиночные	3, 13, 17, 18, 19, 20, 27, 28, 29, 36, 37, 41, 46, 47, 54, 59, 62, 64, 65, 68, 71, 73, 76, 77, 78, 86, 93, 95, 101, 105, 107, 113, 118, 119, 123, 128, 140, 152, 154, 159, 160, 166, 167, 169, 177	46	25,1
	коллективные	45		
71–90	одиночные	5, 6, 7, 8, 11, 16, 22, 24, 26, 30, 31, 32, 39, 40, 42, 43, 44, 48, 52, 55, 56, 60, 61, 63, 70, 72, 75, 79, 82, 89, 94, 97, 98, 102, 110, 120, 124, 125, 129, 130, 134, 135, 137, 139, 141, 142, 148, 151, 153, 155, 162, 163, 164, 168, 171, 173, 174, 175	65	35,6
	коллективные	10, 66, 81, 109, 112, 127, 132		
Свыше 90	одиночные	1, 9, 25, 51, 53, 58, 69, 83, 91, 106, 111, 114, 138, 143, 146, 147, 149, 150, 156, 157, 158, 165, 170, 172, 178, 179, 180, 181, 182, 183	36	19,7
	коллективные	23, 33, 115, 136, 145, 176		
Не определено	121, 122		2	1,1
Всего			183	100

Таблица V. Боярский «Арай» могильник. Распределение могильных ям по глубине

Глубина (см)		№№ погребений	Кол-во	%
До 40		12, 14, 15, 21, 28, 32, 35, 49, 57, 74, 90, 92, 96, 99, 103, 104, 108, 113, 116, 120, 128, 149, 160, 161, 172, 179, 180, 181	28	15,3
41– 60	одиночные	2, 3, 4, 5, 7, 17, 18, 29, 64, 67, 68, 75, 85, 89, 91, 94, 97, 100, 107, 114, 126, 131, 133, 138, 151, 159, 166, 170, 173, 177	35	19,1
	коллективные	33, 81, 109, 127, 144		
61–80	одиночные	6, 11, 16, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 34, 36, 38, 39, 41, 43, 44, 50, 55, 58, 62, 63, 71, 73, 78, 80, 84, 86, 87, 93, 98, 102, 111, 117, 118, 119, 123, 124, 129, 134, 137, 139, 140, 141, 143, 146, 147, 148, 152, 154, 158, 162, 163, 164, 167, 171, 178, 182	61	33,3
	коллективные	112, 115, 145, 176		
81–100	одиночные	9, 22, 30, 31, 37, 40, 42, 46, 47, 48, 56, 59, 60, 61, 65, 69, 70, 76, 77, 79, 82, 83, 88, 95, 101, 105, 106, 110, 125, 130, 142, 150, 155, 156, 157, 165, 169, 174, 183	41	22,4
	коллективные	10, 23		
101–145	одиночные	1, 8, 13, 51, 52, 53, 54, 72, 135, 153, 168, 175	16	8,8
	коллективные	45, 66, 132, 136		
Не определено		121, 122	2	1,1
Всего			183	100

Таблица VI. Боярский «Арай» могильник. Распределение могильных ям по длине и ширине (см)

Длина		Длина	151–180	181–210	211–240	241–270	Свыше 270	?	Всего
Ширина До 27	№№ погр.	34, 49, 85	-	-	-	-	-	-	-
	Кол-во	3	0	0	0	0	0	0	3
	%	1,6	0	0	0	0	0	0	1,6
28–50	№№ погр.	2, 4, 12, 14, 15, 21, 35, 38, 57, 67, 74, 84, 87, 88, 90, 92, 96, 99, 100, 103, 104, 108, 116, 126, 131, 133, 161	50	80, 117, 144	-	-	-	-	-
	Кол-во	27	1	3	0	0	0	0	31
	%	14,8	0,5	1,6	0	0	0	0	16,9
51–70	№№ погр.	3, 27, 28, 64, 71, 77, 86, 113, 118, 123, 154, 160, 167	140, 177	17, 19, 36, 37, 41, 45, 46, 47, 54, 62, 76, 93, 95, 107, 128, 152, 159	29, 59, 65, 68, 119, 166	73, 78, 101, 105, 169	-	13, 18, 20	-
	Кол-во	13	2	17	6	5	0	3	46
	%	7,1	1,1	9,3	3,3	2,7	0	1,6	25,1
71–90	№№ погр.	24, 39, 55, 60, 61, 63, 79, 120, 130	26, 124, 155	31, 32, 52, 56, 82, 94, 134, 137, 139, 142, 164, 173, 174	7, 8, 16, 22, 40, 42, 43, 44, 48, 72, 75, 89, 97, 98, 102, 109, 112, 129, 132, 151, 162, 168, 171, 175	11, 30, 70, 125, 127, 148, 153	66, 81, 110, 135, 141, 163	5, 6, 10	-
	Кол-во	3	9	13	24	7	6	3	65
	%	1,6	4,9	7,1	13,1	3,8	3,3	1,6	35,4
Свыше 90	№№ погр.	114, 149	-	51, 138, 180, 181	25, 33, 53, 58, 83, 106, 111, 150, 156, 172, 178, 179	1, 9, 23, 69, 115, 143, 145, 146, 157, 165, 170	91, 136, 147, 158, 176, 182, 183	-	-
	Кол-во	2	0	4	12	11	7	0	36
	%	1,1	0	2,2	6,6	6,1	3,9	0	19,9
?	№№ погр.	-	-	-	-	-	-	121, 122	-
	Кол-во	0	0	0	0	0	0	2	2
	%	0	0	0	0	0	0	1,1	1,1
Итог		48	12	37	42	23	13	8	183
%		26,2	6,5	20,2	23,0	12,6	7,2	4,3	100

Таблица VII. Боярский «Арай» могильник. Распределение могильных ям по длине и глубине (см)

Глубина		Длина	До 150	151–180	181–210	211–240	241–270	свыше 270	?	Всего
До 40	№№ погр.	12, 14, 15, 21, 28, 35, 49, 57, 74, 90, 92, 96, 99, 103, 104, 108, 113, 116, 149, 160, 161		120	32, 128, 180, 181	172, 179	-	-	-	-
	Кол-во	21	1	4	2	0	0	0	0	28
	%	11,5	0,5	2,2	1,1	0	0	0	0	15,3
41–60	№№ погр.	2, 3, 4, 64, 67, 85, 100, 114, 126, 131, 133		177	17, 94, 107, 138, 144, 159, 173	7, 29, 33, 68, 75, 89, 97, 109, 151, 166	127, 170	81, 91	5, 18	-
	Кол-во	11	1	7	10	2	2	2	2	35
	%	6,0	0,5	3,8	5,5	1,1	1,1	1,1	1,1	19,1
61–80	№№ погр.	26, 27, 34, 38, 71, 84, 86, 87, 118, 123, 124, 154, 167		24, 39, 50, 55, 63, 140	19, 36, 41, 62, 80, 93, 117, 134, 137, 139, 152, 164	16, 25, 43, 44, 58, 98, 102, 111, 112, 119, 129, 162, 171, 178	11, 73, 78, 115, 143, 145, 146, 148	141, 147, 158, 163, 176, 182	6, 20	-
	Кол-во	13	6	12	14	8	6	2	2	61
	%	7,1	3,3	6,5	7,7	4,4	3,3	1,1	1,1	33,4
81–100	№№ погр.	77, 88, 155		60, 61, 79, 130	31, 37, 46, 47, 56, 76, 82, 95, 142, 174	22, 40, 42, 48, 59, 65, 83, 106, 150, 156	9, 23, 30, 69, 70, 101, 105, 125, 157, 165, 169	110, 183	10	-
	Кол-во	3	4	10	10	11	2	1	1	41
	%	1,6	2,2	5,5	5,5	6,0	1,1	0,5	0,5	22,4
101–145	№№ погр.	-	-	45, 51, 52, 54	8, 53, 72, 132, 168, 175	1, 153	66, 135, 136	13	-	
	Кол-во	0	0	4	6	2	3	1	1	16
	%	0	0	2,2	3,3	1,1	1,6	0,5	0,5	8,7
?	№№ погр.	-	-	-	-	-	-	121, 122	-	
	Кол-во	0	0	0	0	0	0	2	2	
	%	0	0	0	0	0	0	1,1	1,1	
Итог		48	12	37	42	23	13	8	183	
%		26,2	6,5	20,2	23,1	12,6	7,1	4,3	100	

Таблица VIII. Боярский «Арай» могильник. Распределение захоронений по типу погребальной конструкции

Тип деревянной конструкции	№№ погребений	Кол-во	%
Гроб	Ящик»	106, 158, 162	3
	Ящик «с ручками»	1, 10, 86, 136А, 153, 157, 163, 178	8
	Верхнее перекрытие + настил	16, 29, 65, 94, 146, 168, 175	7
	Верхнее перекрытие + настил «с ручками»	98, 125, 176А, 176Б	4
	Настил + продольные и (или) поперечные боковые доски	8, 22, 23А, 39, 82, 145Б	6
	Верхнее перекрытие + продольные и (или) поперечные боковые доски	40, 141, 156	3
	Только продольные и (или) поперечные боковые доски	68, 69, 143	3
Колода (?)	41, 77	2	2,2
Настил	5, 7, 9, 11, 23В, 42, 48, 51, 53, 59, 71, 73, 76, 83, 85, 115Д, 118, 136Б, 145А, 147, 170, 180	22	24,2
Верхнее перекрытие	30, 37, 43	3	3,3
Не определено	31, 38, 47, 55, 61, 63, 66А, 66Б, 78, 97, 101, 103, 109А, 115А, 115Б, 115Г, 121, 124, 142, 150, 152, 155, 160, 161, 164, 166, 177, 179, 182, 183	30	33,0
Всего		91	100

Таблица IX. Боярский «Арай» могильник. Распределение типов погребальных конструкций по полу и возрасту

Тип погребальной конструкции	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
Наличие погребальной конструкции	39	26	10	75
Гроб	Общее количество	18	7	3
	Ящик	1	0	0
	Ящик «с ручками»	3	3	0
	Верхнее перекрытие + настил «с ручками»	2	0	0
колода	0	1	1	2
настил	8	8	2	18
верхнее перекрытие	1	2	0	3

Таблица X. Боярский «Арай» могильник. Половозрастные показатели умерших

Пол	№№ погребений	Кол-во	%
М	1, 6, 8, 9, 11, 16, 17, 18, 19, 22, 23А, 27, 30, 32, 33А, 33Б, 40, 44, 48, 55, 59, 60, 63, 66Б, 68, 70, 72, 73, 78, 79, 82, 83, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 112А, 115А, 115Б, 119, 125, 129, 130, 136А, 136Б, 138, 142, 143, 145А, 145Б, 146, 151, 152, 153, 155, 156, 159, 169, 171, 174, 175, 182, 183	65	30
	сбор		
Всего		67	30,9
Ж	5, 7, 10А, 13, 20, 23В, 26, 31, 36, 37, 42, 43, 45А, 46, 51, 52, 53, 54, 56, 58, 61, 66А, 69, 75, 77, 81А, 89, 91, 95, 101, 102, 105, 109А, 115Г, 115Д, 127А, 128, 132А, 134, 135, 137, 139, 141, 147, 148, 150, 157, 166, 168	49	22,6
	По инвентарю		
	65, 163, 176А, 176Б	4	1,8
	сбор	1	0,5
Всего		54	24,9
Дети (от 0 до 14–15 лет)	2, 3, 4, 10Б, 12, 14, 15, 21, 23Б, 28, 29, 34, 35, 38, 39, 41, 45Б, 49, 50, 57, 62, 67, 74, 80, 81Б, 81В, 84, 85, 87, 88, 90, 92, 93, 94, 96, 100, 103, 104, 109Б, 112Б, 114, 115Б, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 126, 127Б, 132Б, 133, 140, 144А, 144Б, 154, 172, 177	59	27,2
	сбор		
Всего		64	29,5
Пол ? (определен возраст)	24, 25, 47, 64, 71, 76, 86, 124, 158, 162, 170, 173, 178, 179, 180, сбор	32	14,7
	Итого	217	100

Таблица XI. Боярский «Арай» могильник. Положение костяков в могилах

Положение костяка				№№ погребений				Кол-во	%	
				мужчины	женщины	дети	?			
Вытянуто на спине	Сохранились кости обеих рук	Руки вытянуты вдоль тела	Ноги вытянуты	1, 11, 17, 33А, 33Б, 60, 70, 72, 73, 78, 106, 110, 112А, 115Б, 119, 125, 136А, 136Б, 138, 142, 145А, 145Б, 146, 151, 153, 175, 182, 183	7, 31, 42, 43, 46, 54, 58, 89, 91, 102, 109А, 132А, 134, 135, 137, 141, 150, 168	21, 29, 41, 50, 80, 84		65, 76	71	37,0
				18*, 68*	5*, 45А*, 51*, 52*, 56*, 69*, 127А*, 128*	3*, 15*, 8*, 92*, 120*, 122*, 144Б*				
		Положение ног не определено		155	61	-	-	2	1,0	
		Руки вытянуты вдоль тела, кисти на тазу	Ноги вытянуты	98, 130*, 169, 171, 174*	37*, 101*	87*	25*	9	4,7	
Вытянуто на спине	Сохранились кости обеих рук	Руки слегка согнуты в локтях, вдоль тела	Ноги вытянуты	23А, 66Б	66А, 75*, 147	-	-	5	2,6	
		Руки согнуты в локтях, кисти на тазу	Ноги вытянуты	9, 22, 30, 48, 97, 159*	157	93	-	8	4,2	
			Ноги слегка согнуты в коленях	-	105	-	-	1	0,5	
		Одна рука вытянута, другая согнута и на тазу	Ноги вытянуты	107, 111, 129, 143, 152*	36*, 53, 95	12*, 81Б, 144А*	-	11	5,8	
			Положение ног не определено	-	81А*	-	-	1	0,5	
		Руки согнуты, «обнимают» ребенка	Ноги слегка согнуты	-	115Г	-	-	1	0,5	
Вытянуто на спине	Сохранились кости одной руки	Рука вытянута	Ноги вытянуты	32*, 40, 59, 63, 82, 156	-	62*, 140*	158	9	4,7	
			Ноги подогнуты (смещены)	-	10А	-	-	1	0,5	
			Положение ног не определено	79	-	4*	64	3	1,6	
		Рука согнута	Ноги вытянуты	-	-	96*, 100*	-	2	1,0	

		Вытянуто на спине	Обе руки сохранились плохо	Положение рук не определено	Ноги вытянуты	6, 44*, 83	23В, 77* 139, 148	23Б, 38*, 39*, 45Б*, 57*, 67*, 74, 85*, 90, 94, 126*, 127Б*, 154	86*, 170	22	11,5	
На боку	Сохранились обе руки	Руки слегка согнуты в локтях и вдоль тела		Ноги вытянуты	-		115Д	-	-	1	0,5	
		Руки согнуты в локтях и скрещены между собой (связаны?)		Ноги согнуты	16*		-	-	-	1	0,5	
Всего									148	77,1		
Не определено									44	22,9		
Итого									192	100		

* безынвентарные костяки

Таблица XII. Боярский «Арай» могильник. Ориентация костяков

Ориентация костяков	№№ погребений	Кол-во	%
головой на С	172	1	0,5
головой на СВ	66А, 90, 103, 144Б	4	2,1
головой на ССВ	36	1	0,5
головой на ЮЗ	5, 14, 28, 29, 30, 38, 44, 56, 66Б, 72, 73, 74, 75, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 109А, 112А, 120, 123, 126, 127А, 127Б, 128, 132А, 133, 134, 135, 136А, 136Б, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144А, 146, 147, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 174, 175, 176А, 176Б, 177, 178, 182, 183	67	34,9
головой на ЮЮЗ	143, 145А, 145Б, 152, 153, 162, 168, 169, 170, 171, 173, 179, 180	13	6,8
головой на З	6, 10А, 13, 15, 20, 22, 23А, 23Б, 25, 33А, 33Б, 41, 45А, 45Б, 49, 54, 62, 63, 64, 69, 78, 84, 119, 122	24	12,5
головой на ЗСЗ	8, 21, 50	3	1,6
головой на ЗЮЗ	1, 3, 7, 9, 11, 12, 16, 17, 18, 31, 32, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46, 48, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 67, 68, 70, 76, 77, 79, 80, 81А, 81Б, 82, 83, 85, 87, 110, 111, 115А, 115Б, 115В, 115Г, 117, 125, 129, 130, 150, 151	53	27,6
головой на В	116	1	0,5
головой на ВСВ	4, 115Д	2	1,0
Всего		169	88,0
Не определено	2, 10Б, 19, 23В, 24, 26, 27, 34, 47, 55, 71, 81В, 86, 109Б, 112Б, 114, 118, 121, 124, 132Б, 148, 163, 166	23	12,0
Итого		192	100

Таблица XIII. Боярский «Арай» могильник. Характеристика коллективных погребений

№ погребения	Костяк	Пол	Возраст	Ориентация костяков	
				З, ЗЮЗ, ЮЗ, ЮЮЗ	СВ, ВСВ
10	A	жен.	25–35	+	-
	Б	ребенок	2–3	-	-
23	A	муж.	30–40	+	-
	Б	ребенок	5–6	+	-
	В	жен.	30–40	-	-
33	A	муж.	45–55	+	-
	Б	муж.	25–35?	+	-
45	A	жен.	20–25	+	-
	Б	ребенок	0–0,5	+	-
66	A	жен?	30–40	-	+
	Б	муж.	>50	+	-
81	A	жен.	40–50	+	-
	Б	ребенок	8–10	+	-
	В	ребенок	<0,5	-	-
109	A	жен?	25–35?	+	-
	Б	ребенок	<0,5	-	-
112	A	муж?	40–50	+	-
	Б	ребенок	0	-	-
115	A	муж?	30–40	+	-
	Б	муж.	25–35	+	-
	В	ребенок	?	+	-
	Г	жен.	20–30	+	-
	Д	жен?	14–18	-	+
127	A	жен?	30–35	+	-
	Б	ребенок	0	+	-
132	A	жен.	50+	+	-
	Б	ребенок	0	-	-
136	A	муж.	20–30	+	-
	Б	муж.	40–50	+	-
144	A	ребенок	7–8	+	-
	Б	ребенок	5–6	-	+
145	A	муж.	25–40	+	-
	Б	муж.	30–40	+	-
176	A	жен. (по инвентарю)	-	+	-
	Б	жен. (по инвентарю)	-	+	-

Таблица XIV. Боярский «Арай» могильник. Характеристика захоронений с нарушением анатомического порядка костей скелета

Группа разрушения	№№ погр.	Пол	Возраст	Наличие вещей	Поздняя яма/осыпь
1. Костяки, разрушенные полностью					
А) Кости лежат компактно в погребении	24	-	-	-	+
	26	жен.	40–50	железная вещь (накладка?)	+
	27	муж.	30–40	-	+
	55	муж?	20–25	-	+
	71	-	-	-	-
	109Б	ребенок	<0,5	-	-
	123	ребенок	9–11	застежка (ЗНК)	-
Б) Кости разбросаны по погребению	132Б	ребенок	0	-	-
	47	подросток	14–18	железные вещи	-
	115А	муж?	30–40	наконечники стрел	-
2. Костяки с разрушением отдельных частей скелета					
А) Разрушения, связанные с черепом	13	жен.	20–25	-	+
	18	муж.	25–35	-	+
	37	жен.	35–45	-	-
	78	муж.	18–22	стрелы, нож, пряжки, бусина и др.	-
	145А	муж.	25–40	нож, подвеска, пряжка	-
Б) Разрушения, связанные с грудной клеткой	17	муж.	40–50	-	+
	21	ребенок	-	бисер, сюльгама, железная цепочка	-
	23А	муж.	30–40	пояс, нож, стрела	-
	23В	жен.	30–40	сюльгама	-
	25	-	-	-	+
	32	муж?	20–25	-	-
	46	жен.	>50	бусина, пронизки	-
	52	жен?	40+	-	-
	89	жен.	18–20	скопление вещей, пряжка, пронизки	-
	135	жен.	40+?	шило, бусина, птичьи косточки	-
	138	муж.	>50	пряжка	-
	146	муж.	55+	нож, стрелы, пряжка	-
	152	муж.	25–35	-	-
	159	муж?	40–50	-	-
	183	муж.	40–50	нож, стрелы, пряжка, бусина	-

В) Разрушение скелета верхних конечностей	28	ребенок	2–4	-	-
	40	муж?	18–22	нож, пряжки, стрелы, накладка, крючок	-
	70	муж.	>55	сюльгама	-
	105	жен.	30–40	скопление вещей, пряжка	-
Г) Разрушение скелета нижних конечностей	10A	жен.	25–35	бисер, пряжка	+
	60	муж.	25–50	нож, крючок	+
	81A	жен.	40–50	-	-
	139	жен.	>50	бусина	-
	155	муж.	45+	стрела, пряжка	-
Д) Разрушение большей части скелета костяка	8	муж.	>60	-	-
	19	муж?	45+	-	-
	86	-	40+	-	-
	148	жен.	40–45	скопление вещей, сюльгама	-
Всего	43	39	39	23	10

Таблица XV. Боярский «Арай» могильник. Сводная характеристика ритуальных скоплений вещей (жертвенных комплексов / подарочных наборов)

№ погр.	Пол / возраст индивида	Положение набора в погребении	Кол-во категорий	Состав набора	Емкость	Дублирование набора с вещами костюма
7	Ж?/30–40	слева от черепа	3	фибула, шило, височные подвески	-	-
31	Ж?/25+	слева от черепа	не менее 7	гривна, височные подвески, сюльгама, ожерелье (-я) из бус, пронизок, бляшек-накладок и подвесок, бисера (?), браслеты, накладка	+(берестяная коробочка?)	-
42	Ж/15–20	на правом плече	не менее 5	ожерелье из бус и пронизок (?), височная подвеска, гривна, браслеты, пряжка	-	+(височная подвеска)
43	Ж/50+	справа от черепа	2	сюльгама, ожерелье из бисера	-	-
50	6–8	слева у левой стопы	не менее 2	ожерелье (?) из бисера, колечка от накладки и пронизки, костяная бабка	-	-

53	Ж?/35–45	в ногах, слева	не менее 7	кость животного, височные подвески, ожерелье (?) из бисера и пронизок, цепочка, сюльгама, шило, подвеска	-	-
54	Ж/20–25	в ногах, между стоп	не менее 2	ожерелье (?) из бусины, бисера, пронизки, поясные накладки	-	-
74	5–6	в изголовье, справа	2	ожерелье из бус, височная подвеска	-	-
89	Ж/18–20	слева у левой стопы	5	браслет, предмет кольчужного плетения, височные подвески, фибула, гривна	-	-
91	Ж/40–55	в изголовье	3	фибула, височные подвески, бусина	-	-
95	Ж/ 40–50	слева у левой стопы	3	ожерелье из бисера, сюльгама, шилья	-	-
102	Ж/45–55	справа у правой стопы	3	височная подвеска, нож, фибула	+ (тлен пря- моуголь- ной формы от емко- сти?)	-
104	<3	в ногах	2	ожерелье из бусины и пронизок, пряжка	-	-
105	Ж/30–40	справа от черепа	3	височная подвеска, гривна, сосуд, сюльгама	+ (?)	-
115Б	М/25–35	в области стоп	4	фибула, бусы, нож, прядлище	-	+ (нож)
115Г	Ж/20–30	в области шейных позвонков	не менее 2	ожерелье (-я) (?) из бисера, бус, пронизок и подвески, височная подвеска	-	-
115Д	Ж?/14–18	в затылочной области	не менее 2	ожерелье (?) из бусин, пронизок, бляшки и костяного изделия, височная подвеска	-	+ (височная подвеска)
118	1–2	слева от черепа	не менее 2	ожерелье (?) из бисера и пронизки, железная вещь	-	-
132А	Ж/50+	слева у левой стопы	4	ожерелье (?) из бусины и пронизок, фибула, браслет, височная подвеска	-	-

134	Ж/40–50	слева у левой стопы	не менее 3	височные подвески, фибула, ожерелье (?) из бус, костяного амулета, железной вещи (колечка?), бронзовой вещи, подвесок	+ (берестяная коробочка)	-
137	Ж/>55	справа у правой стопы	5	пряслице, ожерелье из бисера, нож, шило, кость животного	+ (тлен прямоугольной формы от емкости?)	-
141	Ж/25–30	в ногах	не менее 7	фибула, гривна, браслеты, ожерелья (?) из бус, пронизок, бляшек, подвесок, бисера, височные подвески, кожаный ремешок с пронизкой и бляшками (головной убор?), бляха	-	-
147	Ж/30–40	справа от черепа	не менее 5	бляха-раковина, подвеска, височные подвески, цепочка, ожерелье (?) из бусины, пронизок и бисера	-	-
148	Ж/40–45	в области стоп, слева	не менее 3	сосуд, височные подвески, железные вещи	-	-
150	Ж?/25–35	справа у правой стопы	3	гривна, шило, височная подвеска	-	-
154	3–5	слева от черепа	2	сосуд, ожерелье из бисера, пронизок, привески, бусин	+ (глиняный сосуд)	-
168	Ж/20–30	слева от черепа	8	фибула, гривны, височные подвески, ожерелье из бисера, предмет кольчужного плетения, накладка, шило, подвески	-	-
176А	Ж (по инвентарю)	в ногах	не менее 5	гривна, височные подвески, шило, пронизка, бусина	+ (берестяная коробочка?)	-
177	4–10	в ногах	не менее 4	ожерелье (?) из бисера, бусины и пронизки, браслет (?), височная подвеска, цепочка	-	-

Таблица XVI. Боярский «Арай» могильник. Встречаемость погребального инвентаря

Инвентарь	Погр. (183)		Костяки (192)						Кол-во предметов (экз.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Муж.	Жен.	Дети	Не определено	В скоплениях вещей	Всего
Головные уборы	6	3,3	6	3,1	-	6	-	-	1	6
Височные подвески	22	12,0	24	12,5	-	21	3	-	44	59
Предметы кольчужного плетения и остатки цепочек	6	3,3	6	3,1	-	3	3	-	4	7
Гривны	11	6,0	11	5,7	-	9	2	-	10	14
Браслеты	7	3,8	7	3,6	-	5	2	-	9	12
Фибулы	11	6,0	12	6,2	1	11	-	-	10	14
Сюльгамы	15	8,2	15	7,8	1	12	2	-	5	17
Бусы	42	23,0	44	22,9	12	23	8	1	1761	2052
Подвески (и привески, в т. ч. оселки)	16	8,7	17	8,8	4	9	3	1	39	55
Накладки	12	6,5	13	6,7	3	8	2	-	33	422
Пронизки	20	10,9	21	10,9	-	14	7	-	68	87
Бляхи	3	1,6	3	1,5	-	3	-	-	2	5
Пряжки	60	32,8	62	32,3	39	15	6	2	2	84
Пряжка-кольцо	1	0,5	1	0,5	1	-	-	-	-	1
Обойма-зажим	1	0,5	1	0,5	1	-	-	-	-	1
Кольцо	1	0,5	1	0,5	-	-	-	1	-	1
ЗНК	1	0,5	1	0,5	-	-	1	-	-	1
Наконечники ремней	7	3,8	7	3,6	3	3	1	-	-	7
Наборные пояса	6	3,3	6	3,1	1	5	-	-	-	6
Ножи	45	24,6	49	25,5	31	10	4	4	4	63
Наконечники стрел	25	13,7	27	14,1	27	-	-	-	-	109
Наконечники копий	3	1,6	3	1,6	3	-	-	-	-	3
Крючки	9	4,9	10	5,2	10	-	-	-	-	12
Шилья	10	5,5	10	5,2	-	9	1	-	6	11
Пинцеты	3	1,6	3	1,6	3	-	-	-	-	3
Пряслица	3	1,6	3	1,6	2	1	-	-	2	3
Глиняная посуда	10	5,5	11	5,7	4	2	4	1	3	14*
Кости животных и изделия из кости	9	4,9	9	4,7	2	5	1	1	5	9
Всего (без наборных поясов, головных уборов)								2007	3066	

* приблизительное количество

Таблица XVII. Боярский «Арай» могильник. Распределение безынвентарных костяков по полу и возрасту

Пол / возраст	№№ погребений	Кол-во	%
Мужчины	8, 16, 18, 19, 27, 32, 55, 68, 130, 152, 159, 174	12	16,9
Женщины	5, 36, 37, 45А, 51, 52, 56, 69, 75, 81А, 101, 127А, 128	13	18,3
Дети	2, 3, 4, 10Б, 12, 14, 15, 28, 34, 35, 38, 39, 45Б, 49, 57, 62, 67, 81В, 85, 87, 88, 92, 96, 100, 103, 109Б, 112Б, 116, 117, 120, 121, 122, 126, 127Б, 132Б, 133, 140, 144А, 144Б	39	54,9
Не определен	24, 25, 71, 86, 173, 179, 180	7	9,9
Всего		71	100
Вне подсчета (разрушены оврагом или разграблены)	13, 20, 44, 77, 124	5	-
Итого		76	-

Таблица XVIII. Боярский «Арай» могильник. Характеристика детских погребений с инвентарем

№ п/п	№№ погр.	Возраст	Инвентарь и его местоположение	Кол-во категорий
1.	21	не опр.	фрагменты цепочки и сюльгамы над левым плечом, бисер в области черепа и пояса	3
2.	23Б	5–6	нож на тазу	1
3.	29	12–14	пряжка на тазу	1
4.	41	12–14	скопление бисера справа у черепа	1
5.	50	6–8	скопление вещей: костяная бабка, бисер, пронизка, колечко	4
6.	74	5–6	скопление вещей: височная подвеска, бусы	2
7.	80	7–12	2 пряжки – на тазу и на груди	1
8.	81Б	8–10	слева от черепа сосуд, справа от черепа гривна, бляшка-накладка на поясе, спекшиеся предметы кольчужного плетения с подвесками и пронизками в ногах	Минимум 8
9.	84	1–1,5	пряжка и железные вещи у головы слева	2
10.	90	0,5	Пронизка на правой берцовой кости	1
11.	93	9–11	2 пряжки – на тазу и у левого плеча, нож на тазу	2
12.	94	2–4	в области шеи пряжка, на груди – подвеска, на тазу – фрагменты вещей, бляшка-накладка, наконечник ремня и нож, пряжка в области левой стопы, у левой руки браслет	Минимум 6
13.	104	<3	сосуд, скопление вещей: пронизки, бусина, пряжка	4

14.	114	<0,5	нож (местоположение не определено)	1
15.	115В	не опр.	браслет в области ног	1
16.	118	1–2	сосуд в ногах слева, скопление вещей: железные вещи с пронизкой, бисер.	Минимум 3
17.	123	9–11	ЗНК (местоположение не определено)	1
18.	154	3–5	скопление вещей: бусы, пронизки, подвески, каменное изделие, сосуд	5
19.	172	10–15	сюльгама (местоположение не определено)	1
20.	177	4–10	гривна и шило в области черепа, височные подвески и пронизка в области «ног», скопление вещей: височные подвески, бисер и бусы, пронизки, цепочка, железные вещи	Минимум 6

Таблица XIX. Боярский «Арай» могильник. Некоторые характеристики погребальных сооружений в безынвентарных погребениях

1. Форма могильных ям (с учетом погребений, в которых один из костяков имел инвентарь – 10, 81, 109, 112, 132)				
Форма могильной ямы	№№ погребений		Кол-во	%
Подпрямоугольная	2, 3, 5, 8, 10, 16, 18, 19, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 45, 51, 55, 56, 67, 68, 69, 71, 75, 81, 85, 86, 92, 96, 100, 101, 103, 109, 112, 117, 120, 126, 127, 128, 130, 132, 133, 140, 144, 152, 159, 173, 174, 179, 180		53	79,1
Овальная	4, 12, 35, 62, 116		5	7,5
Трапециевидная	52		1	1,5
Не определено	14, 15, 49, 57, 87, 88, 121, 122		8	11,9
Всего			67	100
2. Распределение могильных ям по длине (с учетом погребений, в которых один из костяков имел инвентарь – 10, 81, 109, 112, 132)				
Длина (см)	№№ погребений		Кол-во	%
До 150	2, 3, 4, 12, 14, 15, 27, 28, 34, 35, 38, 49, 57, 67, 71, 85, 86, 87, 88, 92, 96, 100, 103, 116, 126, 133		26	38,8
151–180	24, 39, 55, 120, 130, 140		6	8,9
181–210	19, 32, 36, 37, 45, 51, 52, 56, 62, 117, 128, 144, 152, 159, 173, 174, 180		17	25,4
211–240	8, 16, 25, 68, 75, 109, 112, 132, 179		9	13,4
241–270	69, 101, 127		3	4,5
Свыше 270	81		1	1,5
Не определено	5, 10, 18, 121, 122		5	7,5
Всего			67	100
3. Распределение могильных ям по ширине (с учетом погребений, в которых один из костяков имел инвентарь – 10, 81, 109, 112, 132)				
Ширина (см)	№№ погребений		Кол-во	%
До 27	34, 49, 85		3	4,5

28–50	2, 4, 12, 14, 15, 35, 38, 57, 67, 87, 88, 92, 96, 100, 103, 116, 117, 126, 133, 144	20	29,8
51–70	3, 18, 19, 27, 28, 36, 37, 45, 62, 68, 71, 86, 101, 128, 140, 152, 159	17	25,4
71–90	5, 8, 10, 16, 24, 32, 39, 52, 55, 56, 75, 81, 109, 112, 120, 127, 130, 132, 173, 174	20	29,8
Свыше 90	25, 51, 69, 179, 180	5	7,5
Не определено	121, 122	2	3,0
Всего		67	100

4. Распределение могильных ям по глубине (с учетом погребений, в которых один из костяков имел инвентарь – 10, 81, 109, 112, 132)

Глубина (см)	№№ погребений	Кол-во	%
До 40	12, 14, 15, 28, 32, 35, 49, 57, 92, 96, 103, 116, 120, 128, 179, 180	16	23,9
41–60	2, 3, 4, 5, 18, 67, 68, 75, 81, 85, 100, 109, 126, 127, 133, 144, 159, 173	18	26,9
61–80	16, 19, 24, 25, 27, 34, 36, 38, 39, 55, 62, 71, 86, 87, 112, 117, 140, 152	18	26,9
81–100	10, 37, 56, 69, 88, 101, 130, 174	8	11,9
101–145	8, 45, 51, 52, 132	5	7,4
Не определено	121, 122	2	3,0
Всего		67	100

ГЛАВА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ МОГИЛЬНИКА

Под классификацией в археологической литературе понимается «разделение предметов, явлений и понятий на классы, объединяемых наличием у каждого из них обязательных общих черт, признаков» (Щапова, 1994, с. 43). В результате тип – это идеальная модель объекта, представляющая собой вещи одного назначения, однородные по виду, одинаковые по материалу, способу обработки, форме и орнаменту, но различающиеся в деталях (Щапова, 1988, с. 44; Щапова и др., 2007, с. 10).

Классификация погребального инвентаря Боярского «Арай» могильника выполнена на основе уже имеющихся разработок, представленных в работах таких специалистов в области изучения мазунинских памятников, как Т.И. Останина (1997), Р.Д. Голдина и В.А. Бернц (2010), Р.Д. Голдина и А.А. Красноперов (2012) и др. Нами использовался также словарь-классификатор, созданный Ю.Л. Щаповой, Ю.А. Лихтер, Т.Г. Сарачевой, Е.К. Столяровой (2007), позволивший описать предметы в единой терминологической системе.

При классификации учитывались только те предметы, форма которых позволяет судить об их конструктивных особенностях. Всего в классификации погребального инвентаря Боярского могильника было использовано 25 категорий вещей. Структура описания материала представлена тремя блоками – украшения костюма, поясная гарнитура, орудия труда и предметы вооружения.

3.1. Украшения костюма

К данной группе относятся 10 категорий вещей: височные подвески, гривны, браслеты, фибулы, сюльгамы, накладки, подвески (и привески), пронизки, бляхи, бусы.

Височные подвески «мазунинского» («бахмутинского») типа являются характерным элементом мазунинского комплекса и одним из ярких маркеров, свойственных кругу среднекамских могильников второй четверти I тыс. н. э. В Боярском могильнике они выполнены в трех техниках (Останина, 1997, с. 34):

1). Из окружной в сечении проволоки, согнутой в кольцо; противоположный конец загнут в виде крючка (для крепления к головному убору). В данной технике изготовлена одна подвеска из бронзовой проволоки (п. 115Г).

2). В технике витья выполнено 4 подвески (пп. 74, 89, 115Д, 148). Во всех случаях также была использована бронзовая проволока.

3) Техника навивки. Абсолютное большинство боярских височных подвесок представлено именно в этой технике, в двух ее вариантах:

- навивание на бронзовый стержень тонкой узкой, иногда подгравированной, бронзовой проволоки (3 экз.): пп. 115Д, 132, 134. На двух височных подвесках (пп. 115Д, 132) бронзовая обмотка обхватывает лишь часть кольца, что является следствием сохранности (?).

- навивание на железный стержень тонкой узкой бронзовой проволоки, иногда ограненной (48 экз.): пп. 7 (4 экз.), 31 (5 экз.), 42 (2 экз.), 53 (2 экз.), 54 (3 экз.), 81Б (1 экз.), 89 (2 экз.), 91 (2 экз.), 102 (1 экз.), 105 (1 экз.), 134 (1 экз.), 141 (2 экз.), 147 (3 экз.), 148 (1 экз.), 150 (1 экз.), 163 (2 экз.), 168 (3 экз.), 176А (5 экз.), 176Б (1 экз.), 177 (1 экз.), сбор (5 экз.).

Плохая сохранность не позволяет определить технику изготовления у височных подвесок из пп. 176Б (1 экз.; табл. 121–4), 177 (2 экз.; табл. 125–3, 4).

Для височных подвесок «мазунинского» типа предложена классификация, в основе которой лежат разработки Т.И. Останиной (1997, с. 34–35), Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (2010, с. 115–116). Типы были выделены по форме височной подвески, подтипы – по материалу и технике изготовления, варианты – по размеру кольца и, где возможно, длине стержня: малые – диаметр кольца меньше или равен 2,5 см, длина стержня в пределах 2,3–6,5 см; средние – диаметр кольца больше 2,5 см, но меньше или равен 3,5 см, длина стержня – 3,3–

6,7 см; крупные – диаметр кольца больше 3,5 см, длина стержня – 5,0–8,5 см (большинство имеет длину 5,4–7,0 см); подварианты – по декору (бусина).

Всего в классификационную схему включено 57 височных подвесок.

Тип 1 (57 экз.). «Мазунинский»: прямой стержень, верхний конец которого имеет крючок, а нижний – замкнутое кольцо.

Подтип I (1 экз.). Простой круглый в сечении бронзовый дрот, загнутый в кольцо: погребение 115Г. Вариант 2. Средние. Подвариант а. Без декора (табл. 134–1).

Подтип II (4 экз.). Витой, из 2-х проволок, бронзовый стержень, загнутый в кольцо: пп. 74, 89, 115Д, 148.

Вариант 1 (1 экз.). Малые: п. 74. Подвариант а. Без декора (табл. 134–2).

Вариант 2 (3 экз.). Средние: пп. 89, 115Д, 148. Длина височной подвески из п. 89 – 7,1 см, однако по размерам кольца она была включена в этот вариант. Подвариант а. Без декора: пп. 89, 115Д (табл. 134–4, 9). Подвариант б. С нанизанной на стержень стеклянной бусиной: п. 148 (табл. 134–7).

Подтип III (3 экз.). Навивка на бронзовый стержень гладкой (или подгравированной) бронзовой проволоки. Один конец стержня загнут в кольцо, другой – в крючок: пп. 115Д, 132, 134.

Вариант 2 (2 экз.). Средние: пп. 115Д, 132. Подвариант а. Без декора (табл. 134–3, 5).

Вариант 3 (1 экз.). Крупные: п. 134. Подвариант б. С нанизанной на стержень стеклянной бусиной (табл. 134–10).

Подтип IV (49 экз.). Навивка на железный стержень гладкой (или подгравированной) бронзовой проволоки. Один конец стержня загнут в кольцо, другой – в крючок: пп. 7, 31, 42, 53, 54, 81Б, 89, 91, 102, 105, 134, 141, 147, 148, 150, 163, 168, 176А, 176Б, 177, сбор. 11 височных подвесок этого подтипа не разделены на варианты в силу их фрагментарности: пп. 7, 54, 81Б, 147, 163, 176А, 177.

Вариант 2 (6 экз.). Средние: пп. 89, 91 – 2 экз., 176А, сбор – 2 экз. Подвариант а. Без декора: пп. 89, 91 – 2 экз., сбор – 2 экз. Подвариант б. С нанизанной на стержень стеклянной бусиной: п. 176А (табл. 134–8).

Вариант 3 (32 экз.). Крупные: пп. 7 – 2 экз., 31 – 5 экз., 42 – 2 экз., 53 – 2 экз., 54 – 2 экз., 89 – 1 экз., 102 – 1 экз., 105 – 1 экз., 134 – 1 экз., 141 – 2 экз., 148 – 1 экз., 150 – 1 экз., 168 – 3 экз., 176А – 3 экз., 176Б – 2 экз., сбор – 3 экз.

Подвариант а. Без декора: пп. 7 – 2 экз., 31 – 5 экз., 42 – 2 экз., 53 – 2 экз., 54 – 2 экз., 89 – 1 экз., 102 – 1 экз., 105 – 1 экз., 150 – 1 экз., 168 – 3 экз., 176А – 2 экз., 176Б – 2 экз., сбор – 3 экз. (табл. 134–11).

Подвариант б. С нанизанной на стержень стеклянной бусиной: пп. 134 – 1 экз., 141 – 2 экз., 148 – 1 экз., 176А – 1 экз. (табл. 134–6).

По мнению Т.И. Останиной, самые ранние височные подвески – III в. – характеризуются малыми размерами и выполнены в разных техниках (1997, с. 34–35, 104, 296, рис. 51, 72–74). В Боярском могильнике они изготовлены из бронзы в технике витья и навивки (подтипы II, III) и обнаружены только в двух захоронениях – пп. 74, 115Д (2 экз.). В IV в. конструкция подвесок усложняется, диаметр кольца увеличивается до средних размеров (там же, с. 35, 104, 296, рис. 51, 52). На нашем могильнике такие височные подвески выполнены в трех техниках (как из бронзовых проволок, так и биметаллические, подтипы I, II, III, IV) с декором в виде напускной бусины; встречены в 9 захоронениях в количестве 10 экз. (пп. 89 – 2 экз., 91, 115Д, 132, 148, 176А, сбор – 2 экз.). Наконец, в V в. диаметр кольца становится крупным, господствует техника навивки бронзовой проволоки на железный дрот (там же, с. 35, 105, 296, рис. 51, 8). В Боярке такие крупные височные подвески (33 экз.) представлены только навивкой (подтипы III, IV) и выполнены в основном из железного дрота с намотанной на него бронзовой проволокой. Крупная подвеска в этой технике, изготовленная из двух

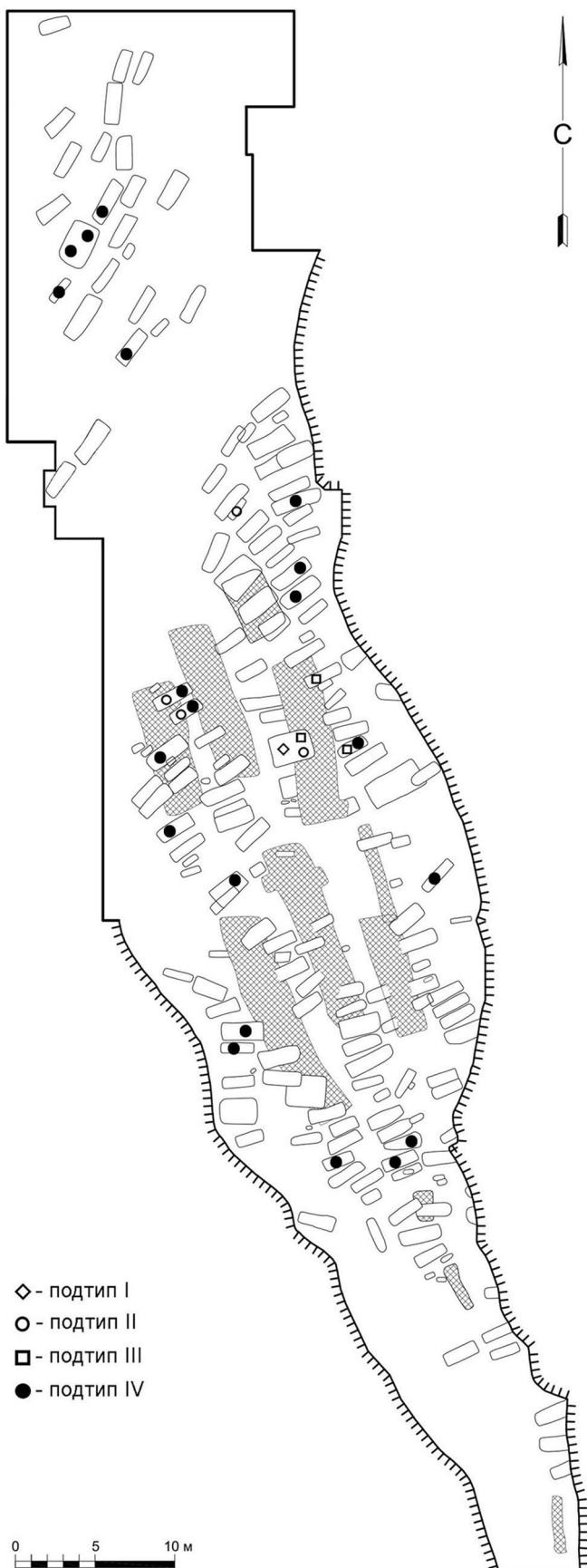

Рис. 22. Боярский «Арай» могильник.
План размещения погребений
с височными подвесками

бронзовыми проволоками, обнаружена только в погребении 134.

Судя по планиграфии (рис. 22), височные подвески подтипов I, II, III («ранние») располагались в центральной части некрополя, тогда как изделия подтипа 4 («поздние») как бы расходятся от центра к краям могильника.

Гривны. По конструктивным особенностям подразделяются на типы по сечению дрота, подтипы – по технике изготовления и, если есть, декору, варианты выделены по оформлению концов (учитывались сохранившиеся концы гривен). В классификацию вошли 14 предметов.

Тип I (10 экз.). Круглопроволочные: из железа – пп. 31, 58, 150, 176А, сплавов на основе меди – пп. 105, 168 (2 экз.), а также биметаллические – пп. 81Б, 168, 177.

Подтип 1 (6 экз.). Железный или бронзовый гладкий дрот, загнутый кольцом: погребения 31, 105, 150, 168 (2 экз.), 176А.

Вариант а (5 экз.). Концы в виде двух крючков: погребения 31, 105, 150, 168 – 2 экз. (табл. 135–1, 3). Железная гривна из п. 176А имеет плохо сохранившиеся концы, поэтому вариант не выделен. На одной из бронзовых гривен (погр. 168) прослежены следы ремонта: концы разрыва в центральной части были расплющены и зафиксированы двумя железными штифтами (табл. 135–3). Гривны этого подтипа получили достаточно широкое распространение в раннесредневековых культурах (Останина, 1997, с. 37), а их прототипы можно видеть на памятниках более ранних эпох – ананьинских (Патрушев, 1985, рис. 2, 6) и раннепьянооборских (Агеев, 1992, табл. 4, 7).

Подтип 2 (3 экз.). Железный дрот, загнутый в кольцо и обмотанный бронзовой проволокой: пп. 81Б, 168, 177. На двух гривнах из пп. 81Б и 177 бронзовая обмотка сохранилась лишь частично. Гривна из п. 177 имеет плохо

сохранившиеся концы, поэтому вариант не определен.

Вариант а. Концы в виде двух крючков: п. 168 (табл. 135–5).

Вариант б. С зауженными концами, без крепления: п. 81Б (табл. 135–4). Такие гравни считаются характерными для мазунинских некрополей (Останина, 1997, рис. 33, 1; Голдина и др., 2015, илл. 236). В башкирской группе они появляются в IV в., в удмуртской – позднее, в V в. (Останина, 1997, с. 105, 108, рис. 51, 38). В древнемордовских памятниках селиксенского типа, а также в рязано-окских могильниках были известны в III–IV вв. (Белоцерковская, 2007, с. 192, 200; Гришаков, 2008, с. 82, 85, рис. 3, 4).

Подтип 3 (1 экз.). Железный ложновитой дрот, замкнутый в кольцо.

Вариант а. Концы в виде двух крючков (табл. 135–2). Гравна происходит из женского погребения 58 (20–30 лет). Это единственное погребение с гравнами без богатого сопроводительного инвентаря, находившееся на восточной окраине могильника (рис. 23). Подобные ложновитые украшения выполнялись преимущественно из цветных металлов. Они известны не только в мазунино (Останина, 1997, рис. 32, 5; Черных, отчет-2012, рис. 173, 4), но и на Вятке, в азелинских памятниках (Лещинская, 2014а, табл. 6, 3).

Тип II (4 экз.). Пластинчатые. Выполнены из железа: пп. 42, 89, 141; сбор 2137/25.

Подтип 1 (3 экз.). Серповидные, плоские (без ребра на пластине). Имели дополнительные детали в виде железных «каплевидных» или «секировидных» привесок, крепившихся с помощью железных колечек (в пп. 89, 141 колечки бронзовые – возможно, следы ремонта) в круглые отверстия по краю пластины: погребения 42, 89, 141.

Вариант а (2 экз., табл. 136–1, 4). С крючками на обоих концах: пп. 42, 141. В п. 141 сохранился только один

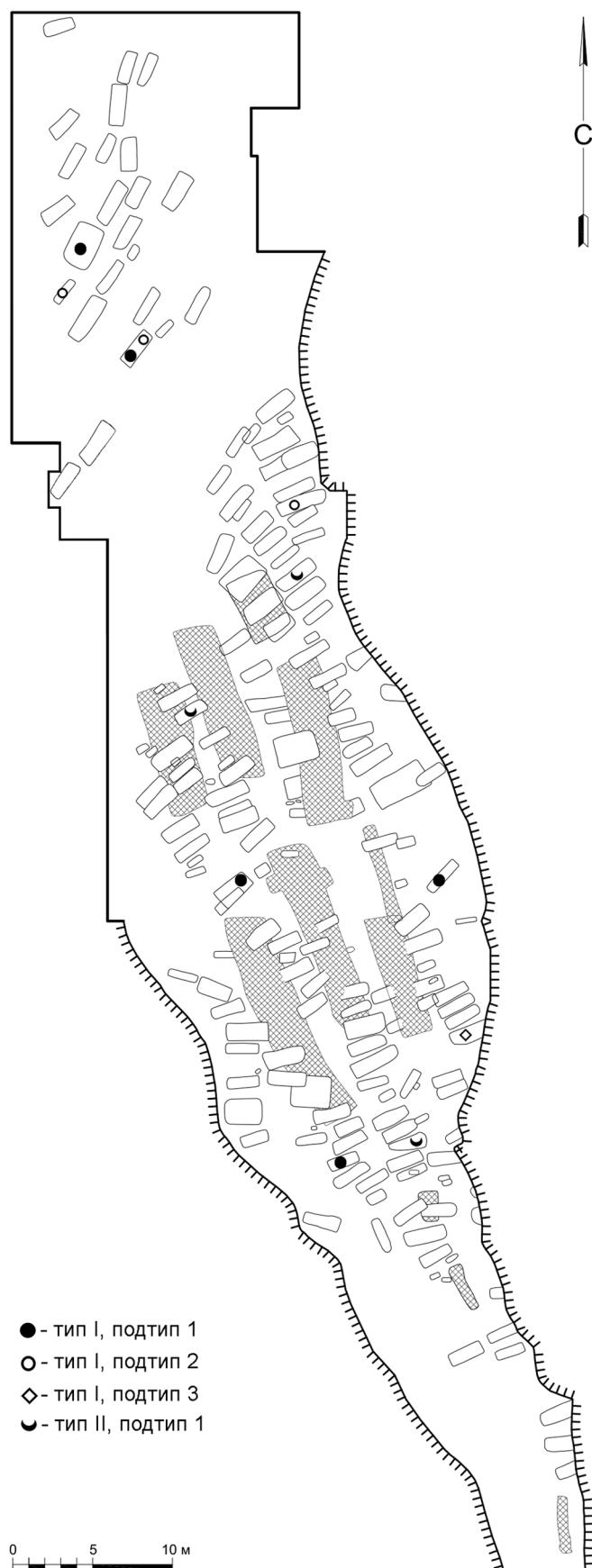

Рис. 23. Боярский «Арай» могильник. План размещения погребений с гравнами

крючок. Возможно, это следствие сохранности предмета, изначально имевшего два крючка, как, например, в погребениях 86 и 137 Тураевского I могильника (Голдина, Бернц, 2010, табл. 193, 1, 2).

Вариант b (табл. 136–2). С сильно отстоящими (на 8 см) друг от друга концами, завернутыми в кольцо: погребение 89. Гривна ремонтировалась; после починки ее могли подвешивать на шнурке, как в случае с гривной из Воробьевского могильника (Лещинская, 2014а, табл. 102, 17). Подобные шейные украшения с кольцевидными завершениями хорошо известны у ананьинцев. В Старшем Ахмыловском могильнике удалось проследить практическую роль этих колец: сквозь них был пропущен кожаный ремешок (Патрушев, 1985, с. 177, рис. 2, 1).

Ближайшие аналогии гривнам типа III обнаруживаем в мазунинских могильниках Тураево I, Тарасово, Ангасяк (Васюткин, 1980, с. 86, табл. 4, 20; Голдина, 2003, табл. 11, 1–11; 372, 1–7; 374, 1–1; Голдина, Бернц, 2010, с. 141–143, 435, табл. 192, 3; 193, 1, 2; 194, 1–3; 264, 44; Голдина и др., 2015, илл. 236), в том числе и из цветных сплавов с геометрическим орнаментом (Останина, 1978, табл. VI, 1; Голдина, Бернц, 2010, табл. 79, 7). Схожие украшения (также из цветных сплавов) происходят из азелинских и древнемордовских погребений IV века (Гришаков, 2008, с. 99–100, рис. 13, 3, 5; Лещинская, 2014а, табл. 6, 3–6; 91, 4–7); имеются они в рязано-окских могильниках V–VII вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 139–140, рис. 11, 6; Воронина и др., 2005, с. 56, рис. 35, 3). В ванвиздинском Веслянском I могильнике единственная находка серповидной гривны типа III связана с ранней группой погребений VI в. (Савельева, 1976, с. 93, рис. 1, 29).

Плоские серповидные гривны из металлов на основе меди известны и значительно восточнее мазунинского ареала, в Западной Сибири: в Шеркалинском могильнике кулайской культуры (Чиндина, 1984, с. 52, рис. 24, 1), в наследующих кулайские традиции рёлкинской культуре (Чиндина, 1977, с. 77, рис. 21, 10–13, 19) и карымском могильнике Усть-Тара VII (Данченко, 2008, с. 47, рис. 1, 9). Гривны типа IIIb (с кольцевым завершением) выявлены на могильнике Айрыдаш I III–V вв. в Горном Алтае (Трифанова, Соенов, 2019, с. 35–36, 38, 65–68, рис. 10, 2, 3). Интересно, что бронзовая гривна из этого памятника (кург. 73) имела 7 отверстий по нижнему краю для фиксации подвесок (там же, с. 35, рис. 10, 2). Гривны с кольцевым завершением появляются и в верхнеобских могильниках на одинцовском этапе (Грязнов, 1952, с. 119, табл. XLVII, 12; Горбунов, 1993, с. 89–90, рис. 3, 6; Тетерин, 2001, рис. 1, 5; Ширин, 2003, с. 110–114).

Подтип 2 (табл. 136–3). Серповидная, с некоторым уплотнением (ребром?) в центральной части (линзовидно-ассиметричным сечением). Гривна происходит из подъемных сборов, сильно фрагментирована (концы обломаны), но хорошо сохранились отверстия с железными кольцами. Аналогии гривнам типа II2, выполненные в основном из сплавов на медной основе, выявлены в памятниках сер. I тыс. н. э. Подобное изделие найдено в погр. 108 Бирского могильника. Н.А. Мажитов датирует ее V в., ссылаясь на авторитет А.П. Смирнова (Смирнов, 1952, с. 115; Мажитов, 1968, с. 39, табл. 14, 3). А.Н. Султанова значительно омолаживает гривну – 2-я пол. VI–VII вв. (2000, с. 24, 66, 70). Широко представлены украшения этого типа в рязано-окских могильниках. По мнению И.В. Белоцерковской, на Оке они появляются не ранее VI в. (2007, с. 197, 201, рис. 6, 1–5; 6, 42, схема 7). Подобные рязано-окским, но с выраженным треугольным сечением и привесками гривны становятся характерны для древнемордовского женского костюма со 2-ой половины VII–X вв. (Воронина и др., 2005, с. 69; Вихляев и др., 2008, рис. 22, 1, 4; 23, 1, 3). Такие гривны с ребром посередине учтены в Армиевском I, Безводниковском, Селиксенском, Шокшинском могильниках в VI–VII вв. (Вихляев и др., 2008, с. 20, 21, рис. 13, 4; 14, 1, 4).

Наиболее ранние образцы серповидных гривен с треугольным сечением известны в упоминавшемся ранее могильнике Айрыдаш I (Трифанова, Соенов, 2019, с. 35, 65–68,

рис. 10, 2). В Верхнем Прикамье и на Чепце они появляются в V–VII вв. н. э. (Семенов, 1980, с. 56–60, табл. IV, 1; Голдина, 1985, с. 125, табл. XXIV, 58, 60; Голдина, 2012, с. 144, рис. 9, 3, 4). Подобные им известны также в именьковской культуре (городища Лбище IV в., Кармалинское VI в.) (Матвеева, 1998, с. 90–91, рис. 4, 5; Богачев и др., 2013, с. 128–129, 134, рис. 15, 3). Имеются гривны с ребром и в раннесредневековых могильниках Вятки, Марийского Поволжья (Никитина, 2002, с. 172, 174, рис. 41, 7; 46, 6; Лещинская, 2012, рис. 21, 18, 19).

География распространения пластинчатых гривен, подобных типу II Боярского могильника, таким образом, довольно обширна. Самые ранние образцы можно обнаружить как на западе (памятники селиксенского и азелинского типов), так и на востоке (Шеркалы, Усть-Тара VII, Айрыдаш I). Однако в Волго-Окском междуречье и на Вятке данный тип гривен распространяется преимущественно со второй половины I тыс. н. э. В Среднем Прикамье пластинчатые гривны появляются во второй четверти I тыс. н. э. и имеют свой неповторимый стиль.

В Боярском «Арай» могильнике погребения с гривнами рассредоточены в центральной и северной частях памятника и тяготеют в основном к окраинам некрополя (рис. 23).

Браслеты. За основу классификации браслетов принята несколько видоизмененная схема А.В. Арциховского (1930, с. 9–27): группы выделены по материалу, отделы – по технологии изготовления (по поперечному сечению), типы – по оформлению концов, варианты – по декору браслетов. В классификацию вошло 12 предметов.

Группа А. Железные.

Отдел I. Круглодротовые: пп. 94, 141, сбор 2137/28.

Тип 1. С обрубленными (тупыми) концами. Вариант а. Без декора – сбор (табл. 137–3). Браслет из п. 94 имеет плохую сохранность, тип не выделен (табл. 52–6); возможно, он имел расплющенные концы.

В мазунинских могильниках браслеты типа I выполнены из железа (Васюткин, 1980, с. 81, табл. 5, 5; Останина, 1997, рис. 20, 1; Голдина, 2003, табл. 131, 1–12; 223, 2; Бернц, отчет-2009, рис. 59, 1) или из медных сплавов (Стоянов, 1962, рис. 50, 11; Останина, 1997, рис. 10, 3; Голдина, 2003, табл. 664, 7–5). Аналоги их прослеживаются западнее бассейна Средней Камы, в синхронных мазунино азелинских и древнемордовских могильниках (Старостин, 2009, рис. 17, 4; 26, 6; Вихляев и др., 2008, рис. 53, 1, 2), а также в раннесредневековых некрополях 2-й половины I тыс. н. э. типа Никитинского, Армиенского, Безводниковского (Воронина и др., 2005, с. 72, рис. 39, 1).

Отдел II. С овальным, чуть уплощенным с одной стороны сечением дрота.

Тип 2. С сохранившимся расплющенным концом в форме трапеции. Вариант а. Без декора: погр. 42 (табл. 137–4).

Близкие аналоги обнаружены, например, в Тарасовском и Тураевском I могильниках (Голдина, 2003, табл. 306, 1–8; Голдина, Бернц, 2010, табл. 200, 7, 8).

Отдел III. С подпрямоугольным сечением дрота.

Тип 2. С расплющенными концами в форме трапеции. Вариант а. Без декора: погр. 31 (2 экз., табл. 137–6).

Примеры железных браслетов данного типа, но во фрагментированном состоянии известны в комплексах Ныргындинского I (Голдина, Красноперов, 2012, с. 307, табл. 223, 7) и Покровского (Останина, 1992, рис. 24, 1) могильников. Близкие аналогии происходят из древнемордовских некрополей (Вихляев и др., 2008, рис. 59, 2). Браслеты с расплющенными концами, выполненные из железа или цветных металлов, известны во многих культурах 2–3 четверти I тыс. н. э., но сечение дрота в большинстве случаев круглое или овальное. Такие браслеты обнаружены в мазунинских (Васюткин, 1980, табл. 7, 5; Останина, 1997, рис. 20, 7; 30, 10; Султанова, 2000, рис. 18, 20; Бернц, 2006, рис. 10, 2–4), караабызских

(Воробьева, 2012, с. 46, рис. 14, 7), древнемордовских (Воронина и др., 2005, с. 72; Вихляев и др., 2008, с. 42, рис. 71, 6; Ставицкий и др., 2012, с. 122, рис. 2, 6), азелинских (Старостин, 2009, рис. 32, 6; Ошибкина, 2010, табл. 20, 5, 6; 27, 4; Лещинская, 2014а, табл. 3, 8) и рязано-окских (Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 139, 140, рис. 7, 9; Воронина и др., 2005, рис. 39, 4) могильниках.

Отдел IV (2 экз.). Ложновитые: пп. 115В, 132.

Тип 3 (1 экз.). С концом, загнутым в виде спирали. Вариант а. Без декора: погр. 115В (табл. 137–1).

Аналоги ложновитым браслетам, в том числе с загнутыми концами, хорошо известны в могильниках Средней Камы (Останина, 1984, табл. 19, 3; Голдина, 2003, табл. 50, 1–5; 75, 2–2; 97, 1–7; 118, 2; 130, 1–8; Бернц, 2006, рис. 20, 1–2; Голдина, Бернц, 2010, табл. 199, 1) и на Вятке (Лещинская, 2014а, табл. 3, 18). Украшения с подобным оформлением концов, но уже из гладкого дрота обнаруживаем в Тарасовском (Голдина, 2003, табл. 207, 8; 251, 2), Тураевском I (Голдина, Бернц, 2010, табл. 198, 4), Дубровском (Бернц, отчет-2009, рис. 77, 2; 268, 2; Черных, отчет-2012, рис. 300, 2) могильниках, а также в рязано-окском Кораблинском (Ахмедов, 2007, с. 141, рис. 6, 3А).

Отдел V. Пластинчатые, в сечении узкий прямоугольник: пп. 42 – 1 экз., 89, 141 – 2 экз.

Тип 1 (3 экз.). С расплющенными концами в форме трапеции. Вариант а. Без декора: пп. 89, 141 (2 экз.) (табл. 137–2, 5).

Подобные украшения в мазунинском погребальном инвентаре можно встретить как среди железных (Голдина, 2003, табл. 8, 2–2; 10, 6–8; 64, 1–3; 197, 1–20; 207, 2; 552, 2–4; Голдина, Бернц, 2010, табл. 199, 2), так и бронзовых (Стоянов, 1962, рис. 50, 13; Голдина, 2003, табл. 256, 2; Черных, отчет-2012, рис. 113, 3) экземпляров. В синхронных инокультурных могильниках они изготовлены из медных сплавов: в азелинских погребениях на Вятке, Нижней Каме (Старостин, 2009, рис. 15, 1; Лещинская, 2010, с. 183, табл. 3, 12; Ошибкина, 2010, с. 60, табл. 38, 5), на Средней Оке в могильниках кон. III – нач. V вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 139, рис. 1, 11; 4, 4; Белоцерковская, 2007, с. 193, рис. 7, 61), а также в захоронениях древней мордовы IV–VII вв. (Абрамово, Иваньково, Безводное) (Краснов, 1980, с. 103, 105, рис. 38, 11–13, 14–17, табл. 13; Воронина и др., 2005, с. 73).

Размеры боярских браслетов варьируются в двух интервалах: от 3,5 до 5,5 см (детские: пп. 94, 115В, в этот же интервал входит браслет из подъемных сборов) и от 6,2 до 7,7 см (женские: пп. 31, 42, 89, 132, 141).

Фибулы (12 экз.). Классификация фибул Прикамья первой половины I тыс. н. э. создана Т.И. Останиной (1997, с. 42–46), дополнена и расширена Т.М. Сабировой (2019, с. 21–23). Именно ее схема принята за основу классификации фибул Боярского «Арай» могильника: типы выделены по форме, варианты по наличию (отсутствию) и количеству различных элементов. Вне учета оказались 2 фибулы в силу их плохой сохранности (пп. 91²⁰, 115Б; табл. 51–1–1; 68–14–2).

Тип Останина–1 – бабочковидные фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и декором щитка, сходным с крыльями бабочки.

Вариант 1–2 (5 экз., табл. 138–2–6). Фибулы эллипсовидной формы средних размеров, длина короткой оси в пределах 6,5–9,5 см, длинной – 8,0–11,0 см; количество валиков равно двум-трём: пп. 102, 115Г, 134, сбор (2 экз.). По оформлению они практически идентичны: среднее поле украшено тремя полугорошинами, окружеными пунктиром из точек (на застежке из п. 102 он отсутствует), и двумя вертикальными точечными линиями (третья линия может проходить через полугорошины); на боковых полях расположено по две полугорошины с точками и два-три валика, оформленных таким же образом.

²⁰ По общему облику она близка застежкам «сайгатского» типа (Останина–2) (Останина, 1997, с. 44; Сабирова, 2019, с. 22, рис. 26, 27).

Всего Т.М. Сабировой учтено 65 фибул данного типа; на некоторых из них, в том числе и на боярской застежке из погребения 134, удалось зафиксировать наличие обвитого тонкой проволокой металлического стержня, вокруг которого намотано пружинное устройство фибулы (2019, с. 21). Кроме того, декор 23 застежек, происходящих из погребений Боярского, Тарасовского, Ижевского, Зaborынского, Нивского и Дубровского могильников, практически полностью идентичен друг другу, что, по мнению исследовательницы, может свидетельствовать об изготовлении данных украшений в одной мастерской по обработке цветного металла, но в рамках продолжительности жизни не более одного-двух поколений (там же, с. 21, 23).

Т.И. Останина датировала данные фибулы IV в. (1997, с. 296, рис. 51, 53). К этой же дате склоняется Т.М. Сабирова (2019, с. 35, 45).

Вариант 1–3 (1 экз., табл. 139–1). Фибулы эллипсовидной формы крупных размеров, длина короткой оси 10,0–11,3 см, длинной – 12,0–14,1 см; количество валиков на полях равно четырём-пяти – погребение 42. Оформление фибулы такое же, как и у варианта 1, но отличается лишь большим количеством валиков, а также отсутствием среднего поля, что отмечено только у данного экземпляра.

По сведениям Т.М. Сабировой, известно 16 фибул варианта 3: в Ижевском, Тарасовском, Покровском, Мазунинском и Нивском могильниках²¹ (2019, с. 21–22). Застежки этого варианта, по наблюдениям Т.И. Останиной, датируются кон. IV–V вв. (1997, с. 296, рис. 51, 24). Однако Т.М. Сабирова считает целесообразным сузить дату до IV в., поскольку комплекс с этими застежками невыразителен и включает типы вещей, характерные для предыдущих типов застежек (2019, с. 35).

Вариант 1–5 (5 экз., табл. 139–2–6). Железные фибулы, украшенные полосками и/или полугорошинами из цветного металла; размеры в основном сопоставимы с фибулами 2-го и 3-го вариантов: пп. 7, 89, 141, 168, 176А. Оформление застежек повторяет предыдущие варианты, однако Т.М. Сабировой удалось выделить среди них группы с устойчивым декором. Две боярские фибулы из погребений 89 и 141 вошли в группу 7: центральная бронзовая пластина украшена рядами полугорошин, на боковых полях имеется по одной изогнутой пластине с полугорошинами, все поле щитка также украшено ими (Сабирова, 2019, с. 29–30, табл. 6). К данным застежкам по краю прикреплялись колечки. Три боярских фибулы из пп. 7, 168 и 176А ближе к застежкам группы 8: появилась вторая изогнутая пластинка, декор начинает сменяться с полугорошин на точки (там же, табл. 6), но с вариациями в оформлении боковых полей (расположение полугорошин и точек). Обнаружены фибулы этого варианта (всего 58) в Тураевском I, Тарасовском, Покровском, Нивском, Дубровском, Старо-Кабановском, Усть-Сарапульском, Кудашевском, Югомашевском могильниках и в составе Аргыжского клада (Сабирова, 2019, с. 22).

Фибулы варианта 1–5 бытуют, по наблюдениям Т.И. Останиной в IV–V вв. (1997, с. 296, рис. 51, 25). Выделенные Т.М. Сабировой устойчивые группы декора биметаллических фибул (группы 7 и 8) позволили исследовательнице, на основании анализа сопроводительного инвентаря, обосновать их хронологическую разницу: застежки группы 7 (более простой вариант с одной пластинкой) датируются первой половиной V в., группы 8 (более сложный вариант с двумя пластинками) – его второй половиной (Сабирова, 2019, с. 35, 46–47).

²¹ Фибула из погр. 5 Быргындинского I могильника также отнесена исследовательницей именно к этому варианту (Сабирова, 2019, с. 23, 99, №148). Однако детальный осмотр предмета в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда позволил атрибутировать ее скорее как застежку, аналогичную варианту 1–5: биметаллическая, имеет плохую сохранность, на боковых полях не менее 2-х бронзовых изогнутых пластин с полугорошинами, на центральном (прямоугольном) поле, выполненнем из бронзы, в отличие от рисунка из публикации В.Ф. Генинга (1967, с. 25, табл. I–14), прослеживается чередование рядов крупных и мелких полугорошин.

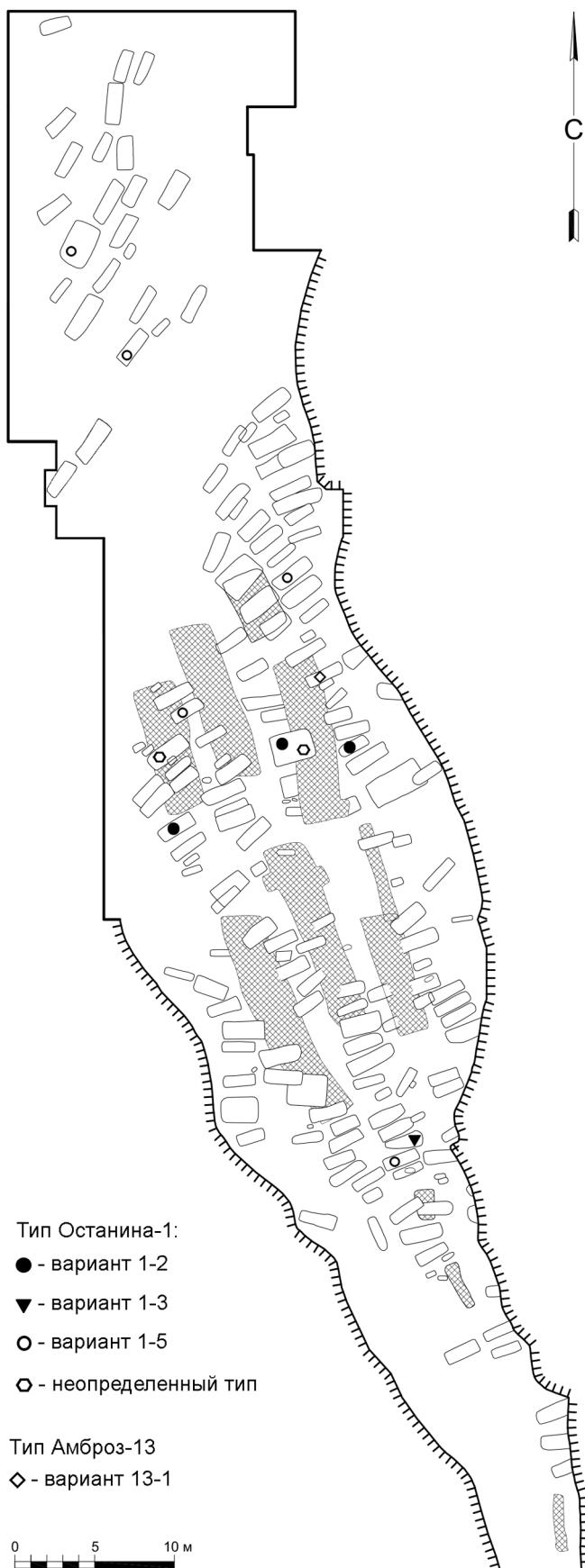

Рис. 24. Боярский «Арай» могильник. План размещения погребений с фибулами

Тип Амброз-13 – фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника.

Вариант 13-1 (1 экз., табл. 138-1). С плавным изгибом листовидной формы спинки: погр. 132А. Декор в виде расположенной по центру вертикальной линии, по обе стороны которой намечены точечные линии, по бокам – полугорошины, окруженные точками. Подобные фибулы известны в Тарасовском и Сасыкульском могильниках. В мазунинских комплексах они появляются с сер. III в. Почти точная копия боярской застежки имеется в погр. 719 Тарасовского могильника (Сабирова, 2019, с. 24, 40, рис. 34, № 98).

«Ранние» типы боярских фибул (Амброз 13-1, Останина 1-2) размещаются в центре погребального поля могильника, тогда как «поздние» застежки (Останина 1-5) на всей площади памятника (рис. 24).

Сюльгамы. Все боярские застежки (17 экз.) встроены в классификационную схему мордовских древностей (Вихляев и др., 2008, с. 43–63), где данный тип украшений численно преобладает и является своего рода маркером поволжско-финских племен. Группы выделены по материалу и технике изготовления, отделы – по форме поперечного сечения кольца, типы – по оформлению концов, варианты распределяются по орнаментации.

Группа 1. Бронзовые, кованые (5 экз.).

Отдел Б. Поперечное сечение кольца прямоугольное.

Тип I. Сюльгамы с завернутыми перпендикулярно плоскости сечения концами, которые не выступают за ширину сечения кольца: погребения 115Д, 148, 166, 172, сбор 2149/196.

Вариант а. Без орнамента: пп. 115Д, 166 (табл. 140-3, 4).

Вариант б. С насечками или треугольными пропилами по внешнему краю кольца: погребения 148, 172, сбор 2149/196 (табл. 140-1, 2, 5). Орнамент

наносился лишь на небольшую часть кольца (погр. 148) или по всей поверхности сюльгамы (погр. 172).

Группа 2. Железные, кованые (12 экз.).

Отдел Б. Поперечное сечение кольца прямоугольное. К этому же отделу относятся две сюльгамы из пп. 21 и 70, оформление концов которых утрачено или находится в плохом состоянии (табл. 141–3, 5).

Тип I (10 экз.). Сюльгамы с завернутыми перпендикулярно плоскости сечения концами, не выступающими за ширину сечения кольца: пп. 23В, 31, 43, 53, 95, 105, 109А, 150, 176Б, сбор 2137/24.

Вариант а. Без орнамента (табл. 140–6–12; табл. 141–7, 8, 11).

Сюльгамы, в том числе бронзовые с орнаментом, известны во многих мазунинских могильниках (Останина, 1997, с. 47, рис. 15, 5; 19, 8; Голдина, 2003, табл. 3, 6; 11, 6; 28, 2; 174, 1–2; 177, 5 и др.; Голдина, Бернц, 2010, табл. 212, 2–4, 6–11). По мнению Т.И. Останиной, бронзовые застежки бытуют на всем протяжении мазунинской культуры, железные – только в поздних погребениях (1997, с. 47). Их аналоги хорошо известны в культурах лесного Урало-Поволжья: в Андреевском кургане I–II вв., на Вятке в IV–V вв., в древнемордовских погребениях 2-й пол. IV – нач. V вв. и VI–VII вв. (Вихляев и др., 2008, с. 49, рис. 76, 1, 2; 82, 8; Лещинская, 2014а, с. 172, 173, табл. 30, 3–7). Некоторые хорошо сохранившиеся образцы из погр. 115Д, 148, 172 по своим характеристикам близки застежкам из рязано-окских могильников Кораблино и Заречье 4 2-й пол. / кон. III в. – кон. IV вв. (Белоцерковская, 2015, с. 113–115, табл. 2, рис. 1, 11–13).

Боярские сюльгамы различаются по размерам. Для определения границ групп была рассчитана величина интервала – 1 см; измерялся только поперечный диаметр сюльгамы (Каменецкий, Узянов, 1977, с. 38–50). В результате сюльгамы распределились по трем группам:

- малые – 3,3 – 4,2 см: пп. 21, 23В, 43, 95, 109А, 148, сбор 2137/24.
- средние – 4,3 – 5,1 см: пп. 105, 115Д, 166, 172, сбор 2149/196.
- крупные – 5,2 – свыше 6,0 см: пп. 31, 53, 70, 150, 176Б.

Накладки. Основой для создания классификации боярских накладок послужили разработки Т.И. Останиной (1997, с. 57–60), Р.Д. Голдиной и А.А. Красноперова (2012, с. 53–58). Однако нами были внесены некоторые корректировки (рис. 25): все накладки были разделены на группы по материалу, отделы выделены по поперечному сечению, типы даны по форме и количеству площадок, подтипы – по способу крепления, варианты – по декору и его комбинации. Заканчивается иерархия делением на подварианты по типу привески. При создании классификации не учитывалось функциональное назначение накладок (бляшки, поясные, обувные и иные накладки), т. е. «накладки» в данной работе рассматриваются в качестве «универсального украшения, прикрепляющегося к одежде», основу которого составляет щиток (Щапова и др., 2007, с. 43).

Всего в классификации было рассмотрено 286 экз. накладок.

Группа А. Железные (2 экз.).

Отдел 1. Плоские в сечении.

Тип I. Площадка прямоугольной формы: пп. 54, 109А.

Подтип 1. Крепление с помощью штифта (п. 109А). Вариант А. Без декора (табл. 141–4).

Подтип 2. Крепление с помощью обоймы и штифта (п. 54). Вариант А. Без декора (табл. 141–6).

Накладки этого типа немногочисленны; обнаружены лишь в составе поясов Нивского, Тараковского, Тураевского I, Дубровского могильников (Останина, 1997, рис. 11, 19; 51, 70; Голдина, 2003, табл. 6, 1, 2; 112, 2–6; 209, 12–15; 222, 1–9; 235, 3–9; 418, 3; 423, 7–3; Бернц, отчет-2009, рис. 45, 6, 7; Голдина, Бернц, 2010, табл. 223, 6–8, 10).

Группа Б. Бронзовые (277 экз.).

Отдел 1. Плоские в сечении.

Тип I (143 экз.). Площадка прямоугольной формы.

Подтип 1 (2 экз.). Крепление с помощью штифта (сбор 2137/46–47). Вариант В. Декор в виде насечек (табл. 142–16, 17).

Такие накладки встречаются в составе поясных наборов ранних мазунинских комплексов (Ижевск, Чепаниха); обнаружены они и в Бирском могильнике (Останина, 1984, табл. 7, 10; она же, 1997, рис. 11, 18, 21; 23, 14–17; Султанова, 2000, рис. 15, 28). По своим размерам – 1,3 × 3,5–3,7 см – боярские накладки несколько превышают обычные мазунинские, хотя в Мазунинском могильнике известны 3 накладки длиной более 4,0 см (Останина, 1997, с. 57). Близки к ним (по оформлению и размерам) два предмета из погр. 125 Покровского и погр. 19 Нивского могильников, интерпретированные как наконечники ремней (там же, рис. 12, 16, 19; 51, 55), накладки, покрывающие ножны из Покровского могильника (Останина, 1992, рис. 18, 9), и части нагрудников из азелинских Тюм-Тюмского и Худяковского могильников (Лещинская, 2014а, табл. 99, 7, 10).

Сходство с боярскими накладками имеют прямоугольные накладки харинских поясов V–VI вв., отличающиеся по длине (более 3 см) и декором – более глубоким треугольным вырезом насечек (Голдина, 1985, с. 117–118, табл. X, 9, 13; рис. 16, 5; ЛП, 23; Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXVI, 20–21).

Подтип 5 (1 экз.). Крепление с помощью ушка. Вариант F. Декор в виде выпуклин-полурогушин и шнура: п. 42 (табл. 142–18).

Вероятно, данное изделие ранее представляло собой застежку с неподвижным крючком; последний с небольшим фрагментом корпуса застежки был утерян. Аналогичные предметы, но с иным расположением декора известны в могильниках I–II вв.: Кипчаковском, Пьяноборском и Нурындинском II, Тарасовском, Андреевском I кургане, в Коростинском кладе и в вятских материалах III века (Голдина, Бернц, 2016а, с. 59, 60, рис. 11, 26; Голдина, 2018б, с. 161, рис. 6, 4–10). В Нурындинском I и Тарасовском могильниках эти накладки считаются обувными.

В нашем могильнике такая «накладка» найдена в женском погребении в области грудной клетки вместе с «каплевидными» подвесками – входила в составное нагрудное украшение?

Подтип 3 (140 экз.). Крепление с помощью обоймы. Вариант H. Декор в виде выпуклин-полурогушин, выполненных чеканом: п. 168, сбор 2137/52 (табл. 142–1–4, 5).

Такие накладки чаще всего нашивались на кожаную/тканевую основу-повязку головного убора или служили украшением рукавов платья, например, в Покровском, Старо-Кабановском, Ижевском, Тураевском I могильниках (Останина, 1984, табл. 14, 11; Васюткин, Останина, 1986, табл. 15, 9; Останина, 1992, рис. 7, 17; 31, 9; Голдина, Бернц, 2010, с. 398, табл. 223, 14–19). Накладки отнесены к V в. н. э. (Останина, 1997, с. 296, рис. 51, 21; Голдина, Бернц, 2010, с. 441, табл. 265, 52).

Тип II (2 экз.) Площадка в форме трапеции.

Подтип 4 (2 экз.). Крепление через отверстия (с помощью нитей?). Вариант E. Декор в виде двух рядов треугольников («волчьего зуба») и длинной гребенки: п. 168 (табл. 142–19, 21).

Накладки этого подтипа, известные в археологической литературе как «ажурные», обнаружены в Нурындинском I, Кушулевском III, Старо-Киргизовском, Урманаевском могильниках (Агеев, 1992, табл. 9, 27; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 208, 15). У одной из ажурных накладок Боярки (погребение 168, от головного убора – накосника) гребенка сохранилась лишь частично, и, скорее всего, в силу деформации предмета в древности, зубья гребенки оказались сдвинуты к центру. Как отмечает Б.Б. Агеев, ажурные накладки встречаются вне ареала пьяноборских памятников очень редко (1992, с. 40). Все они относятся ко времени после рубежа эр (Голдина, Красноперов, 2012, с. 57). Украшения,

происходящие из Тарасовского могильника, Р.Д. Голдина и В.А. Бернц датируют I в. н. э. (2016а, с. 62). Как пережиточное явление, ажурные накладки встречаются в азелинское (Голдина, Красноперов, 2012, с. 57) и мазунинское время.

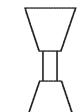
Группа (материал)	А. Железо		Б. Бронза		В. Биметаллические		
Отдел (по поперечному сечению)	1. Плоские		2. Округлые сегментарные		3. Округлые треугольные		4. Округлые сегментарные с вогнутыми вершинами
	I. Прямоугольная 	II. Трапециевидная 	III. Трапециевидная сдвоенная 	IV. Овальная сдвоенная 	V. Круглая 		
Тип (форма и кол-во площадок)	VI. Круглая сдвоенная 	VII. Круглая строенная 	VIII. Прямоугольная с закругленными вершинами и выступом посередине 	IX. Восьмерковид- ная 	X. Грушевидная 		
Подтип (способ крепления)	1. Штифт	2. Обойма + штифт	3. Обойма	4. Отверстие	5. Ушко (-ки)	6. Отверстие и ушко	7. Задняя планка + штифт
Вариант (декор – основные орнамен- тальные мотивы)	A. Без декора	B. Насечки 	C. Насечки + Фасетки 	D. Полусферическая бронзовая шляпка на штифте 			
	E. Треугольники (волчий зуб) + длинная гребенка 	F. Выпуклины- полуорошины + шнур 	G. Кольца 	H. Выпуклины- полуорошины 			
Подвариант (привеска)	1. Кольцо			2. Якорьковидная			

Рис. 25. Схема классификации накладок Боярского «Арай» могильника

Тип III (69 экз.). Площадка в форме трапеции, сдвоенная: погребение 115Д – 25 экз., погребение 134 – 44 экз.

Подтип 1. Крепление с помощью штифта. Вариант С. Декор в виде насечек и фасеток: пп. 115Д, 134 (табл. 142–6–9, 13–15).

Подобные накладки известны во многих мазунинских комплексах III–IV вв. (Останина, 1997, рис. 51, 43, 67), часто встречаются вместе с бляхами-раковинами в составе наборных поясов: Тарасовский, Сайгатский, Мазунинский, Ижевский, Чепанихинский, Усть-Сарапульский, Ангасякский, Нивский, Ныргындинский I, Зaborынский могильники (Стоянов, 1962, рис. 51, 4; Генинг, 1967, табл. I, 24; III, 3; Останина, 1978, табл. 1, 2, 6; Васюткин, 1980, табл. 5, 14; Останина, 1984, табл. 25, 8, 9; Арматынская, 1986, рис. 3, 3, 4; Голдина, 2003, табл. 13, 3–23; 25, 1, 2; 33, 1–3; 35, 9–15; 136, 1–4, 1–5, 1–6 и др.; Бернц, 2006, рис. 5, 1–4; 7, 2–1, 2–2, 2–3, 2–4; 8, 2–11, 13–26; 23, 3–5; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 209, 12–14).

Тип IV (7 экз.). Площадка в форме овала, сдвоенная.

Подтип 1. Крепление с помощью штифта. Вариант С. Декор в виде насечек и фасеток: п. 23А (табл. 142–10–12).

Данные накладки поясные, имеют несколько выпуклую форму без задней планки, чуть намеченные насечки по краю изделия, сравнительно длинную и узкую перемычку, на которой едва высечены фасетки, между площадками и одно-два отверстия для штыря. Похожие бронзовые накладки, но без насечек и с короткой перемычкой известны в Худяковском, Тарасовском, Тураевском I, Нивском, Ижевском, Покровском, Дубровском, Бирском могильниках (Останина, 1978, табл. I, 14; она же, 1984, табл. 4, 1; 13, 12; 20, 8; 21, 3; 22, 8; она же, 1992, рис. 28, 9; Султанова, 2000, рис. 15, 10, 16; Голдина, 2003, табл. 240, 1, 2, 4; 337, 1–15; 393, 6; Бернц, отчет-2010, рис. 77; Голдина, Бернц, 2010, табл. 225, 8–12; Лещинская, 2014а, с. 169, 346, табл. 103, 8, 9).

Тип V (3 экз.). Площадка в форме круга.

Подтип 5 (2 экз.). Крепление с помощью ушка. Вариант А. Без декора: пп. 31, 115Д (табл. 143–7, 12).

Подтип 6 (1 экз.). Крепление с помощью отверстия и ушка. Вариант А. Без декора: п. 115Б (табл. 143–15).

Подобные накладки (или бляшки) разных размеров характерны в основном для раннего этапа чегандинской культуры: Тарасово, Афонино, Кушулево III, Чеганда II, Ныргында I (Генинг, 1970, табл. III, 3, 6–8; Агеев, 1992, табл. 2–5, 7; Голдина, 2003, табл. 279, 1–1, 1, 3, 1–7, 1–8; 281, 2; 547, 4–11; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 201, 1–34; Голдина, Бернц, 2016а, с. 74, рис. 16, 61). В мазунинских могильниках – например, в Старо-Кабановском, Тураевском I – они встречаются довольно редко, как пережиточное явление (Останина, 1997, рис. 4, 26; Голдина, Бернц, 2010, табл. 211, 2–4). По мнению Б.Б. Агеева, такими бляшками расшивались нагрудные украшения, головные уборы, пояса, обувь (1992, с. 37). В Боярском могильнике они найдены в скоплениях вещей (пп. 31, 115Д) и, возможно, в составе поясного набора (п. 115Б), на что косвенно указывает примерно такое же размещение накладок в погребениях 196, 197 Тураевского I могильника (Голдина, Бернц, 2010, табл. 143, 1; 144, 1).

Тип VIII (1 экз.). Площадка прямоугольной формы с закругленными вершинами и выступом посередине.

Подтип 4. Крепление через отверстия (с помощью нитей?). Вариант G. Декор в виде рядов колец, спаянных друг с другом. Подвариант 1. Привеска-колечко: п. 31 (табл. 142–20).

Данная накладка, по-видимому, переделана из изделия, форма которого была близка к прямоугольнику. На украшении отчетливо прослеживаются два ряда линий из припаянных друг к другу колечек. На третьей линии осталось лишь два колечка посередине, остальные либо сломаны, либо загнуты в петли для привешивания или пришивания

накладки. На сохранившейся первой (крайней) линии в отверстие колечка вдето бронзовое кольцо. Данная накладка была встречена в скоплении вещей. Подобный декор известен на нагрудных бляхах, накладках, подвесках в раннечегандинских могильниках Камышлы-Тамак, Юлдашево, Чеганда II, Ныргында II, Кушулево III, в ранней части Тарасовского могильника и т.д. (Генинг, 1970, табл. V, 1, 4; XVIII, 3; Агеев, 1992, табл. 3, 20–22; 8, 22; Голдина, 2003, табл. 296, 16).

Тип IX (1 экз.) Площадка в форме восьмерки.

Подтип 1. Крепление с помощью штифта. Вариант В. Декор в виде насечек (сбор 2137/37; табл. 141–1).

Накладка этого типа не имеет аналогов, но очень напоминает формой и насечками на круглой нижней части наконечник ремня из Рождественского могильника (Старостин, 2009, рис. 15, 3). В пользу атрибуции данного предмета как накладки указывает наличие двух отверстий для штифтов, одно из которых находится в центре круглой части. Некоторое сходство по форме имеют также железные накладки из погребений 548 Тарасовского и 21Б Дубровского могильников (Голдина, 2003, табл. 233, 4; Бернц, отчет-2009, рис. 212, 4).

Тип X (1 экз.). Площадка грушевидной формы.

Подтип 6. Крепление с помощью отверстия и ушка. Вариант А. Без декора: погр. 40 (табл. 141–2).

В мазунинском погребальном инвентаре и в синхронных культурах прямых аналогий данной накладке не обнаружено. Однако способ крепления изделия имеет определенную схожесть с раннечегандинскими вещами. Сама накладка обнаружена в мужском погребении между бедренными костями и, скорее всего, служила аксессуаром для подвешивания какого-либо предмета.

Отдел 2. Округлые сегментарные в сечении (47 экз.).

Тип V. Площадка в форме круга.

Подтип 1 (22 экз.). Крепление с помощью штифта: пп. 109А – 1 экз., 141 – 21 экз. Вариант А. Без декора (табл. 143–1–4).

Особенность данного типа накладок (бляшек) состоит в креплении штыря к пластине накладки: он мог пробивать саму накладку (п. 141), как, например, в Тарасовском, Нивском, Зaborинском, Дубровском могильниках. Использовались такие накладки в качестве украшения ремней узды, головного убора или обуви (Останина, 1984, табл. 20, 7; она же, 1997, рис. 4, 15; Голдина, 2003, табл. 18, 9–40; 331, 1–7; 333, 6–2; 617, 1–5, 9–12, 14–25; Бернц, 2006, рис. 10, 1; Голдина, Бернц, 2010, табл. 211, 13–15; Черных, отчет-2012, рис. 65, 3). Кроме того, штырь могли припаять к оборотной стороне накладки (п. 109А). В Боярском могильнике, как и в Тарасовском (пп. 345, 1685), такие накладки входили в состав поясного набора или портупейного ремня (Голдина, 2003, табл. 151, 1; 617, 3, 4; 651, 1).

Подтип 4 (23 экз.). Крепление через отверстия (при помощи нитей?). Вариант А. Без декора: п. 168 (табл. 143–8–11).

Такие накладки (бляшки) в мазунино известны в основном с двумя отверстиями, через которые продевалась толстая нить для нашивания на головной убор или рукава рубахи-платья (Султанова, 2000, рис. 17, 4; Голдина, 2003, табл. 96, 1–30; 243, 6–10; 422, 6, 6–2; Бернц, отчет-2010, рис. 181, 1–21; Голдина, Бернц, 2010, табл. 211, 16–18; Черных, отчет-2012, рис. 247, 2, 4, 8; 294, 1, 2). Они имеют широкий круг аналогий, например, в культурах предскифского времени, в могильнике Шолданешты VIII–VI вв. до н. э. в Молдавии (Мелюкова, 1989, с. 20, табл. 5, 28), в сарматских комплексах II в. до н. э. – III в. н. э. (Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 21), в джетыасарских погребениях кон. I тыс. до н. э. – IV–V вв. н. э., где изготовлены из серебра или меди (Левина, 1996, с. 209, рис. 210). В Боярском могильнике накладки имеют три отверстия. Подобные украшения костюма известны в Тураевском I, Покровском, Усть-Сарапульском

могильниках (Арматынская, 1986, рис. 4, 5; Останина, 1992, рис. 7, 10; Голдина, 2003, табл. 211, 19) в составе головных уборов, как и в нашем некрополе.

Подтип 5 (2 экз.). Крепление с помощью ушка. Вариант Н. Декор в виде выпуклин-полугошин: пп. 94, 141 (табл. 143–14, 16).

Накладка из погребения 94, скорее всего, была переделана из застежки с неподвижным крючком: само ушко находится с краю, а не посередине, как у обычных бляшек-накладок; заметны и следы от срезанной рамки. Прямыми аналогами такому изделию можно считать застежки с неподвижным крючком из погр. 1663 Тарасовского могильника (Голдина, 2003, табл. 609, 29, 31). Накладки с подобным декором разных размеров известны в мазунинских Ангасякском и Тарасовском, а также в азелинском Оштинском могильниках (Останина, 1997, рис. 4, 20; Лещинская, 2014а, с. 167, табл. 32, 3).

Отдел 3. Округлые треугольные в сечении (2 экз.).

Тип V. Площадка в форме круга.

Подтип 5. Крепление с помощью ушка. Вариант А. Без декора: сбор с поверхности 2137/42 (табл. 143–5, 6).

Такие бляшки-накладки были широко распространены в раннечегандинское время. Они присутствуют в ранней части Тарасовского некрополя и в Ныргындинском I могильнике (Голдина, 2003, табл. 269, 1–12, 17, 20; 271, 3; 434, 2–4; Голдина, Красноперов, 2012, с. 78, табл. 200, 1–66; 237; 239; Голдина, Бернц, 2016а, с. 74, рис. 16, 59). В караабызских Биктимировском и Шиповском могильниках они датируются III–II вв. до н. э., в Шиповском грунтовом – II–III вв. н. э. (Воробьева, 2012, с. 162, рис. 56, 11, 12).

Отдел 4. Округлые сегментарные с вогнутыми вершинами в сечении (1 экз.).

Тип V. Площадка в форме круга.

Подтип 5. Крепление с помощью ушка. Вариант А. Без декора: п. 81Б (табл. 143–13).

Данная накладка является опять же «переделкой» т. н. «умбоновидных» бляшек: в выпуклой части умбона сделаны два отверстия таким образом, чтобы получился крепежный элемент – ушко, ранее, видимо, утерянное на обратной стороне изделия. Накладки подобной модификации известны в Тарасовском, Зaborинском, Ижевском, Усть-Сарапульском могильниках (Останина, 1984, табл. 4, 10; Арматынская, 1986, рис. 4, 14; Голдина, 2003, табл. 22, 2; 124, 5; Бернц, 2006, рис. 5, 1–6; 13, 2). Т.И. Останина считает, что такие накладки в ранний период своего существования могли входить в поясной набор (как, например, в Боярке и Зaborье), позднее стали частью нарукавных украшений или головных уборов (Останина, 1997, с. 40; Бернц, 2006, с. 366, 374, рис. 5, 1–6; 13, 1–2).

Группа В. Биметаллические (7 экз.).

Отдел 1. Плоские в сечении.

Тип VI (3 экз.). Площадка в форме круга, сдвоенная.

Подтип 2. Крепление с помощью обоймы и штифта. Вариант Д. Декор в виде полусферической бронзовой шляпки на штифте. Подвариант 1. Привеска-колечко: погребение 141 (табл. 141–9).

Тип VII (4 экз.). Площадка в форме круга, строеная.

Подтип 2. Крепление с помощью обоймы и штифта. Вариант Д. Декор в виде полусферической бронзовой шляпки на штифте. Подвариант 1. Привеска-колечко: погребение 168 (табл. 141–10).

Накладки типа VI («двукружковые», по А.В. Богачеву) были распространены в эпоху Великого переселения народов в лесной (азелинские и мазунинские могильники) и степной (Федоровский комплекс, Кубей, Каннатас, Байрамгулово II, Салихово) зонах (Богачев, 2007, с. 14–23). Одна из находок обнаружена на имениксовском городище Лбище; известны они и в джетыасарских памятниках, где наблюдается наибольшее число профессионально изготовленных накладок этого типа (там же, с. 16–18). По мнению А.В. Богачева, местные

«двукружковые» накладки представляют собой имитацию джетыасарских изделий III–IV вв. с округлыми бляшками, соединенными штырями с прямоугольной пластиной (Левина, 1996, с. 218, 219). Однако изначальная форма джетыасарских накладок была прямоугольной. В мазунинских погребальных памятниках ближе всего к ним такие же прямоугольные образцы с заклепкой в виде шляпки-полугоношины, как, например, в Старо-Кабановском, Тарасовском, Покровском, Тураевском I могильниках (Васюткин, Останина, 1986, с. 80; Останина, 1992, рис. 16, 5; она же, 1997, рис. 11, 37; Голдина, 2003, табл. 166, 4–1; Голдина, Бернц, 2010, табл. 223, 7, 20–23; 224, 1, 3; 261, 66).

Сходны с боярскими накладками этих типов железные и бронзовые изделия из Тарасовского, Тураевского I, Покровского и Дубровского могильников (Останина, 1997, рис. 30, 6, 8; 51, 7; Голдина, 2003, табл. 27, 3; 95, 1–2; 101, 5–8; 104, 11–1; 372, 4–6; Бернц, отчет-2009, рис. 165; Голдина, Бернц, 2010, табл. 225, 7, 13–15, 18, 22, 24; 262, 26; 263, 36; 267, 63; 269, 80; Черных, отчет-2012, рис. 88, 2).

Подвески (и привески). Всего в классификацию было включено 33 подвески. Все они разделены на группы по материалу, отделы выделены по поперечному сечению, типы – по форме, подтипы – по способу крепления, варианты – по декору, подварианты – по размерам (где возможно) (рис. 26).

Группа А. Железные (15 экз.).

Отдел 1. Плоские.

Тип I (1 экз.). Трапециевидные.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные (длиной от 4,0 см): погребение 168 (табл. 143–23).

К этому типу, возможно, относятся еще три фрагментированных экземпляра подвесок из погребений 53 и 168, способ крепления которых не определен (табл. 28–2–5; 116–3–15, 16). Аналоги известны в могильниках Ангасяк, Нива, Усть-Сарапулка, Дубровский, Мазунино (Генинг, 1967, табл. II, 13; Останина, 1978, табл. II, 31; Васюткин, 1980, табл. 4, 17; Арматынская, 1986, рис. 5, 21; Черных, отчет-2012, рис. 77, 4, 5). По наблюдениям Т.И. Останиной, чаще в мазунино встречаются не железные, а бронзовые трапециевидные подвески, вырезанные из раннечегандинских нагрудных блях (1997, с. 51).

Тип III (7 экз.). Прямоугольные с круглым расширением в нижней части («каплевидные»): пп. 31, 42, 94, 141.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные, длиной более 2,5 см: пп. 42, 94, 141 (табл. 143–17, 24, 25; 144–15). Подвариант м. Малые, длиной менее 2,5 см: п. 31 (табл. 143–18, 20).

Подвески этого типа (как железные, так и бронзовые) часто встречаются в мазунинских памятниках. В качестве привесок они известны на пластинчатых железных гравинах, наборных наконечниках ремней, например, в Ангасякском, Тураевском I, Тарасовском, Покровском могильниках (Васюткин, 1980, табл. 4, 20; Останина, 1992, рис. 10, 7; Голдина, 2003, табл. 374, 1–3; Голдина, Бернц, 2010, табл. 193, 2, 9, 10). В качестве самостоятельных подвесок они, возможно, использовались в могильниках Ангасяк, Нива, Старо-Кабаново, Ижевск, Усть-Сарапулка, Покровское, Дубровский (Останина, 1978, табл. II, 28; IX, 2, 3; Васюткин, 1980, табл. 4, 21, 23; Останина, 1984, табл. 11, 4; Арматынская, 1986, рис. 5, 22; Васюткин, Останина, 1986, табл. 1, 23; Останина, 1992, рис. 28, 6; Черных, отчет-2012, рис. 294, 3; она же, отчет-2014, рис. 26, 6). В степи такое круглое расширение в нижней части наконечников-подвесок появляется в середине III в. н. э. и продолжает встречаться в раннем IV в. (Малашев, 2000, с. 200, 208, 210). Т.И. Останиной подвески этого типа датируются IV–V вв. н. э. (1997, рис. 51, 34).

Тип IV (7 экз.) Подпрямоугольные с секировидным расширением в нижней части: погребения 42, 89, 168.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные, длиной 3,0–3,7 см: погребение 168 (табл. 143–22). Подвариант м. Малые, длиной менее 3,0 см: погребения 42, 89 (табл. 20–2–13; 143–21).

Группа (материал)	А. Железо	Б. Бронза	В. Раковина	Г. Камень	Д. Кость	
Отдел (поперечное сечение)	1. Плоское прямоугольное 		2. Граненое прямоугольное 		3. Округлое овальное 	
Тип (по внешней форме)	I. Трапециевидные 	II. Треугольная с закругленной нижней частью 	III. Прямоугольные с круглым расширением в нижней части «каплевидные» 	IV. Подпрямоугольные с секировидным расширением в нижней части «молоточки Тора» 		
	V. Прямоугольные (без расширения) с треугольной нижней частью 	VI. Прямоугольные с заостренной вершиной 	VII. Подпрямоугольная с расширенной нижней частью в виде лунницы 	VIII. Усечено-конические (колокольчики) 		
	IX. Круглые 	X. Кольцевидные 	XI. Лапчатые 	XII. Круглая с прямоугольным узким выступом 		
Подтип (способ крепления)	1. Просверленное отверстие		2. Припаянное ушко		3. Два ушка в виде отогнутых назад верхних краев пластины	
Вариант (декор)	A. Без декора (гладкие)	B. Припаянные полуторошины	C. Отчеканенные полуторошины и фасетки	D. Фасетки и прочерченные линии	E. С продольными прямymi выступами по краям и одним округлым в верхней части подвески	
Подвариант (размер)	M. малые			K. крупные		

Рис. 26. Схема классификации подвесок Боярского «Арай» могильника

Из-за близкого сходства с типом III подвески типа IV не выделяются исследователями мазунинских памятников в самостоятельный тип; иногда оба типа встречаются вместе в одном украшении. Все же отличаясь от первых, украшения типа IV использовались в основном как привески к гривнам, например, в Тураево I (Голдина, Бернц, 2010, табл. 64, 1–4, 5, 7), наборным наконечникам ремней (Нива; Останина, 1978, табл. IX, 7). Как подвески они известны в Усть-Сарапульском, Дубровском могильниках (Арматынская, 1986, рис. 5, 22; Бернц, отчет-2009, рис. 174, 1). Редкие аналоги подвескам типа IV, по-видимому, встречались в раннечегандинское время: в погр. 39 могильника Чеганда II они были вырублены из бляхи (Генинг, 1971, с. 16, табл. IV, 7; XVIII, 15).

Некоторое сходство данные украшения обнаруживают с подвесками в виде «однолезвийной проушной клиноподобной секиры» из крымских могильников, комплексы которых датируются в основном 2-й пол. III–IV вв. (Стоянова, 2005, с. 50–51, рис. 1, III). От мазунинских подвесок их отличает отверстие, которое выполнено сбоку. Самые ранние образцы с секироподобным расширением в нижней части появляются на территории Среднего Подунавья в I в. до н. э.–I в. н. э. и имеют гетто-дакийское происхождение (там же, с. 51). В первой половине I тыс. они встречаются в германских древностях Скандинавии и Центральной Европы, в аланских памятниках Северного Кавказа (Гопкало, 2008, с. 63). В научной литературе подвески этого типа часто именуют «молоточками Тора», как бы демонстрируя их германское происхождение. В Северном Причерноморье они распространяются, по мнению исследователей, вместе с продвижением германских племен, заимствовавших данный тип украшения (через сармат Венгерской низменности) у северных фракийцев (Стоянова, 2005, с. 51–52). Позднесарматские наконечники-подвески с секироподобным расширением в нижней части с территории Азиатской Сарматии, Северного Кавказа и Крыма, по мнению В.Ю. Малашева, – реалии второй трети IV в. и гуннской эпохи (2000, с. 202–206, 210, рис. 2).

Группа Б. Бронзовые (14 экз.).

Отдел 1. Плоские (13 экз.).

Тип I (2 экз.). Трапециевидные.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подтип м. Малые, длиной до 2,0–3,0 см: пп. 154, 168 (табл. 144–1, 12).

Подвески этого типа аналогичны железным, но отличаются размерами. Подвеска из погр. 168 интересна тем, что отверстие просверлено в широкой части, а не в узкой, как это обычно бывает на подобных изделиях. Близкие аналогии известны в Тураевском I и Дубровском могильниках (Голдина, Бернц, 2010, табл. 213, 14; Черных, отчет-2014, рис. 84, 3). С подвеской из погр. 154 (табл. 144–1) схожи украшения из Покровского, Тарасовского, Ныргындинского I могильников (Останина, 1992, рис. 4, 16; Голдина, 2003, табл. 40, 5–7; 707, 2, 4; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 219, 20, 22).

Тип II (1 экз.). Треугольные с закругленной нижней частью.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора: погребение 145А (табл. 144–8). Такие подвески изготавливались из нагрудных бронзовых блях; вырезались не от отверстия (Останина, 1997, с. 51). Аналогии им известны в Старо-Кабановском (Васюткин, Останина, 1986, табл. 7, 23) и Дубровском (Черных, отчет-2012, рис. 78, 20) могильниках.

Тип III (4 экз.). Прямоугольные с круглым расширением в нижней части («каплевидные»).

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие.

Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные, длиной 2,5–2,7 см: погребения 31, 141 (табл. 144–3, 5, 7).

Вариант С. Декор в виде отчеканенной полугорошины и фасеток. Подвариант м. Малые, длиной 2,0 см: погр. 141 (табл. 144–16).

Подвески этого типа близки железным. С декором в виде фасеток и/или отчеканенной полугорошины, или без него они известны в таких мазунинских могильниках, как Ангасяк, Ижевск, Покровское, Старая Мушта, Тарасово, Дубровский, Тураево I, Сайгатка и т.д. (Стоянов, 1962, рис. 50, 10, 18; Васюткин, 1980, табл. 4, 22; Останина, 1984, табл. 3, 2; 10, 4, 5; 13, 4; Останина, 1992, рис. 12, 9; 13, 8; Голдина, 2003, табл. 253, 1–6–8; Сунгатов др., 2004, рис. 60, 14; Голдина, Бернц, 2010, табл. 209, 4; Черных, отчет-2012, рис. 160, 2, 3).

Тип IV (1 экз.). Подпрямоугольные с секировидным (или близким к секировидному) расширением в нижней части (края чуть обломаны).

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант D. Декор в виде фасеток и прочерченных линий на подпрямоугольной части: погр. 119 (табл. 144–6).

Такие подвески аналогичны железным экземплярам. Известны в качестве привесок к наборным наконечникам ремней, например, в Ижевском, Покровском могильниках (Останина, 1984, табл. 2, 11; Останина, 1992, рис. 7, 22); встречаются также на ножнах в Покровском, Тарасовском, Нивском могильниках (Останина, 1978, табл. IV, 5; она же, 1992, рис. 9, 9; 15, 6; 18, 9; Голдина, 2003, табл. 414, 2), на фибулах из Нивского могильника (Останина, 1978, табл. VI, 6).

Тип VII (1 экз.). Подпрямоугольные с расширенной нижней частью в виде лунницы: сбор 2137/37.

Подтип 3. Крепление в виде отогнутых назад верхних краев пластины. Вариант A. Без декора (табл. 144–2).

Аналогий подвеске в мазунинских памятниках не обнаружено. Окончанием в виде лунницы она отдаленно напоминает накладки уздечных ремней, подвески-лунницы или одночастные наконечники гуннского времени, которые появляются в V в. и продолжают существовать в постгуннское время (Засецкая, 1994, табл. 6, 14; 11, 9; Малашев, 2000, с. 205, рис. 13Ж, 1, 2; 3, 2, 3).

Тип X (2 экз.). Кольцевидные.

Подтип 2. Крепились с помощью припаянного ушка. Вариант B. Декор в виде трех припаянных полугорошин: п. 134 (табл. 144–10, 11).

Такие подвески характерны для азелинских древностей IV в. (Лещинская, 2014а, табл. 93, 11). Кроме Боярского могильника, они также известны в Дубровском и Тураевском I некрополях (Голдина, Бернц, 2010, табл. 213, 10; Черных, отчет-2014, рис. 116, 1).

Тип XI (1 экз.). Лапчатые, в виде утиной лапки.

Подтип 2. Крепились с помощью припаянного ушка. Вариант E. Декор в виде продольных прямых выступов по краям и с одним округлым в верхней части подвески. Подвариант к. Крупные: п. 115Г (табл. 144–13).

У образца из погр. 115Г отсутствуют округлые выступы по краям (обломаны?). Возможно, к этому же типу относится подвеска из п. 81Б, практически полностью закрытая изделием кольчужного плетения (табл. 43–1–8, 9). Подвески типа XI характерны для раннего этапа чегандинской культуры. В Тарасовском могильнике они датированы I – первой пол. II в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 12, 34). Как пережиточное явление, встречаются в мазунинских могильниках, например, в Мазунинском (Останина, 1997, рис. 9, 32) и Тураевском I (Голдина, Бернц, 2010, табл. 216, 1, 2). Также близки азелинским украшениям (Лещинская, 2014а, с. 65, табл. 18, 14, 15).

Тип XII (1 экз.). Круглая с прямоугольным узким выступом.

Подтип 1. Крепилась через просверленное отверстие. Вариант A. Без декора: погр. 168 (табл. 144–4).

Аналогии данной подвеске не обнаружены, но по форме и отверстию в центре круглой части она отдаленно напоминает подвеску из Чегандинского II могильника (Генинг, 1970, табл. IV, 3).

Отдел 3. Округлые овальные (1 экз.).

Тип VIII. Усечено-конические («колокольчики»).

Подтип 2. Крепились с помощью припаянного ушка. Вариант А. Без декора: погр. 31 (табл. 144–14).

Данные подвески-колокольчики схожи с украшениями из могильника Ныргында I (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 218, 10, 13–19). По мнению авторов публикации, этот тип подвесок в мазунино достаточно редок. Кроме Ныргынды I и Боярки, он также известен в Коростинском кладе (там же, с. 68), в коллекции Быргындинского IV поселения (Клюева, 1984, табл. III, 1) и в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 14, табл. 2, 24).

Группа В. Из раковины (1 экз.).

Отдел 2. Граненые прямоугольные.

Тип I. Трапециевидные.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора: погр. 147 (табл. 144–17).

Чаще всего подвески из раковины имели округлую форму; схожие с боярским экземпляры известны в Старо-Муштинском и Ангасякском могильниках (Останина, 1997, рис. 9, 4; Сунгатов и др., 2004, рис. 60, 9, 10). Датируются такие изделия по материалам Тарасовского могильника III–IV вв. (Голдина, 2018а, с. 101).

Группа Г. Каменные (2 экз.).

Отдел 2. Граненые прямоугольные.

Тип V. Прямоугольные, без расширения, с треугольной нижней частью: п. 106.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые, длиной 4,0 см (табл. 144–18).

Тип VI. Прямоугольные с заостренной вершиной: п. 115Б.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные, длиной 7,2 см (табл. 144–19).

Подобные подвески называют оселками или точильными брусками. Они изготавливались из песчаника или гальки и, очевидно, использовались в хозяйственной деятельности (Останина, 1997, с. 71). В Боярском могильнике оба предмета принадлежали мужчинам; обнаружены на поясе (п. 106) и в области грудной клетки (п. 115Б).

Группа Д. Костяные (1 экз.).

Отдел 2. Граненые прямоугольные.

Тип IX. Круглые: п. 64.

Подтип 1. Крепились через просверленное отверстие. Вариант А. Без декора (табл. 144–9). Данная подвеска, выполненная из позвонка рыбы, оригинальна в своем роде. Обнаружена в области шеи и, скорее всего, подвешивалась через отверстие в центре.

Пронизки – это «предметы, имеющие сквозные отверстия для нанизывания вещи на ремешок» (Лещинская, 2014а, с. 65). Как правило, они входили в состав ожерелий или могли крепиться прямо на одежду. Также пронизки по форме имеют сходство с бусами, отличаются от последних пропорциями (Щапова и др., 2007, с. 43).

Для создания классификации пронизок Боярского могильника использовались разработки Е.М. Алексеевой для категории бус (1975, с. 12–22). Описание пронизок производилось по словарю-классификатору Ю.Л. Щаповой (2007, с. 24–40). Все пронизки были разделены на группы по материалу, отделы выделены по количеству отверстий (пронизки или распределители), типы – по общей форме, подтипы – по технике изготовления, варианты – по декору и подварианты (где возможно) – по размеру (рис. 27). Всего в классификацию вошли 84 пронизки.

Группа А. Железные (1 экз.).

Отдел 1. С одним отверстием.

Тип I. Округлые цилиндрические.

Подтип 2. Изготовлена из плоского листа металла, свернутого в трубочку. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупная: п. 31 (табл. 145–27).

Группа (материал)	А. Железо		Б. Бронза		В. Кость	
Отдел (по количеству каналов отверстий - функция)	1. Одно (обычные пронизки)			2. Два и более (распределители)		
Типы (по внешней форме)	I. Округлые цилиндрические 	II. Округлые усечено- конические 	III. Округлые усечено- биконические 	IV. Округлые со воздутием 	V. Округлые овальные цилиндрические 	
Подтипы (техника изготовления)	VI. Округлые полувальвные цилиндрические 	VII. Плоские овальные цилиндрические 	VIII. Плоские полувальвные усечено- конические 	IX. Зооморфные (птицы) 	X. Плоская подпрямоуголь- ная изогнутая 	
Вариант (декор)	1. Литые	2. Из плоского листа металла, завернутого в трубочку	3. Из плоской металлической полоски листа с загнутыми несомкнутыми концами – обоймы	4. Навитые в спираль из тонкой плоской / чуть подраненой пластинки / проволоки – спиралевидные	5. Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными перекладинами	6. Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными перекладинами, сдвоенные
Подвариант (по размеру)	A. Без декора		B. Рельефные линии (псевдовитки)	C. Выпуклины- полугорошины	D. Валик	
	M. малые			K. крупные		

Рис. 27. Схема классификации пронизок Боярского «Арай» могильника

Пронизки типа I2 чаще изготавливались из бронзы (Останина, 1997, рис. 5, 22). Однако железные образцы, подобные пронизке из погребения 31 Боярки, известны в Старо-Кабановском и Ижевском могильниках (Останина, 1984, табл. 13, 2; 15, 8; Васюткин, Останина, 1986, табл. 7, 26).

Группа Б. Бронзовые (80 экз.).

Отдел 1. С одним отверстием (79 экз.).

Тип I (59 экз.). Округлые цилиндрические.

Подтип 1 (2 экз.). Литые. Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые: погребение 31 (табл. 145–2).

Подтип 2 (4 экз.). Изготовлены из плоского листа металла, свернутого в трубочку: пп. 31, 118, 147, 154. Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые (табл. 145–1, 3, 9, 19).

Повторяя форму бус / бисера, пронизки подтипов 1 и 2 имели разные размеры и приемы изготовления; найдены в Ижевском, Ныргындинском I, Старо-Муштинском, Тураевском I, Дубровском, Мазунинском, Нивском могильниках (Генинг, 1967, табл. I, 1; Останина, 1978, табл. II, 17; Останина, 1997, рис. 28, 6; Сунгатов и др., 2004, рис. 60, 18; Голдина, Бернц, 2010, табл. 25, 3, 5; 219, 1–3, 11, 12, 13; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 217, 133–138; 166–173; Черных, отчет-2012, рис. 83, 5–18; 198, 1). Аналогичные подтипы 1 и 2 пронизки появляются в могильнике Чеганда II еще на стадии Б (I в. до н. э.), а литые (подтип 1; т. н. «пронизки-бусы») распространяются на стадиях В и Г того же могильника в I–II вв. н. э. (Генинг, 1970, с. 55, табл. IV, 15).

Подтип 4 (53 экз.). Навитые в спираль из тонкой плоской / чуть подграненной пластины / проволоки («спиралевидные»). Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные: пп. 31, 42, 46, 53, 81Б, 89, 104, 115Г, 132, 141, 154, 168, 177 (табл. 145–17, 18, 24, 26). Подвариант м. Малые: пп. 10А, 50, 54, 89, 115Г (табл. 145–13–16).

Пронизки подтипа 4 известны во всех мазунинских могильниках. По сведениям Т.И. Останиной, чаще всего они являлись частью ожерелий (1997, с. 48). Традиция их изготовления уходит корнями еще в раннеананьинское время, где хорошо известны украшения из навитой в спираль проволоки – височные подвески типа I вида А и Б разновидности 1 и 2, по классификации В.С. Патрушева (2011, с. 33, рис. 33, 1, 2, 7, 8).

Тип II (1 экз.). Округлые усечено-конические.

Подтип 2. Изготовлены из плоского листа металла, свернутого в трубочку. Вариант В. Декор в виде рельефных линий (псевдовитков): п. 154 (табл. 145–28).

Близких аналогий пронизке из п. 154 не обнаружено. Возможно, она была переделана из височной подвески с конической литой трубицей раннечегандинского времени (Генинг, 1970, табл. I, 6–9).

Тип III (1 экз.). Округлые усечено-биконические.

Подтип 1. Литые. Вариант А. Без декора. Подвариант к. Крупные: п. 177 (табл. 145–8).

Подобные пронизки встречены в могильниках Тарасово, Зaborье, Дубровский (Голдина, 2003, табл. 154, 2; 190, 1–10–21; 413, 1; Бернц, 2006, рис. 10, 1–2; Черных, отчет-2012, рис. 300, 5, 7, 11, 13, 14, 15, 17–19, 22). Известны они и в вятских материалах кон. I – III вв. н. э. (Лещинская, 2014а, табл. 19, 15, 16; 82, 17). Пронизки такой же формы, но отличающиеся по технике изготовления (из проволоки под треугольного сечения, раскованные), встречаются во многих мазунинских могильниках как нарукавные украшения (Останина, 1997, с. 48, рис. 5, 19).

Тип IV (1 экз.). Округлые со вздутием.

Подтип 1. Литые. Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые: п. 90 (табл. 145–7).

Аналогичные пронизки известны в Ангасякском могильнике (Васюткин, 1980, табл. 5, 1); в погр. 315 Ныргындинского I могильника они встречены как украшение обуви (?) (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 185, 42–50, 53–63).

Тип V (6 экз.). Овальные цилиндрические.

Подтип 3. Изготовлены из плоской полоски листа с загнутыми несомкнутыми концами, т. н. «обоймы». Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые: погребения 89, 147, 177 (табл. 145–4–6, 10–12).

Пронизки этого типа, по-видимому, также появляются в раннечегандинское время (Генинг, 1970, табл. XVIII, 12; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 217, 42–45). В мазунинских могильниках они известны в комплексах Старо-Кабановского и Тураевского I могильников (Васюткин, Останина, 1986, табл. 13, 6; 17, 16; Голдина, Бернц, 2010, табл. 219, 8, 9, 10).

Форма данных пронизок неустойчива (круглые, полуовальные, овальные, подпрямоугольные, неправильной формы и т.д.), что затрудняет процесс классификации. Тонкий лист металла, из которого они сделаны, был легко подвержен деформации при жизни владельца или уже после его смерти (в погребении).

Тип VI (3 экз.). Полуовальные цилиндрические.

Подтип 2 (1 экз.). Изготовлены из плоского листа металла, свернутого в трубочку. Вариант В. Декор в виде рельефных линий (псевдовитков). Подвариант к. Крупные: погр. 115Г (табл. 145–23). Близких аналогий данной пронизке не обнаружено. Вероятно, она стилизована под спиральновитые пронизки.

Подтип 5 (1 экз.). Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными поперечными перекладинами, одинарные. Вариант А. Без декора: п. 141 (табл. 145–31).

Подтип 6 (1 экз.). Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными поперечными перекладинами, сдвоенные. Вариант В. Декор в виде рельефных линий (псевдовитков): п. 141 (табл. 145–33).

Пронизки подтипов 5 и 6 были распространены в раннечегандинское время. Пронизки подтипа 5 (или «одинарные полуцилиндрики», по Б.Б. Агееву) обнаружены в Афонинском, Ново-Сасыкульском, Ныргындинском I, Тарасовском могильниках (Агеев, 1992, табл. 8, 15; Голдина, 2003, табл. 486, 9; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 218, 1–10). Пронизки подтипа 6 известны в Афонинском, Ново-Сасыкульском, Ныргындинских I и II, Тарасовском, Чегандинском II некрополях (Агеев, 1992, табл. 8, 16; Голдина, 2003, табл. 431, 1–15–17; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 218, 23). В Тарасовском могильнике они датируются I–II вв. н. э. По мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, такие пронизки также характерны для караабызских могильников (2016а, с. 53, рис. 4, 26; 15, 52). Очевидно, как пережиточное явление, пронизки подтипа 6 обнаружены и в мазунинских могильниках: Покровском, Нивском, Старо-Кабановском, Тураевском I (Останина, 1978, табл. 1, 19; Останина, 1986, табл. 6, 6; Останина, 1992, рис. 29, 3, 5; Голдина, Бернц, 2010, табл. 219, 15).

Тип VII (2 экз.). Плоские овальные цилиндрические.

Подтип 5 (1 экз.). Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными поперечными перекладинами. Вариант А. Без декора: п. 141 (табл. 145–32).

Подтип 6 (1 экз.). Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными поперечными перекладинами, сдвоенные. Вариант А. Без декора: п. 141 (табл. 145–30).

Пронизки этого типа по технике изготовления и по времени бытования схожи с пронизками типов VI5 и VI6, но имеют свои особенности. Так, пронизка типа VII5 широкая. Близкие аналоги ей известны в комплексах ныргындинской стадии Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016а, рис. 4, 25а; 11, 25), а также в караабызской культуре, где датированы II в. до н. э.– III в. н. э. (Воробьевая, 2012, с. 193, рис. 68, 2, 3). Пронизка типа VII6 немного сплющена и имеет обломанный (спиленный?) конец. Она близка по форме, технике изготовления пронизке типа VI6 (с псевдовитками), которые также известны и без декора, например, в Тарасовском и Покровском могильниках (Останина, 1992, рис. 24, 8; 29, 4; Голдина, 2003, табл. 431, 1–18).

Тип VIII (1 экз.). Полуовальные усечено-конические.

Подтип 5. Литые с открытой половиной, снабженной двумя припаянными поперечными

перекладинами. Вариант С. С напаянными выпуклинами-полугорошинами по нижнему краю: п. 176А (табл. 145–34).

Такие пронизки известны в раннечегандинское время: аналогичны изделиям из Афонинского (с рельефными линиями) и Ново-Сасыкульского (без декора) могильников (Агеев, 1992, табл. 8, 14, 17).

Тип IX (5 экз.). Зооморфные (птицы).

Подтип 1. Литые. Вариант D. С валиком по краю туловища: п. 81Б (табл. 145–29).

Данные пронизки Т.И. Останина называет «подвесками» и считает, что они попали к мазунинцам через азелинские племена (1997, с. 51, 52). Были известны во многих мазунинских могильниках: Тураевском I, Старо-Кабановском, Покровском, Тарасовском, Зaborьинском (Васюткин, Останина, 1986, табл. 16, 5; 18, 16; Останина, 1992, табл. 7, 20; Голдина, 2003, табл. 67, 4–4; Бернц, 2006, рис. 9, 1–33; Голдина, Бернц, 2010, табл. 219, 25–28).

Отдел 2. Два и более отверстий – распределитель (1 экз.).

Тип X. Плоская подпрямоугольная изогнутая.

Подтип 1. Литая. Вариант А. Без декора: п. 154 (табл. 145–25).

Данная пронизка-распределитель (?) найдена в детском погребении в скоплении вещей вместе с бусами и бисером. Определенное сходство имеет с распределителями в богатом нагруднике из погр. 2 кургана № 1 могильника Кудаш (Казанцева, 2014, с. 84, рис. 1–1).

Группа В. Кость (3 экз.).

Отдел 1. Одно отверстие.

Тип V (1 экз.). Овальные цилиндрические.

Подтип 7. Изготовлена из трубчатой кости животного. Вариант В. Декор в виде слабых рельефных линий (псевдовитков). Вариант к. Крупные: п. 115Д (табл. 145–20).

Тип VI (2 экз.). Полуovalные цилиндрические.

Подтип 7. Изготовлены из трубчатых костей животных. Вариант В. Декор в виде рельефных линий (псевдовитков). Вариант к. Крупные: п. 115Г (табл. 145–21, 22).

Аналогии пронизкам типов V и VI встречены в Ижевском могильнике (Останина, 1984, табл. 16, 10). Скорее всего, они также являются подражанием спиральновитым. Традиция изготовления подобных изделий с рельефным орнаментом известна еще в ананыинское время (Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 66, рис. 71, 2, 8).

Бляхи выполнены из разных материалов (5 экз.). Три предмета – пп. 115Д и 147 (табл. 146–4–6) – изготовлены из створок раковин моллюсков (обычно *Turbomarmoratus* семейства Turbinidae), обитающих в тропических частях Тихого и Индийского океанов (Останина, 1997, с. 62–63). Бляхи-раковины достаточно однотипны: по форме они круглые, матово-белого цвета с лощеной поверхностью, с декором в виде сквозных отверстий (погр. 147, следы ремонта?) или без него (погр. 115Д). Диаметр блях – от 3,5 (погр. 115Д) до 6,0–7,0 (пп. 115Д, 147) см, диаметр центрального отверстия – 3,0–5,0 мм. В Прикамье такие бляхи характерны для могильников мазунинского типа, где встречаются в составе наборных поясов III–IV вв. (Голдина, Красноперов, 2012, с. 53).

Еще две бляхи изготовлены из бронзы – погр. 141 и сбор 2137/39 (табл. 146–2, 3). Обе они плоские, с большими круглыми отверстиями в центре. Бляха из погребения 141 представлена фрагментом с двумя пробитыми отверстиями, возможно, для подвешивания (табл. 146–2). Сохранившийся конец оформлен в виде сдвоенных «полуцилиндриков». Края изделия выделены бортиками: внешний орнаментирован узором в виде шнура, внутренний – гладкий. Прямых аналогий данному предмету не обнаружено; облик бляхи в целом соответствует раннечегандинским «стандартам» оформления украшений (Генинг, 1970, табл. IV–12, 17–20; V–3; VI–3, 4; XVII–6, и др.). Другая бляха-застежка – сбор 2137/39 – довольно миниатюрна, диаметром всего 4,5 см; имеет отверстие для иглы, декор отсутствует (табл. 146–3). Такие бляхи (или сюльгамы, по Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц)

найдены в погребениях ныргындинской стадии Тарасовского могильника (2016а, с. 50, рис. 3, 19; 15, 55).

Бусы. Классификация бус Боярского «Арай» могильника выполнена Е.В. Голдиной и опубликована в соавторстве с Е.М. Черных (2015а, с. 567–575) (см. приложение № 1).

3.2. Поясная гарнитура

К данной группе относятся 7 категорий погребального инвентаря: пряжки, пряжка-кольцо, обойма-зажим, кольцо, застежка с неподвижным крючком, наконечники ремней, пояса.

Пряжки. За основу классификации пряжек принята схема Т.И. Останиной (1997, с. 63), но в несколько измененном виде: способ крепления пряжки с ремнем вынесен отдельно в группы, типы выделены по форме рамки, варианты и подварианты – по форме язычка и его особенностям. В ней не учитывались те пряжки, чьи формальные признаки не позволяют уверенно судить о типологических особенностях предметов – пп. 11, 29, 42, 83, 125, 136А, 142, 145А, 153, 163, сбор 2137/40. В классификацию вошли 74 пряжки.

Группа А. Рамчатые пряжки.

Тип I (5 экз.). С окружной рамкой из круглого в сечении дрота, равного по ширине или чуть расширенного в передней части (п. 98). Все они выполнены из железа: пп. 1, 40, 93, 98, 104 (табл. 147–6, 10–13).

Вариант 1. С коротким прямым язычком, не выступающим за край рамки пряжки, без уступа: погр. 40 (табл. 147–10). Таких пряжек в мазунинских могильниках известно немного – всего 0,9%; обнаружены они, например, в Чепанихинском и Старо-Кабановском могильниках (Останина, 1997, с. 64, рис. 13, 14, 16). К этому списку можно добавить экземпляры из Дубровского, Тарасовского и Тураевского I могильников (Голдина, 2003, табл. 164, 1; 351, 1; 577, 3; 578, 1; Голдина, Бернц, 2010, табл. 226, 2–7; Черных, отчет-2013, рис. 36, 2).

Тип II (51 экз.). С овальной рамкой из круглого, реже ограненного или подпрямоугольного дрота. Встречаются экземпляры с одинаковой по всей рамке шириной дрота, а также массивные в передней части и зауженные в месте крепления к ремню.

Пряжки этого типа в основном железные: пп. 7, 9, 10А, 17, 23А, 30, 33А, 33Б, 43, 48, 61, 73, 78, 79, 80, 89, 91, 93, 94, 97, 106, 109А, 110, 111, 115Б, 129, 136Б, 138, 142, 146, 151, 153, 155, 162, 169, 171, 175, 176А, 182, 183, реже – из медных сплавов: пп. 163, 175, сбор 2137/35, 2137/43 (табл. 147–1–9; 148–1–9; 149–1–28). Экземпляр из погр. 65 (табл. 149–16), по-видимому, ранее использовался в качестве височного кольца: концы чуть сплющенной бронзовой рамки заходят друг за друга; позднее к кольцу был добавлен железный язычок. Примеры вторичного использования вещей известны в Тарасовском могильнике, где обнаружены пряжки с рамками, выполненными в технике витья, с помощью которой изготавливались височные подвески мазунинского типа (Голдина, 2003, табл. 76, 4; 595, 3).

Вариант 1 (16 экз.). С коротким прямым или со слегка прогнутым в середине язычком, не выступающим или чуть выступающим за край рамки, но не выходящим за середину ее сечения, без уступа: пп. 9, 17, 23А, 48, 61, 79, 89, 97, 136Б, 138, 142, 153, 171, 175 (2 экз.), сбор 2137/43 (табл. 147–1–5, 7–9; 148–1–9).

Пряжки типа II представлены следующими размерами:

- малые – 1,6 – 2,2 x 2,0 – 3,0 см: пп. 9, 23А, 33Б, 48, 73, 78, 80 (2 экз.), 89, 94, 97, 106, 110 (2 экз.), 115Б, 129, 136Б, 142, 151, 155, 162, 163, 171, 175, 182, 183, сбор 2137/35;
- средние – от 2,3 – 3,1 x 3,3 – 4,3 см: пп. 9, 17, 30, 33А, 43, 65, 79, 91, 93, 111, 138, 146, 153, 169, 175, 176А, сбор 2137/43;
- крупные – 4,3 x 5,0 см: п. 61.

Пряжки типа I использовались преимущественно в раннечегандинское время (Агеев, 1992, табл. 12, 3, 4; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 214, 4, 7, 15, 22, 26–29;

215, 2); по материалам Тарасовского могильника датируются I–II вв. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, с. 58, рис. 59, 39). В позднесарматских могильниках они были распространены до III в. (Малашев, 2000, с. 198, 199, 209). Другой тип пряжек – II – стал преобладать в Среднем Прикамье уже в мазунинскую эпоху; имеет широкие хронологические рамки. По аналогии со степными образцами, такие признаки, как утолщение передней части и спрямленность задней части рамок, имеющиеся на некоторых боярских пряжках (пп. 23А, 33А, 33Б, 61, 89, 163, 169, 175, 183, сбор 2137/35), появляются на позднесарматской поясной гарнитуре в первой половине III в. и становятся преобладающими во второй половине этого столетия; граненые рамки встречаются на предметах III – начала IV вв. (там же, с. 209).

На погребальном поле Боярского могильника пряжки типа I фиксируются в основном в западной части некрополя (рис. 28), иногда вместе с застежками типа II; последние распределяются равномерно по всей площади некрополя.

Тип III (3 экз.). С рамкой бантикообразной формы (тип V, по: Голдина, Бернц, 2010, с. 131); сечение рамки прямоугольное. Пряжки этого типа изготовлены из железа и отличаются своими размерами – 2,5–3,7 x 3,4–5,8 см: погребения 82, 95, 162 (табл. 147–14–16). Принадлежали мужчинам (пп. 82, 162) и женщине (п. 95).

Вариант 1. С коротким прямым язычком, не выступающим за край рамки пряжки: п. 95 (табл. 147–15).

География и хронология пряжек типа III широкие. Близкие формы существовали в раннечегандинское время (Агеев, 1992, табл. 12, 16; Голдина, Бернц, 2016а, с. 58, рис. 5, 39). Во второй и на рубеже 2–3 четверти I тыс. н. э. они зафиксированы в тураевских курганных и бескурганных захоронениях (Gening V., 1995, grab VII/Ia, abb. 14; 29, 13; Голдина, Бернц, 2010, табл. 227, 18;

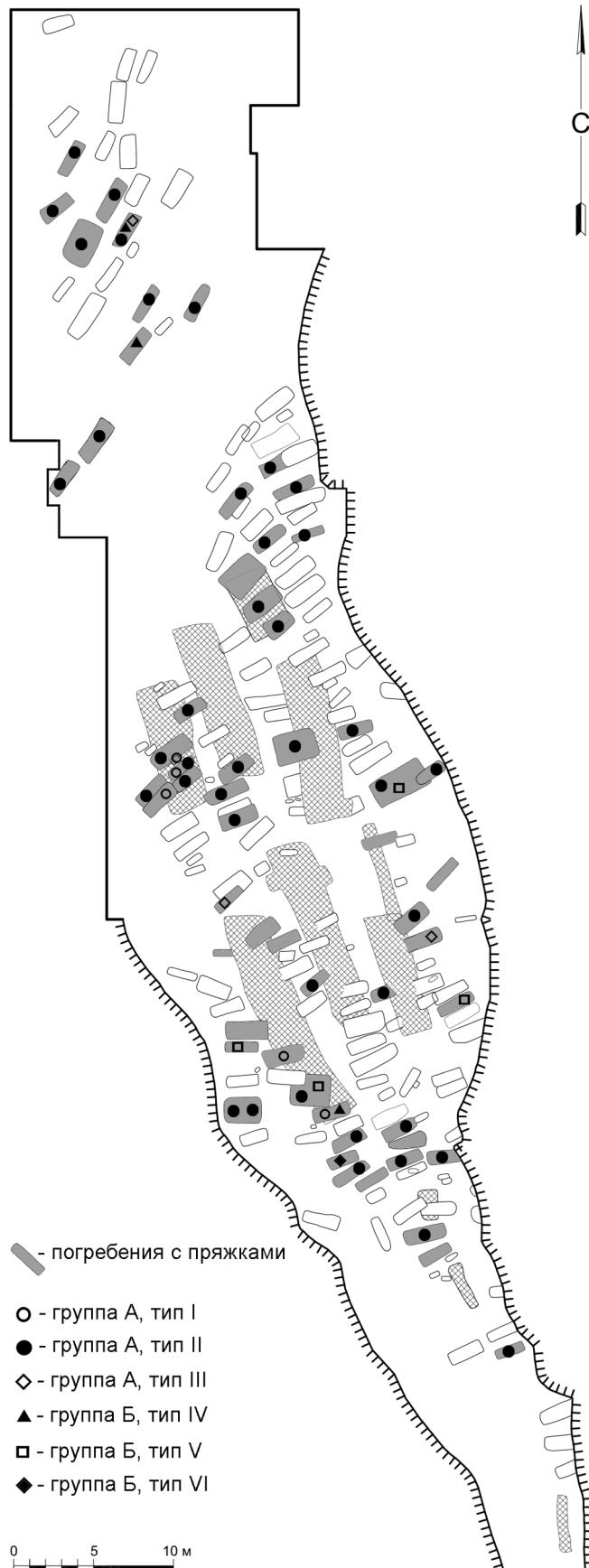

Рис. 28. Боярский «Арай» могильник. План размещения погребений с пряжками

228, 1), в Тарасовском могильнике (Голдина, 2003, табл. 366, 1), а также в азелинских (Старостин, 2009, рис. 23, 7; 43, 6, 11), древнемарийских (Никитина, 1999, рис. 34, 3; 50В, 4), рязано-окских (Ахмедов, 2007, с. 147, рис. 25, 15) и в позднедьяковских (Потемкина и др., 2013, рис. 2, 4) погребениях.

Группа Б. Щитковые пряжки (15 экз.).

Семь щитковых пряжек находятся во фрагментированном состоянии: пп. 33А, 53, 59, 84, 94, 105, сбор 2137/38 (табл. 150–1–7), поэтому тип не выделен. Однако форма рамок определима: овальная, с круглым или граненым сечением дрота; язычок пряжки из погребения 105 прямой и не выходит за край рамки.

Тип IV (3 экз.). Прямоугольный щиток с выемками по бокам (с вогнутыми сторонами) и овальной рамкой, которая имеет слабый В-образный изгиб в передней части: пп. 40, 162, 168 (табл. 150–8, 9, 11). Все три боярские пряжки выполнены из железа; найдены в северной и южной частях некрополя (рис. 28).

Вариант 1. С коротким, чуть прогнутым в середине язычком, не выходящим за край рамки: п. 168 (табл. 150–9).

Данный тип щитковых пряжек использовался в погр. 168 в составе богато украшенного наборного пояса с накладками. Щиток и рамку данной пряжки дополнительно скрепляли два бронзовых штифта с полусферическими шляпками в основании щитка. Аналоги подобного крепления можно встретить, например, на экземплярах из погребений Тураевского I (Голдина, Бернц, 2010, табл. 70, 1; 78, 1–5), Тарасовского (Голдина, 2003, табл. 69, 4–3; 159, 3) могильников, а также в вятском Азелинском могильнике (Генинг, 1979, Г3). Пряжки с такой формой щитка Т.И. Останина датирует IV–V вв. (1997, с. 296, рис. 51, 42). Р.Д. Голдина и В.А. Бернц по материалам Тарасовского могильника относят их к разным хронологическим группам – 2-я пол. III–V вв. (без шпеньков-полугорошин) и IV–V вв. (со шпеньками-полугорошинами) (2017а, с. 193, рис. 13, 99, 15, 107; 2017б, с. 55, 63, рис. 5, 35; 9, 63).

Тип V (4 экз.). С прямоугольным щитком и овальной рамкой. У двух предметов сохранились только прямоугольные пластины щитков: п. 23А – железная с бронзовым штифтом-полугорошиной (табл. 150–10), п. 65 – бронзовая, с чуть прогнутым в середине язычком, плавно переходящим в петлю (табл. 151–3).

Вариант 1. С коротким язычком, не выступающим за край рамки: погребения 54, 136А (табл. 151–2, 6).

Пряжка из погр. 136А (табл. 151–2) биметаллическая, имеет железную рамку овальной формы, чуть расширенную спереди и спрямленную сзади; железный язычок прямой и короткий, плавно переходит в петлю, без уступа; бронзовый щиток прямоугольной формы, короткий, с двумя прочерченными параллельными линиями в центре; размеры его небольшие – 1,7 x 1,9 см. Аналоги застежке, но без линий на щитке, известны, например, в могильниках Нива (Останина, 1997, рис. 13, 23) и Сайгатка (железная, с невысоким квадратным уступом на язычке, шифр 504/151). В степи короткие прямоугольные щитки, а также фасетировка щитков появляются в 1-й пол. III в.; первый признак на пряжках продолжает существовать до конца позднесарматской культуры (Малашев, 2000, с. 199, 209).

Трехсоставная железная пряжка из женского погребения 54 (табл. 151–6) найдена в засыпке могилы. Экземпляр достаточно хорошо сохранился: овальная рамка имеет небольшое утолщение спереди и спрямление сзади, щиток короткий и прямоугольный 2,7 x 3,6 см. Язычок пряжки не доходит до края рамки, прогнут в середине; основание его орнаментировано косым крестом, который, очевидно, имитирует квадратный уступ. Точных аналогий данному изделию не найдено, однако подобная стилизация уступов имеется, например, на некоторых бронзовых пряжках из Покровского могильника (Останина,

отчет-1983, табл. 1, 2; она же, 1992, рис. 19, 12²²). Появление уступов (или низких рельефных выступов) на позднесарматской поясной гарнитуре В.Ю. Малашев относит ко 2-й пол. III века; вместе с тем орнаментация в виде косого креста находит аналогии в круге вещей, выполненных в полихромном стиле позднеримского времени, распространение которых в позднесарматской среде происходит в конце III – первых десятилетиях IV вв. (Малашев, 2000, с. 198, 201, 202, 206, 207, 209).

Тип VI (1 экз.). С сегментовидным щитком и овальной рамкой.

К этому типу относится единственная бронзовая пряжка из погребения 31, язычок которой не сохранился (табл. 151–1). Рамка пряжки в передней части без расширения, имеет едва заметные следы огранки; сзади она спрямлена и по своим размерам слегка превышает размеры щитка. Подобные щитки можно видеть, например, на пряжках Сайгатского (Стоянов, 1962, рис. 51, 9; шифр 504/195), Старо-Кабановского (Останина, 1997, с. 260, рис. 14, 8, 11), Старо-Муштинского (Сунгатов и др., 2004, рис. 64, 5–7, 11), Покровского (Останина, отчет-1980, табл. V, 2; она же, отчет-1983, табл. I, 2; она же, 1992, рис. 27, 3) и других мазунинских могильников, но рамки их в основном имеют расширение в передней части, язычки короткие и длинные, с уступами и без них. Пряжки с такими щитками Т.И. Останина относит к IV–V вв. (1997, с. 296, рис. 51, 30). Этим же периодом датируются тарасовские пряжки (Голдина, Бернц, 2016б, с. 40, рис. 7, 68; Голдина, Бернц, 2017а, с. 189, рис. 12, 97; Голдина, 2017б, с. 63, рис. 9, 69). Данная застежка была частью вытянутого вдоль тела пояса, от которого сохранились тлен ткани и бронзовый наконечник (тип I3, с валикообразным расширением в месте сгиба) (табл. 152–1).

Железная пряжка-кольцо (или накладка с кольцом) обнаружена в погребении мужчины 145Б (табл. 151–9). Представляет собой кольцо, соединенное с загнутой пополам пластиной. Данный предмет, очевидно, предназначался для подвешивания к поясу каких-либо предметов, например, ножен к ремню (Голдина, 1985, с. 40). В нашем могильнике он находился в области таза рядом с фрагментами железного ножа и, возможно, крепился к основному ремню.

Пряжки-кольца известны во многих культурах и в разных модификациях: неизменным оставалось лишь кольцо, тогда как пластина могла иметь различные формы – прямоугольная, трапециевидная, сегментовидная и т.д. Использовались такие предметы в уздечных наборах (Безуглов, 1988, с. 106, рис. 3, 18, 19, 26, 27; Флёров, Малашев, 2000, с. 14, рис. 2, 10, 11, 12; Старостин, 2009, рис. 24, 19) или поясной гарнитуре (Хайрединова, 1999, с. 203, 204, рис. 4, 1–3; 6; Ахмедов, 2007, с. 142, рис. 10, 5).

Аналоги подобных вещей в мазунинских Дубровском, Тарасовском и Тураевском I могильниках обнаружены в составе портупейных ремней (Бернц, отчет-2009, рис. 85, 2; 116, 1, 2; Голдина, Бернц, 2010, табл. 63, 3; 153, 9; Бернц и др., 2015, с. 132, рис. 4–5, 6) и поясных наборов (Голдина, 2003, табл. 20, 3; 63, 1; 71, 1; 77, 1; 138, 3; 318, 1, 2 и др.; Бернц, отчет-2009, рис. 46, 5; Черных, отчет-2012, рис. 291, 13).

Обойма-зажим найдена в мужском погребении 169 (табл. 151–8), у правой берцовой кости, кольцом к черепу. Она выполнена из тонкой бронзовой пластины, согнутой в кольцо. Концы ее расплющены, имеют прямоугольную форму и скреплены двумя штифтами. Между концами пластины зажат кусок кожи.

В мазунино такие изделия выявлены в Тарасовском и Тураевском I могильниках (Голдина, 2003, табл. 331, 1–6; 6–1; 418, 1; Голдина, Бернц, 2010, табл. 73, 7), в том числе в составе конской узды. Подобные предметы, но с округлыми концами пластины встречаются в сбруйных наборах сарматских захоронений кон. II–III вв. (Кульчар, 2000, с. 66, рис. 1, 3; 2, 5; 3, 7; Мошкова, 2001, с. 242, рис. 3, 3). Такое же назначение они имели у азелинцев (Старостин, 2009, рис. 39, 44;

²² Пряжка осмотрена в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда (шифр УРМ НМУР-12611/293): уступ в профиле спереди, как он прорисован на рисунке Т.И. Останиной, не выделяется.

Лещинская, 2014а, табл. 66, 10, 11, 14) и рязано-окцев (Ахмедов, 2007, с. 147, рис. 15, 15; 25, 14). В ломоватовском Бурковском могильнике Р.Д. Голдина атрибутирует их как крючки, на которые подвешивались ножны (1985, с. 59, табл. XXX, 12).

Вряд ли данное изделие из погр. 169 Боярского могильника входило в уздечный набор, так как иных предметов, кроме железного ножа и пряжки, в нем не обнаружено. Не исключается возможность использования вещи в качестве элемента поясной гарнитуры.

Бронзовое кольцо найдено в погребении 158, в области предполагаемого левого плеча индивида; имело диаметр 3,5 см (табл. 151–7). Самые близкие аналоги подобных колец известны в Азелинском и Суворовском могильниках, в погребениях с остатками удил и вооружением (Генинг, 1963, с. 99, 100, 124, 125, табл. X, 12). Такие предметы могли являться частью портупеи, как, например, в могильниках Ахмылово (Младший) и Лучистое (Никитина, 1999, рис. 11, 11; Хайрединова, 1999, рис. 4, 8; 5, 7; 6; 7), либо входили в состав обувных ремешков (Хайрединова, 1999, рис. 5, 9, 12; 8, 1), конской упряжи (Голдина, 1985, с. 125, табл. V, 17, 18; Ахмедов, 2007, рис. 25, 12; Седышев, 2008, с. 115, рис. 3, 8).

Бронзовая застежка с неподвижным крючком раннепьяноборского времени обнаружена в разрушенном детском погребении 123 (табл. 151–4). Р.Д. Голдиной такие застежки по материалам Тарасово датированы I–II вв. н. э. (2018б, с. 161, рис. 7, 8–10). Близкие аналогии имеются в караабызских и раннечегандинских памятниках (Генинг, 1970, с. 92, табл. VIII, 8, XX, 9, рис. 20, 36–38, 51, 52, 74–76; Агеев, 1992, с. 41, табл. 11, 25, 26; Воробьева, 2012, с. 89, рис. 30, 3), а также в вятских древностях I–II вв. н. э. (Лещинская, 2014а, с. 177, табл. 80, 5). Как пережиточное явление застежки с неподвижным крючком встречаются в мазунинских и в ранних азелинских комплексах (Останина, 1997, рис. 14, 26, 27; Лещинская, 2014а, с. 183, табл. 86, 13; Голдина, 2018б, с. 155).

Наконечники ремней. В Боярке все они оказались поясными. В классификацию включено 5 предметов, поскольку наконечники из пп. 82, 175 форму не сохранили (табл. 152–3, 7). В предлагаемой схеме группы выделены по материалу, типы – по форме, подтипы – по особенностям изготовления, варианты – по декору, подварианты – по размерам.

Группа А. Железные (1 экз.).

Тип I. Прямоугольный со скругленным краем.

Подтип 1. Изготовлен из пластины, крепившейся к основе ремня штифтами. Вариант А. Без декора. Подвариант м. Малые, размеры 2,2 x 2,6 см: п. 94 (табл. 152–2).

Близкие аналогии известны в могильнике Ангасяк: бронзовые или железные, с точечным орнаментом или без него, но более крупных размеров (Останина, 1997, рис. 12, 1–4).

Группа Б. Бронза (1 экз.).

Тип I. Прямоугольный.

Подтип 3. Изготовлен из пластины, согнутой пополам, с выемками и валикообразным расширением в месте сгиба. Закреплялась конструкция с помощью обжимной техники, а также штифтов. Вариант С. Декор в виде отчеканенной полусферы между штифтами. Подвариант м. Малые, размеры 1,4 x 3,8 см: п. 31 (табл. 152–1).

Подобные наконечники ремней широко представлены в мазунино (Останина, 1997, с. 61, рис. 12, 8, 9, 11–14, 22, 23; 29, 13, табл. 21; Голдина, 2003, табл. 156, 4, 5; 188, 2; 641, 2; 676, 1; Сунгатов и др., 2004, рис. 65, 11, 13–19 и т.д.). Аналогичны типу Малашев–Н10, который появляется в степи во 2-й пол. III в. и бытует вплоть до гуннского нашествия (Малашев, 2000, с. 200, 203, 207).

Группа В. Биметаллические (3 экз.).

Тип I (1 экз.). Прямоугольный.

Подтип 4. Изготовлен из нескольких узких железных пластин, согнутых пополам, крепившихся к основе ремня с помощью обжимной техники и штифтов (наборный).

Вариант D. Декор в виде полусферических бронзовых шляпок на штифтах и привесок (каплевидных). Подвариант м. Малые, длиной 4,7 см: п. 168 (табл. 152–6).

Мазунинские наборные наконечники ремней состояли из нескольких накладок, обхватывавших конец пояса, и привесок, крепившихся к ним; могли выполнятся как из медных сплавов (Останина, 1984, табл. 2, 11; 4, 12; 5, 5; 21, 16), так и из железа (она же, 1984, табл. 5, 10; она же, 1992, рис. 6, 18). Биметаллические (основа – железо, декор – бронза) наборные наконечники ремней, подобные боярскому из п. 168, известны в Тураевском I, Ижевском, Покровском, Тарасовском могильниках (Останина, 1984, табл. 4, 11; она же, 1992, рис. 11, 2; Голдина, 2003, табл. 51, 5; Голдина, Бернц, 2010, табл. 236, 4–6, 11, 12).

Тип II (2 экз.). Прямоугольные, с вогнутыми сторонами.

Подтип 2. Изготовлены из пластины, согнутой пополам, крепившейся к основе ремня с помощью обжимной техники и штифтов. Вариант В. Декор в виде полусферических бронзовых шляпок на штифтах. Подвариант к. Крупные, размеры 3,1 x 7,2–7,3 см: пп. 23A, 141 (табл. 152–4, 5).

Наконечники ремней этого типа (бронзовые и железные) характерны для мазунинских памятников. Т.И. Останиной они учтены в Ижевском, Нивском, Покровском, Старо-Кабановском, Усть-Сарапульском могильниках и датированы IV–V вв. (1997, с. 60, табл. 21, рис. 12, 5, 6; 51, 27). В Тарасовском могильнике подобные образцы появились во 2-й пол. III в., но основное время их бытования приходится на IV–V вв. (Голдина, Бернц, 2016б, с. 27, рис. 4, 35; они же, 2017а, с. 193, рис. 14, 105; они же, 2017б, с. 51, 57, рис. 7, 53; Голдина и др., 2025, с. 126–128, 133, 134). По одной из гипотез, формы поясной гарнитуры с вогнутыми боковыми сторонами могли попасть в Волго-Камье с территории Польского Поморья (шеворские, вельбарские и западнобалтские древности), где подобные типы были широко распространены на рубеже II–III вв. н. э. (Бажан, Васкул, 1988, с. 76–89). Современными исследователями отмечено, что такие элементы поясов в могильниках лесной и лесостепной зоны, от верховий рек Суры и Мокши до Среднего Прикамья, встречаются с кругом вещей, имеющих прямые аналоги в позднесарматской культуре (наборы «типа Суворово»), и датируются здесь значительно позднее, в рамках IV в. н. э. (без его последней четверти) (Малашев, Яблонский, 2008, с. 53; Гавритухин, 2022, с. 282, 286, 288, 312).

Пояса. Всего было рассмотрено 100 случаев размещения поясов в могилах Боярского некрополя (рис. 29). Тип трех образцов – пп. 54, 109А, 141 – определить не удалось. Классификация поясов выполнена по схеме А.А. Красноперова (2007а, с. 92–101).

Тип I (96 случаев). Пояс «простой» конструкции, мог иметь различную длину. Застежка, украшения средней части ремня и наконечник расположены в одну линию. Конец ремня проходит в рамку пряжки. По составу украшений и их размещению пояса типа I разделены на несколько вариантов, подварианты – по наличию крепежных элементов.

Вариант 1 (93 случая). Без накладок.

Подвариант 1а (74 случая). С пряжкой: пп. 1 (табл. 1), 7, 9 (2 экз.), 10, 11, 17, 23А, 29, 30, 33А (2 экз.), 33Б, 40 (2 экз.), 42, 43, 48, 53, 59, 61, 65 (2 экз.), 73, 78 (2 экз.), 79, 80 (2 экз.), 82, 83, 84, 89, 91, 93 (2 экз.), 94, 95, 97, 98, 104, 105, 106, 110 (2 экз.), 111, 115Б, 125, 129, 136А (2 экз.), 136Б, 138, 142 (2 экз.), 145А, 145Б, 146, 151 (2 экз.), 153 (2 экз.), 155, 158 (?), 162 (3 экз.), 163, 169 (2 экз.), 175, 176А, 182, 183.

Подвариант 1б (1 случай). С наконечником: погр. 82 (табл. 45).

Подвариант 1в (3 случая). С пряжкой и наконечником: п. 31 (табл. 14–1) – пряжка типа БVI (с сегментовидным щитком и овальной рамкой) и наконечником типа Б13 (прямоугольный, с валикообразным расширением); п. 94 – пряжка типа АII (овальнорамчатая) и наконечник типа АI1 (со скругленным краем); п. 175 – пряжка типа АII1 (овальнорамчатая) и наконечник прямоугольной (?) формы.

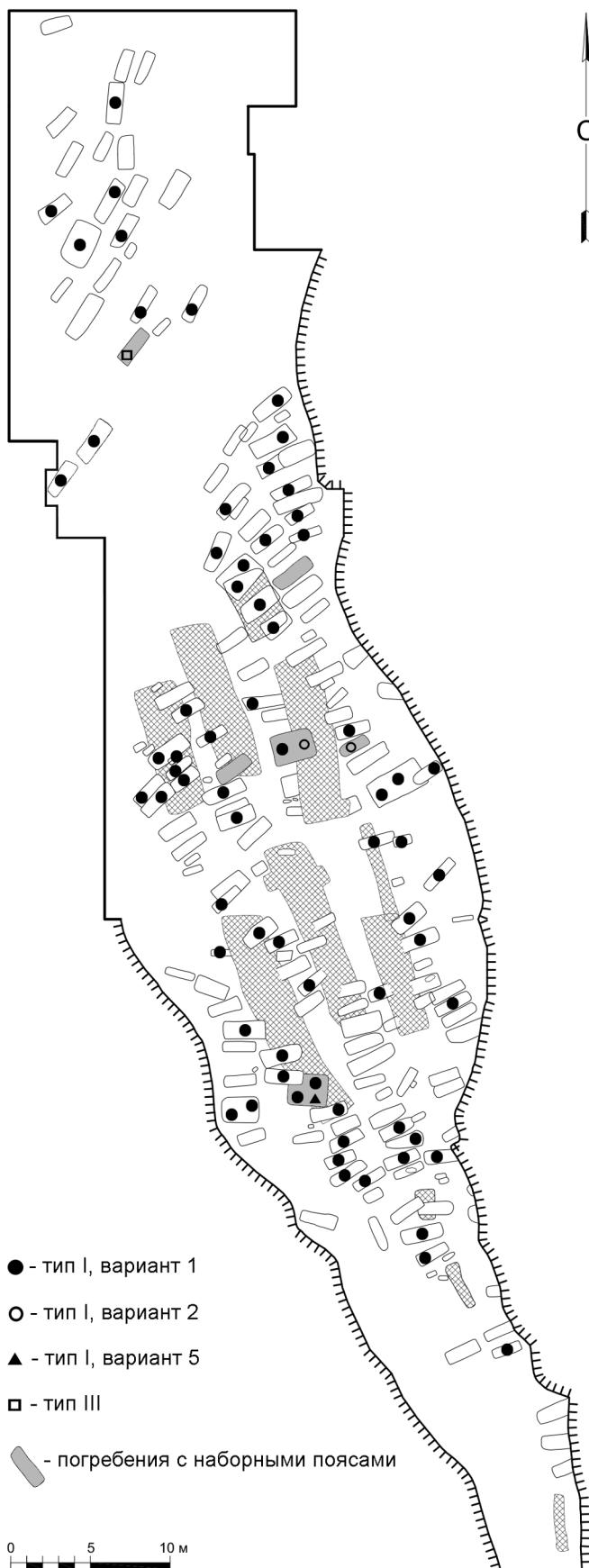

Рис. 29. Боярский «Арай» могильник. План размещения погребений с поясами

Подвариант 1г (15 случаев). При отсутствии в погребении элементов пояса (без пряжки и наконечника ремня), по наличию ножа, оселка, клинового оружия: пп. 1, 11, 22, 23Б, 76, 106, 107, 119 (табл. 73), 123, 143, 145А, 146, 157, 158, 170.

Вариант 2 (2 случая). С накладками, заполняющими всю поверхность ремня.

Подвариант 2г. Без пряжки, наконечника ремня: п. 115Д – пояс на концах имел бляхи-раковины, между ними – накладки типа Б1III1С (трапециевидные сдвоенные) (табл. 70–33, 33–1–6); в погребении 134 пояс такой же, только без блях (табл. 81–1, 1–1–5).

Вариант 5 (1 случай). С накладками, расположенными тремя группами: у пряжки, в середине пояса, между срединной группой и наконечником. Этот вариант был добавлен к схеме А.А. Красноперова.

Подвариант в. Пряжка, накладки, «пустое пространство», накладки, «пустое пространство», накладки, «пустое пространство», наконечник: погр. 23А (табл. 10–3, 3–1–22). Данный пояс характеризуется щитковой пряжкой (тип не установлен), накладками типа Б1IV1С (с овальной сдвоенной площадкой) и наконечником типа ВII2 (с вогнутыми боковыми сторонами).

Тип III (1 случай). С привесками; в расправленном состоянии имел значительную длину. Его особенность состоит в том, что к основному ремню прикреплялась дополнительная поясная привеска. В другом варианте к очень длинному ремню сзади, на середине длины, пришивался еще один. Короткий конец продевался в пряжку, длинный свободно свисал. Варианты таких поясов выделены по элементам крепления основного, а также дополнительного ремней.

Вариант 1. С одним наконечником ремня: с пряжкой типа БIV1 (с выемками по бокам щитка и крупной В-образной рамкой), накладками типа B1VII2D1

(с круглой строенной площадкой и с полусферическими шляпками на штифтах), наконечником В14 (наборный): погребение 168 (табл. 113–1, 1–1–3).

Из всех рассмотренных типов поясов и их вариантов наибольшую популярность среди боярцев имели простые ремни, фиксируемые на поясе единственной пряжкой, реже – пряжкой и (или) наконечником, либо вовсе без них (93 случая); размещались они равномерно по всей площадке памятника (рис. 29). Роскошные наборные пояса, украшенные многочисленными накладками, обнаружены в 5-ти случаях (пояс из погр. 109А сохранился плохо) и преимущественно в женских погребениях. Стилистически они, как заметил А.А. Красноперов (2007а, с. 94), распадаются на две хронологические группы, соотносимые с «ранним» и «поздним» мазунино: с фасетированными накладками (типы I2, I5) и дополнительными привесками (тип III). Первые фиксируются в центральной части некрополя, вторые – на его северной окраине (рис. 29).

В целом, для мазуинского общества такие наборные пояса, очевидно, имели особую ценность, поскольку некоторые дошедшие до нас экземпляры удивляют не только своим исполнением, но и длительным использованием в костюме, как, например, в погребении 50 Мазуинского могильника (Генинг, 1967, с. 104, рис. 3).

3.3. Оружие и орудия труда

В данную группу инвентаря вошло 8 категорий вещей: ножи, наконечники стрел, наконечники копий, крючки, шилья, пинцеты, прядлица, глиняная посуда.

Ножи. Всего классифицировано 48 ножей. Они были разделены на типы по характеру перехода от клинка к черенку, подтипы выделены по форме спинки.

Тип I (25 экз.). Ножи без выраженного или со слабо выраженным переходом от черенка к лезвию.

Подтип 1 (21 экз.). С прямой спинкой: пп. 23А, 40, 43, 65, 78, 93, 97, 106, 107, 110, 115Г, 119, 132, 136А, 145Б, 153, 182, 2137/11, 2137/15, 2137/17, 2137/29 (табл. 153–1, 3, 4).

Подтип 2 (4 экз.). С выпуклой спинкой: пп. 23Б, 145А, 151, 2137/14 (табл. 153–2, 5, 6).

Ножи подтипа 2 могут иметь архаичные черты, восходящие к раннему периоду раннего железного века: в лесной полосе они встречаются в милоградской, юхновской, зарубинецкой, днепро-двинской, дьяковской, городецкой культурах; по наблюдениям Р.С. Минасяна, процесс выпрямления спинки начался еще в первых веках нашей эры на южных окраинах лесной зоны (1980, с. 69).

Тип II (2 экз.). Ножи с уступами с обеих сторон при переходе от черенка к лезвию.

Подтип 1. С прямой спинкой: пп. 94, 162 (табл. 153–7, 8).

Тип III (14 экз.). С уступом со стороны лезвия.

Подтип 1. С прямой спинкой: пп. 1, 91, 98, 115Б (2 экз.), 136Б, 142, 143, 146, 158, 175, 183, 2137/16, 2137/41 (табл. 154–1–10).

Тип IV (7 экз.). С уступом со стороны спинки.

Подтип 1. С прямой спинкой: пп. 102, 157, 169, 170, 178, 2137/12, 2137/13 (рис. 155–1–7).

Один из ножей в Боярском могильнике имел достаточно крупные размеры (погр. 73, табл. 155–8; тип его не определен ввиду плохой сохранности предмета): общая длина изделия (вместе с костяной рукоятью) составляла не менее 30,0 см, клинка – 23,4 см. Найден в мужском погребении в области таза с левой стороны вместе с простой железной овальнорамчатой пряжкой и колчанным крючком. Всего Т.И. Останиной в мазуинских погребениях учтен 51 экз. таких крупных ножей, найденных в мужских захоронениях с предметами вооружения (мечи, копья, топоры, наконечники стрел). Использовались, очевидно, в качестве боевых и (или) охотничьих ножей (Останина, 1997, с. 68).

Обращают на себя внимание ножи с сильной сточенностью лезвия в пп. 1, 136Б, 169, 178, 183, подъемные сборы 2137/13, 2137/14 (табл. 132–16). Вероятно, они служили своему

хозяину достаточно продолжительное время. Один из ножей в погребении 115Б был сильно искривлен (табл. 154–8).

Наконечники стрел. В классификацию вошли 106 наконечников стрел. Все они разделены на группы по материалу, классы выделены по способу насада, отделы – по сечению пера, типы – по общей форме пера, подтипы – по характеру перехода от пера к черешку.

Группа А. Костяные (102 экз.).

Класс 1. Черешковые.

Отдел А. Трехгранные (82 экз.).

Тип I (42 экз.). Треугольные, или вытянуто-треугольные: пп. 22 (2 экз.), 59 (2 экз.), 72 (2 экз.), 78, 97, 98 (2 экз.), 107 (3 экз.), 111, 115А (12 экз.), 115Б (4 экз.), 119 (7 экз.), 151, 153 (1 экз.), 155, 156, 183.

Подтип 1 (15 экз.). С упором для древка при переходе в черешок: пп. 72 (2 экз.), 97, 98 (2 экз.), 107, 115А (6 экз.), 151, 155, 156 (табл. 156–1–15).

Подтип 2 (3 экз.). С шипами в основании пера (едва намечены): пп. 107 (2 экз.), 115А (1 экз.) (табл. 156–16–18).

Подтип 3 (21 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: пп. 22, 59 (2 экз.), 78, 111, 115А (5 экз.), 115Б (4 экз.), 119 (5 экз.), 153, 183 (табл. 156–19–25; 157–1–14).

Подтип 4 (3 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: погребения 22, 119 (2 экз.) (табл. 157–15–17).

Тип II (10 экз.). Листовидные: погребения 23А, 59, 63 (2 экз.), 66Б (2 экз.), 82 (2 экз.), 110, сбор 2149/55. К данному типу также можно отнести два наконечника стрел – п. 63, сбор 2149/55, – чьи черешки обломаны или находятся в плохом состоянии (табл. 157–18, 19).

Подтип 3 (5 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: пп. 23А, 59, 82 (2 экз.), 110 (табл. 157–22–26).

Подтип 4 (3 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: погребения 63, 66Б (2 экз.) (табл. 157–20, 27, 28).

Тип III (13 экз.). Иволистные: пп. 22 (6 экз.), 72, 78, 111, 115Б, 119, 146, сбор 2137/34.

Подтип 3 (5 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: пп. 22, 72, 111, 115Б, 119 (табл. 157–21, 29–32).

Подтип 4 (8 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: пп. 22 (5 экз.), 78, 146, сбор 2137/34 (табл. 158–1–8).

Тип IV (13 экз.). Ромбовидные: пп. 33Б, 40, 72, 78, 106, 107, 145Б, 146 (3 экз.), 153 (2 экз.), сбор 2149/4.

Подтип 3 (8 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: пп. 33Б, 40, 78, 107, 146 (2 экз.), 153, сбор 2149/4 (табл. 158–12–16, 20–22).

Подтип 4 (5 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: пп. 72, 106, 145Б, 146, 153 (табл. 158–10, 11, 17–19).

Тип V (1 экз.). Ромбовидные с вогнутыми краями.

Подтип 4. Без выраженного перехода от пера к черешку: п. 153 (табл. 158–9).

К отделу трехгранных наконечников стрел также относятся еще три образца из пп. 111, 145Б и 151, форма пера которых не определима (табл. 158–23–25).

Отдел В. Четырехгранные (6 экз.).

Тип I (2 экз.). Треугольные, или вытянуто-треугольные: пп. 33А, 98.

Подтип 1 (1 экз.). С упором для древка при переходе в черешок: п. 98 (табл. 159–10).

Подтип 4 (1 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: п. 33А (табл. 159–11).

Тип IV (3 экз.). Ромбовидные: пп. 22, 106, 183.

Подтип 3 (1 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: п. 183 (табл. 159–14).

Подтип 4 (2 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: погр. 22 и 106 (табл. 159–12, 13).

К отделу четырехгранных наконечников стрел относится наконечник с неопределенной формой пера из погр. 63 (табл. 159–15).

Отдел С. Трапециевидно-выемчатые (9 экз.).

Тип I (1 экз.). Треугольные, или вытянуто-треугольные.

Подтип 3. С плавным переходом от пера к черешку: п. 151 (табл. 159–1).

Тип II (1 экз.). Листовидные: п. 82 (табл. 159–2).

Тип III (1 экз.). Иволистные.

Подтип 4. Без выраженного перехода от пера к черешку: п. 72 (табл. 159–3).

Тип IV (4 экз.). Ромбовидные: пп. 78, 115А, 146, 153.

Подтип 3 (2 экз.). С плавным переходом от пера к черешку: погребения 78, 115А (табл. 159–4, 5).

Подтип 4 (2 экз.). Без выраженного перехода от пера к черешку: погребения 146, 153 (табл. 159–6, 7).

К отделу С также принадлежат два наконечника из пп. 106 и 110 с неопределенной формой пера (табл. 159–8, 9).

Отдел D. Сегментовидные (1 экз.).

Тип II. Листовидные: п. 97. Подтип 4. Без выраженного перехода от пера к черешку (табл. 159–16).

Отдел Е. Треугольно-выемчатые (2 экз.).

Тип I. Треугольные, или вытянуто-треугольные: пп. 22, 145Б.

Подтип 1. С упором для древка при переходе в черешок: п. 145Б (табл. 159–17).

Подтип 3. С плавным переходом от пера к черешку: п. 22 (табл. 159–18).

Отдел F. Круглые (1 экз.).

Тип VI. С короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой.

Подтип 4. Без выраженного перехода от пера к черешку: погр. 22 (табл. 159–19).

Отдел G. Линзовидные (1 экз.).

Тип I. Треугольные.

Подтип 2. С шипами в основании пера, которые едва намечены: погребение 110 (табл. 159–20).

Практически все типы боярских костяных наконечников стрел характерны для мазунинских колчанных наборов, традиции изготовления которых прослеживаются с ананьинско-пьяноборского времени (Останина, 1997, с. 77, 264, рис. 16, 5, 6, 10, 14; 17, 7; 18, 17, 19, 21, 22). Однако В.А. Иванов считает, что костяные черешковые стрелы типичны для караабызской культуры (69,5%), нежели для чегандинских памятников (всего 5%) (1984, с. 12, 14). Б.Б. Агеевым в могильниках пьяноборской культуры учтено 985 втульчатых и всего 63 черешковых наконечников стрел (1992, с. 45).

Боярские наконечники стрел имеют плавный или невыраженный переход от пера к черешку (73 экз.). Намного реже встречалось оформление нижней части пера в виде уступа или шипов (подтип 1, 21 экз.), что, по наблюдениям В.А. Иванова, в большей степени свойственно азелинским колчанным наборам (1984, с. 23). Уникальны для мазунино боярские стрелы с выемчатым сечением пера – отделы С и Е; подобные им ананьинские наконечники стрел были изготовлены из плюсневых костей северного оленя (Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 31, рис. 15, 16). Достаточно редкий тип наконечника стрелы круглого сечения с короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой (тип FVI4) происходит из погр. 22. Аналоги ему известны, например, в гляденовских материалах (Перескоков, 2018, с. 74, рис. 51, 93–95). Еще один наконечник ромбовидной формы с вогнутыми краями (отдел А, тип V4) из погр. 153, скорее всего, демонстрирует реминисценции более ранних ананьинских проникателей (Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 28, 125, 127, рис. 4, 9; 6, 3).

Группа Б. Железные (2 экз.).

Класс 1. Черешковые.

Отдел Г. Линзовидные.

Тип I. Двушипные, треугольные. Подтип 2. С шипами в основании пера: погр 115Б (табл. 159–21, 22).

Наконечники этого типа имеют плохую сохранность: у одного из экземпляров отсутствует шип, у другого по центру проходит едва заметное ребро. Они достаточно миниатюрные в сравнении с подобными находками из Тураевского I и Тарасовского (Голдина, 2003, с. 234, табл. 232, 5; Голдина, Бернц, 2010, с. 136, табл. 239, 8) или азелинских Ошкинского, Рождественского (Матвеев, 2012, с. 318, 319, табл. 2, 17–23; Лещинская, 2014а, с. 71, табл. 48, 20–22) могильников. Круг аналогий таким стрелам в памятниках последних веков I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. достаточно широк: это, прежде всего, памятники писеральско-андреевского круга, Кошибеевский могильник, дьяковские, а также гляденовские, постзарубинецкие, пшеворские, латенские древности (Гришаков, Зубов, 2009, с. 21, 46–47).

В коллекции имеется один бронзовый втульчатый наконечник (табл. 159–23); происходит из культурного слоя более раннего селища и с могильником не связан. Наконечник трехлопастной, с треугольной головкой и заостренными концами лопастей, втулка не доходит до середины пера (соответствует С–40, по С.В. Кузьминых; 1983, с. 108–109). Подобные экземпляры были широко распространены в колчанных наборах ранних сармат (Куриных, 2011, с. 52), не без участия которых попали в среду местных племен. В могильниках караабызской культуры на Средней Белой (Охлебининский, Шиповский, Уфимский) они определяют комплекс мужских погребений I и II хронологических групп IV–III/II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 36–40). В Среднем и Нижнем Прикамье датируются главным образом IV–III вв. до н. э. (Зуевский, Ананьевский могильники, городища Степановское, Зуевоключевское I, Ныргында I) (Чижевский, 2017, с. 205, 206, 208, рис. 9, 18).

Группа В. Яшмовидная галька (1 экз.).

Класс 1. Черешковые: п. 82 (табл. 159–24).

Представлен обломком черешковой части стрелы эпохи бронзы, покрытой сплошной двусторонней ретушью (определение к.и.н. Т.А. Цыгвинцевой). Присутствие данного предмета в погребении, скорее всего, можно объяснить его функцией апотропея. Как и прочие наконечники стрел Боярского могильника, он был найден в области таза погребенного, с левой стороны, острием к ногам.

Наконечники копий. Группы выделены по материалу, классы – по способу насада, отделы – по сечению пера, тип – по форме пера, подтипы – по пропорциям пера.

Группа А. Железные (3 экз.).

Класс 1. Втульчатые.

Отдел А. Линзовидные.

Тип I (1 экз.). С треугольным пером. Подтип 2. Удлиненное перо, отношение пера к втулке 1:1,5 – погребение 9 (табл. 160–9).

Тип II (1 экз.). С остролистным пером. Подтип 1. Короткое перо, отношение пера к втулке 1:1,75 – погребение 119 (табл. 160–10).

У данного проникателя на втулке сохранилась органическая (кожаная?) обмотка, предназначенная, вероятно, для лучшей фиксации оружия на древке. Подобный способ крепления обнаружен на наконечнике копья из погребения 228 Тарасовского могильника (Голдина, 2003, с. 95, табл. 93, 3).

Тип III (1 экз.). Ромбовидное перо. Подтип 1. Короткое перо, отношение пера к втулке 1:2,5 – погребение 162 (табл. 160–8).

Общие размеры трех наконечников копий варьируются в пределах от 14,0 до 16,4 см. По наблюдениям Т.И. Останиной, наконечники с коротким листовидным пером и длинной втулкой имеют аналогии в караабызских могильниках, где появляются под влиянием сармат еще в IV в. до н. э. (1997, с. 75, 265, рис. 19, 1). В материалах Тарасовского могильника наконечники копий с ромбической или листовидной формой пера встречены в мужских погребениях ныргындинской и мазунинской стадий; они достаточно универсальны, бытовали еще у ананьинцев, также известны в памятниках андреевско-писеральского круга, в прикамских и вятских материалах 2-ой пол. I тыс. н. э. (Голдина, Бернц, 2016а, с. 56, 58, рис. 5, 37). Кроме Боярского могильника, копья на территории Удмуртского Прикамья встречены также в Тарасовском, Дубровском, Усть-Сарапульском и Тураевском I некрополях (Арматынская, 1986, с. 45, рис. 6–16; Бернц, отчет-2009, рис. 115, 2; 228, 2–5, 7, 8; 250, 2; Голдина, Бернц, 2010, с. 82, 136; Черных, отчет-2014, рис. 70, 2; 127, 2; Голдина и др., 2015, с. 33). Известны они и в башкирской группе памятников, где составляют 3,7–11,1 (19,0%) (Останина, 1997, с. 74).

Крючки. За основу классификации крючков принята схема Т.И. Останиной (1997, с. 78–79), но в несколько измененном виде: группы выделены по материалу, типы – по способу крепления (по форме основания). Всего в классификацию вошло 12 крючков.

Группа А. Железные (11 экз.).

Тип 2 (10 экз.). С подтреугольным или овальным основанием. Конец стрежня, загнутый в петлю для подвешивания, находится с крючком в одной плоскости: пп. 60, 73, 107, 110, 115Б, 136А, 136Б, 151, 2137/30, 2137/45 (табл. 161–13, 14, 16–23). Крючки этого типа выполнены из подпрямоугольного в сечении стержня, размеры их варьируются от 4,0 до 7,4 см. У одного экземпляра из п. 145Б основание обломано, тип его не определяется (табл. 161–15).

Данные изделия сарматоведы и исследователи караабызской культуры называют колчанными в силу того, что рядом с ними часто находят остатки колчанов или наконечники стрел; они появляются на позднем этапе существования караабызской культуры и своим происхождением обязаны сарматам (Останина, 1997, с. 78–79). В Боярском могильнике крючки обнаружены вместе со стрелами только в 5 погребениях, причем на удалении друг от друга; лишь в п. 115Б они располагались рядом, в области бедер и коленей. В мазунинских могильниках на 71 погребение с колчанными крючками приходится всего лишь шесть с наконечниками стрел (там же, с. 79). Это факт наводит на мысль, что назначение таких крючков могло быть разным. Так, во всех боярских погребениях с крючками присутствовали железные ножи; в 5 случаях они располагались вместе на тазу (погр. 40, 73, 107, 136А, 136Б). В таком случае крючки могли служить и для подвешивания ножа.

Группа Б. Бронзовые (1 экз.).

К данной группе относится крючок из погр. 40, выполненный из тонкой бронзовой круглой в сечении проволоки; конец его загнут в петлю, основание обломано (табл. 161–12). Рядом с крючком в погребении были найдены фрагменты ножа. Скорее всего, назначение предмета также состояло в том, чтобы что-то скреплять или подвешивать – например, нож.

Шилья (11 экз.) в погребениях Боярского могильника сохранились плохо, большая часть находится во фрагментированном состоянии. По сечению острия (рабочей части) их можно разделить на 2 типа:

Тип I (7 экз.). Шилья с круглым сечением острия: пп. 53, 95А (2 экз.), 135, 137, 163, 177 (табл. 161–1–7).

Тип II (4 экз.). Шилья с граненым (прямоугольным) сечением острия: пп. 7, 132А, 150, 176А (табл. 161–8–11).

Черенки шильев имели круглое (п. 176А), либо прямоугольное (п. 132А) сечение. В пп. 132А, 135, 137, 150 сохранились деревянные рукояти. Шилья известны в разное

время и в разных культурах. В частности, в Волго-Камье они обнаружены на памятниках ананьинского круга (Патрушев, 2011, с. 30). Продолжали бытовать и в пьяноборское время (Агеев, 1992, с. 50, табл. 19, 5).

Боярские *пинцеты* (3 экз.) выполнены из железной (п. 151) или бронзовой (пп. 22, 107) металлической пластины, согнутой пополам таким образом, что остается круглое расширение в месте сгиба; концы расплощены в форме трапеции. По форме пинцеты однотипны (табл. 160–5–7). Однако экземпляр из п. 107, по сравнению с другими, имеет чуть более широкие и скосенные к рабочей части концы. Функциональное назначение пинцетов определяется по-разному: как предмет туалета (Останина, 1997, с. 79), и как ювелирный инструмент (Голдина, 1985, с. 63). Т.И. Останиной учтено всего 10 таких предметов (1997, с. 79). К этому списку можно добавить тарасовские (4 экз.; Голдина, 2003, табл. 23, 27; 185, 3–4; 650, 7; 665, 11; Голдина и др., 2015, с. 38) и тураевские (4 экз.; Голдина, Бернц, 2010, с. 81–82, табл. 8, 7; 53, 1–5–6; 154, 3; 173, 4) экземпляры, которые происходят из мужских (с оружием) и женских (со скоплениями вещей) захоронений. Пинцеты из Тарасово датируют 2-й половиной IV в. (Голдина, Бернц, 2017а, с. 179, рис. 11, 90). Любопытно, что в азелинском Рождественском могильнике такие изделия (всего 2 экз.) были найдены в погребениях вместе с оружием и промысловым инвентарем – рыболовным крючком, ножами, пилкой и т.д. (Старостин, 2009, с. 34, 51), в Первомайском – вместе с женскими украшениями (Лещинская, 2014а, табл. 137, 5; 138), а в Младшем Ахмыловском – с ювелирными инструментами (Никитина, 1999, с. 51–52, рис. 25, 2). В эпоху Великого переселения народов пинцеты были известны в Среднем Поволжье, на памятниках именьковской культуры, в харинских погребениях на Верхней Каме и в бассейне Сылвы (Голдина, Бернц, 2017а, с. 179), а также в гляденовской культуре (Перескоков, 2018, с. 81, табл. 66, 1–13).

Пряслица (3 экз.) одинаковы по форме – круглые. По материалу разделены на группы, типы выделены по сечению (профилю).

Группа А. Глиняные (2 экз.).

Тип I. Цилиндрические: пп. 115Б, 137 (табл. 160–3, 4), диаметром 2,7 см (погр. 137) и 3,0 см (погр. 115Б).

Группа Б. Костяное (вырезано из эпифиза; 1 экз.).

Тип II. Усечено-коническое, диаметром 2,4 см: погр. 129 (табл. 160–2).

Глиняные пряслица – нечастая находка в погребальном инвентаре мазунинцев. Помимо Мазунинского (1 экз.) и Усть-Сарапульского (3 экз.) могильников (Останина, 1997, с. 71), они известны в тарасовских погребениях III–V вв. (5 экз.; Голдина и др., 2015, с. 38, илл. 220).

Глиняная посуда. В керамической коллекции Боярского могильника имеются пять целых емкостей, происходящих из погребений 81Б, 104, 112, 118 и 154. Еще у пяти сосудов (пп. 105, 136 и подъемка из разрушенных грабителями погребений) форма восстанавливается с достаточной полнотой, позволяющей судить об их особенностях. Отдельные фрагменты стенок керамических сосудов найдены в засыпке трех погребений – 63, 148, 180. Учитывая, что в ходе раскопок могильника в северной части его территории были выявлены остатки культурного слоя и несколько объектов более раннего селища, присутствие керамики в засыпке могил можно объяснить также их случайным попаданием.

С площади могильника происходят около 200 обломков от лепных сосудов, представленных стенками и редко – верхними частями (всего 12 экз. венчиков, в том числе 9 орнаментированных). Найдены черепки связанны с межмогильным пространством (вероятно, с разрушенными погребениями), а также слоем № 6 (темно-коричневый гумусированный суглинок – культурный слой селища). Остатки культурного слоя мощностью 10–15 см были зафиксированы в восточной части раскопов VI–VII, в южных и северных квадратах раскопа VIII (аA/3–4, 3`), в раскопе IX (рис. 1Б). На площади последнего слой зафиксирован в заполнении углубленных в материк сооружений.

Морфологические особенности мазунинской керамики описаны в археологической литературе (Генинг, 1967; Иванов, Останина, 1983; Останина, 1997). Актуальная сводка сосудов из мазунинских могильников опубликована А.А. Красноперовым (2010). По мнению Т.И. Останиной, мазунинская керамика отличается заметной вариабельностью в зависимости от территории и на отдельных могильниках (1997, с. 80). Керамика Боярского могильника, напротив, выглядит достаточно гомогенной.²³

Цвет поверхности сосудов чаще всего серый, серо-коричневый или коричневый; на большинстве черепков наблюдается неравномерная цветовая гамма, обусловленная костровым обжигом; на изломе большая часть черепков имела черную окраску. В глиняном тесте заметны вкрапления речных раковин, иногда органики неясного происхождения, речного песка (мог иметь естественное происхождение). Для обычного глаза заметны признаки простого ручного заглаживания поверхности сосудов. На одном из черепков сохранился слой ангоба. Толщина стенок сосудов варьируется от 2 до 6 мм, с наибольшей частотой в интервале 3–4 мм. Учитывая характер керамической коллекции, авторы посчитали более целесообразным дать характеристику только целых форм по визуально определимым особенностям их формы и орнаментации. Все они принадлежат слабо профицированным сосудам с округлым или уплощенным дном. Размеры сосудов следующие: высота – от 3,0 до 11,2 см; диаметр по тулову составляет от 4,3 до 36–38 см, диаметр по венчику – от 4,4 до 16 см. Использование коэффициента корреляции двух показателей – общей высоты сосуда (H) и максимального расширения туловы (D_3) – позволяет выделить в выборке боярской погребальной посуды две формы: горшковидные и чашевидные (Голдина и др., 2012, с. 44). К первой группе отнесены сосуды из погр. 104 и 118 ($H>0,8D$), ко второй – все остальные, кроме сосудов из погр. 136, у которых высотные параметры не восстанавливаются.

Горшковидные формы имели слабо отогнутые низкие шейки.

Сосуд из погр. 118 (табл. 162–4) профицированный, круглодонный, с округлым туловом, имеющим максимальное расширение в средней части, с шейкой средней высоты ($\Phi_B=0,17$)²⁴, отогнутой наружу. Диаметр по венчику 13,0 см, по шейке – 11,9 см, максимальный диаметр туловы – 13,0 см, общая высота – 11,2 см. Орнаментирован сосуд по внешнему краю венчика в псевдорезной технике, косо поставленными оттисками.

Сосуд из погр. 104 (табл. 162–1) – профицированный, с уплощенным дном, невыраженным плечиком и туловом, имеющим максимальное расширение в нижней половине, шейка низкая ($\Phi_B=0,1$), отогнута наружу. Диаметр по венчику – 5,5 см, по шейке – 5,0 см, максимальный диаметр туловы – 5,0 см, общая высота – 4,3 см. Сосуд украшен ямочными вдавлениями круглой формы. Вдавления нанесены на поверхность сосуда двумя горизонтальными рядами в основании горла и в нижней трети туловы, вертикальными рядами, соединяющими горизонтальные пояски, а также в виде четырех дугообразных фестонов, образующих «фартук» в придонной части и «розетку» в виде ромба с вогнутыми сторонами – на дне.

Чашевидные формы сосудов из погребений 112 и 154 по внешним характеристикам близки описанным выше.

Сосуд из погр. 112 (табл. 162–3) с округлым туловом и уплощенным дном, имеет максимальное расширение в средней части, низкую шейку ($\Phi_B=0,13$), слегка отогнутую наружу. Диаметр по венчику 16,0 см, по шейке – 15,0 см, максимальный диаметр туловы – 16,1 см, общая высота – 11,0 см. Плоский срез венчика украшен рядом коротких вдавлений в псевдорезной технике, по плечику в той же технике двумя рядами нанесены наклонные узкие вдавления.

²³ В данном разделе приводится описание лишь керамики мазунинского времени.

²⁴ Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.

Сосуд из погр. 154 (табл. 162–5) с округлым туловом, имеющим максимальное расширение в средней части, с низкой шейкой ($\Phi\text{Б}=0,1$), слабо отогнутой наружу. Диаметр по венчику – 9,0 см, по шейке – 8,8 см, максимальный диаметр турова – 10,0 см, общая высота – 6,0 см. По внешнему краю плоского венчика нанесен ряд коротких наклонных вдавлений в псевдорезной технике.

Сосуд из погребения 81Б (табл. 162–2) имел округлое туло, уплощенное дно, низкую ($\Phi\text{Б}=0,16$) вертикальную шейку. Диаметр по венчику – 7,3 см, по шейке – 7,5 см, максимальный диаметр турова – 9,2 см, общая высота – 6,3 см. Край горла украшен «бордином» из пальцевых вдавлений.

Сосуд, происходящий из сборов с разрушенной поверхности (табл. 163–1), – самый маленький в коллекции Боярского могильника; имел округлое туло (донце отсутствовало), отогнутую наружу низкую шейку ($\Phi\text{Б}=0,13$), заостренный за счет наружного среза венчик. Венчик сосудика сильно пострадал, но можно говорить с уверенностью, что он был украшен наклонными резными вдавлениями. Диаметр по венчику 4,5 см, по шейке – 4,0 см, максимальный диаметр турова – 4,3 см, общая высота – 3,0 см.

У небольшого чашевидного сосуда из погр. 105 (табл. 163–2) венчик также практически не сохранился; представляется, что формой он напоминал сосудик из погр. 104. Туло прямое, без выпуклости, днище уплощенное. Максимальный диаметр по тулову 6,5 см, общая высота – около 4,5 см.

Еще 3 сосуда в виде неполных развалов происходят из погр. 136; два из них очень близки по форме и технике орнаментации, но все же отличаются друг от друга (табл. 163–3, 4). У первого сосуда восстановливается диаметр верхней части – 18 см, диаметр по шейке составляет 17,4 см, максимальный диаметр турова – 21 см, высота шейки – 2,2 см (табл. 163–4). Шейка, таким образом, относится к категории низких, слабо отогнутых наружу. Край горла слегка приострен за счет нанесения с внешней стороны глубокого нарезного орнамента. Второй сосуд из этого погребения имел более выраженную профилировку, отогнутую шейку высотой 3,0 см, более выпуклое плечо, заостренный изнутри венчик, украшенный широкими вдавлениями граненой палочки (?) (табл. 163–3). Третий сосуд (табл. 84–1) средних размеров (общая высота не менее 27 см), характеризуется слегка отогнутой шейкой средней высоты (4,8 см) и средней высотой плечика ($\Phi\text{Е}=0,85$); венчик его плоский, орнаментация отсутствует. Восстановляемый диаметр по тулову – 36–38 см.

Среди фрагментированных верхних частей сосудов, собранных с площади раскопов, еще на пяти сохранился орнамент в виде неглубоких ямок окружной (табл. 164–1, 2) или треугольной (табл. 164–3) формы, а также оттисков по краю венчика в псевдорезной технике (табл. 164–2, 5–7). По мнению О.А. Казанцевой, все указанные типы орнаментов характерны для памятников Среднего Прикамья 1-й пол. I тыс. н. э., но ногтевые оттиски и вдавления появляются чуть позднее ямочных – во II–V вв. (1996, с. 14). Прочие морфологические характеристики фрагментов керамики из боярской коллекции (цвет, обжиг, обработка поверхности, примесь, толщина) полностью соответствуют сосудам из погребений. Часть описанных фрагментов, очевидно, происходит из варварски разрушенных могил.

Всего в Боярском «Арай» могильнике классифицировано 25 категорий погребального инвентаря – 2919 предметов, включая бусы, – из 39 характерных для всех мазунинских памятников (Останина, 1997, с. 33). Разнообразие типов установлено для массовых категорий предметов, в частности, украшений костюма: пронизок, подвесок (и привесок), накладок, а также некоторых предметов вооружения (наконечников стрел).

Как типично мазунинские можно рассматривать височные подвески в технике навивки крупных размеров (тип 1IV3); круглопроволочные гривны из железа и бронзы, с бронзовой обмоткой (типы I1 и I2); бабочковидные фибулы (тип Останина–1, варианты 2, 3, 5); браслеты

железные круглопроволочные (тип А11), витые (тип АIV3) и пластинчатые (тип АV1); сюльгамы железные (тип 2Б1) и бронзовые (тип 1Б1); подвески (и привески) трапециевидные (тип АII1, Б1I1), «каплевидные» (типы А1III1, Б1III1) и «секировидные» (типы А1IV1, Б1IV1); различные типы накладок – накладки-обоймы с выпуклинами-полугорошинами (тип Б1I3Н), бронзовые сдвоенные поясные накладки с формой площадки в виде трапеции или овала, декорированные насечками и фасетками (типы Б1III1С, Б1IV1С), накладки-бляшки со штифтовым креплением (Б2V1А) или с тремя отверстиями для нашивания (тип Б2V4А), а также железные накладки с бронзовыми полугорошинами на штифтах и круглыми сдвоенными или строенными площадками (типы В1VI2D, В1VII2D); пронизки – спиральновитые (тип Б1I4А), железные или бронзовые цилиндрические, изготовленные из листа металла, свернутого в трубочку (тип А1I2А, Б1I2А), пронизки-уточки (тип Б1IX1D); бляхи-раковины. Поясная гарнитура (практически все типы щитковых и рамчатых пряжек, наконечников ремней) также имеет ближайшие аналогии в мазунинских могильниках. Кроме того, в некрополе представлены вещи с широкими хронологическими и географическими рамками бытования: ножи, наконечники копий, практически все типы наконечников стрел, шилья, пинцеты, пряслица.

Среди предметов Боярского могильника отмечены типы вещей, редко встречающиеся в мазунинских коллекциях. К таковым можно отнести: железные пластинчатые гривны (типы II1), фибулы Амброз-13, железные браслеты с овальным или подпрямоугольным сечением дрота и расплощенными в форме трапеции концами (типы АII2, АIII2), бронзовые треугольные подвески из блях с закругленной нижней частью (Б1I1), кольцевидные подвески с напаянными полугорошинами (тип Б1X2), трапециевидная подвеска из раковины (тип В2I1), прямоугольные железные или бронзовые с насечками поясные накладки со штифтовым креплением или креплением в виде обоймы (А1I1А, А1I2А, Б1I1В), накладка в виде восьмерки с насечками (Б1IX1В), круглая бляшка-накладка с вогнутыми вершинами (Б4V5А), пряжки с рамкой бантикообразной формы (тип АIII), железная пряжка-кольцо, обойма-зажим, наконечник ремня со скругленным краем (тип А11), железные черешковые двушипные стрелы (Б1GI2), а также некоторые типы костяных наконечников стрел (отделы С, D, E, G).

В Боярском могильнике встречены типы украшений, не имеющих аналогов в мазунино и среди близких синхронных культур: гривны железные круглопроволочная ложновитая (тип I3) и пластинчатая с ребром (тип II2; большинство аналогий в памятниках 2-й половины I тыс. н. э.), прямоугольная подвеска с расширенной нижней частью в виде лунницы (тип Б1VII3, степное влияние?), круглая подвеска с прямоугольным узким выступом (тип Б1XII1), бронзовая накладка грушевидной формы (тип Б1X6А), пронизки усеченно-конической (Б1II2В) и цилиндрической (Б1VI2В) форм с псевдовитками.

Нельзя обойти вниманием, что среди украшений (подвесок, бляшек-накладок, пронизок) имелись вещи, характерные для раннечегандинского времени: лапчатые подвески (тип Б1XI2), подвеска-колокольчик (тип Б3VIII2), обувная накладка с декором в виде выпуклин-полугорошин и шнура (Б1I5F), ажурные накладки (Б1II4Е, Б1VIII4G), бляшки-накладки (типы Б1V5А, Б1V6А, Б2V5Н, Б3V5А), литые пронизки-«бусы» (Б1I1), округлые со вздутием (Б1IV1), с открытой половиной и припаянными перекладинами – одинарные или сдвоенные («полуцилиндрики»: типы Б1VI5А, Б1VI6В, Б1VII5А, Б1VII6А, Б1VIII5А) пронизки, бронзовые бляхи, застежка с неподвижным крючком.

В целом, комплекс вещей некрополя традиционен для мазунинских памятников, но имеет свои особенные черты. Наибольшее разнообразие в нем обнаруживают местные типы женских украшений, которые выделяются также и в количественном отношении. Немногочисленные типы оружия и поясной гарнитуры в мужских наборах маловыразительны; некоторые типы имеют широкие хронологические и географические рамки бытования.

ГЛАВА 4. ДАТИРОВКА И ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА

Несмотря на некоторое своеобразие, Боярский «Арай» могильник, в целом, укладывается в мазунинские погребальные «стандарты». Однако хронологическая атрибуция комплексов некрополя, отражающая процесс его функционирования, вызвала некоторые затруднения. Одна из причин – разграбление центральной части могильника черными копателями, которая, судя по подъемному материалу и оставшимся нетронутым погребениям, была наиболее информативной с точки зрения хронологии. Во-вторых, погребальный инвентарь боярцев, на фоне других мазунинских некрополей, отличается определенной скучностью – зафиксирован всего у 60,4% костяков. Состав комплексов маловыразителен и представлен, в основном, местными категориями вещей (см.: глава 2, раздел 2.3, глава 3). Из них наиболее значимыми для хронологии могильника являются такие типы украшений, как бабочковидные фибулы, а также некоторые типы пряжек, поясных накладок, гринен, височные подвески мазунинского типа и т.д., преимущественно из состава женского погребального инвентаря. Таким образом, выводы, касающиеся датировки некрополя, основываются, прежде всего, на материале женских погребений.

По-прежнему в плоскости научных дискуссий остаются общие проблемы хронологии мазунинской культуры (Красноперов, 2007б, с. 265–275; он же, 2018а, с. 56–60; он же, 2020а, с. 435–437; он же, 2022, с. 274; он же, 2023, с. 243; Гавритухин, 2022, с. 273 и др.). И если относительная хронологическая шкала типов вещей, в целом, прошла проверку временем (Останина, 1997, с. 103–116, рис. 51), апробирована в целом ряде публикаций материалов мазунинских могильников (Голдина, Бернц, 2010; они же 2016б, 2017а, 2017б; Голдина и др., 2025) или отдельных категорий мазунинского костюма (Сабирова, 2019), то абсолютная хронология культуры пока лишь намечена в ряде исследований (Красноперов, 2020а; он же, 2022; он же, 2023; см. его статьи по различным мазунинским категориям вещей; Гавритухин, 2022, с. 273–281). Но эта работа еще далека от своего логического завершения.

Предварительные датировки боярских комплексов ранее уже звучали в печати (Черных, Хайруллина, 2018, с. 93–94, рис. 1, 10; Хайруллина, 2019, с. 114–116). Общие временные рамки существования некрополя были определены нами в границах IV в. н. э. Имеющиеся для 5-ти боярских погребений абсолютные радиоуглеродные даты (рис. 30) указывают на III–IV вв. (с вероятностью 62,1–68,2%), с возможным «выходом» в V в. н.э. По мнению И.О. Гавритухина, детально проанализировавшего поясную гарнитуру и фибульный материал мазунино, прекращение функционирования Боярского, как и Покровского, Ижевского, Усть-Сарапульского, Мазунинского и Дубровского могильников, определяется концом 3-й или началом 4-й четверти IV в. (2022, с. 277, 281).

Хронологически показательными в Боярском «Арай» могильнике можно считать всего 35 погребений. Решение проблемы их датировок видится в привлечении аналогичных материалов из других мазунинских некрополей с датирующими находками.²⁵ Связующими категориями инвентаря выступили *бабочковидные фибулы*, потенциал которых давно подмечен исследователями (Останина, 1983; она же, 1997; Голдина, Бернц, 2017б; Сабирова, 2019), а также *элементы поясной гарнитуры*, имеющие параллели в инокультурной (в первую очередь, позднесарматской) среде (Малашев, 2000). Количество комплектов, которые соединяли бы в себе местные и импортные типы вещей, ограничено: всего 48 случаев. Они, в свою очередь, были «разбавлены» погребениями с характерным для мазунино (и представительным в количественном отношении) набором погребального инвентаря: элементы поясной и обувной гарнитуры, головных уборов, шейных украшений.

²⁵ Создание еще одной общей хронологии мазунинской культуры не входит в круг основных задач настоящей монографии. Авторами сделана попытка вписать жизнь одной локальной общины в хронологическую шкалу мазунино, но не более того.

Вещи из коллективных захоронений рассматривались как один закрытый комплекс. В итоге, в корреляционную таблицу (рис. 31) вошло **105 наборов** (из них 9 – собственно боярские), отражающих, в первую очередь, хронологический срез локальной группы мазунинского общества правобережья Средней Камы, преимущественно женщин с фибулами в погребальном инвентаре. В качестве иллюстрации «дожития» отдельных типов в таблицу также включен ряд предметов из могильников башкирского варианта «мазунино» – Юgomашевского и Старо-Кабановского (всего 9). Условно выделены «ранняя», «поздняя» и «переходная» группы женских погребений. Завершал хронологизацию Боярского «Арай» могильника планиграфический анализ, позволивший визуализировать полученные группы на погребальном поле могильника и, тем самым, проследить процесс его заполнения (рис. 35).

В числе «ранних» погребений Боярского могильника выделяется могила № 132, в которой обнаружена бронзовая фибула типа Амброз 13–1 (Амброз, 1966, с. 46; Сабирова, 2019, с. 24, 68, рис. 34–2) с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и плавным изгибом спинки листовидной (?) формы, декорированной по центру вертикальным валиком, а по бокам от него – полуторошинами, окруженными точками; приемное устройство чинено (табл. 165, № 1). В комплекте вместе с ней встречена височная подвеска мазунинского типа (табл. 166, № 54; подтип III2a: из двух бронзовых дротов в технике навивки, по диаметру кольца – средняя). Практически точная копия боярской фибулы имеется в погребении 719 Тарасово (табл. 165, № 1) с височными подвесками мазунинского типа из простого бронзового дрота, загнутого в кольцо (табл. 166, № 54), бронзовыми поясными накладками типа Останина–1 (табл. 165, № 5; сдвоенные прямоугольные фасетированные с частыми надписями; Останина, 1997, с. 57–58, рис. 11, 15) и накладкой из раковины (табл. 165, № 6; Голдина, 2003, табл. 308, 1–1, 1–3, 2–16, 17). По характеру декора обе фибулы приближены к ранним бабочковидным образцам (табл. 165, № 3);

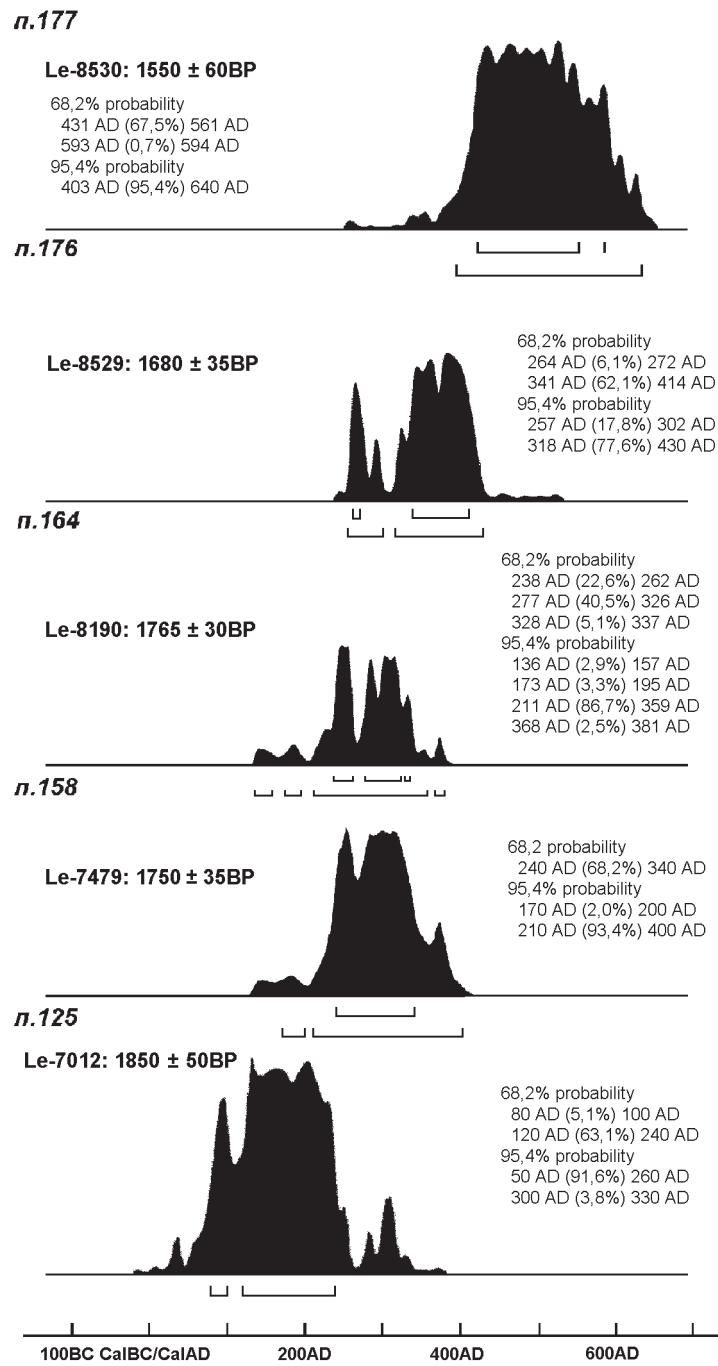

Рис. 30. Абсолютные даты Боярского «Арай» могильника (аналитик, д. г.-м. н. М.А. Кулькова)

Рисунок 30 демонстрирует абсолютные даты для находок из Боярского «Арай» могильника. На каждом из шести графиков (Le-125, Le-7012, Le-7479, Le-8190, Le-8529, Le-8530) изображены вероятностные плотности распределения дат. Каждый график имеет собственный номер и обозначение даты в формате 1550 ± 60 или 1680 ± 35 лет до/после Рождества Христова (BP). Видны основные пиковые значения и соответствующие им概率 (%). Ниже каждого графика приведены списки конкретных дат с их процентной вероятностью.

Рис. 31. Корреляционная схема мазунинских типов вещей (женских погребений с фибулами-застежками)

- ячейки с выделенными хроноиндикаторами

форма их щитков, по-видимому, занимает промежуточное положение между застежками с круглыми и ромбическими спинками, которые встречаются как в мазунинских, так и в позднесарматских комплексах Южного Приуралья (первые распространены в лесной зоне, вторые – в степной, где датируются сер. – 2-й пол. III / нач. IV (?) вв.; Мошкова, 2000, с. 190, 191, рис. 4; Малашев, Яблонский, 2008, с. 61–62; Кривошеев, Малашев, 2016, с. 141).

Схожий инвентарь происходит из Мазунинского (№№ 40, 47) и Тарасовского (№№ 14, 52, 69, 92, 132, 306, 307, 312, 569, 736) могильников в погребениях с фибулами Амброз–13 (варианты 7 и 8), спинки которых разнообразны: округлые, ромбические, треугольные..., плавных очертаний и с т. н. «коленом» (рис. 31, табл. 165, № 1). Яркими хроноиндикаторами в данной группе выступают: крупная одночленная фибула, повторяющая схему лучковых, с широкой раскованной орнаментированной ножкой (табл. 165, № 8; п. 52 Тарасовского могильника), датируемая В.Ю. Малашевым сер. – 2-й пол. III в. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 62, 63), трехсоставные пряжки из пп. 92(?)²⁶ и 307 с овальными рамками, имеющими огранку и украшенными частыми надписями, прямоугольными зауженными в середине фасетированными щитками с такими же надписями и короткими язычками с низкими фасетированными прямоугольными выступами-площадками (табл. 165, № 9). По В.Ю. Малашеву, они не выходят за рамки 2-й пол. III в. н. э. (2000, с. 209; Малашев, Яблонский, 2008, с. 55).²⁷ Данные экземпляры пряжек, по мнению И.О. Гавритухина, возможно, отражают процесс формирования новой линии поясной гарнитуры «типа Суворово» в лесной полосе Восточной Европы (от верховий Суры и Мокши до Среднего Прикамья), сложившейся в результате творческой переработки элементов позднесарматской материальной культуры; начало ему было положено в кон. III в. н. э. или в первых десятилетиях IV в. (?) (2022, с. 284, 286, 288, 312). Близкие наборы на Вятке отнесены Н.А. Лещинской к III в. (2014а, табл. 85, 18, 19, 22, 23). В схеме рязано-окских древностей они датируются кон. III – нач. IV вв. (Белоцерковская, 2007, с. 199, 200, рис. 9, 19). Еще одна пряжка из погр. 14 Тарасово (табл. 165, № 7) близка экземпляру из кургана 43 могильника Покровка–10 (с окружной и расширенной в передней части рамкой, прогнутым в середине язычком без уступа и трапециевидным гладким щитком со скругленной задней частью, украшенной надписями²⁸); датируется III в. н. э., возможно, «без самого финала столетия» (Малашев, Яблонский, 2008, с. 52, рис. 203, 5). Встречаются в этих погребениях накладки круглой формы с частыми надписями (табл. 165, № 4; Останина–5; Останина, 1997, с. 59, рис. 11, 34) и наборные наконечники ремней из цветных металлов (табл. 165, № 13; там же, рис. 12, 15, 30), ножны типа Останина–3–1 (табл. 165, № 11; там же, с. 70, рис. 15, 17) и так далее.

²⁶ Пряжки из этого погребения осмотрены в фондах МБУК «Сарапульский музей-заповедник» (шифр 1029/1402–1405, 1406–1408): язычки их были железные и практически не сохранились, рамки овальные, имеют огранку, а на лицевой поверхности щитков, в отличие от старой прорисовки (Голдина, 2003, табл. 32, 7, 8), по краю нанесены частые надпилы.

²⁷ Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь со вставкой из голубой эмали и двумя треугольными выступами у шарнира и приемника из погр. 307 Тарасово (табл. 165, № 10; Голдина, 2003, табл. 135, 1–25) имеет плохую сохранность. Прямых аналогий ей не обнаружено; комплекс погребения датирован Н.А. Лещинской и Т.М. Сабировой 2-й пол. III в. (Лещинская, 2010, с. 137; Сабирова, 2019, с. 40). Возможно, она была близка сериям круглых фибул типа 27b2 с приподнятой центральной частью (№№ 1923–1929), происходивших из мастерских Восточной Галлии или Рейнской области и датируемых 2-й пол. II – нач. III в. (Feugère, 1985, р. 369–371). В этой связи заслуживает внимание наблюдение М.Ю. Трейстера над другими типами фибул-брюш (в технике миллефиори), найденных в погребениях поздних сармат Урала и Западного Казахстана: из всех категорий римского импорта они наиболее близки к дате совершения погребений (определяются 2-й пол. II – нач. III в.) – вероятно, являлись частью посмертного инвентаря своих первых и последних владельцев (Трейстер, 2016, с. 350). Тарасовская брошь определенно попала в мазунинскую среду через посредников, но, судя по составу погребального инвентаря, вряд ли могла использоваться несколько поколений.

²⁸ Выявлены после реставрации пряжки в 1990-х гг. (фонды МБУК «Сарапульский музей-заповедник»).

Таким образом, нижняя хронологическая граница «ранней» группы мазунинских погребений, маркируемая фибулами Амброз–13, в числе которых представлен комплекс погребения 132 Боярского могильника, может быть датирована временем, близким к середине – второй половине III в. н. э. Схожие наблюдения над мазунинским материалом уже озвучивались в публикациях (Останина, 1997, рис. 51, 67–74; Красноперов, 2007б, с. 267; Голдина, Бернц, 2017б, с. 49–55, рис. 2; 3; Красноперов, 2022, с. 274, 275, рис. 3; Голдина и др., 2025, с. 127–129).

Вместе с фибулами Амброз–13 и кругом охарактеризованных вещей появляются местные «бабочковидные» образцы застежек Останина–1–1 (рис. 31, табл. 165, № 3) и Останина–1–2 (рис. 31, табл. 166, № 2) (Останина, 1997, с. 42, 43, рис. 6, 1–5). Последние определенно возникают позднее самых ранних типов фибул, о чем свидетельствуют некоторые наблюдения над мазунинским материалом (рис. 31). Во-первых, самое очевидное – уходит поколение фибул Амброз–13, которое замещается местными бабочковидными образцами с устоявшимся декором: вместе с застежками типа Останина–1–2 встречаены пока лишь в Зaborынском (№ 30) и Тарасовском (№ 27²⁹) могильниках; причем обе ранние застежки сломаны. Во-вторых, можно говорить о дальнейшем развитии элементов поясной и обувной гарнитуры. Так, наравне с накладками типа Останина–1 (табл. 165, № 5) начинают встречаться их фасетированные аналоги без частых надпилов (табл. 166, № 14). Этот тип и новые образцы поясной гарнитуры (табл. 166, №№ 12, 31, 34; табл. 167, № 52), аналогичные поясным наборам «типа Суворово» 1-й пол. – сер. / 3-й четв. IV в. (Гавритухин, 2022, с. 282, 284, 286, 288, 312), впоследствии станут характерными для периода «позднего» мазунино. Пока же, для данного этапа, типичными остаются такие («ранние») украшения, как, например, умбоновидные бляшки-наладки (табл. 166, № 48; Останина, 1997, с. 40, рис. 4, 18, 19), чаще встречающиеся в поясных наборах вместе с бляхами-раковинами и накладками типа Останина–1, а также височные подвески мазунинского типа, выполненные из бронзовой проволоки (табл. 166, № 54). Еще редки находки пластинчатых (табл. 166, № 29) и круглопроволочных (табл. 166, № 49) шейных гривен, литых (?) пронизок-колечек с ребром (табл. 166, № 50а), железных наборных наконечников ремней (табл. 166, № 51), а также предметов кольчужного плетения (табл. 166, № 53; Хайруллина, 2021, с. 314–324), которые обретут популярность в женском костюме следующих поколений мазунинцев (рис. 31).

Абсолютная датировка комплексов с фибулами Останина–1–2 остается на сегодняшний день трудновыполнимой задачей ввиду отсутствия надежных хроноиндикаторов. Нижняя хронологическая граница их бытования, скорее всего, приближена к дате застежек Амброз–13, но определяется временем несколько более поздним по отношению к ним. Крайний случай использования фибул типа Останина–1–2 зафиксирован, вероятно, в коллективном погребении 15 Усть-Сарапульского могильника, где вместе с такой застежкой (костяк Г) обнаружена бронзовая пряжка (костяк В, табл. 168, № 42), аналогичная позднесарматским образцам типа П10 (с овальным щитком и язычком с высоким уступом у основания сзади, охватывающим рамку до середины ее сечения); последние бытовали в степи со 2-й четв. IV в. по сер. / 3-ю четв. этого столетия (Малашев, 2000, с. 196, 202, 203, 205, 206). У костяка Б из этой же могилы встречены накладки (или фрагменты наконечников ремней?) с секировидным расширением типа Н8 (Водолаго, отчет-1983, рис. 40–3; Малашев, 2000, с. 210). В целом, состав комплекса погр. 15 Усть-Сарапульского

²⁹ При просмотре тарасовской коллекции в фондах МБУК «Сарапульский музей-заповедник» «перстень» из данного погребения (шифр 1029/7048; Голдина, 2003, табл. 11, 1–8) оказался сломанным щитком фибулы Амброз–13 овальной формы (табл. 165, № 1–а). Внешняя сторона его заглажена (табл. 165, № 1–б), но внутри сохранился своеобразный узор из точечных вдавлений в виде рядов мелких и крупных точек. Размеры щитка: 3,0 x 2,3 см. В этом же комплексе вместо железной гривны (там же, табл. 11, 1–11) имеется разомкнутый пластинчатый браслет (шифр 1029/7125).

могильника близок скорее к «позднему» мазунию, тогда 2-я четв. / сер. IV в. – это предел использования вещей из «раннемазунинского» женского убora. В этой связи, **общие границы «ранней» группы мазунинских женских погребений, обозначенной фибулами Амброз–13, Останина–1–1 и 1–2, определяются 2-й пол. III – нач. IV вв. н. э.**

В раннюю хронологическую группу, помимо погребения 132, вошли также комплексы захоронений №№ 102, 115 и 134 Боярского могильника с фибулами Останина–1–2³⁰.

Краннему этапу существования некрополя, скорее всего, относится мужское погребение 119 (табл. 73), в погребальном инвентаре которого обнаружены костяные наконечники стрел, аналогичные образцам из мужских захоронений А и Б погребения 115: черешковые трехгранные, вытянуто-треугольной или иволистной формы, с плавным переходом от пера к черешку (типы А1А1З, А1А1П3). В комплекте также встречены железный наконечник копья с остролистным пером и бронзовая подвеска с близким к секировидному расширением в нижней части, декорированная фасетками и прочерченными линиями. В степи на наконечниках-подвесках такое расширение появляется со 2-й четв. IV в. (Малашев, 2000, с. 202, 206), но в мазунию оно известно и в «ранних» поясных наборах вместе с фибулами Амброз–13 (Голдина, 2003, табл. 18, 44–3, 19, 5, 132, 1–5).

Еще один «ранний» предмет – овальнорамчатая пряжка из цветного сплава – обнаружен в мужском погребении 175 (табл. 120–1): рамка ее имеет огранку и слабовыраженное утолщение в передней части; язычок короткий, прогнутый, без уступа. По степным аналогиям должна датироваться до сер. III в. (Малашев, 2000, с. 209). Подобные пряжки встречаются на протяжении всего периода существования мазунинской культуры (рис. 31, № 46). На некоторых из них, как, например, на пряжке из Усть-Сарапулки 1 (табл. 167, № 46; Арматынская, 1986, рис. 3, 12), имеется фасетировка язычка, известная на позднесарматских пряжках первой пол. III в. (Малашев, 2000, с. 209, рис. 2).

По находкам раннечегандинских вещей к «раннему» мазунию, с большей или меньшей степенью вероятности, можно отнести два детских костяка:

- погребение 90, с бронзовой пронизкой со «вздутием» (табл. 50–1). Такие известны в Ныргындинском I (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 185, 42–50, 53–63) и Ангасякском (Васюткин, 1980, табл. 5, 1) могильниках.
- погребение 123 с застежкой с неподвижным крючком (табл. 74–1) типа Агеев–6 (Агеев, 1992, с. 41, табл. 11, 25, 26).

Согласно радиоуглеродным измерениям (рис. 30) к ранним захоронениям Боярского могильника могут принадлежать еще три погребения (№№ 125, 158, 164), для которых имеются вероятные даты в рамках III – 1–2 четв. IV вв. Инвентарь их невзрачен: бронзовое кольцо-распределитель, нож, пряжка (?).

Комплексы со следующим типом фибул – **Останина–1–3** (табл. 167, № 15³¹; Останина, 1997, с. 43, рис. 6, 6) – занимают, судя по составу погребального инвентаря (рис. 31), **промежуточное положение** между застежками типа Останина–1–2 и «поздними» – типа Останина–1–4 (табл. 168, № 17), 1–5 (табл. 169, № 18), «сайгатского» типа (табл. 169, №№ 19 и 20) (там же, с. 43, 44, рис. 5, 5, 6, 10; 6, 7, 8). Появились они, вероятно, в finale бытования застежек Останина 1–2 (о чем свидетельствуют «ранние» типы вещей – табл. 165, №№ 6, 13, табл. 166, №№ 12, 14), хотя основной период использования приходится все же на «позднее»

³⁰ В коллекции могильника имеются две фибулы этого типа, происходящие из грабительских траншей. Поэтому еще как минимум два разрушенных погребения Боярки можно отнести к раннему периоду заполнения некрополя.

³¹ Фибула из погр. 220 Покровского могильника (Останина, отчет-1982, табл. XXVI, 2) отнесена к типу Останина–1–3 условно: имеет округлый щиток (9,6 x 8,7 см), среднее поле которого украшено 2-мя полугорошинами и 4-мя полусферическими шляпками-полугорошинами; поля украшены 7-ю рядами мелких круглых выпуклин.

мазунино. В комплексах с ними зафиксированы «восьмерковидные» подвески (табл. 167, №22; там же, с. 51, рис. 38, 11), пронизки-обоймы с рядом полугорошин от головных лент (табл. 167, № 23; там же, с. 48, рис. 5, 24, 25), полусферические бляшки-накладки с 2–3 отверстиями (также от головных уборов – табл. 167, № 25; там же, с. 41, рис. 4, 22), железные круглопроволочные грифны с бронзовой обмоткой (табл. 167, № 26; там же, с. 38, рис. 33, 1), ножны типа Останина–3–2 (табл. 167, № 24; там же, с. 70, рис. 16, 2), железные пластинчатые грифны (табл. 166, № 29), различные типы поясных накладок – табл. 166, №№ 31, 34, табл. 167, № 32. Единственная пряжка из цветного сплава, позволяющая выйти на дату, происходит из погребения 63 Мазунинского могильника (табл. 167, № 16): рамка ее округло-овальной формы, гладкая, с расширением в передней части, щиток фасетирован (частые надпилины на нем уже не прослежены; там же, рис. 14, 25), подтрапециевидной формы с круглым расширением на конце, язычок как у позднесарматских пряжек П8 (короткий, слабо прогнутый, с низким уступом сзади – типичен для периода со 2-й пол. III в. – по первую треть IV в.) (Малашев, 2000, с. 196, 200–202, 205–207, 209, рис. 2). Близкий пряжке из погребения 63 Мазунинского могильника образец из азелинского погребения 171 Рождественского могильника (Старостин, 2009, с. 115, рис. 29А) отнесен И.О. Гавритухиным к III в. н. э. (2022, с. 284, 285, рис. 5, 32). В целом, пряжки с такой формой щитка характерны больше для азелинского набора «типа Суворово» на начальном этапе его распространения (первые десятилетия IV в.) (Гавритухин, 2022, с. 284, 286, 288).

К обозначенной «переходной» группе погребений отнесено также погребение 42 Боярского могильника (табл. 19–21) с фибулой типа Останина–1–3 (центральное поле у нее отсутствует – следствие сохранности или сильного износа?), но состав комплекса ближе все-таки позднемазунинскому женскому убору.

«*Позднее* мазунино» как хронологический этап систематизирован в корреляционной схеме (рис. 31), в первую очередь, по поясной гарнитуре, имеющей позднесарматские аналоги. Это пряжки П8 (табл. 168, № 41), П8/П9 (табл. 168, № 40а), П9 (табл. 168, №40б), П9/П10 (табл. 168, № 40в), П10 (табл. 168, №№ 42, 43) и П11 (табл. 168, №44) с наконечниками Н10 (Малашев, 2000, с. 196, 197), в одних комплексах с которыми встречены крупные фибулы из цветных сплавов типа Останина–1–4 (табл. 168, № 17), биметаллические Останина–1–5 (табл. 169, № 18) и Останина–2 (т. н. «сайгатского» типа, табл. 169, №№ 19 и 20) (Останина, 1997, с. 43–45, рис. 5, 5, 6, 10; 6, 7, 8; Сабирова, 2019, с. 22, рис. 18–29). У некоторых пряжек, близких типу П9 (табл. 168, № 40б, с овальными или полуовальными щитками), уступ едва намечен (как правило, выделен фасетировкой: Покровское 109Б, 247, Тарасово 374, 429, 1693, 1721); язычок других отличается своей массивностью (табл. 168, № 40в, между типами П9 и П10, имеет рельефный выступ в виде широкой квадратной, иногда фасетированной площадки, например: Тарасово 157, 193, 402, 1762, Покровское 149). Эти особенности могут объясняться хронологическими причинами, но для подтверждения данного предположения необходимы дополнительные исследования.

Отдельно от пряжек П9, или в комплексах вместе с ними, найдены пряжки типа П8 с прямоугольными щитками и низкими уступами на язычках (табл. 168, № 41, например: Покровское 7, 109Г³², Тарасово 1762), а также с более массивными язычками, охватывающими рамку до середины ее сечения, и высокими уступами / рельефными выступами (блики типу П10, среди них – «миниатюрные» рамчатые (табл. 168, № 43) и с полуовальными / некоторые с трапециевидными или треугольными щитками, табл. 168, № 42). Комплексы с описанной поясной гарнитурой и различными типами местных фибул практически ничем не отличаются друг от друга (рис. 31); помимо вещей, перечисленных выше (табл. 166, №№ 29, 31, 34, 48, 49,

³² И.О. Гавритухиным этот экземпляр (2022, с. 275, рис. 3, 46) отнесен к ранним типам позднесарматских пряжек П4, но на месте уступа язычка явно присутствует фасетировка, как на прорисовке Т.И. Останиной (1992, рис. 19, 12).

506, 51, 53; табл. 167, №№ 22–26, 52), с ними обнаружены: зооморфные пронизки-медведи (табл. 169, № 27), бронзовые с ромбическим сечением дрота (табл. 168, № 28) и пластинчатые гривны с геометрическим орнаментом (табл. 169, № 30), различные типы поясных накладок (табл. 167, № 32; 169, №№ 33, 35–39). Судя по немногочисленным «поздним» пряжкам типа П10, эти мазунинские наборы, вероятнее всего, могли сформироваться в начальный период распространения данного типа поясной гарнитуры в степи, то есть **после 2-й четв. IV в.** (Малашев, 2000, с. 202, 206; Гавритухин, 2022, с. 275).

Не противоречит этой датировке позднемазунинский комплекс погребения 125 Покровского могильника с перекладчатой (Т-образной) фибулой финальной стадии развития украшений с выемчатыми эмалями (рис. 31, табл. 168, № 21), относимой ко 2-й пол. III – IV вв. н.э. (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 114–116, 120–124), и пряжкой типа П9 (табл. 168, № 40б). Дату набора, как и погребения 234 с такой же застежкой³³, можно скорректировать по находке бронзовой гривны из трех массивных перевитых проволок с окончаниями в виде петель – относительно редким, но достаточно ярким атрибутом убора восточноевропейских эмалей (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 82–85, рис. 8, 9, 94; см. там же литературу), – найденной в этом же могильнике (Останина, отчет-1980, табл. II, 1). Происходит украшение из разрушенного траншеей погребения (сбор с поверхности), которое, очевидно, располагалось в центральной части могильника (Останина, отчет-1980, л. 3, рис. 1)³⁴ – возможно, рядом с погребениями 125 и 234 (Останина, 1992, рис. 2). Ареал распространения таких гривен занимает территорию Среднего Поднепровья, Подесенья и Поочья; причем большинство находок обнаружено в кладах (Межигорский, Брянский, Мошинский, Глажевский). Прототипы украшений исследователи видят в культурах западнобалтского круга и в культуре Таранд, где они бытуют со II по IV-й (главным образом его первые десятилетия) вв. (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 82–85, рис. 65). Для нас важно, что самые близкие к мазунино находки витых гривен происходят из рязано-окских могильников: Кузьминское 69³⁵ и Кораблино I погр. 1 (датировано 2–3 четв. IV в.) (Ахмедов, 2007, с. 142–144, рис. 12; Ахмедов, 2018, с. 148; Ахмедов, Белоцерковская, 2019, с. 139–141). Вероятно, чуть позднее такая гривна (вместе с Т-образными фибулами³⁶) появилась на Средней Каме,

³³ Комплекс его менее выразителен и содержит местные типы вещей не лучшей сохранности: биметаллические височные подвески, ожерелье из бус и спиральновитых пронизок, бронзовая поясная накладка (тип не определен), железные нож и шило, пояс с железными пряжкой и наконечником ремня с бронзовыми (?) накладками (типы не определимы), тесьма и веревочка (Останина, отчет-1982, с. 36, табл. XXXVIII, 1–10).

³⁴ Из научного отчета Т.И. Останиной (отчет-1980, л. 3, 4, рис. 1, табл. I, II) следует, что до раскопок 1980 г. на площади могильника в течение двух лет добывалась глина для хозяйственных нужд местного совхоза: разрушению подверглась неисследованная южная часть мыса (судя по плану, углублена старая траншея). Обнажившиеся ямы с человеческими костями были разграблены местными жителями; у грабительских вкопов собрана большая коллекция предметов, в том числе и витая гривна.

³⁵ Судя по поясному набору «типа Суворово», с зооморфными язычками пряжек и с круглым расширением щитка, наконечниками Н5 (Спицын, 1901, табл. XXII, 9, 11, 15), это погребение не должно выходить за рамки 4-й четв. IV – начала V вв. (Гавритухин, 2022, с. 277, 286, 288, 291). Первоначально комплекс погр. 69 был отнесен И.В. Белоцерковской к периоду 2а (кон. III – перв. пол. IV вв.) (2007, с. 193, 199, 200, рис. 8, 14), позднее датирован 2-й пол. – кон. IV в. (2012, с. 56), в последних работах омоложен до кон. IV – нач. V вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 2019, с. 139–141). Хотя исследовательницей особо подчеркивается «архаичность» убора из данного погребения (Белоцерковская, 2012, с. 68, 69).

³⁶ Сочетание на одном могильнике такой достаточно редкой и статусной вещи убора восточноевропейских эмалей, как витая гривна с концами в тройную петлю (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 82, 84) и поздних Т-образных перекладчатых фибул (местного, средне-волжского происхождения (?); Ахмедов, 2018, с. 157, 158), выглядит довольно необычным, но явно неслучайным. Выпадение гривен в кладах фиксируется раньше – сер. III в. (Брянский, Мошинский), – где они встречаются преимущественно с украшениями средней стадии развития восточноевропейских эмалей, но в начале использования их дериватов (Обломский, 2018, с. 130, 243, 247, 248). В этой связи, могла ли верхняя хронологическая граница дериватов Т-образных фибул в Прикамье датироваться кон. IV в. или выходить за рамки этого столетия – большой вопрос.

в ареале мазунинской культуры; косвенно об этом свидетельствует близость формы пряжек из погребений 109В (с зооморфным язычком) и 125 Покровского могильника, первая из которых обнаружена в одном захоронении вместе с пряжкой П10 (погр. 109Г) (Гавритухин, 2022, с. 275, 277, рис. 3, 38, 40, 42).

Для уточнения датировки позднемазунинского женского убора важен комплекс захоронения № 107 Старо-Кабановского могильника с бабочковидной фибулой Останина-1–5, состав которого недавно уточнен А.А. Красноперовым (2021, с. 203, рис. 6). Сильно профилированная фибула Амброз 11-II-3 в нем скомпрометирована: в научном отчете и в коллекции вместо нее имеется другая застежка – двуяченная прогнутая подвязная с ленточным корпусом, загнутым в кольцо для крепления оси пружины, и расширенной ножкой, южные варианты которых датируются не ранее 2–3 четв. IV в. (табл. 169, № 45; Гавритухин и др., 2019, с. 177–179; Гавритухин, 2022, с. 273). Если действительно именно сильно профилированная застежка являлась частью погребального набора (обнаружена в жертвенном комплексе (Васюткин, Останина, 1986, с. 89) и первоначально вполне могла «затеряться» в массе других вещей), то ее присутствие определяет комплекс IV в. н. э., но не позднее (Малашев, Кадзаева, 2021, с. 66–67). По мнению И.О. Гавритухина, такие фибулы бытовали до сер. IV в. (2–3 четв. этого столетия), хотя редкие экземпляры могли доживать и до кон. IV в. (Гавритухин, 2010, с. 55–56; он же, 2022, с. 304, 306).

Собственно местные биметаллические застежки типов Останина-1–5 и Останина-2 доживают свой век, по всей видимости, в бассейне р. Белой (погребение 6 раскопа II Югомашевского, погр. 80 и 135 Старо-Кабановского могильников, рис. 31). Обнаружены они вместе с пряжками типа П11 (табл. 168, № 44, с прямыми язычками, заходящими за середину сечения рамки, треугольными/трапециевидными/полувальными щитками) и наконечниками типа Н8, относимыми к 4-й четв. IV – раннему V в. (Малашев, 2000, с. 196, 197, 203–205, 210). Тогда **общие временные рамки существования одного из вариантов «классического» позднемазунинского женского убора, определяемого по местным образцам фибул Останина-1–4, Останина-1–5, Останина-2, скорее всего, можно ограничить 2–3 четв. IV – руб. IV–V вв.** В первой пол. V в. в бассейне р. Белой происходит смена этого комплекса «бахмутинским» (Красноперов, 2020а, с. 435–437; он же, 2022, с. 274–276, рис. 3; он же, 2023, с. 242–252). В этой связи верхняя хронологическая граница для могильников правобережья Камы, очевидно, должна быть удревнена, если на памятнике отсутствуют индикаторы, выделенные для Тураевских курганов (ТК 1/2 – сер. / 2 пол. IV в. и ТК2 – 4-я четв. IV в.), а также показатели т.н. «югомашевской триады» (в первую очередь, пряжки типа П10/П11, а также, возможно, угловидные накладки, упрощенные варианты «харинских» серег – 2-я пол. IV в.) (Гавритухин, Красноперов, 2022, с. 180–186; Гавритухин, 2022, с. 272–273, 280–281, 299).

Выделенный позднемазунинский комплекс женских украшений ранее неоднократно обсуждался в литературе (Останина, 1997, рис. 51; Красноперов, 2007б, с. 267–268, 270, табл. 2, рис. 1; Голдина, Бернц, 2017б, с. 57–66, рис. 7–9; Красноперов, 2022, с. 274–276, рис. 3; Голдина и др., 2025, с. 129–134). Несмотря на различия авторских группировок материала, основные контуры его прослеживаются достаточно четко, что свидетельствует о правомерности выделения этого набора вещей в качестве хронологического этапа.

В заключение обзора состава вещевых комплексов отметим, что излюбленными украшениями мазунинских женщин в поздний период становятся (рис. 31): крупные биметаллические височные подвески мазунинского типа (табл. 166, № 55 – значительно преобладают над образцами из цветных сплавов), пронизки из проволоки подтреугольного сечения (табл. 166, № 50б) в нарукавных украшениях, железные сюльгамы (табл. 169, № 47), а также предметы кольчужного плетения (табл. 166, № 53) – один из ярких маркеров «позднего» мазунино. Использовались такие остатки кольчуг в женском костюме весьма

изобретательно: в качестве элементов головных уборов (накосников) или шумящих привесок к нагрудным застежкам (Хайруллина, 2021, с. 318; Хайруллина, Черных, 2024, с. 124–141).

Отдельно стоит упомянуть и об азелинском импорте в мазунино (или местных образцах, копирующих импорты (?); некоторые вещи в таблицу не вошли). Так, зооморфные (коньки) и кольцевидные подвески, а также пронизки-уточки (Лещинская, 2014а, с. 64, 65, рис. 16, 14, 16; 17, 1, 4; 19, 3) использовались в убore мазунинских женщин, по-видимому, длительное время. Об этом свидетельствует их совстречаемость с разными типами мазунинских фибул (Красноперов, 2018б, с. 135), например: с Амброз–13 (Тарасово 736), Останина–1–2 (Зaborье 24, Тарасово 27 и Боярка 134), Останина–1–5 (Тарасово 1027 и Тураево 172), Останина–2 (Дубровский 203, Тарасово 169 и Старо-Кабаново 135), Останина–1–5 и 2 (Тураево 39). Дробная хронология указанных вещей отсутствует. В этой связи особенный интерес представляют фибулы Останина–2 (табл. 169, № 20), переделанные из азелинских шумящих подвесок с прямоугольной основой (Покровское 147, Тарасово 402, Старо-Кабаново 71, 115, Сайгатка 8) (Останина, 1997, с. 44; Лещинская, 2014а, с. 85, табл. 8; Красноперов, 2018б, с. 134, 135, 175, 176). На Вятке последние нередко встречаются с арочными шумящими украшениями типа Лещинская–ИС (Лещинская, 2014а, с. 64, 88–90, 173, 174, 194, табл. 11–13, 97; Красноперов, 2018б, рис. 31). Оба типа подвесок (ранние образцы) относят к сер. IV в. (Бугров, 2015, с. 14; Ставицкий, 2016, с. 97–98), и их бытование, очевидно, можно синхронизировать с позднемазунинским женским убором³⁷. В обоих культурных ареалах встречаются поясные наборы с пряжками П9, накладками-ромбиками и наконечниками Н10 (Первомайский 3), головные ленты с фигурными накладками из 2–4 окружностей и каплевидных привесок (тип Лещинская 47д–1 – Уржумка 6, 22, Тураево 29), а также сильно профилированные фибулы типа Амброз 11–II–3 (Уржумка 21 и Старо-Кабаново 107), датировка которых, как уже упоминалось выше, не выходит за рамки IV в. н.э. (Никитина, 1999, рис. 46, 4, 6; 54, 1, 3, 4; Лещинская, 2014а, с. 69, табл. 44, 14–16; 133, 1, 6, 8–10; Красноперов, 2018б, с. 134–135, 143, табл. 1; Малашев, Кадзаева, 2021, с. 54–72).

Позднемазунинский этап в Боярском «Арай» могильнике представлен комплексами с фибулами Останина–1–5: это погребения 7, 89, 141, 168, 176. Для погребения 176 имеется радиоуглеродная дата – 341–414 AD (с вероятностью 62,1%, рис 30). **Финал могильника, с учетом имеющихся хронологических разработок И.О. Гавритухина по мазунинской поясной гарнитуре (2022, с. 272–281), определяется, скорее всего, 3-й четв. IV в. н.э. Хотя допускаем, что отдельные захоронения на могильнике могли совершаться и в начале V в.**

По общему облику погребального инвентаря к «позднему» периоду, вероятно, следует отнести следующие захоронения Боярского могильника:

- погребение 31 (табл. 14, 15). В комплексе найдены: железная сюльгама, крупные биметаллические височные подвески мазунинского типа в технике навивки, железная круглопроволочная гривна, поясной набор из цветного сплава – наконечник типа Н10 (от 2-й пол. III в.; Малашев, 2000, с. 197, 200, 207) и трехсоставная пряжка, близкая по щитку (сегментовидной формы) типу Малашев–П9/10; рамка последней с небольшим утолщением в передней части и спрямлением сзади, имеет огранку, язычок не сохранился (от кон. III / нач. IV в.; Малашев, 2000, с. 209);

- погребение 81 (табл. 43, 44) с биметаллической круглопроволочной гривной, предметом кольчужного плетения, биметаллической височной подвеской в технике навивки;

- погребение 91 (табл. 51) с фибулой, близкой типу Останина–2, и биметаллическими височными подвесками мазунинского типа;

³⁷ Здесь стоит упомянуть и об Аргыжском кладе на р. Вятке, в состав которого входила мазунинская биметаллическая фибула Останина–1–5 и азелинская арочная шумящая подвеска (Черных и др., 2002, рис. 80, 81, 1, 6).

- погребения 53, 105, 150 с крупными биметаллическими височными подвесками мазунинского типа, железными сюльгамами, круглопроволочными гравнами (табл. 28, 59, 99);
- погребение 177, в котором хронологически показательна железная гравна с бронзовой обмоткой (табл. 124, 125). «Поздний» облик инвентаря подтверждает и радиоуглеродная дата в пределах 431–561 AD (68,2%).

К «переходным» комплексам, по-видимому, относятся боярские погребения с поясными наборами «типа Суворово» (с зауженными в середине сторонами щитков, см. выше):

• погребение 23 (табл. 9, 10). При мужском костяке А найден поясной набор, в который входил железный наконечник ремня с вогнутыми сторонами и тремя крупными бронзовыми штифтами-полугорошинами; от пряжки сохранилась лишь прямоугольная железная пластина с бронзовым шпеньком-полугорошиной. Бронзовые накладки с площадкой в форме сдвоенных овалов и частыми мелкими надписями (признак ранней поясной гарнитуры) близки образцам из азелинского погребения 88 могильника Худяки, комплекс которого Н.А. Лещинская относит к рубежу III–IV в. н.э. (Лещинская, 2014а, с. 169, табл. 103, 8, 9). При женском костяке В обнаружена железная сюльгама, тяготеющая к позднемазунинским наборам.

• железные пряжки с вогнутыми щитками известны в трех «мужских» захоронениях Боярки – №№ 40, 82 и 162 (рамка в последнем имеет слабый В-образный изгиб, табл. 18, 45, 110). В комплексах последних двух погребений встречены железные рамчатые пряжки бантикообразной формы, имеющие широкие хронологические рамки бытования.

В эту же группу, очевидно, входит женское погребение 54 (табл. 29), в засыпке которого найдена железная пряжка с прямоугольным щитком и овальной рамкой, имеющей слабо выраженное утолщение в передней части; язычок короткий, прогнутый, с еле заметной квадратной площадкой сзади, обозначенной фасетировкой (косым крестом). Близка типу Малашев-П8 (от сер. / 2-й пол. III в. – до 2-й четв. IV в.; Малашев, 2000, с. 196, 200, 206, 207, рис. 2). В комплексе также встречены биметаллические височные подвески мазунинского типа и железные прямоугольные накладки типа табл. 169 № 33 (со штифтовым креплением).

Набор погребения 147 (табл. 97), возможно, также близок «переходной» группе захоронений Боярского могильника: в нем обнаружены биметаллические височные подвески и бляха-раковина, встречающаяся с ранними типами поясов. Косвенно к ней или к «развитому» мазунино, по-видимому, можно отнести захоронения с железными сюльгамами в погребальном инвентаре – №№ 21, 43, 70, 95 (последнее с бантикообразной рамчатой пряжкой) (табл. 8, 22, 37, 53), 109 (табл. 62, с железными прямоугольными накладками типа табл. 169 № 33 со штифтовым креплением, но без бронзовых полугорошин).

Отдельно следует остановиться на **бусинном материале** Боярского могильника – единственной наиболее массовой категории « дальнего импорта », которая обнаружена в составе погребальных комплексов как у взрослых обоего пола, так и у детей. Информационный потенциал данного археологического источника значителен, однако детальная хронология бус из мазунинских погребений лишь намечена в ряде работ (Останина, 1997, с. 110–112, табл. 34; Русланова, 2018; Красноперов, 2020, с. 58–74; он же, 2021, с. 194–211; Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, с. 124–147; Голдина, 2025, с. 416–543).

Собственно классификация и варианты использования бус из Боярского некрополя были рассмотрены Е.В. Голдиной (Голдина, Черных, 2015а, с. 567–575; 2015б, с. 93–99; см. приложение № 1); некоторые типы бус с отсылкой к аналогиям из комплексов Северного Причерноморья отнесены к I–III вв. н.э. (Алексеева, 1978, с. 29–65; Голдина, Черных, 2015а, с. 574, табл. 6). Эти наблюдения, а также хронологическая схема для бус Тарасовского могильника (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, с. 124–147; Голдина, 2025, с. 416–543) использованы нами при систематизации бусинного материала Боярского могильника

(рис. 32). Градация типов выстроена, в первую очередь, на основании датированных погребений некрополя. В результате выделены 6 групп бус, характерных для «раннего» (I), «переходного» (II), «позднего» (III), «раннего» и «переходного» (IV), «переходного» и «позднего» (V) этапов, а также для всего периода существования Боярского могильника (группы VIa и VIb). Полученные на столь ограниченном материале выводы, безусловно, можно считать только предварительными.

В «раннюю» (I) хронологическую группу вошли следующие типы бус Боярки: из вытянутых трубочек – типы IA7 и IA14 (зонный бирюзовый и бочонковидный бежевый полупрозрачный бисер), IA66 (зонная бесцветная непрозрачная бусина) и, возможно, IA41 (многочастная зонная синяя непрозрачная); из тянутых палочек – бочонковидная бирюзовая непрозрачная бусина, сплюснутая с двух сторон вдоль канала (тип IVA26); мозаичные бусы бочонковидной формы, изготовленные путем сгибания полосы (типы VIB6/VIB7), и стеклянная подвеска грибовидной формы из сине-зеленого полупрозрачного стекла. Последняя, по мнению А.А. Стояновой, близка (но не идентична) типу Алексеева–162, датируемому в Северном Причерноморье II–III вв. (Алексеева, 1978, с. 72, табл. 33, 67; Стоянова, 2016, с. 125). В крымских могильниках (Курское, Нейзац) и в Нижнем Подонье (Рогожкино X) они известны в комплексах кон. II / III – IV вв. н. э., еще одна – в погребении 43 некрополя Танаиса, датируемого кон. IV – перв. пол. V в. (но авторами публикации такая подвеска отнесена к типу Алексеева–201; 1978, с. 78, табл. 34, 51; Арсеньева и др., 2001, с. 112, табл. 26, 373; Стоянова, 2016, с. 125, рис. 1, 10–12). В Тарасово подобные грибовидные подвески включены в хронологическую группу III в. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, с. 134–135, рис. 2, 1, 2).

Рис. 32. Корреляционная схема бус Боярского «Арай» могильника

Мозаичная бусина из Боярки (тип VIB7) близка украшениям, встречающимся в комплексах Северного Причерноморья I-II и III-IV вв. н. э. (тип Алексеева-437, с крупным ковровым орнаментом; Алексеева, 1982, с. 40, табл. 49, 73, 74, 77, 78, 80). Аналогии бусам типов VIB6 и VIB7 известны в составе погребений 8, 63, 93 и 128 из крымского могильника Фронтовое-3, где датированы суммарно кон. II – 1-й пол. / сер. III в. (с возможным заходом в 3-ю четв. III в., по находке в погр. 128 лучковой одночленной фибулы типа Гавритухин-1-2-Б) (Гавритухин и др., 2020, с. 95, 98, рис. 2, 14, 48; Гавритухин, 2022, с. 24, 32–34, рис. 5; Свиридов, Язиков, 2023, с. 28–30, 81–82, 118–120, рис. 45, 37; 194, 6; 298, 8). В Центральной и Северной Европе бусы с таким узором были распространены в периоды C1b (около 210/220–250/260 гг.) и C2 (250/260–310/320 гг.) (Хомякова, 2018, с. 227, рис. 3, 12). В Тарасовском могильнике они также встречены в комплексах III в. н. э. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, рис. 2). Бусы типов VIB6 и VIB7 в Зaborынском (погр. 24) и Тарасовском (погр. 312) могильниках найдены вместе с бусами с т. н. «гресничковым» орнаментом (тип Темпельман-Мачинская-362 / Алексеева-480–482, 490, 496) (Красноперов, 2020б, с. 58–74). Такие украшения, по-видимому, можно рассматривать в качестве ярких индикаторов для «раннего» мазунино. По находке бусины типа IA41 к «ранней» хронологической группе Боярки может быть отнесено и погребение 137 (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, рис. 4).

В «переходную» группу II вошли бусы из тянутых трубочек (типы IA17, IA31, IA32 – синий или бирюзовый непрозрачный / полуупрозрачный бисер бочонковидной или цилиндрической формы) и тянутой палочки (тип IVA73 – таблетковидная сине-фиолетового цвета). В Тарасово таблетки данного типа встречаются в хронологических группах II и III вв. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2021, рис. 1, 2).

Синий или бирюзовый бисер типов IA1 (из тянутых трубочек, зонный полуупрозрачный) и IVA36 (из тянутой палочки, биконический полуупрозрачный) встречается как в «ранней», так и в «переходной» хронологических группах Боярского могильника (группа IV). В Тарасовском могильнике бусы типа IA1 (такие найдены в погребении 10А Боярки) датированы I–III вв. (там же, рис. 1).

К «поздней» группе III отнесены бусы из одноцветных тянутых трубочек (черный или синий непрозрачный зонный бисер – типы IA9, IA59; бочонковидные бесцветная полуупрозрачная (IA13) и красно-коричневая непрозрачная (IA18) бусины; с металлической прокладкой – многочастная зонная с бежевым внешним слоем типа IB29); из тянутых палочек (бочонковидные, полуупрозрачные или непрозрачные, сине-фиолетового (IVA16), красно-коричневого (IVA19) или голубого (IVA22) цвета), или изготовленные способом навивки (тип VIIIА7 – зонная сине-фиолетовая полуупрозрачная). Бусины типов IVA16 и IVA19 вошли в смежные хронологические группы II–V и III–V вв. для Тарасовского могильника (там же, рис. 4). К поздней группе захоронений Боярского некрополя, по находке бисера типа IA59, возможно отнесение погребения 50.

В группу V (смежная для «переходного» и «позднего» периодов) вошли два типа бисера цилиндрической формы – из бирюзовых (IA32) и желто-зеленых (IA60) непрозрачных тянутых трубочек.

Остальные типы бус бытовали, по всей видимости, на протяжении всего периода существования некрополя. Подгруппу VIa составили украшения, использовавшиеся только в «ранней» и «поздней» группах: зонный желтый (IA4) или красно-коричневый (IA58) бисер из непрозрачного стекла (тянутая трубочка), зонные оливкового слабого цвета полуупрозрачные бусы из тянутых палочек (IVA66), зонная зеленая (сине-зеленая или желто-зеленая) полуупрозрачная навитая бусина (VIIIА1) и цилиндрические бусины из раковин (XIVA4). Бусы из раковин в Тарасово датируются II–III вв., а бусы типа VIIIА1 вошли в хронологическую группу III–V вв. (там же, рис. 2, 4). Подгруппу VIb составили следующие типы бус: из тянутых трубочек – зонный непрозрачный желто-зеленый (IA6) или

бирюзовый (IA8) бисер, бочонковидная бусина с металлической прокладкой и бесцветным (желтоватым) внешним слоем (IB35); из тянутых палочек – бочонковидные полупрозрачные бусины со слабым оливковым цветом (IVA24). Аналогии последним имеются в Тарасовском могильнике (смежная хронологическая группа II–V вв.; там же, рис. 4).

Таким образом, из 39 проанализированных погребений Боярского могильника 13 отнесены к «ранней» группе, еще 13 – к «переходной», остальные (13) – к «поздней» части могильника. Твердые датировки имеются лишь для 10 женских погребений с фибулами, причисленных к ранней (4) или поздней / переходной (6) группам. Хронологические позиции остальных захоронений могильника определены условно, на основании наблюдения за взаимовстречаемостью некоторых типов погребального инвентаря в комплексах других мазунинских могильников. *Общие хронологические рамки Боярского «Арай» могильника можно определить 2-й половиной (скорее всего, концом) III – 3-й четвертью IV вв. н. э. Ранняя часть датируется 2-й половиной (концом?) III – началом (1-й четвертью) IV в., поздняя – 2–3-й четвертью IV в.*

Несколько замечаний о планиграфии могильника

О динамике и смыслах в заполнении погребального пространства Боярского «Арай» могильника можно рассуждать с большими оговорками, принимая во внимание его приуроченность к узкой мысовoy площадке и сильнейшие разрушения, причиненные природой и людьми. Само формирование мыса происходило буквально «на глазах» у археологов; чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к ежегодным топографическим планам памятника в научных отчетах. Если в 2003 г. раскоп IV закладывался в вершине восточного оврага, то в 2009 г. раскоп был заложен почти в 30 м к северу, но вдоль того же растущего оврага, глубоко врезавшегося в коренной берег (рис. 1Б). Именно в этой части территории могильника (раскопы VI–IX) были изучены остатки более раннего ананынского-чегандинского поселения с культурным слоем, включавшим находки лепной керамики и отдельных предметов (втульчатый наконечник стрелы типа С-40, по С.В. Кузьминых, и глиняная антропоморфная фигурка). Такие наконечники стрел и глиняные антропоморфы являются характерными индикаторами памятников позднего этапа АКИО, но встречаются и в раннепьяноворское время (Иванов, 1976, с. 308–312; Кузьминых, 1983, с. 108–109; Чижевский, 2017). Так что место для некрополя было выбрано, по-видимому, не случайным образом.

Пространство мазунинского могильника определялось краем коренного берега Камы, но при этом, вероятно, имело еще и искусственные границы. Об этом свидетельствуют ряды ям окружной, овальной и прямоугольной формы в южной (мысовой) и северной (напольной) частях погребальной площадки (на юге это ямы №№ 1, 2, 3; на севере – №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11) – следы столбовых (?) ограждений (рис. 1А). Вблизи таких огражденных пространств располагалось несколько обособленных могил: на севере – п. 181 (пустое); на юге – пп. 24, 25, 26 – с нарушенным анатомическим порядком костей скелета, безинвентарные, либо с единичной вещью.

Полезная площадь боярского мыса была использована максимально эффективно: могилы располагались рядами, которые ориентированы по линии СЗ–ЮВ, т. е. вдоль узкого мыса. Всего выделяется не менее 14-ти рядов (рис. 33, их могло быть и больше, но количество обрушившихся в овраги участков могил уже невозможно установить). Ряды и могилы находились близко друг к другу, что также не выглядит удивительным, учитывая ограниченность мысовой площадки. При этом взаимоперекрытия погребений – достаточно редкое явление: прослежено всего 16 случаев – пп. 22 и 23, 35 и 43, 46 и 47, 71 и 72, 73 и 74, 76 и 81, 78 и 81, 91 и 104, 95 и 150, 97 и 98, 111 и 117, 123 и 125, 133 и 135, 136 и 142, 152 и 154, 155 и 156.

На площадке могильника визуально выделяются две основные группы погребений: северная и южная. В первой сосредоточено небольшое количество могильных ям – всего 24, размещавшихся относительно свободно на поверхности основного плато, отделенного от мысовидной площадки неглубокой ложбиной. Собственно южная группа – основная (159 погребений) – занимала узкую часть мыса (центр и его южную оконечность). Ряды могил в этой части идут кучно, некоторые из них сливаются друг с другом (например, I и II, III и V, VII и VIII). Внутри рядов наблюдаются более дробные группы (возможно, захоронения близких родственников), которые отделяются от подобных же свободными местами-«пробелами» (рис. 34). Как правило, в таких компактных группах захоронены рядом индивиды разного пола и (или) возраста. Отдельные детские захоронения тяготеют к могилам взрослых – как женщин (погр. 35 и 43, 36 и 38, 34 и 45, 50 и 51, 62 и 69, 90, 91, 96 и 104, 100 и 101, 126 и 127, 132 и 133, 92 и 148), так и мужчин (погр. 2 и 19, 11 и 12, 40 и 49, 39 и 48, 57 и 60, 73 и 74, 111 и 117, 119 и 120, 123 и 125, 130 и 140, 152 и 154), либо сближены с такими же детскими погребениями (№№ 3 и 4, 14 и 15, 28 и 29, 80 и 144, 93 и 94).

В ряде случаев наблюдается близкое «соседство» погребений с одинаковым полом и (чаще) разным возрастом – мать-дочь / отец-сын / братья или сестры (?); среди них только женщины: пп. 7 (30–40 лет), 42 (15–20 лет) и 43 (50+ лет), 53 (35–45 лет) и 54 (20–25 лет), 95 (40–50 лет) и 150 (25–35 лет), 89 (18–20 лет) и 148 (40–45 лет), 141 (25–30 лет) и 147 (30–40 лет), либо только мужчины: пп. 22 (45+ лет), 23 (A, 30–40 лет) и 40 (18–22 лет), 60 (25–50 лет) и 72 (40+ лет), 82 (45–55 лет) и 106 (50+ лет), 97 (40–50 лет) и 98 (20–30 лет), 145 (A – 25–40 лет; Б – 30–40 лет) и 146 (55+ лет), 155 (45+ лет) и 156 (40+ лет). Практически в каждом предполагаемом «семейном» порядке могилы выделяются

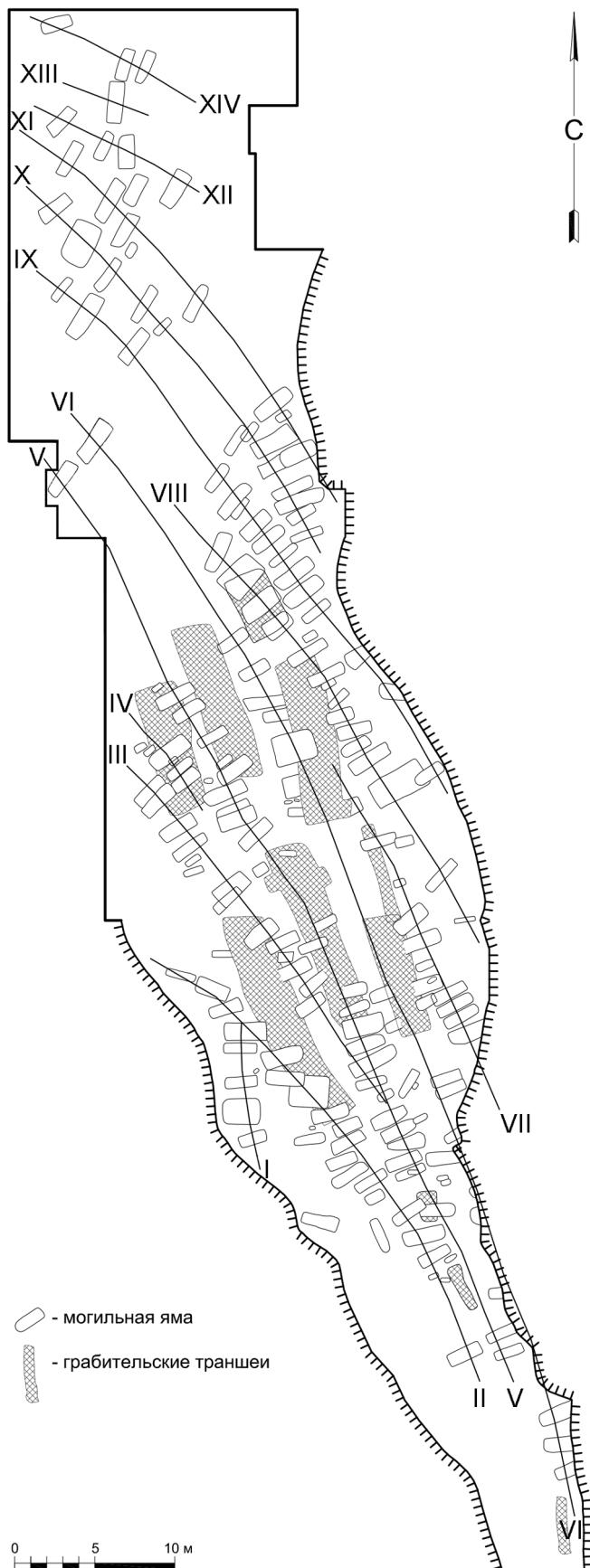

Рис. 33. Боярский «Арай» могильник.
Расположение могильных рядов
(нумерация дана римскими цифрами)

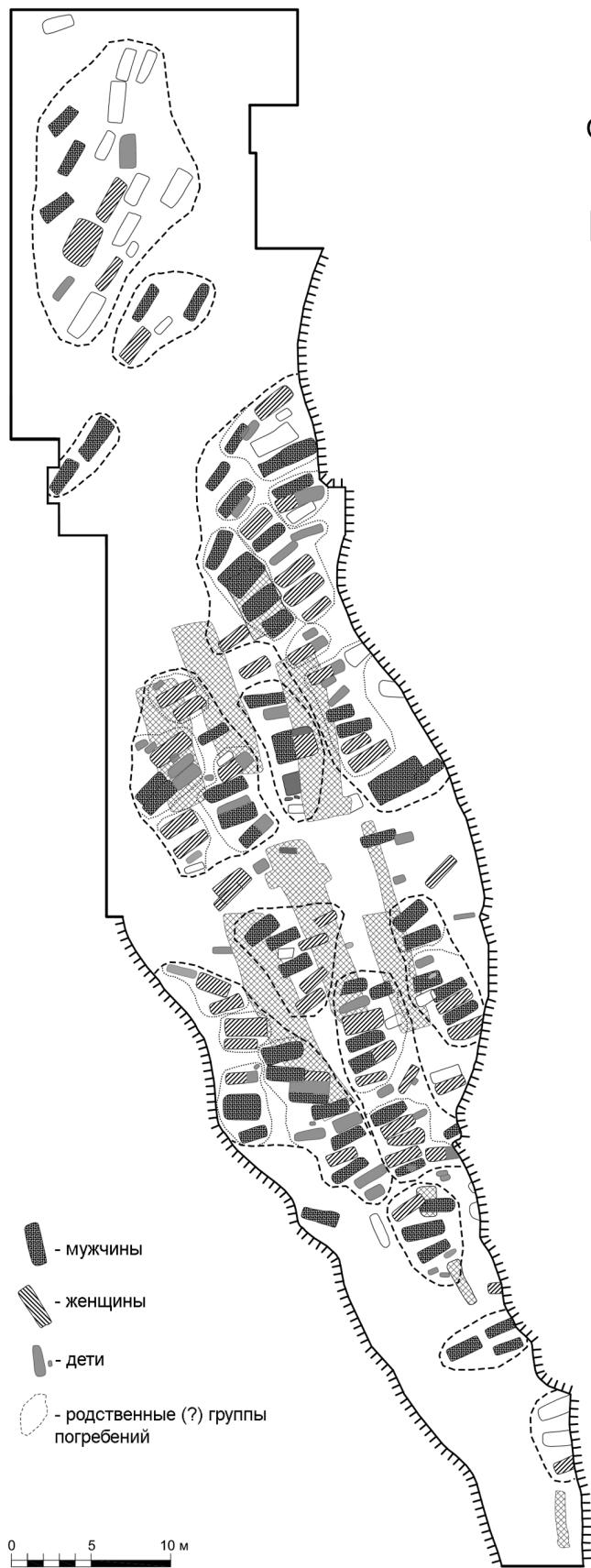

Рис. 34. Боярский «Арай» могильник.
Распределение погребений с «мужским»
и «женским» инвентарем

1–2 захоронения с «богатым» набором украшений женского костюма (не менее 6–11 категорий вещей, пп. 31, 42, 53, 54, 81Б, 89, 115В и Г, 132, 134, 141, 147, 154, 168, 176, 177) и наборными поясами (пп. 23А, 109А, 115Д, 134, 141, 168). Все пояса, кроме одного (п. 23А, мужчина 30–40 лет) были зафиксированы в женских погребениях. Следуя этим наблюдениям, можно, очевидно, говорить об особом статусе женщин в боярском социуме.

Мужские погребения с оружием (наконечники копий, стрел, несколько ножей, крючки), как и женские (девичьи) могилы с украшениями головы, шеи, рук, в целом, распределены равномерно на погребальном поле могильника (рис. 34). Встречаются во всех более мелких группах (семейных?), за исключением, погребений на южной окраине некрополя. Но при этом, как можно заметить, почти всегда такие «статусные» могилы находятся в тесном соседстве как между собой (мужчины и женщины), так и дистанцируясь по принадлежности пола (мужчины рядом с мужчинами, женщины рядом с женщинами).

Относительно равномерно на площадке могильника размещаются безынвентарные захоронения (рис. 21). Некоторую особенность в расположении безынвентарных погребений можно также видеть для тех могильных рядов, в которых они располагались чаще попарно: взрослый + ребенок (пп. 2 и 19, 36 и 38, 37 и 88, 34 и 45, 62 и 69, 100 и 101, 130 и 140, 126 и 127, 126 и 128, 132 и 133); взрослый + взрослый (пп. 16 и 18, 24 и 25, 51 и 52, 55 и 86); ребенок + ребенок (пп. 3 и 4, 14 и 15). Такие погребения, как правило, замыкали ряды (пп. 32, 92, 96, 152, 159, 174) и/или находились на периферии кладбища. Например, почти тотальная безынвентарность погребений на южной окраине некрополя (пп. 16, 18, 24, 25) может служить свидетельством того, что этот участок с самого начала был отведен под захоронения

какой-то особой группы, не имевшей родственных связей, или по каким-то причинам изолированной от основного ядра социума. Схожая ситуация уже отмечалась исследователями для мазунинских могильников (например, Чепаниха, Нива) (Останина, 1997, с. 118, 126, 127), а также некоторых чегандинских (Чеганда II, Юлдашево, Старокиргизово и др.) (Агеев, 1992, с. 90–93).

Планиграфическое распределение датированных погребений выглядит следующим образом (рис. 35). Освоение погребального поля Боярского могильника началось, очевидно, одновременно с заполнения центральной и северной частей некрополя. Показательно также то, что самые ранние и самые поздние захоронения присутствовали как в северной группе могил, так и в центральной. Вероятно, можно с некоторыми оговорками утверждать об изначальной билокальности социума Боярского могильника. Более поздние захоронения расходятся от центра к периферии могильника, продолжая прежние ряды, или формируют новые (ряды №№ III, VI, VII, VIII, X, XI). Нахождение в одном ряду поблизости друг от друга двух разновременных погребений (например, 53 и 54, 141 и 147, 90 и 91) может свидетельствовать: 1) об их относительно небольшой хронологической разнице, 2) о родстве захороненных.

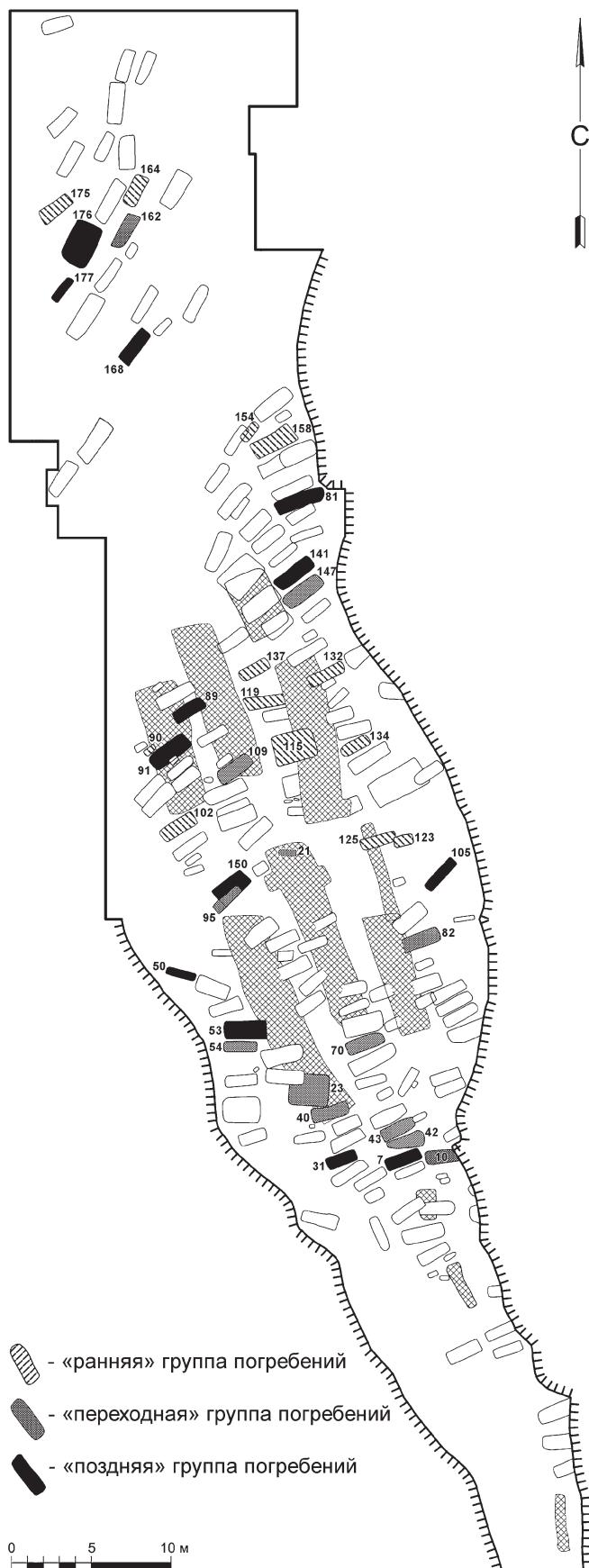

Рис. 35. Боярский «Арай» могильник.
Распределение датированных погребений
на погребальном поле могильника

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки Боярского («Арай») могильника в Удмуртском Прикамье проводились сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета в начале 2000-х годов, когда судьбы полевой археологии в России оставались во многом не определенными. Открытие некрополя произошло в год принятия Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ, механизмы применения которого практически отсутствовали, а грабительские раскопки на памятниках археологии приняли катастрофические масштабы. И, собственно, выявленный Боярский могильник предстал археологам в состоянии тотального уничтожения. Но совместные усилия ученых Удмуртского госуниверситета, Министерства культуры УР, администрации Каракулинского района, силовых структур и просто неравнодушных граждан в тот момент не просто способствовали прекращению разграбления, они обеспечили возможность оперативных раскопок этого памятника.

Боярский могильник оказался, с одной стороны, вполне рядовым некрополем мазунинского типа³⁸, с их достаточно единообразным составом погребального инвентаря и набором культурных и хронологических индикаторов. С другой стороны, некоторые особенности, как стало очевидно уже в первый год раскопок, выделяют его среди известных погребальных памятников III–V вв. Удмуртского Прикамья.

Прежде всего, нехарактерной можно считать топографию могильника. Он занимает один из мысов коренного берега р. Камы, достаточно удаленного с юга, от реки и укрытого за широкой речной поймой с многочисленными озерами-старицами. Тем не менее, с площадки некрополя открывается хороший обзор круто петляющего здесь русла этой полноводной реки. Складывается впечатление, что выбор места для могильника был обусловлен стремлением локальной группы мазунинского населения надежно скрыть захоронения своих сородичей от посторонних глаз, но, одновременно, и сохранить визуальную связь с главной водной магистралью. Это наблюдение подтверждается ориентировкой умерших: последних направляли «в загробное путешествие» головой преимущественно в южный и западный сектора, то есть вниз по течению Камы.

В ряду особенностей могильника следует отметить достаточно высокий показатель посмертных разрушений костяков (22,4% индивидов). Выделяются группы с полной и (или) частичной деструкцией костей скелета. Показательны разрушения, связанные с грудной клеткой (иногда в сочетании со смещением черепов и рук) при сохранении анатомического порядка скелетных останков. Из любопытных случаев – отсутствие черепов в захоронениях двух мужчин наиболее дееспособного возраста – 18–22 и 25–40 лет (пп. 78 и 145А); причем у первого из них обнаружен застрявший в тазовых костях костяной наконечник стрелы.

Еще одна особенность Боярского могильника заключается в достаточно высоком, в сравнении с другими мазунинскими некрополями, показателе безынвентарных погребений (39,3%). Если справедлив вывод Т.И. Останиной, что состав погребального инвентаря в мазунинском обществе определялся полом, возрастом и социальным статусом умерших (Останина, 1991, с. 87), то у «боярцев» элементы имущественной и, очевидно, общественной дифференциации должны были выражаться довольно отчетливо.

На фоне других могильников мазунинского времени Боярка выделяется высокой долей погребений детей и подростков (29,5%). То есть, примерно треть детских костяков

³⁸ В археологической литературе часто встречается использование в отношении памятников III–V вв. н. э. Среднего Прикамья понятий «мазунинская культура», «мазунинский этап» чегандинской или тарасовской культуры пьяноборской КИО, «мазунинский тип». В данном случае, при публикации материалов нового некрополя, авторы сочли более приемлемым для его культурной атрибуции последний, более нейтральный термин, оставляя за рамками издания оценку продолжительных дискуссий на эту тему.

с определенным возрастом относится к категории моложе 15 лет (больше половины из них вошли в первый пятилетний интервал). По этому показателю Боярский могильник уступает лишь двум мазунинским некрополям – Чепанихинскому и Сайгатскому. Последние, правда, отличаются малым количеством захороненных индивидов (41 и 44 соответственно). Добавим также, что среди детских погребений Боярки выявлено немалое количество безынвентарных костяков (это, в основном, новорожденные и дети грудного возраста), что в целом считается нормой для первобытных обществ.

Если рассматривать отдельно ту часть погребенных, что захоронены в сопровождении погребального инвентаря, то в Боярском «Арай» могильнике на них приходится всего 60,4%. По этому показателю он значительно уступает другим мазунинским некрополям, где захоронения с вещами в среднем составляют свыше 70–80%. В то же время погребальный инвентарь Боярки довольно однообразный, представлен «рядовыми» для могильников мазунинского типа предметами (всего 28 категорий вещей), среди которых превалируют пряжки, ножи и бусы.

Численно преобладают вещи, найденные в составе так называемых «дарственных комплектов» или «жертвенных комплексов» (2007 экз.). Такие обособленные наборы встречены в захоронениях женщин (22 случая из числа погребений с определенным полом), реже – детей (6 случаев) и лишь в единственном мужском погребении. Более половины случаев помещения «даров» (55,2%) отмечены в «ногах» умерших, тогда как в целом по мазунинским могильникам $\frac{3}{4}$ таких комплектов размещались у головы (Останина, 1997, с. 26, табл. 7). Безусловно, в самом факте помещения в могилу «дара» явно наблюдается следование местной (пьяноборской) традиции погребального обряда. Но, с другой стороны, состав «даров», зачастую включавший фрагментированные или сломанные вещи, непарные комплекты (например, височные подвески), и контекст их нахождения, отличный от общепринятого, как будто несут в себе тень изживания в обществе прошлой традиции, или могут рассматриваться как коннотации угасания, потери смыслов.

В могильнике не отмечено и явных признаков милитаризации социума. Для погребений мужчин характерен недифференцируемый «воинский / охотничий» набор: это в основном наконечники стрел, причем костяные, всего 3 наконечника копий, железные крючки, каменные подвески-оселки. С мужчинами укладывали простые пояса, в том числе в расправленном вдоль тела виде, с одной или несколькими пряжками, железные ножи с бусинами, крепившиеся на поясе, пряслица. Тогда как для захоронений женщин в могильнике характерны роскошные наборные пояса. То есть богато украшенный пояс был важен для подчеркивания статуса женщины.

Мужские погребения с оружием, как и статусные женские могилы (девичьи, или молодых женщин) с украшениями головы, шеи и рук, в целом, распределены равномерно на погребальном поле могильника. Встречаются они во всех семейных (?) группах, за исключением погребений на южной окраине некрополя. Но при этом, как можно заметить, почти всегда такие «статусные» погребения находятся в тесном соседстве как между собой (мужчины и женщины), так и дистанционно, с учетом дифференциации по признаку пола (мужчины рядом с мужчинами, женщины рядом с женщинами).

Комплекс погребального инвентаря Боярского некрополя характеризуется, в основном, местными категориями вещей, среди которых наиболее вариативны женские типы украшений. Встречаются в нем и предметы прошлых эпох, которыми явно дорожили – ранние чегандинские лапчатые подвески, застежка с неподвижным крючком, пронизки-«полуцилиндрики», подвеска-колокольчик и др. А для некоторых типов вещей Боярки (например, подвеска в виде лунницы, железная гривна с ребром, накладка грушевидной формы, пронизки с псевдовитками и т.д.) нам не удалось найти аналоги даже среди синхронных культур.

Использовался некрополь в течение жизни нескольких поколений боярцев, что хорошо заметно по смене женских наборов украшений. В нем присутствуют комплексы, характерные как для «раннего» мазунино (2-й половины / конца III века), так и более поздние вещи, использовавшиеся в «классическом» позднемазунинском женском уборе.

История Боярского могильника заканчивается к исходу IV в. н. э.³⁹ Таким образом, как представляется, характерные черты, выявляемые в погребальном обряде и инвентаре нашего могильника демонстрируют нам локальный мазунинский социум в тот период, когда население Удмуртского Прикамья оказалось втянутым в водоворот событий Великого переселения народов, что нашло отражение в морфологической и генетической неоднородности его состава (см. статью И.Г. Широбокова в приложении № 3).

Для полноты характеристики боярского социума важным является антропологическое изучение полученной коллекции, что и было выполнено к.и.н. И.Г. Широбоковым. В начале 2000-х годов, при тотальном отсутствии финансового научного обеспечения, это исследование удалось реализовать лишь отчасти. Но коллекция сохранена полностью. В настоящее время антропологические остатки переданы на хранение в Музей Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань), где будут продолжены их лабораторные исследования, в том числе с применением новейших методов. Часть образцов костной и зубной ткани из коллекции Боярского могильника в 2014–2016 гг. была передана в зарубежные лаборатории Эстонии и Дании с целью выполнения ДНК-анализов. И этот материал, безусловно, еще будет вводиться в научный оборот. А пока останки боярцев изучены с позиций морфологии и остеометрии, что позволило дать заключение об антропологических и палеодемографических особенностях данной группы населения Прикамья в начале I тыс. н. э. (см. приложение № 3). Мы очень признательны научному сотруднику Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва) А.В. Рассказовой, выполнившей, несмотря на плотный график плановых работ, графические реконструкции для трех индивидов из Боярского могильника – двух женщин и мужчины (см. приложение № 4). Для нас и всех тех, кто будет читать эту книгу, такая работа крайне важна, поскольку позволяет «оживить» лица жителей Среднего Прикамья середины I тыс. н. э.

³⁹ Уже в процессе верстки книги в нашем распоряжении появились еще четыре абсолютные даты, полученные в ходе палеогенетических исследований. Даты для погребений 5, 58, 111, 136Б расположились в интервале от 1734 до 1660 ВР. То есть в пересчете от наших дней эти могилы датированы кон. III – 3-й четв. IV вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дипломы

Ипатова Л.А. «Дары умершему» в погребальной практике населения Удмуртского Прикамья III–V вв. Ижевск, 2017 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф. 1. Д. 1004.

Самоделкина А.Н. Погребальная обрядность детских захоронений позднепьяноворских могильников. Ижевск, 2007 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.1. Д. 846.

Сумарокова А.И. Опыт планиграфического анализа Боярского «Арай» могильника III–V вв. в Среднем Прикамье. Ижевск, 2015 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.1. Д. 980.

Хайруллина О.Ф. Боярский могильник мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: погребальный обряд и инвентарь. Ижевск, 2016 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.1. Д. 994.

Хайруллина О.Ф. Боярский «Арай» могильник эпохи великого переселения народов в Удмуртском Прикамье. Ижевск, 2018 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.1. Д. 1021.

Коллекции, отчеты

Коллекция Боярского «Арай» могильника (Черных Е.М., 2002–2005, 2007–2009 гг.) // К.о. №№ 2121, 2137, 2139, 2149, 2161, 2186, 2191, 2221.

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2009 года. Ижевск, 2010 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.2. Д. 517, 517а.

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2010 года. Ижевск, 2011 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.2. Д. 532.

Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР в 1983 году. Ижевск, 1984 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.2. Д. 175.

Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника (дер. Сизяшур, Мало-Пургинский район), проведенных летом 1980 года / Отчет об археологических исследованиях УРКМ летом 1980 г. // Архив НМУР. Д. 547а.

Останина Т.И. Иллюстрации к отчетам об археологических экспедициях в Мало-Пургинском, Граховском р-нах УАССР, Елабужском р-не ТАССР, Дюртюлинском р-не БАССР. 1980 г. // Архив НМУР. Д. 547.

Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника (д. Сизяшур, М-Пургинский р-н, УАССР) летом 1982 года / Отчет об археологических исследованиях УРКМ за 1982 г. // Архив НМУР. Д. 610.

Останина Т.И. Иллюстрации к отчету об археологических исследованиях УРКМ. 1982 г. // Архив НМУР. Д. 611.

Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника (д. Сизяшур, Мало-Пургинский район, УАССР) / Отчет о работе Удмуртского республиканского краеведческого музея за 1983 г. // Архив НМУР. Д. 680.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2002 г. Ижевск, 2003 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.2. Д. 421.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника

в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2003 г. Ижевск, 2004 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф.2. Д. 422.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 г. Ижевск, 2005 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф. 2. Д. 438.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2005 г. Ижевск, 2006 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 449.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2007 г. Ижевск, 2008 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 484.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. Ижевск, 2009 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 495.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского «Арай» могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2009 г. Ижевск, 2010 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 518.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2012 года. Ижевск, 2013 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 569, 569а.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2013 года. Ижевск, 2014 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 578.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе УР летом 2014 года. Ижевск, 2015 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 590.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2017 года (Дубровский могильник и селище). Ижевск, 2018 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии УдГУ. Ф.2. Д. 622.

Диссертации

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма карабызской культуры эпохи раннего железа: дис. канд. ист. н-к: 07.00.06. Ижевск, 2012. 291 с.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дис. канд. ист. н-к: 07.00.06. Уфа, 2000. 207 с.

Опубликованные источники

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2015а. №3(2), т. 17. С. 567–575.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье // Международный научно-исследовательский журнал. 2015б. №9–1 (40). С. 93–99.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Латтева Т.А., Перевоцников С.Е. Исследование

Боярского «Арай» могильника // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 344–345.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Переvoщиков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 377–378.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Переvoщиков С.Е., Переvoзчикова С.А. Исследование памятников железного века в Удмуртском Прикамье // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 398–399.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Переvoщиков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 393–394.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Переvoщиков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // Археологические открытия 2008 года. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 389–390.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Переvoщиков С.Е. Раскопки и разведочные работы в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2009 года. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 244–245.

Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (ХХ) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 437–440.

Черных Е.М. Увидеть лицо древнего человека // Прикамская правда. 2015. 16 июля. URL: https://prikampravda.ru/rubrics/istoriya/342520-uvidet_litso_drevnego_cheloveka/?sphrase_id=433915 (дата обращения 02.10.2025).

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86–106.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Наконечники стрел в погребениях Боярского («Арай») могильника III–V вв. // Вещь в контексте погребального обряда: Матер. междунар. научн. конф. / отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С. 203–216.

Черных Е.М., Широбоков И.Г. Новые могильники мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: к вопросу о внутренних миграциях // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 258–268.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Т. 26. 2016. Вып. 1. С. 25–34.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 1. М.: Наука, 1975. 94 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 2. М.: Наука, 1978. 104 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 3. М.: Наука, 1982. 105 с.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 314 с.

Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 191 с.

Амбродз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. Вып. Д1–30. М.: Наука, 1966. 142 с.

Арматынская О.В. Усть–Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Межвуз. сб. науч. тр. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С 26–46.

Арматынская О.В. Жертвенные комплексы в погребальных памятниках Удмуртского Прикамья II–V вв. н.э. // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: Удмуртский университет, 1987. С. 69–75.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 273 с.

Арциховский А.В. Курганы Вятычей. М.: РАНИОН, 1930. 223 с.

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений (Культура рязано-окских могильников) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ахмедов И.Р. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / отв. ред. А. М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 146–158.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна / науч. ред. И. В. Белоцерковская, В. П. Челяпов. Рязань: ГИМ, НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С. 104–141.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 128–151.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.) / МИКВАЭ. Т.12. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 220 с.

Бажсан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып.11. Сыктывкар, 1988. С.76–89.

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. №4. С. 103–115.

Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Труды ГИМ. Вып. 93. М.: [б/и], 1997. С. 20–28.

Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений (Культура рязано-окских могильников) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–212.

Белоцерковская И.В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 55–78.

Белоцерковская И.В. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 107–131.

Берниц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии

в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 351–390.

Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И. Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной Удмуртии // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 130–147.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.

Богачев А.В. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV–V веков // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 14–23.

Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышикин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание. Самара, 2013. С. 119–163.

Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. №4. С. 7–34.

Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: [б/и], 1980. С. 72–91.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: сб. мат. науч. конф. / гл. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: [б/и], 2006. 441 с.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / науч. ред. И. М. Петербургский. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 352 с.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела охранных раскопок Института археологии РАН. Т. 3 / отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2005. 176 с.

Воронятов С.В., Хомякова О.М. Витые гривны с окончанием в виде петель // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / отв. ред. А. М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 82–85.

Гавритухин И.О. Нахodka из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.

Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / под общей ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 272–316.

Гавритухин И.О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое-3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи / ред. А. В. Маstryкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 22–42.

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы поселения Карабак (п-ов Мангишлак) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 170–189.

Гавритухин И.О., Красноперов А.А. Тураевский курганный могильник // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / под общей ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 175–192.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // РА. 2020. № 2. С. 91–110.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. 192 с.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР: Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. (Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов) // ВАУ. Вып. 5 / отв. ред. А. Ф. Медведев. Свердловск (УрГУ). Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 2): [б/и], 1963. 160 с.

Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Т. II / ред. Р. Г. Кузеев, К. В. Сальников. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. С. 111–129.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / отв. ред. А. Ф. Медведев / ВАУ. Вып. 7. Свердловск (УрГУ), Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 3): [б/и], 1967. С. 7–69.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV–V вв. // Памятники мазунинской культуры / отв. ред. А. Ф. Медведев / ВАУ. 7. Свердловск (УрГУ), Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 3): [б/и], 1967. С. 123–140.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н. э.) / отв. ред. В. А. Семенов / ВАУ. Вып.10. Свердловск–Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 4): [б/и], 1970. 224 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.2. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н. э. / отв. ред. В. А. Семенов / ВАУ. Вып.11. Свердловск–Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 5): [б/и], 1971. 156 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып.158. С. 96–106.

Генинг В.Ф., Мыrsина Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры / отв. ред. А. Ф. Медведев / ВАУ. Вып. 7. Свердловск (УрГУ), Ижевск (Труды Удм. археол. экспедиции; т. 3): [б/и], 1967. С.85–115.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып. 1 / отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: [б/и], 1961. С. 76–90.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Мазунинская культура на Средней Каме // III Уральское археологическое совещание в городе Уфе (февраль 1962 г.) / ред. К. В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 68–70.

Голдина Е.В. Бусы Тарасовского могильника // Материальная культура Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. IV / науч. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск, 2025. С. 416–543 (рукопись).

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. К вопросу о датировке и хронологии бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Археология евразийских степей. 2021. №3. С. 124–147.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 463 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II, иллюстрации / отв. ред. В. И. Бернц / МИКВАЭ. Т. 11. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Изд-е 2-е, переработанное. Ижевск: Издательский дом: Удмуртский университет, 2004. 422 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая атрибуция / сост. и отв. ред. Р. Д. Голдина / МИКВАЭ. Т. 25. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 139–167.

Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирамиды на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018а. №4 (43). С. 97–107.

Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тараковского могильника // Поволжская археология. 2018б. №1(23). С. 150–177.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганская часть) / МИКВАЭ. Т.17. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тараковского могильника // Поволжская археология. 2016а. №1(15). С. 41–90.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тараковского могильника. Часть I // Поволжская археология. 2016б. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тараковского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017а. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тараковского могильника // Поволжская археология. 2017б. № 2 (20). С. 47–72.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет, 1990. 173 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындянский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22 / науч. ред. Л. И. Липина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Переображенцев С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / МИКВАЭ. Т.23 / науч. ред. Н. Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 264 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тараковского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. / МИКВАЭ. Т. 29 / отв. ред. Н. Ф. Широбокова. Казань, Ижевск, 2015. 297 с.

Гонкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАН, 2008. 252 с.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан–I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. С. 80–90.

Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. №2. С. 82–137.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7 / отв. ред. В. А. Иванов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби близ с. Большая Речка // МИА. №48. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры / науч. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2008. С. 45–60.

Жемчужина Прикамья: природа, экология, рекреационный потенциал и археологическое наследие Каракулинского района / Д. А. Адаховский, О. Г. Баранова, О. В. Гагарина [и др.] / науч. ред. И. И. Рысин. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 226 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб: Элипс Лтд, 1994. 224 с.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананыинско-пьяноборского времени // СА. 1976. № 3. С. 308–312.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: сб. науч. тр. / ред. А. Х. Пшеничнюк, В. А. Иванов. Уфа, 1983. С. 114–127.

Иванова М.Г. Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов: сб. науч. трудов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 35–56.

Иванова С.В. Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1 / гл. ред. А. В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 45–54.

Ипатова Л.А. Жертвенные комплексы (подарочные наборы) Дубровского и Боярского могильников III–V вв. н. э. в Южной Удмуртии // XLII Итоговая студенческая научная конференция: материалы конф. (апр. 2014 г.). Ижевск: Удмуртский университет, 2014. С. 318–319.

Ипатова Л.А. Подарочные наборы в погребениях мазунинского типа в Удмуртии (на примере Боярского «Арай» и Дубровского могильников) // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. ст. / науч. ред. С. А. Кабатов; отв. ред. В. Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 94–96.

Истомина Т.В. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Р. Ф. Итс. Пермь: Пермский ун-т, 1982. С. 78–87.

Казанцева О.А. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей): Автореф. дисс. ... к.и.н. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1996. 21 с.

Казанцева О.А. Наборные изделия из бус могильника Кудашевский I III–V веков // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 1(24). С. 83–89.

Казанцева О.А. Жертвенные комплексы в могильниках бассейна реки Тулвы // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 1. С. 59–63.

Каменецкий И.С., Узянов А.А. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / отв. ред. В. Е. Стоянов / ВАУ. Вып. 14. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 38–50.

Клюева Г.Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Сб. науч. тр. Вып. 2 / отв. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртский университет, 1984. С 20–34.

Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / ред. И. Б. Чистякова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 336 с.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.

Красноперов А.А. Поясные наборы пьяноборско-мазунинского времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы: материалы I Всерос. науч. конф. / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007а. С. 92–101.

Красноперов А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов

в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966): материалы Междунар. конф. (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа) / отв. ред. В. С. Горбунов [и др.]. Уфа: Китап, 2007б. С. 265–275.

Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 83–109.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018а. № 1. С. 56–86.

Красноперов А.А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология Евразийских степей. 2018б. № 1. С. 130–177.

Красноперов А.А. Финал мазунинских памятников на правобережье Камы // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Вып. 6. / отв. ред. Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020а. С. 435–437.

Красноперов А.А. Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020б. № 2 (9). С. 58–74.

Красноперов А.А. Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени // Археологические вести. 2021. №32. С. 194–211.

Красноперов А.А. «Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп»: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. 2022. №2 (22). С. 269–282.

Красноперов А.А. Последние носители мазунинского культурного комплекса и стык мазунинской и бахмутинской культур // Уфимский археологический вестник. 2023. №2 (22). С. 242–252.

Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы середины III–IV вв. н. э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.) / отв. ред. С. И. Лукьяненко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 244 с.

Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. I. Болезнь и смерть черемисина. II. Похороны черемисина // Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Книга LX. Выпуск №1. М.: Т-во Скороп. А. А. Левенсон, 1904. С. 67–91.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (меди и бронзы). М.: Наука, 1983. 258 с.

Кульчар В. Новые аспекты этнического определения сарматских погребений Хевиздёрка // Донская археология. 2000. Вып. 1. С. 64–72.

Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Лецинская Н.А. Фибулы Тараковского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природ, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч. конф / отв. ред. И. Г. Шапран. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 134–144.

Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая

атрибуция / отв. ред. Р. Д. Голдина / МИКВАЭ. Т.25. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 73–94.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / науч. ред. Н. Ф. Широбокова / МИКВАЭ. Т.27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014а. 472 с.

Лещинская Н.А. «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р.Вятки // Поволжская археология. 2014б. №1(7). С. 92–113.

Лещинская Н.А. «Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций населения Вятского края в раннем средневековье // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 102–120.

Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // Второе Уральское археологическое совещание. Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г. / ВАУ. Вып. 2 / отв. ред. В. Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962а. С. 65–71.

Мажитов Н.А. Итоги изучения бахмутинской культуры в Башкирии // III Уральское археологическое совещание в городе Уфе (февраль 1962 г.) / ред. К. В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962б. С. 61–65.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: (Население Сев. Башкирии в середине I тысячелетия нашей эры): Автoref. дисс. ... к.и.н. М., 1963. 16 с.

Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Т. II / ред. Р. Г. Кузеев, К. В. Сальников. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. С. 101–110.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. Вып. 9 / отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Малашев В.Ю., Кадзаева З.П. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV в. н.э. // РА. 2021. №2. С. 54–72.

Матвеев Р.В. Наконечники стрел Рождественского V могильника // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 316–323.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей 2-й пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы междунар. конф. / отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне//Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова / Серия «Археология СССР» в 20 т.). М.: Наука, 1989. С. 16–29.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Ленинград: Искусство, 1980. С. 68–82.

Мординцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья: Из фондов Волгоградского областного краеведческого музея / Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып.1. Симферополь: Тарпан, 2006. 140 с.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2000. С. 186–200.

Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. С. 236–249.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / труды Марийской археологической экспедиции. Т. 5. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Никитина Т.Б. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / отв. ред. Т. Б. Никитина, Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 42–51.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 21–32.

Обломский А.М. Проблемы изучения кладов украшений с эмалью в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / отв. ред. А. М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 237–253.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1978. С. 92–117.

Останина Т.И. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / отв. ред. В. Е. Майер. Ижевск: [б/и], 1983. С. 72–79.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / сост. и науч. ред. Т. И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов: Сб. науч. трудов / отв. ред. М. Г. Иванова, Н. И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 76–91.

Останина Т.И. Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологической коллекции / ред. Н. В. Малеванная. – Ижевск: УРИО «Алфавит», 1992. 96 с.

Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных археологических исследований. Т. 13 / отв. ред. А. Е. Леонтьев. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–начало V в. н.э.) / отв. ред. А. М. Обломский / Раннеславянский мир. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2007. 320 с.

Патрушев В.С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья // СА. 1985. №2. С. 173–196.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананынского времени / Серия «Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования». Вып. 2 / отв. ред. Е. П. Казаков. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Издательский центр «Perm University Press». 2018. 320 с.

Попов Н.С. Похоронные обряды и поминки // Марийцы. Историко-этнографические

очерки. Изд-е 2-е, доп. / отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 248–253.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Свирикина Н.Г., Олейник А.Б. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени (итоги работ 2011–2012 гг.) // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: Сб. материалов VI рег. науч.-практ. конф. (Ступино. 6 марта 2013 г.) / отв. ред. Э. Э.Фомченко. Коломна: Инлайт, 2013. 228 с.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника //Хронология памятников Южного Урала/ отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С. А. Токарев. М: Наука, 1983. С. 173 – 185.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.

Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2019. 238 с.

Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. 1979. Вып.158. С. 91–96.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Часть 1 / отв. ред. А. В. Маstryкова, И. О. Гавритухин / Материалы спасательных археологических исследований. Том 33. Часть 1. М.: ИА РАН, 2023. 460 с.

Седышев О.В. Снаряжение верхового коня из мордовских могильников III–VIII вв. // Археология восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов II Междунар. науч. конф. Вып. 2. Т. 2 / отв. ред. В. В. Ставицкий. Пенза, 2008. С. 106–118.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры / науч. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 5–107.

Семёнов В.А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов / отв. ред. М. Г. Иванова, Н. И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 56–75.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала // МИА. №28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб: Тип. Тов-ва Художественной печати, 1901. 150 с.

Ставицкий В.В. Хронология арочных шумящих подвесок с конями // Поволжская археология. 2016. №1 (15). С. 90–101.

Ставицкий В.В., Мясникова О.В., Сомкина А.Н. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3, т. 23. С. 106–123.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник // Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 9 / отв. ред. Д. Г. Бугров. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 144 с.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4 / отв. ред. В. Ф. Генинг. Свердловск: [б/и], 1962. С. 117–134.

Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. науч. ст. / отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения

народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

Терюков А.И. Погребально-поминальные обряды // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Изд-е 2-е, исправленное и дополненное. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 312–321.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая / Известия лаборатории археологии. 2001. № 6. С. 99–106.

Тишкун А.А., Дацковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Токарев С.А. Жертвоприношения // Наука и религия. 1981. №4. С. 32–35.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М: Политиздат, 1990. 622 с.

Тейлор Э. Первобытная культура / под ред. В. К. Никольского. М: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 570 с.

Трейстер М.Ю. Провинциально-римские шарнирные броши с эмалью и мозаичным стеклом в позднесарматских погребениях Урала и Западного Казахстана // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (18–19 окт., 2016 г.) / отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 345–354.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедия, 2000. 164 с.

Флеров В.С., Малашев В.Ю. Сбруйный набор III в. из могильника Клин-Яр III (Кисловодск) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том I / гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 11–17.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.

Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуры / отв. ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 203–230.

Хайруллина О.Ф. Погребальный обряд Боярского «Арай» могильника // Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–7 февраля 2014 г., Ульяновск): тез. докл. / гл. ред. Ю. А. Семыкин. Ульяновск: ФГБОУ ВПО УлГПУ «им. И. Н. Ульянова», 2014а. С. 194–197.

Хайруллина О.Ф. Случай намеренного разрушения погребенных на Боярском «Арай» могильнике IV–V вв. // XLII Итоговая студенческая научная конференция: материалы конференции (апрель 2014 г.) / отв. ред. И. В. Меньшиков. Ижевск: Удмуртский университет, 2014б. С. 323–324.

Хайруллина О.Ф. Инвентарь в погребальном обряде Боярского «Арай» могильника (Удмуртское Прикамье) // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015а. С. 149–151.

Хайруллина О.Ф. Вещевой комплекс в погребальном обряде Боярского «Арай» могильника (Удмуртское Прикамье) // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы науч. конф. (г. Уфа, 11–12 дек. 2015 г.) / отв. ред. А. Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015б. С. 40–45.

Хайруллина О.Ф. Гривны Боярского «Арай» могильника // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сб. науч. ст. Т. 8. XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК) / отв. ред. Ю. А. Зеленеев. Йошкар-Ола:

Марийский государственный университет, 2016а. С. 141–145.

Хайруллина О.Ф. Боярский могильник в системе мазунинского погребального обряда // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2016: Матер. Всерос. студенческой науч.-практ. конф. / гл. ред. Н. Н. Макарова. Магнитогорск: ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2016б. С. 77–80.

Хайруллина О.Ф. Безынвентарные захоронения Боярского «Арай» могильника в Удмуртском Прикамье // Л Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. / отв. ред. С. Э. Зубов. Самара: Самар. ун-т, 2018. С. 260–264.

Хайруллина О.Ф. К проблеме датировки мазунинских могильников (по материалам Боярского «Арай» могильника в Удмуртском Прикамье) // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных : материалы V Междунар. конф. молод. ученых (Москва, 19–21 марта 2019 г.) / отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 114–116.

Хайруллина О.Ф. Предметы кольчужного плетения в женском убore населения Среднего Прикамья III–V вв. // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 314–324.

Хайруллина О.Ф., Черных Е.М. Погребения с наконечниками стрел в могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2. С. 52–66.

Хайруллина О.Ф., Черных Е.М. Составные нагрудные украшения в женском убore III–V вв. н. э. Среднего Прикамья (по материалам погребения 98В Дубровского могильника) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 124–141.

Хомякова О.А. Неизвестная коллекция предметов из музея «Пруссия» в фондах Государственного исторического музея («Дар директора «Бецценбергера») // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 220–234.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке / МИКВАЭ. Т. 3. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 186 с.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Томский университет, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Томский университет, 1984. 254 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (преданьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 5 / отв. ред. С. В. Кузьминых. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа: Госплан Баш. АССР, 1929. С. 16–25.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. Т. 13. Вып. 1–2. Л.: Огиз, 1932. С. 1–46.

Щапова Ю.Л. Естественнонаучные методы в археологии. М.: МГУ, 1988. 151 с.

Щапова Ю.Л. Можно ли построить общую классификацию древнего вещного мира? // История и эволюция древних вещей. М.: МГУ, 1994. 160 с.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология украшений. М.: КДУ, 2007. 102 с.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

Стоянова А.А. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму // Археологія. 2005. № 2. С. 47–55.

Feugère M. Revue archéologique de Narbonnaise. Supplément. Les fibules en Gaule méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éd. du Centre nat. de la rech., 1985. 509 p.

Gening V. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein. 1995. S. 265–326.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИО	– Ананьевская культурно-историческая общность (общность)
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
БашГУ	– Башкирский государственный университет
БНЦ УрО РАН	– Башкирский научный центр Уральского отделения РАН
БФАН СССР	– Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИА НАН	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН	– Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
КВАЭ	– Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГУ им. Н.А. Некрасова	– Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
КИО	– Культурно-историческая общность
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
кург.	– курган
КФАН СССР	– Казанский филиал Академии наук СССР
МАР	– Материалы по археологии России
МарНИИ/МарНИИЯЛИ	– Мариийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МГТУ	– Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАД	– Материалы и исследования по археологии Дона
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
МИКВАЭ	– Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
НИИ при СМ УАССР	– Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР
НМУР	– Национальный музей Удмуртской Республики им. К.Герда
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
п., пп., погр.	– погребение (-я)

РА	– Российская археология
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СОИКМ им. П.В. Алабина	– Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
ТюмНЦ СО РАН	– Тюменский научный центр СО РАН
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УлГПУ им. И.Н. Ульянова	– Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
УНЦ РАН	– Уфимский научный центр РАН
УПАСК	– Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных
УРКМ	– Удмуртский республиканский краеведческий музей
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО АН СССР	– Уральское отделение АН СССР
ЮНЦ РАН	– Южный научный центр РАН

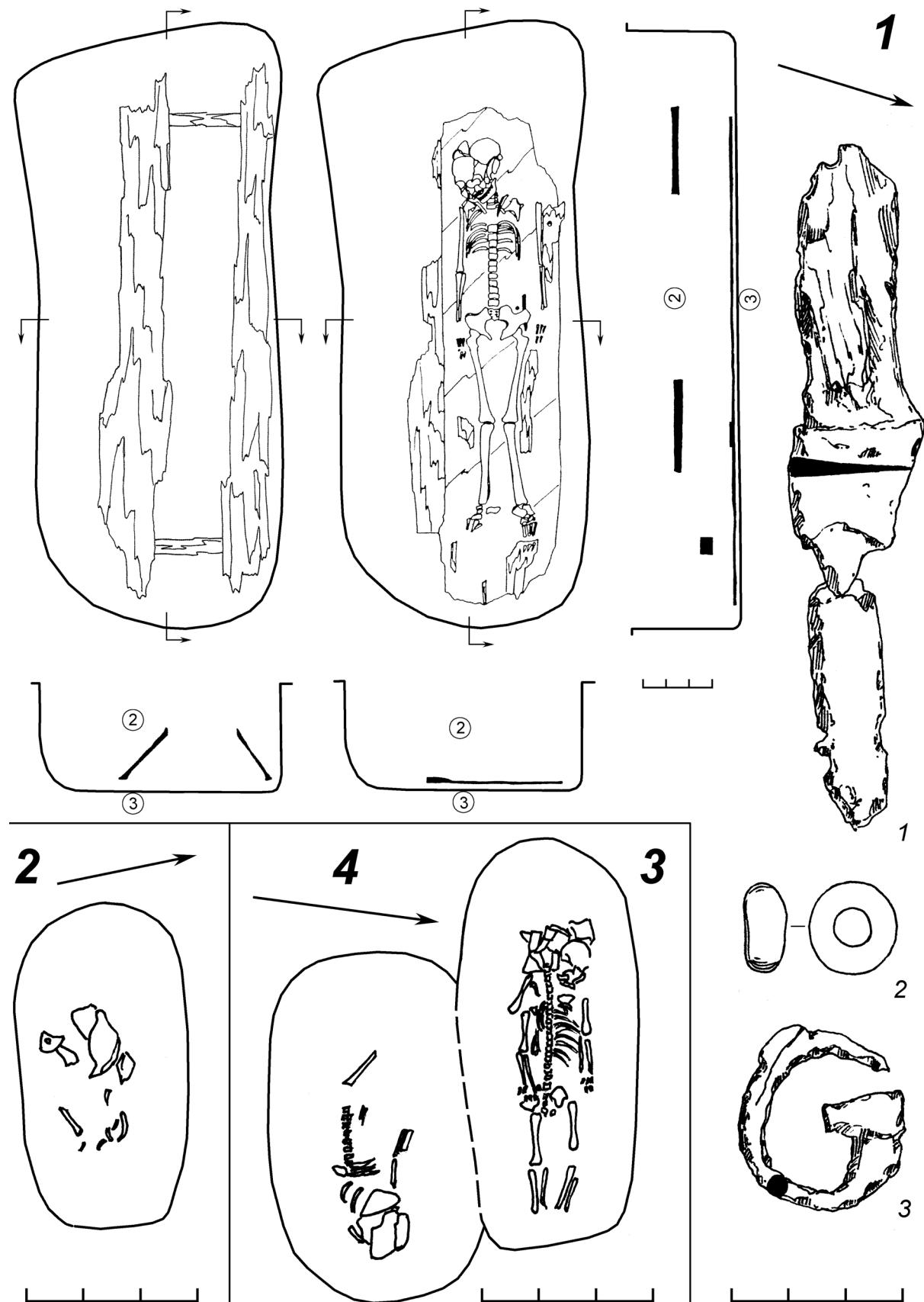

Табл. 1. Погребение 1: 1 – нож (железо), 2 – бусина (стекло), 3 – пряжка (железо).
Безынвентарные погребения 2, 3, 4

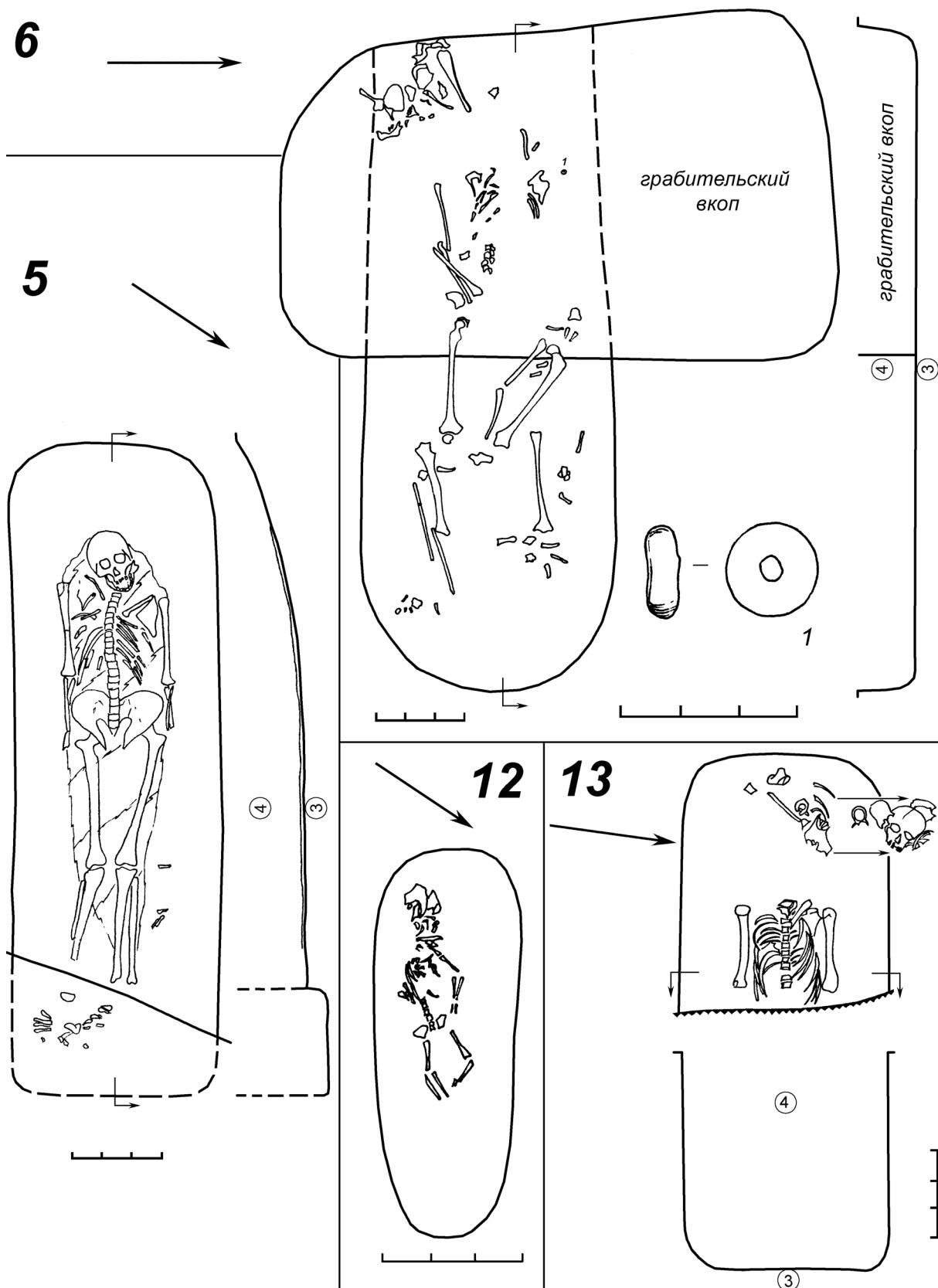

Табл. 2. Погребение 6: 1 – стеклянная бусина. Безынвентарные погребения 5, 12, 13

7

Ж.К.

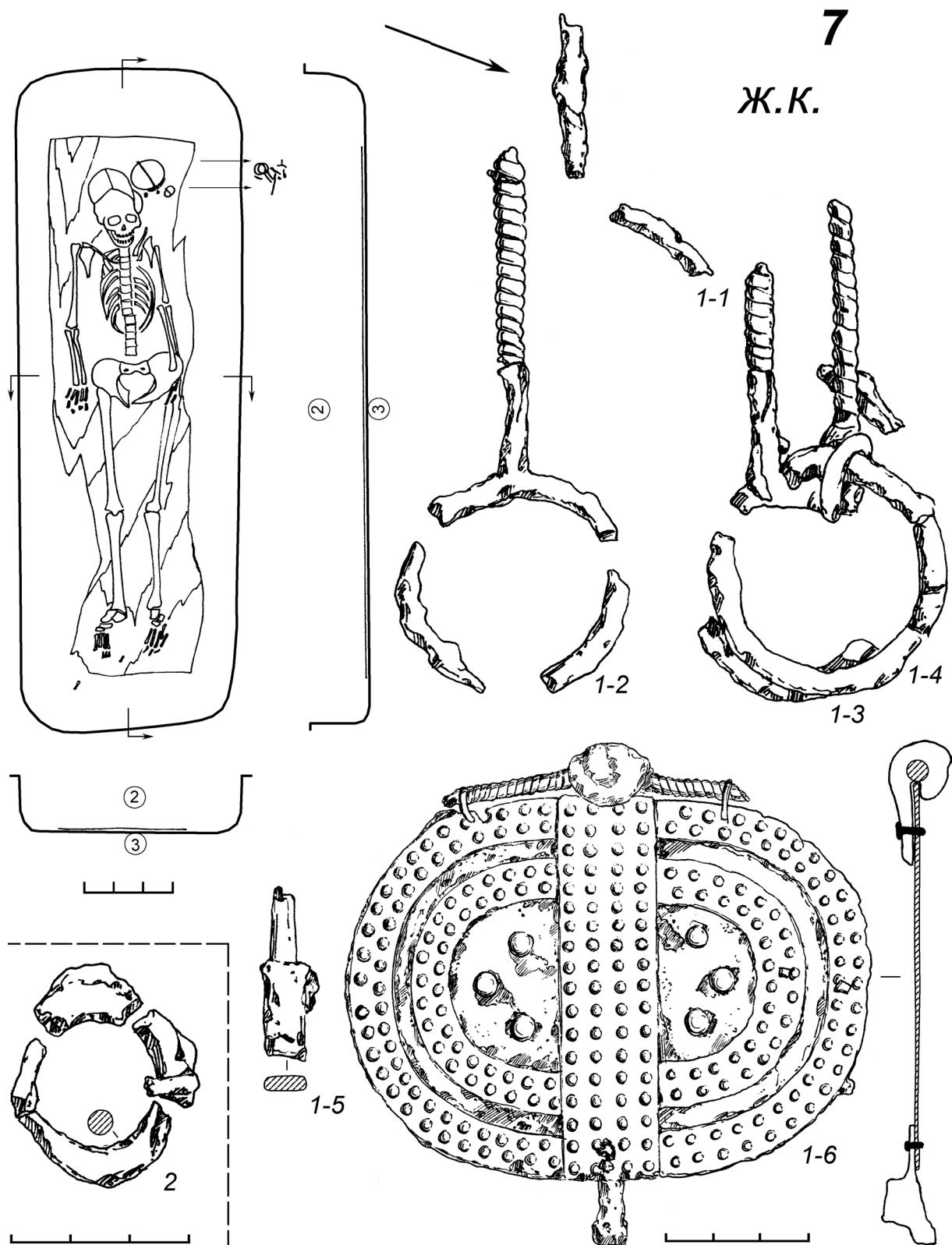

Табл. 3. Погребение 7: 1 – скопление вещей (Ж.К.); 1–4 – височные подвески (железо, бронза), 5 – шило (железо), 6 – фибула (железо, бронза); 2 – пряжка (железо)

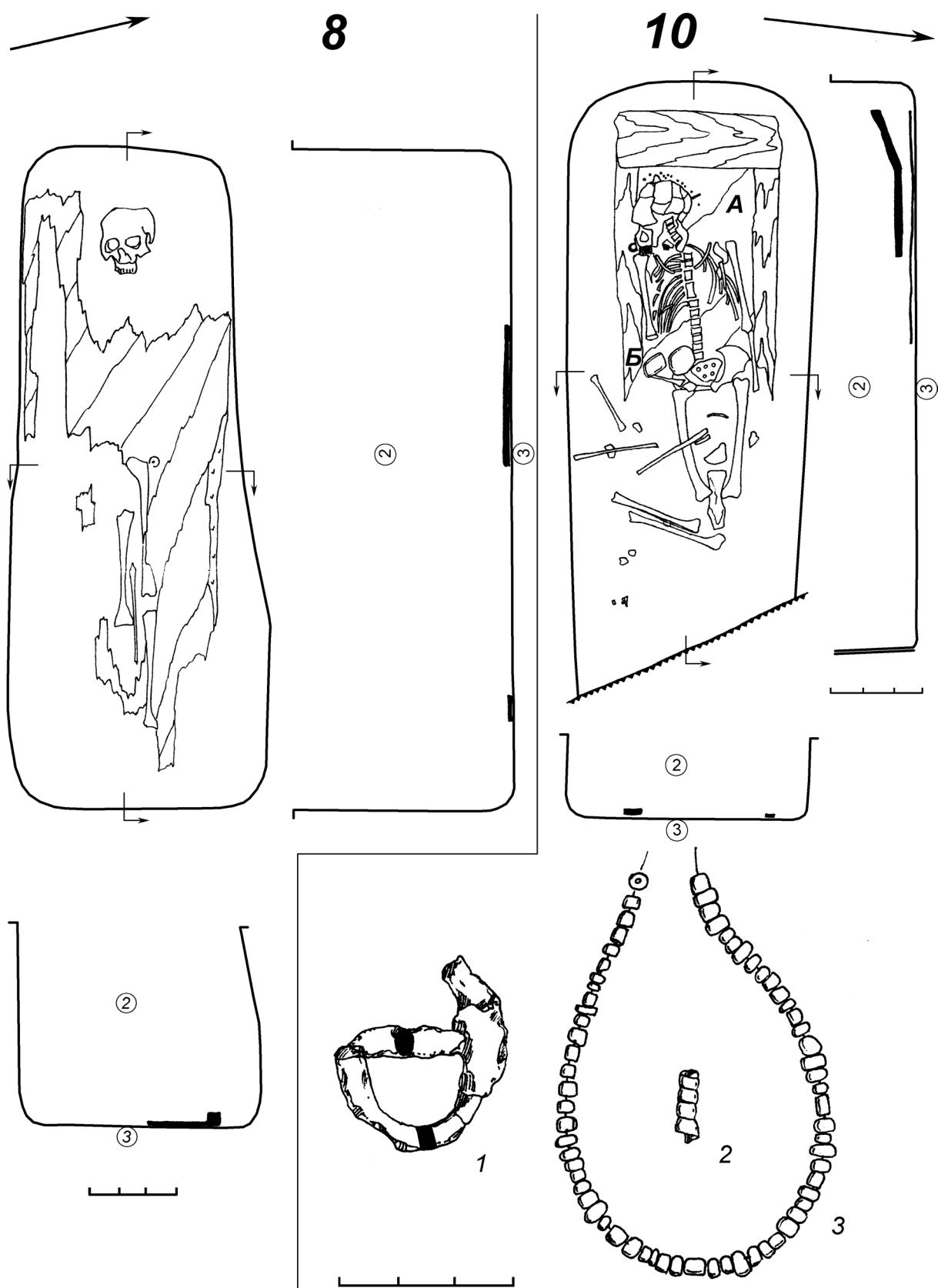

Табл. 4. Безынвентарное погребение 8.
Погребение 10: 1 – пряжка (железо), 2 – пронизка (бронза), 3 – бисер (стекло)

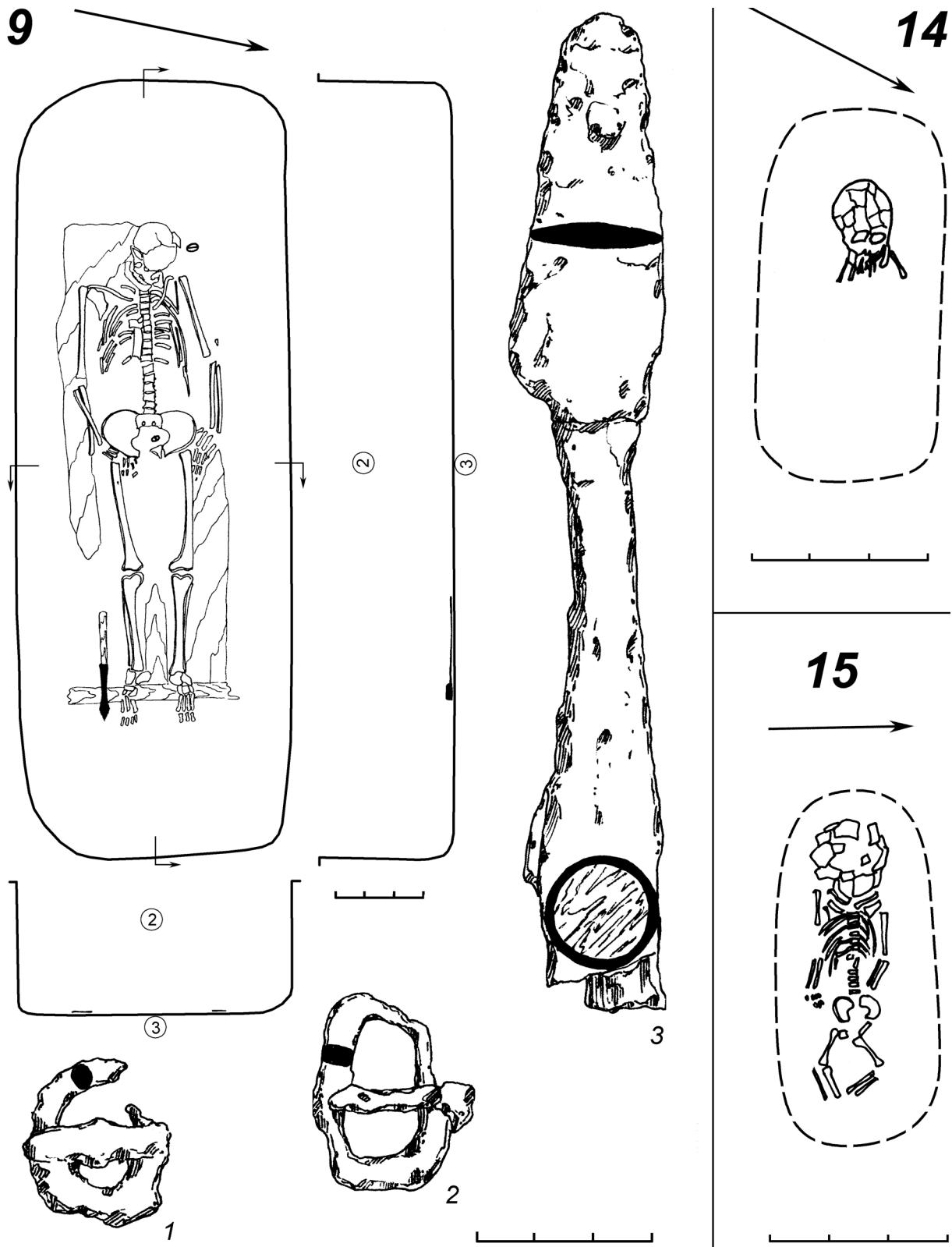

Табл. 5. Погребение 9: 1 – пряжка (железо), 2 – пряжка (железо), 3 – наконечник копья (железо, дерево). Безынвентарные погребения 14, 15

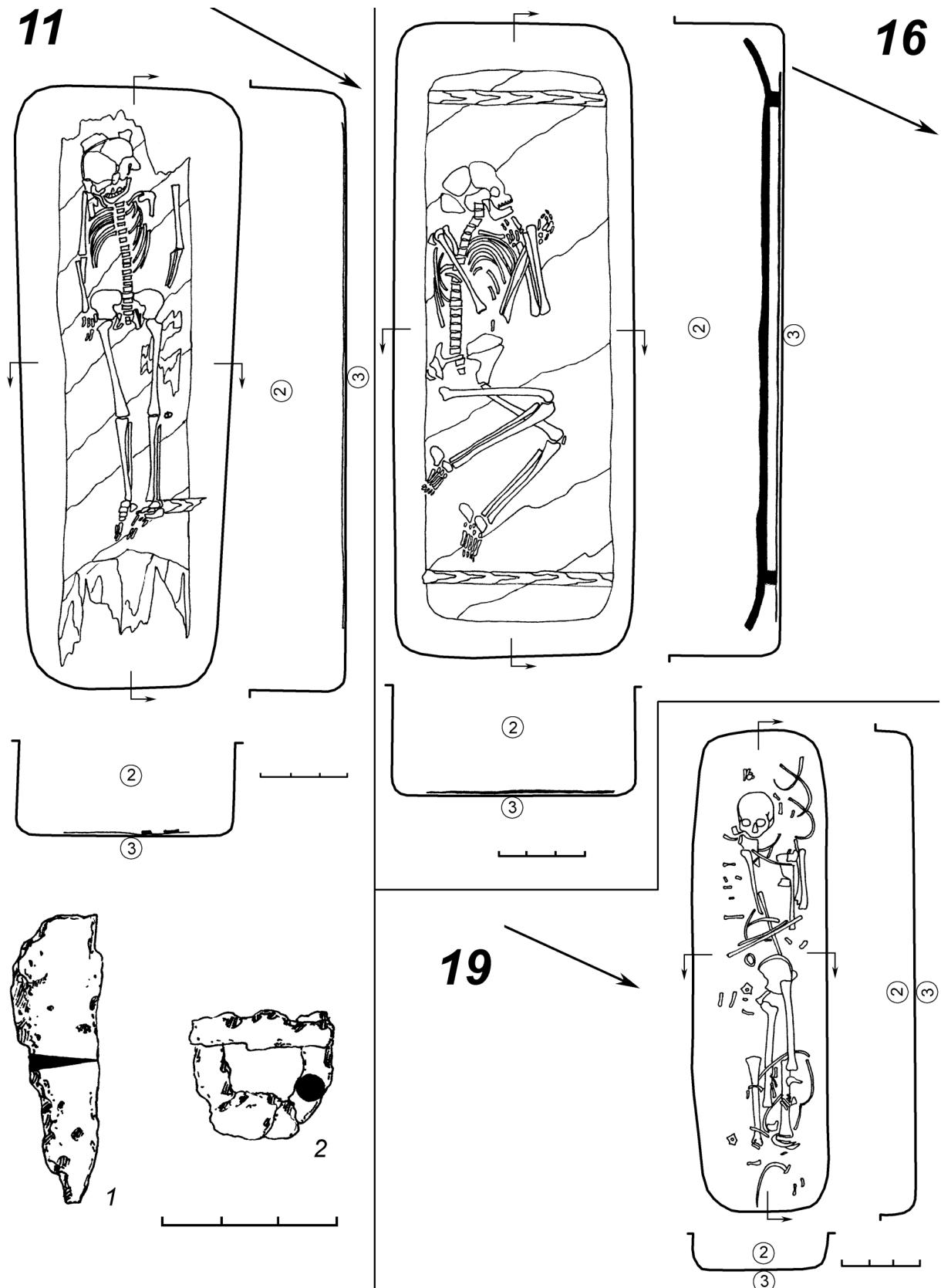

Табл. 6. Погребение 11: 1 – нож (железо), 2 – пряжка (железо).
Безынвентарные погребения 16, 19

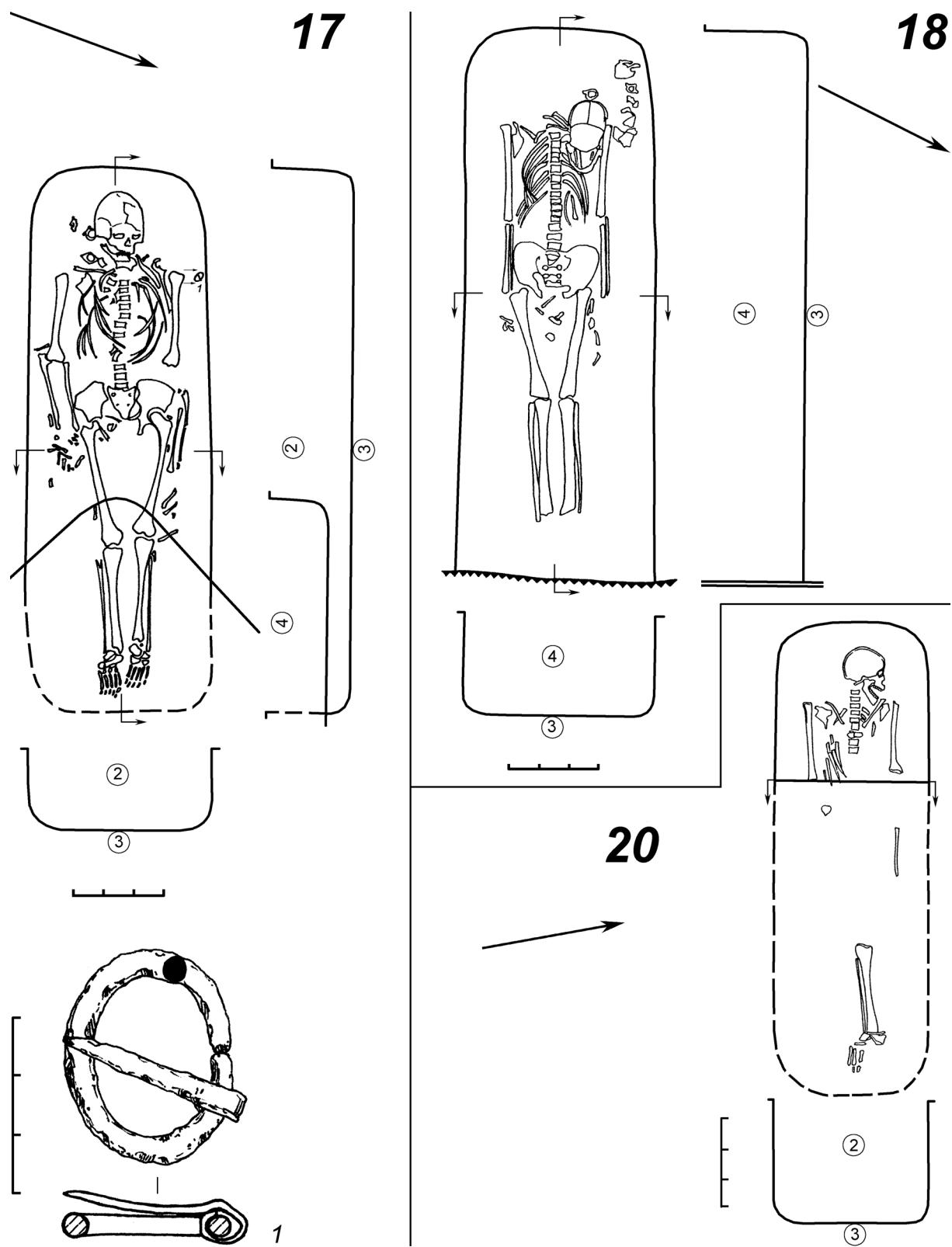

Табл. 7. Погребение 17: 1 – железная пряжка.
Безынвентарные погребения 18, 20

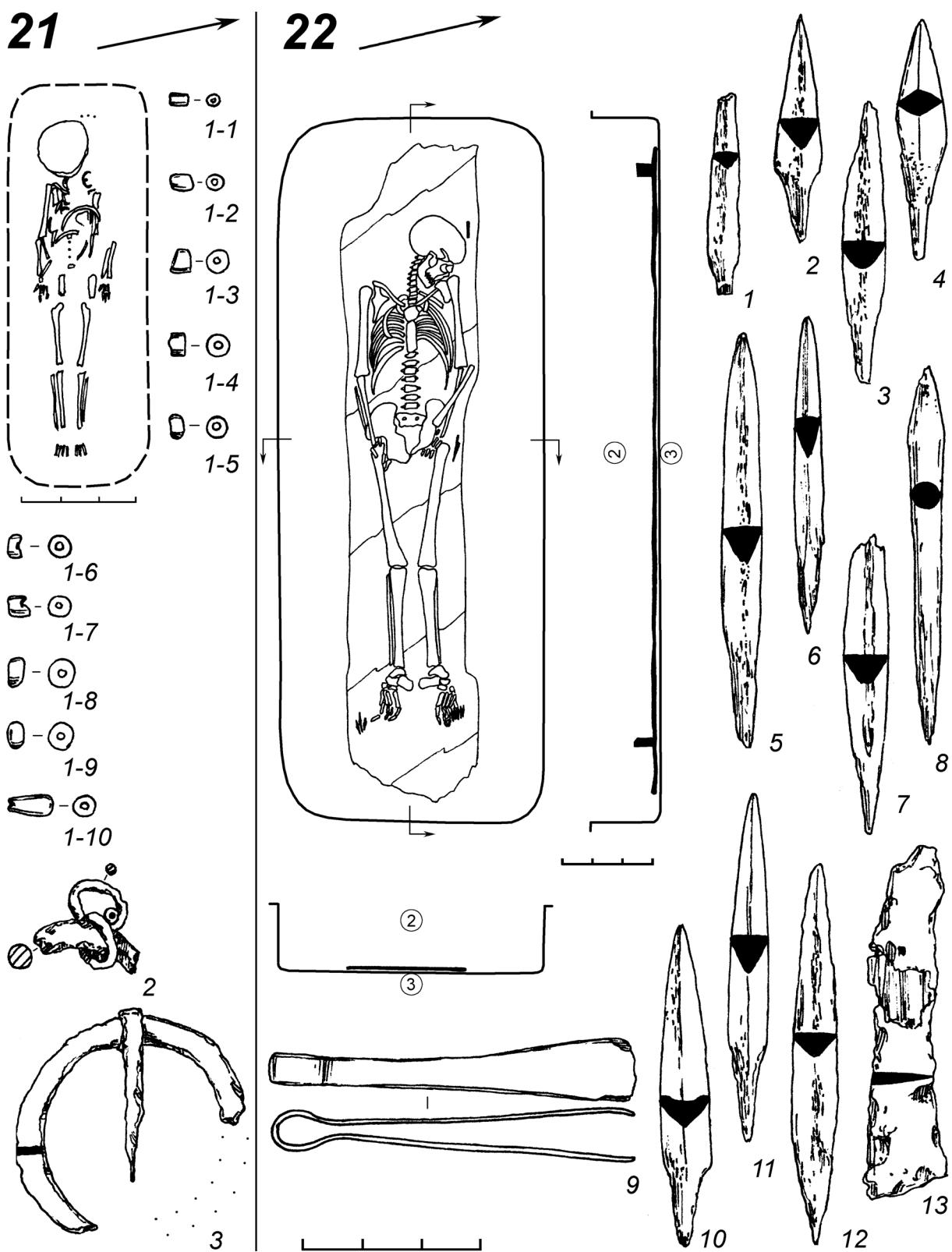

Табл. 8. Погребение 21: 1–1–10 – бисер (стекло), 2 – фрагмент цепочки (железо),
3 – сюльгама (железо). Погребение 22: 1–8, 10–12 – наконечники стрел (кость),
9 – пинцет (бронза), 13 – нож (железо)

23

Б

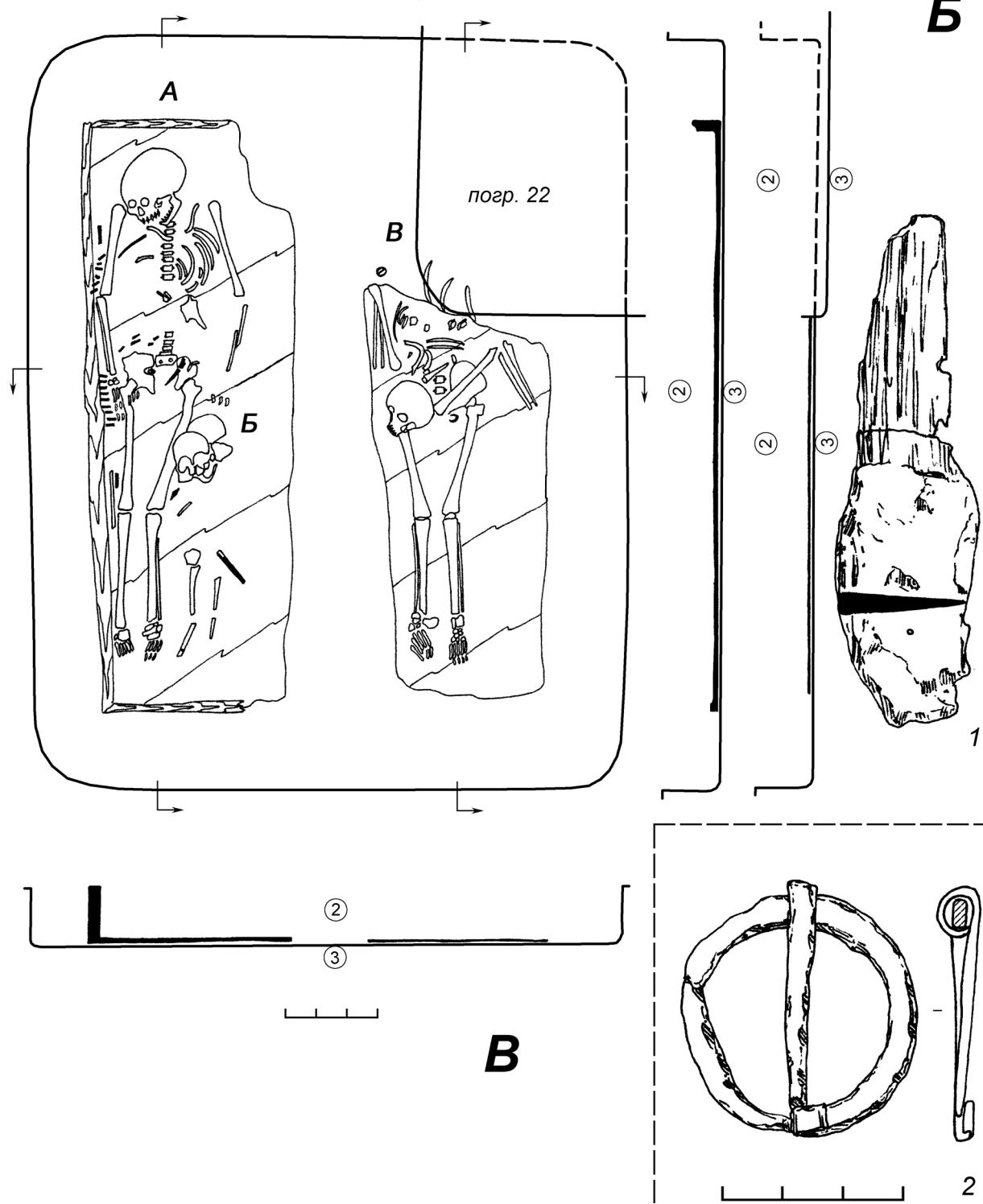

Табл. 9. Погребение 23. Б: 1 – нож (железо, дерево).
Б: 2 – сюльгама (железо)

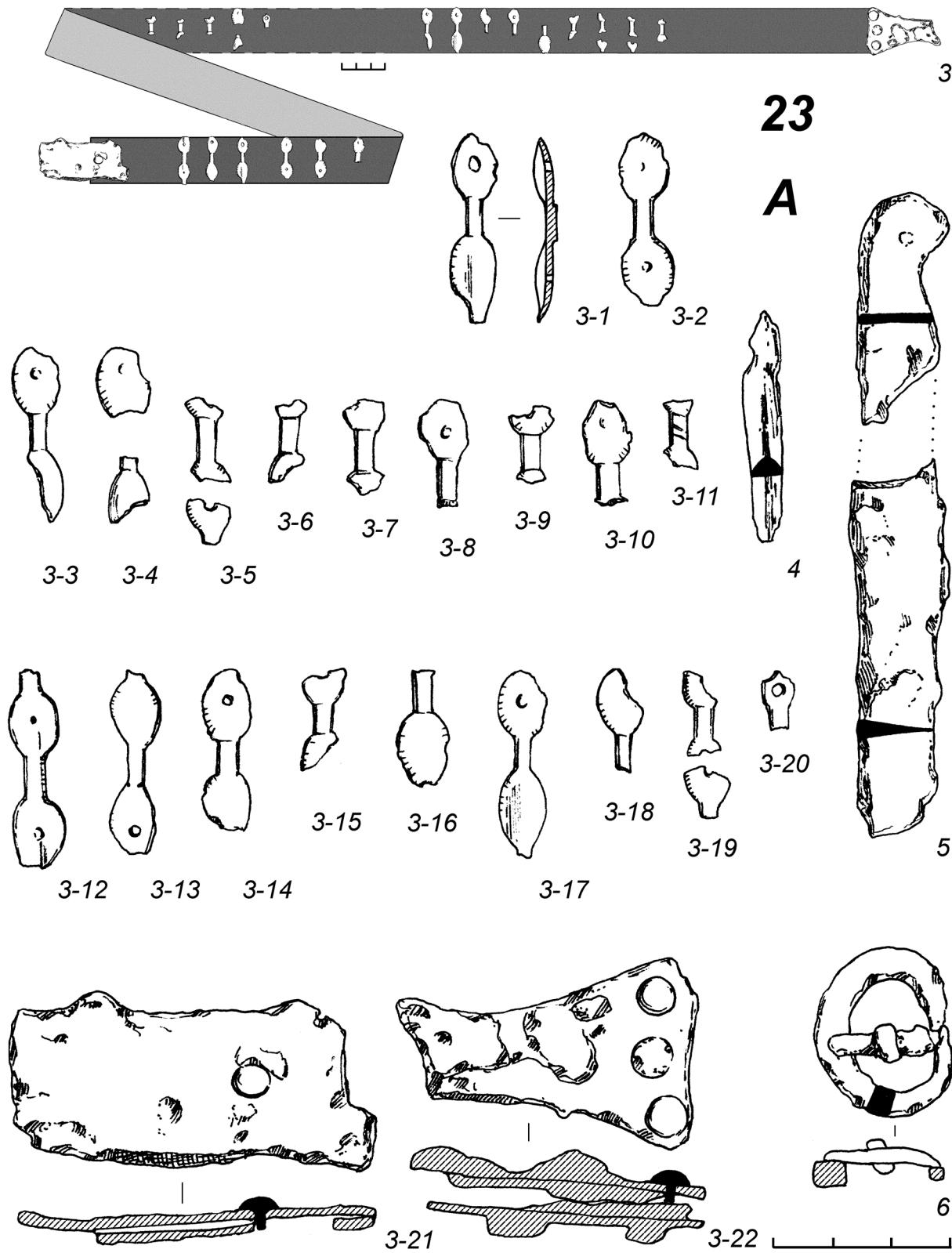

Табл. 10. Погребение 23 (А). 3 – реконструкция поясного набора: 3–1–20 – поясные накладки (бронза), 3–21 – пластина пряжки (железо, бронза), 3–22 – наконечник ремня (железо, бронза); 4 – наконечник стрелы (кость), 5 – нож (железо), 6 – пряжка (железо)

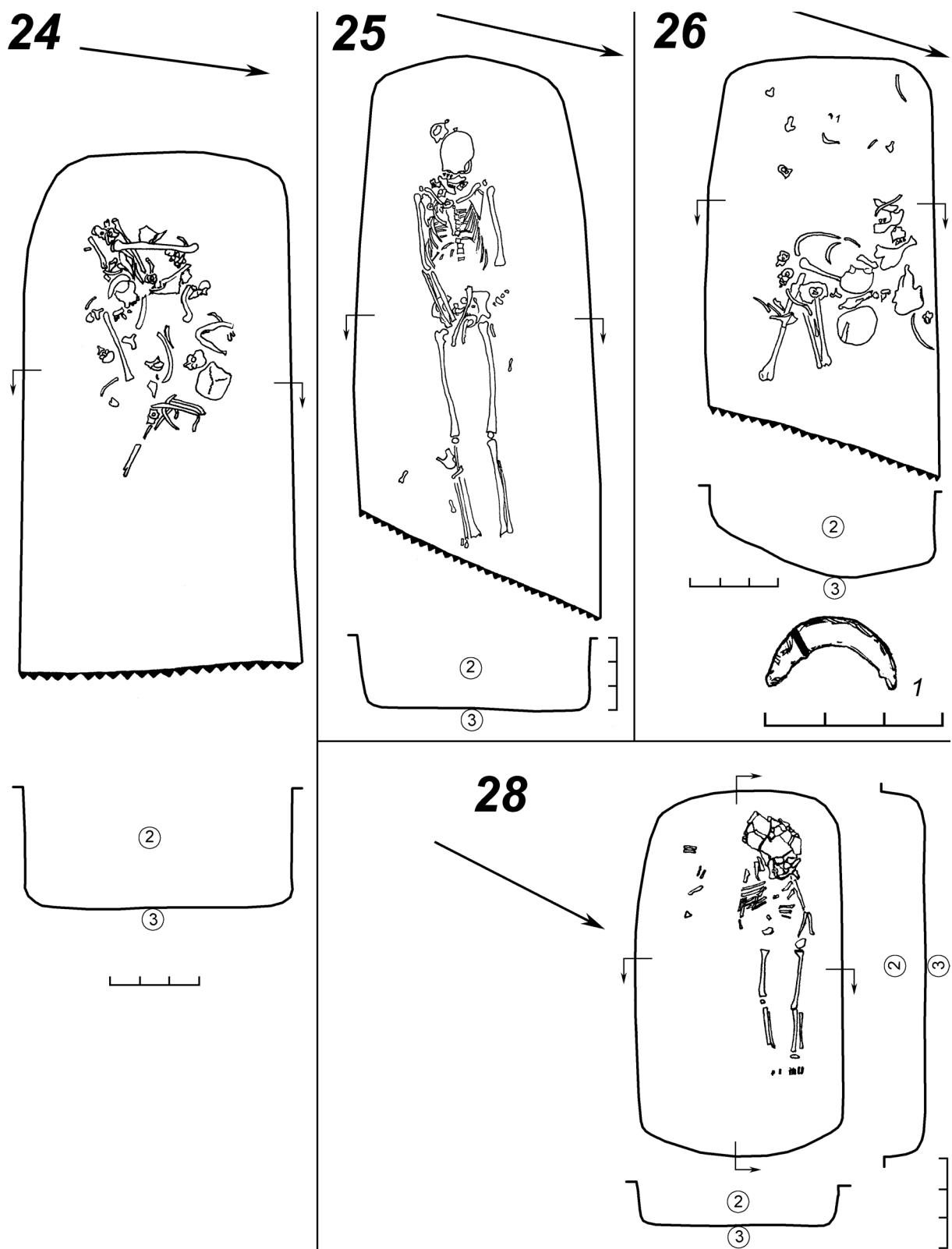

Табл. 11. Безынвентарные погребения 24, 25, 28.
Погребение 26: 1 – фрагмент железной вещи

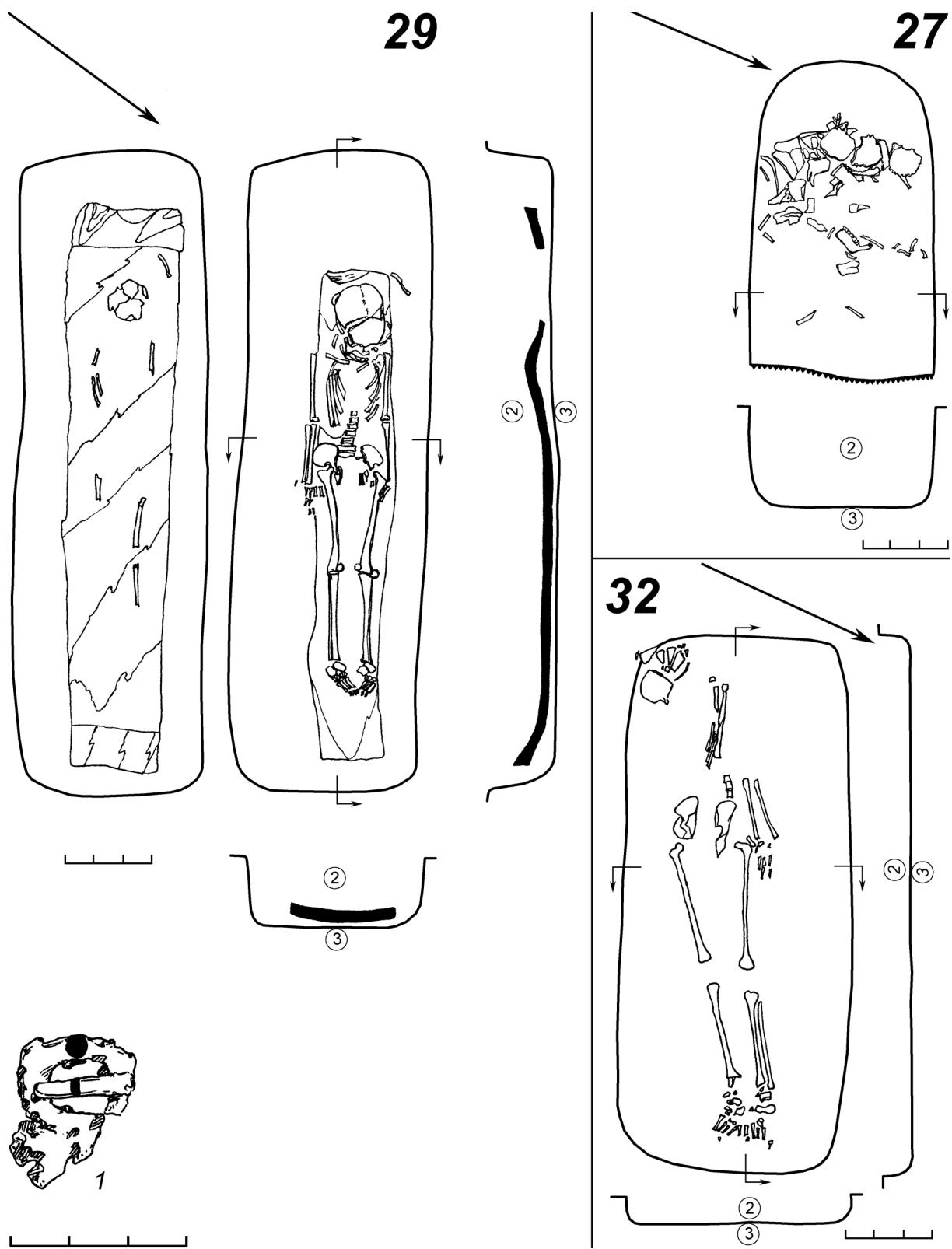

Табл. 12. Безынвентарные погребения 27, 32.
Погребение 29: 1 – пряжка (железо, бронза)

30

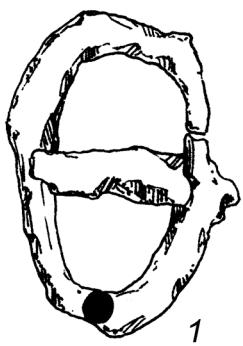
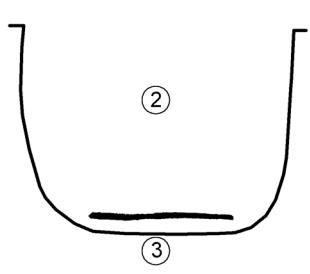
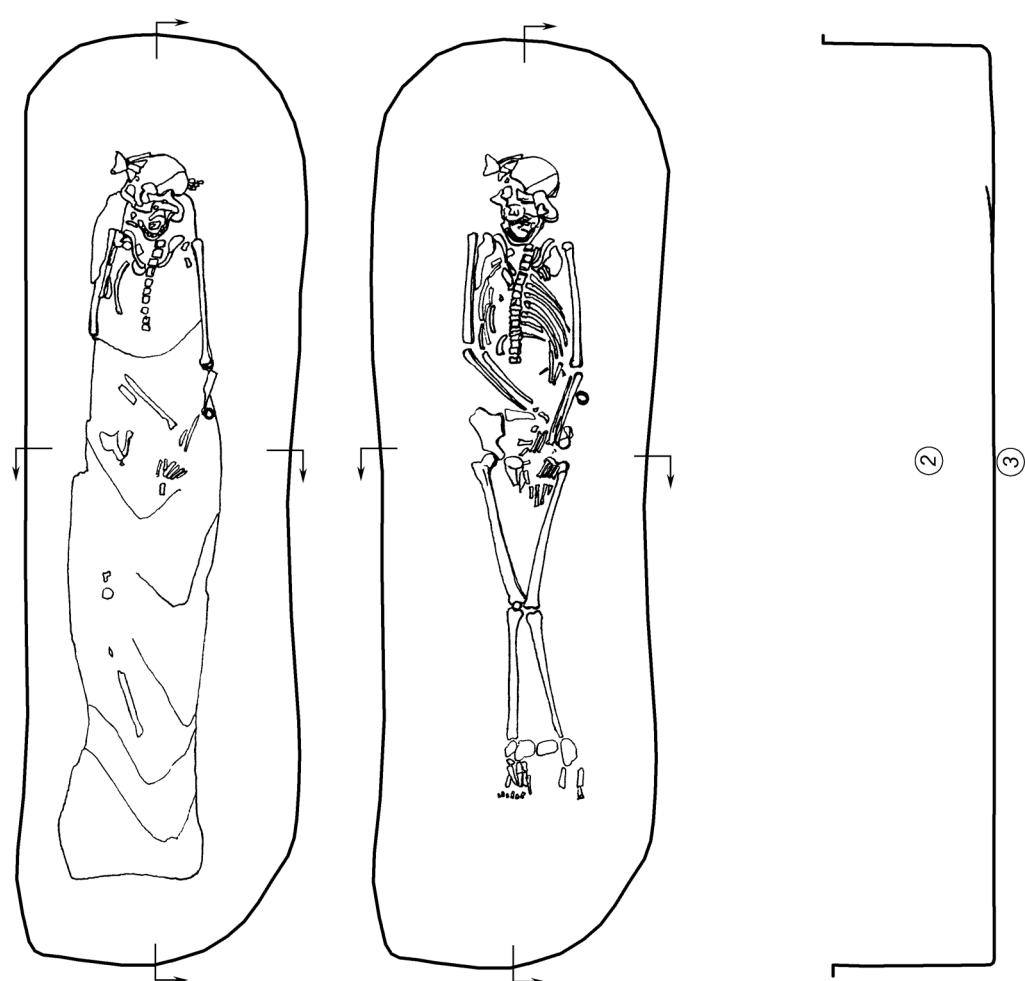

Табл. 13. Погребение 30: 1 – железная пряжка

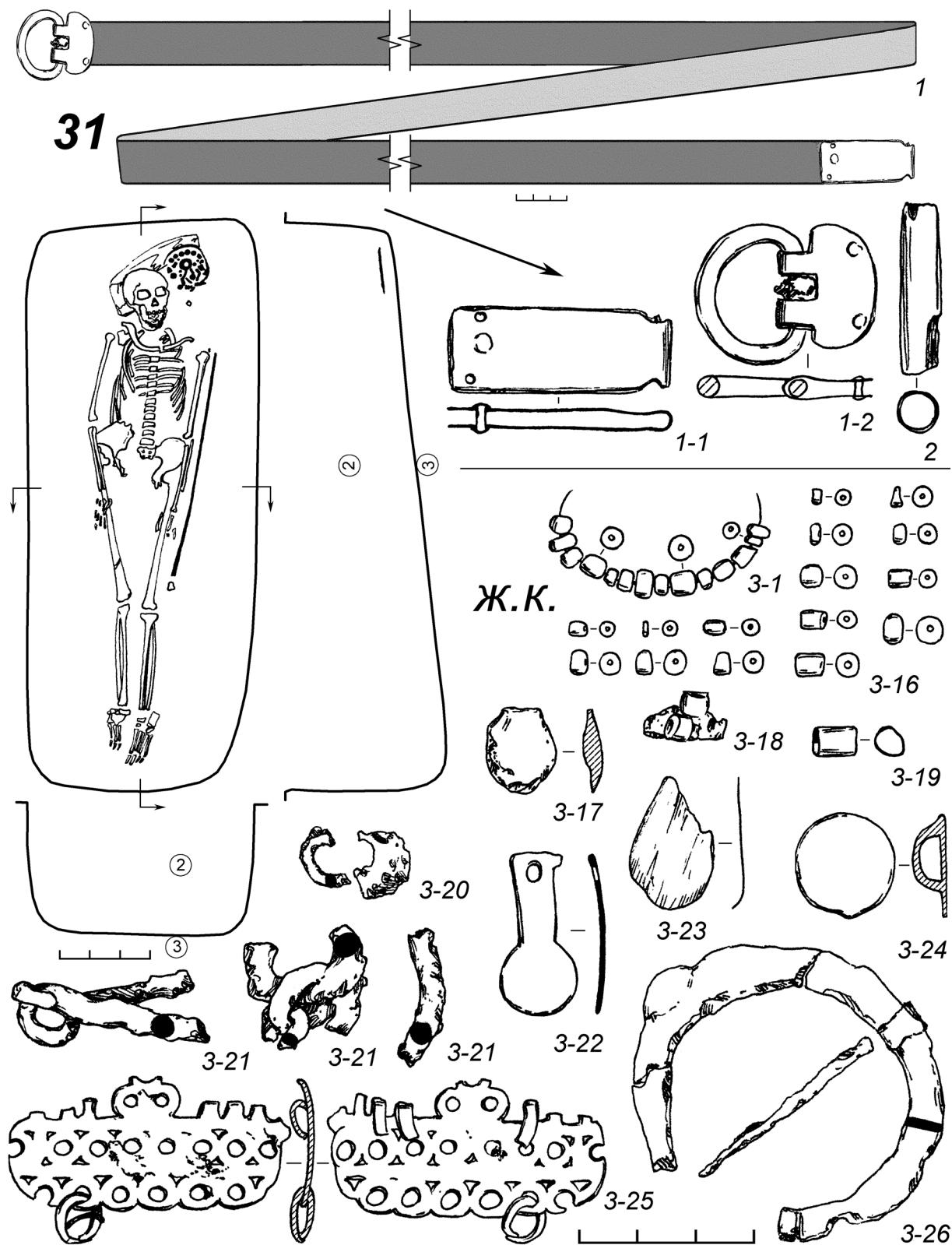

Табл. 14. Погребение 31: 1 – реконструкция поясного набора: 1-1 – наконечник ремня (бронза), 1-2 – пряжка (бронза); 2 – пронизка (железо); 3 – скопление вещей (ЖК): 3-1–16 – бисер (стекло), 3-17 – бляшка-накладка (железо), 3-18, 19 – пронизки (бронза), 3-20, 21 – фрагменты железных предметов, 3-22 – подвеска (бронза) на куске кожи (3-23), 3-24 – бляшка-накладка (бронза), 3-25 – ажурная накладка (бронза), 3-26 – сюльгама (железо)

31 Ж.К.

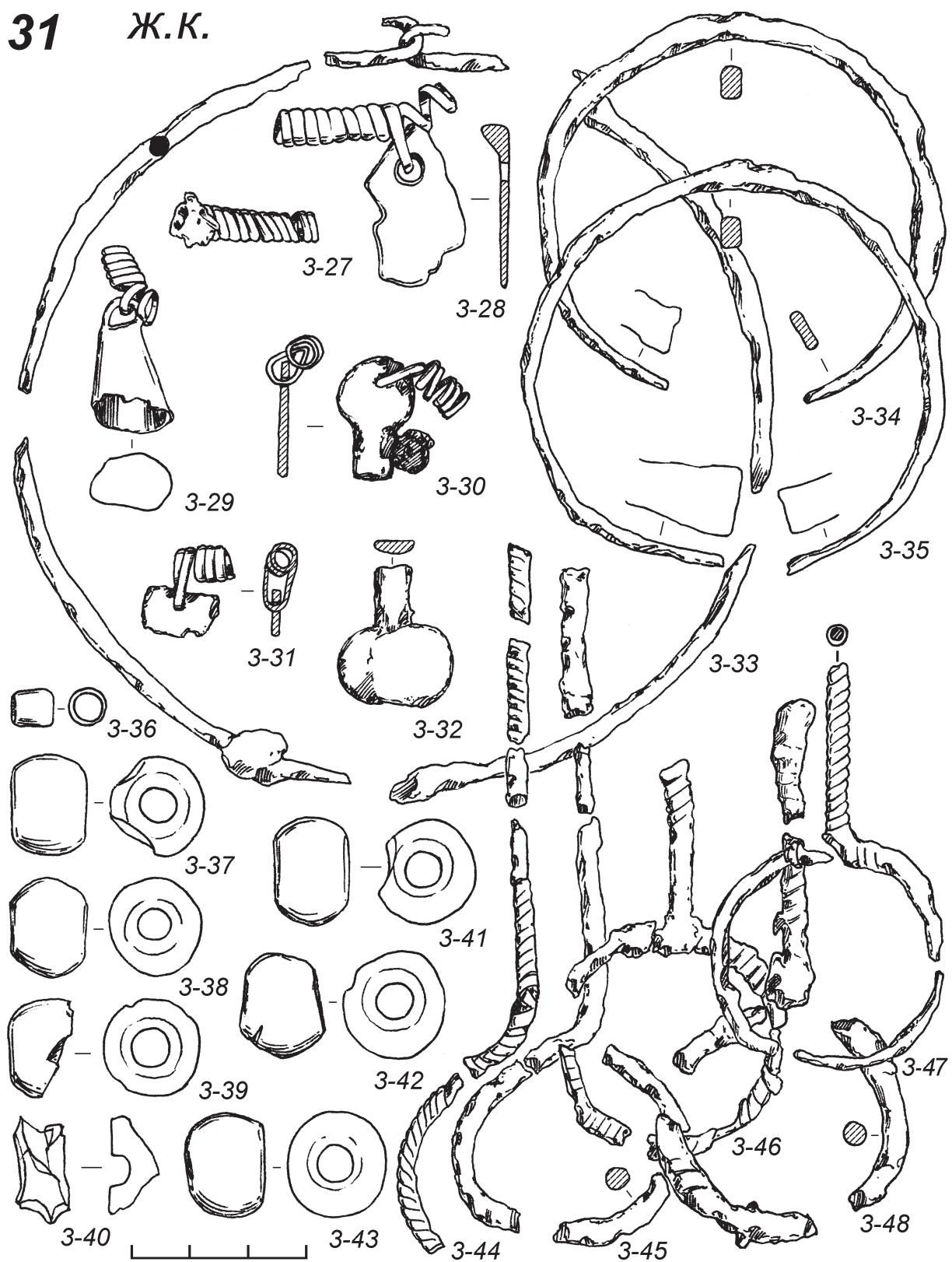
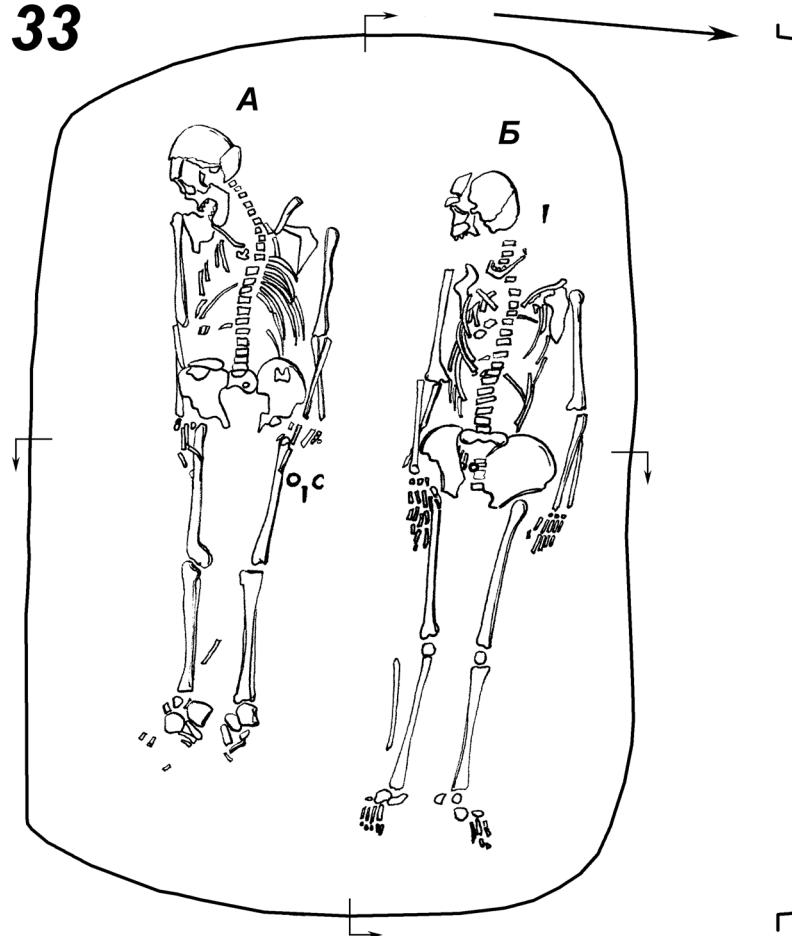
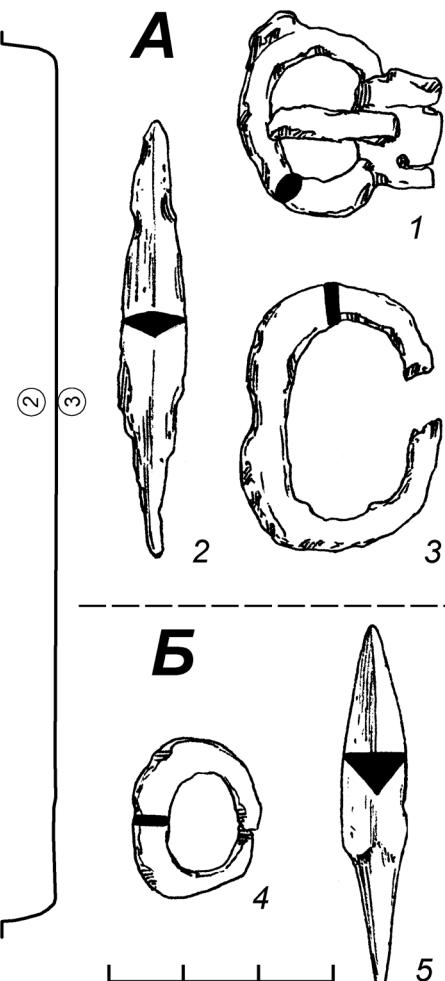

Табл. 15. Погребение 31: 3 – скопление вещей (ЖК, продолжение): 3–27–32 – украшение из бронзовых пронизок с бронзовыми привесками (28, 29) и железными подвесками (30–32), 3–33 – гривна (железо), 3–34, 35 – браслеты (железо), 3–36–43 – бусы (стекло), 3–44–48 – височные подвески (железо, бронза)

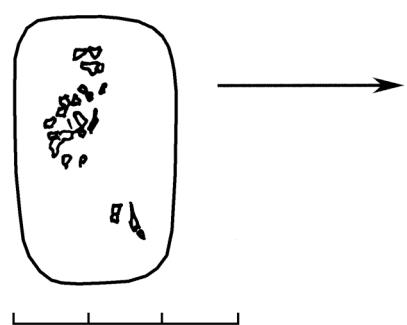
33

A

34

35

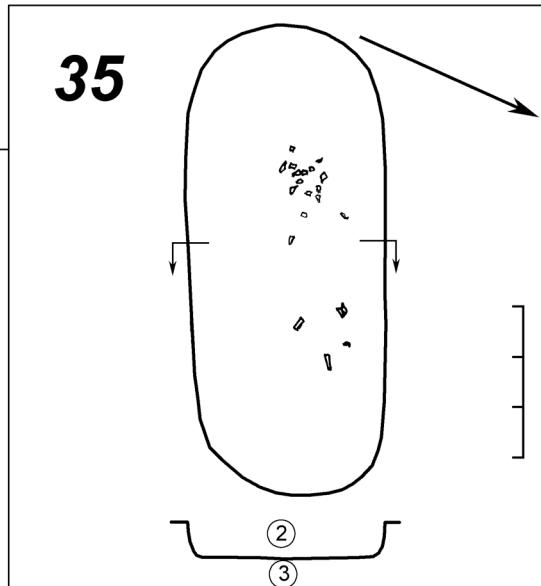

Табл. 16. Погребение 33. А: 1, 3 – пряжки (железо), 2 – наконечник стрелы (кость);

Б: 4 – пряжка (железо), 5 – наконечник стрелы (кость).

Безынвентарные погребения 34, 35

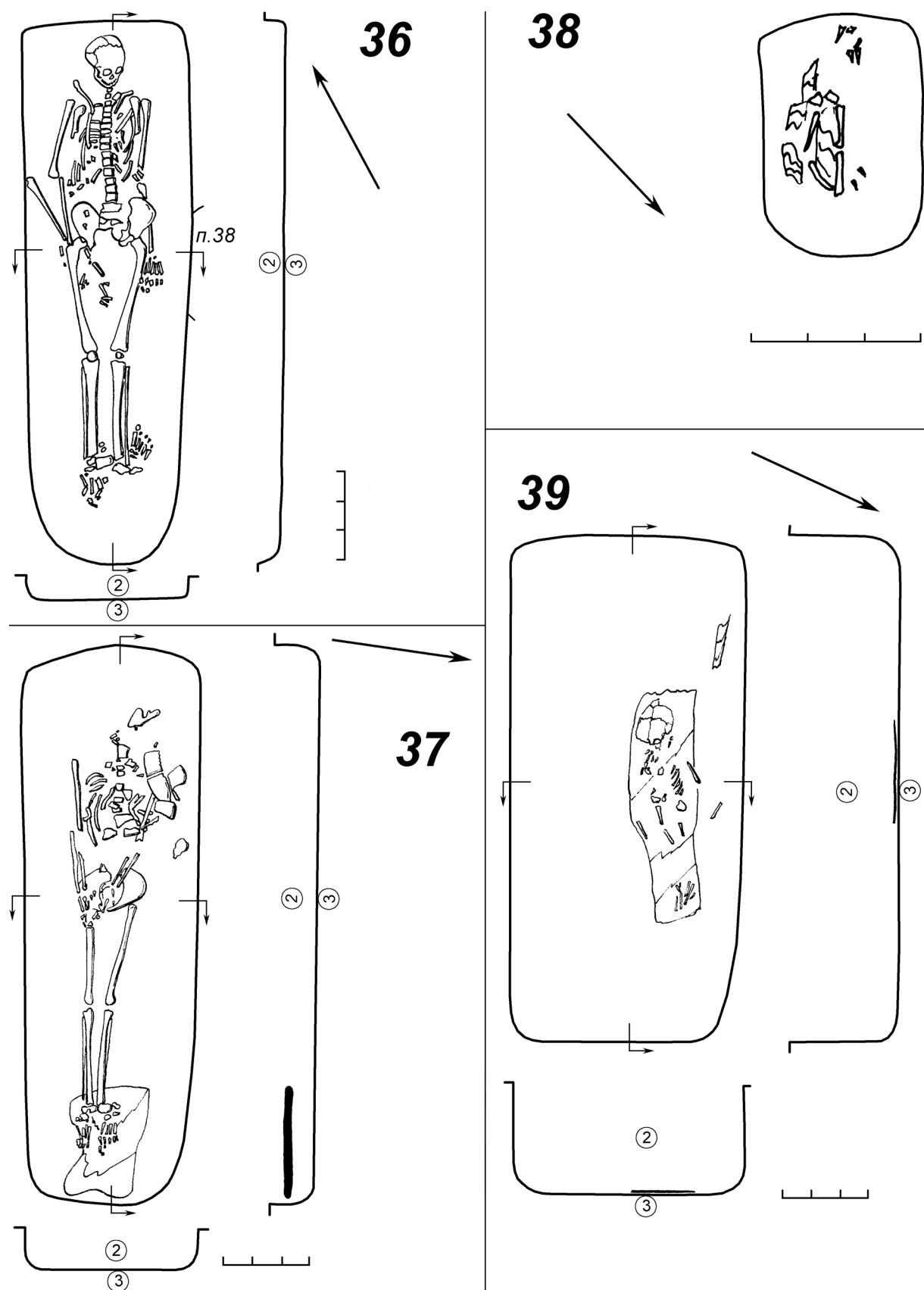

Табл. 17. Безынвентарные погребения 36, 37, 38, 39

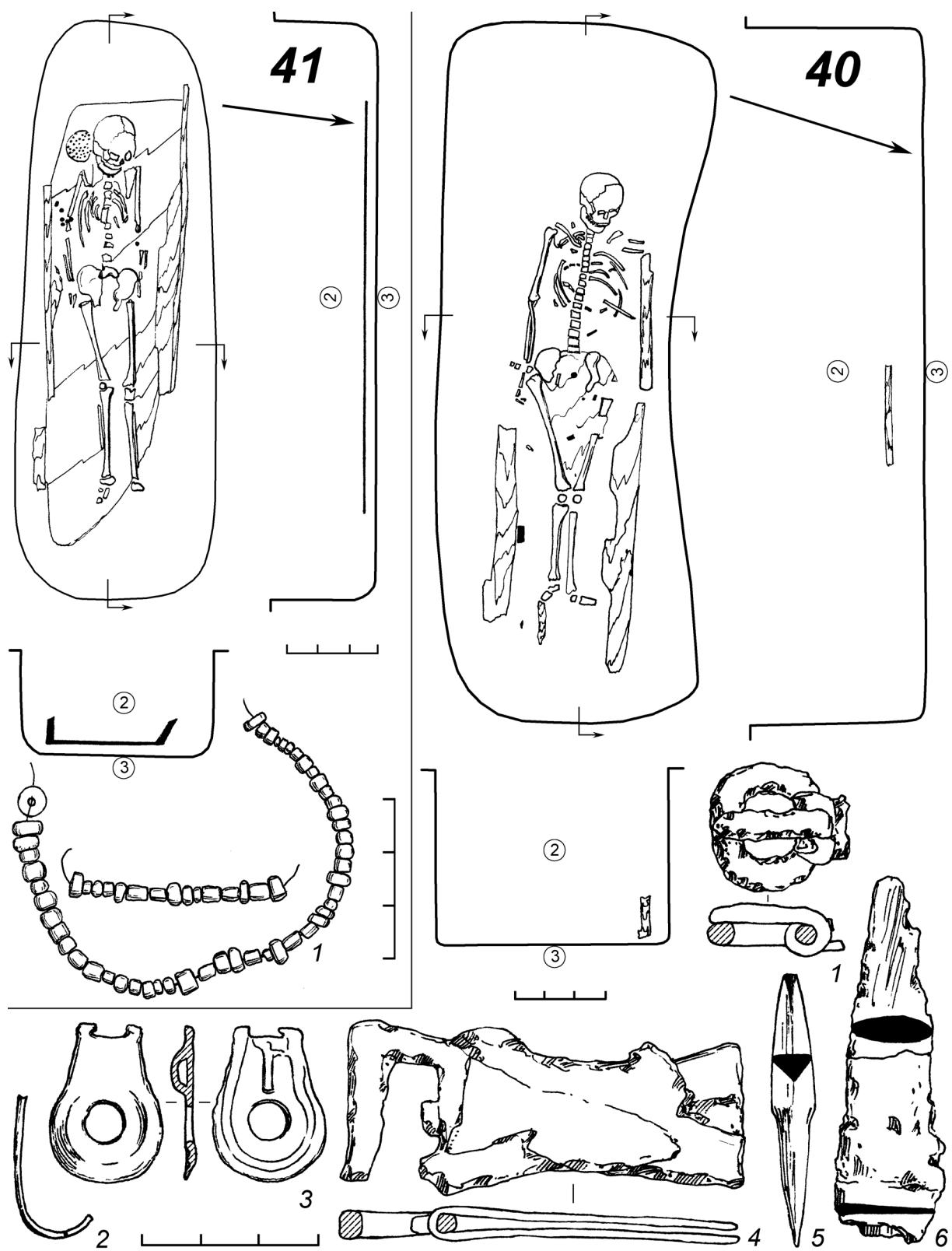

Табл. 18. Погребение 40: 1, 4 – пряжки (железо), 2 – крючок (бронза),
3 – накладка (бронза), 5 – наконечник стрелы (кость), 6 – нож (железо).

Погребение 41: 1 – бисер (стекло)

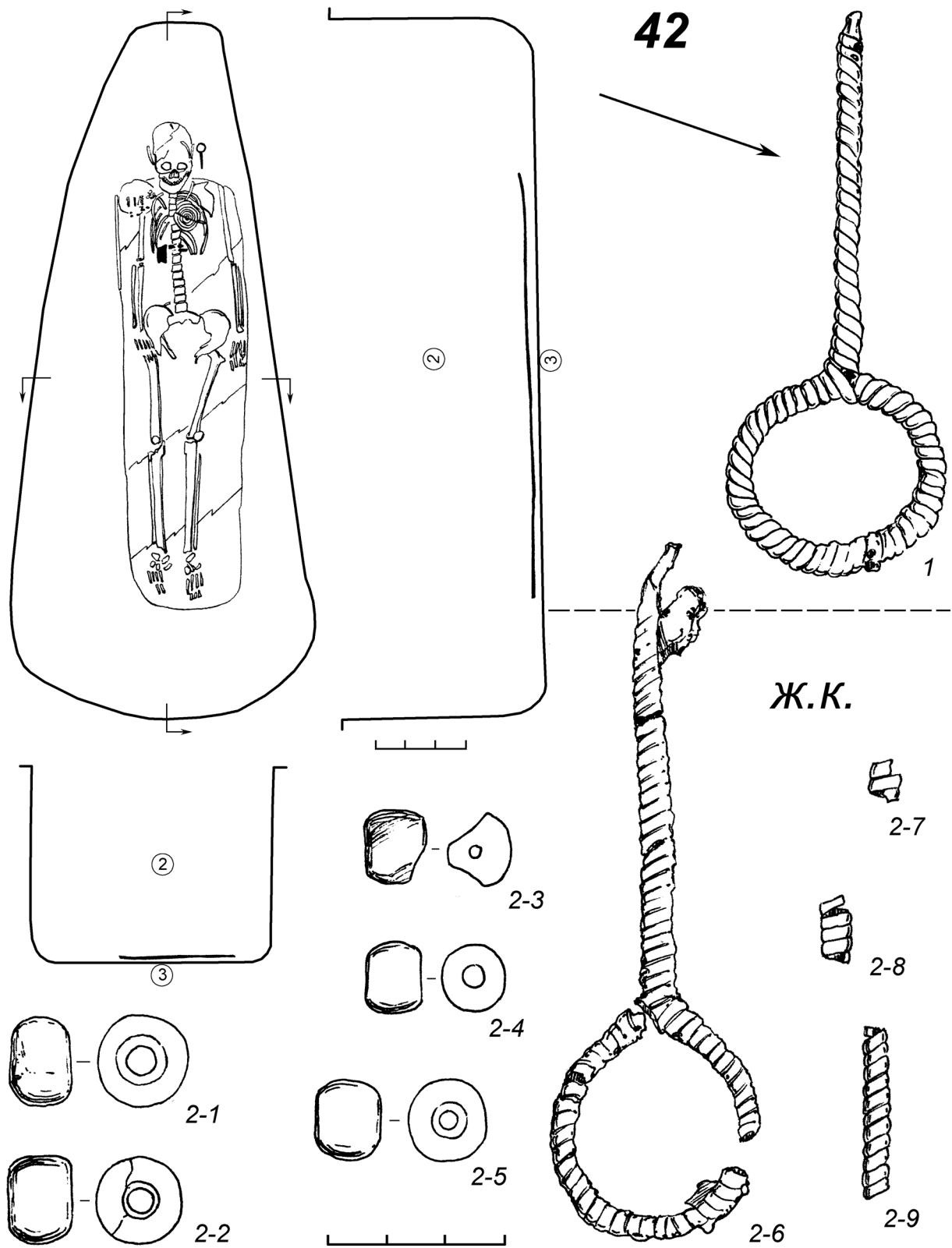

Табл. 19. Погребение 42: 1 – височная подвеска (железо, бронза);
2 – скопление вещей (Ж.К.); 2–1–5 – бусы (стекло),
2–6 – височная подвеска (железо, бронза), 2–7–9 – пронизки (бронза)

42

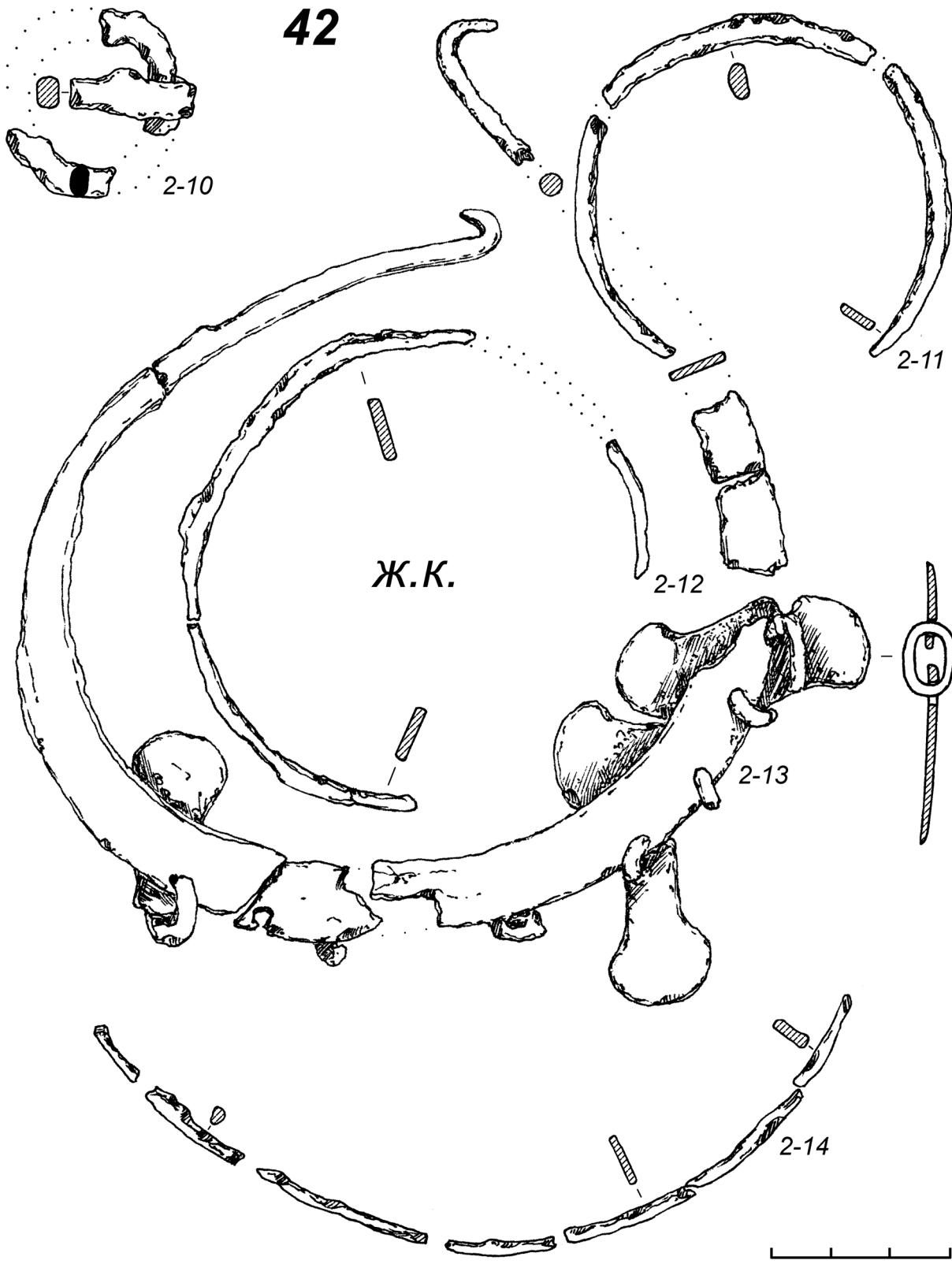
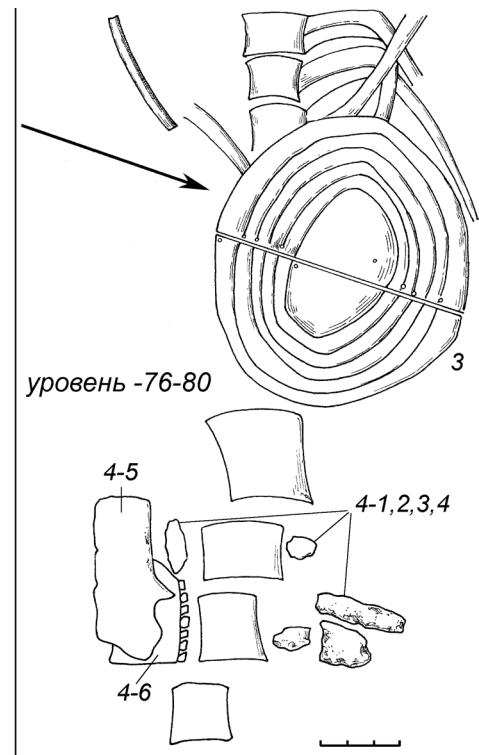
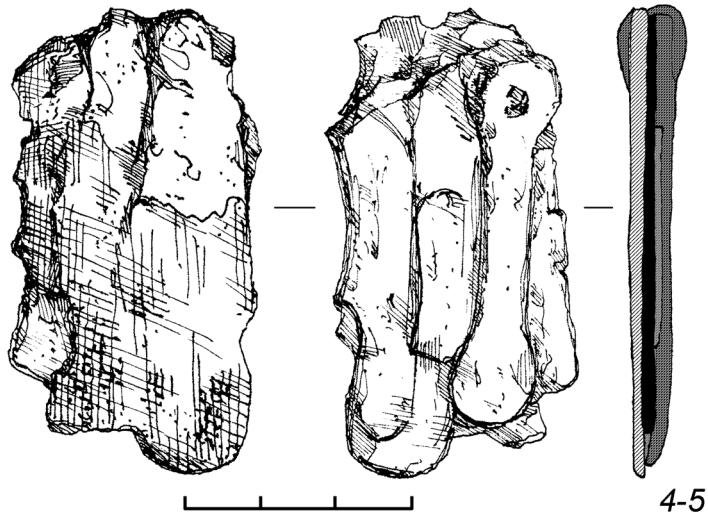
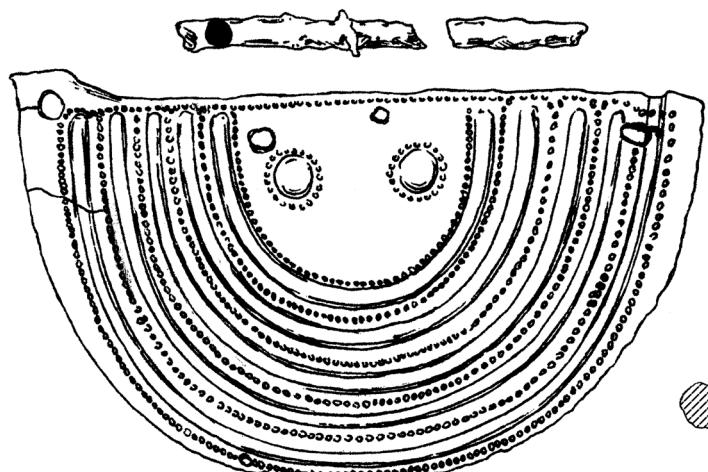
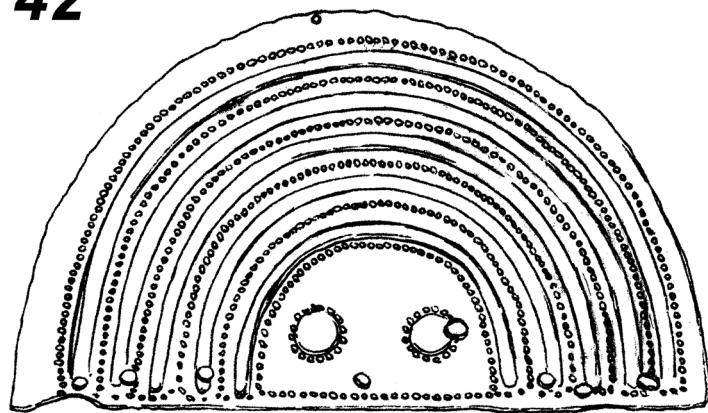

Табл. 20. Погребение 42: 2 – скопление вещей (ЖК, продолжение): 2–10 – пряжка (железо), 2–11, 12 – браслеты (железо), 2–13 – гривна с подвесками (железо), 2–14 – фрагменты железных вещей

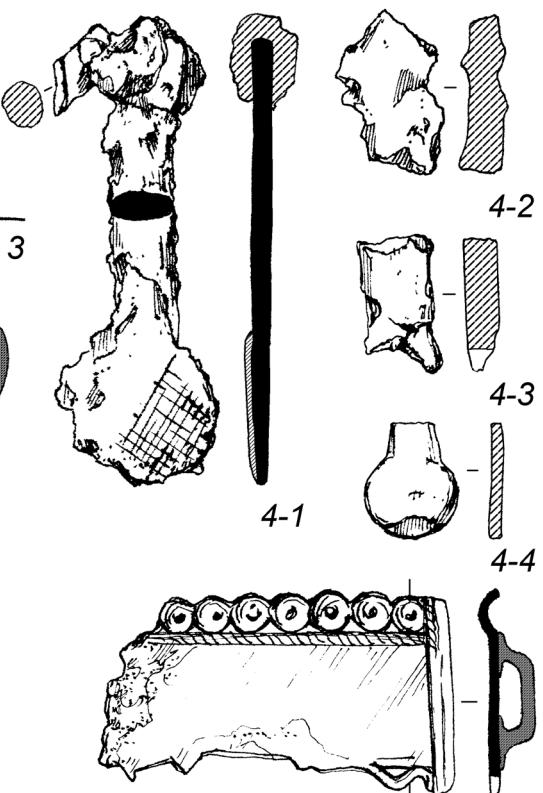
42

нагрудное украшение

3

4-5

4-6

Табл. 21. Погребение 42. Нагрудное украшение (*in situ*, прорисовка вещей): 3 – фибула (бронза) с железной иглой, 4–1, 4, 5 – подвески (железо), 4–6 – накладка (бронза), 4–2, 3 – фрагменты железных вещей

43

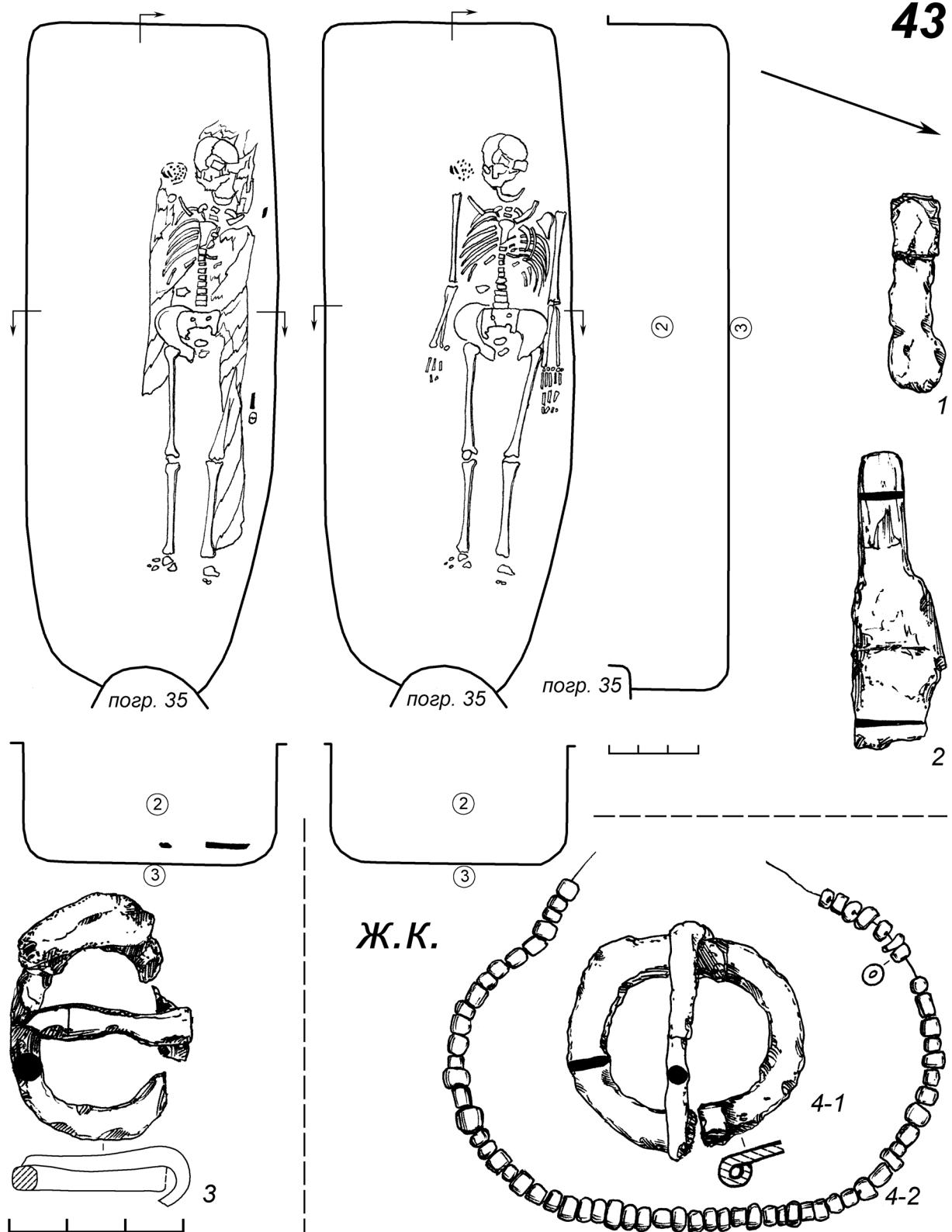

Табл. 22. Погребение 43: 1 – фрагменты железной вещи, 2 – нож (железо),
3 – пряжка (железо), 4 – скопление вещей (Ж.К.): 4–1 – сюльгама (железо),
4–2 – бисер (стекло)

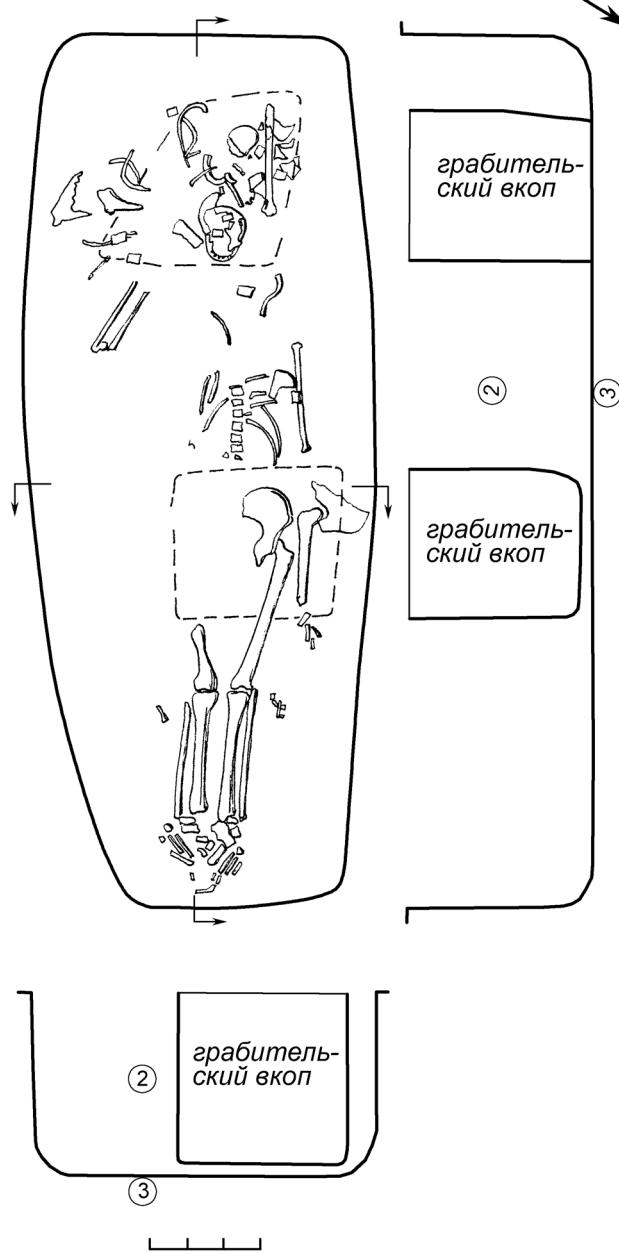
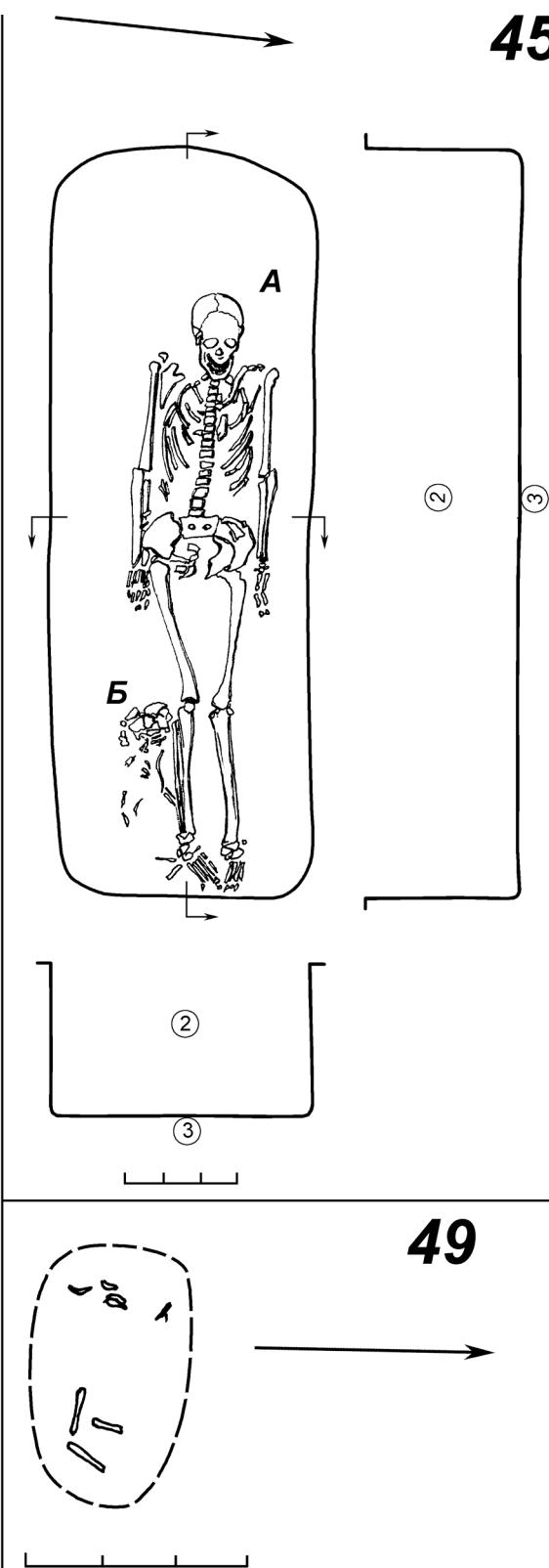
44**45****49**

Табл. 23. Безынвентарные погребения 44, 45 (А, Б), 49

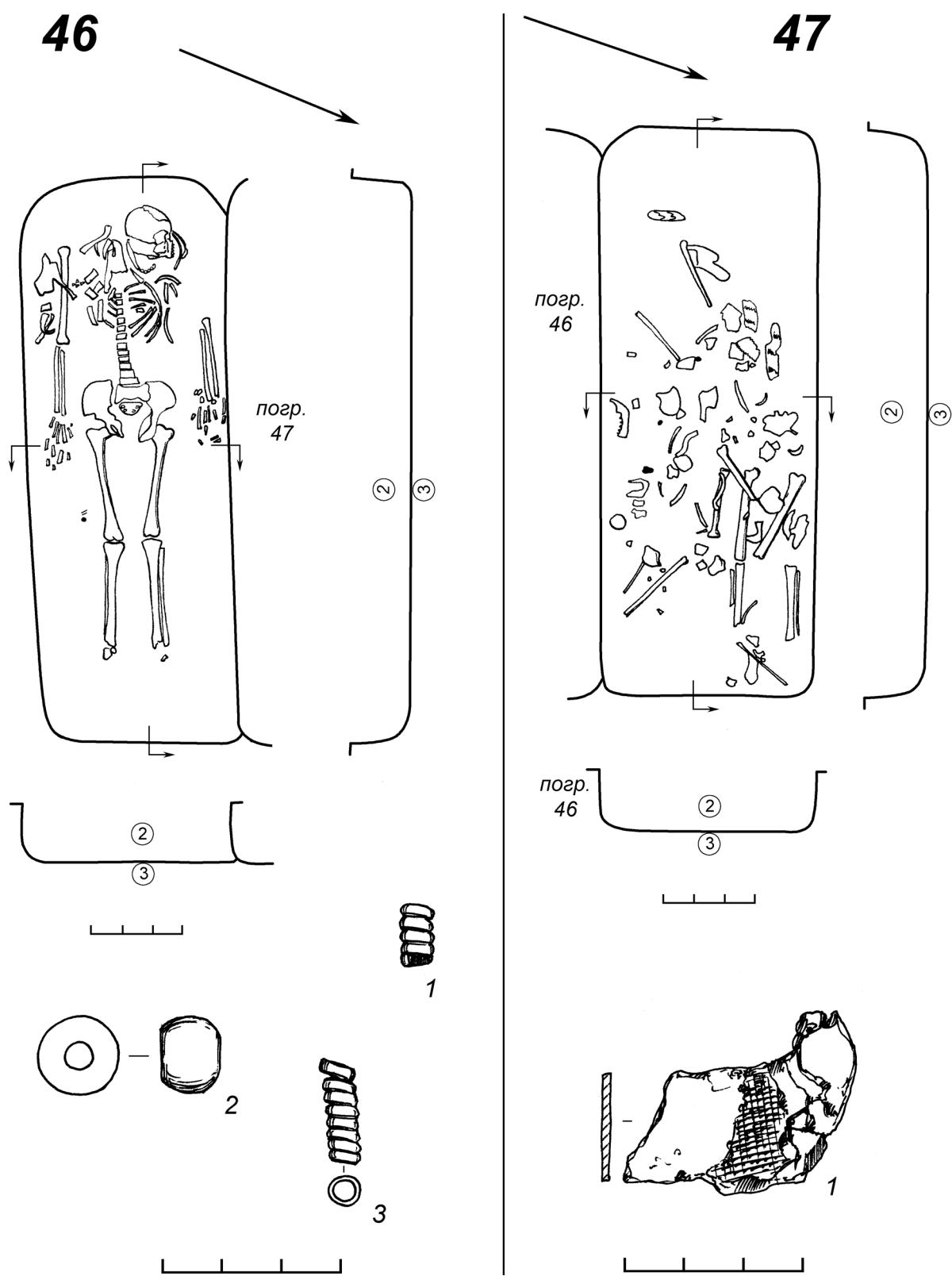

Табл. 24. Погребение 46: 1, 3 – пронизки (бронза), 2 – бусина (стекло).
Погребение 47: 1 – фрагменты железных вещей

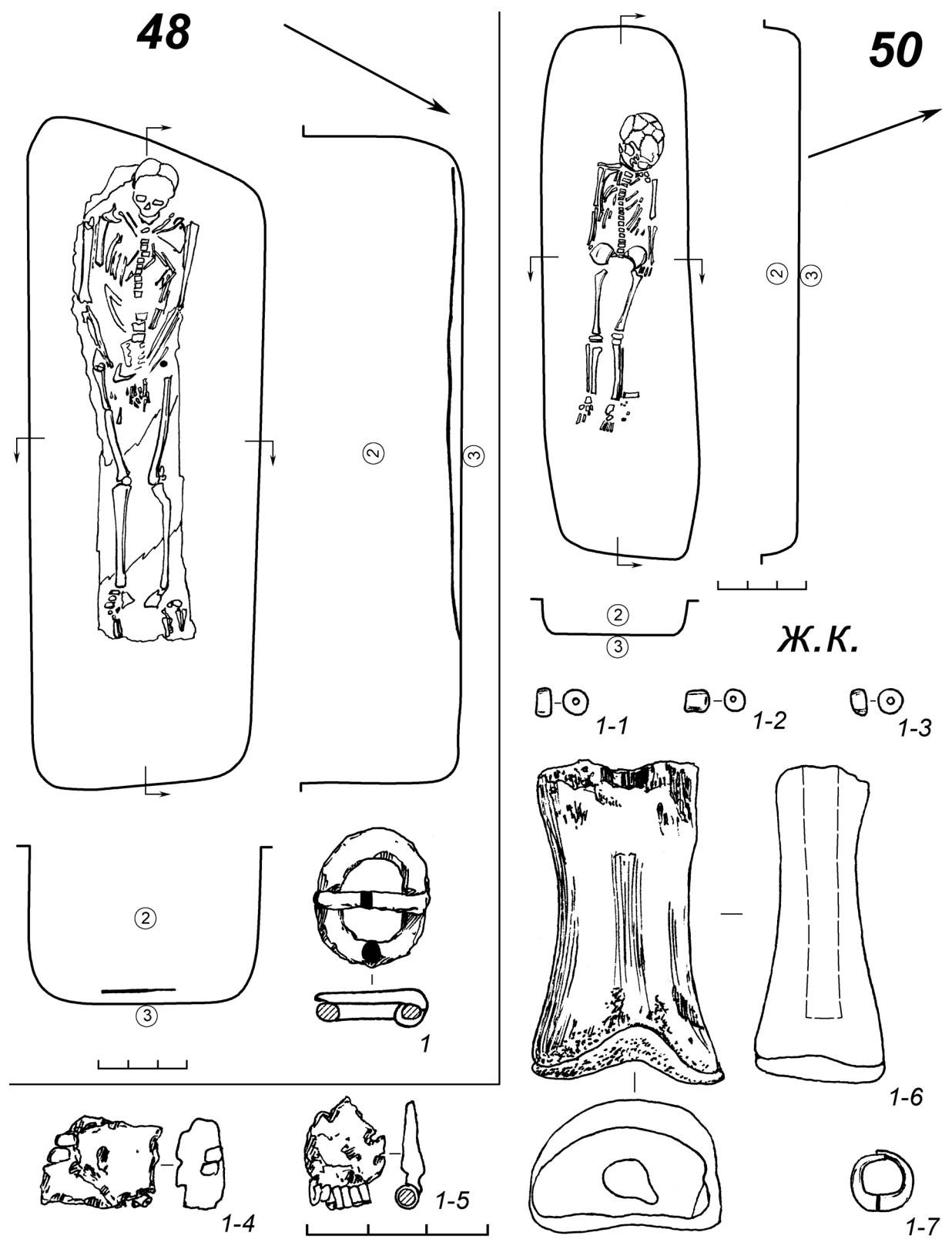

Табл. 25. Погребение 48: 1 – железная пряжка.
Погребение 50: 1 – скопление вещей (ЖК): 1-1-3 – бисер (стекло), 1-4, 5 – пронизка
(бронза), спекшаяся с железной вещью, 1-6 – фаланга лошади, 1-7 – колечко (бронза)

51

52

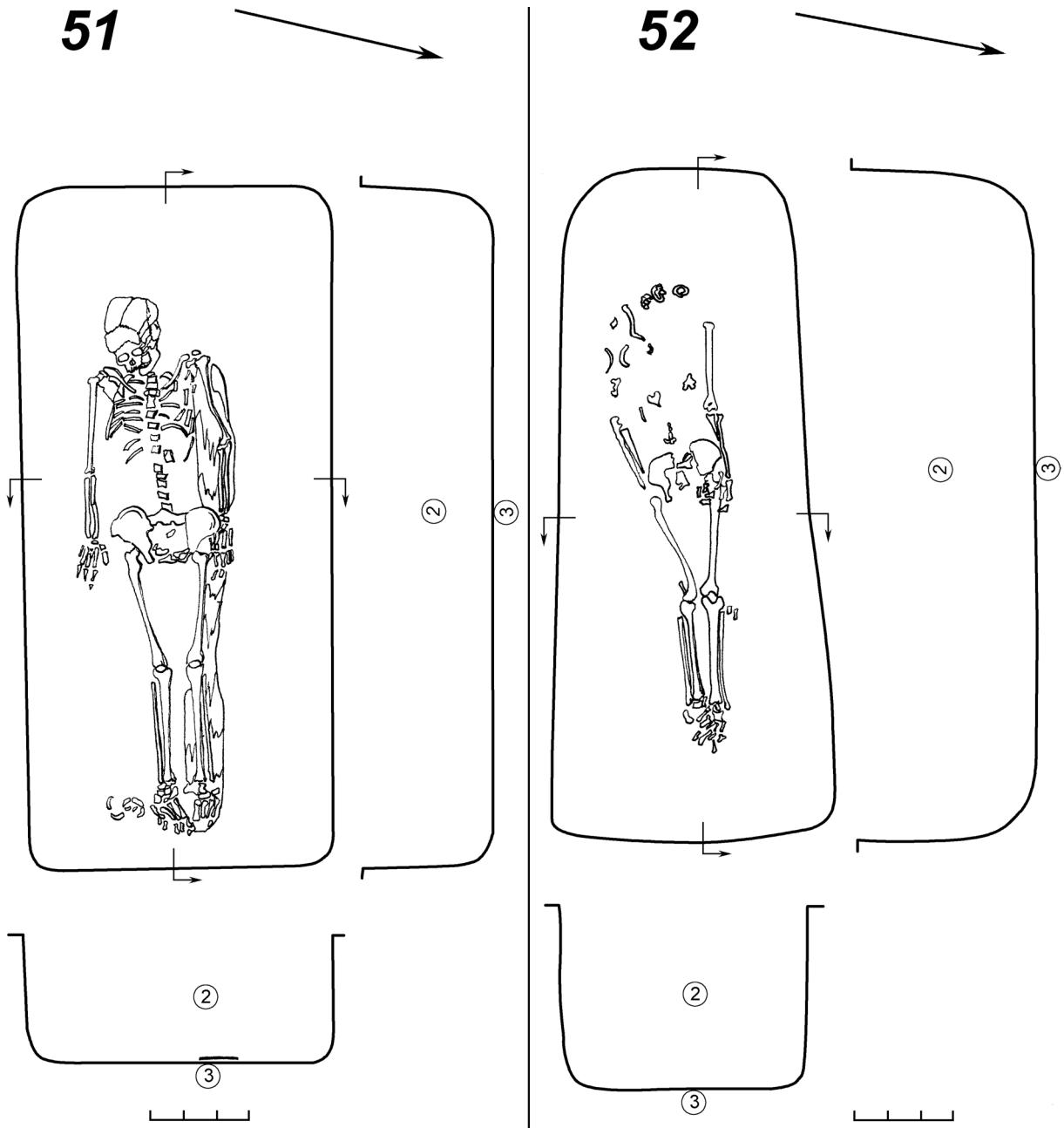

Табл. 26. Безынвентарные погребения 51, 52

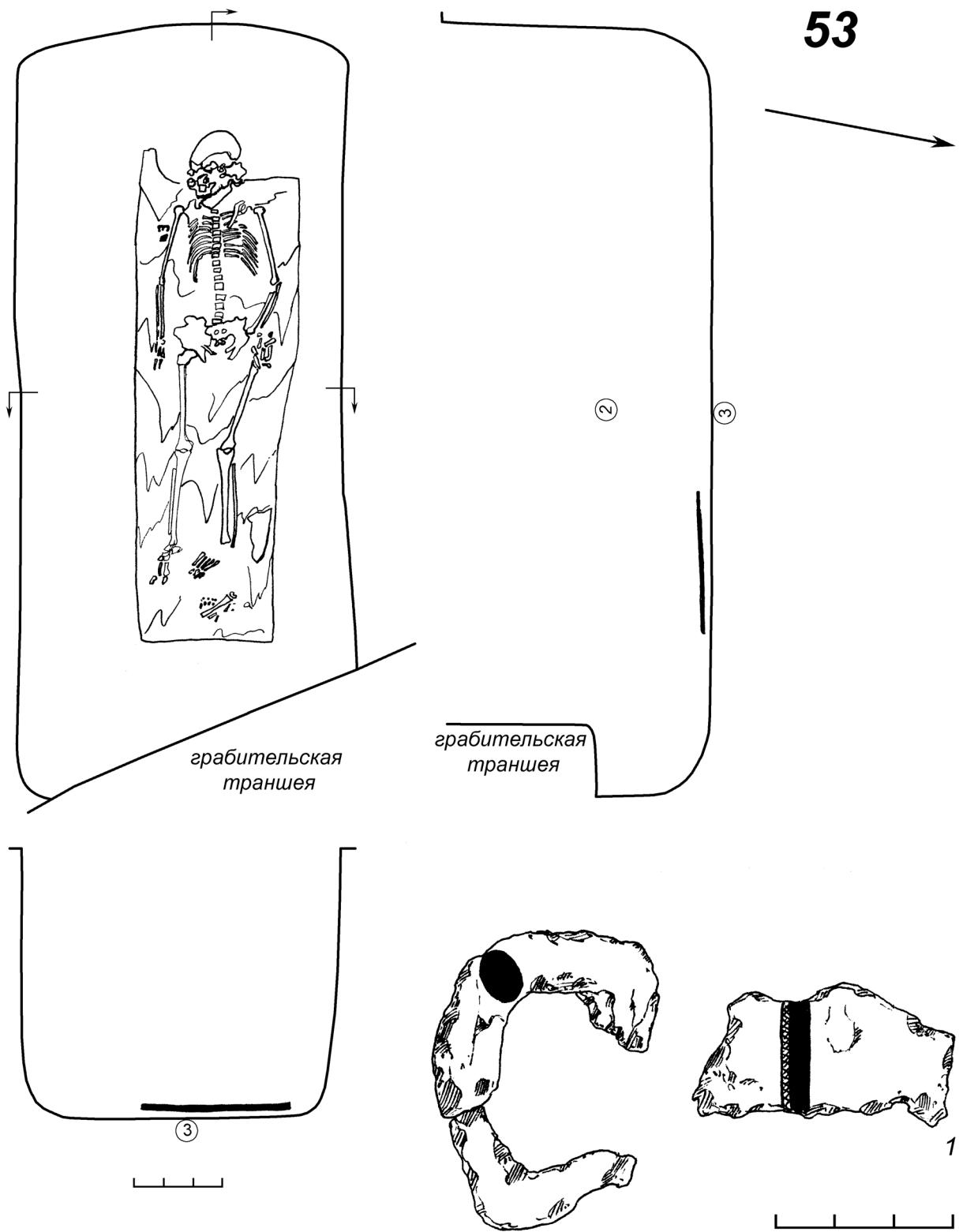

Табл. 27. Погребение 53: 1 – железная пряжка

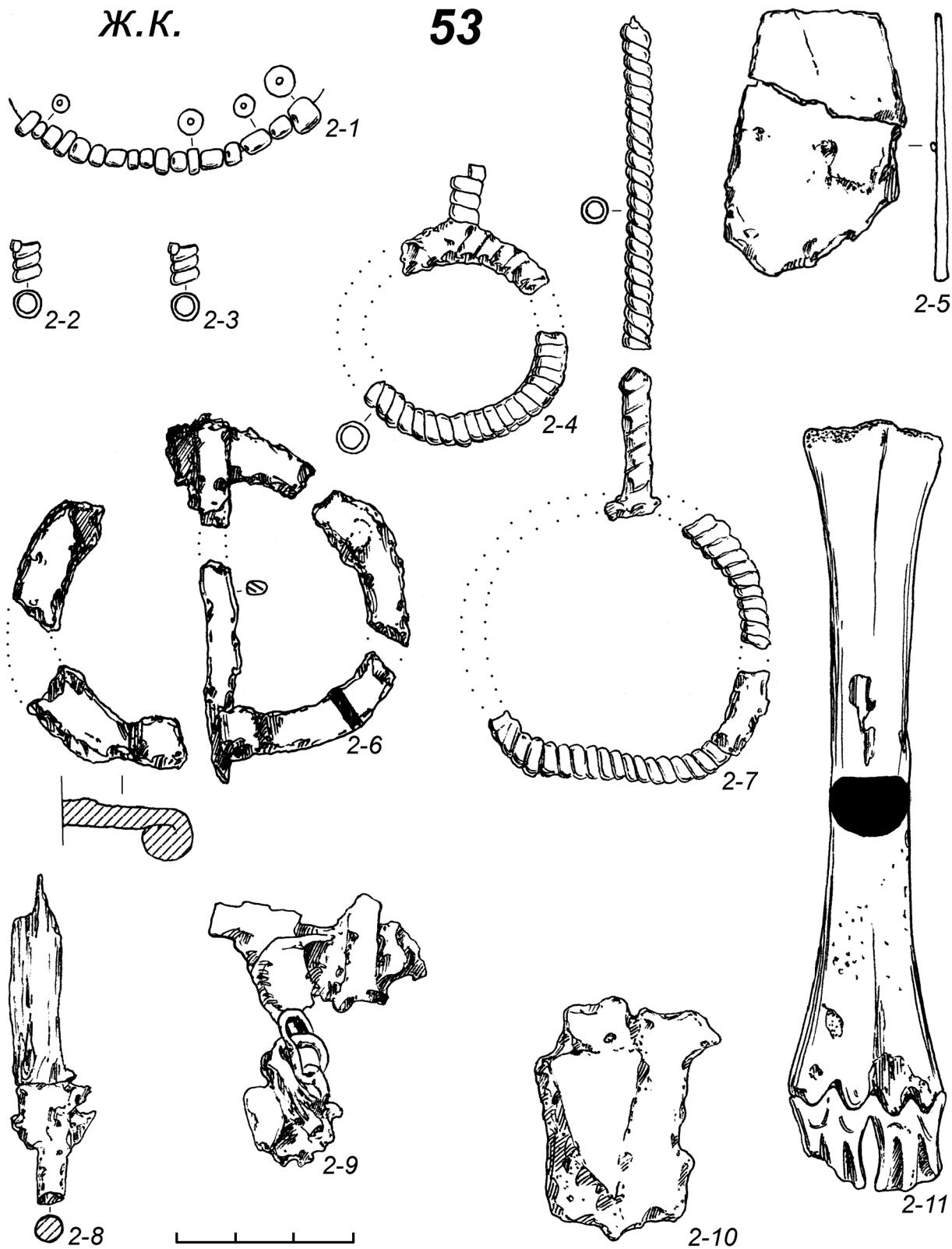

Табл. 28. Погребение 53: 2 – скопление вещей (ЖК): 2–1 – бисер (стекло),
2–2, 3 – пронизки (бронза), 2–4, 7 – височные подвески (железо, бронза), 2–5 – подвеска
(железо, бронза), 2–6 – сюльгама (железо), 2–8 – шило (железо, дерево),
2–9, 10 – железные вещи с фрагментами цепочки, 2–11 – кость овцы

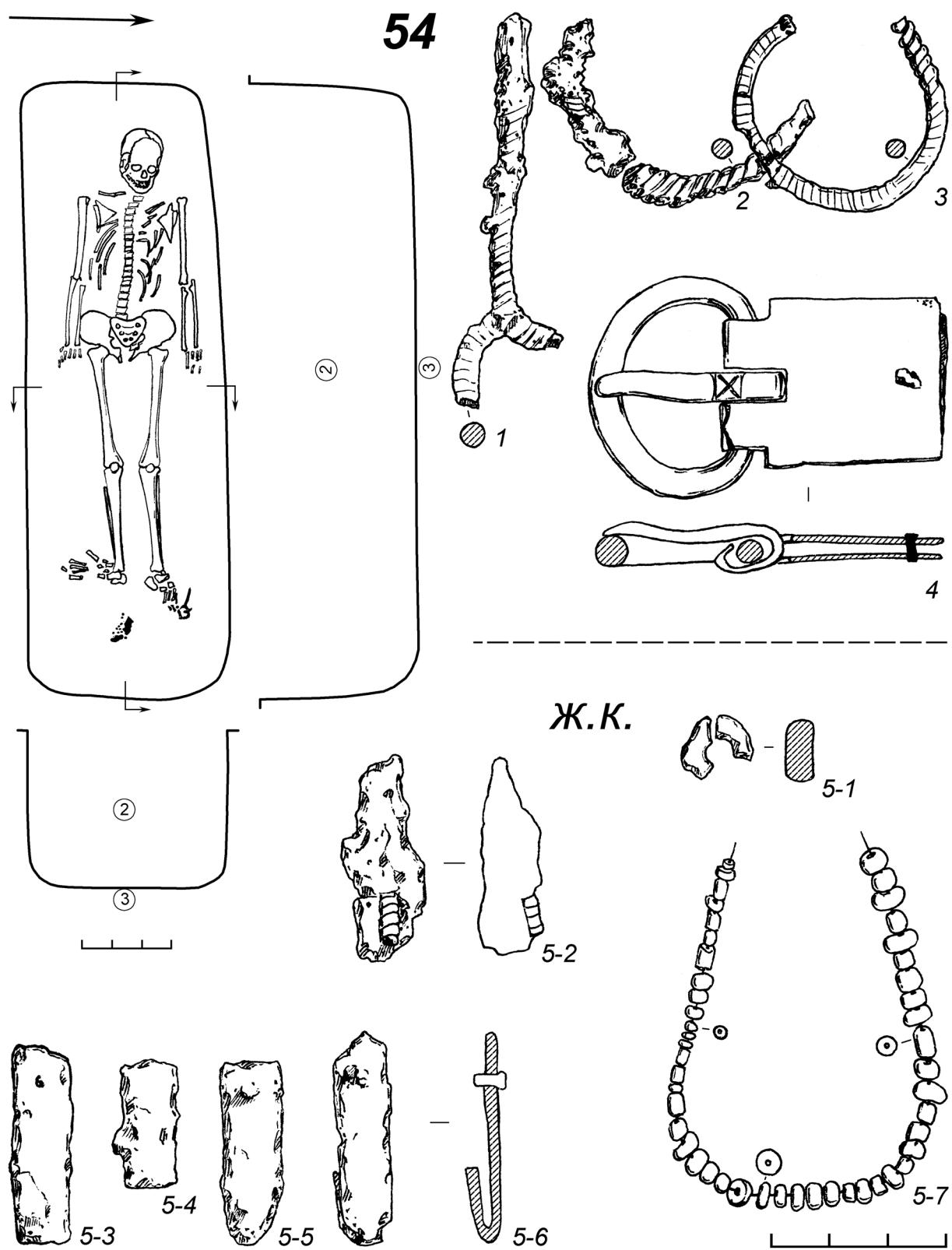
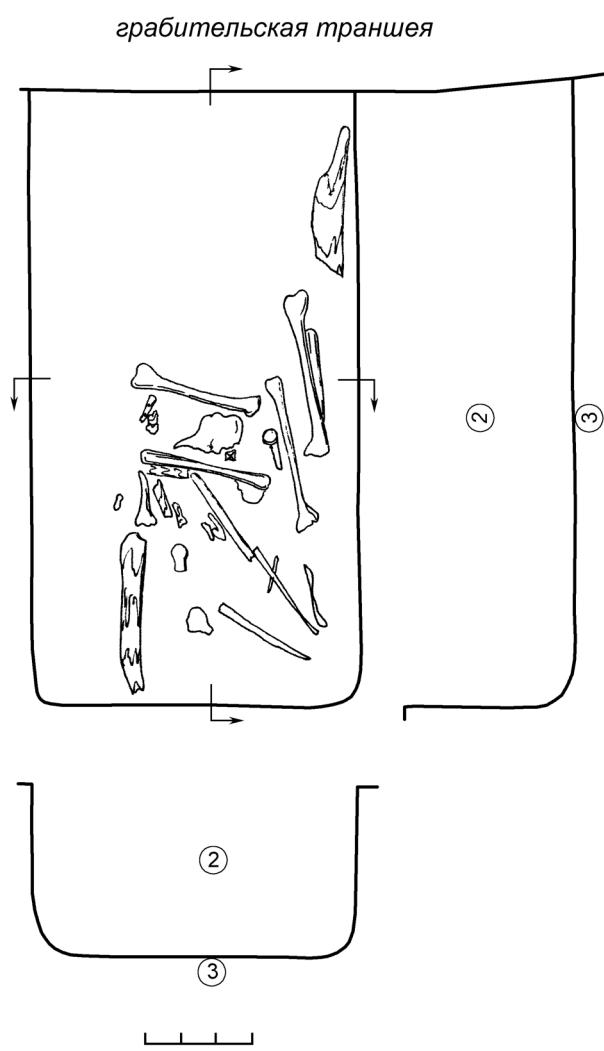
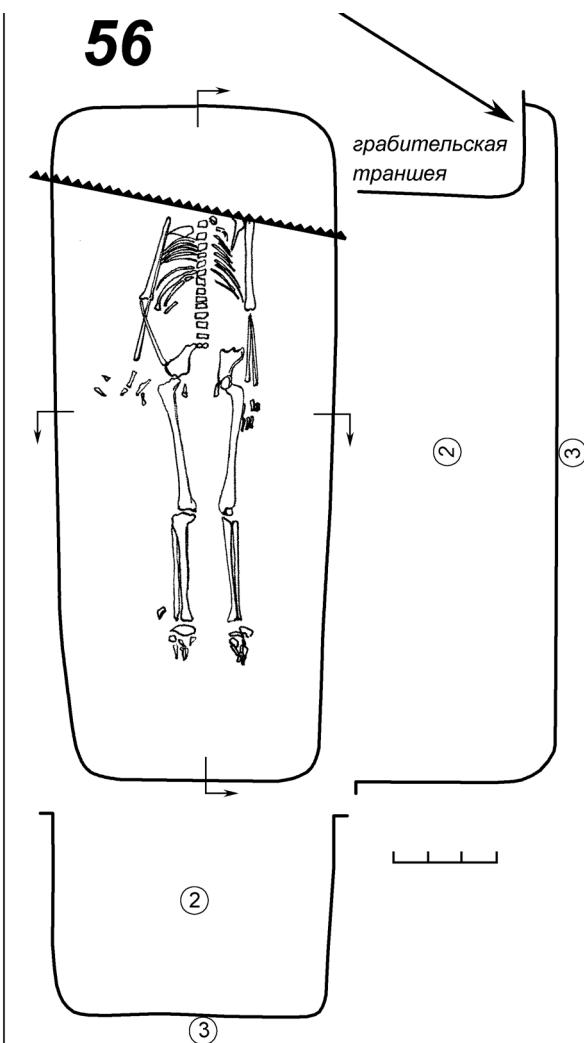

Табл. 29. Погребение 54: 1–3 – височные подвески (железо, бронза), 4 – пряжка (железо),
5 – скопление вещей (ЖК): 5–1 – бусина (стекло), 5–2 – пронизка (бронза),
5–3–6 – накладки (железо), 5–7 – бисер (стекло)

55

56

57

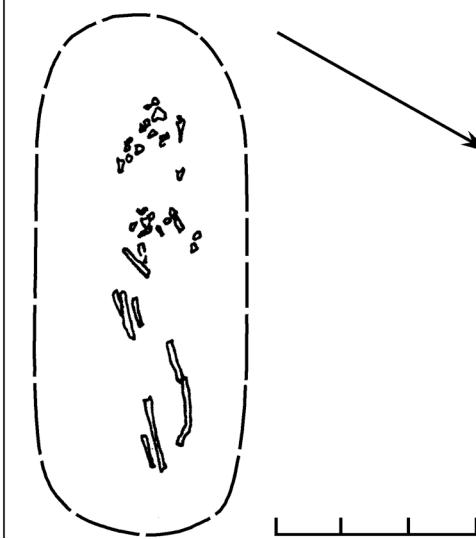

Табл. 30. Безынвентарные погребения 55, 56, 57

58

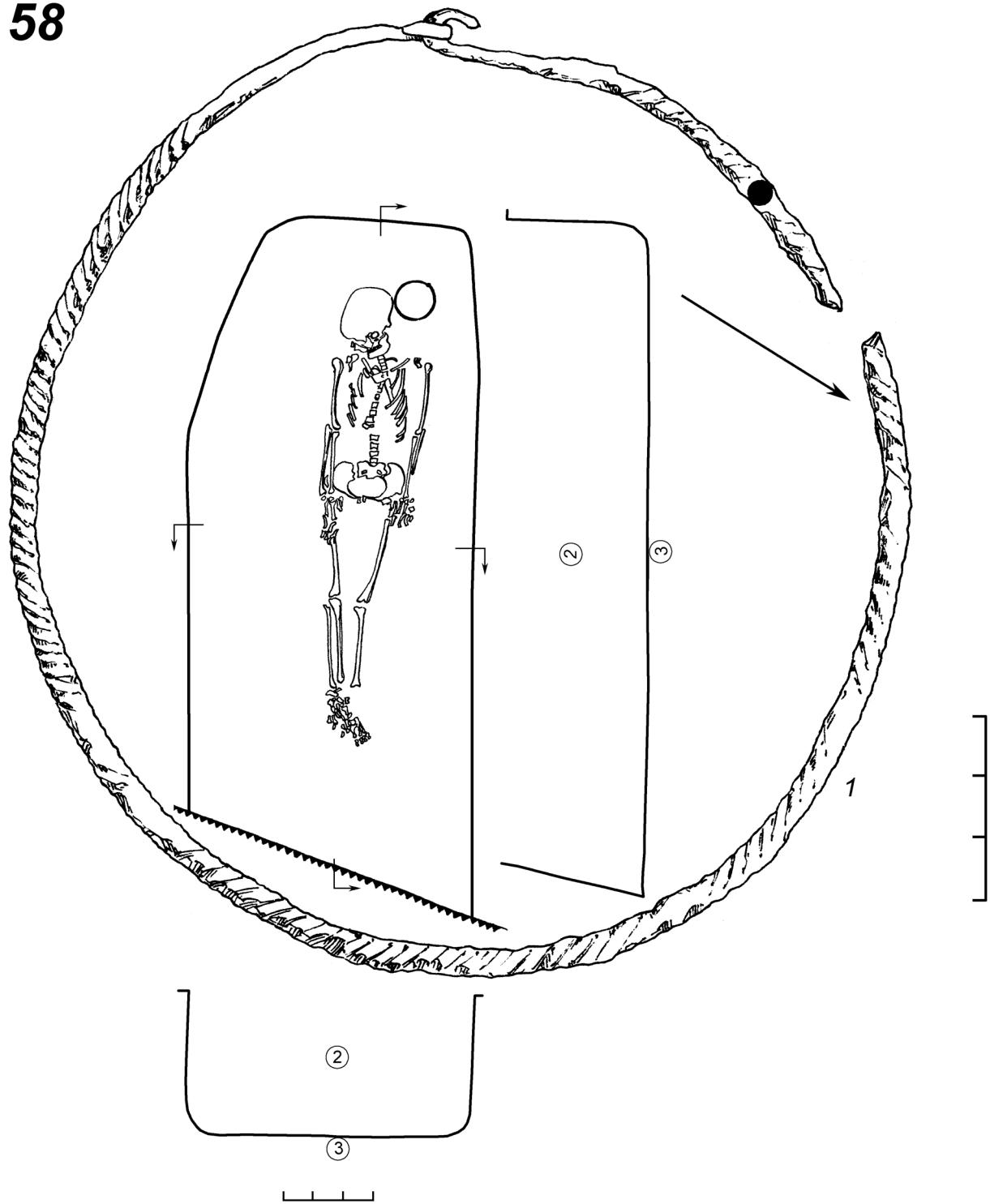

Табл. 31. Погребение 58: 1 – гривна (железо)

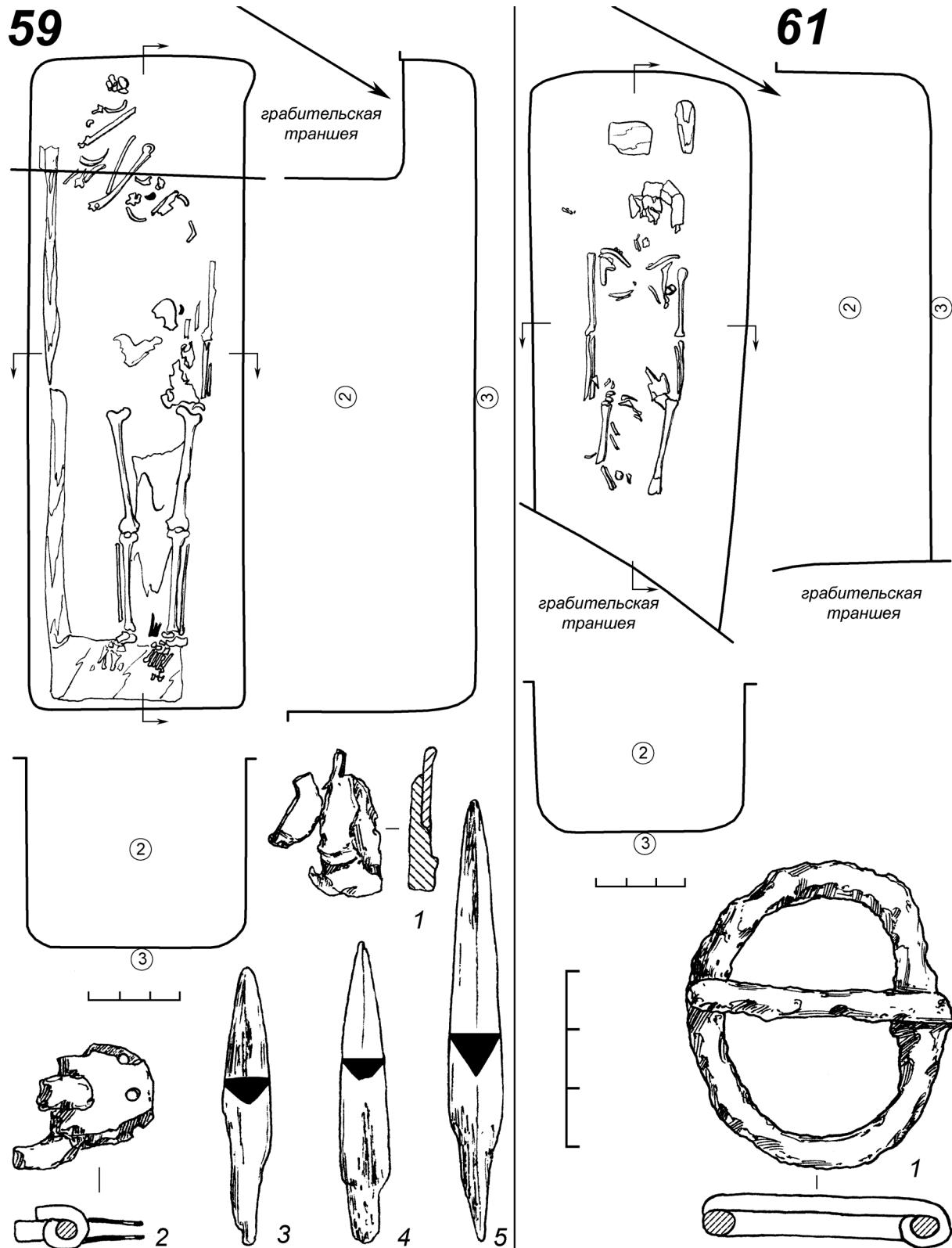

Табл. 32. Погребение 59: 1 – фрагменты железных вещей, 2 – пряжка (железо, бронза),
3–5 – наконечники стрел (кость). Погребение 61: 1 – пряжка (железо)

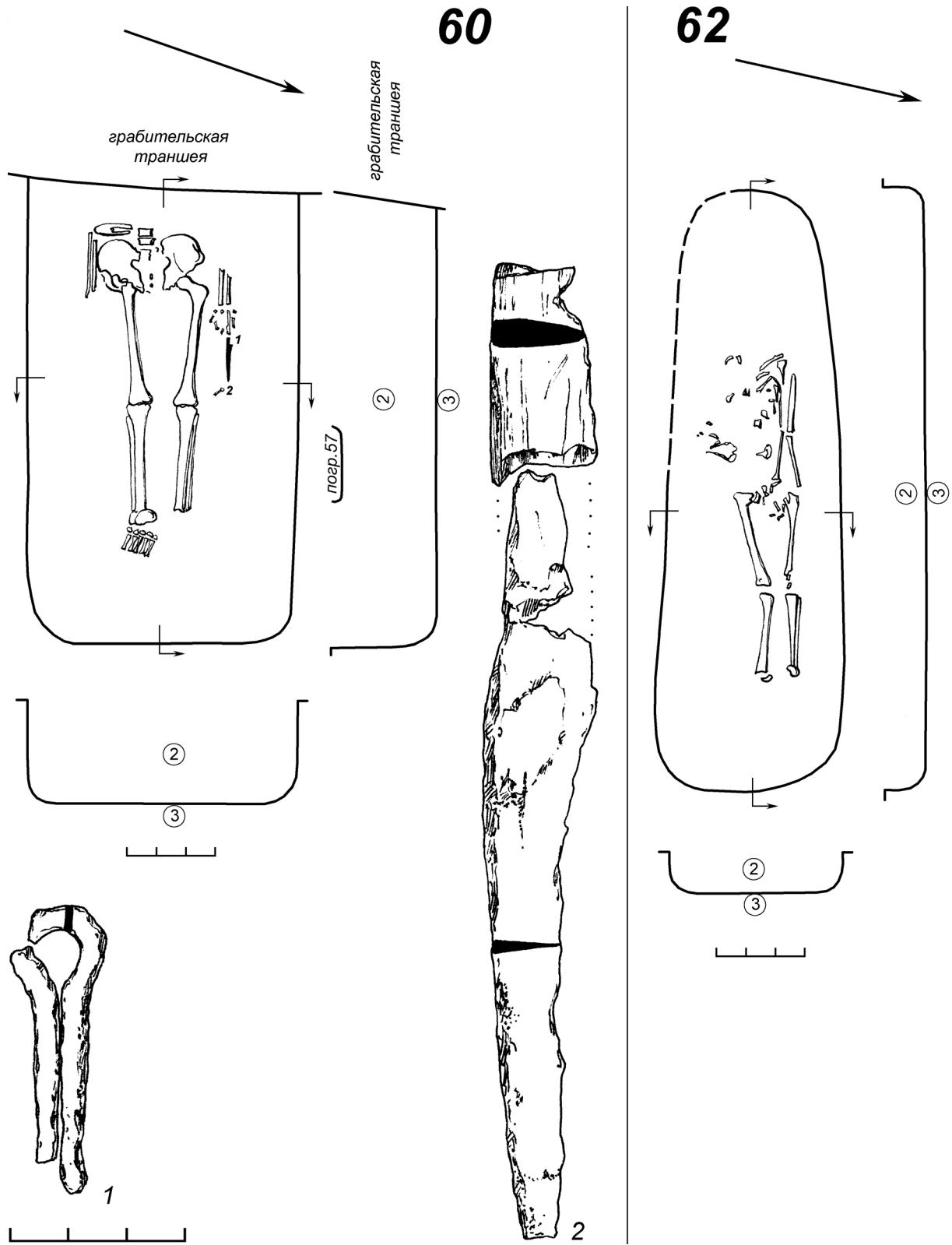

Табл. 33. Погребение 60: 1 – колчанный крючок (железо), 2 – нож (железо, кость).
Безынвентарное погребение 62

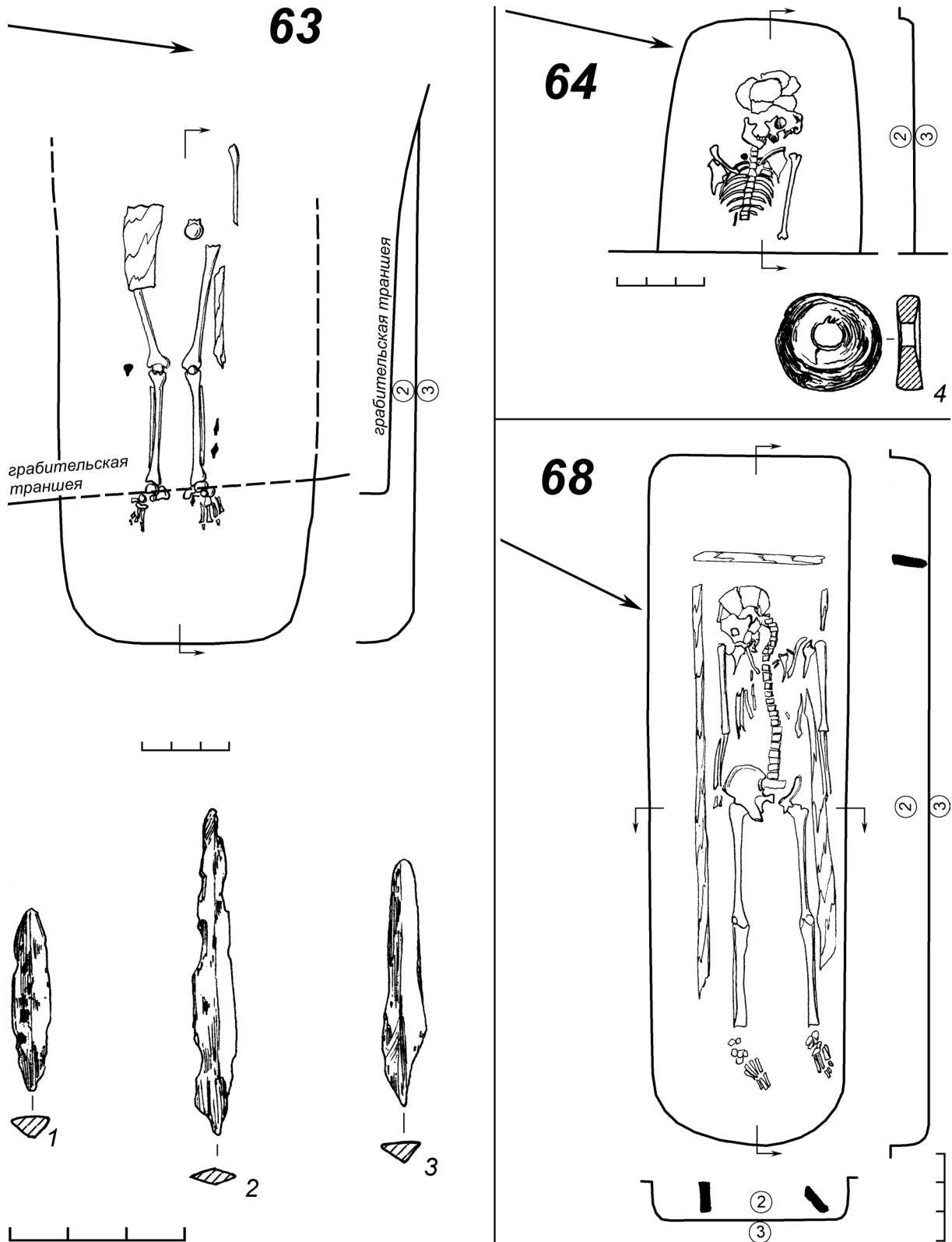

Табл. 34. Погребение 63: 1–3 – костяные наконечники стрел.

Погребение 64: 4 – подвеска (кость).

Безынвентарное погребение 68

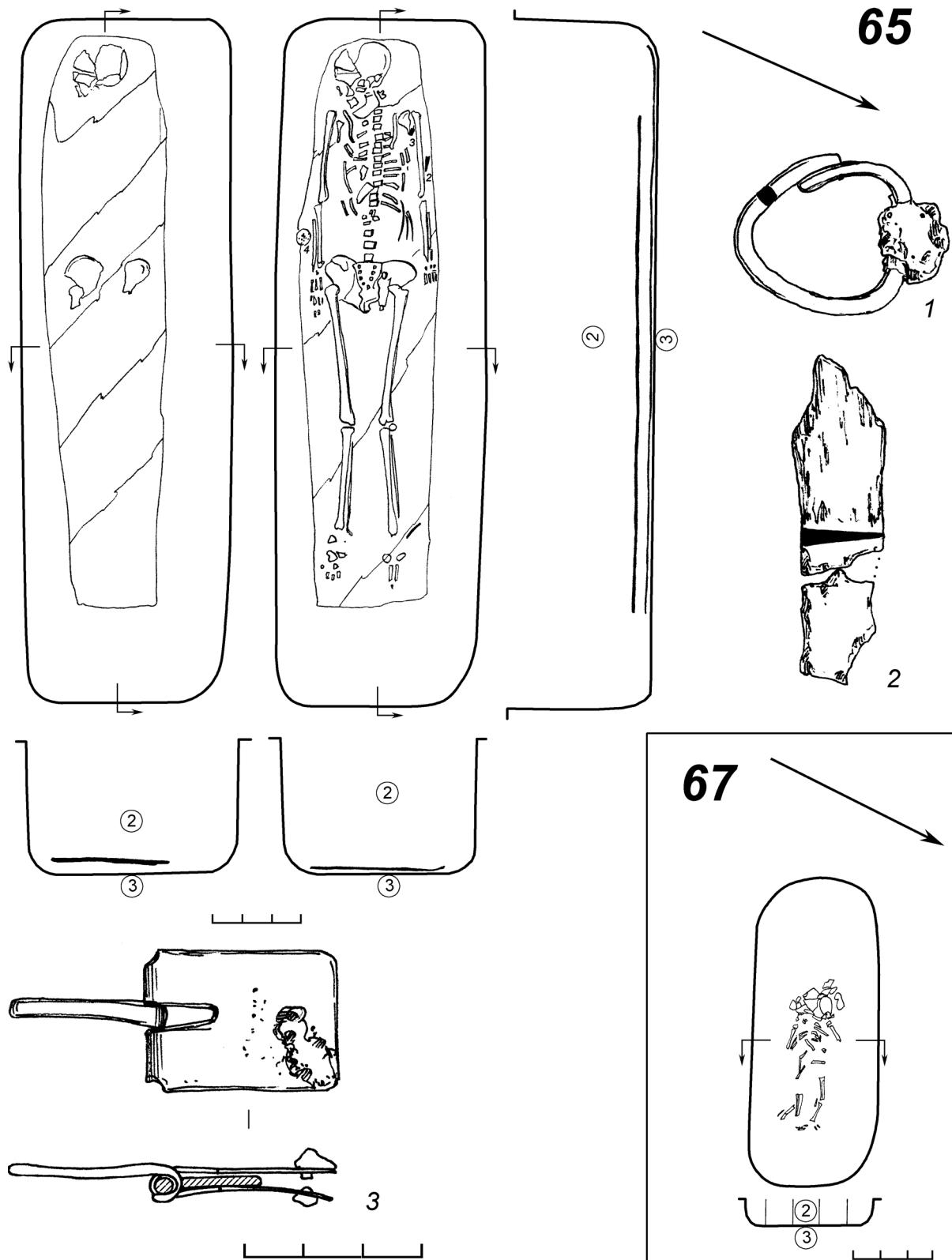
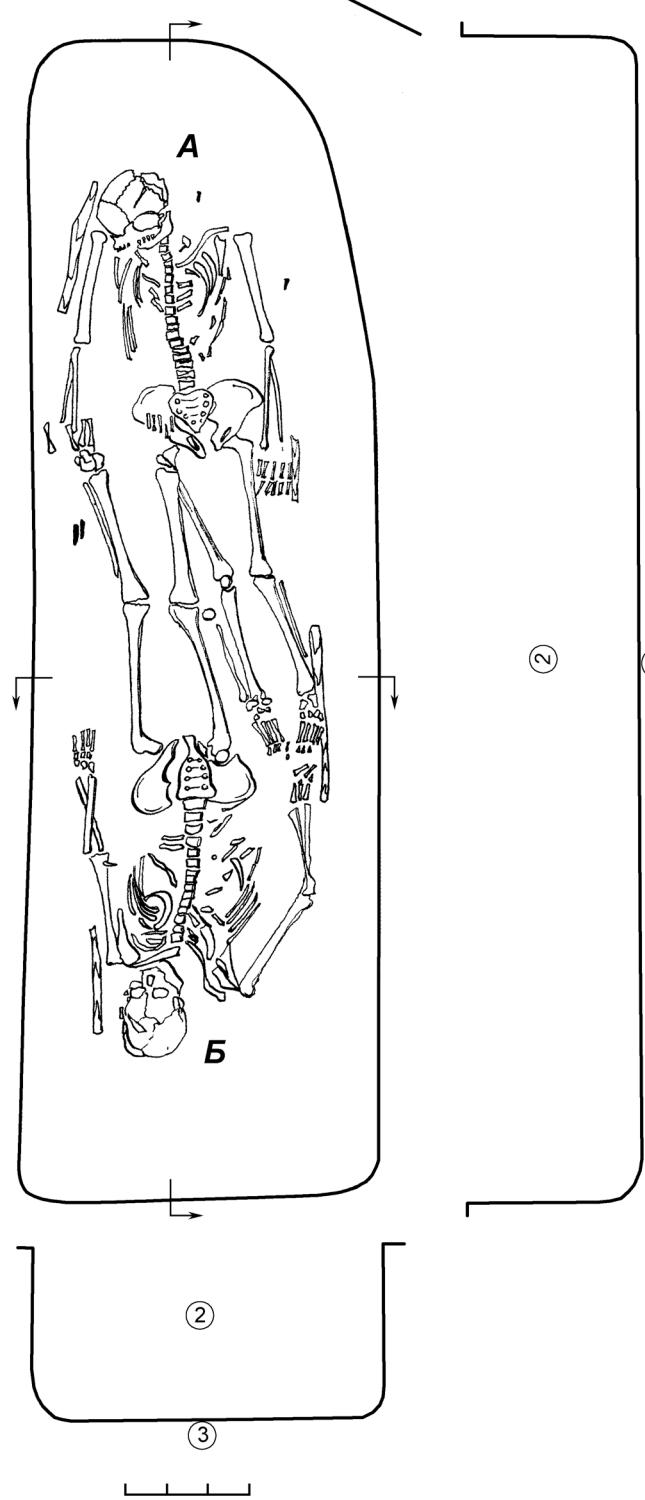

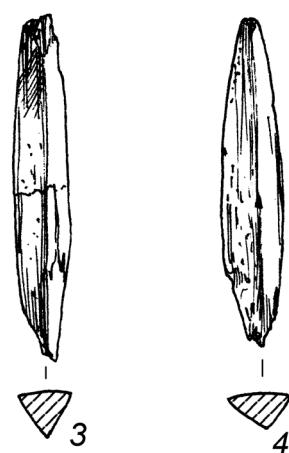
Табл. 35. Погребение 65: 1 – рамка пряжки (бронза, железо),
2 – нож (железо), 3 – пряжка (бронза).

Безынвентарное погребение 67

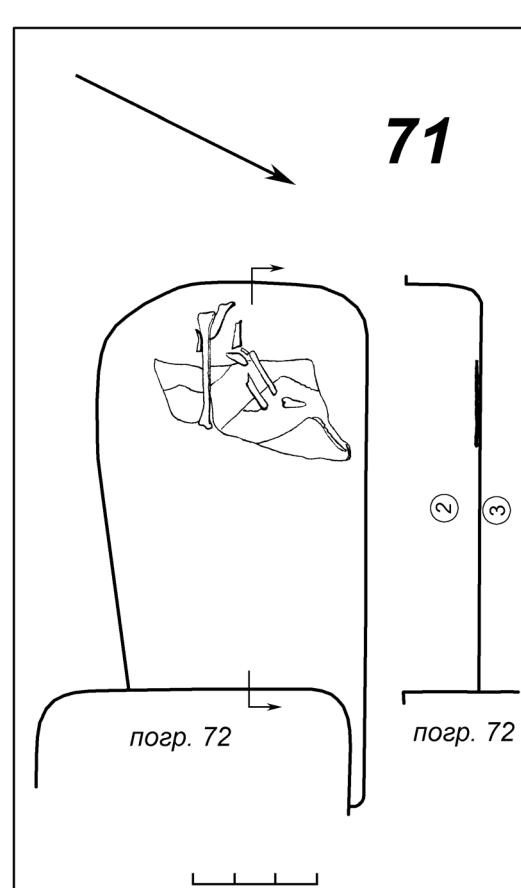
66

Б

71

погр. 72

погр. 72

Табл. 36. Погребение 66. А: 1, 2 – фрагменты железных вещей;

Б: 3, 4 – костяные наконечники стрел.

Безынвентарное погребение 71

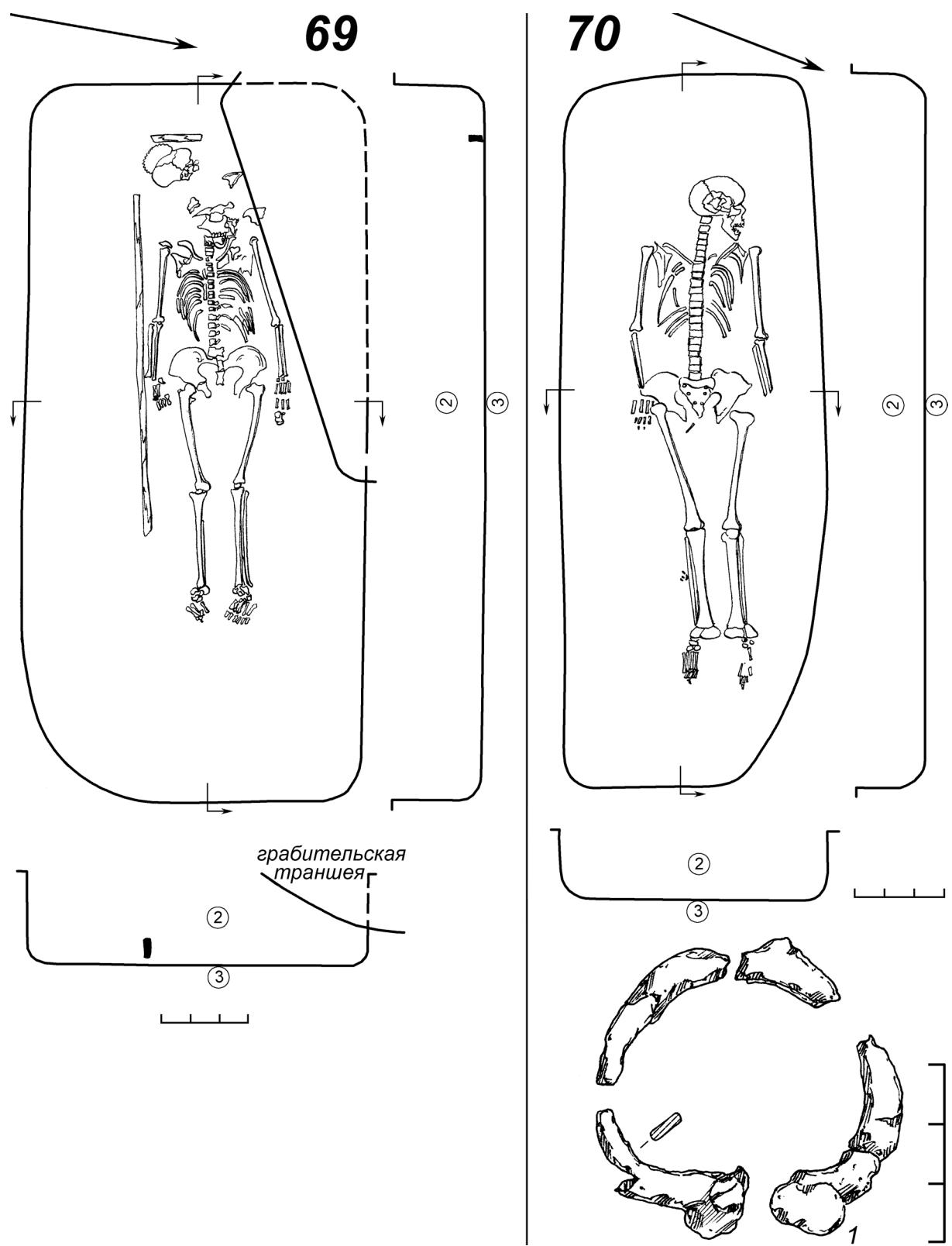
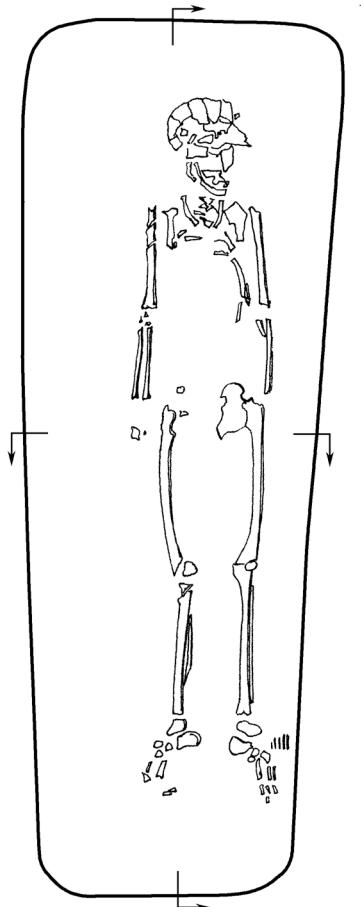

Табл. 37. Безынвентарное погребение 69.
Погребение 70: 1 – железная сюльгама

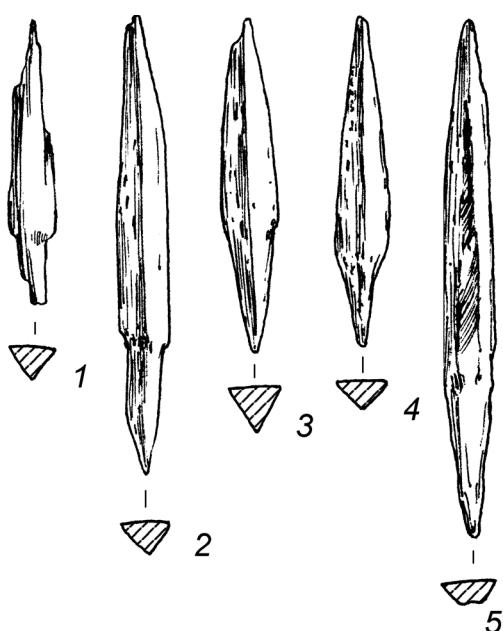
72

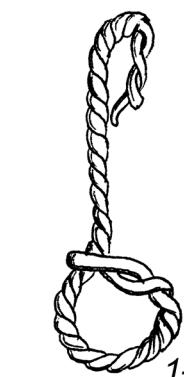
погр. 71

②

③

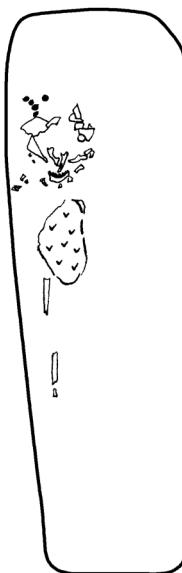
74

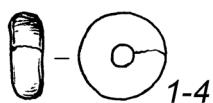
1-1

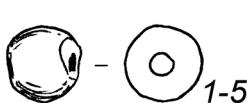
1-2

1-3

1-4

1-5

Ж.К.

Табл. 38. Погребение 72: 1–5 – костяные наконечники стрел.
Погребение 74: 1 – скопление вещей (Ж.К.); 1–1 – височная подвеска (бронза),
1–2–5 – бусы (стекло)

73

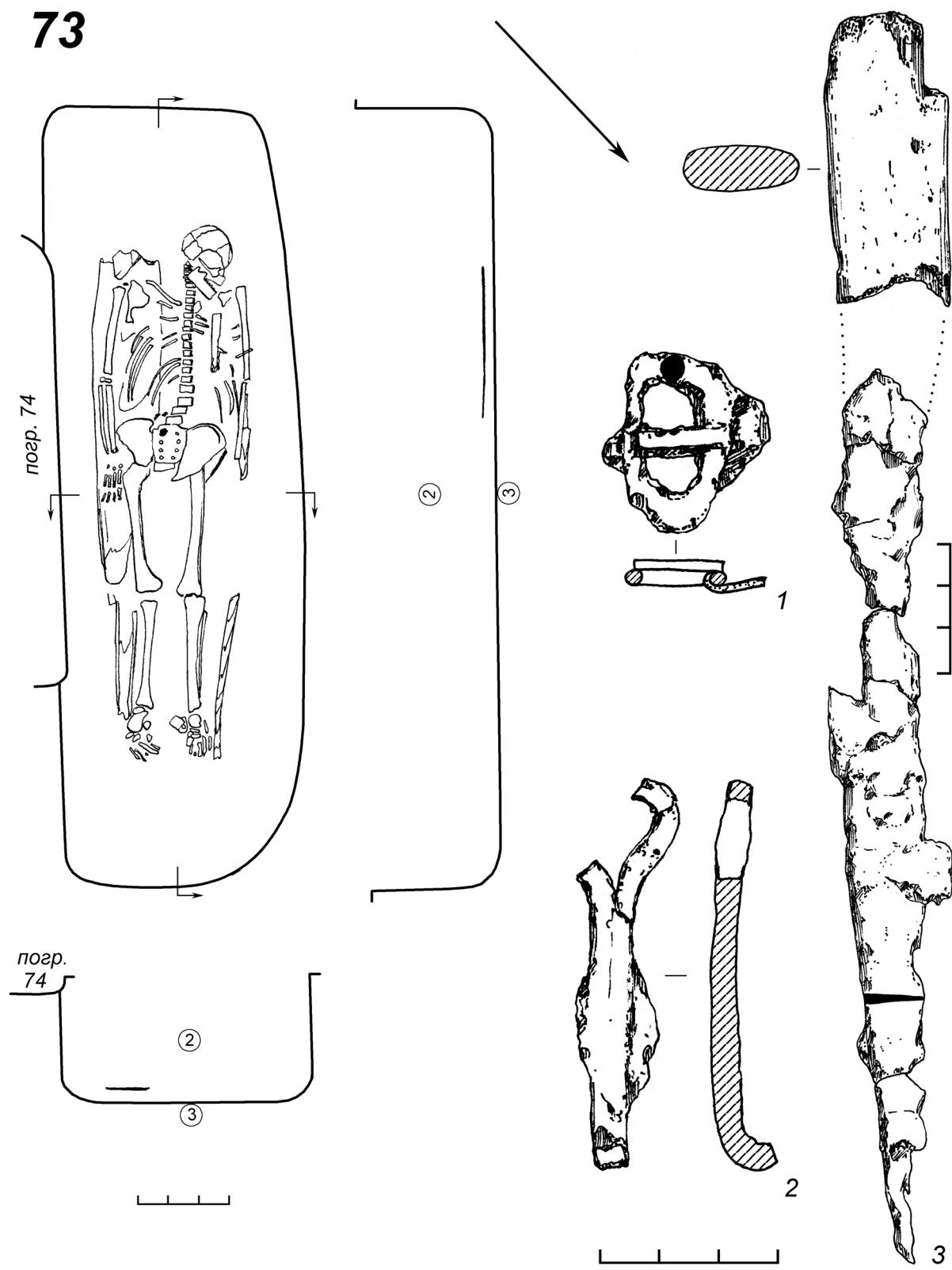

Табл. 39. Погребение 73: 1 – пряжка (железо), 2 – колчанный крючок (железо),
3 – нож (железо, кость)

75

76

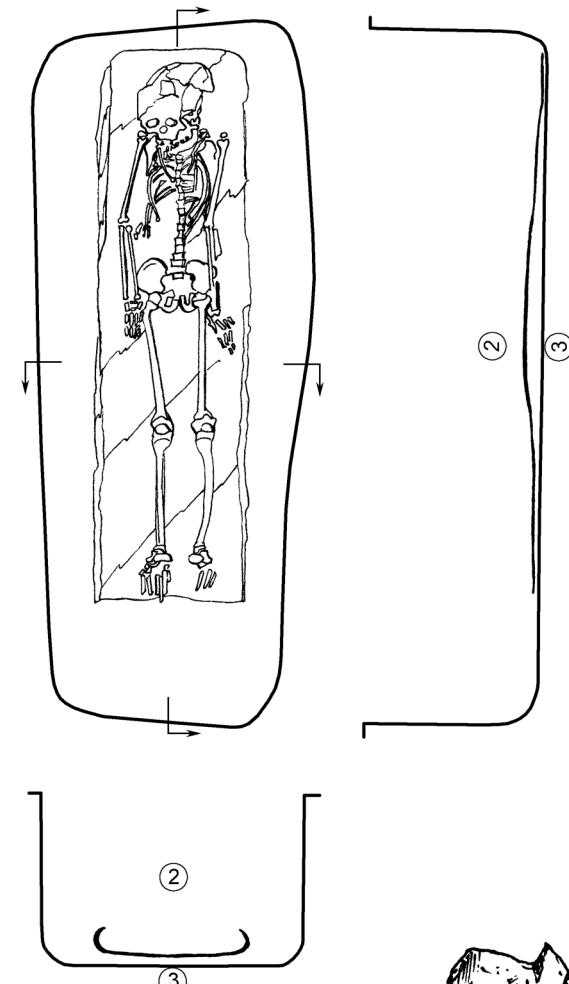
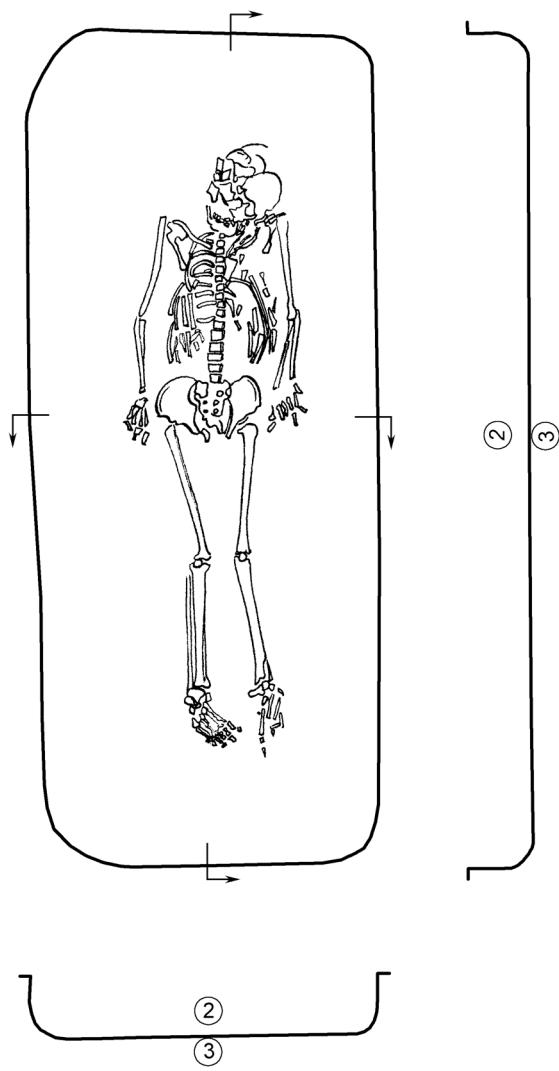

Табл. 40. Безынвентарное погребение 75.
Погребение 76: 1 – железный нож

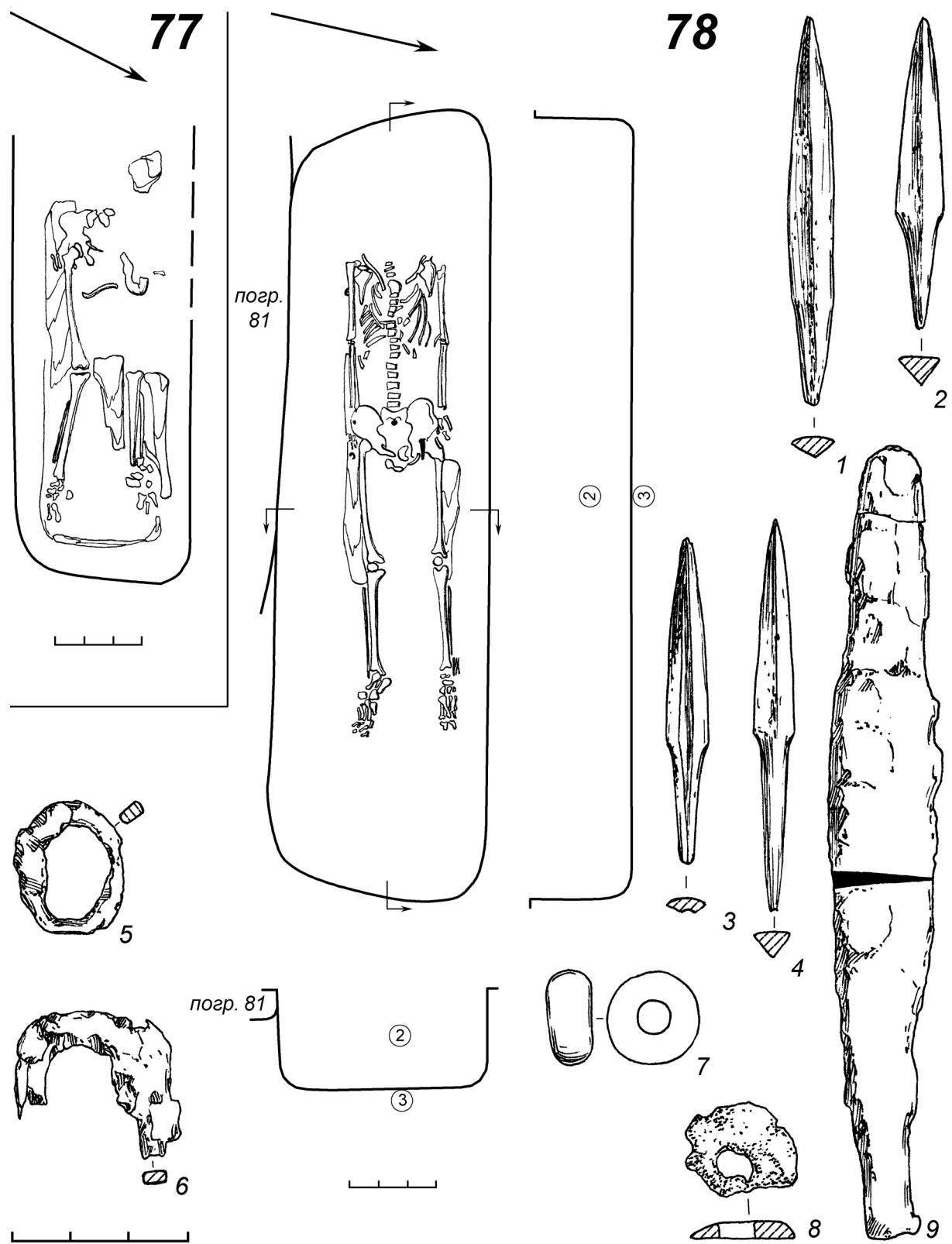
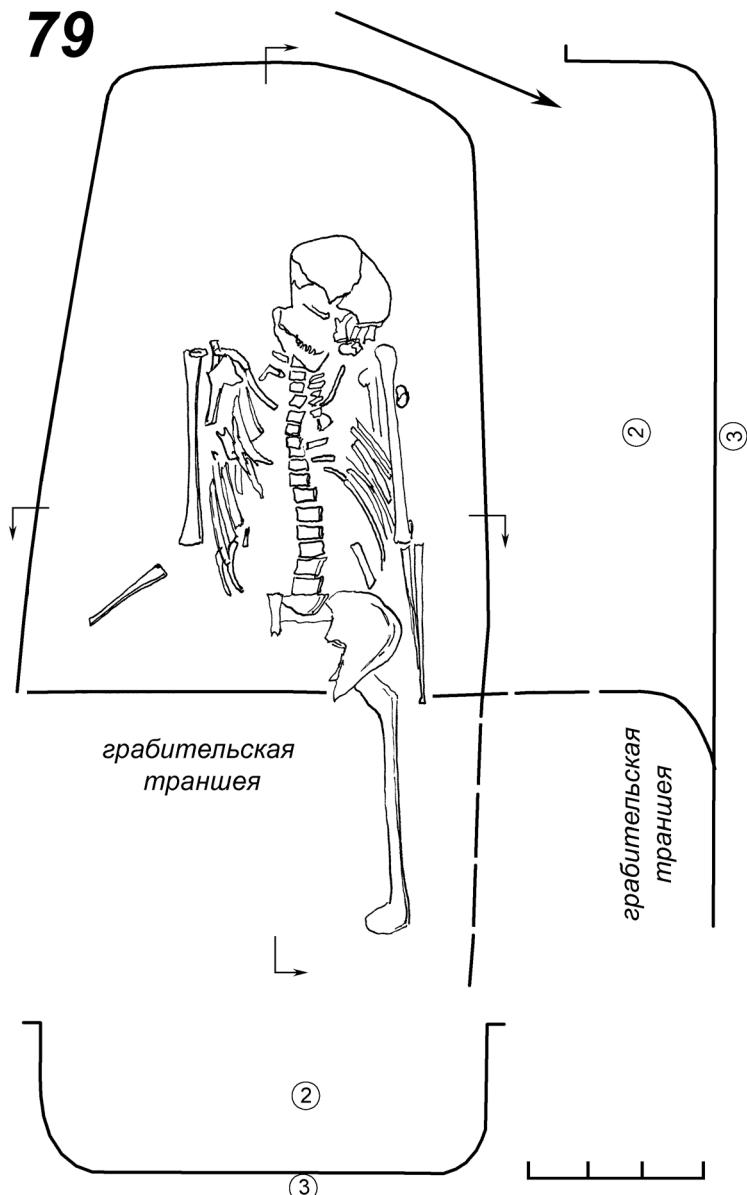

Табл. 41. Безынвентарное погребение 77.

Погребение 78: 1–4 – наконечники стрел (кость), 5, 6 – пряжки (железо),
7 – бусина (стекло), 8 – костяное изделие (пронизка?), 9 – нож (железо)

79

80

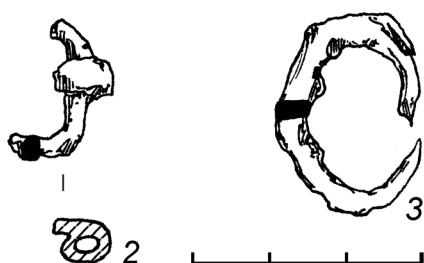
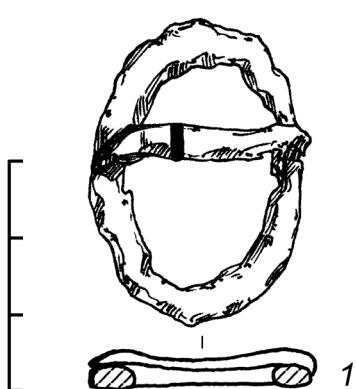
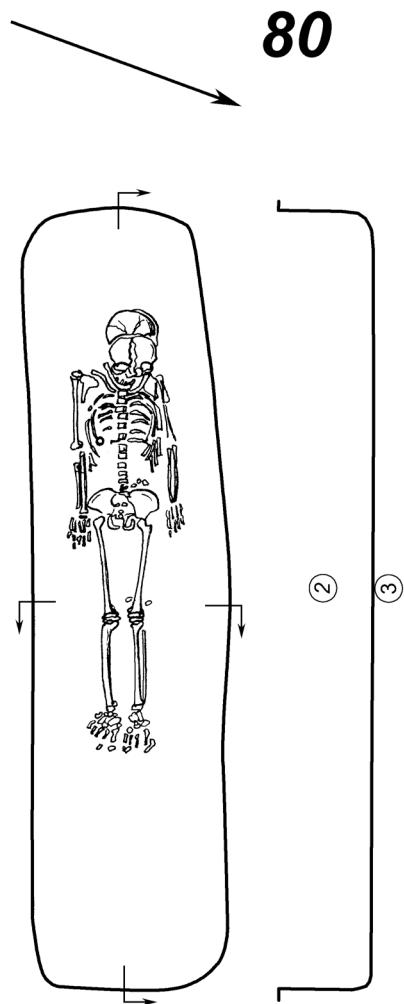

Табл. 42. Погребение 79: 1 – железная пряжка.

Погребение 80: 2, 3 – железные пряжки

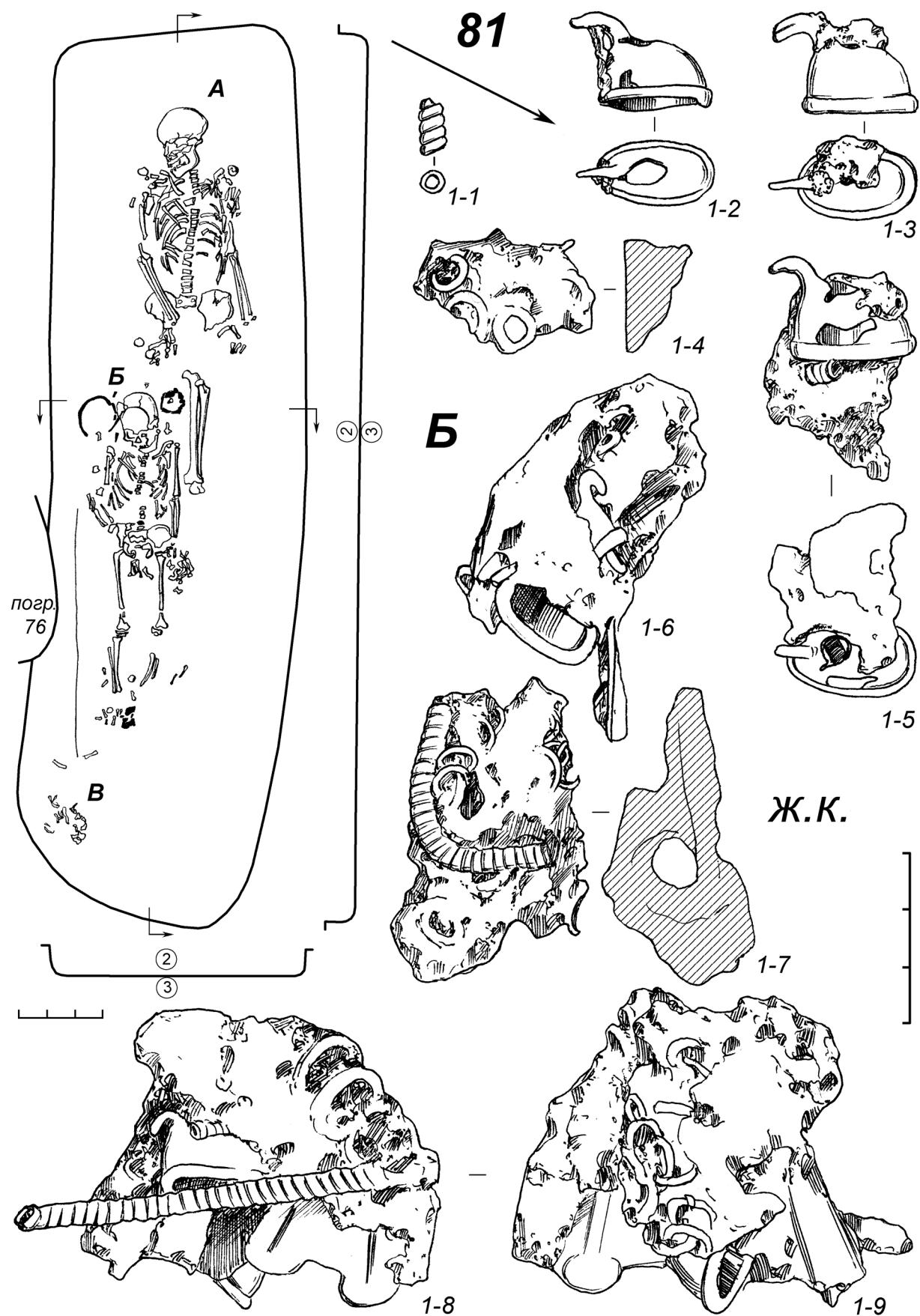
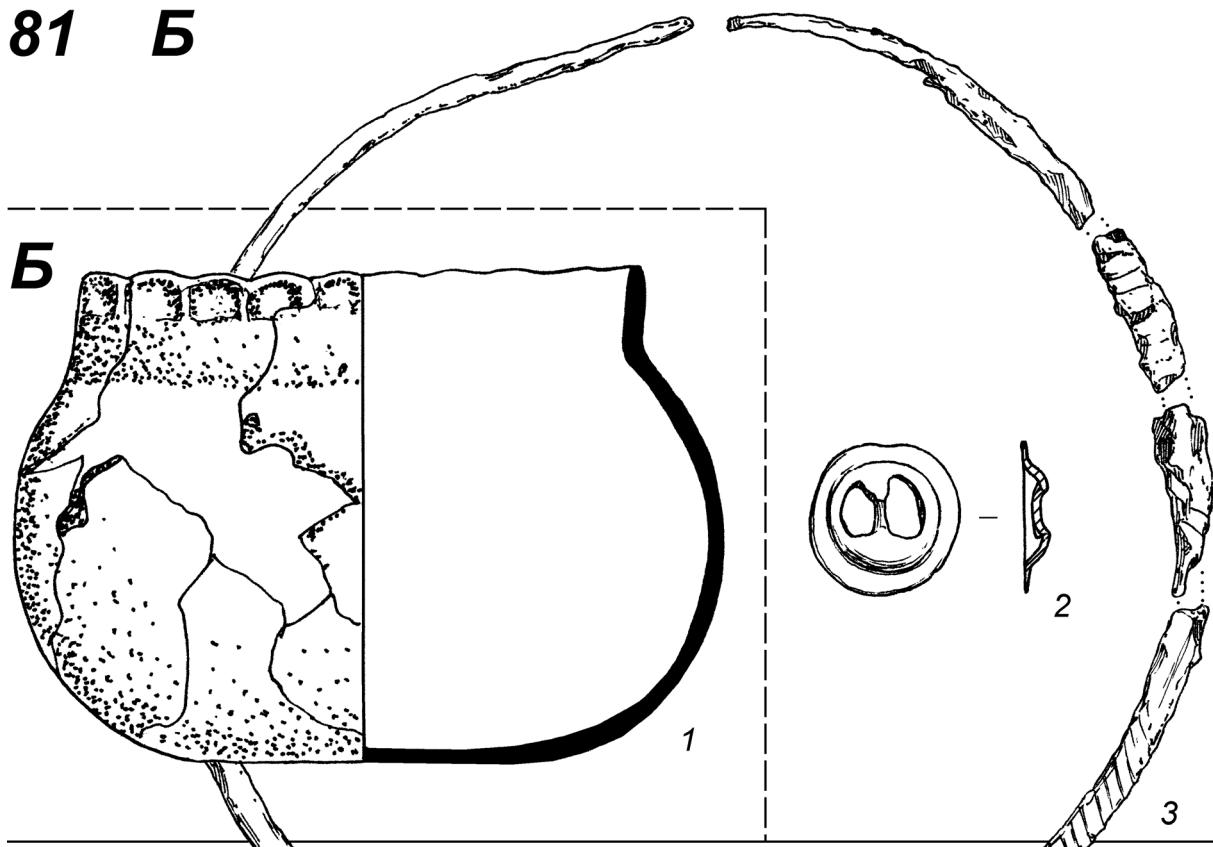

Табл. 43. Погребение 81. Б: 1–1–9 – железный предмет кольчужного плетения, спекшийся с пронизками-уточкиами (1–2, 1–3, 1–5, 1–6, бронза), витой пронизкой (1–1, 1–5, бронза), лапчатой (1–8, 1–9, бронза) и височной (1–7, 1–8, бронза, железо) подвесками

81 Б

Б

85

84

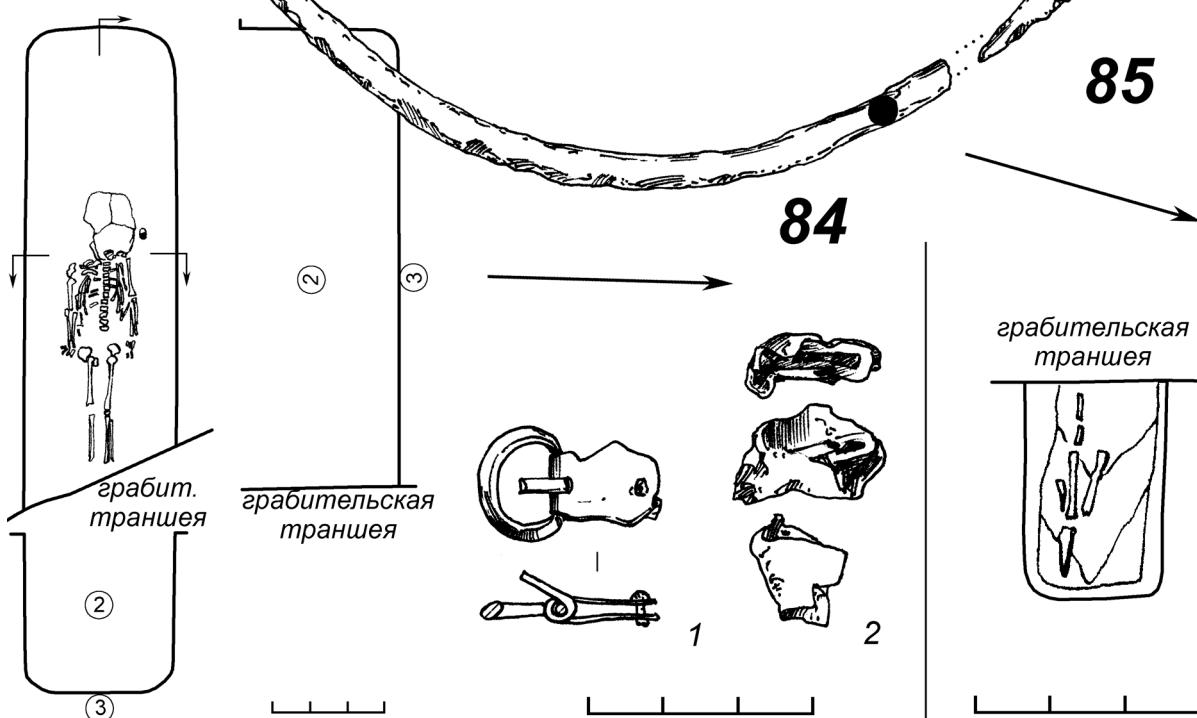

Табл. 44. Погребение 81. Б: 1 – сосуд (глина), 2 – бляшка-накладка (бронза),
3 – гривна (железо, бронза).

Погребение 84: 1 – пряжка (бронза), 2 – фрагменты железных вещей.

Безинвентарное погребение 85

82

грабительская траншея

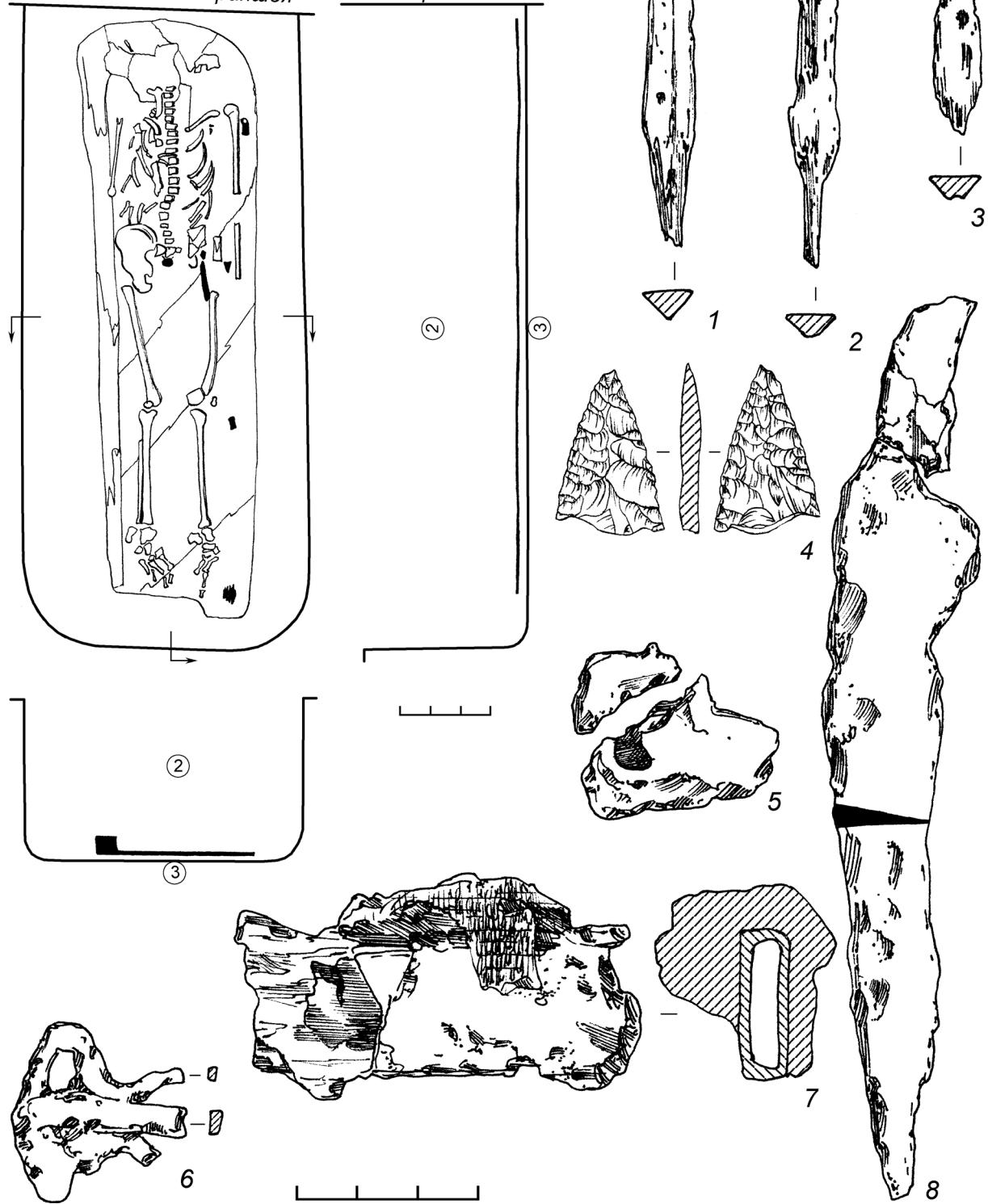

Табл. 45. Погребение 82: 1–3 – наконечники стрел (кость), 4 – наконечник стрелы (яшмовидная галька), 5 – железный предмет, 6 – пряжка (железо),
7 – наконечник ремня (железо, ткань), 8 – нож (железо)

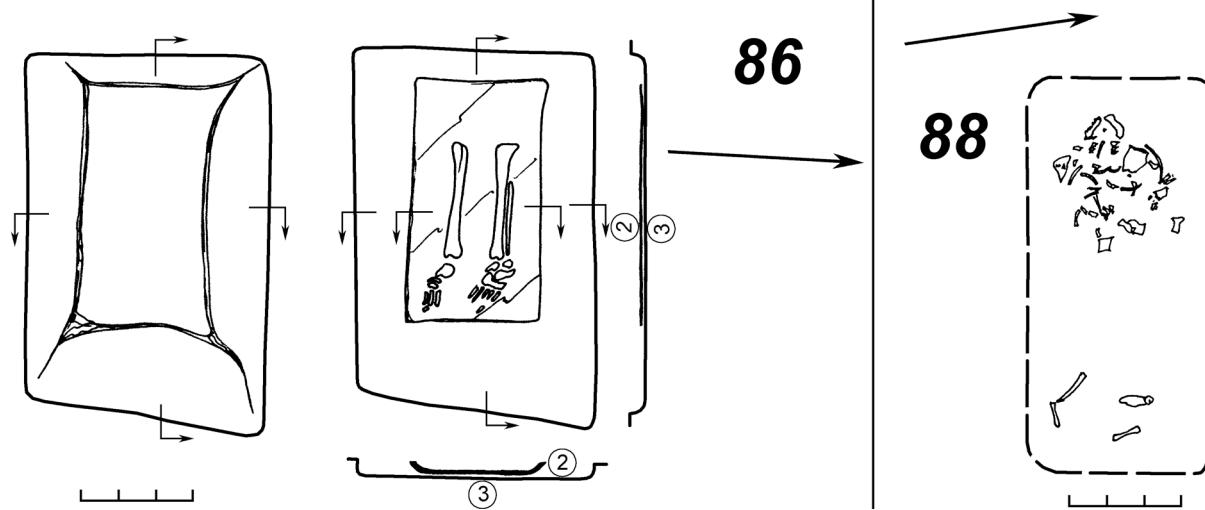
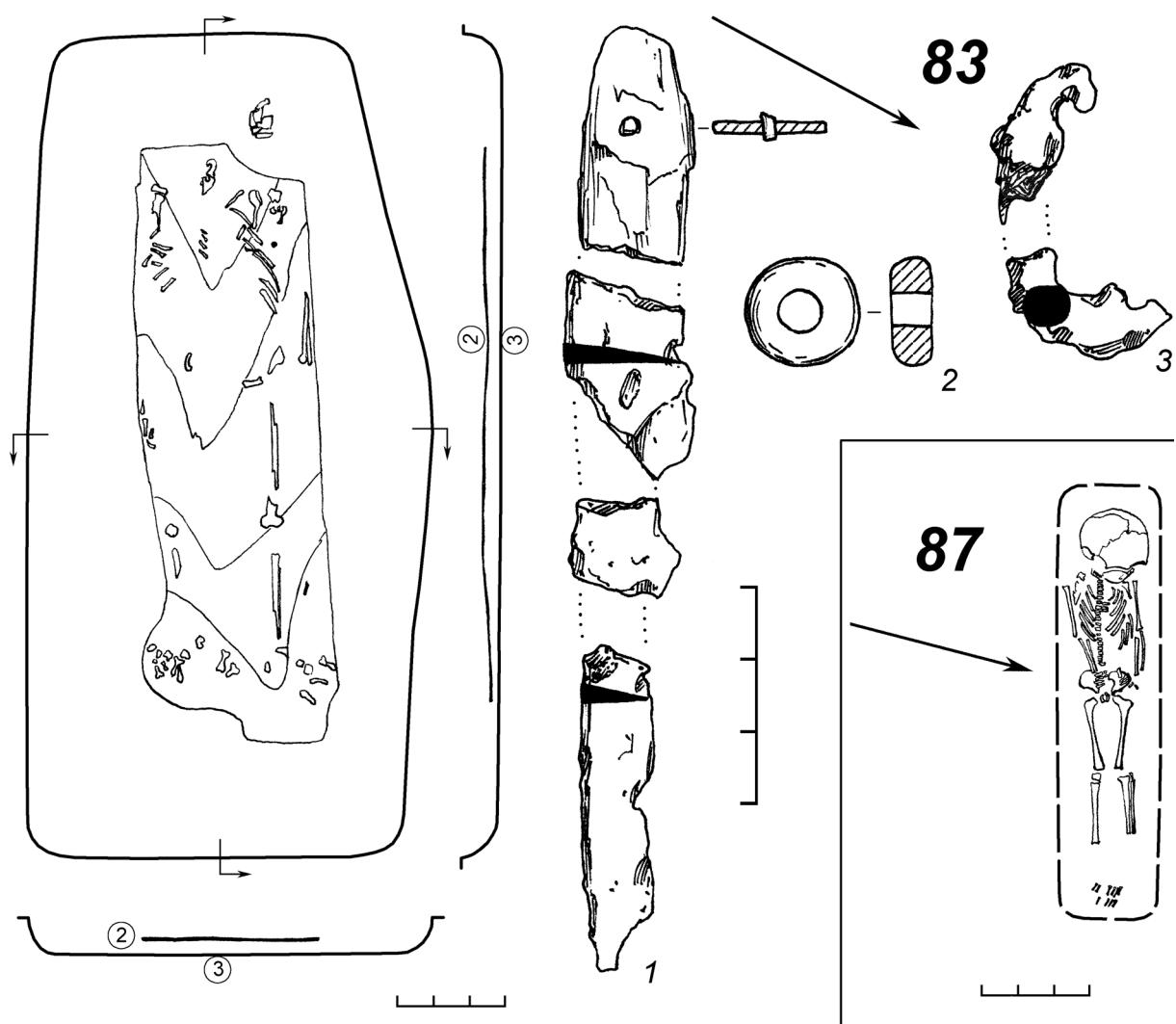

Табл. 46. Погребение 83: 1 – нож (железо), 2 – бусина (стекло), 3 – пряжка (железо).
Безынвентарные погребения 86, 87, 88

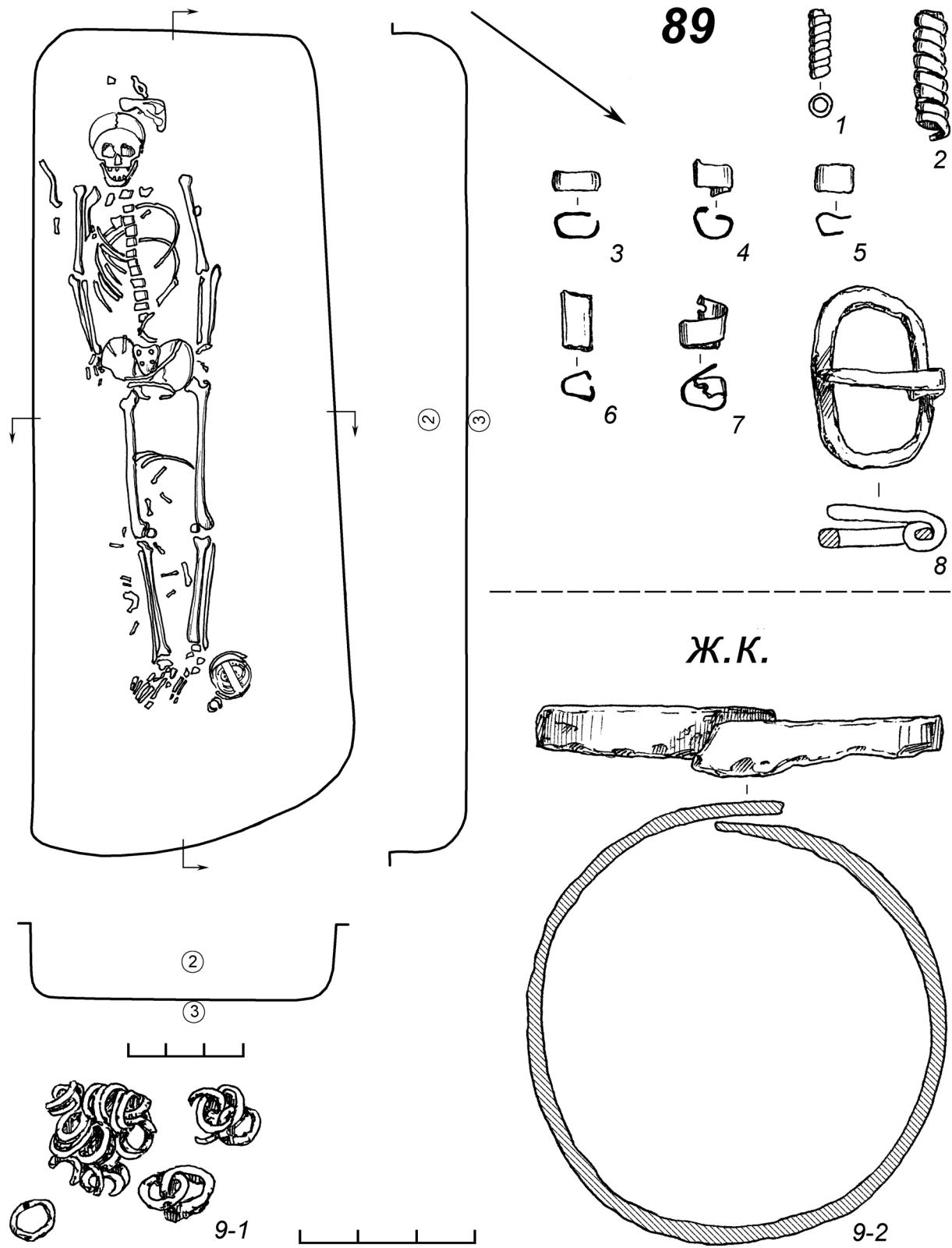

Табл. 47. Погребение 89: 1–7 – пронизки (бронза), 8 – пряжка (железо),
9 – скопление вещей (Ж.К.): 9–1 – предмет кольчужного плетения (железо),
9–2 – браслет (железо)

89

Ж.К.

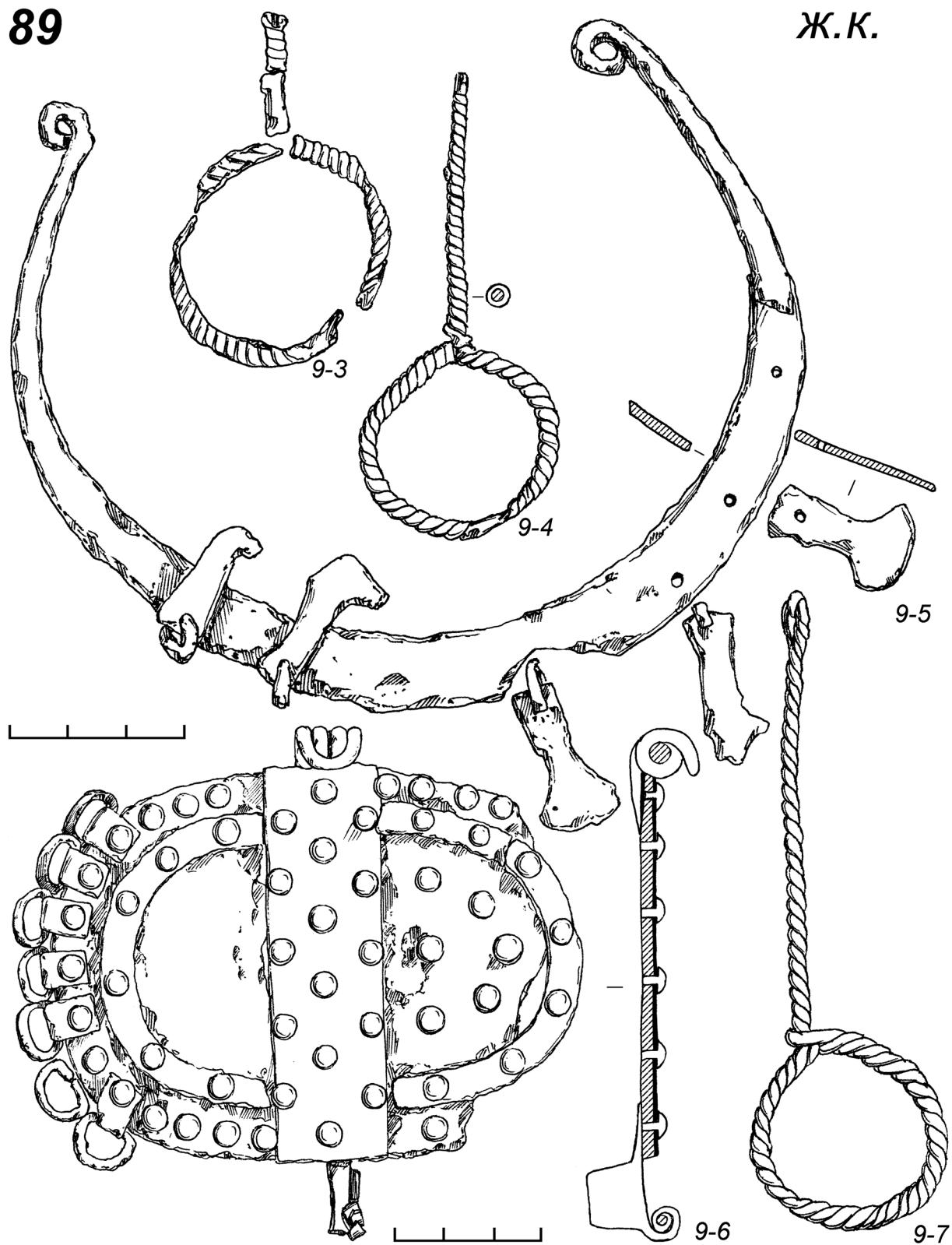
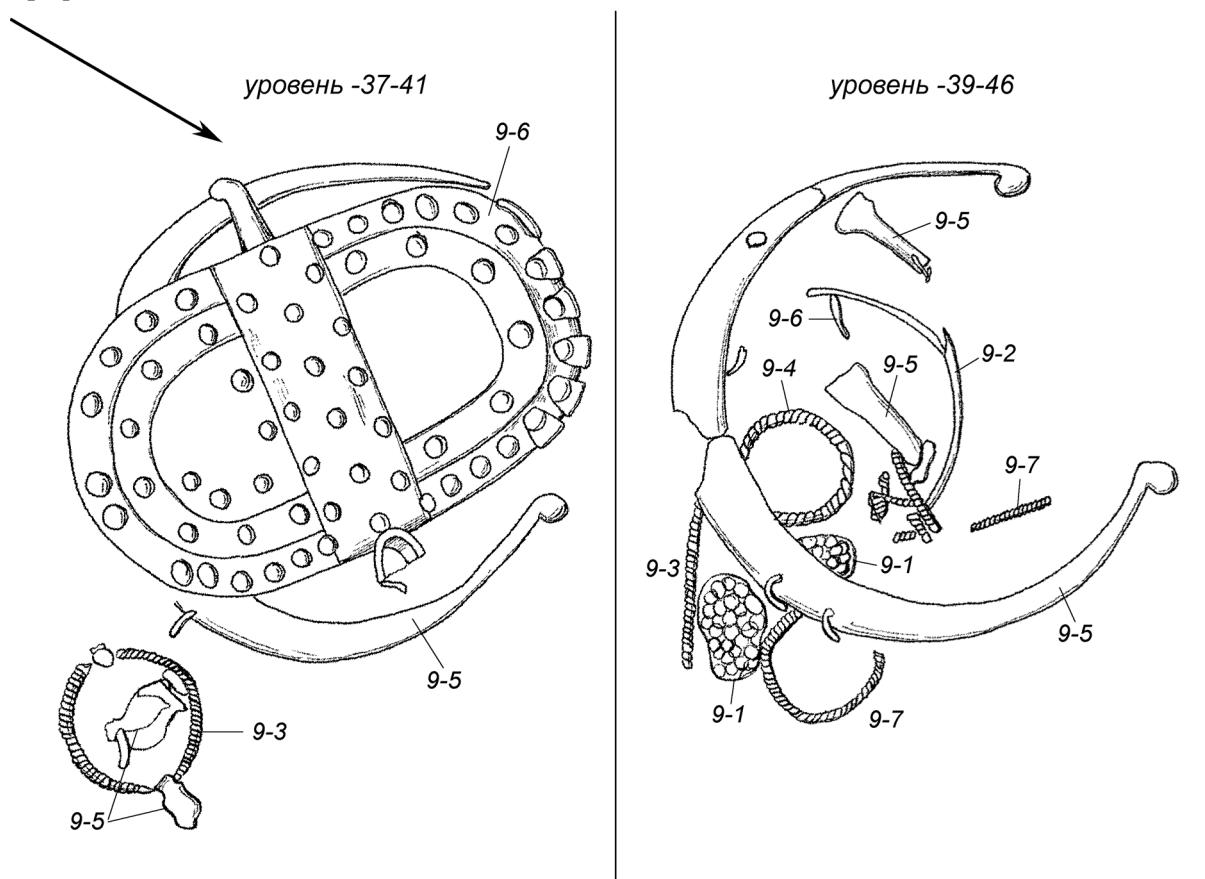

Табл. 48. Погребение 89: 9 – скопление вещей (ЖК, продолжение): 9–3, 4, 7 – височные подвески (9–3, 9–4 – железо, бронза, 9–7 – бронза), 9–5 – гривна с привесками (железо), 9–6 – фибула (железо, бронза)

89

Ж.К.

уровень -39-46

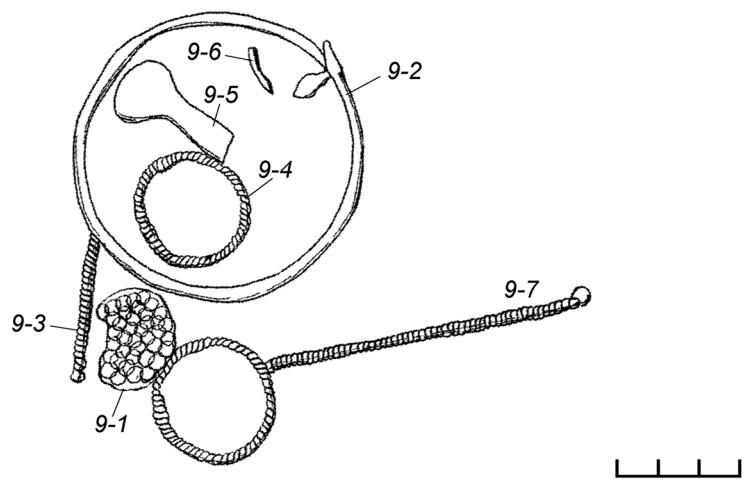

Табл. 49. Погребение 89: 9-1-7 – скопление вещей (ЖК) in situ: 1 – предмет кольчужного плетения (железо), 2 – браслет (железо), 3, 4, 7 – височные подвески (железо, бронза), 5 – гривна с привесками (железо), 6 – фибула (железо, бронза)

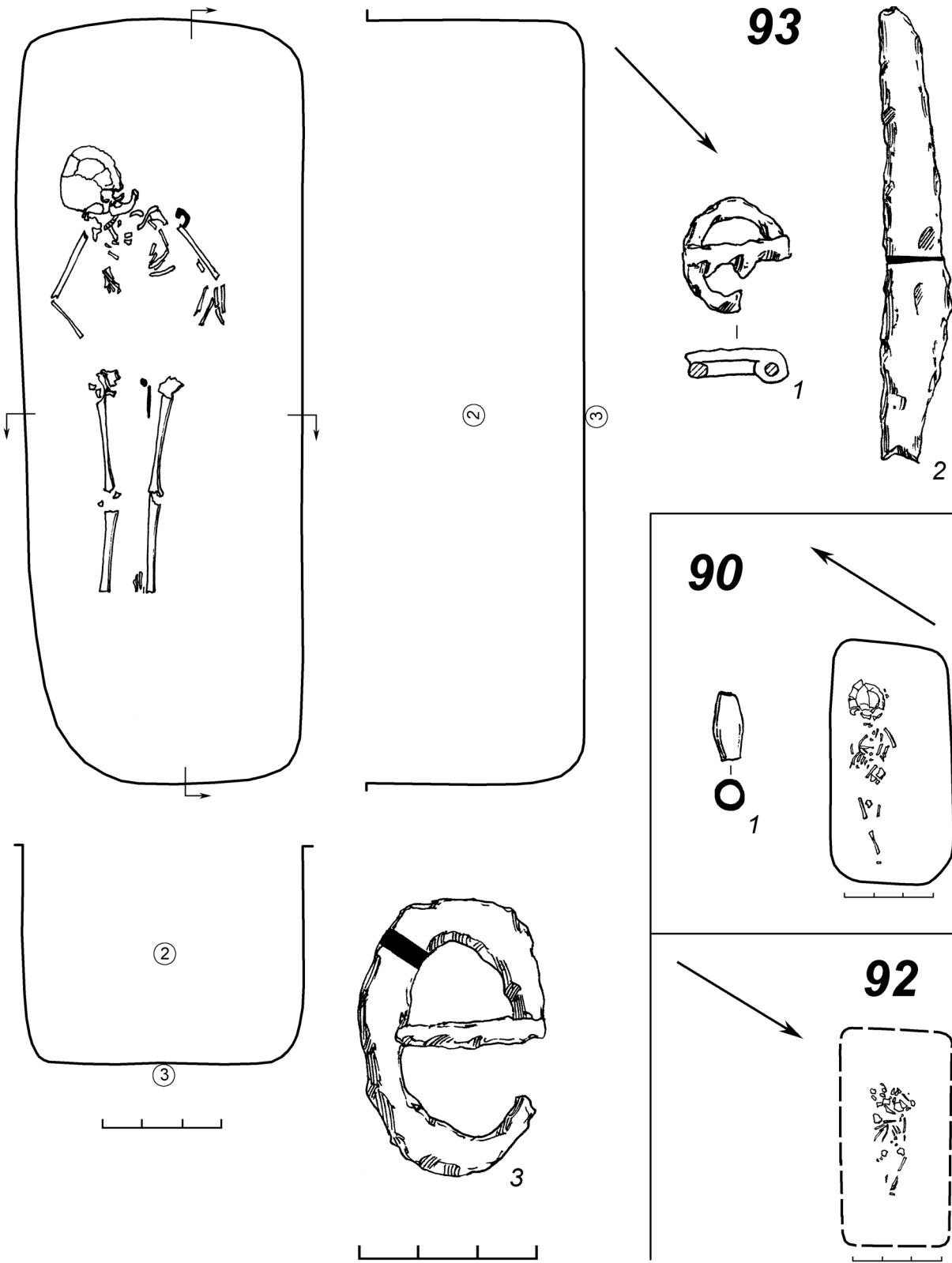

Табл. 50. Погребение 90: 1 – пронизка (бронза).

Безынвентарное погребение 92.

Погребение 93: 1, 3 – пряжки (железо), 2 – нож (железо)

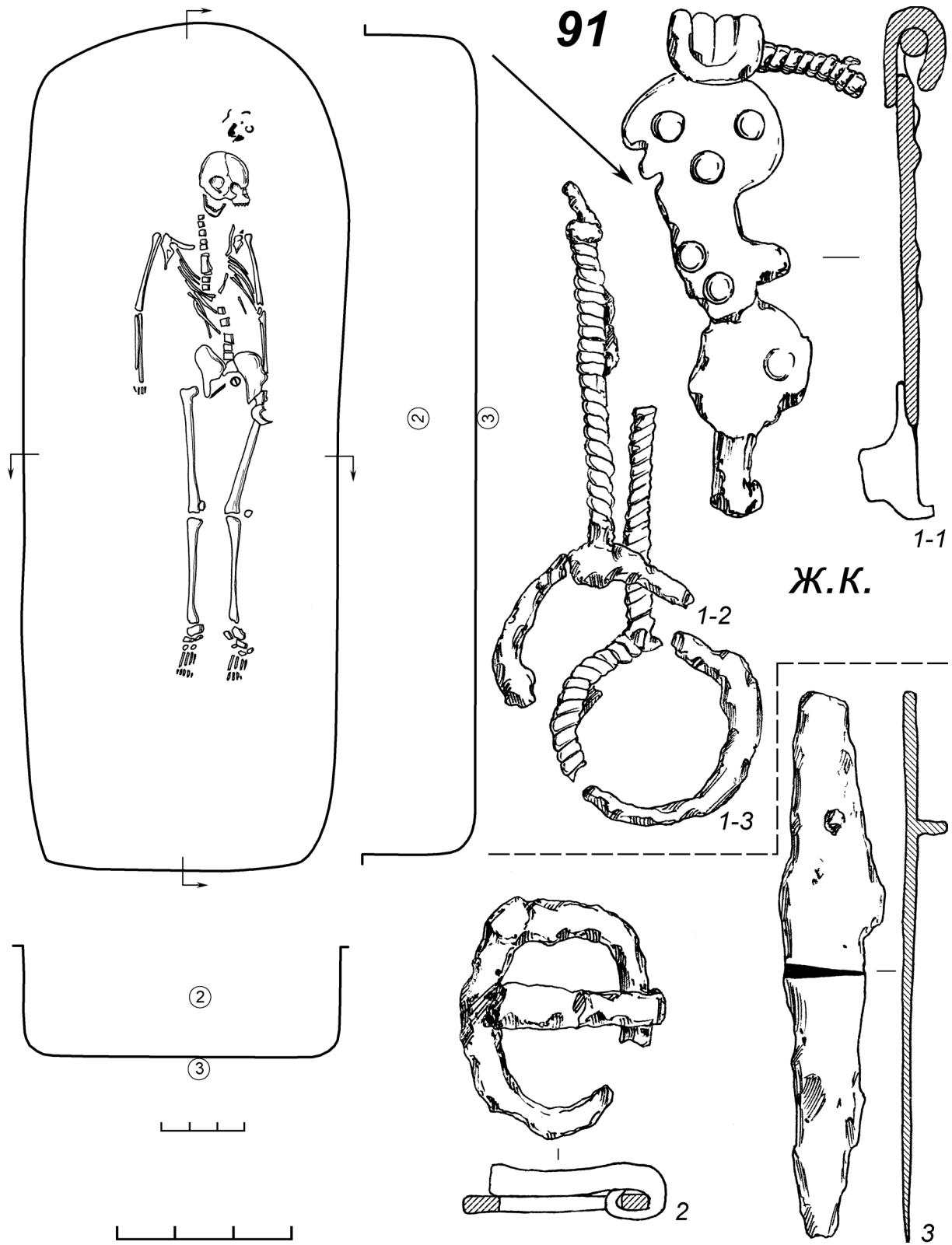

Табл. 51. Погребение 91: 1 – скопление вещей (Ж.К.); 1–1 – фибула (железо),
1–2, 3 – височные подвески (железо, бронза);
2 – пряжка (железо), 3 – нож (железо)

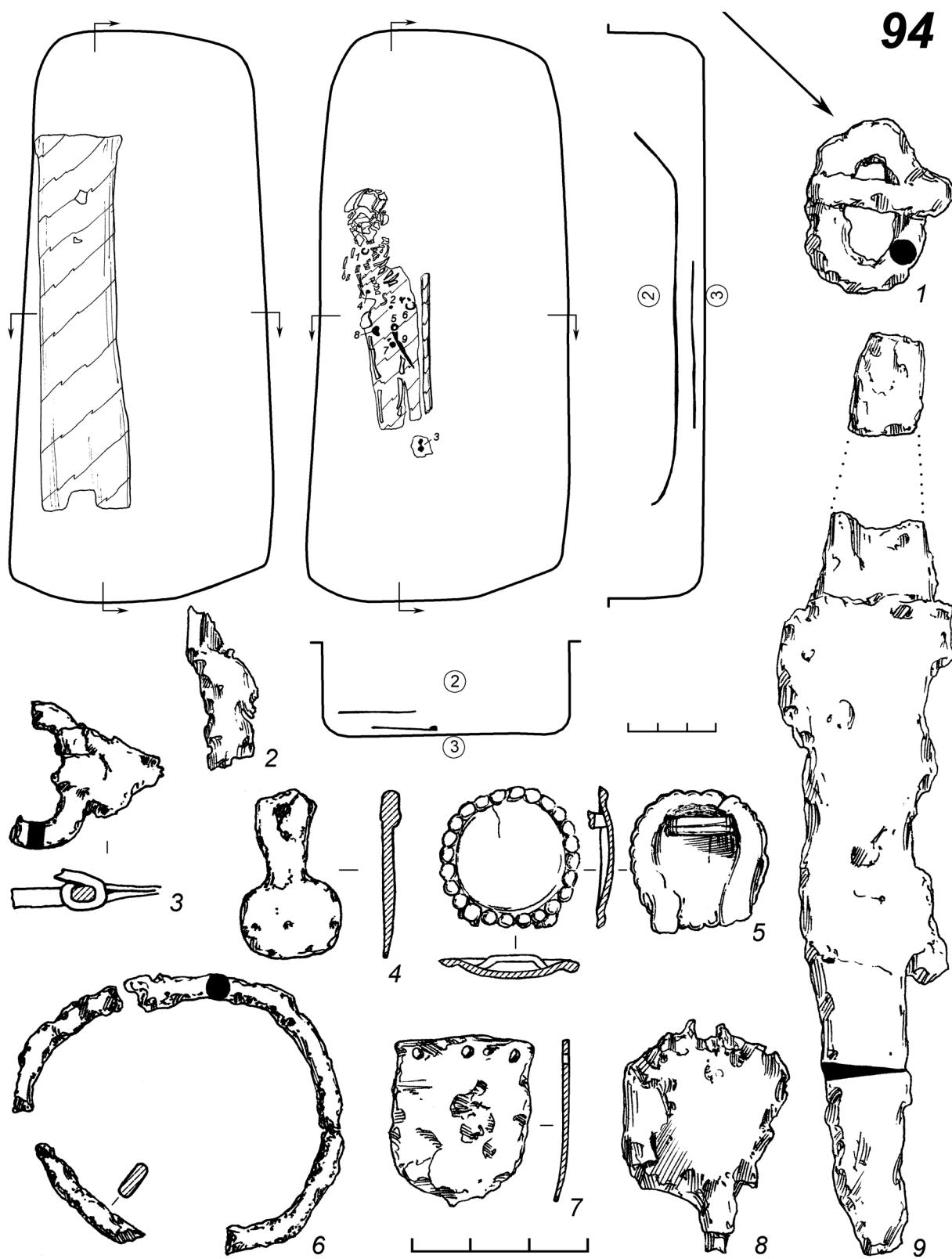

Табл. 52. Погребение 94: 1, 3 – пряжки (железо), 2, 8 – фрагменты железных вещей,
4 – подвеска (железо), 5 – бляшка-накладка (бронза), 6 – браслет (железо),
7 – наконечник ремня (железо), 9 – нож (железо)

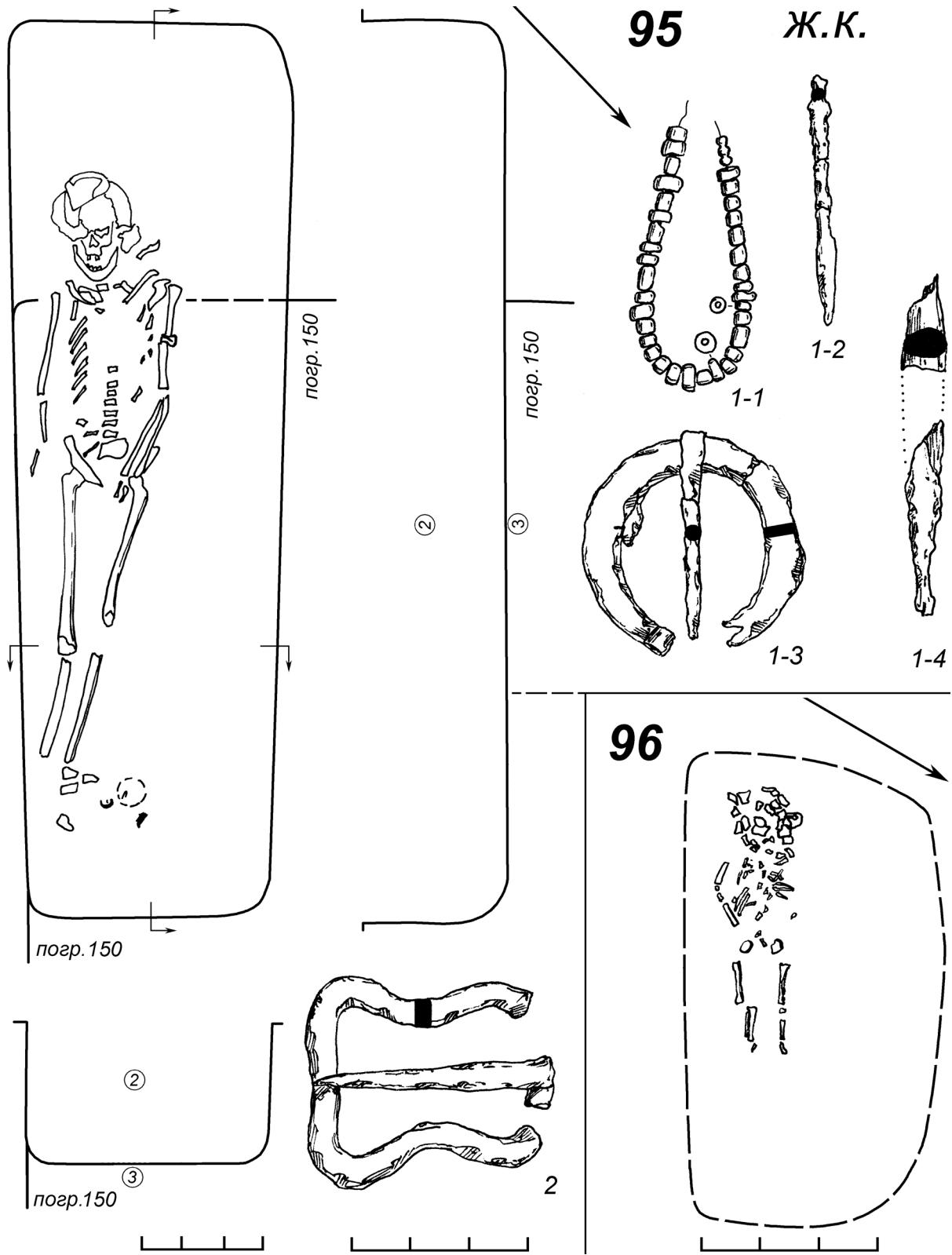
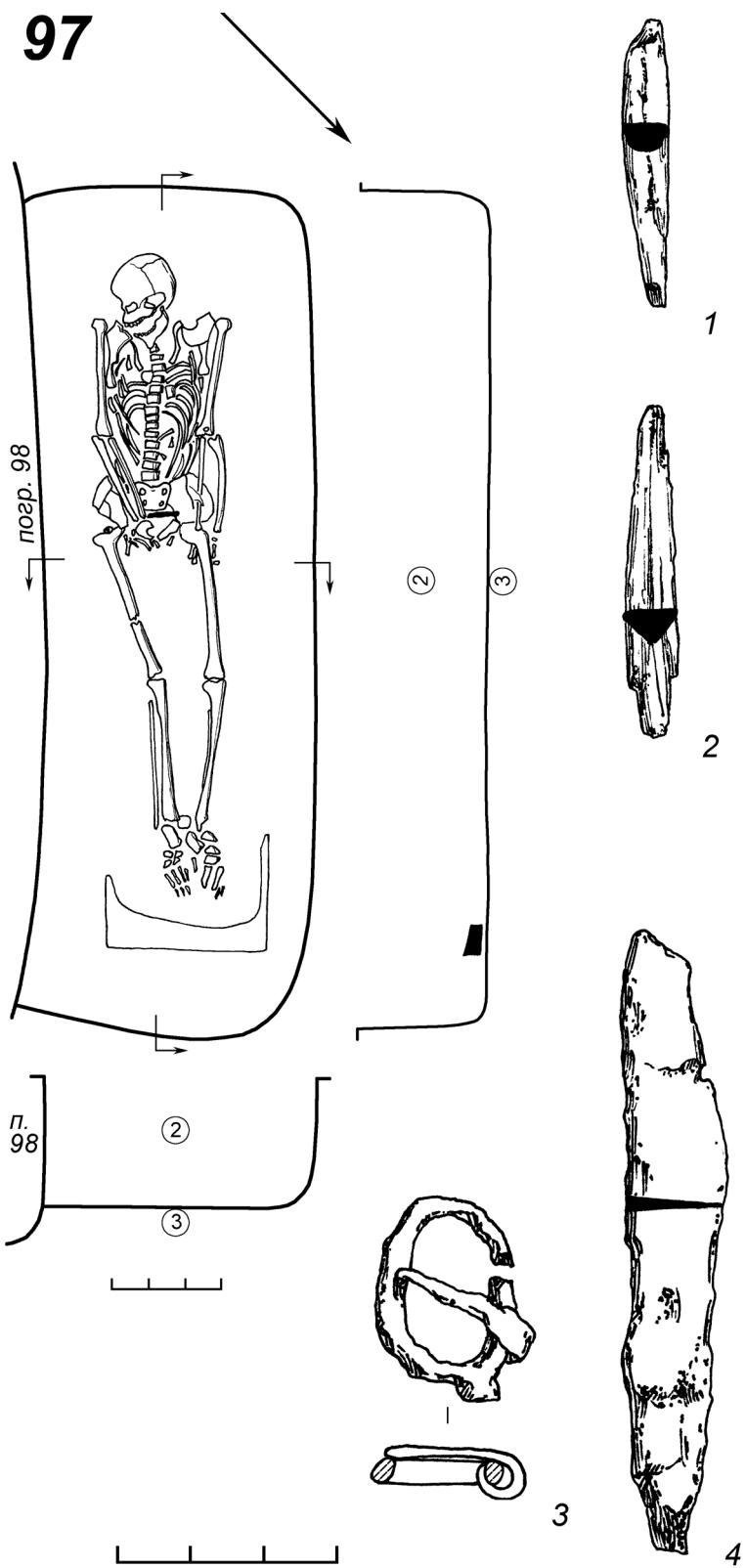
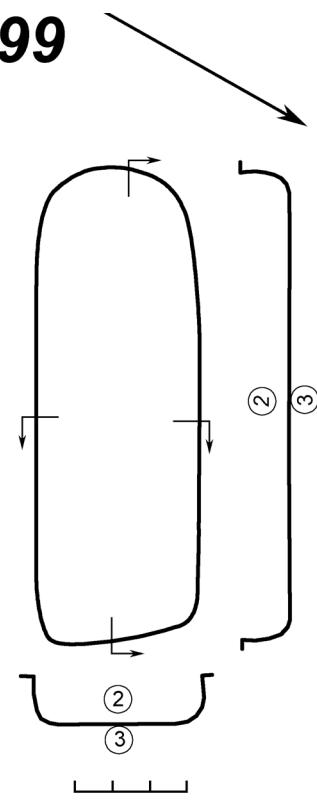

Табл. 53. Погребение 95: 1 – скопление вещей (ЖК): 1–1 – бисер (стекло), 1–2, 4 – шилья (железо), 1–3 – сюльгама (железо); 2 – пряжка (железо).
Безынвентарное погребение 96

97

99

100

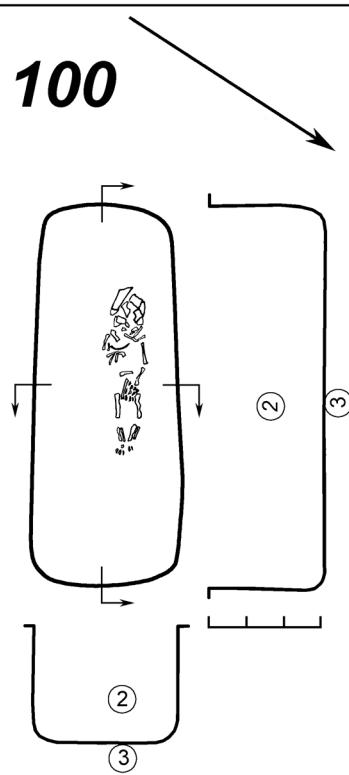

Табл. 54. Погребение 97: 1, 2 – наконечники стрел (кость),
3 – пряжка (железо), 4 – нож (железо).
Безынвентарные погребения 99, 100

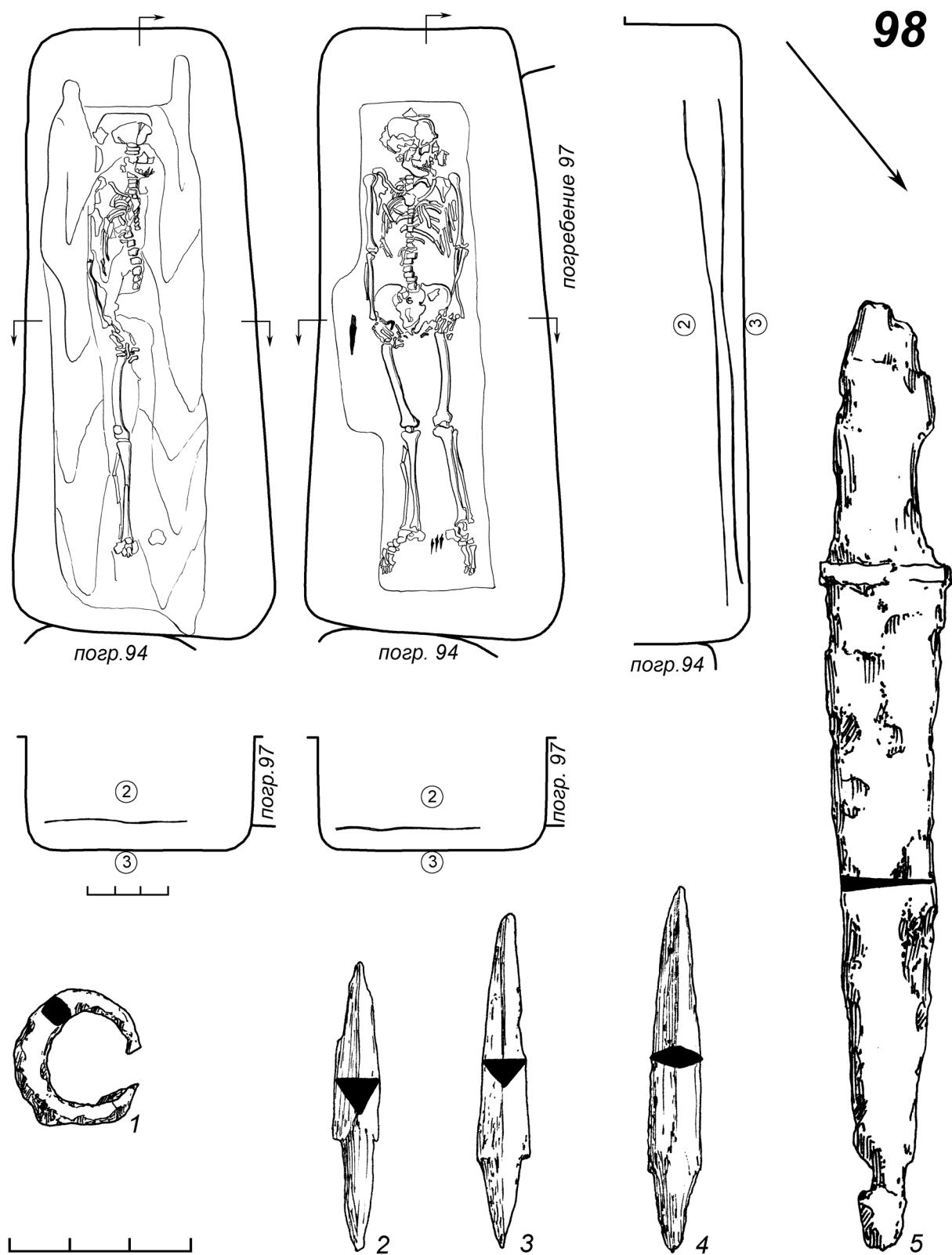

Табл. 55. Погребение 98: 1 – пряжка (железо), 2–4 – наконечники стрел (кость),
5 – нож (железо)

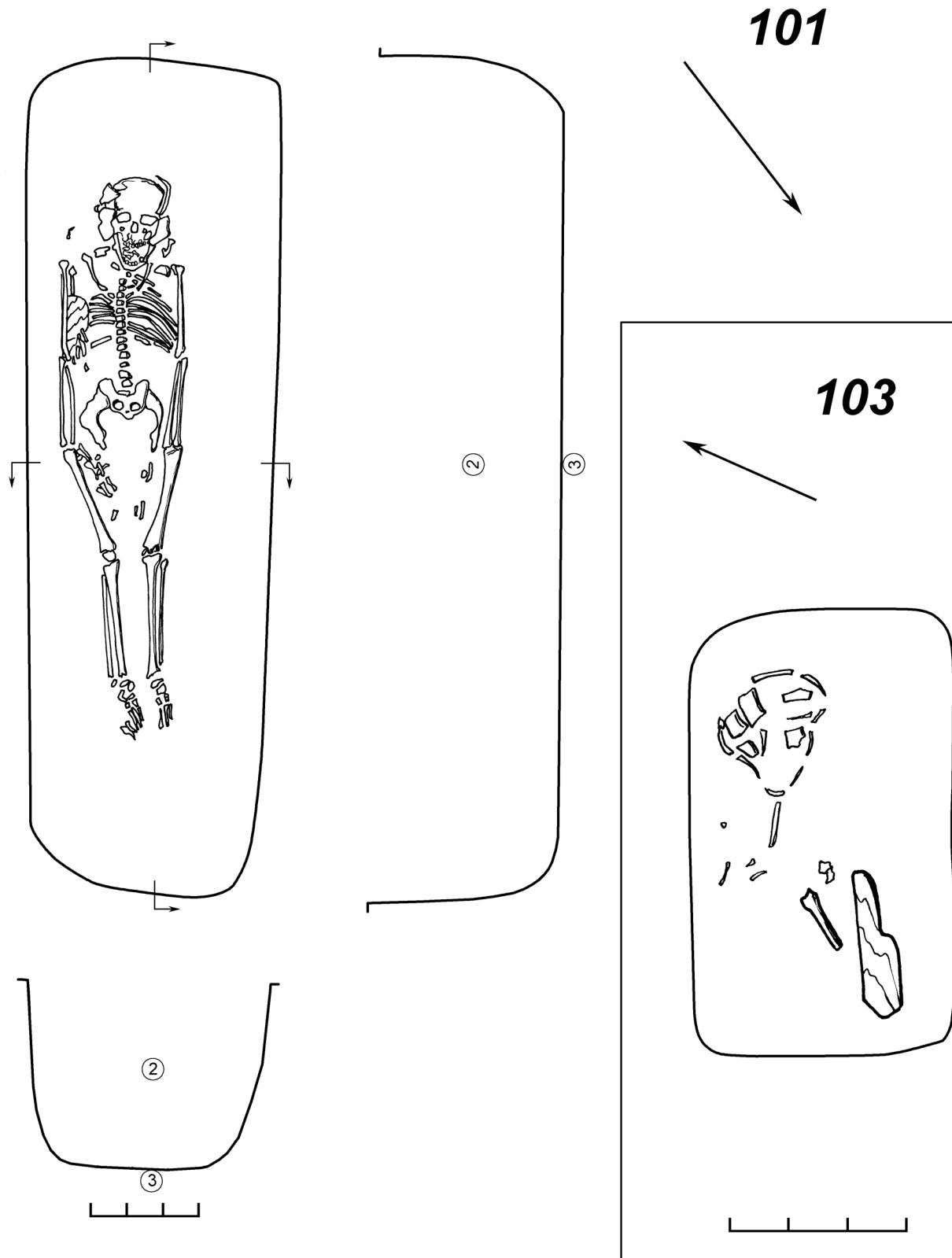

Табл. 56. Безынвентарные погребения 101, 103

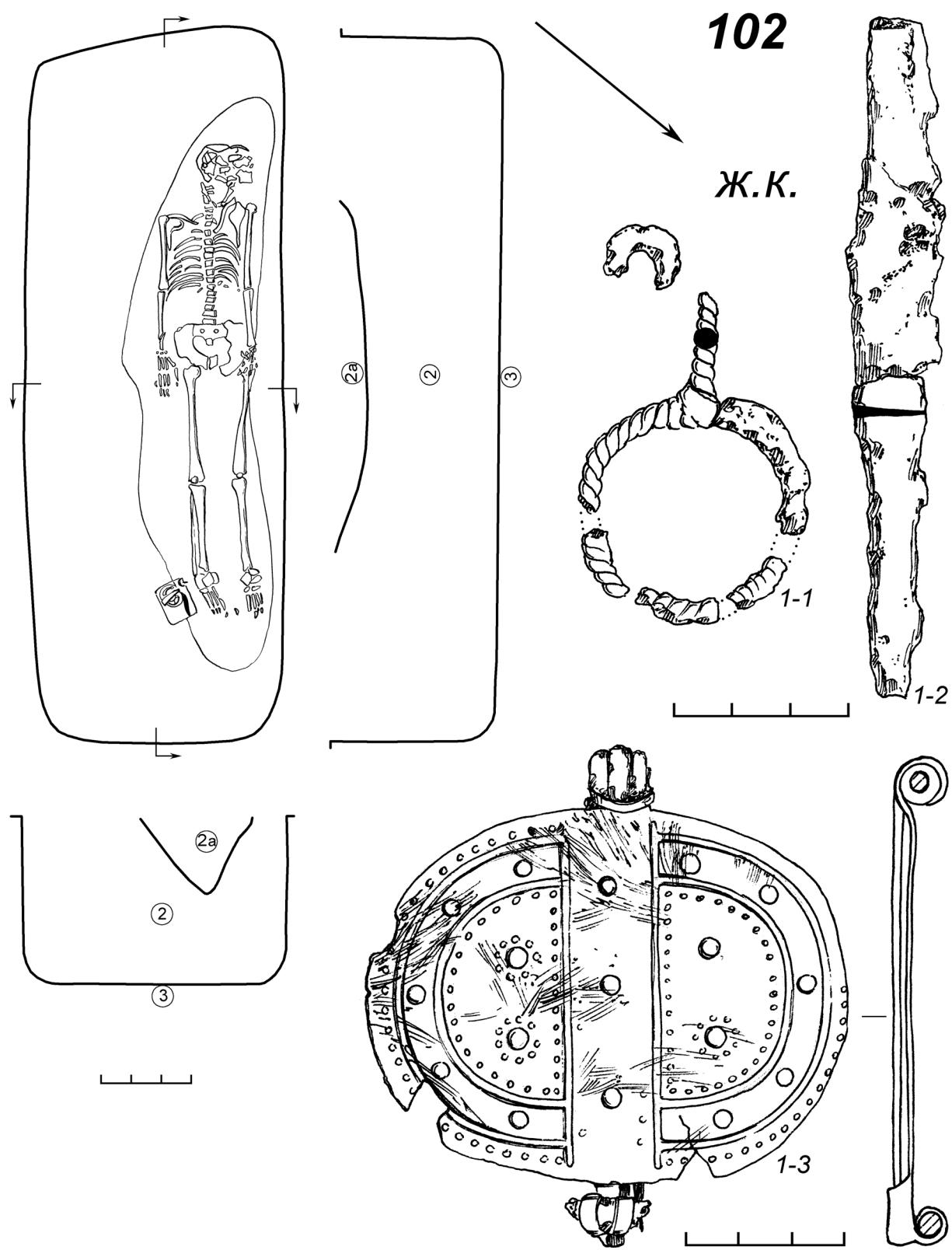

Табл. 57. Погребение 102: 1 – скопление вещей (ЖК): 1–1 – височная подвеска (железо, бронза), 1–2 – нож (железо, дерево), 1–3 – фибула (бронза)

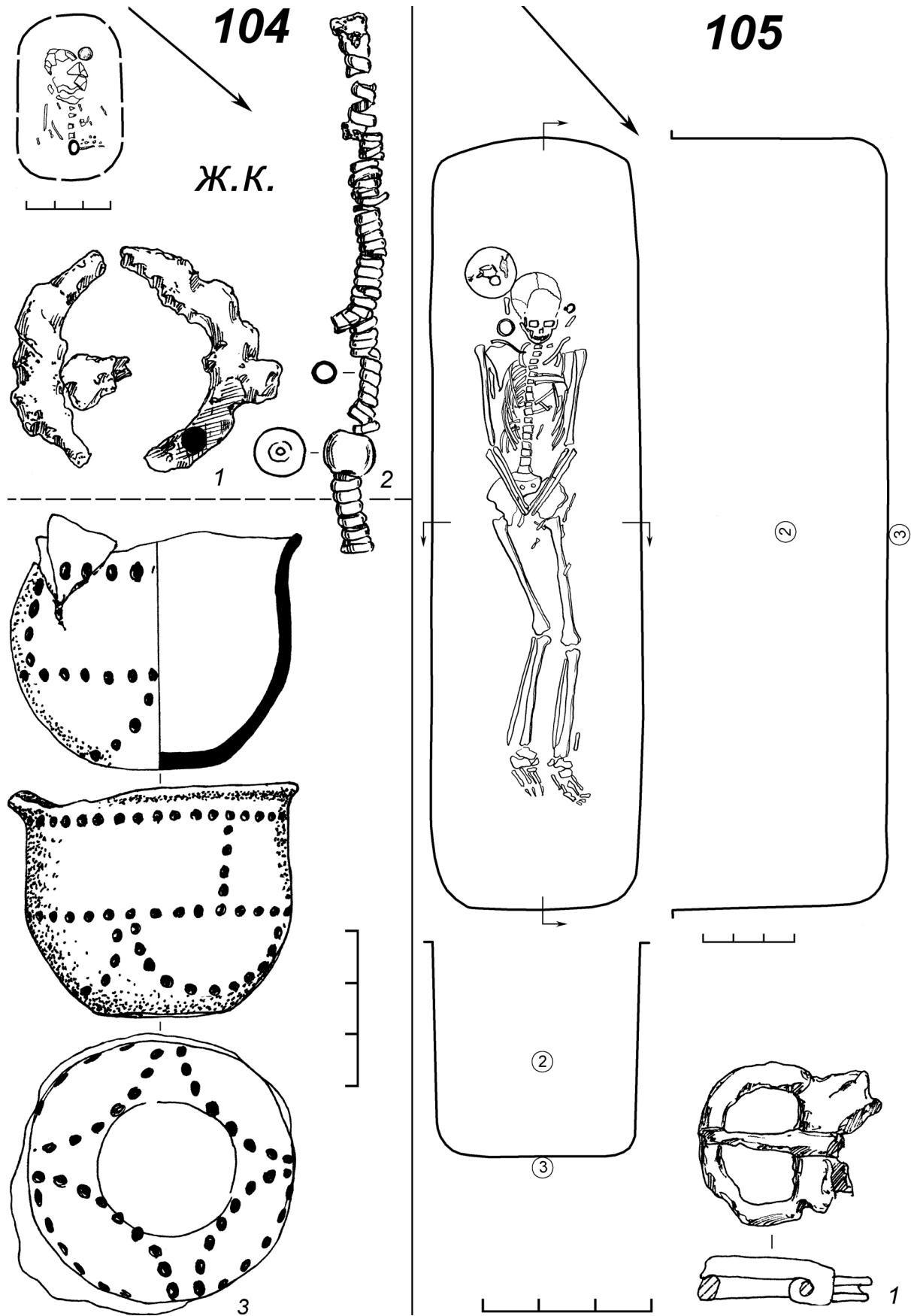

Табл. 58. Погребение 104: 1, 2 – скопление вещей (ЖК: 1 – железная пряжка, 2 – бронзовые пронизки со стеклянной бусиной); 3 – сосуд (глина).

Погребение 105: 1 – пряжка (железо)

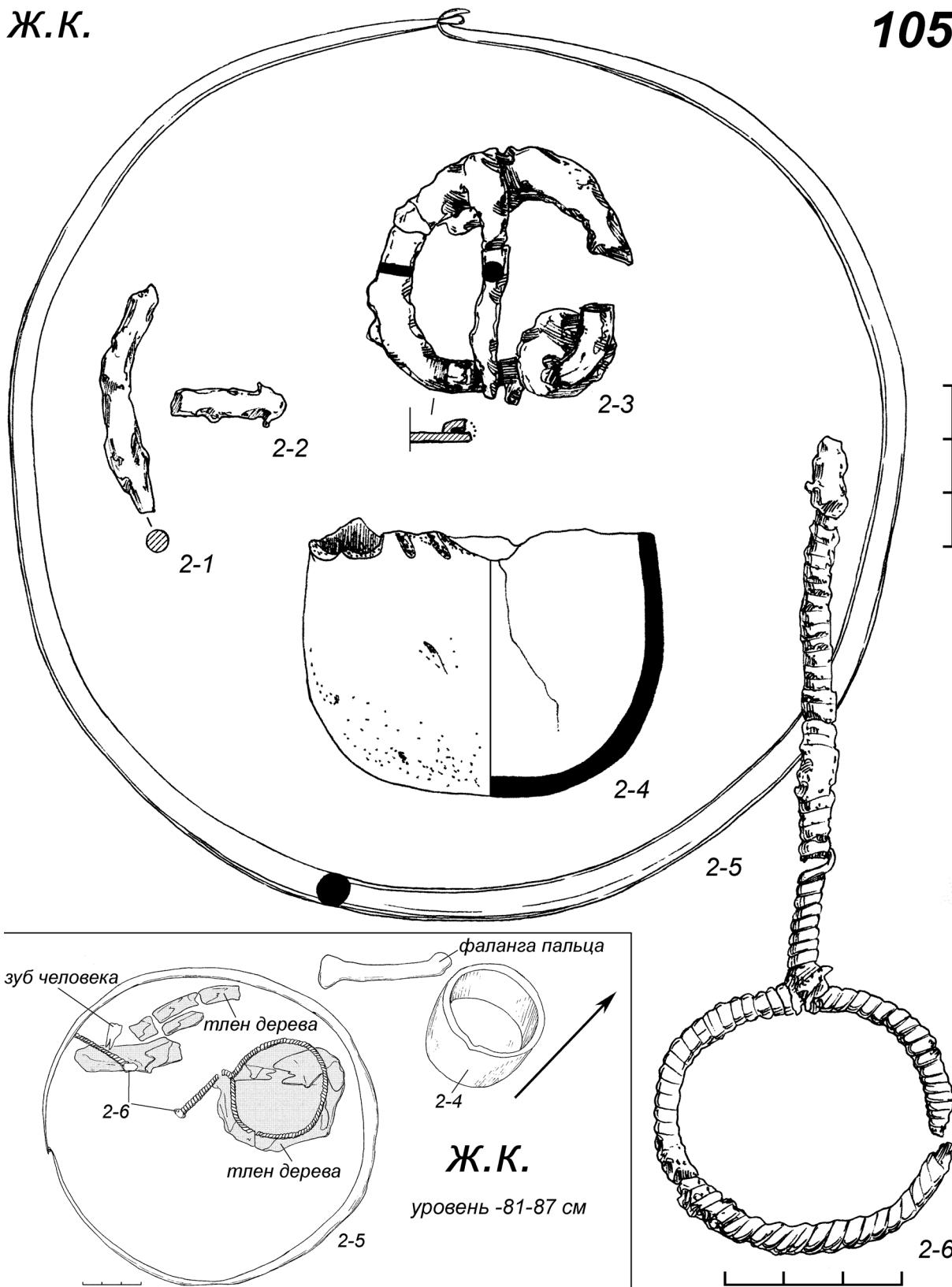

Табл. 59. Погребение 105: 2 – скопление вещей (Ж.К. in situ, прорисовка вещей):
2–1, 2 – фрагменты железных вещей, 2–3 – сюльгама (железо), 2–4 – сосуд (глина),
2–5 – гривна (бронза), 2–6 – височная подвеска (железо, бронза)

106

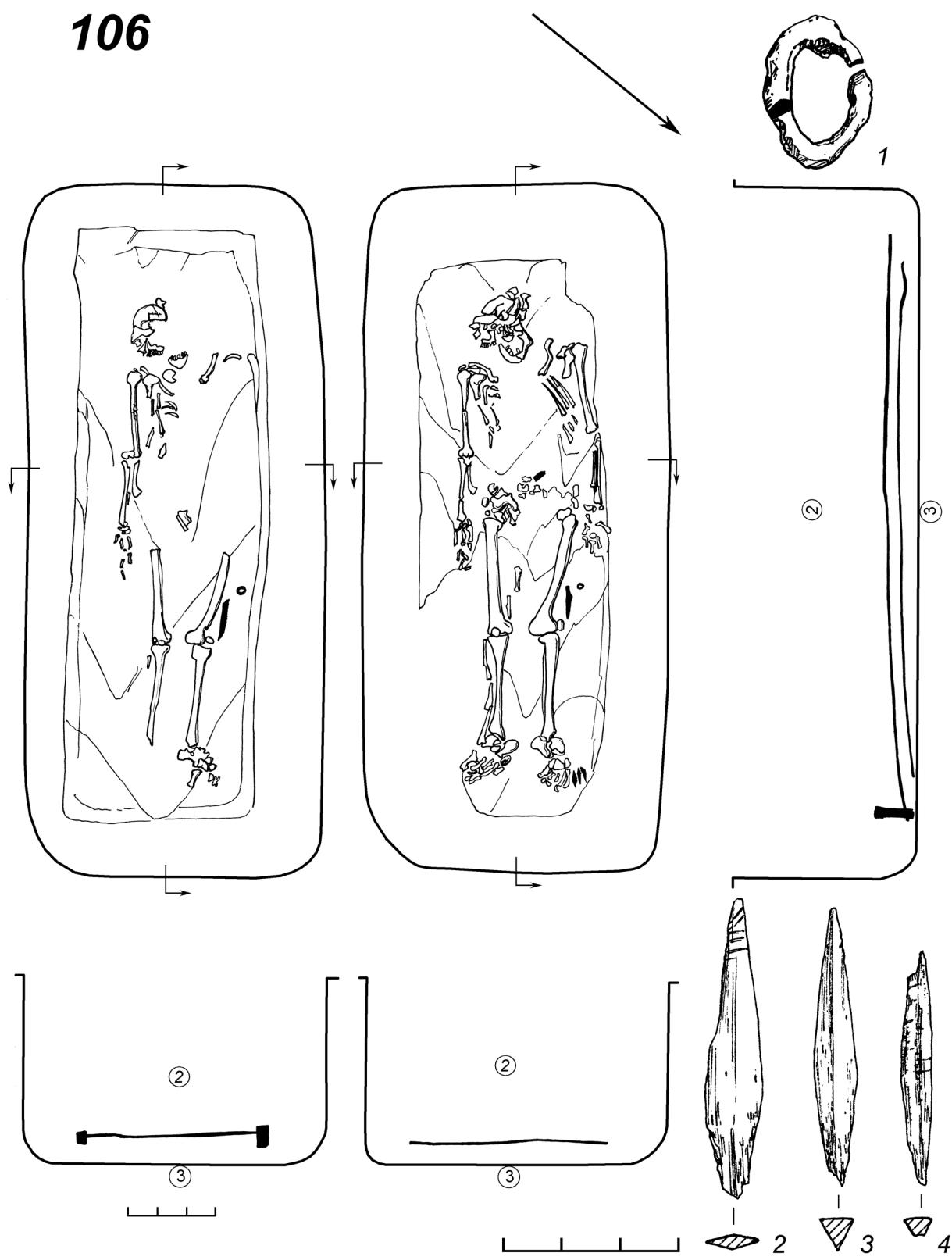
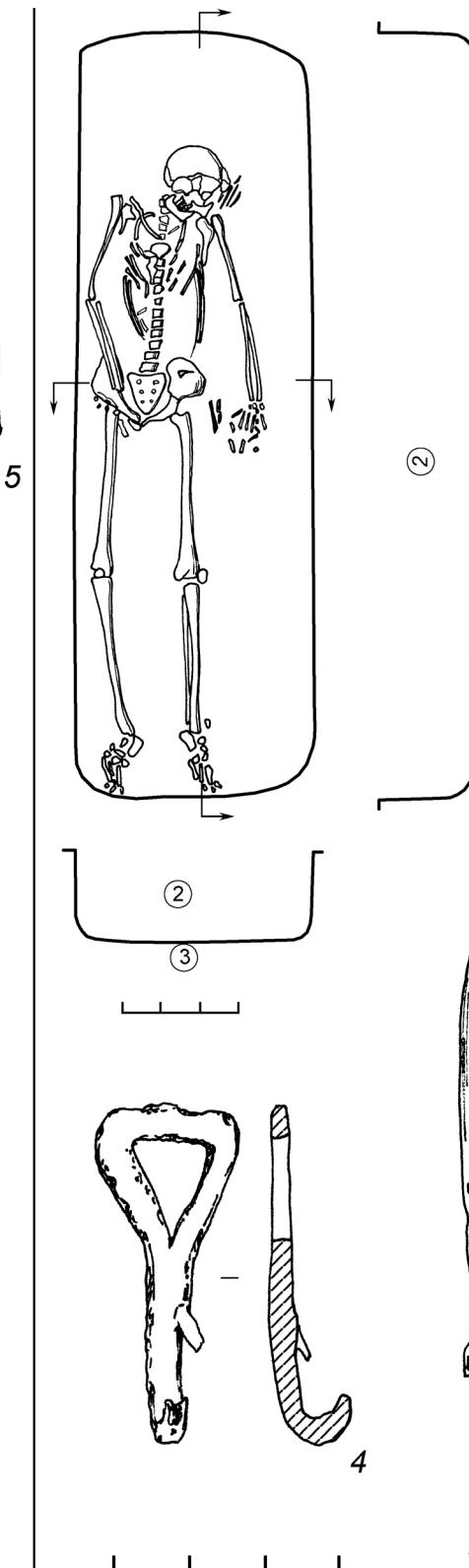
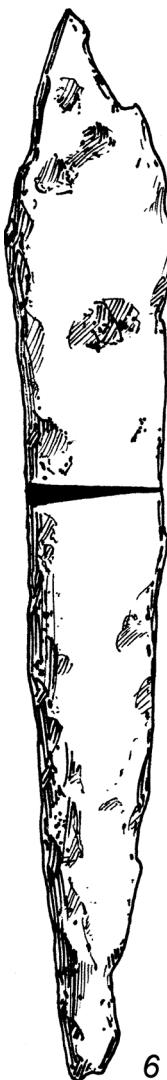
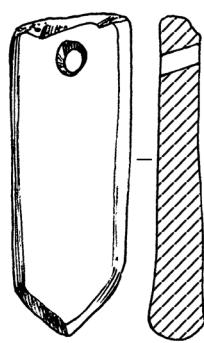

Табл. 60. Погребение 106: 1 – пряжка (железо), 2–4 – наконечники стрел (кость)

106

107

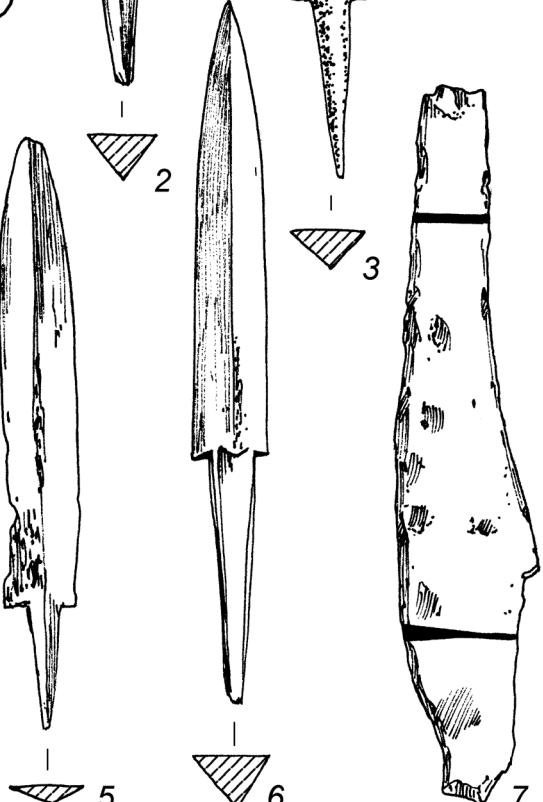
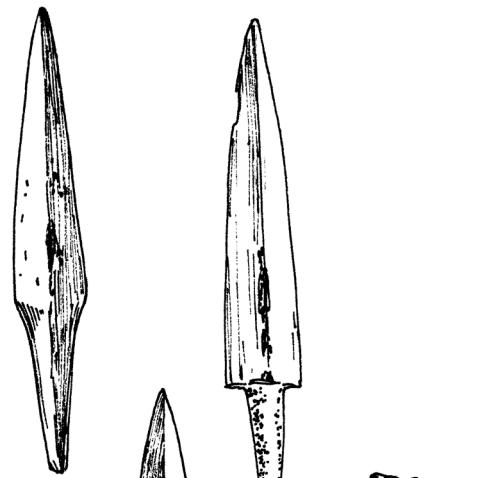
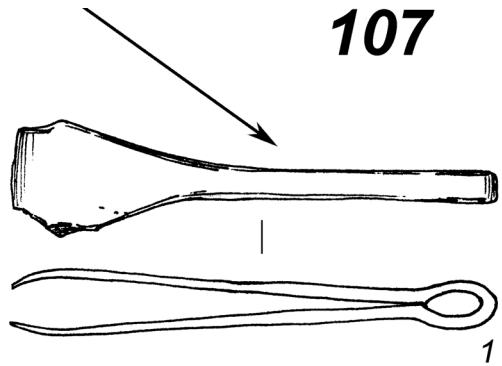
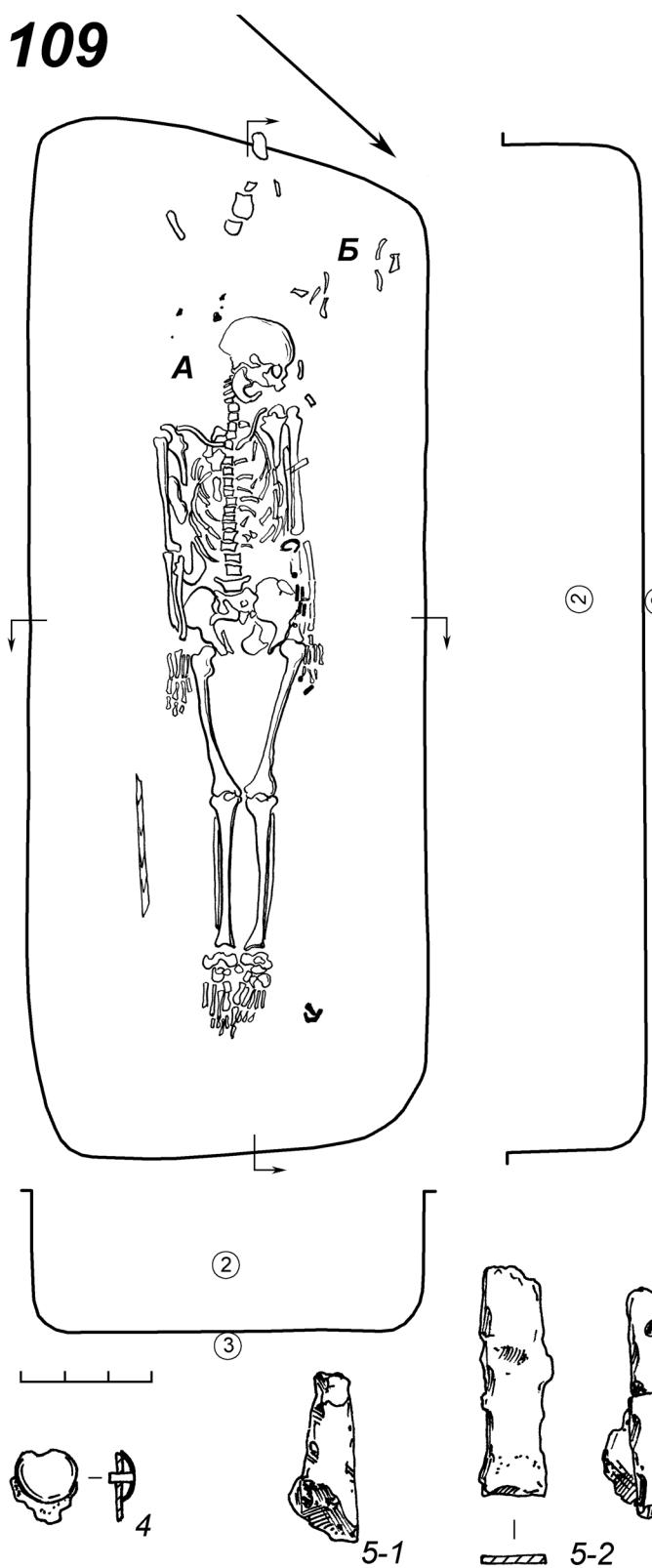

Табл. 61. Погребение 106 (продолжение): 5 – подвеска-оселок (камень), 6 – нож (железо).

Погребение 107: 1 – пинцет (бронза), 2, 3, 5, 6 – наконечники стрел (кость),

4 – колчанный крючок (железо), 7 – нож (железо)

109

108

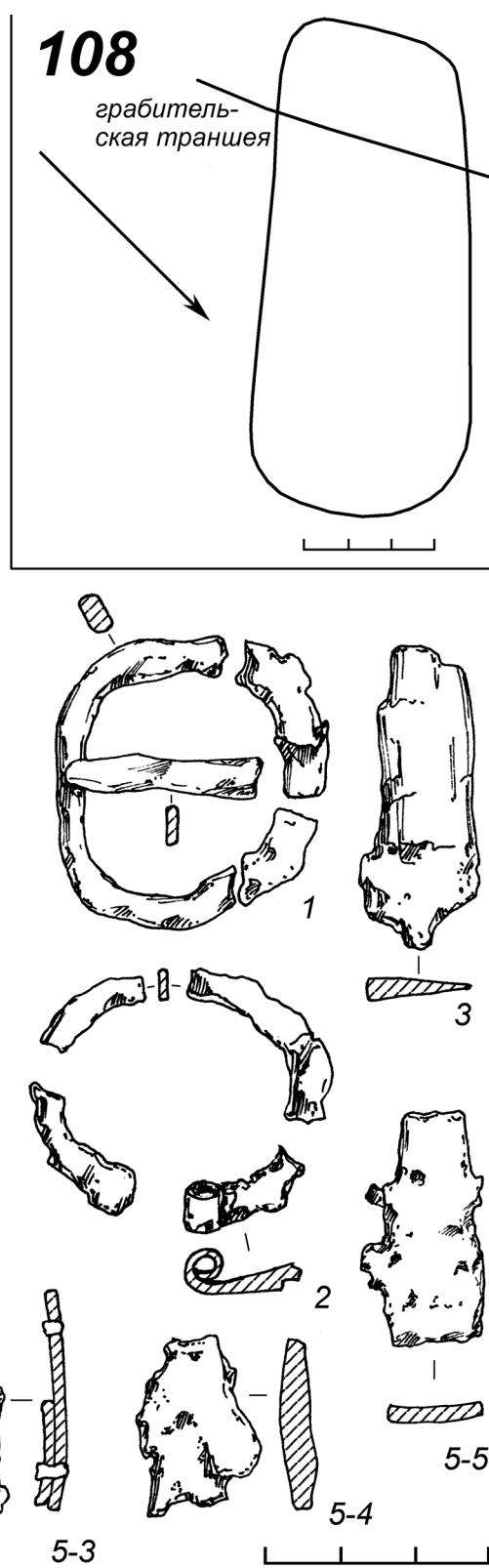

Табл. 62. Безынвентарное погребение 108.

Погребение 109: 1 – пряжка (железо), 2 – сюльгама (железо), 3 – нож (железо),
4 – бляшка-накладка (бронза), 5–1–5 – накладки (железо)

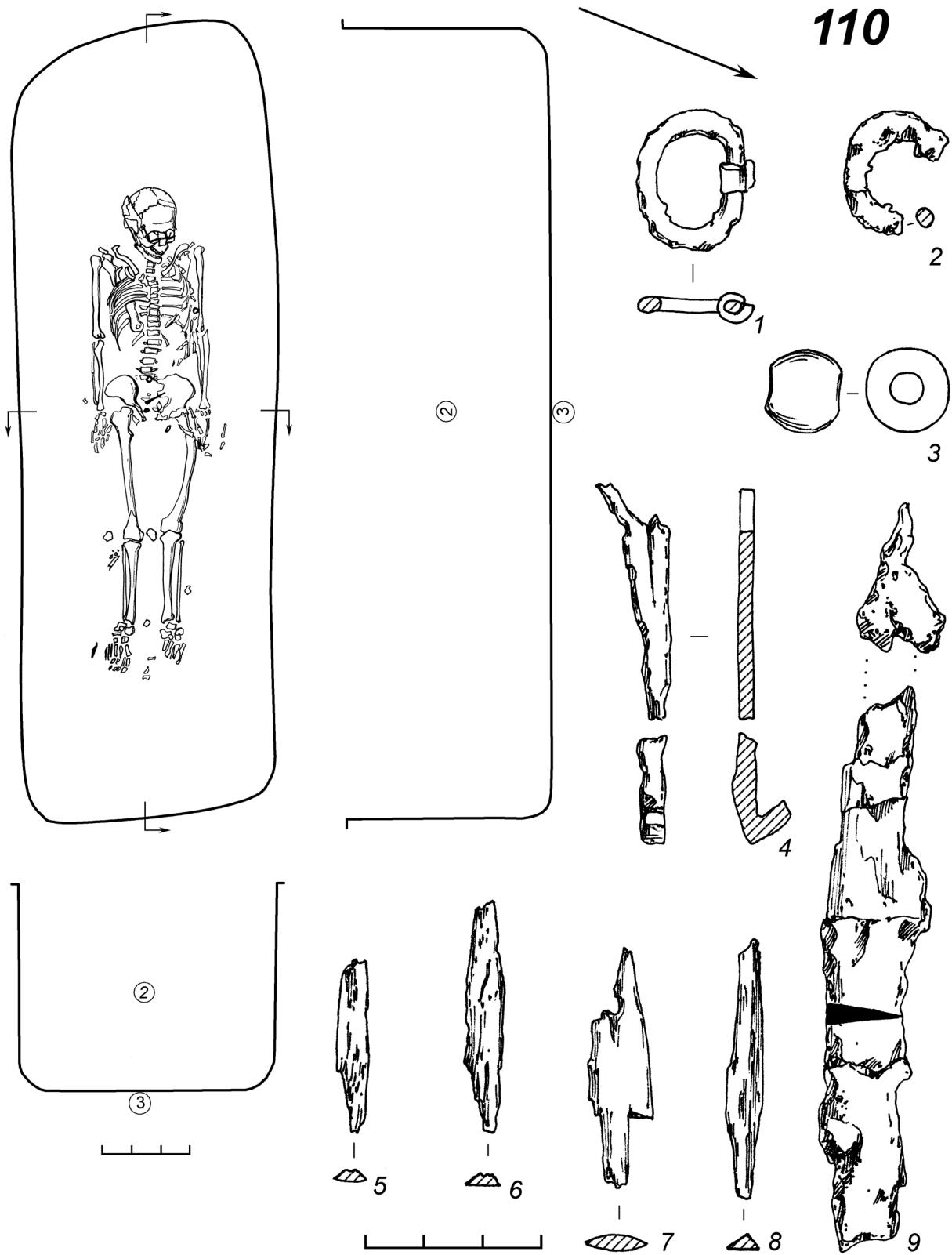

Табл. 63. Погребение 110: 1, 2 – пряжки (железо), 3 – бусина (стекло), 4 – колчанный крючок (железо), 5–8 – наконечники стрел (кость), 9 – нож (железо)

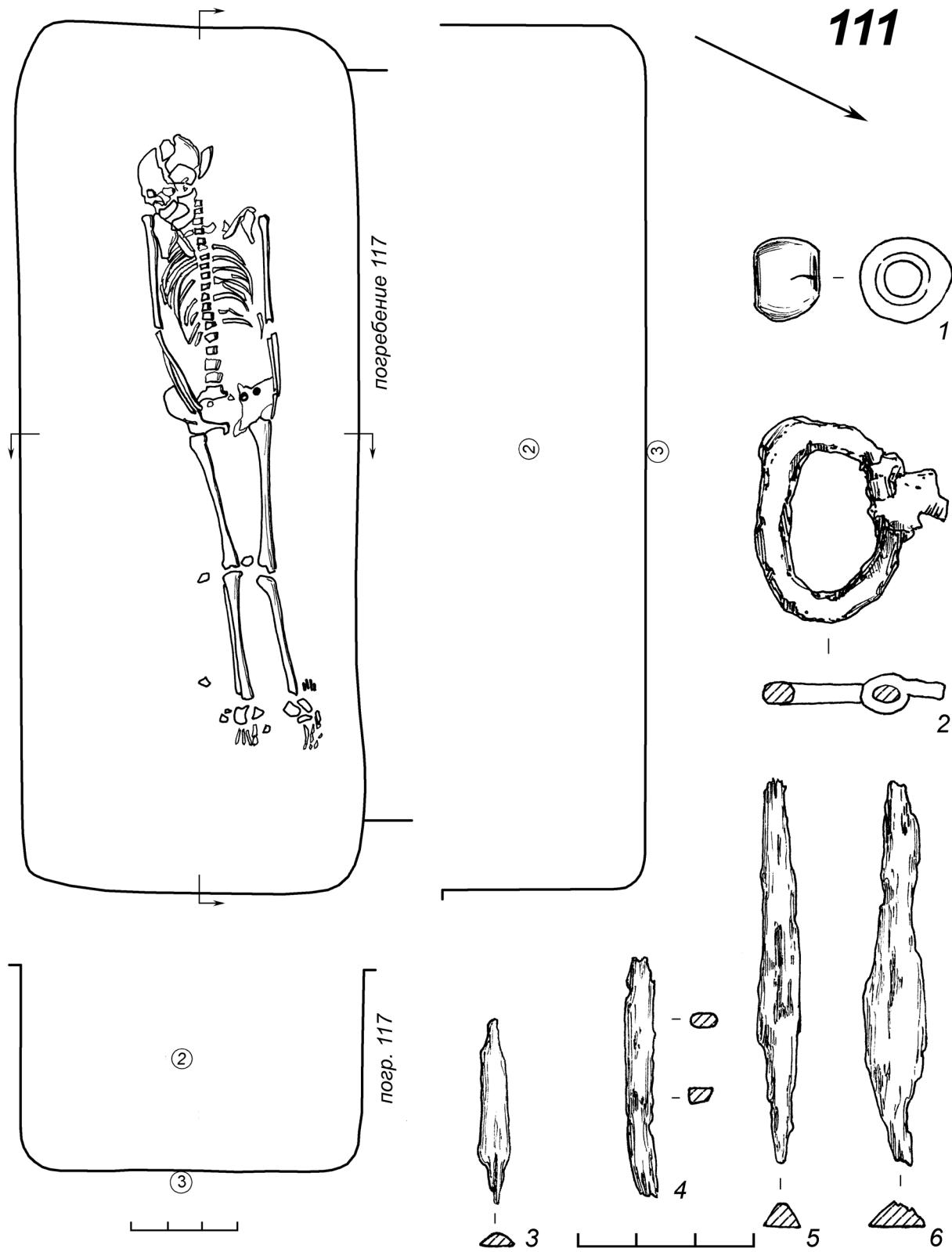

Табл. 64. Погребение 111: 1 – бусина (стекло), 2 – пряжка (железо),
3–6 – наконечники стрел (кость)

112

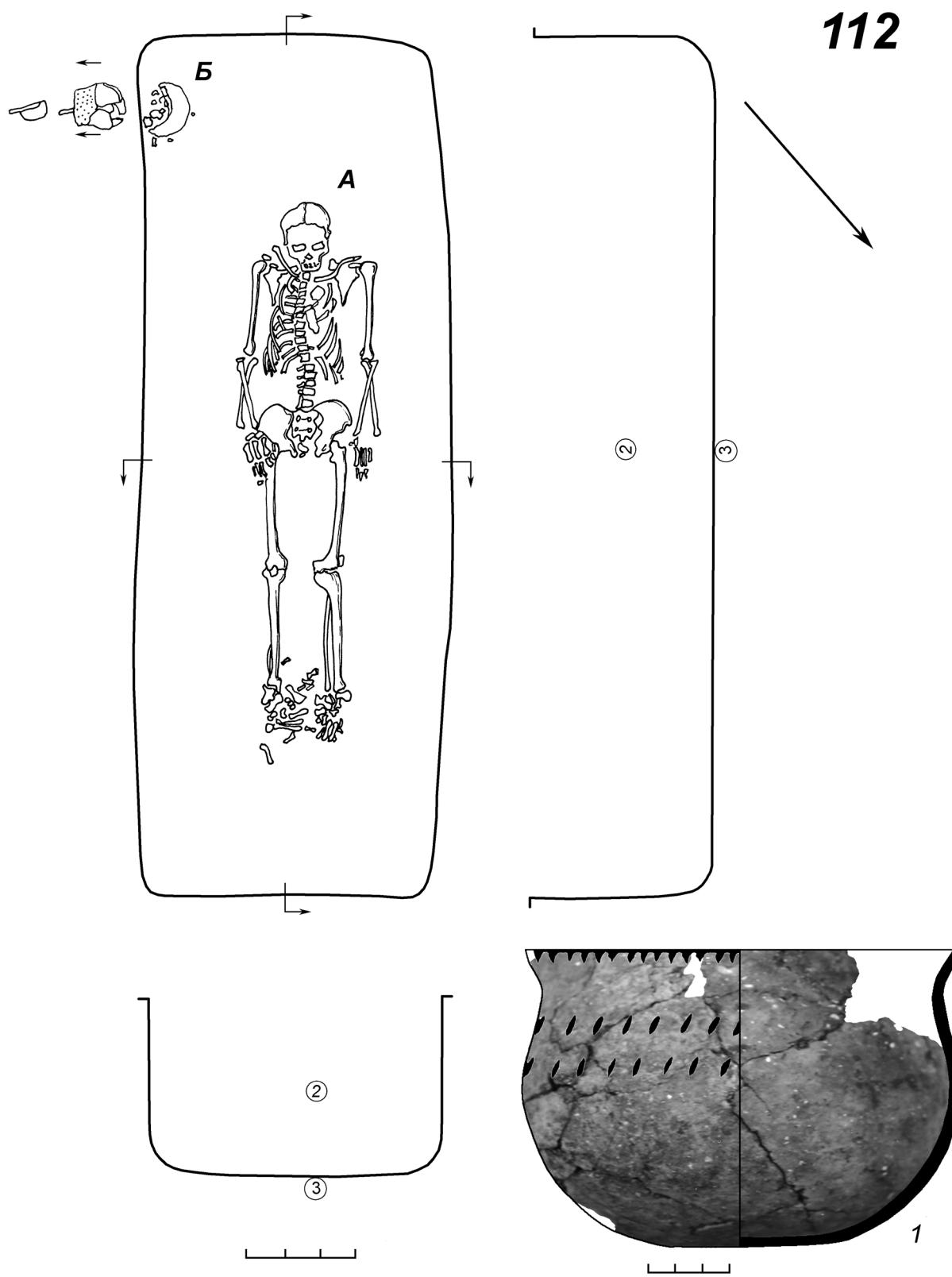
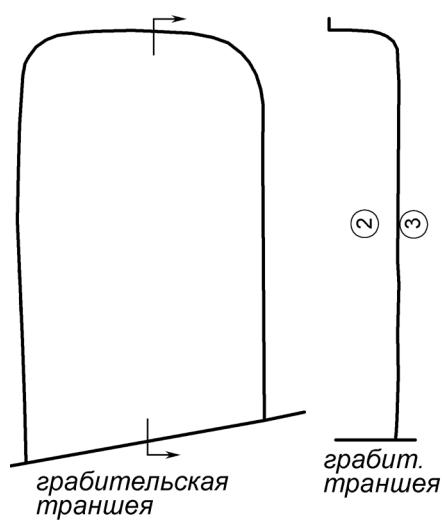
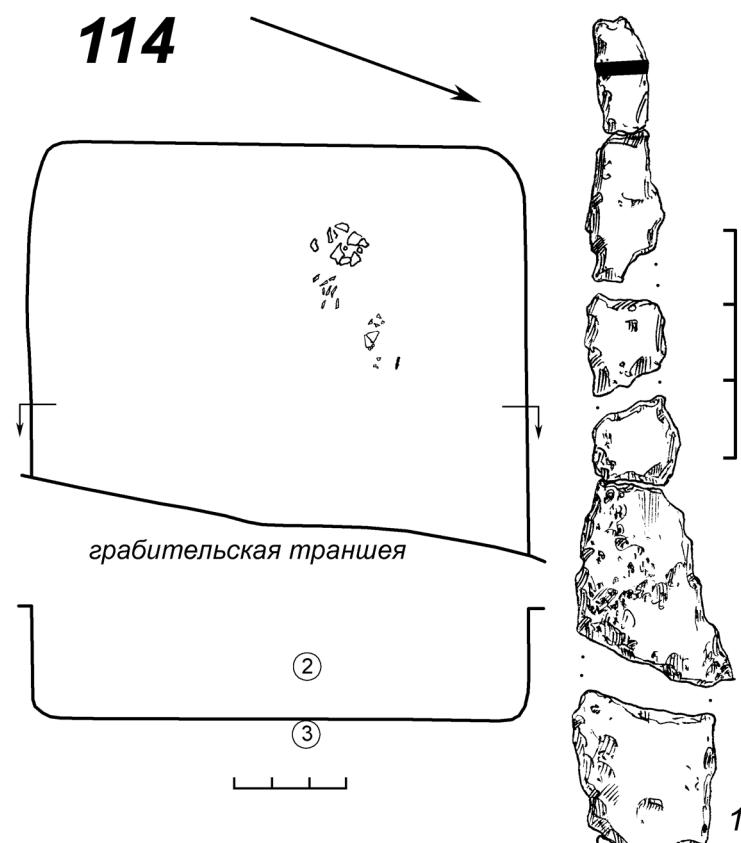

Табл. 65. Погребение 112: 1 – глиняный сосуд

113

114

115 А

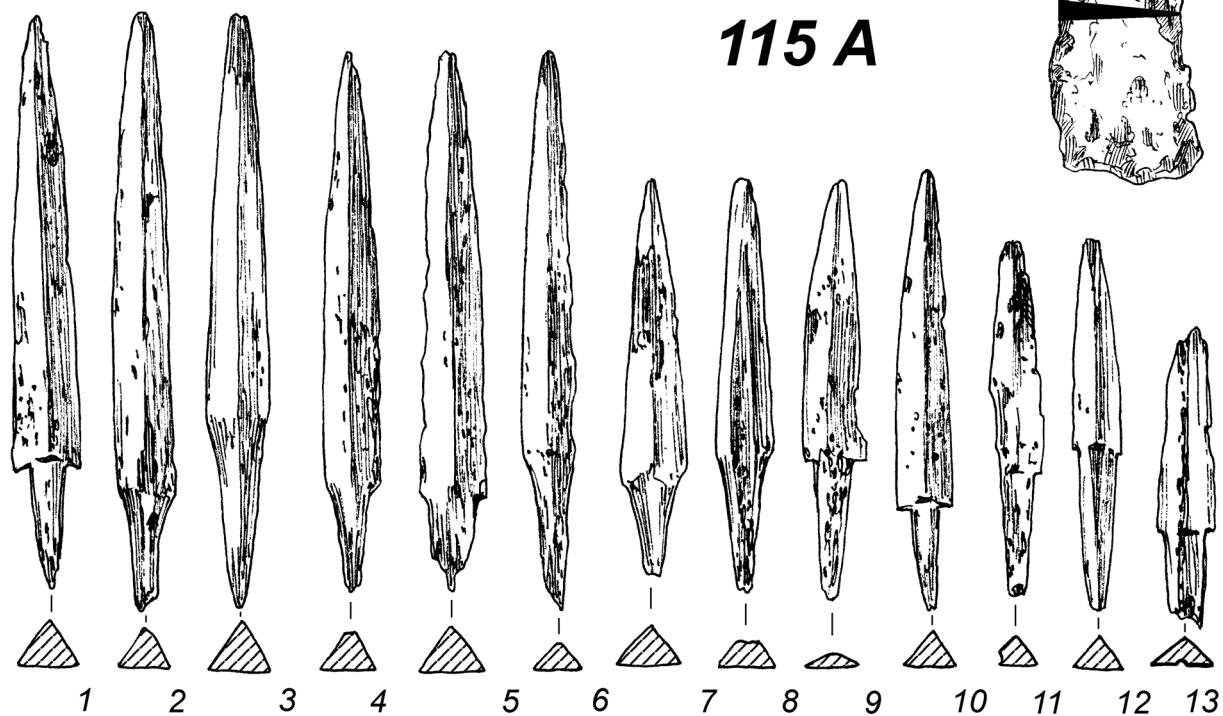

Табл. 66. Безынвентарное погребение 113.

Погребение 114: 1 – железный нож.

Погребение 115 (А): 1–13 – наконечники стрел (кость)

115

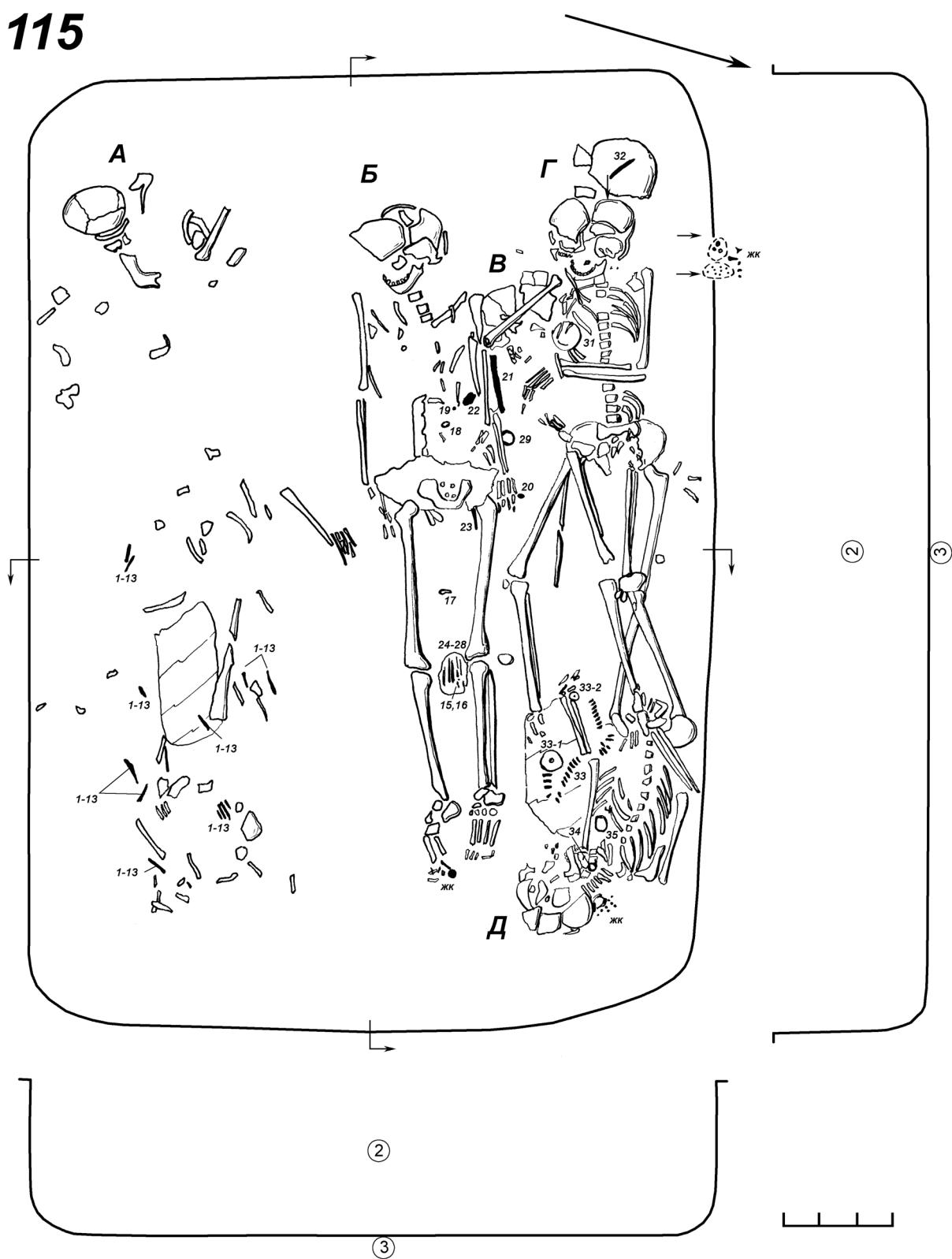

Табл. 67. Погребение 115: костяки А, Б, В, Г и Д

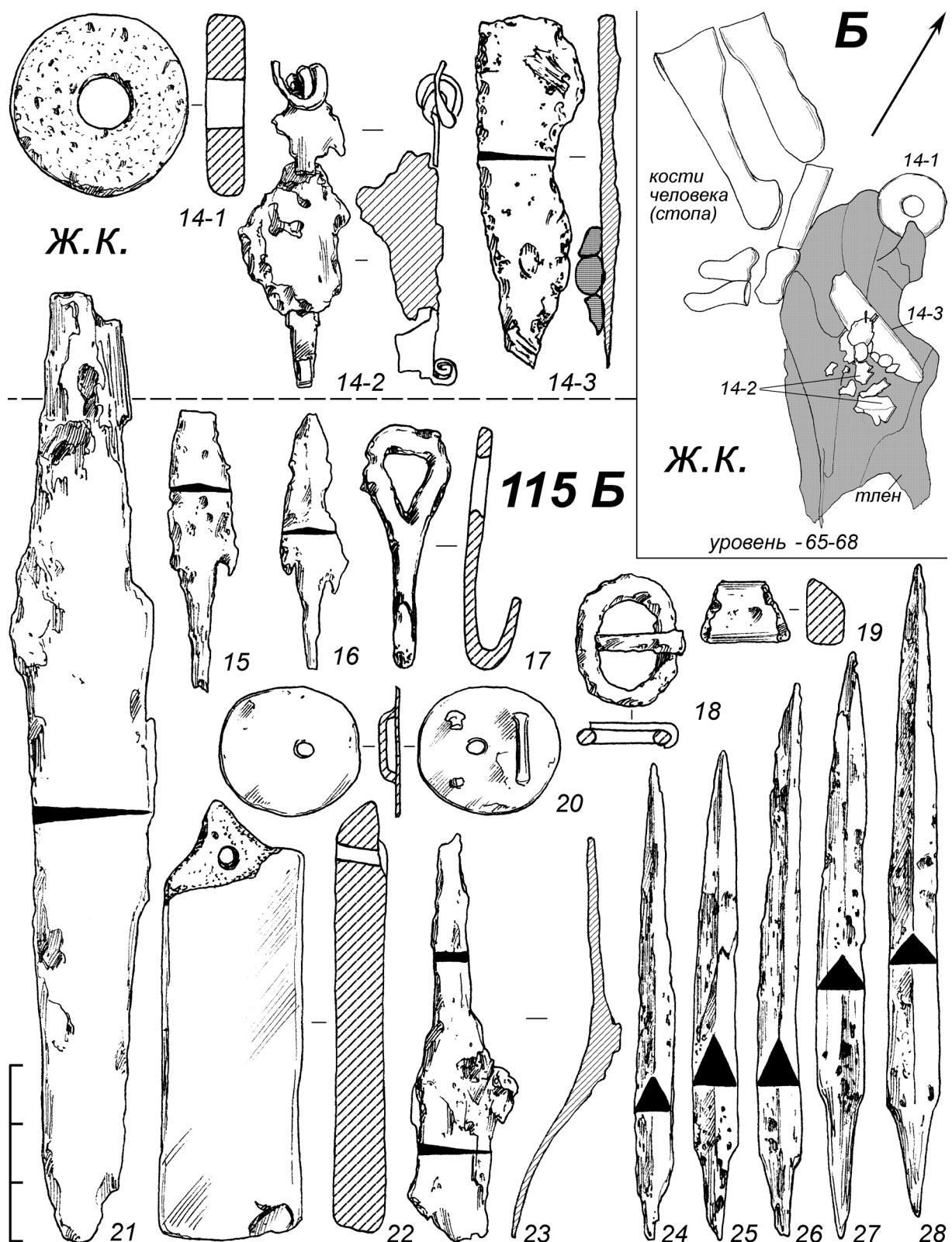

Табл. 68. Погребение 115 (Б): 14 – скопление вещей (ЖК in situ, прорисовка вещей):
 14–1 – пряслице (глина), 14–2 – фибула (железо, бронза), 14–3 – нож (железо), спекшийся
 с бусинами (стекло); 15, 16 – наконечники стрел (железо), 17 – колчанный крючок
 (железо), 18 – пряжка (железо), 19 – фрагмент вещи (бронза), 20 – бляшка-накладка
 (бронза), 21 – нож (железо), 22 – подвеска-оселок (камень), 23 – нож (железо),
 24–28 – наконечники стрел (кость)

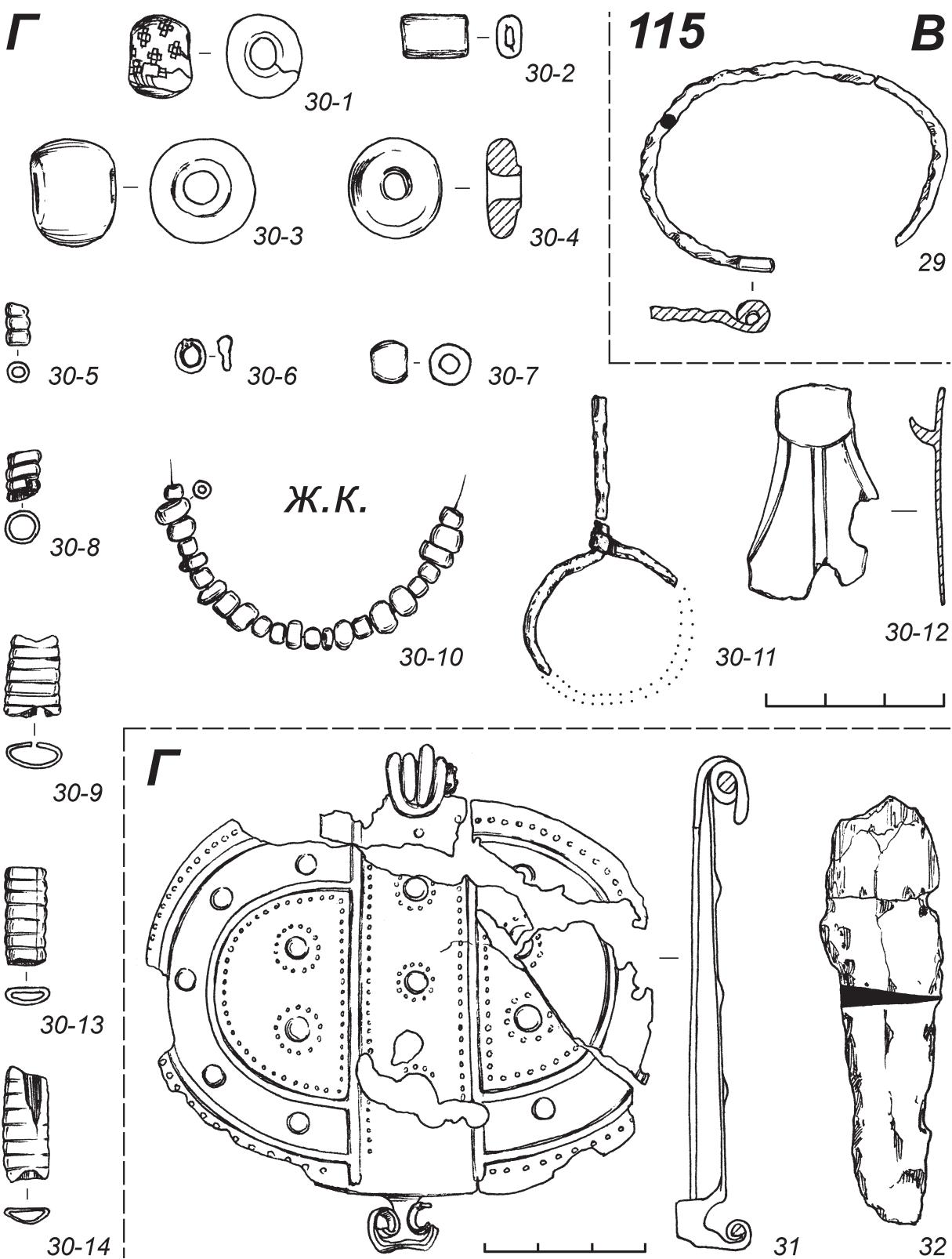

Табл. 69. Погребение 115 (В): 29 – железный браслет.

Погребение 115 (Г): 30 – скопление вещей (ЖК): 30–1–4 – бусины (стекло),
 30–5, 8, 9, 13, 14 – пронизки (30–5, 8, 13 – бронза, 30–9, 14 – кость), 30–6, 7, 10 – бисер
 (стекло), 30–11 – височная подвеска (бронза), 30–12 – подвеска (бронза);
 31 – фибула (бронза), 32 – нож (железо)

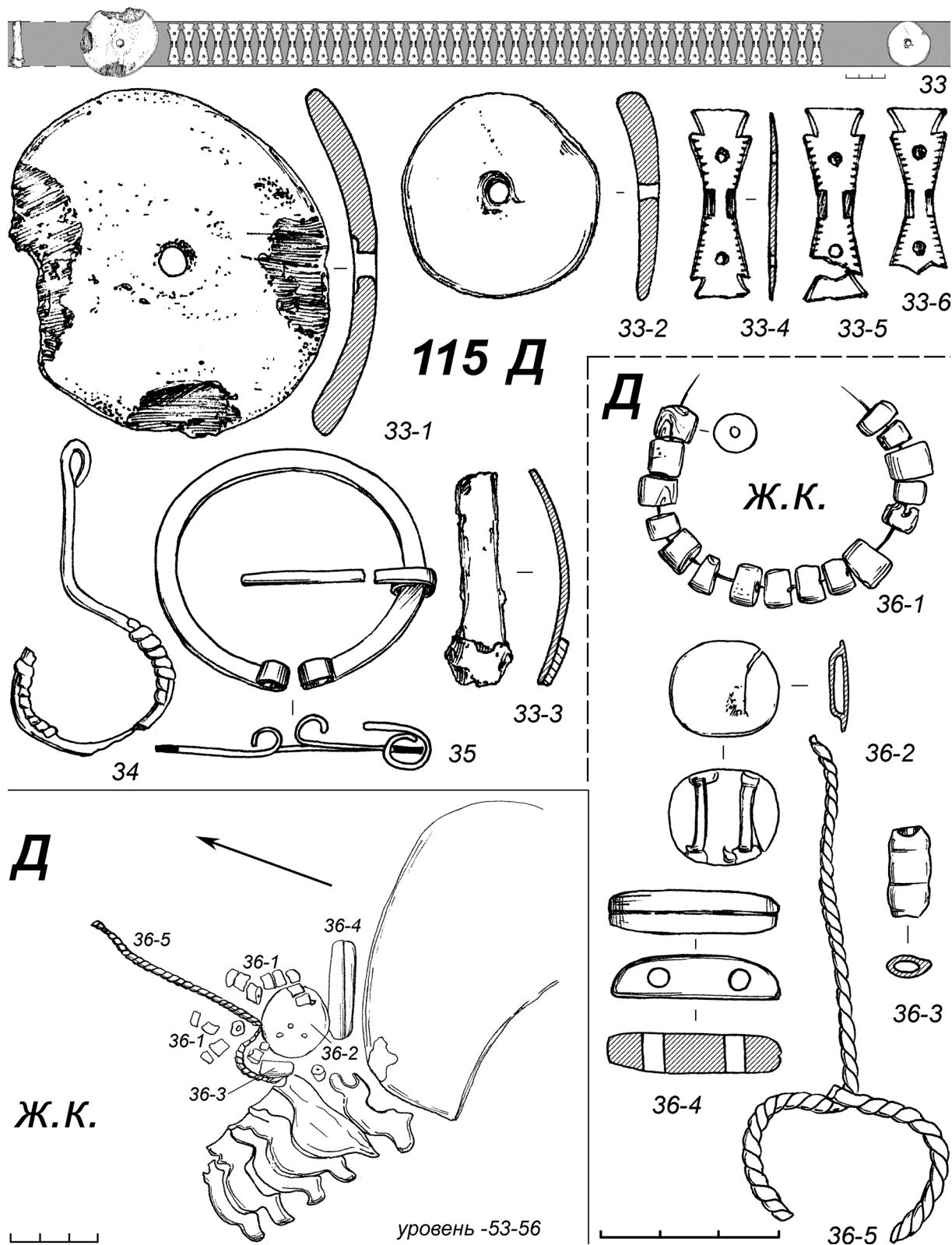

Табл. 70. Погребение 115 (Д): 33 – реконструкция поясного набора: 33–1, 2 – бляхи (раковина), 33–3–6 – накладки (33–3 – железо, 33–4–6 – бронза); 34 – височная подвеска (бронза), 35 – сюльгама (бронза), 36 – скопление вещей (ЖК in situ, прорисовка вещей): 36–1 – бусы (раковина), 36–2 – бляшка-накладка (бронза), 36–3 – пронизка (кость), 36–4 – изделие из кости, 36–5 – височная подвеска (бронза)

116

121

122

117

погр. 111

(2)

(3)

погр.
111

(2)

(3)

Табл. 71. Безынвентарные погребения 116, 117, 121, 122

118

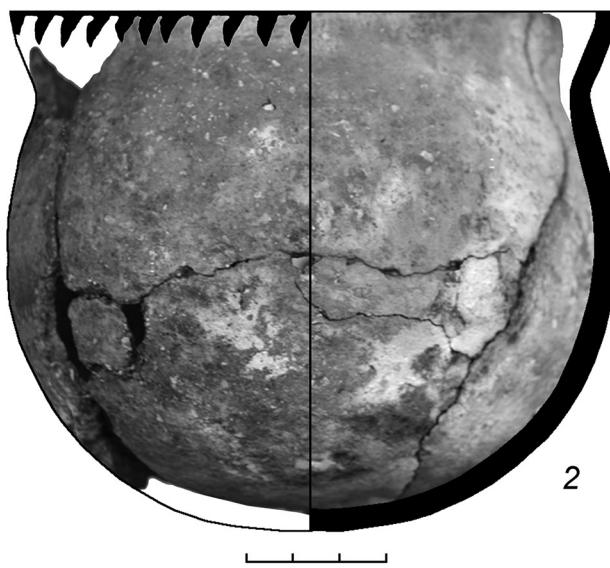
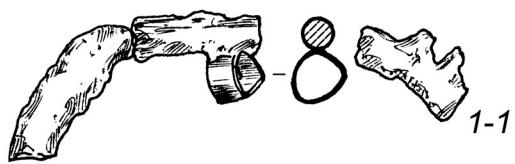
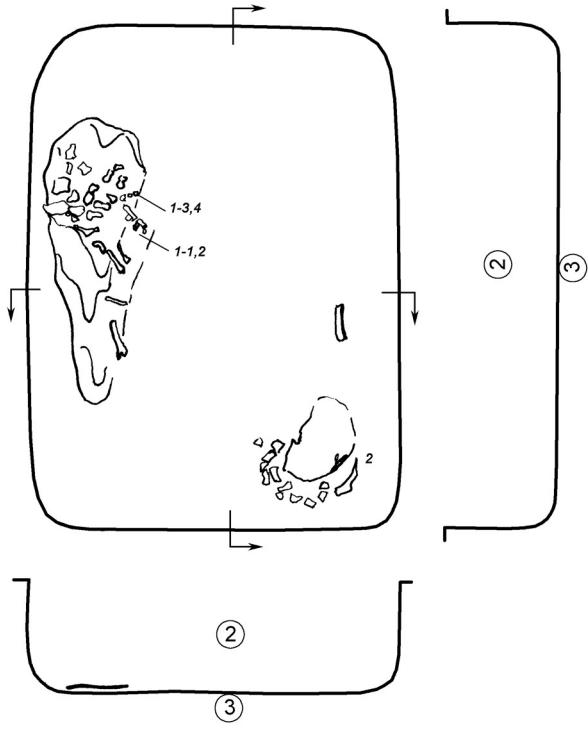
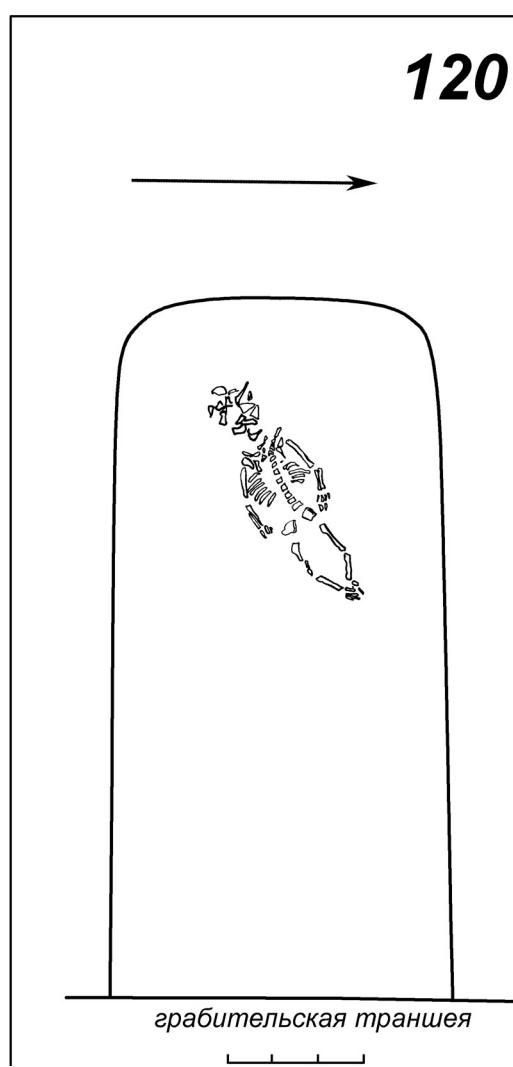

Табл. 72. Погребение 118: 1 – скопление вещей (ЖК); 1–1, 2 – фрагменты железной вещи с бронзовой пронизкой, 1–3, 4 – бисер (стекло); 2 – сосуд (глина).

Безынвентарное погребение 120

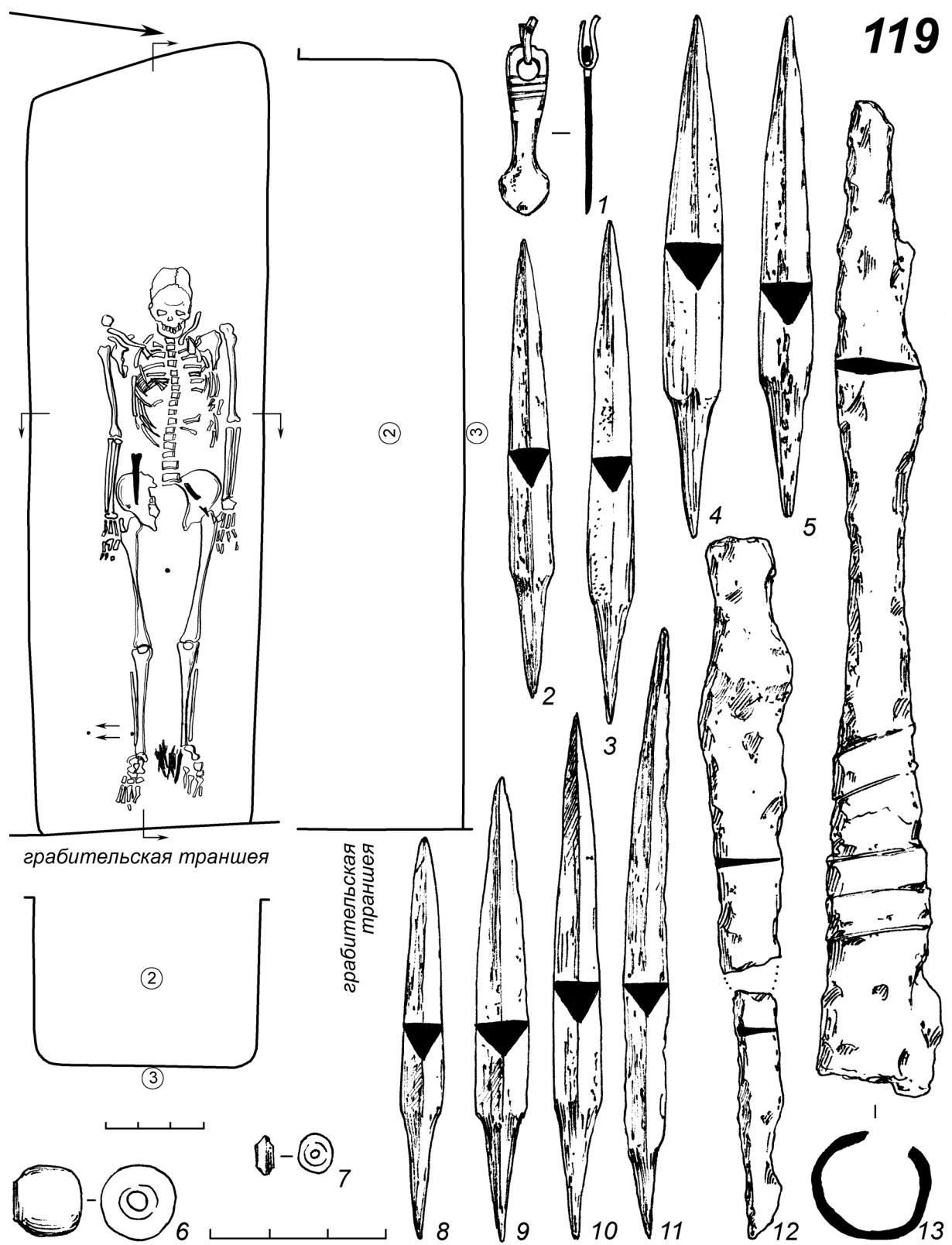
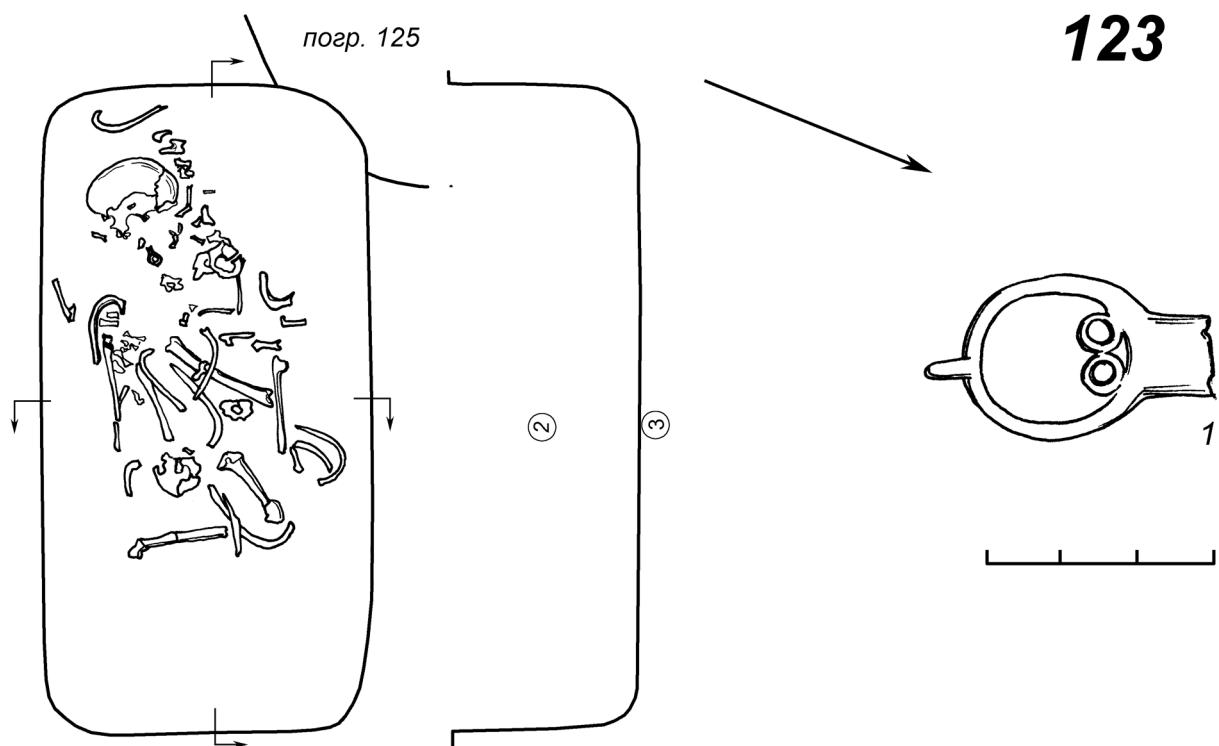

Табл. 73. Погребение 119: 1 – привеска (бронза), 2–5, 8–11 – наконечники стрел (кость), 6, 7 – бусы (стекло), 12 – нож (железо), 13 – наконечник дротика (железо, органика)

123

124

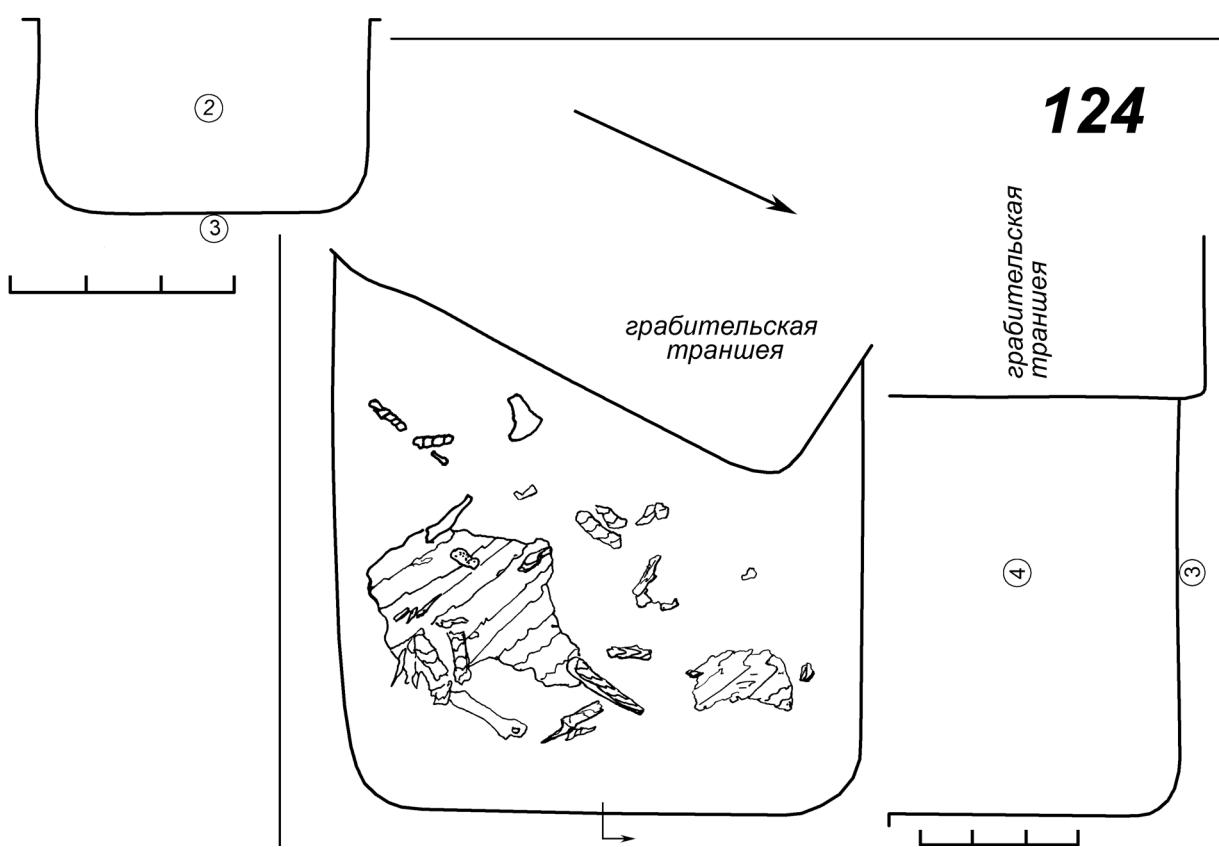

Табл. 74. Погребение 123: 1 – застежка с неподвижным крючком (бронза).
Безынвентарное погребение 124

125

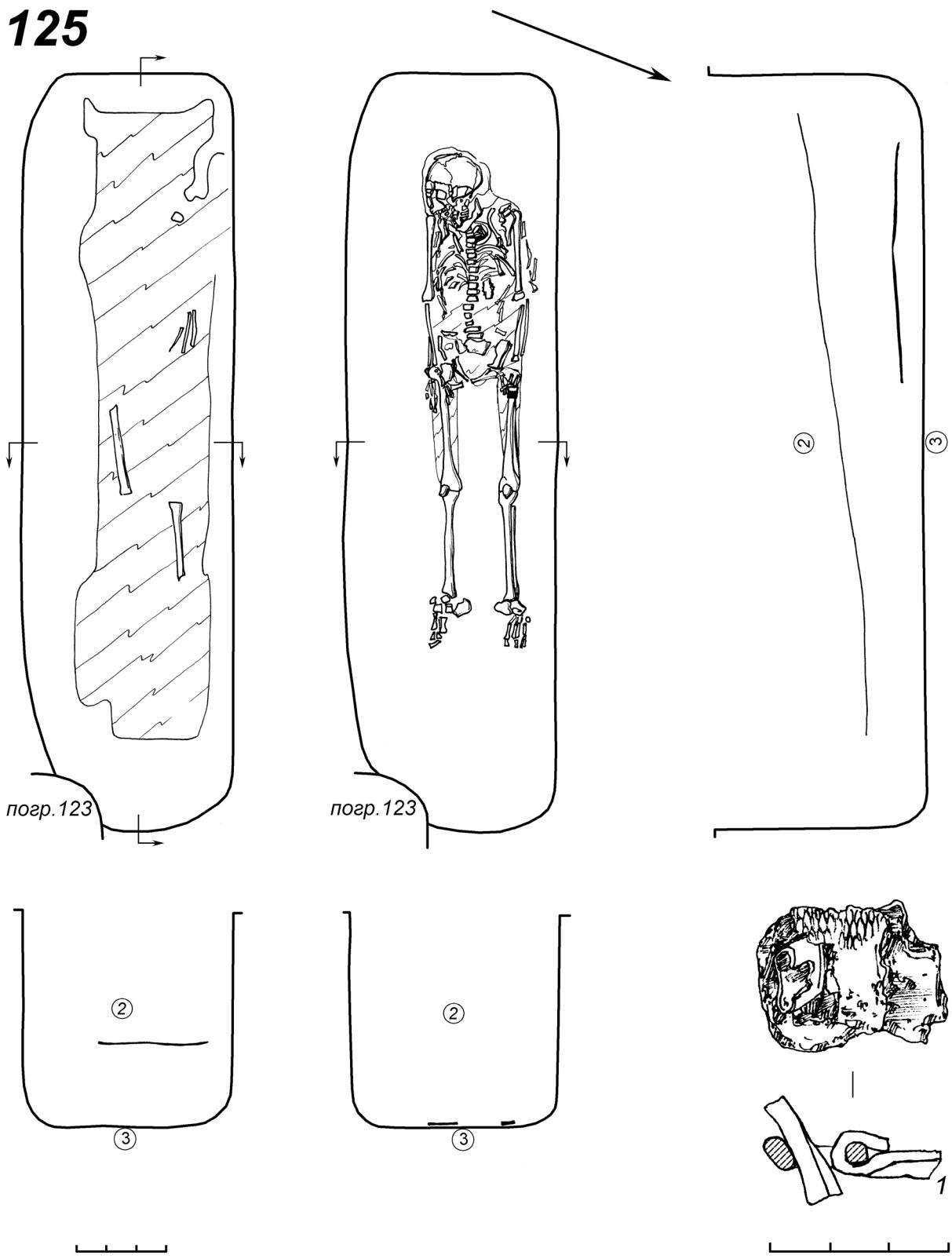
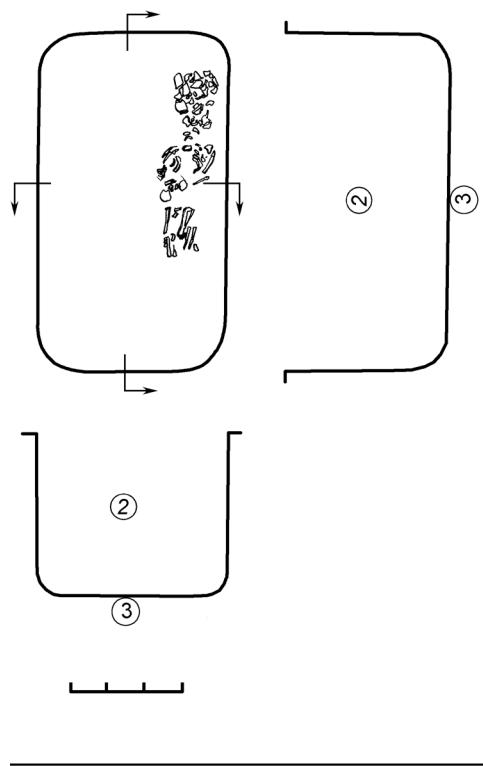

Табл. 75. Погребение 125: 1 – железная пряжка

126

1
—

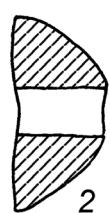
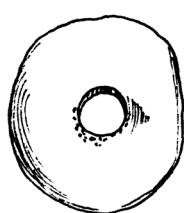
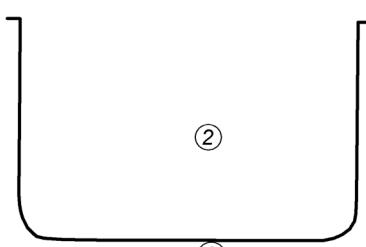
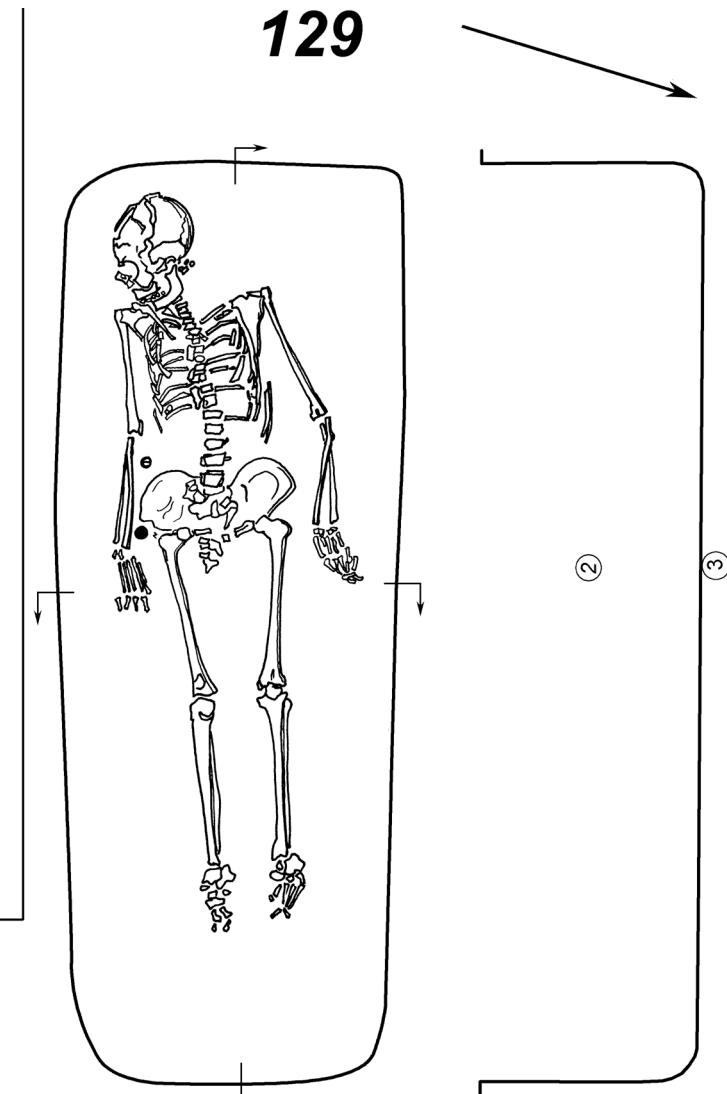

Табл. 76. Безынвентарное погребение 126.
Погребение 129: 1 – железная пряжка, 2 – костяное пряслище (?)

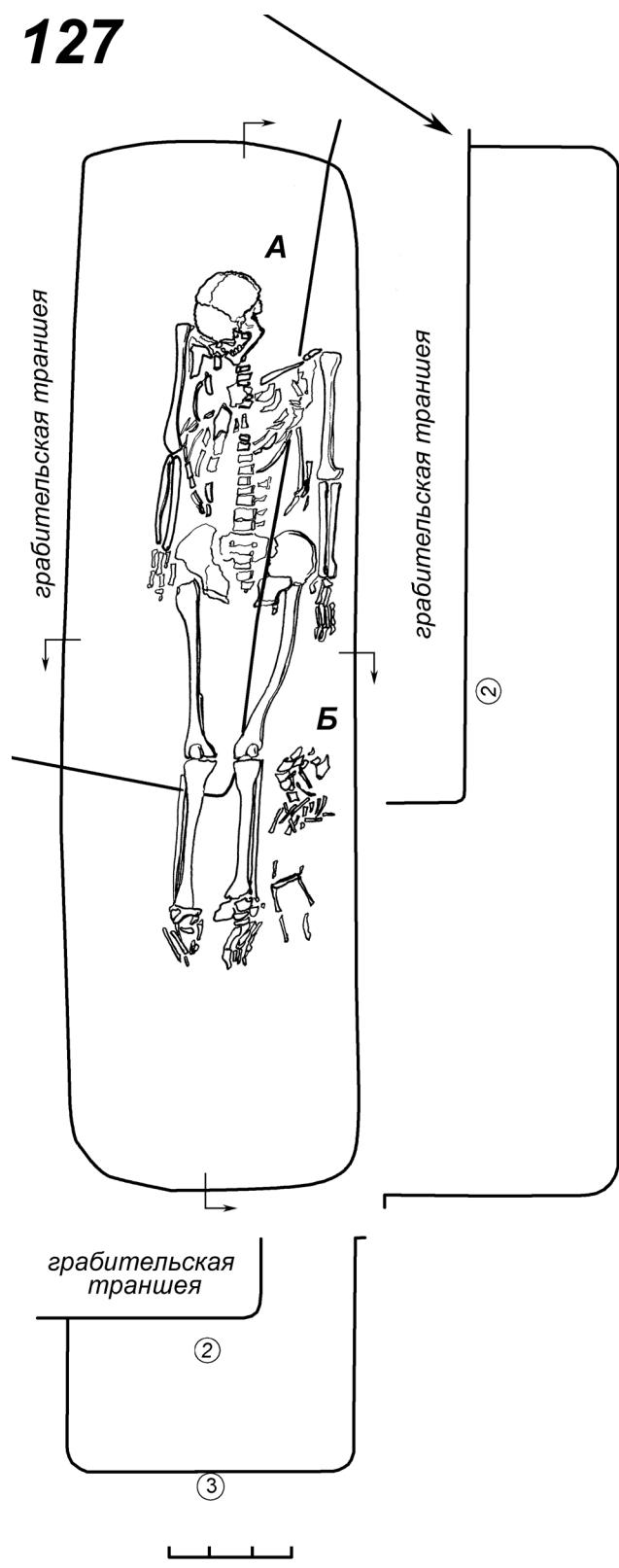
129

(2)
—
(3)

—
—
—

127

128

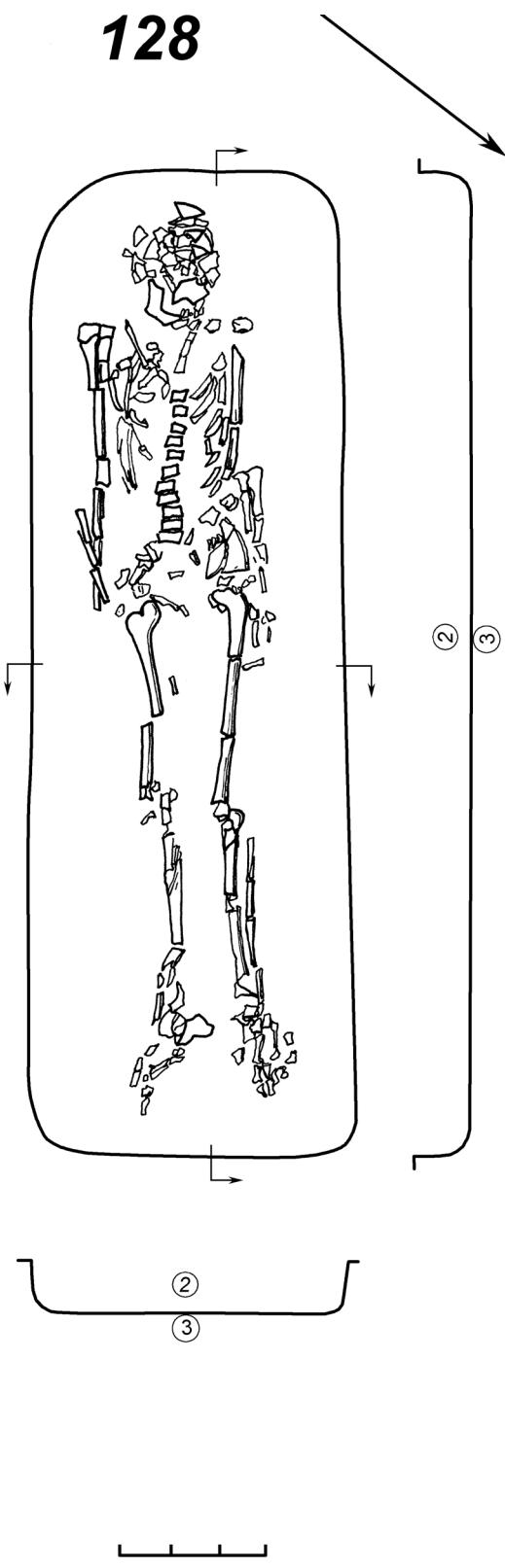
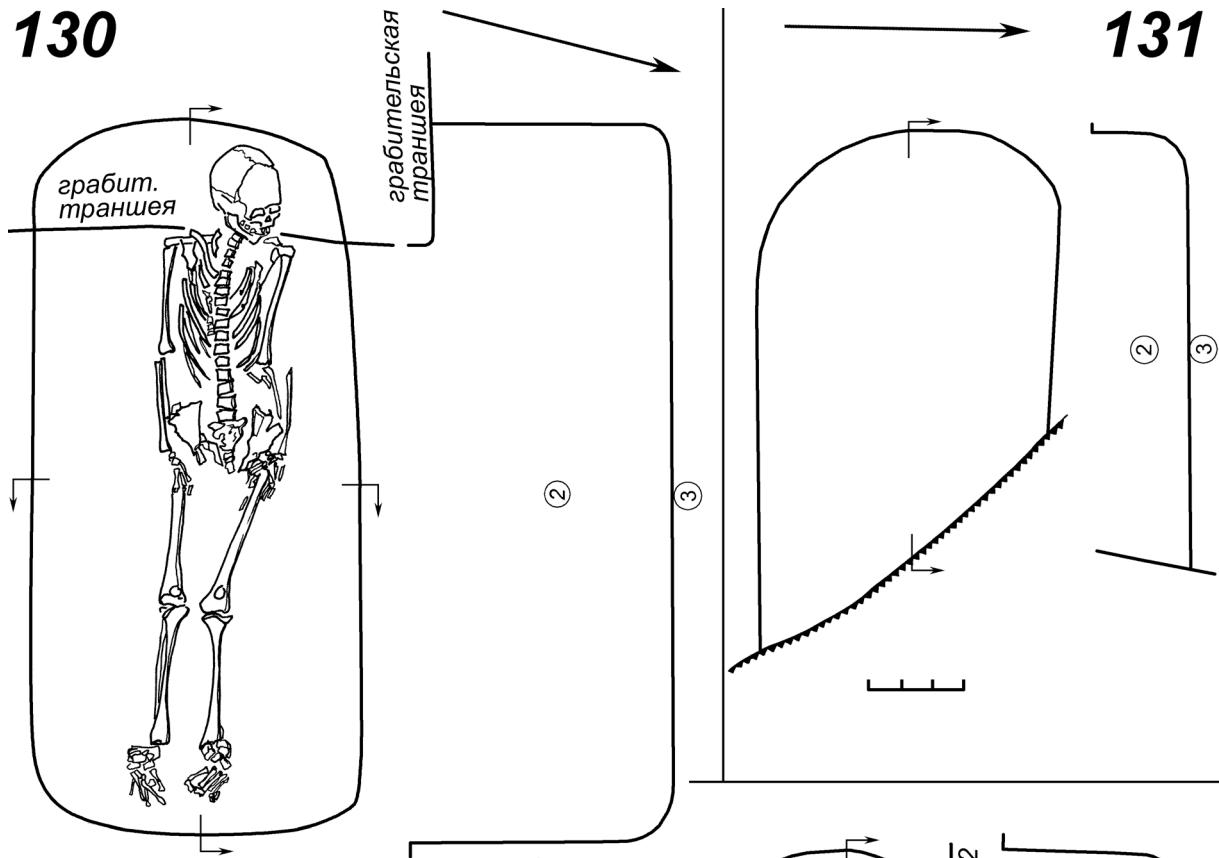
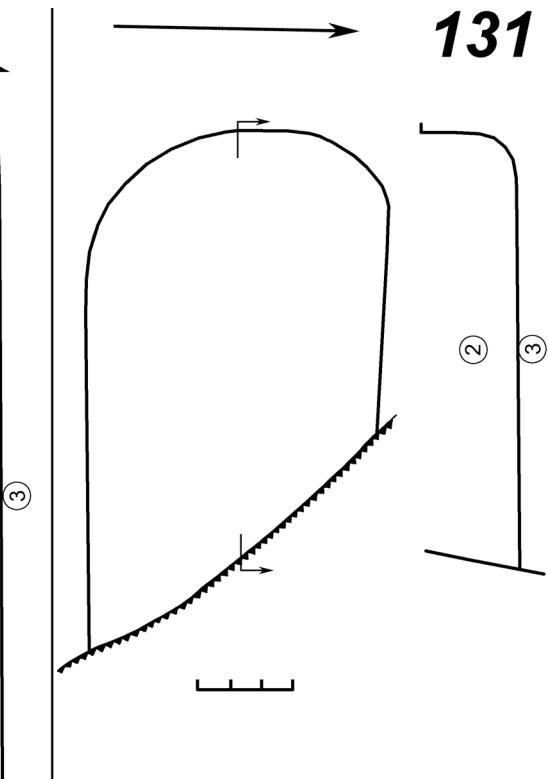

Табл. 77. Безынвентарные погребения 127 (А, Б), 128

130

131

133

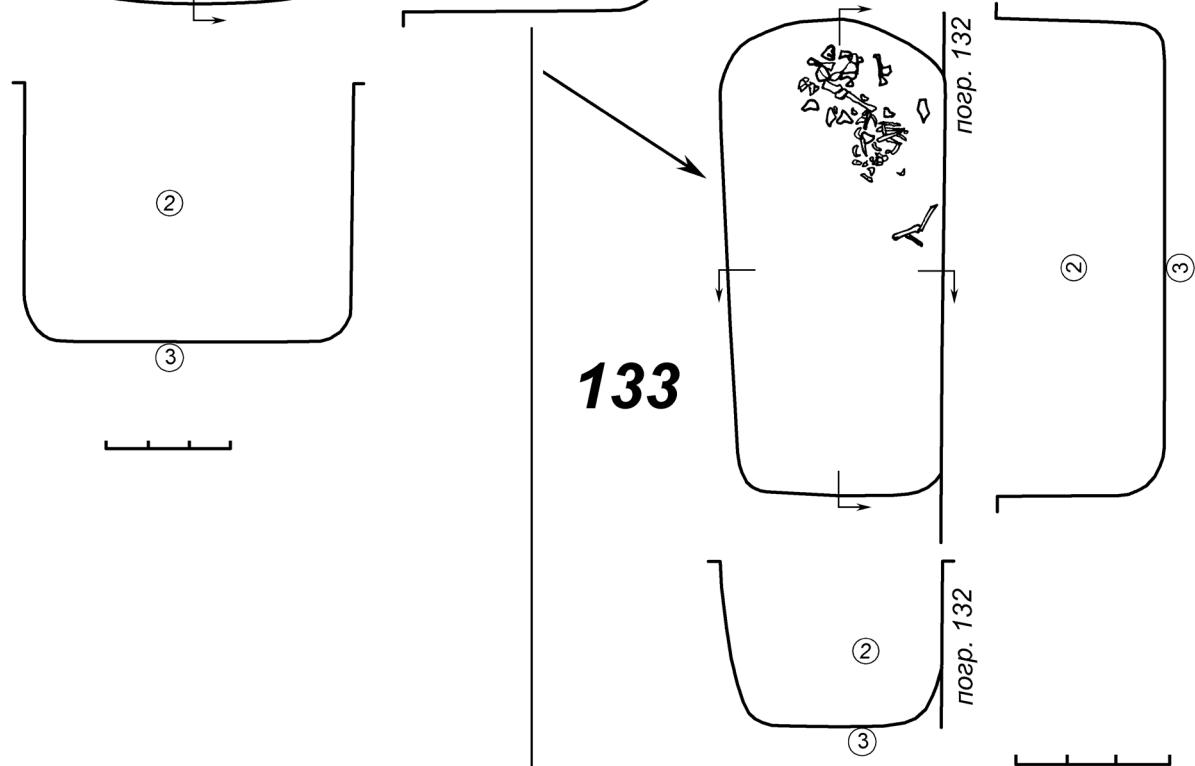

Табл. 78. Безынвентарные погребения 130, 131, 133

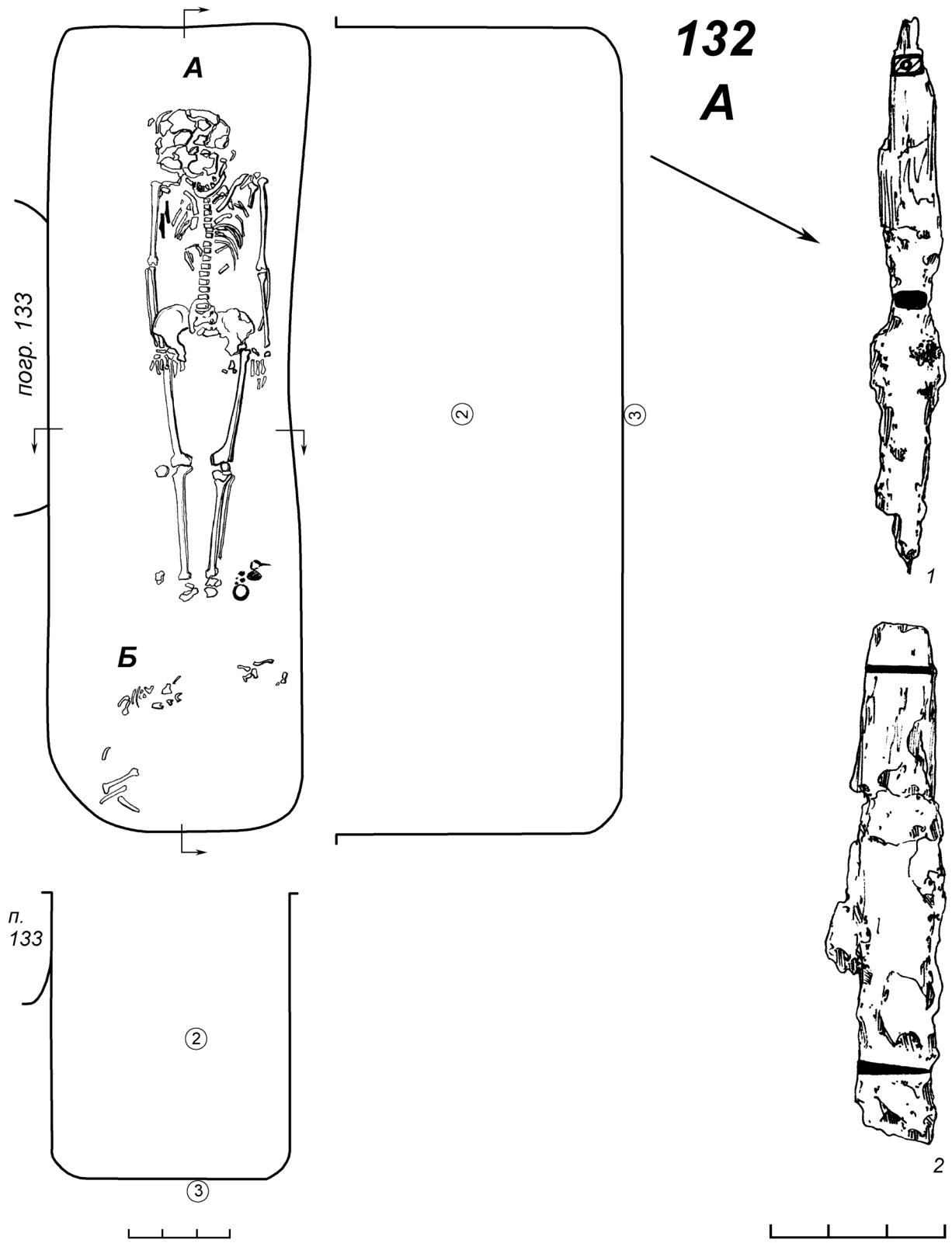

Табл. 79. Погребение 132. А: 1 – шило (железо, дерево), 2 – нож (железо)

132 А

Ж.К.

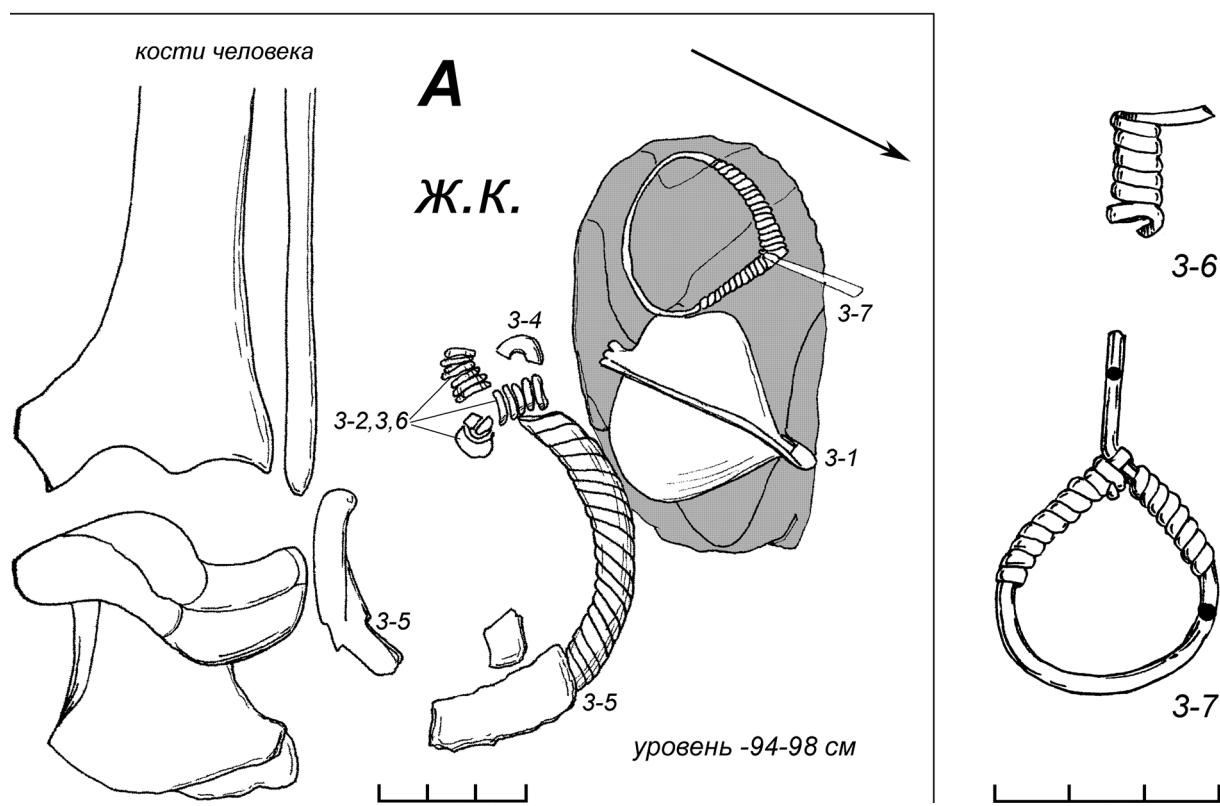
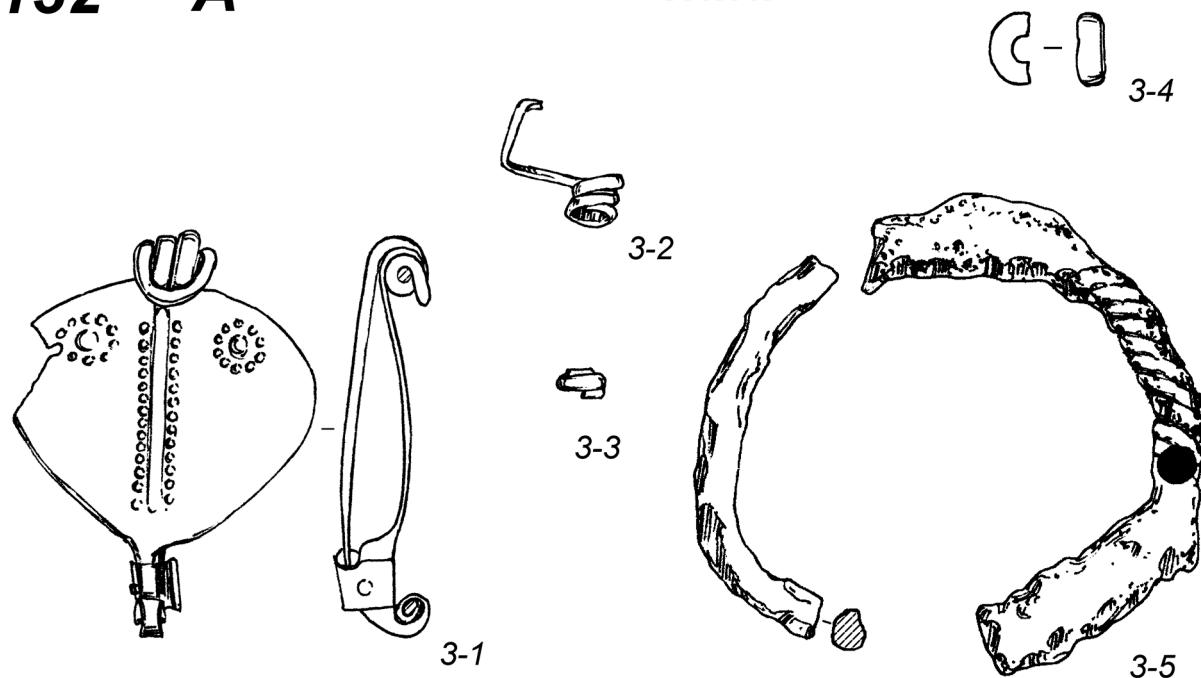

Табл. 80. Погребение 132 (продолжение). А: 3 – скопление вещей (ЖК in situ, прорисовка вещей): 3–1 – фибула (бронза), 3–2, 3, 6 – пронизки (бронза), 3–4 – бусина (стекло), 3–5 – браслет (железо), 3–7 – височная подвеска (бронза)

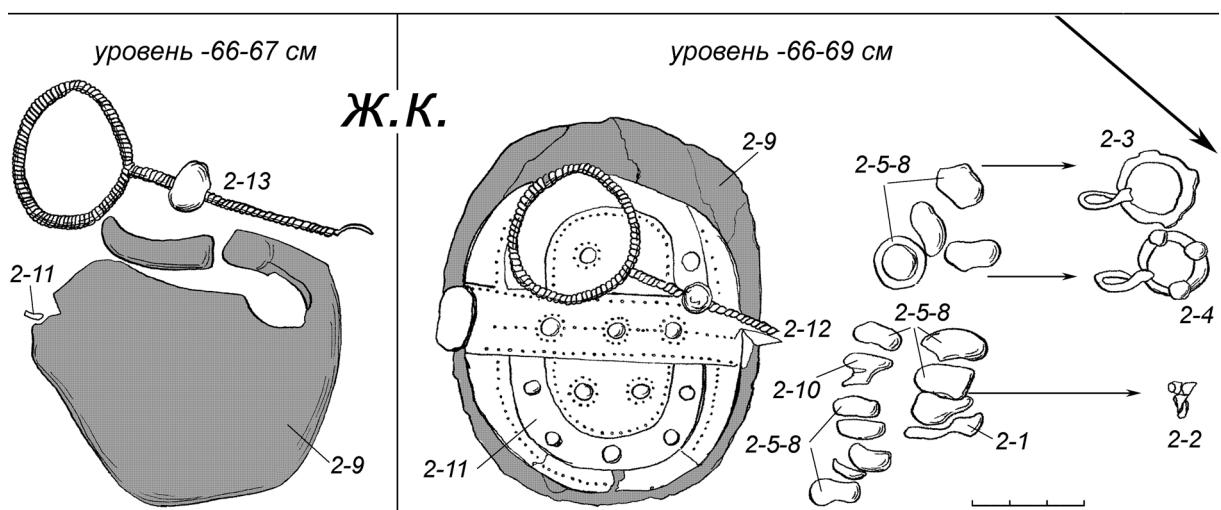
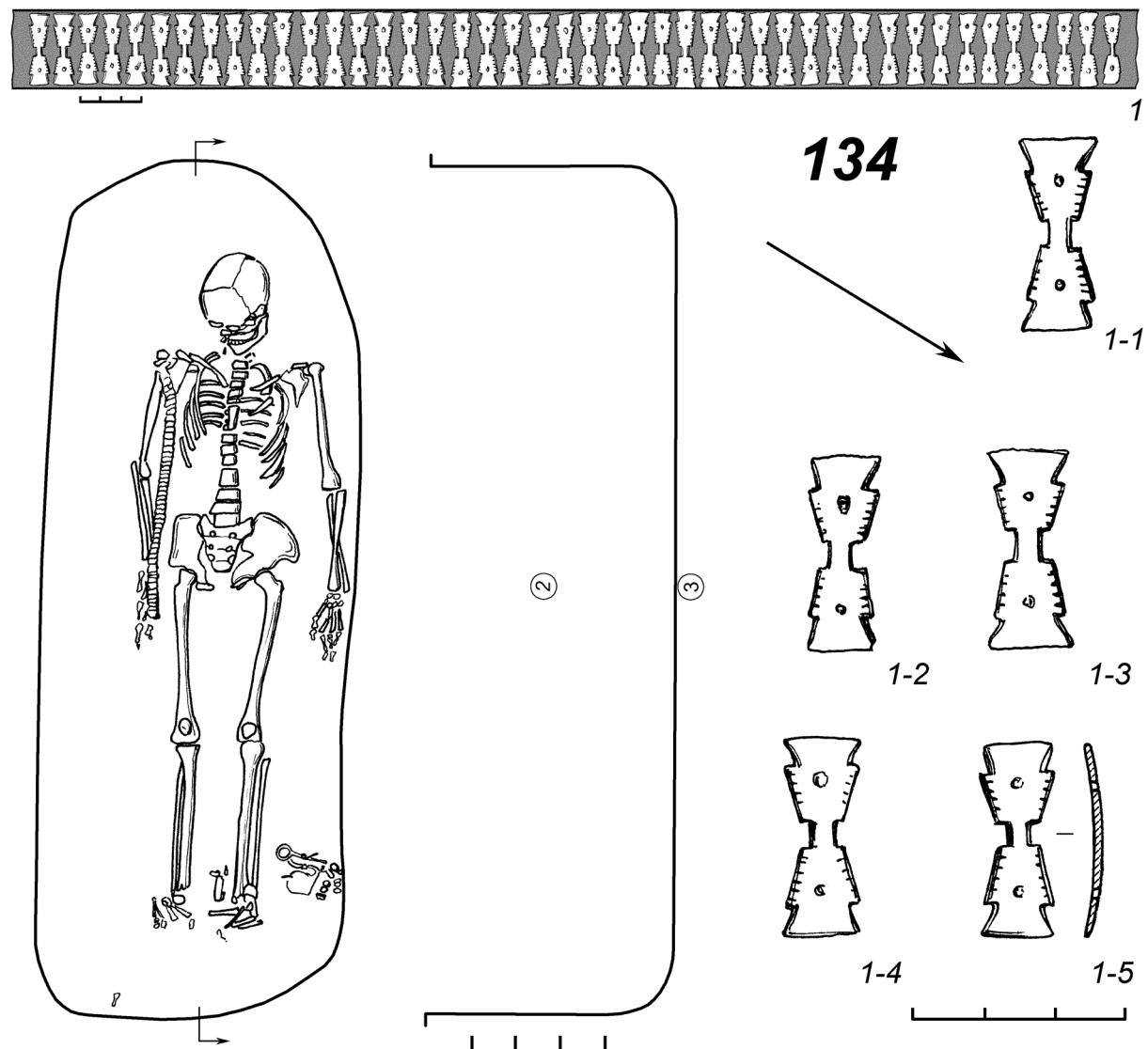

Табл. 81. Погребение 134: 1 – реконструкция поясного набора: 1–1–5 – накладки (бронза), 2 – скопление вещей (ЖК in situ): 2–1 – амулет (кость), 2–2 – медная вещь («завиток» фибулы?), 2–3, 4 – подвески (бронза), 2–5–8 – бусы (стекло), 2–9 – берестяная ёмкость, 2–10 – железная вещь, 2–11 – фибула (бронза), 2–12, 13 – височные подвески (2–12 – железо, бронза, 2–13 – бронза, стекло)

134

Ж.К.

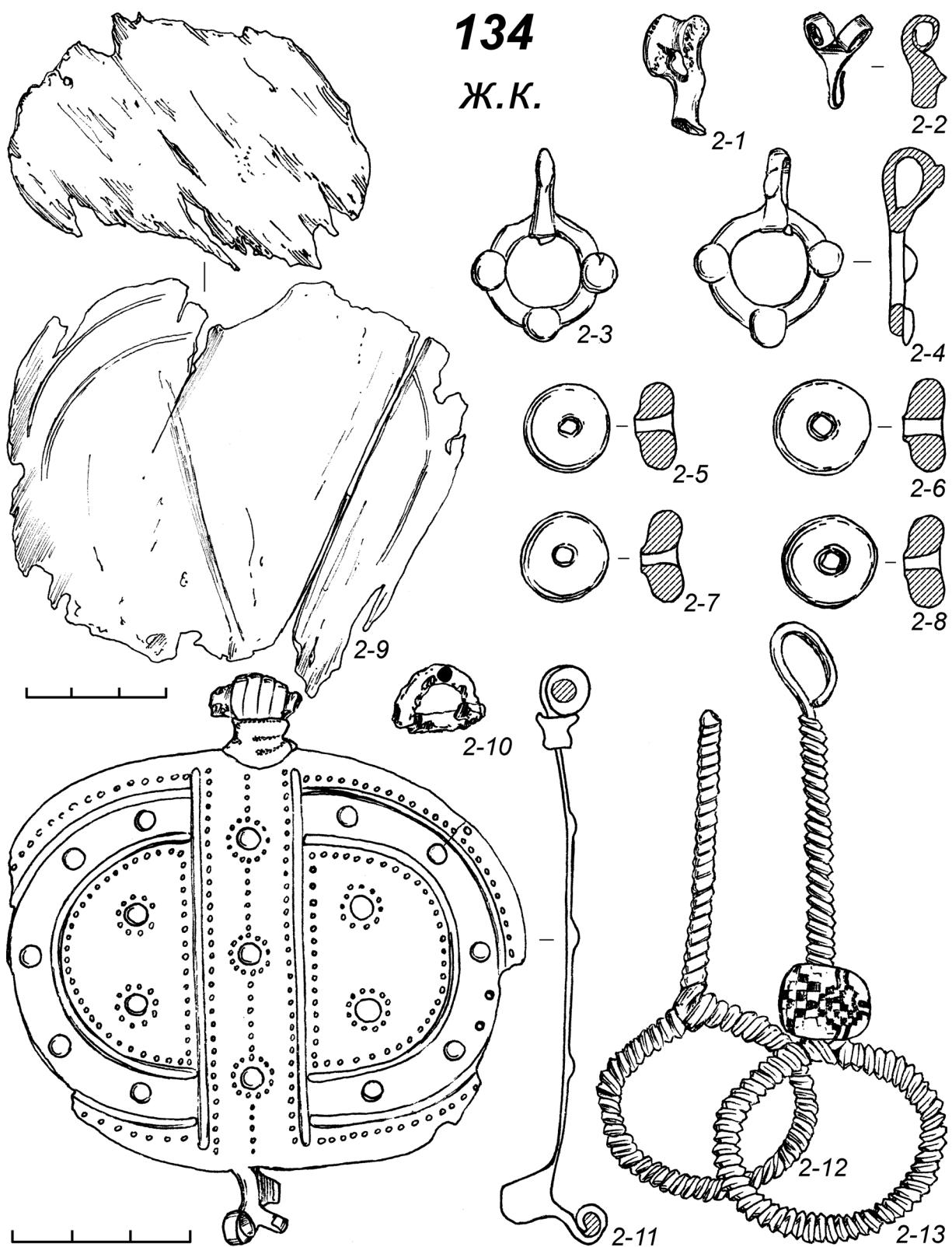
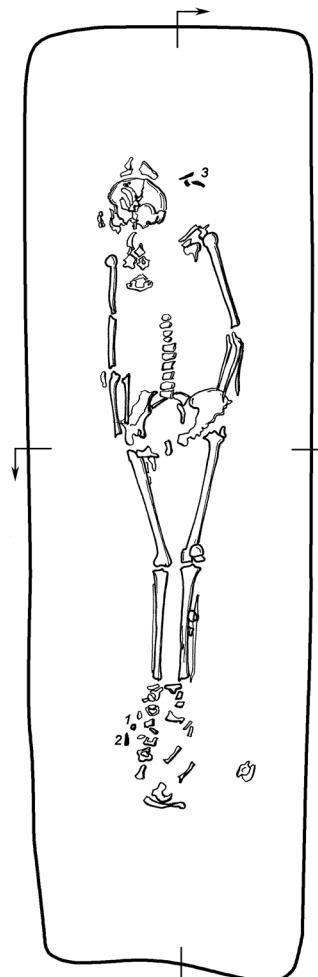
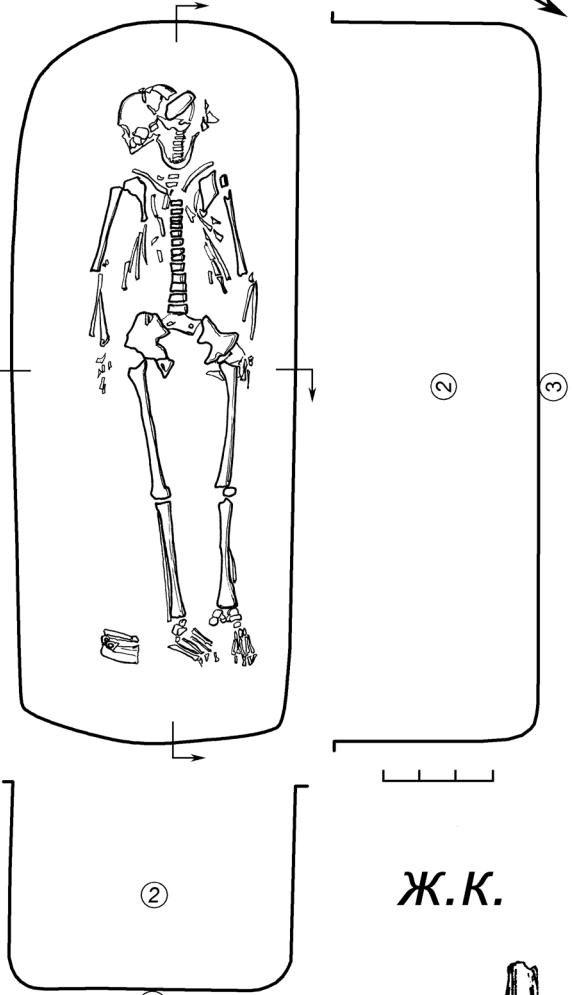

Табл. 82. Погребение 134 (продолжение): 2 – скопление вещей (ЖК): 2–1 – амулет (кость),
2–2 – медная вещь («завиток» фибулы?), 2–3, 4 – подвески (бронза), 2–5–8 – бусы (стекло),
2–9 – берестяная ёмкость, 2–10 – железная вещь, 2–11 – фибула (бронза),
2–12, 13 – височные подвески (2–12 – железо, бронза, 2–13 – бронза, стекло)

135

137

Ж.К.

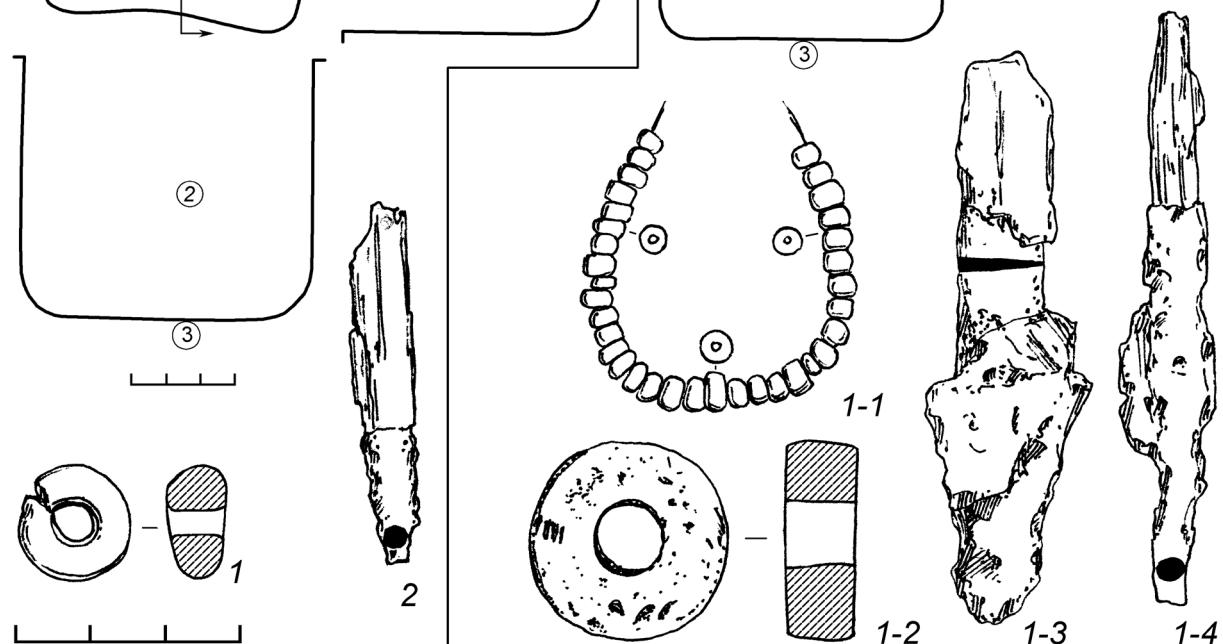

Табл. 83. Погребение 135: 1 – бусина (стекло), 2 – шило (железо, дерево).

Погребение 137: 1 – скопление вещей (Ж.К.): 1-1 – бисер (стекло),
1-2 – прядлице (глина), 1-3 – нож (железо), 1-4 – шило (железо, дерево)

136

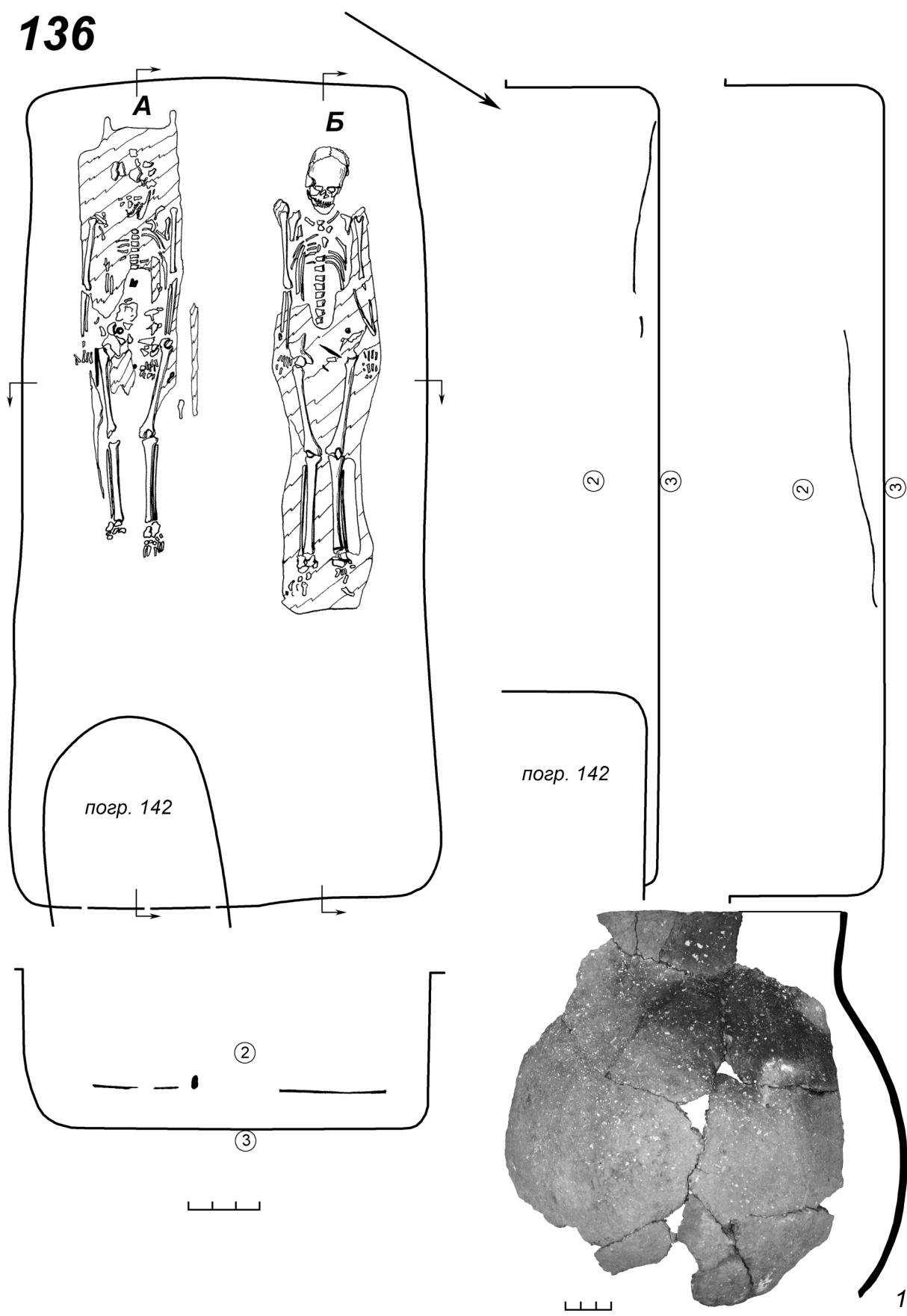

Табл. 84. Погребение 136 (А, Б): 1 – глиняный сосуд

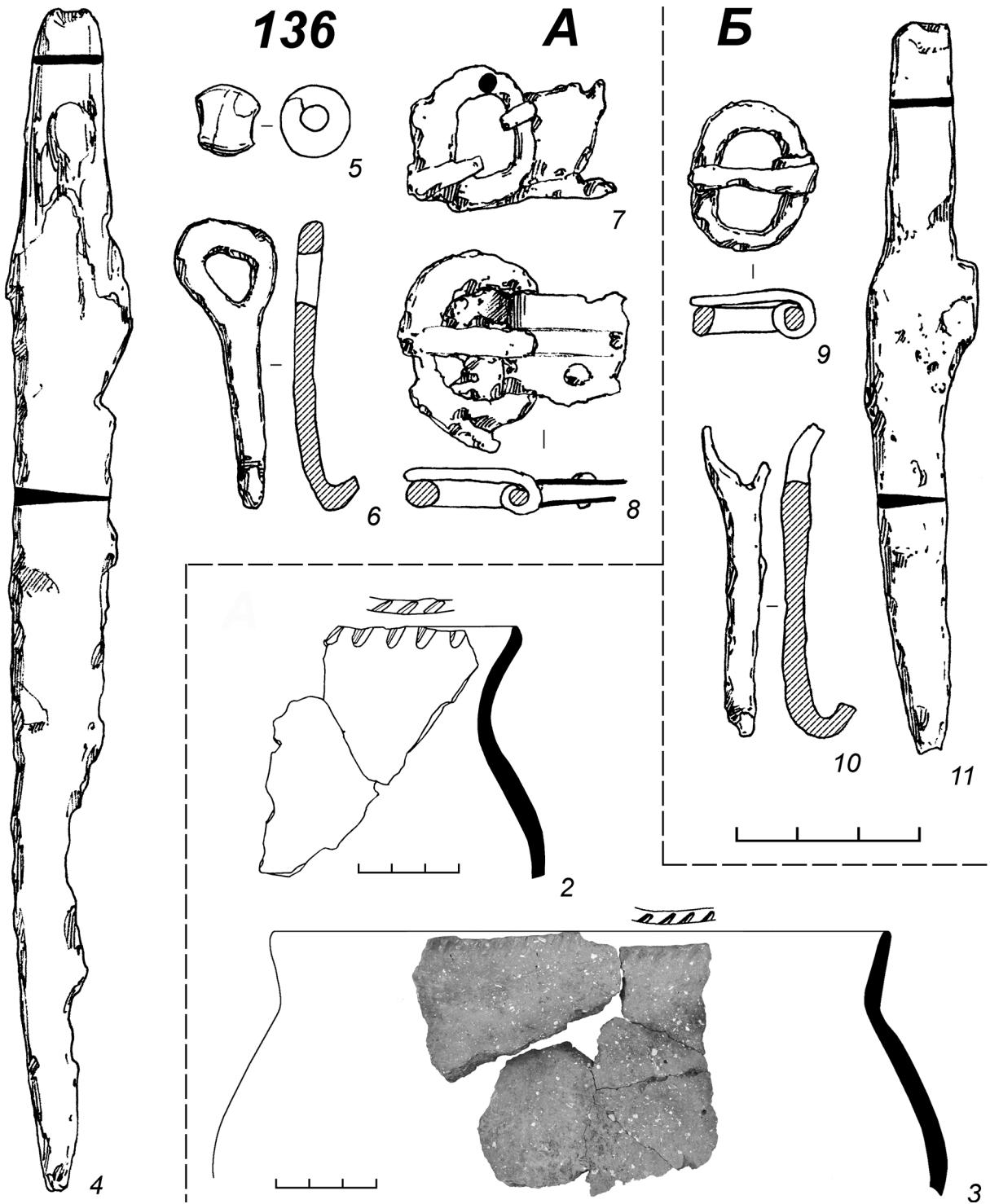

Табл. 85. Погребение 136 (продолжение): 2, 3 – фрагменты сосудов (глина).

А: 4 – нож (железо), 5 – бусина (стекло), 6 – колчанный крючок (железо),
7, 8 – пряжки (7 – железо, 8 – железо, бронза).

Б: 9 – пряжка (железо), 10 – колчанный крючок (железо), 11 – нож (железо)

138

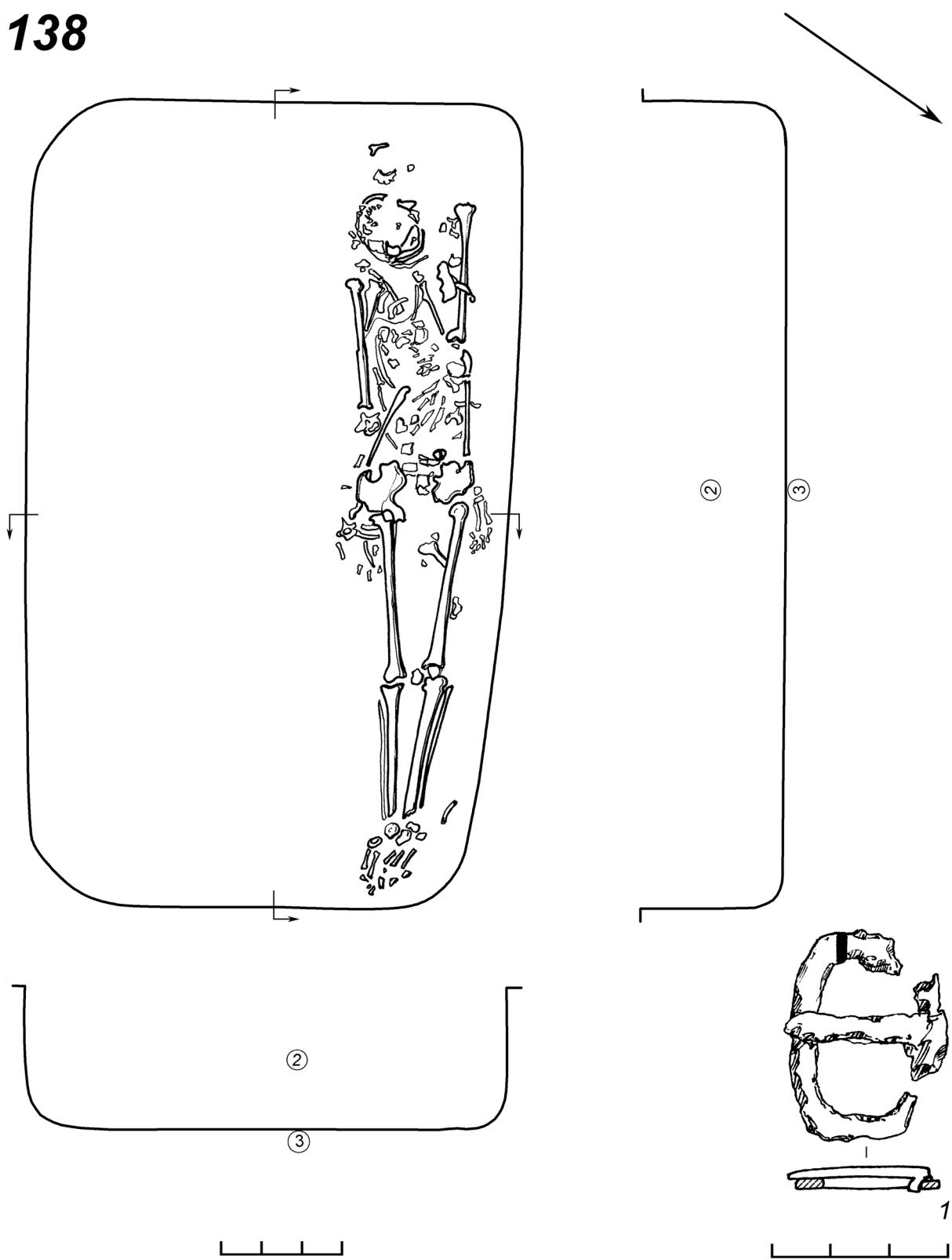
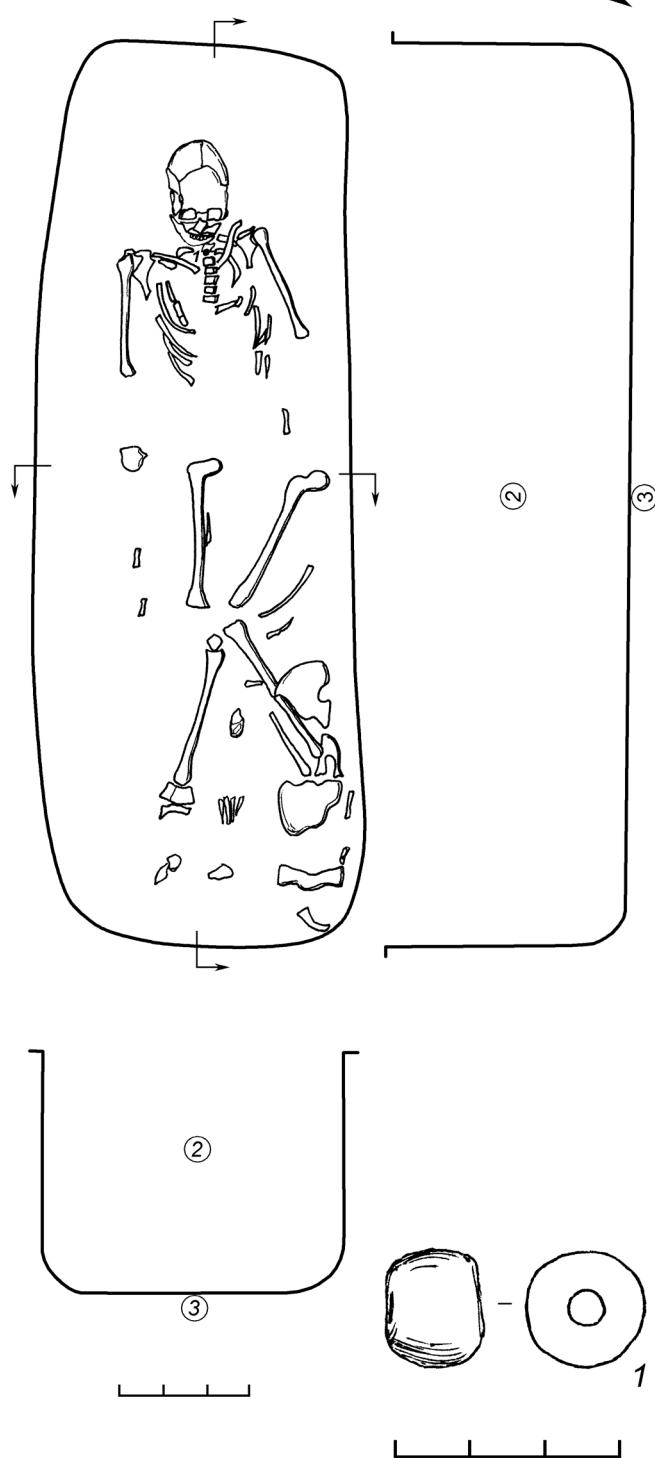

Табл. 86. Погребение 138: 1 – железная пряжка

139

140

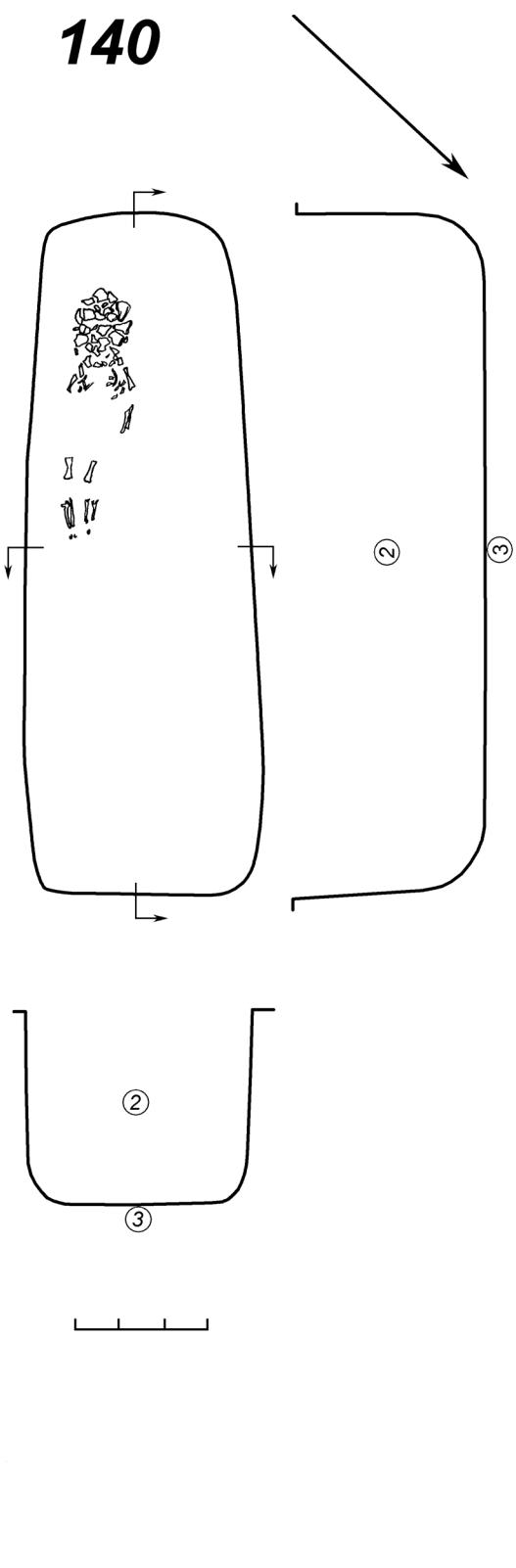

Табл. 87. Погребение 139: 1 – бусина (стекло).
Безынвентарное погребение 140

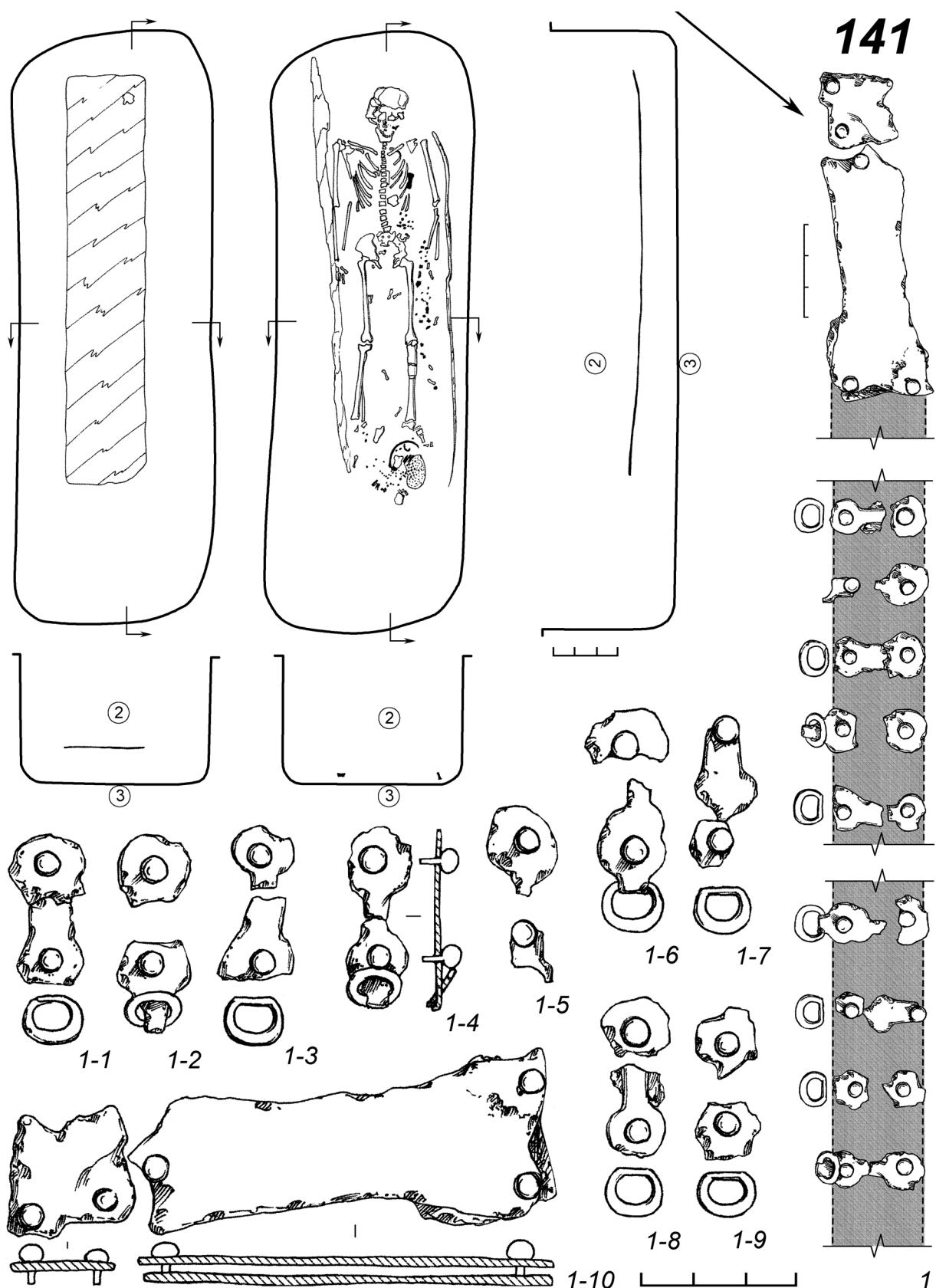

Табл. 88. Погребение 141: 1 – реконструкция поясного набора (железо, бронза):
1–1–9 – накладки, 1–10 – наконечник ремня

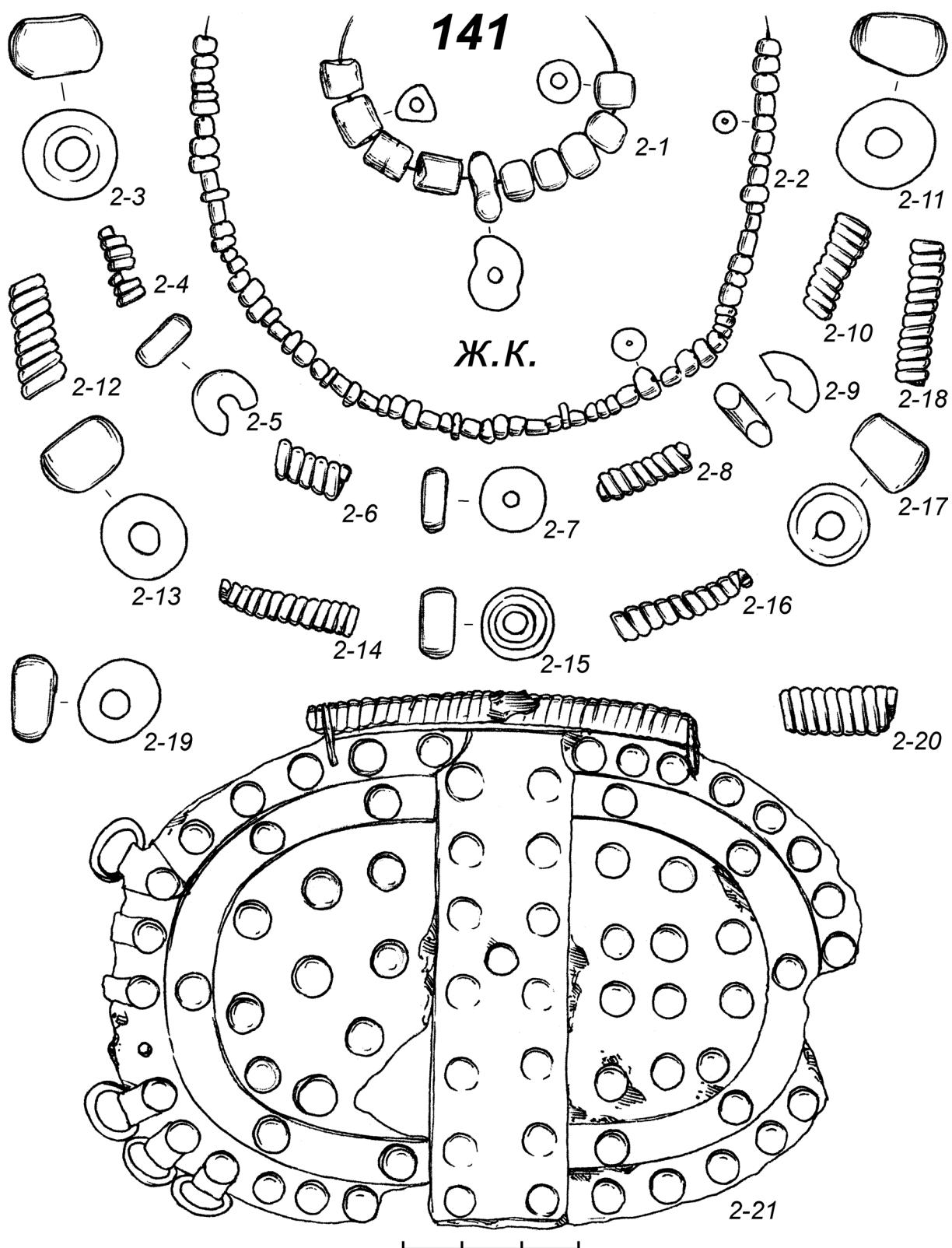

Табл. 89. Погребение 141 (продолжение): 2 – скопление вещей (ЖК): 2–1 – бусы (стекло, раковина), 2–2 – бисер (стекло), 2–3–20 – пронизь из пронизок и бус (бронза, стекло), 2–21 – фибула (железо, бронза)

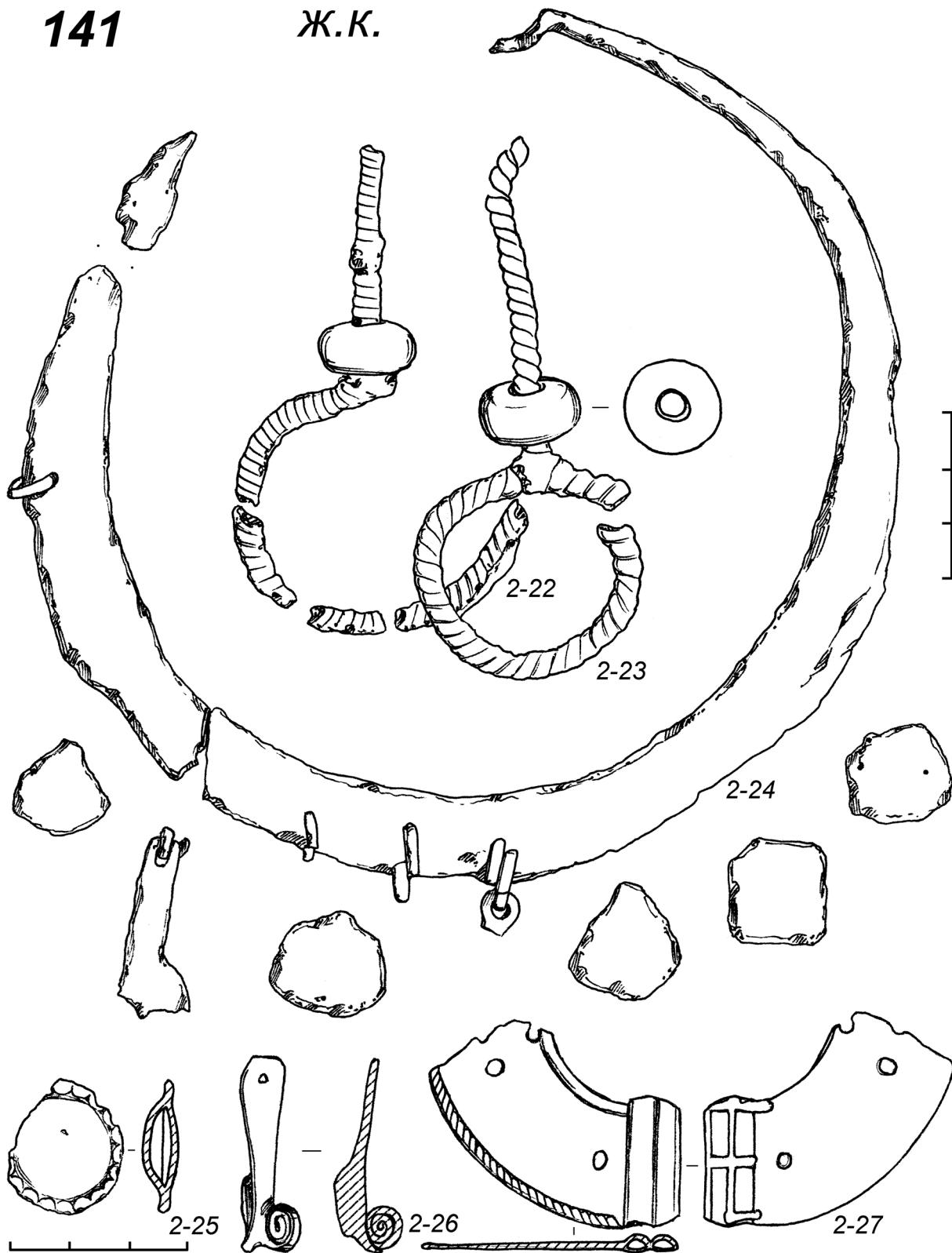

Табл. 90. Погребение 141 (продолжение): 2 – скопление вещей (ЖК): 2–22, 23 – височные подвески (железо, бронза) с бусинами (стекло), 2–24 – гривна с привесками (железо), 2–25 – бляшка-накладка (бронза), 2–26 – завиток фибулы (железо), 2–27 – фрагмент застежки-бляхи (бронза)

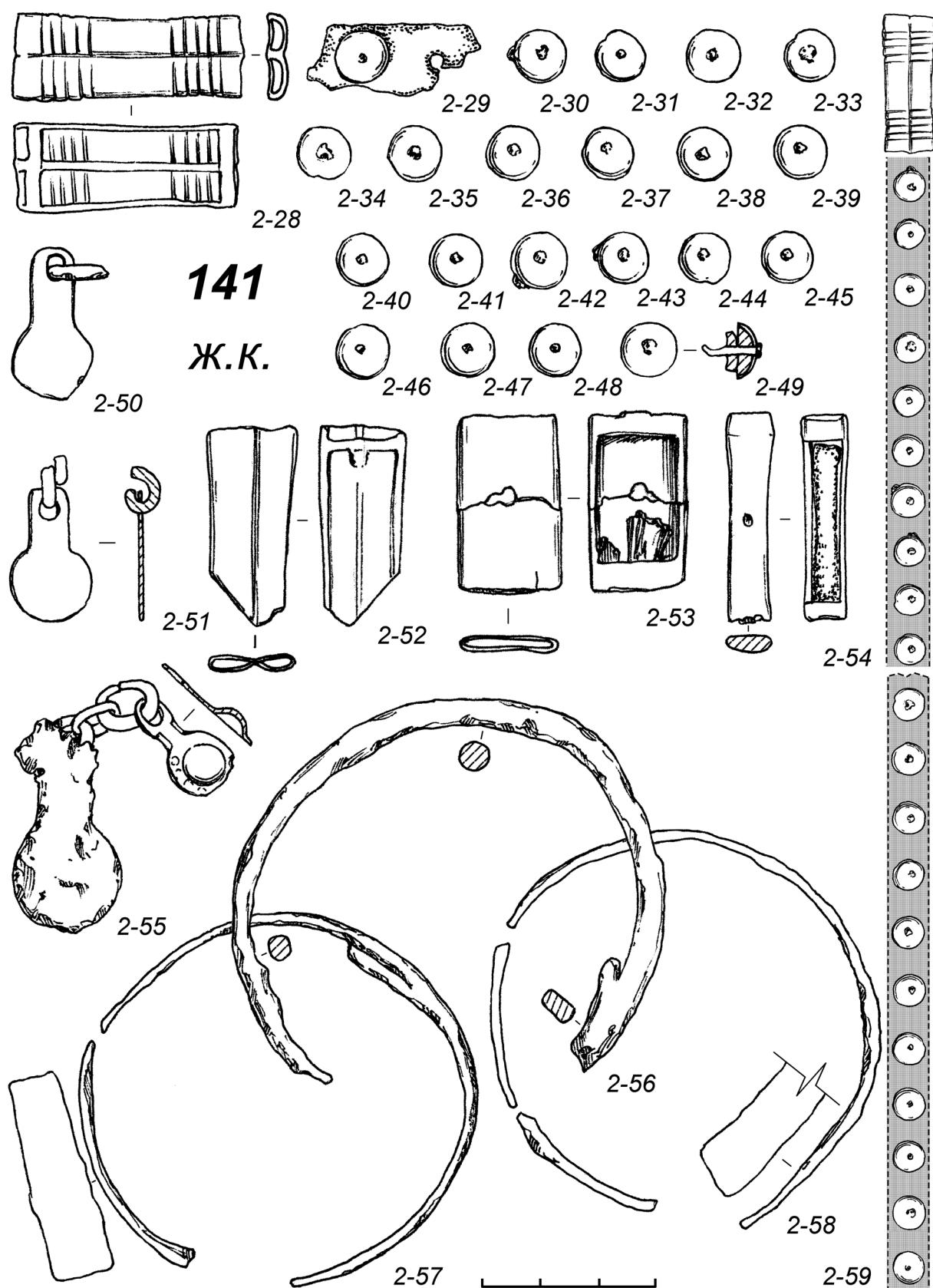

Табл. 91. Погребение 141 (продолжение): 2 – скопление вещей (ЖК): 2–28, 29–49, 59 – кожаный ремешок с бронзовыми пронизкой (2–28) и бляшками-накладками (2–29–49), 2–50, 51, 55 – подвески (бронза, железо), 2–52–54 – пронизки (бронза), 2–56–58 – браслеты (железо)

142

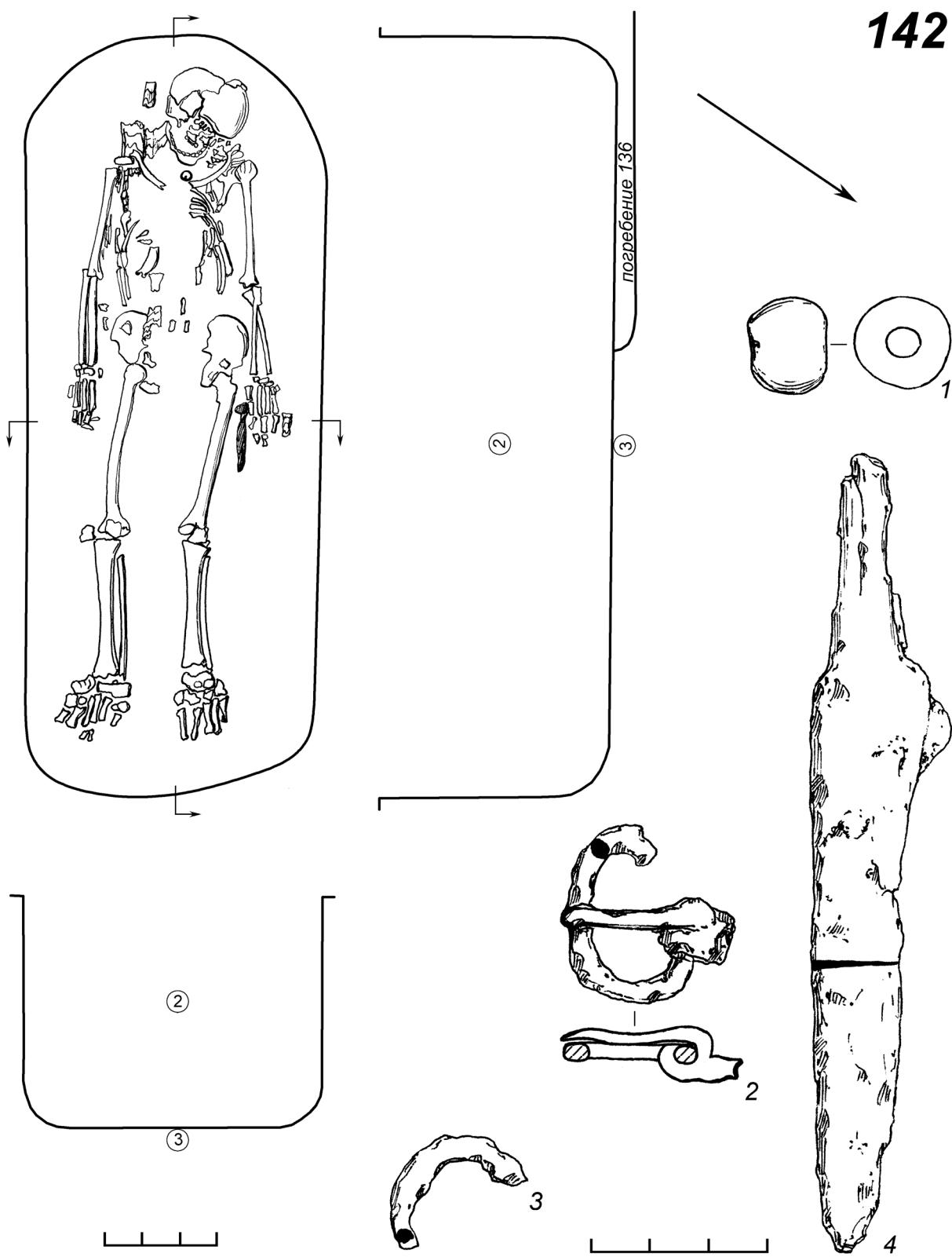

Табл. 92. Погребение 142: 1 – бусина (стекло), 2, 3 – пряжки (железо), 4 – нож (железо)

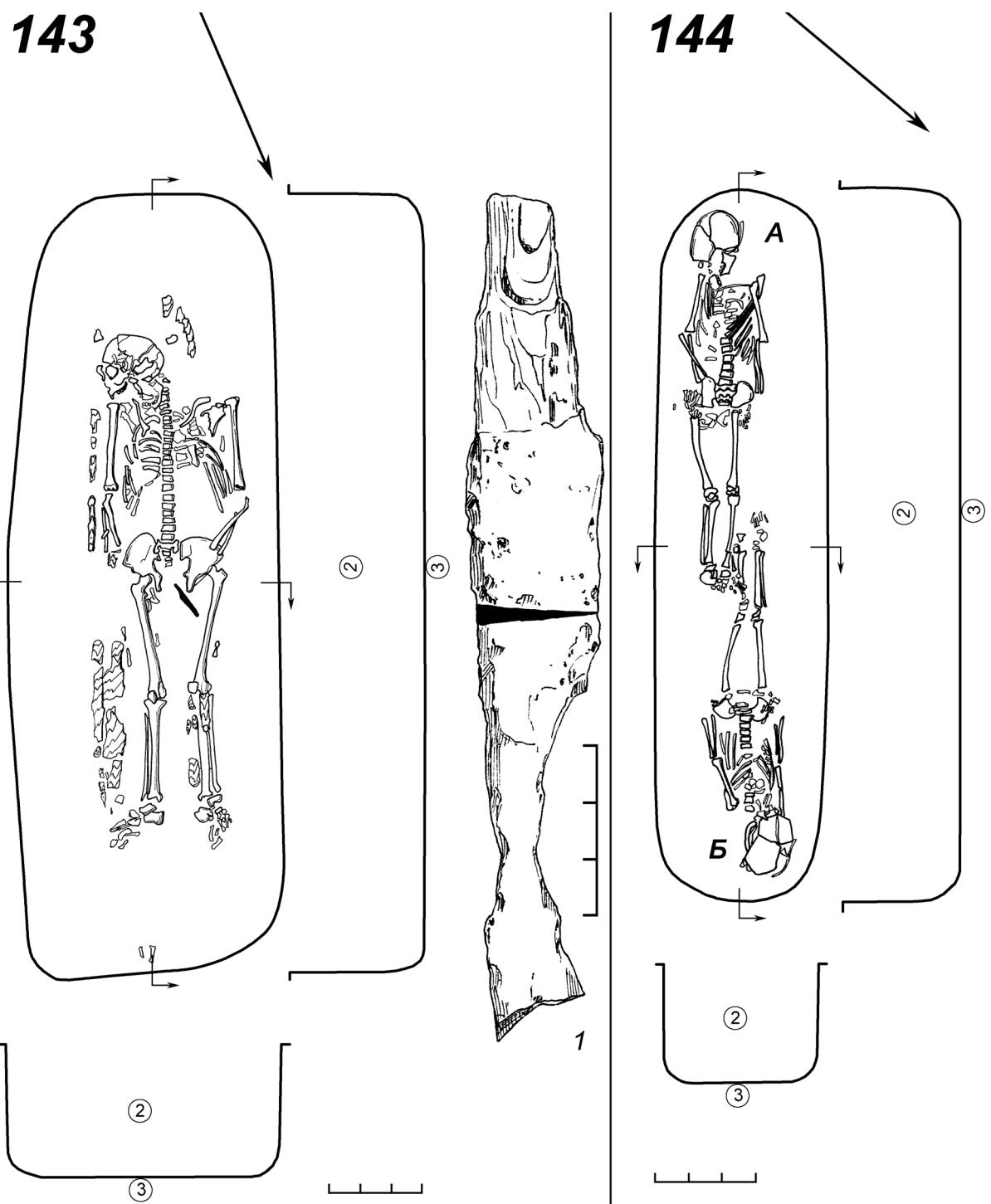

Табл. 93. Погребение 143: 1 – железный нож.
Безынвентарное погребение 144 (А, Б)

145

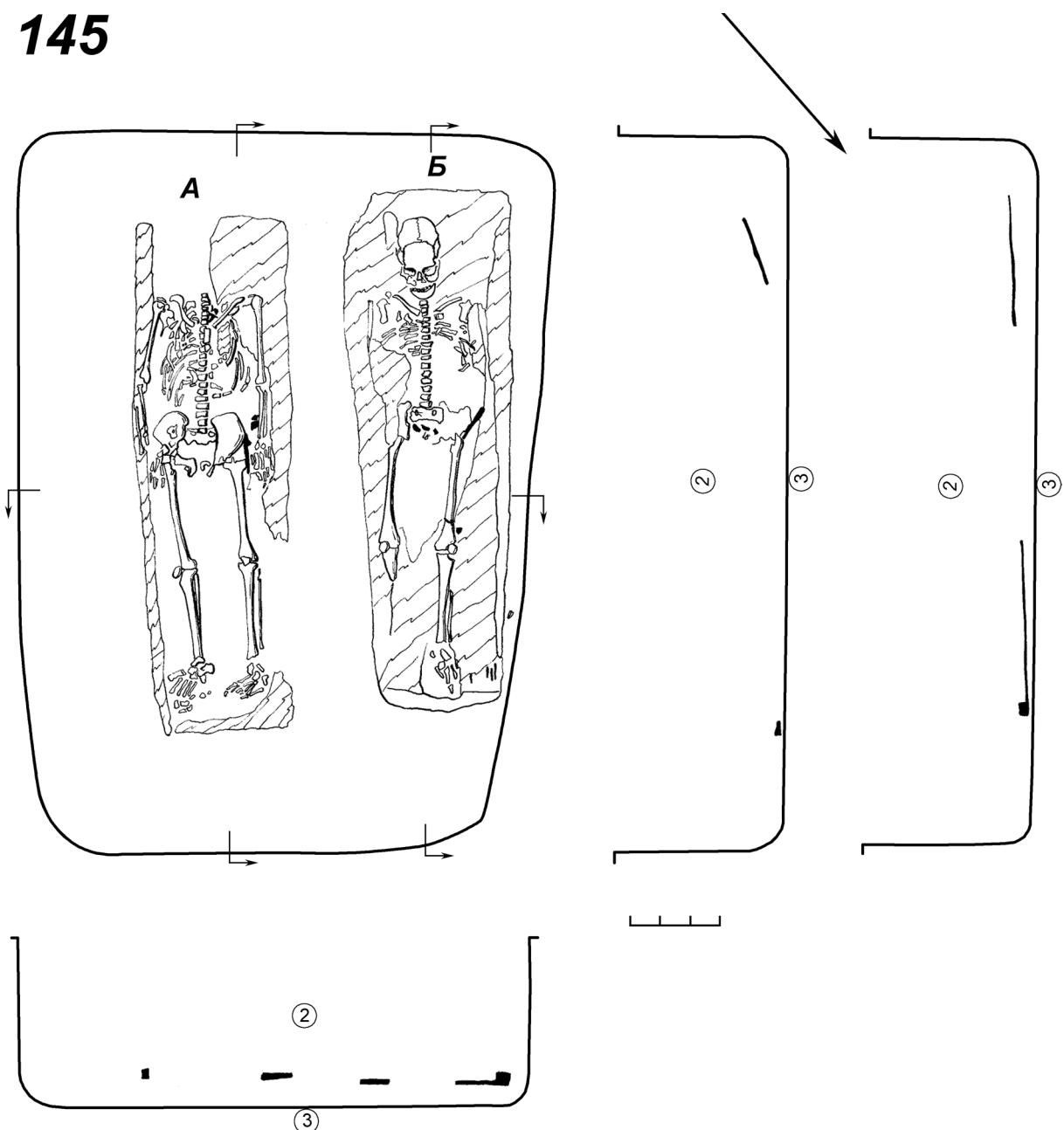

Табл. 94. Погребение 145 (А, Б)

145

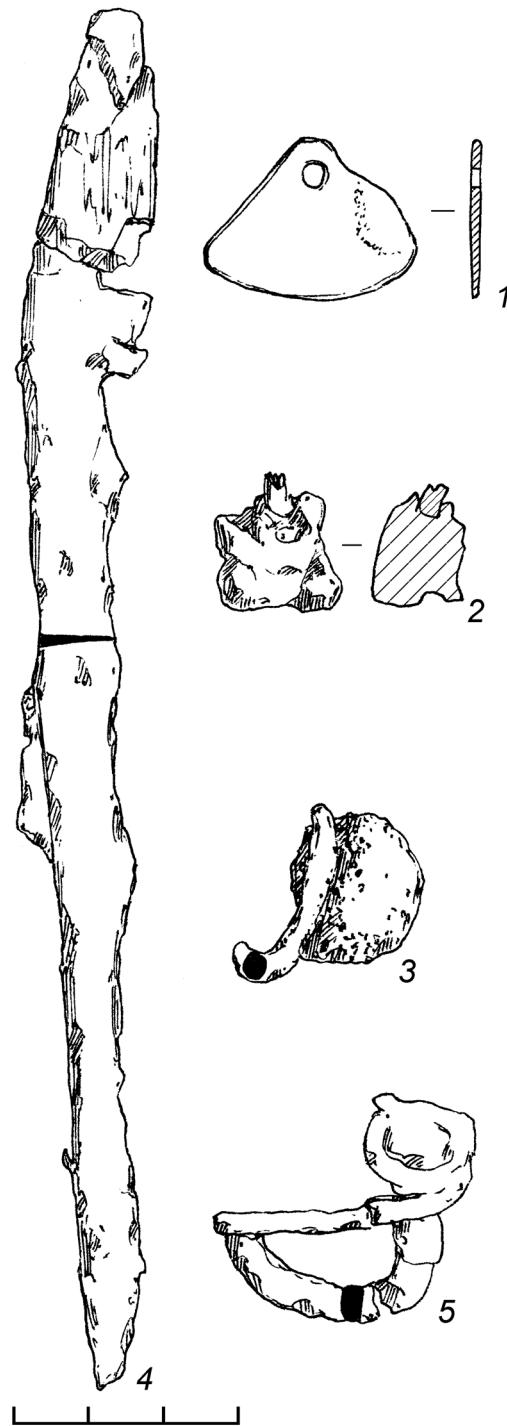
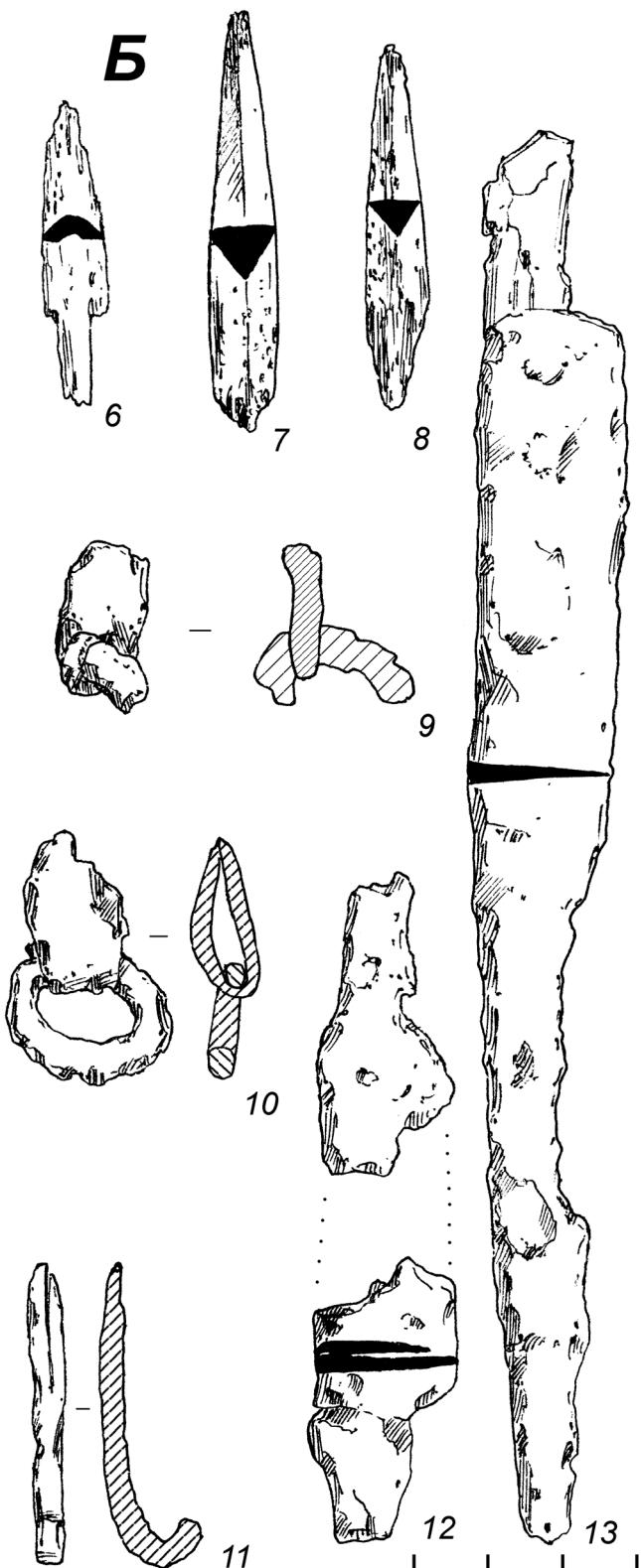
A**B**

Табл. 95. Погребение 145.

А: 1 – привеска (бронза), 2 – фрагмент спекшихся вещей (железо, бронза),
3 – железная вещь, 4 – нож (железо), 5 – пряжка (железо).

Б: 6–8 – наконечники стрел (кость), 9 – железная вещь, 10 – пряжка-кольцо (железо),
11 – колчанный крючок (железо), 12, 13 – ножи (железо)

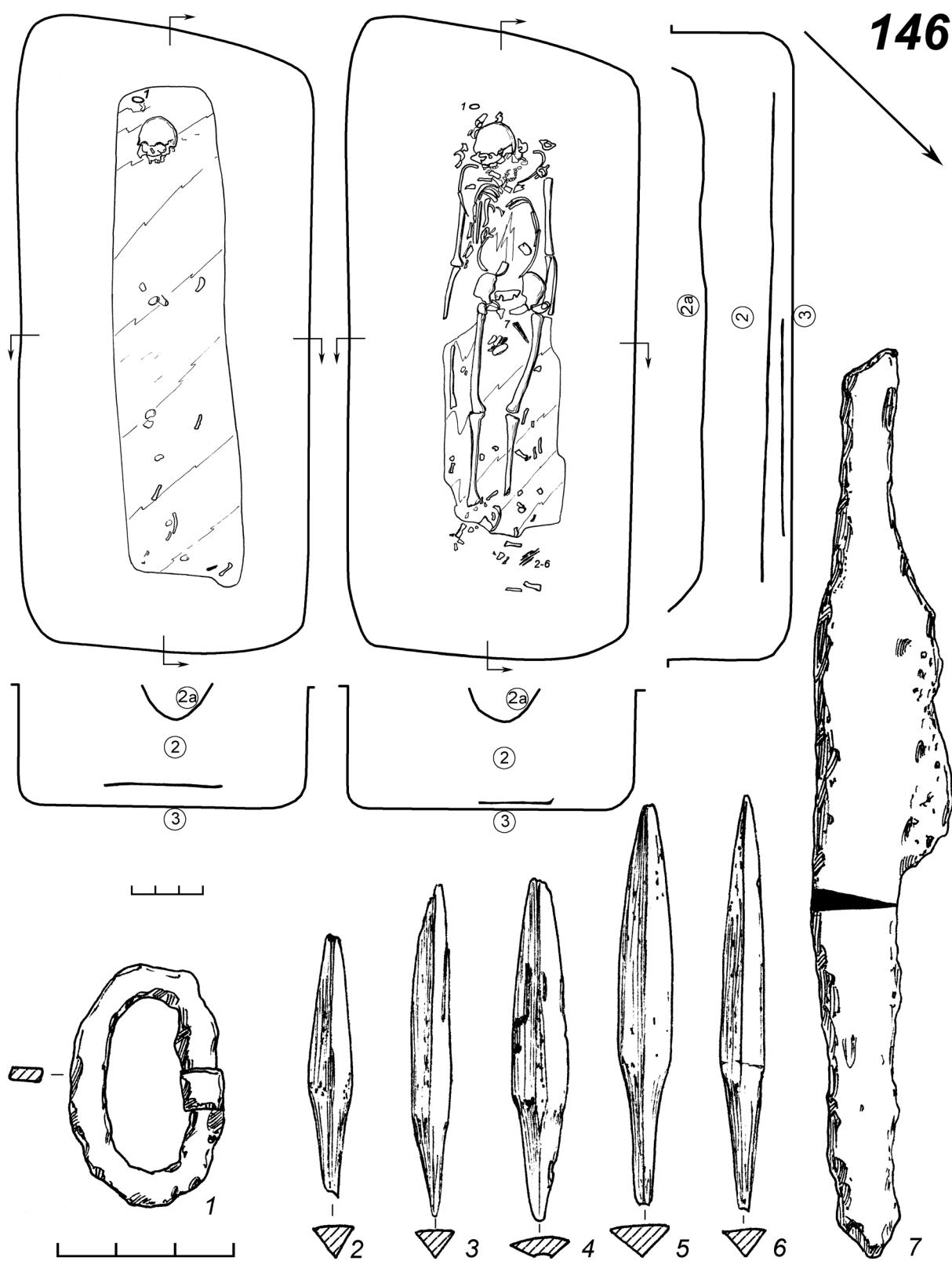

Табл. 96. Погребение 146: 1 – пряжка (железо), 2–6 – наконечники стрел (кость),
7 – нож (железо)

147

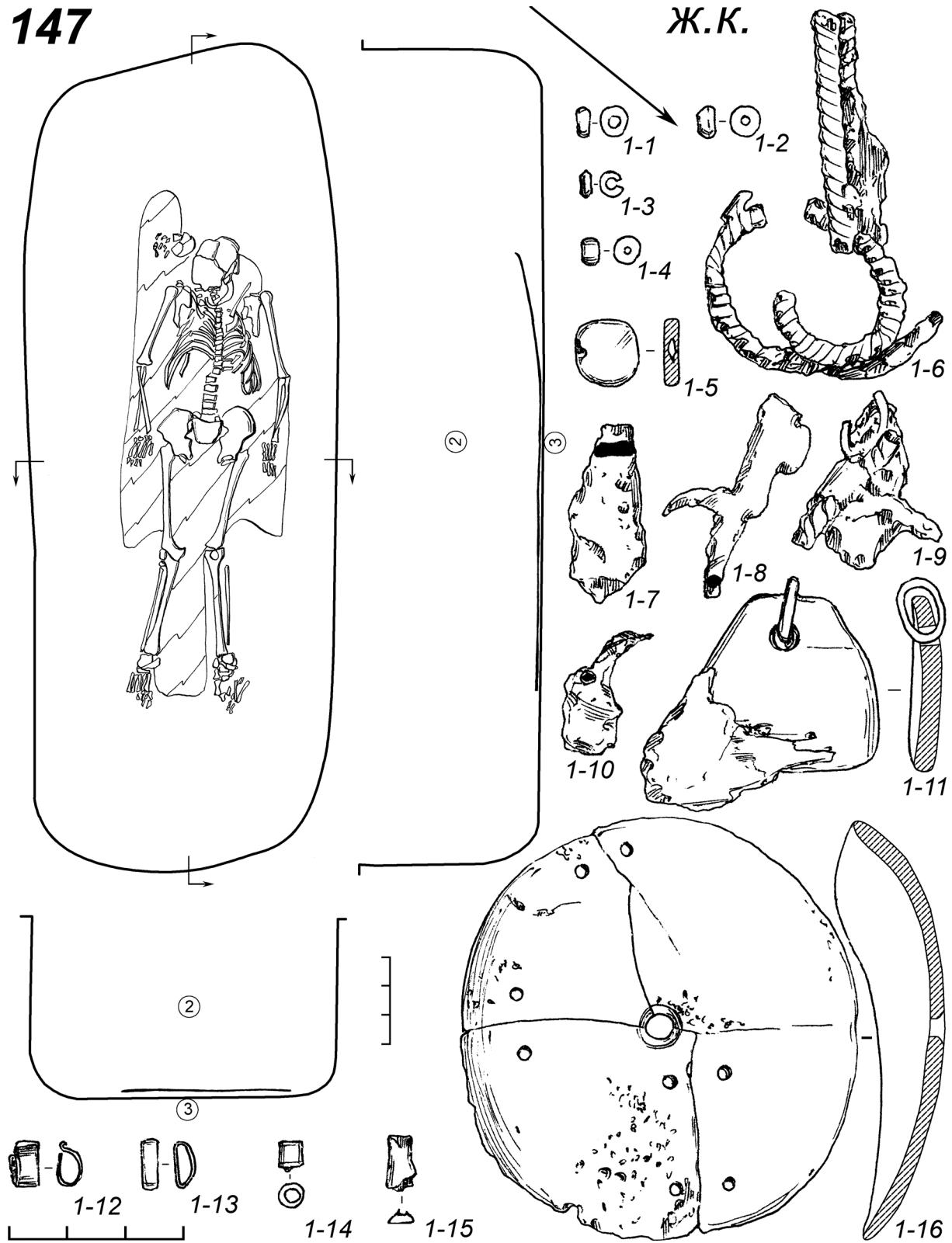

Табл. 97. Погребение 147: 1 – скопление вещей (ЖК); 1–4 – бисер (стекло),
1–5 – бусина (стекло), 1–6 – височные подвески (железо, бронза), 1–7–10 – железные вещи
с фрагментами цепочки, 1–11 – подвеска (раковина), 1–12–15 – пронизки (бронза),
1–16 – бляха (раковина)

148

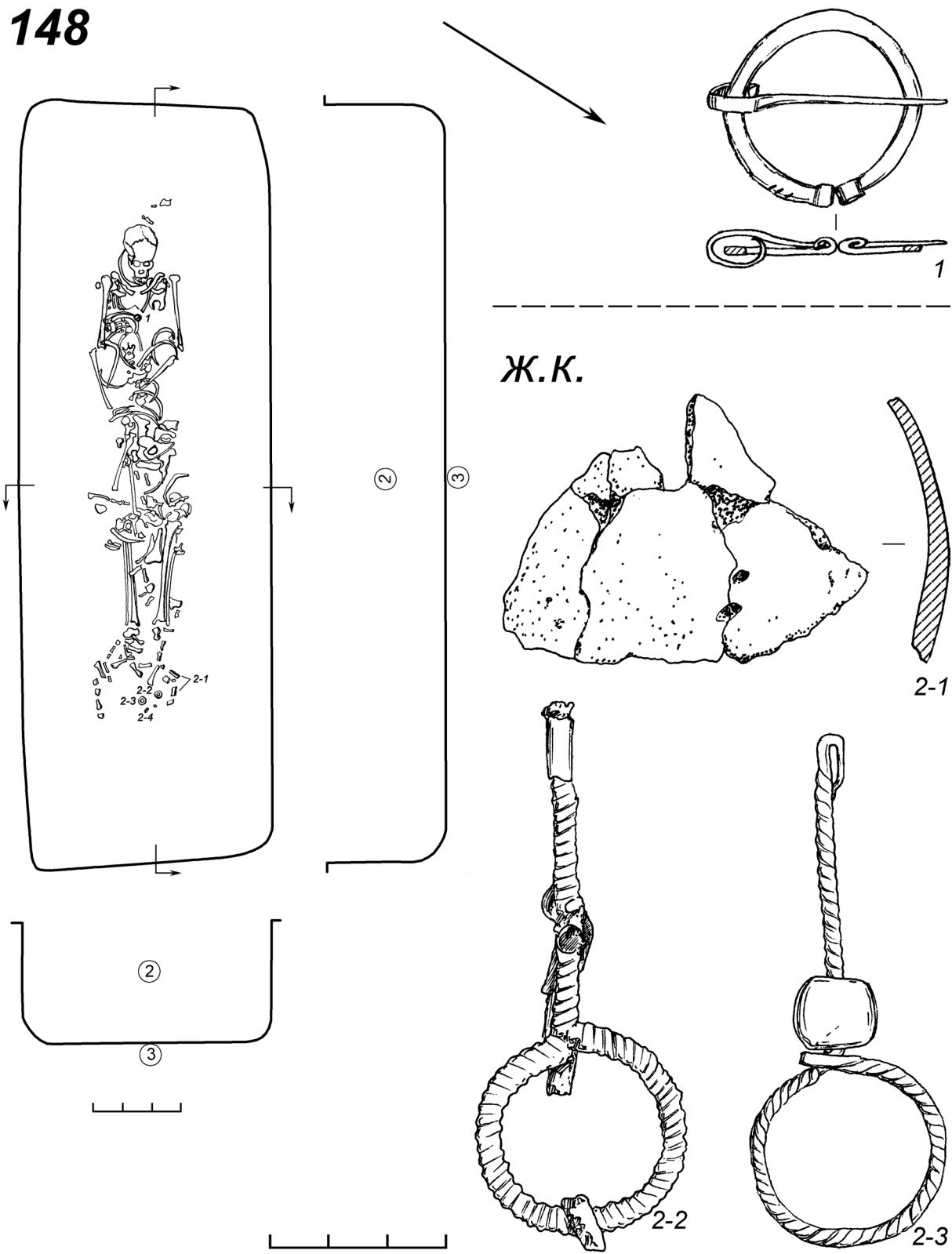

Табл. 98. Погребение 148: 1 – сюльгама (бронза), 2 – скопление вещей (ЖК):
2–1 – фрагменты глиняного сосуда, 2–2, 3 – височные подвески с напускной бусиной
(2–2 – железо, бронза, 2–3 – бронза, стекло)

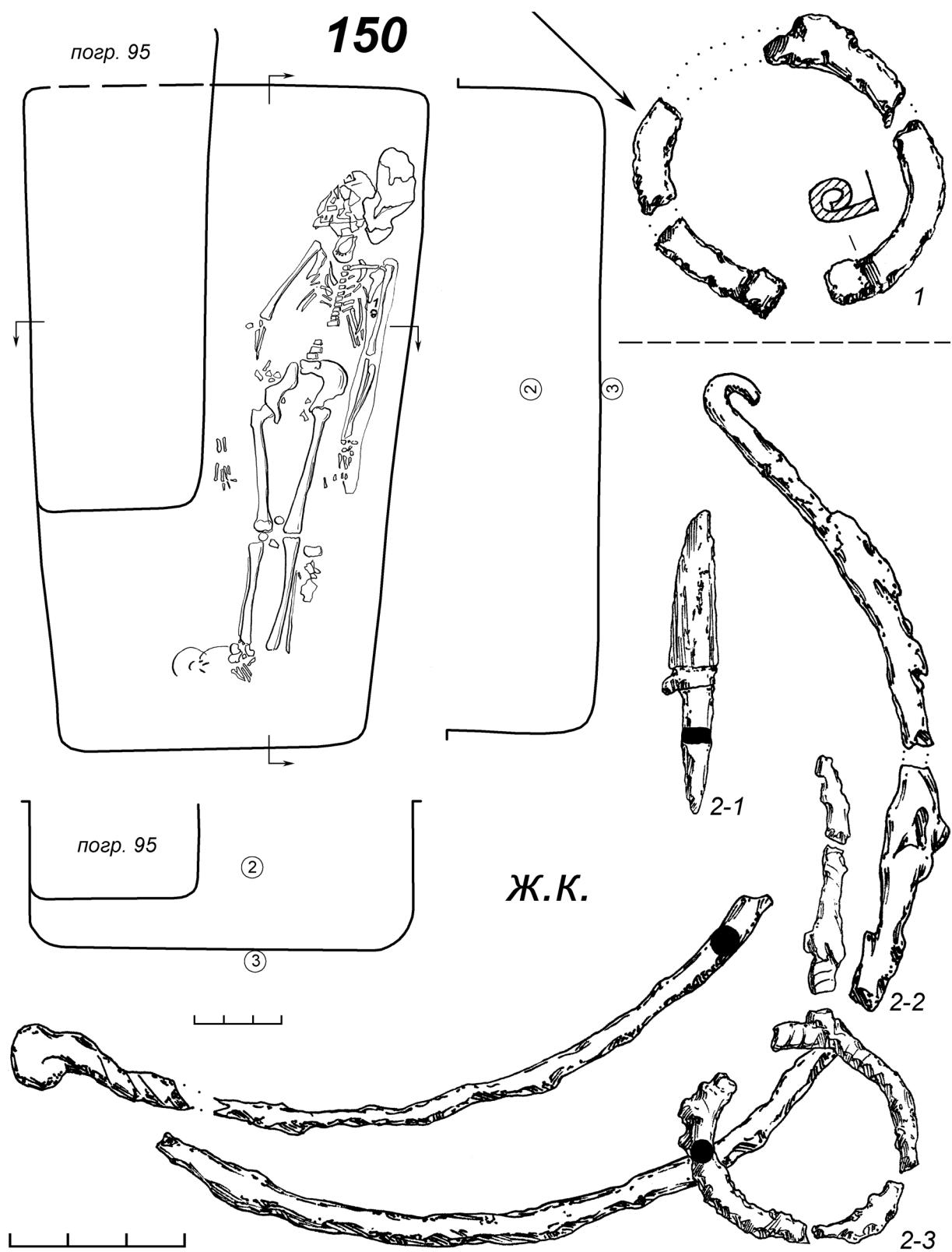

Табл. 99. Погребение 150: 1 – сюльгама (железо), 2 – скопление вещей (ЖК):
2–1 – шило (железо, дерево), 2–2 – фрагменты гривны (железо),
2–3 – височная подвеска (железо, бронза)

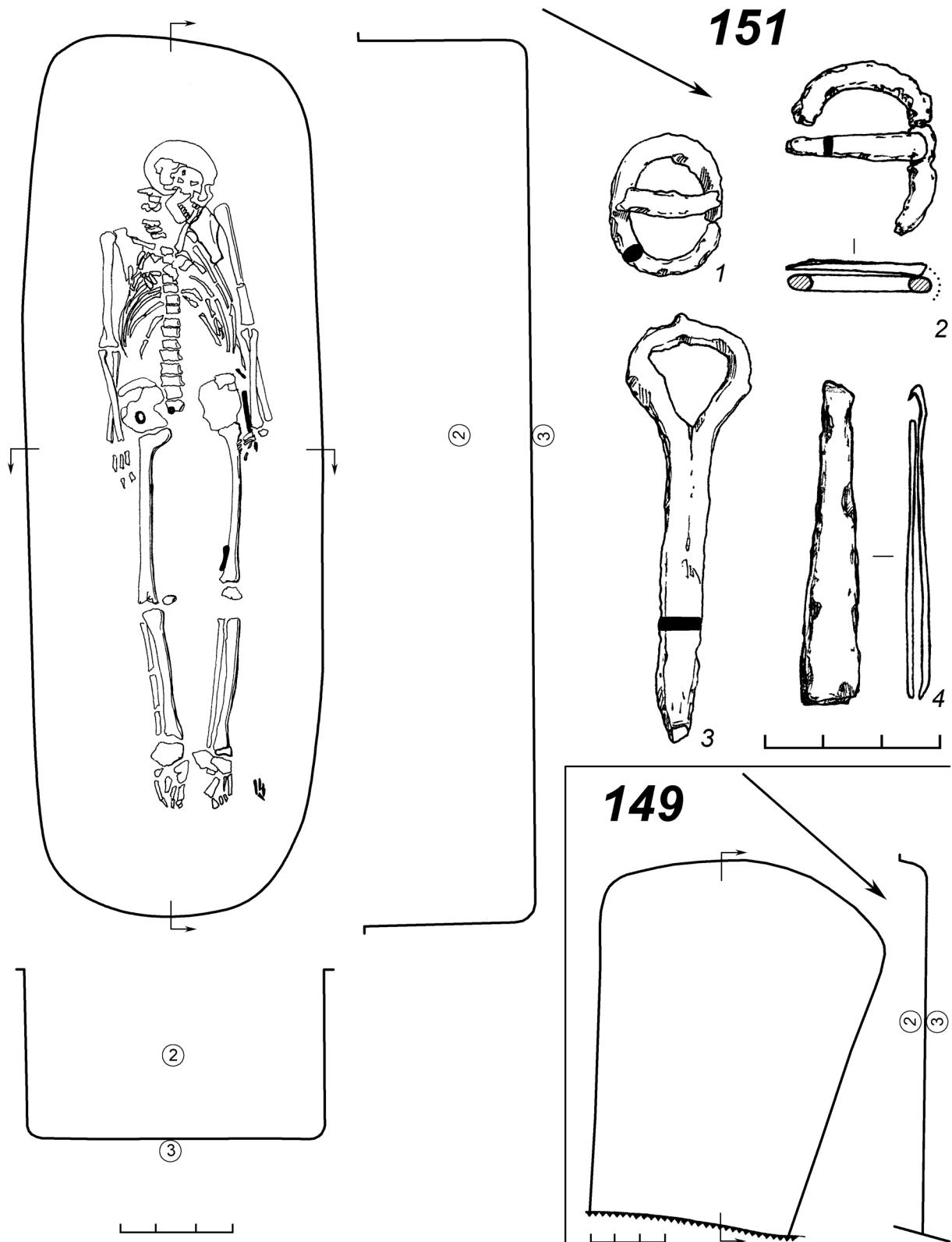

Табл. 100. Безынвентарное погребение 149.
Погребение 151: 1, 2 – пряжки (железо), 3 – колчанный крючок (железо),
4 – пинцет (железо).

151

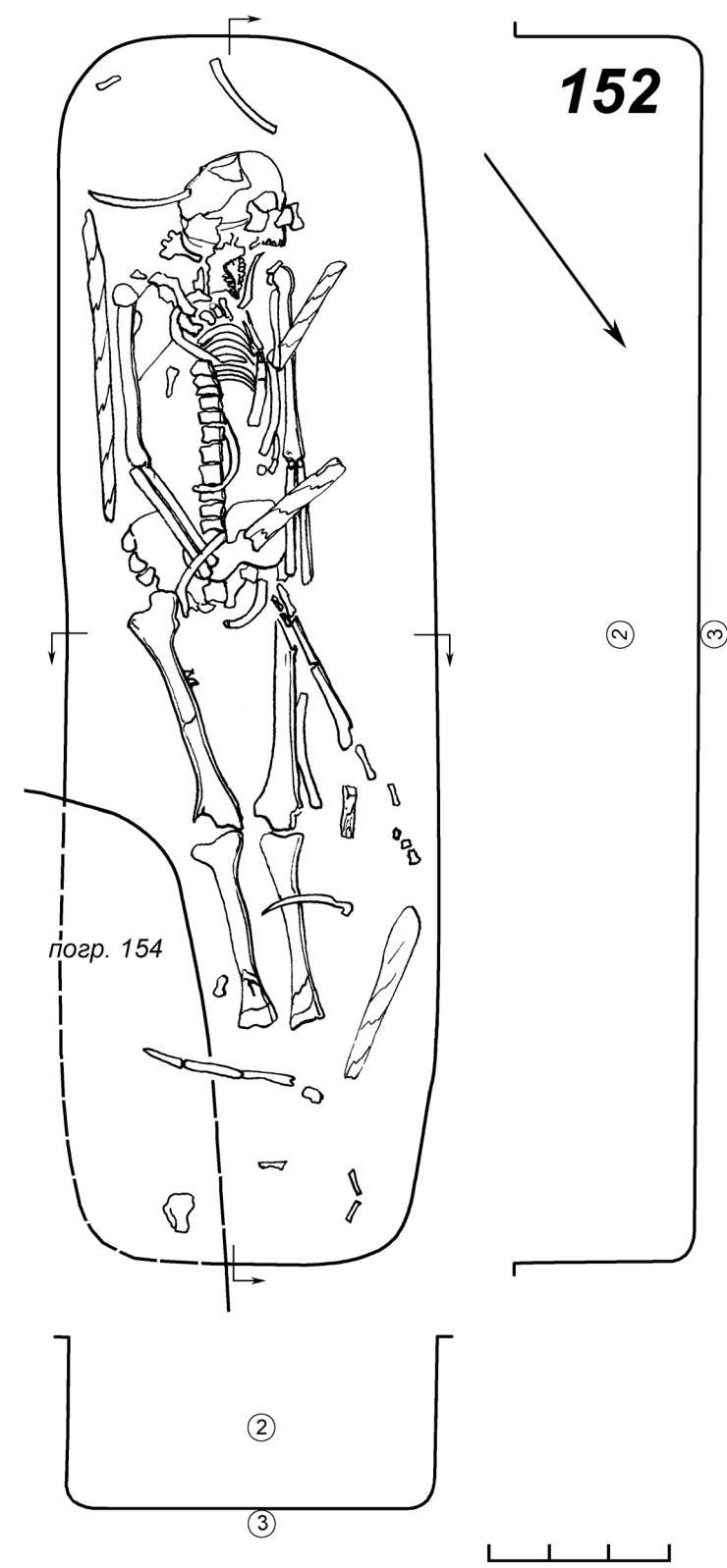
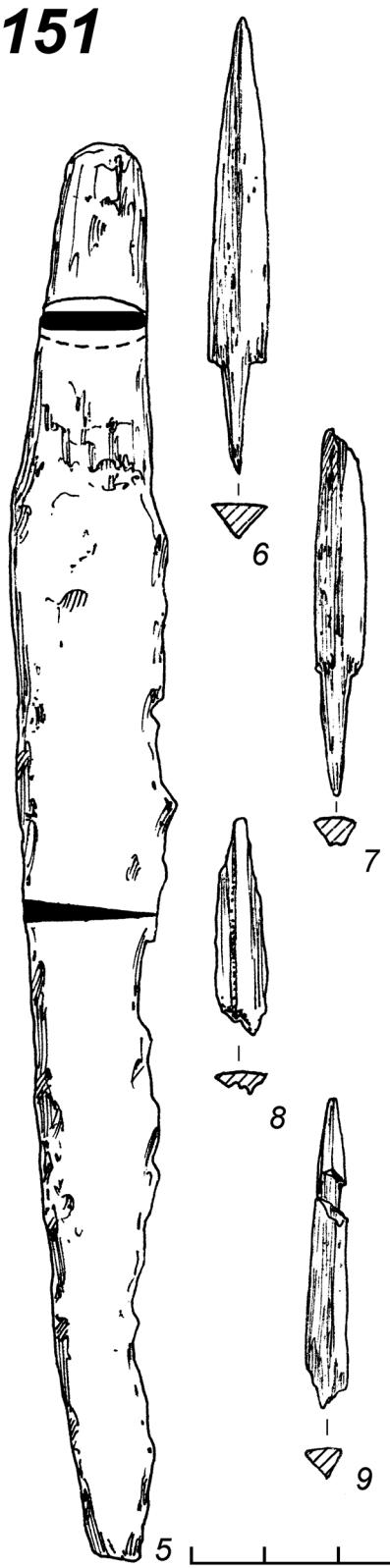

Табл. 101. Погребение 151 (продолжение): 5 – нож (железо),
6–9 – наконечники стрел (кость). Безынвентарное погребение 152

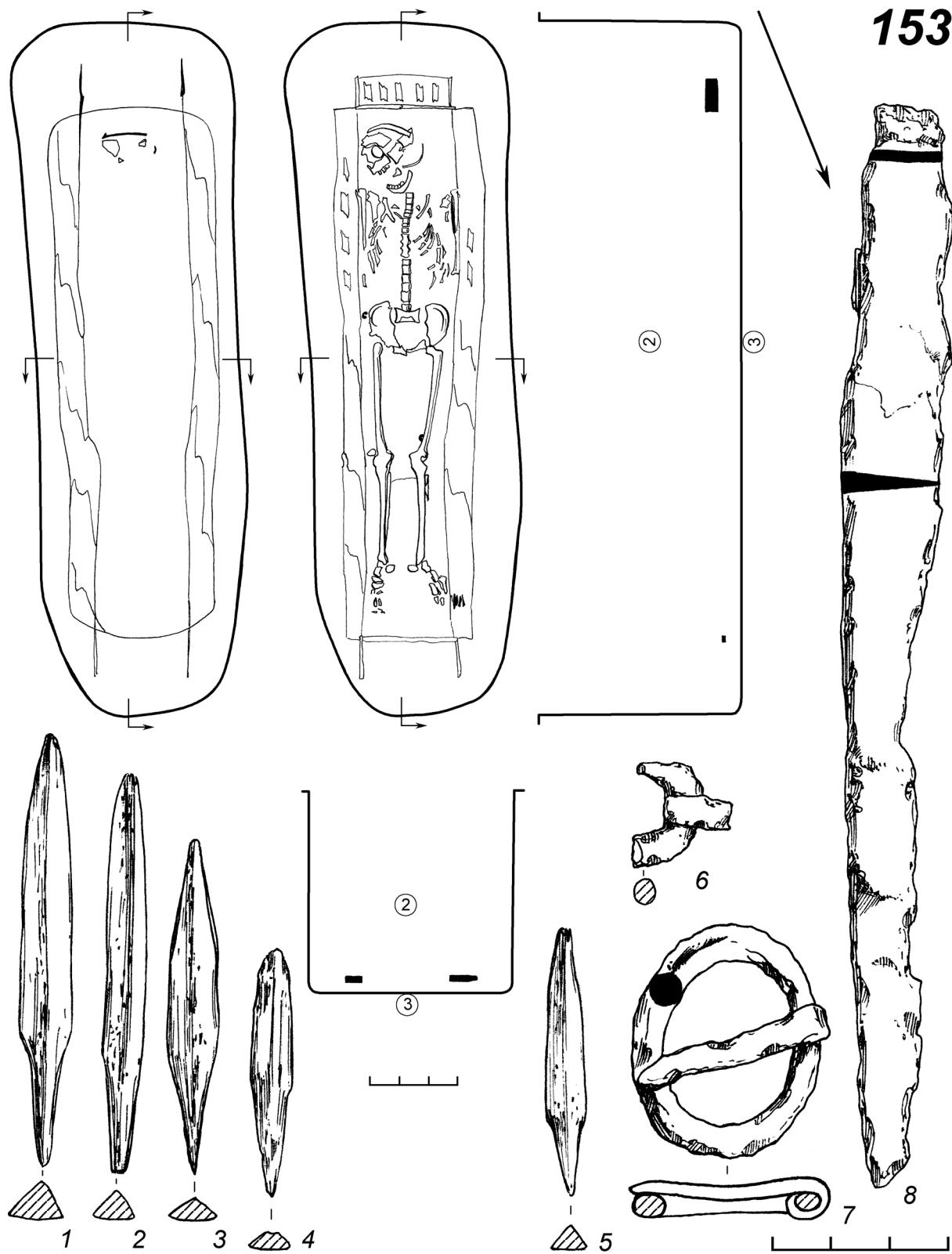

Табл. 102. Погребение 153: 1–5 – наконечники стрел (кость),
6, 7 – пряжки (железо), 8 – нож (железо)

154

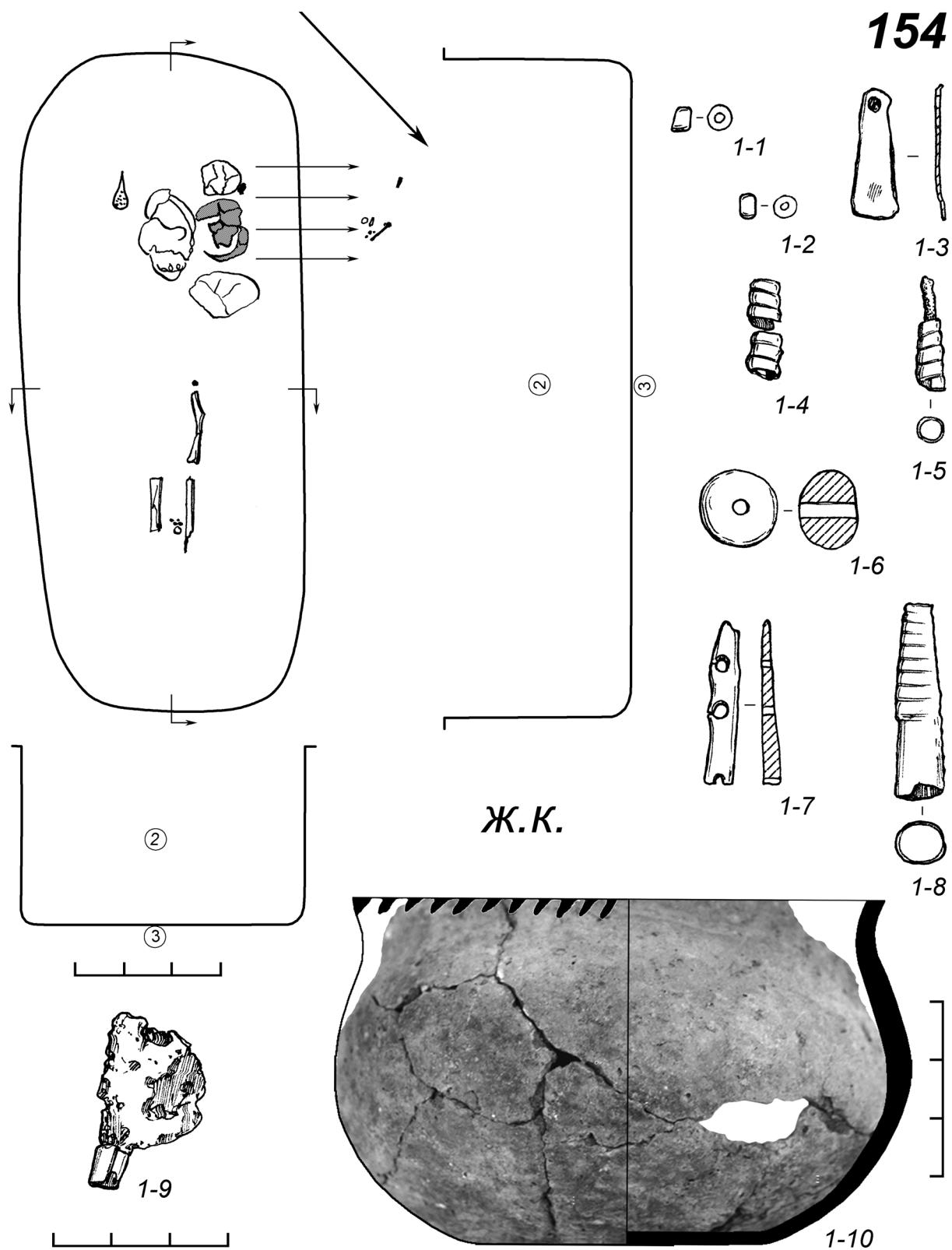
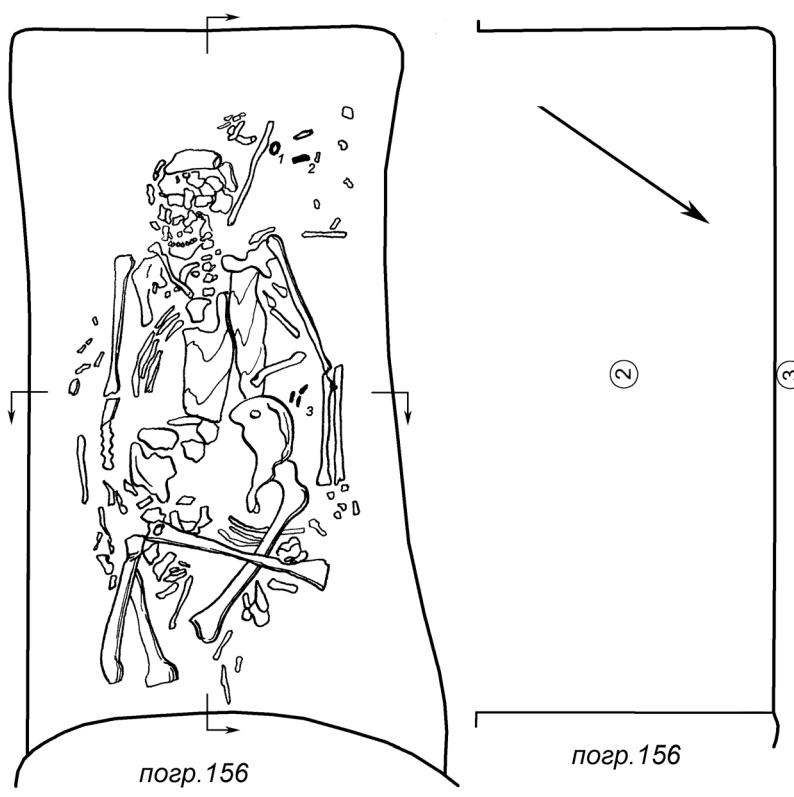

Табл. 103. Погребение 154: 1 – скопление вещей (Ж.К.); 1–1, 2 – бисер (стекло), 1–3 – привеска (бронза), 1–4, 5, 8 – пронизки (бронза), 1–6 – бусина (стекло), 1–7 – пронизка-распределитель (бронза), 1–9 – бронзовая пронизка, спекшаяся с железной вещью, 1–10 – сосуд (глина)

155

154

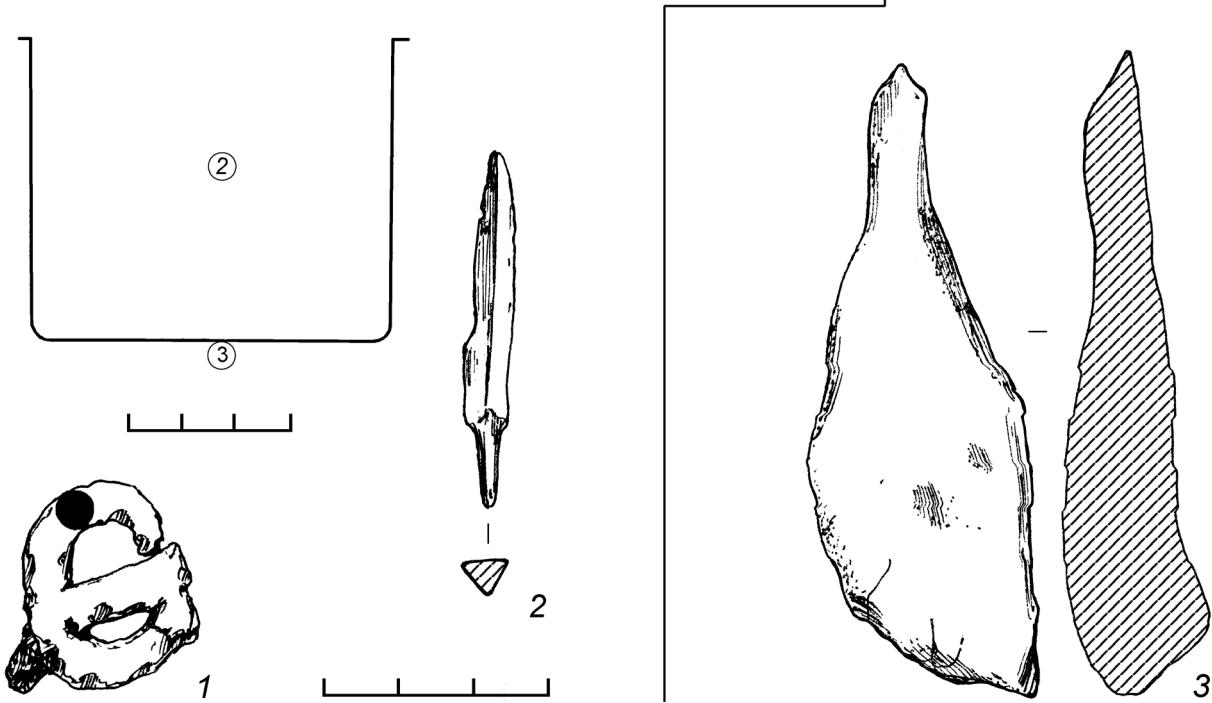
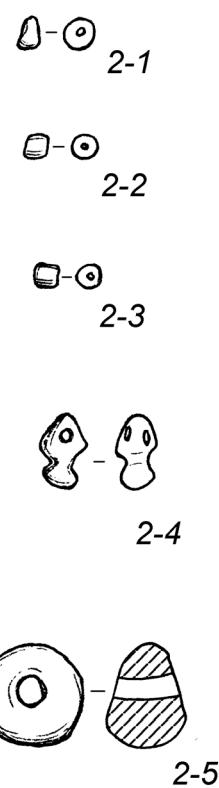

Табл. 104. Погребение 154 (продолжение): 2 – скопление вещей: 2–1–3 – бисер (стекло),
2–4 – подвеска (стекло), 2–5 – бусина; 3 – каменное изделие.
Погребение 155: 1 – пряжка (железо), 2 – наконечник стрелы (кость)

156

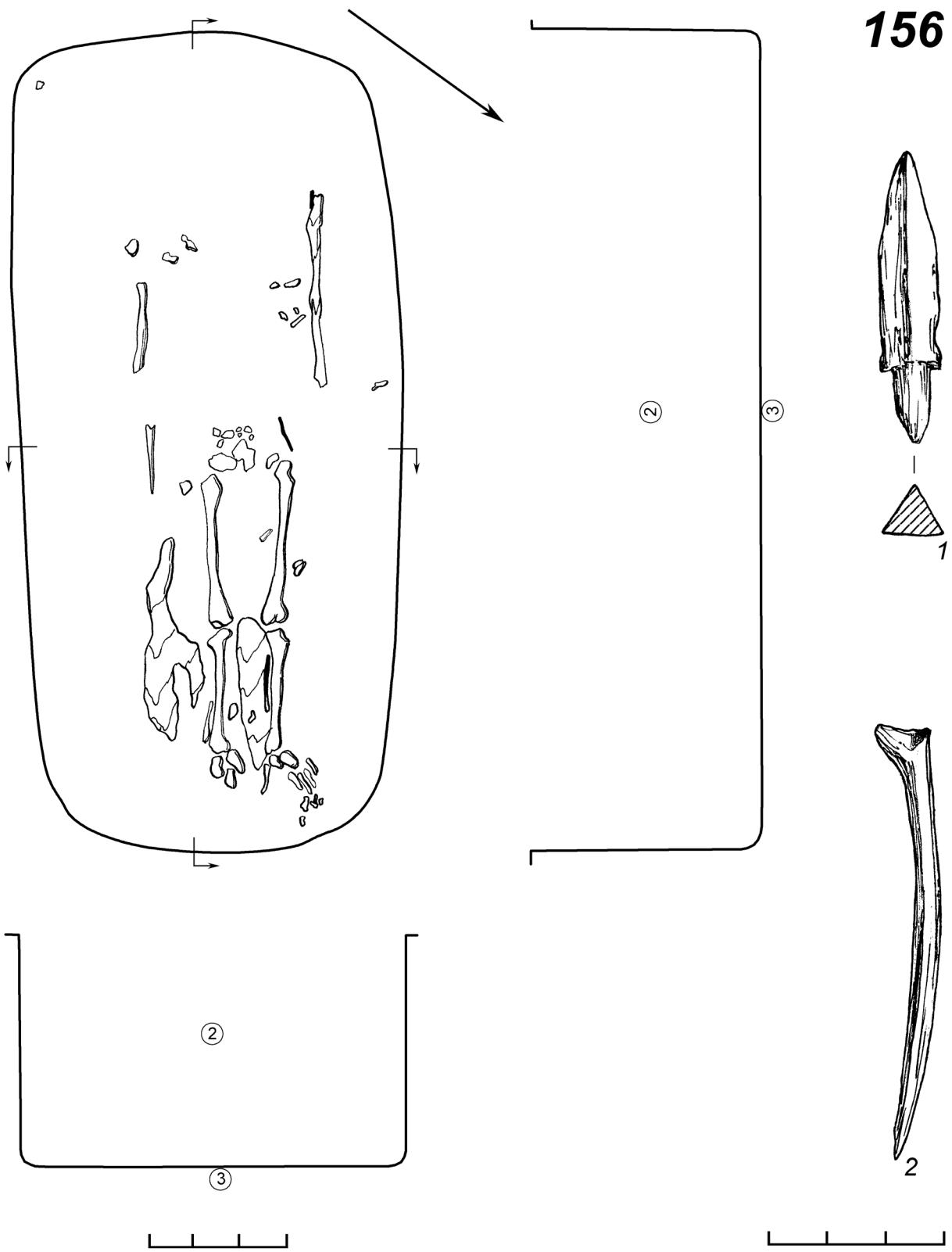

Табл. 105. Погребение 156: 1 – наконечник стрелы (кость), 2 – кость рыбы

157

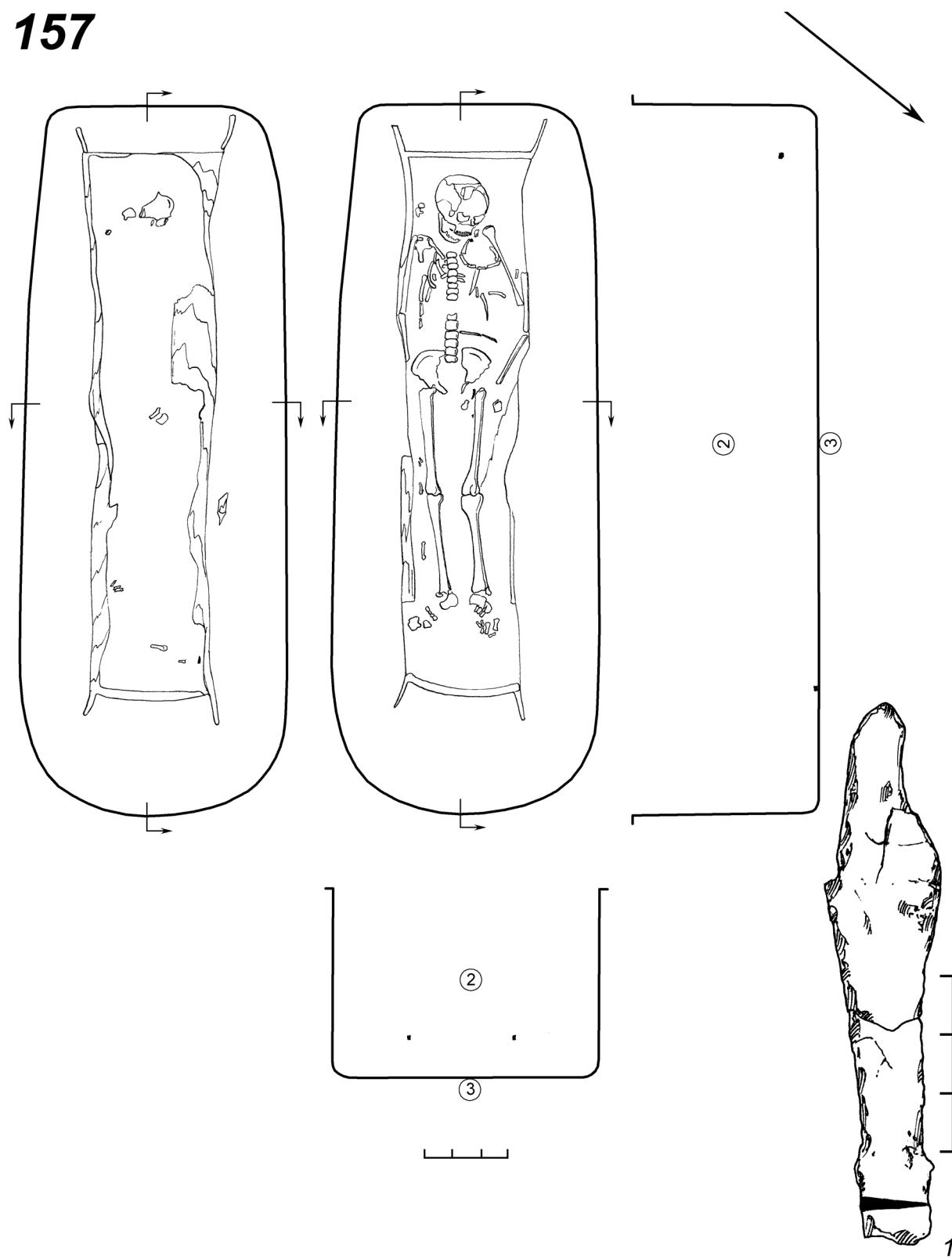

Табл. 106. Погребение 157: 1 – железный нож

158

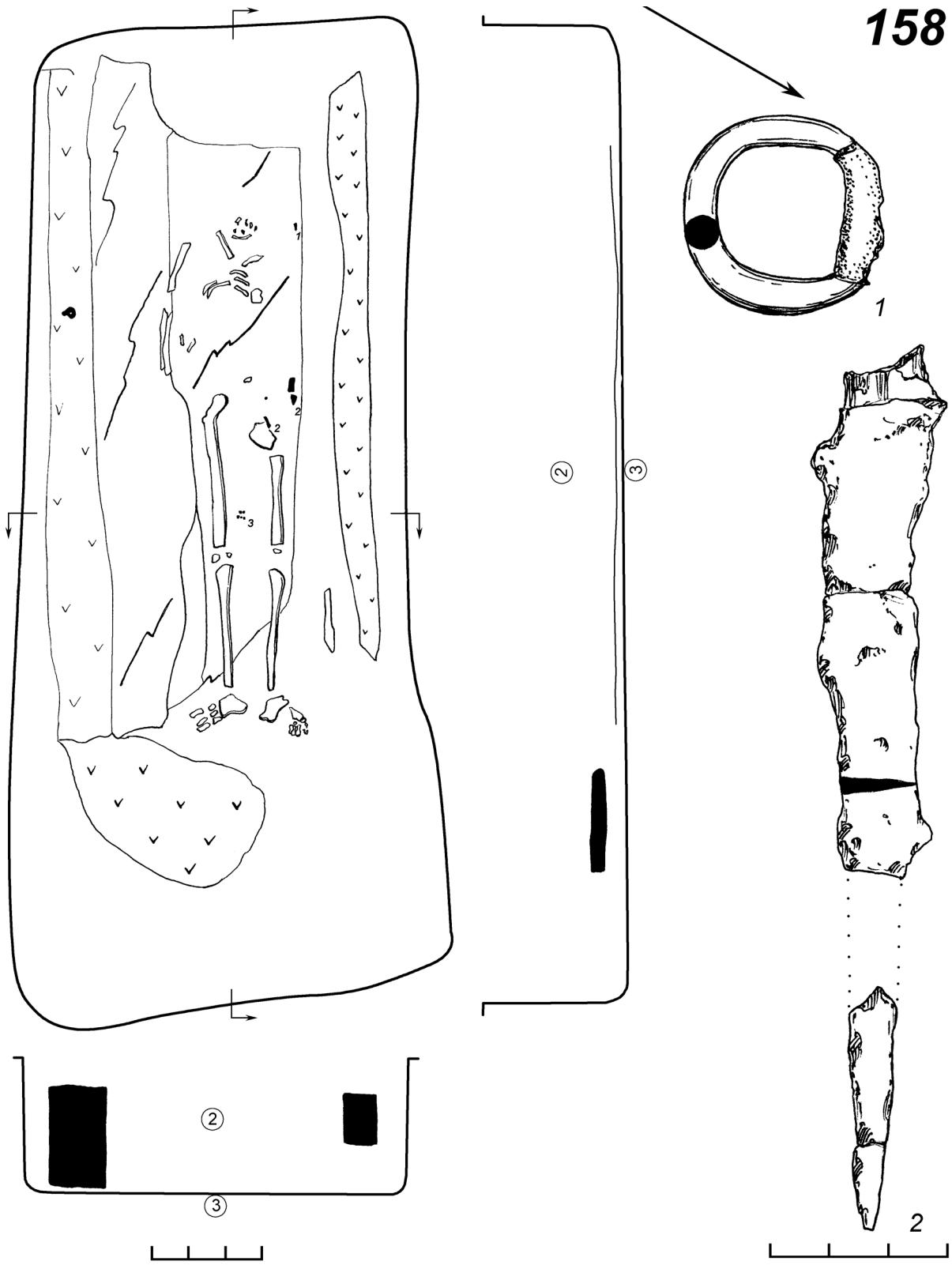
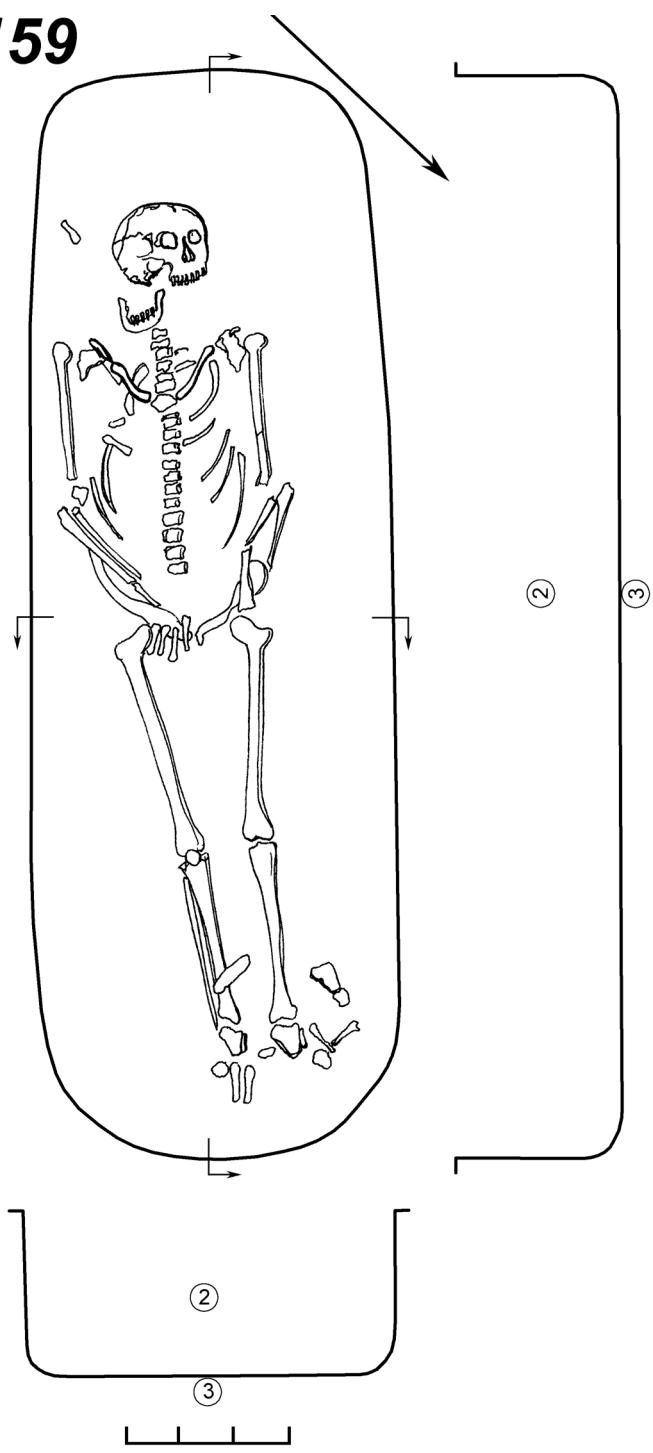

Табл. 107. Погребение 158: 1 – кольцо (бронза), 2 – нож (железо)

159

160

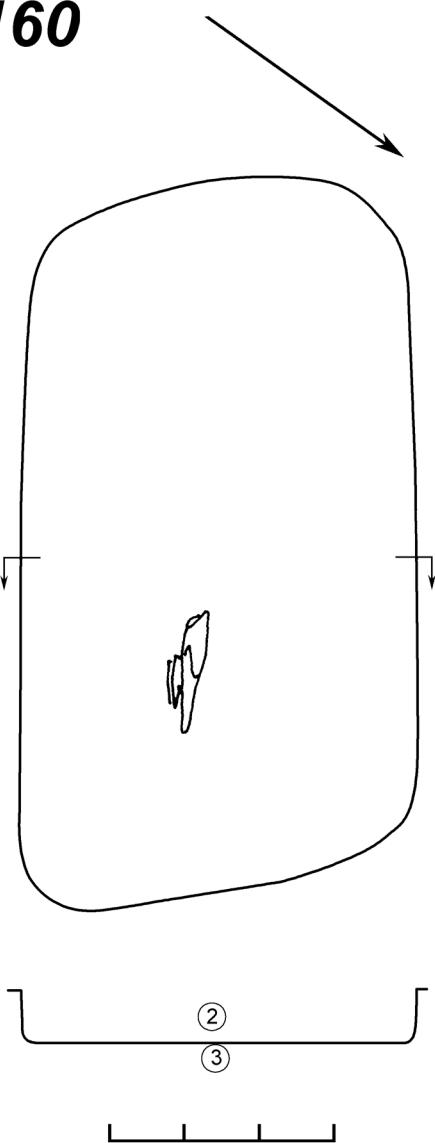

Табл. 108. Безынвентарные погребения 159, 160

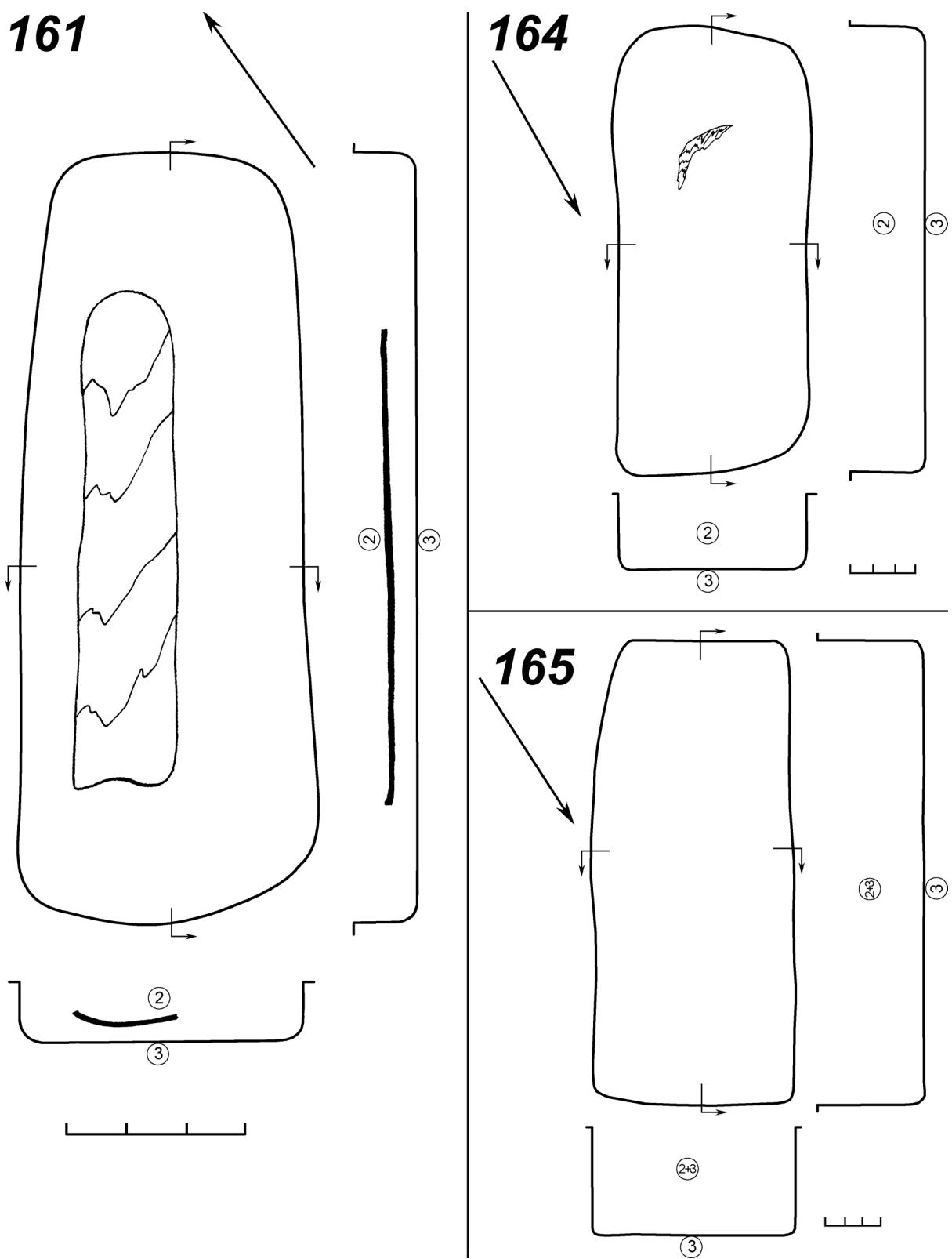

Табл. 109. Безынвентарные погребения 161, 164, 165

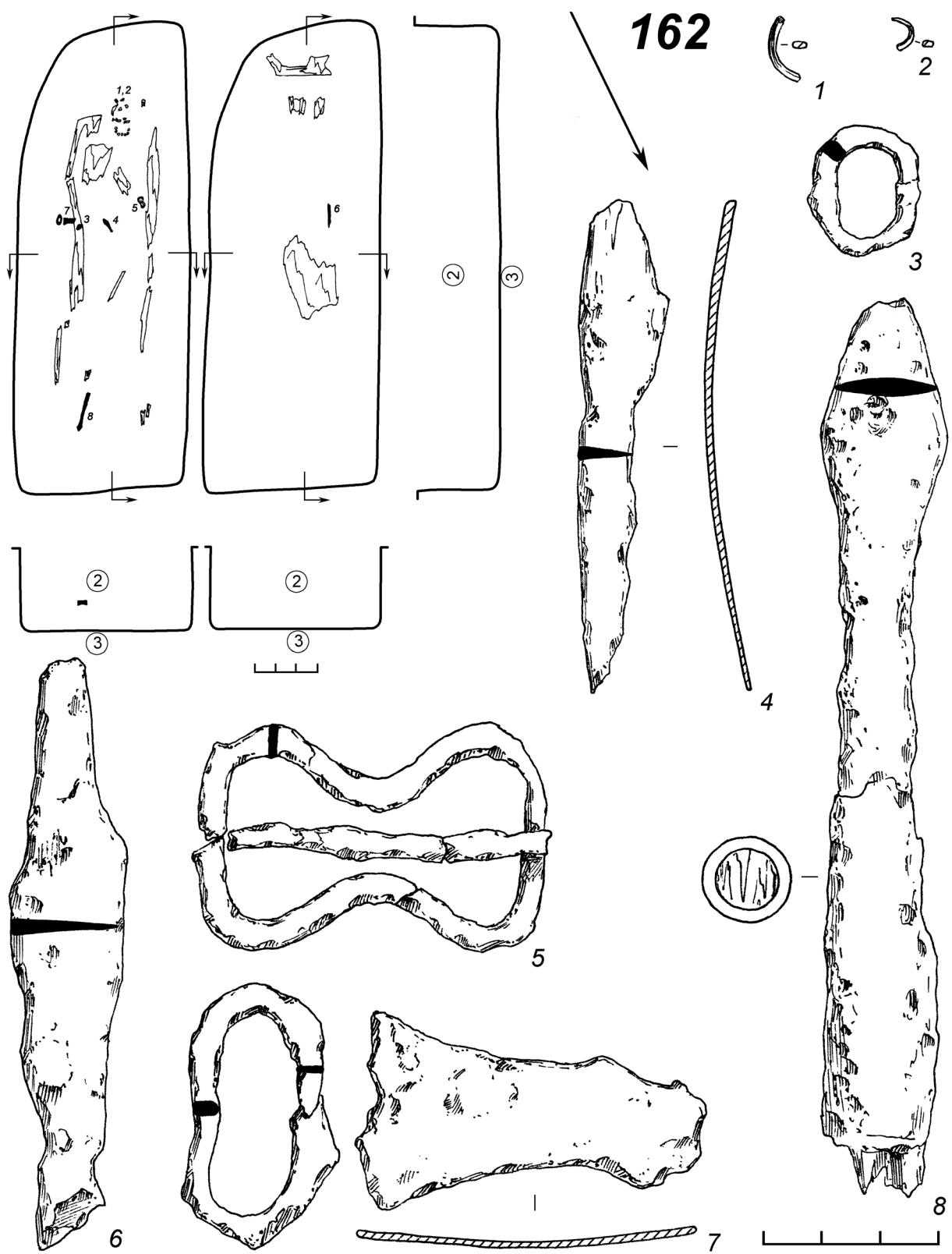

Табл. 110. Погребение 162: 1, 2 – фрагменты бронзовой вещи, 3, 5, 7 – пряжки (железо),
4, 6 – ножи (железо), 8 – наконечник дротика (железо)

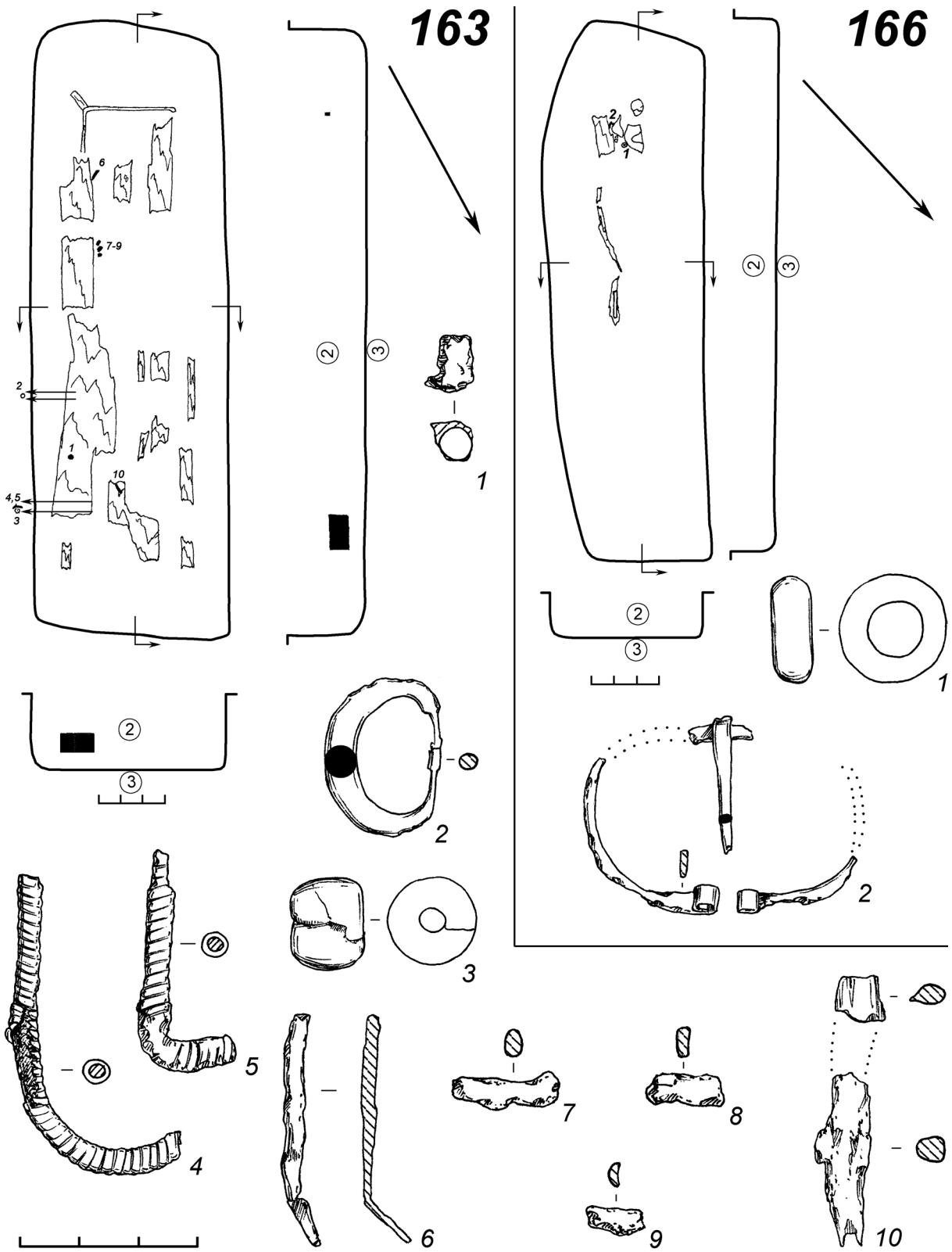

Табл. 111. Погребение 163: 1, 7–9 – фрагменты железных вещей, 2 – пряжка (бронза),
3 – бусина (стекло), 4, 5 – височные подвески (железо, бронза),
6 – язычок пряжки (железо), 10 – шило (железо).
Погребение 166: 1 – бусина (стекло), 2 – сюльгама (бронза)

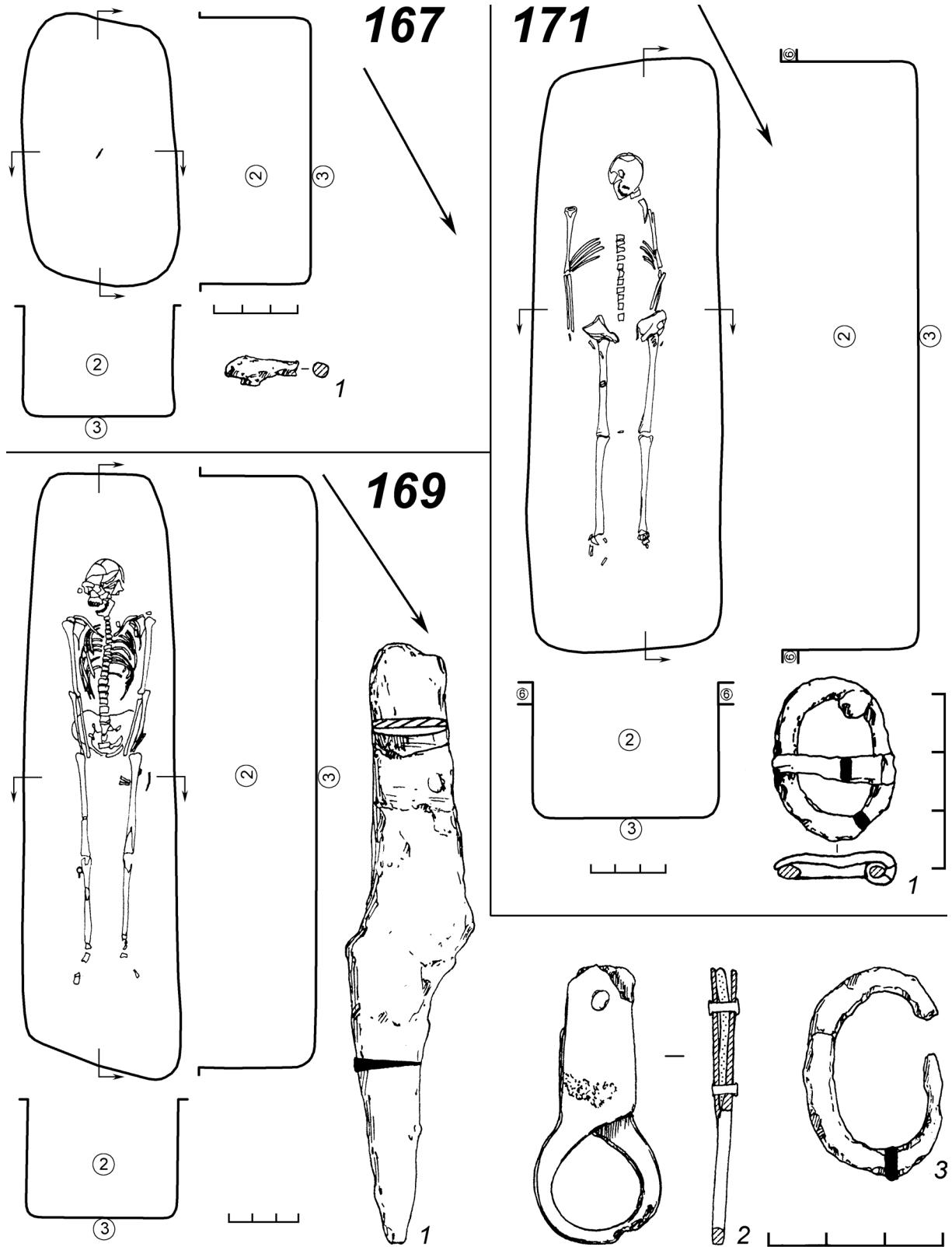

Табл. 112. Погребение 167: 1 – железная вещь.

Погребение 169: 1 – нож (железо), 2 – обойма-зажим (бронза), 3 – пряжка (железо).

Погребение 171: 1 – пряжка (железо)

168

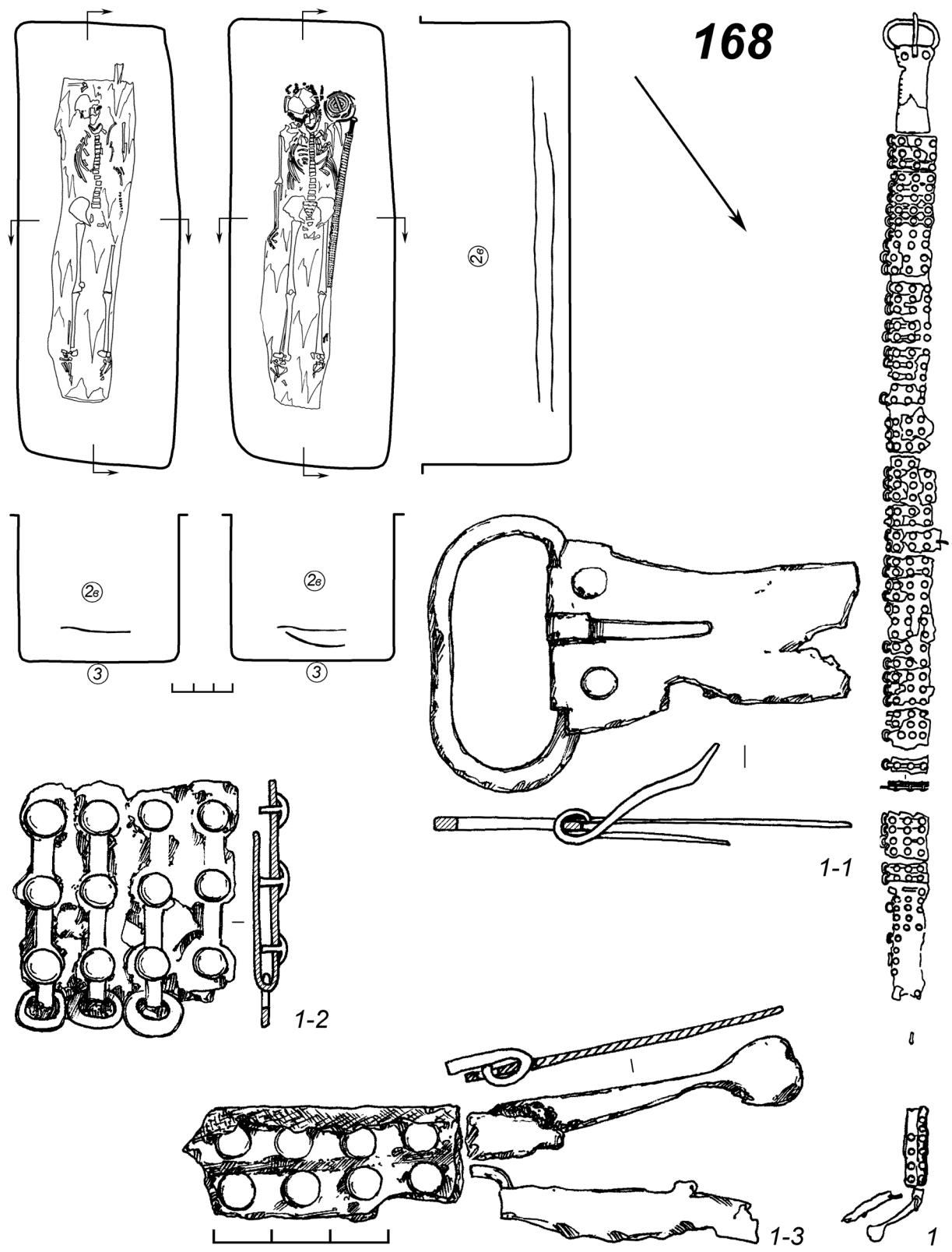

Табл. 113. Погребение 168: 1 – поясной набор (железо, бронза): 1-1 – пряжка,
1-2 – накладки, 1-3 – наконечник ремня

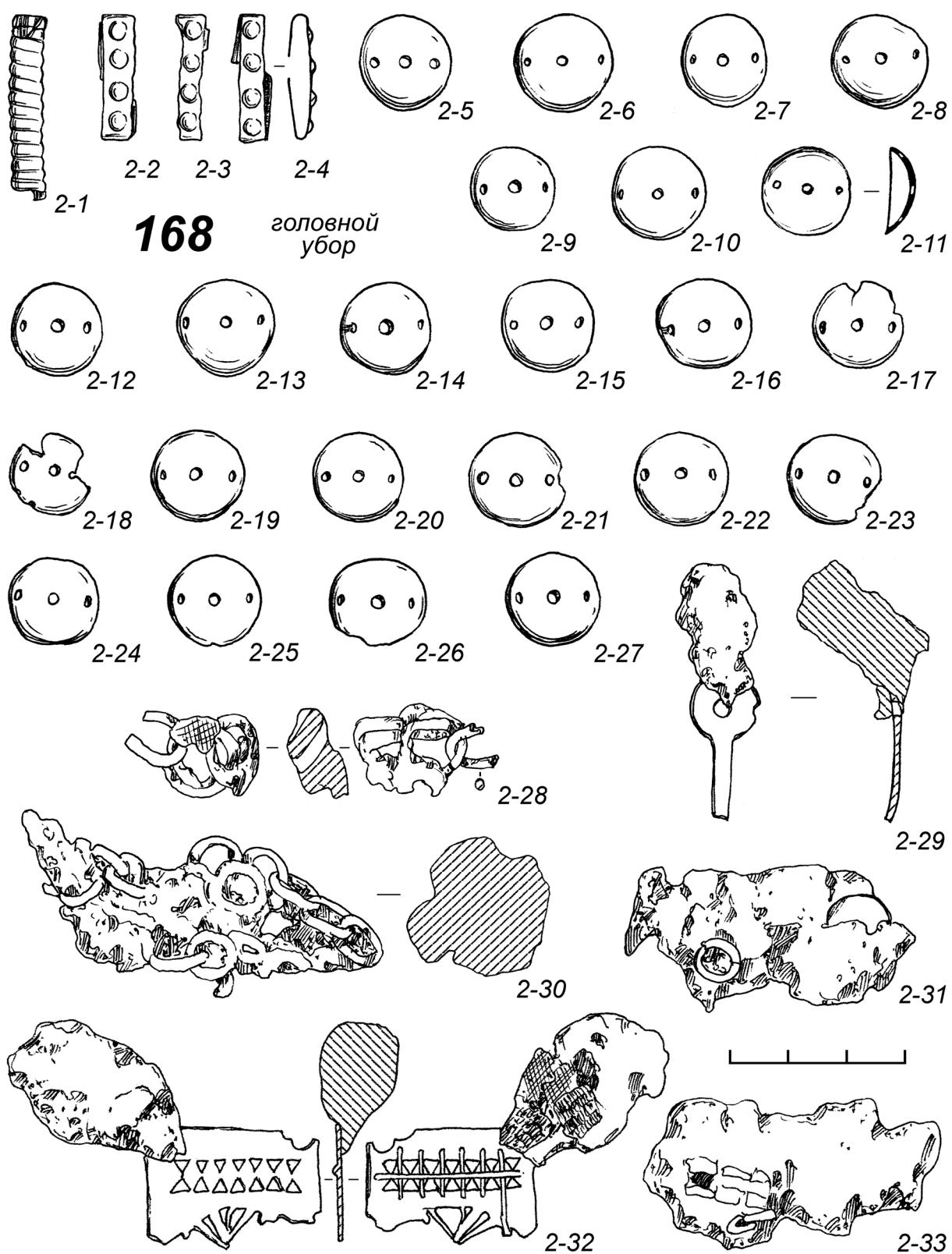

Табл. 114. Погребение 168 (продолжение): 2 – головной убор: 2-1 – пронизка (бронза),
 2-2–4 – накладки-обоймы (бронза), 2-5–27 – бляшки-накладки (бронза),
 2-28–33 – железный предмет кольчужного плетения, спекшийся с бронзовыми
 подвеской (2-29) и накладкой (2-32)

168

Ж.К.

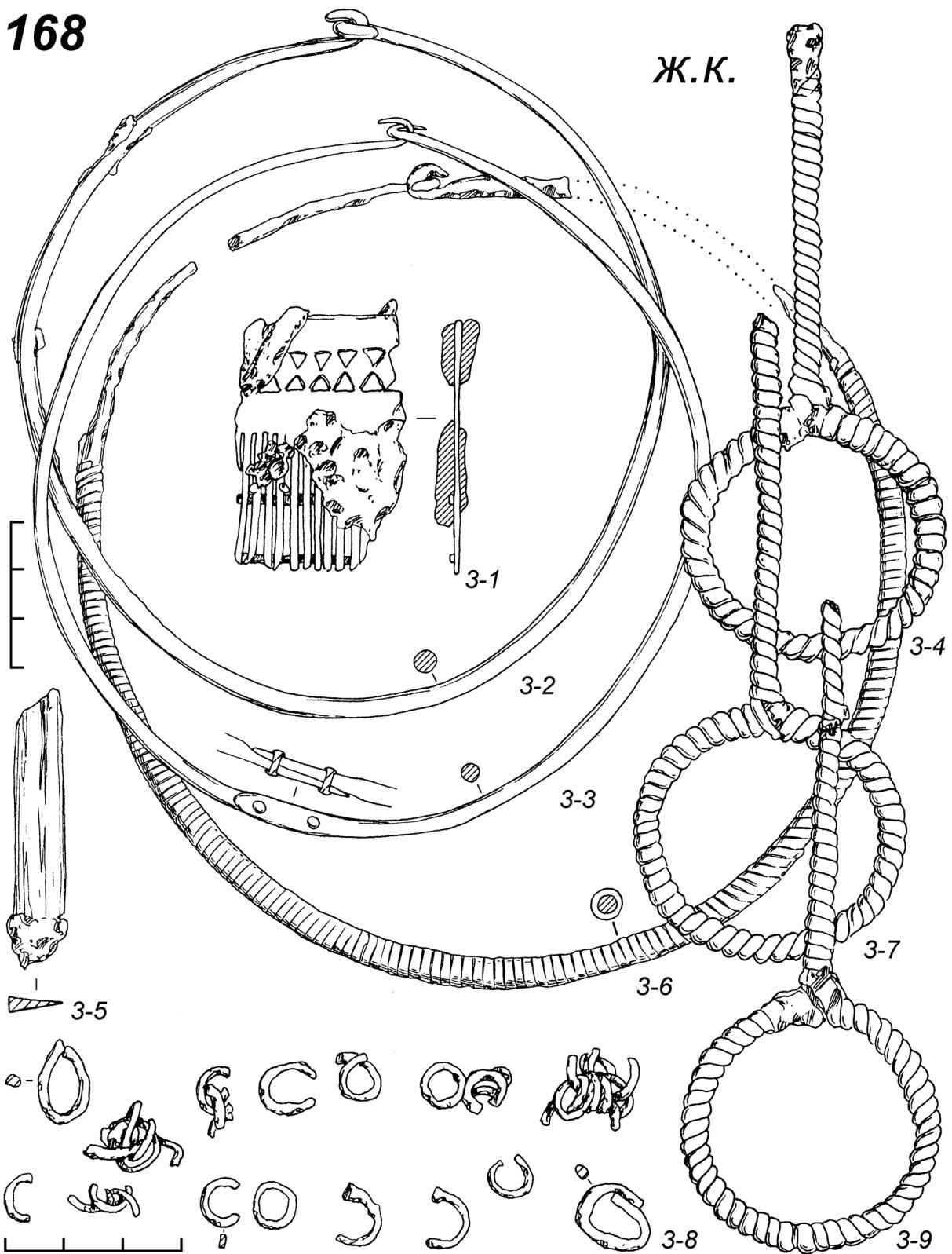

Табл. 115. Погребение 168 (продолжение): 3 – скопление вещей (ЖК): 3-1 – накладка (бронза), 3-2, 3, 6 – гривны (3-2, 3 – бронза, 3-6 – железо, бронза), 3-4, 7, 9 – височные подвески (железо, бронза), 3-5 – нож (железо, дерево), 3-8 – фрагменты предмета кольчужного плетения (железо)

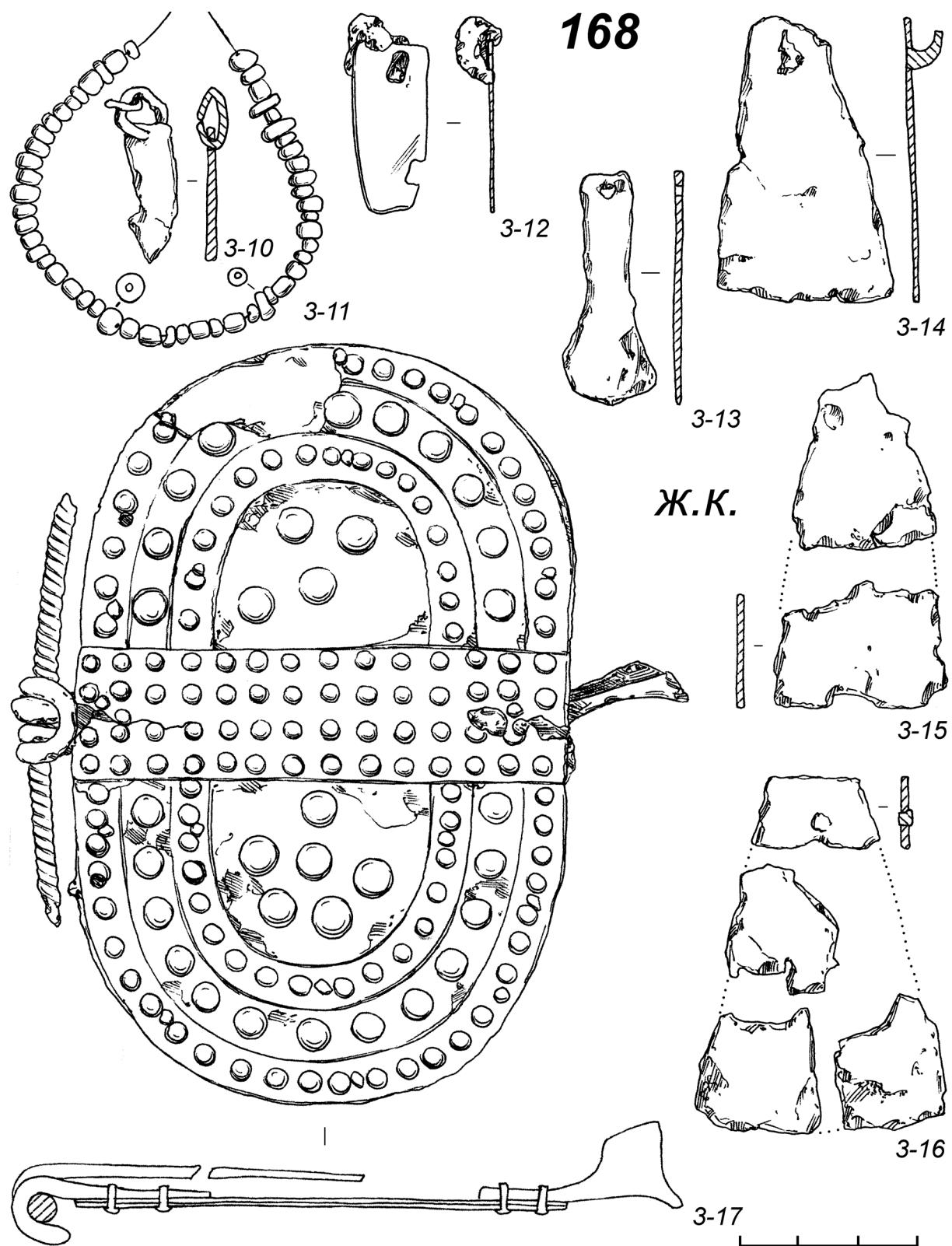
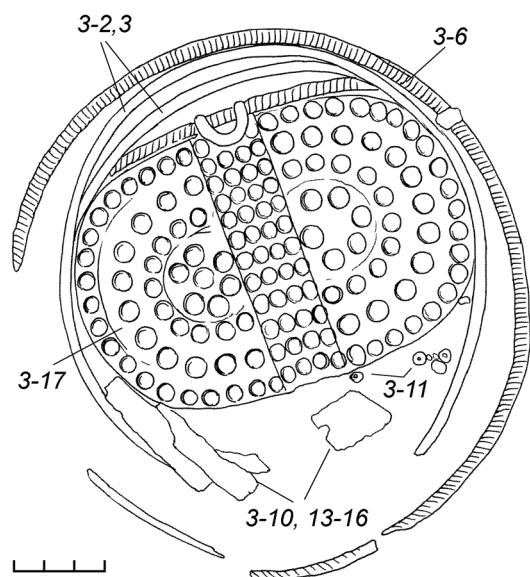

Табл. 116. Погребение 168 (продолжение): 3 – скопление вещей (ЖК):
3–10, 3–12–16 – подвески (3–12 – бронза, 3–10, 13–16 – железо), 3–11 – бисер (стекло),
3–17 – фибула (железо, бронза)

168

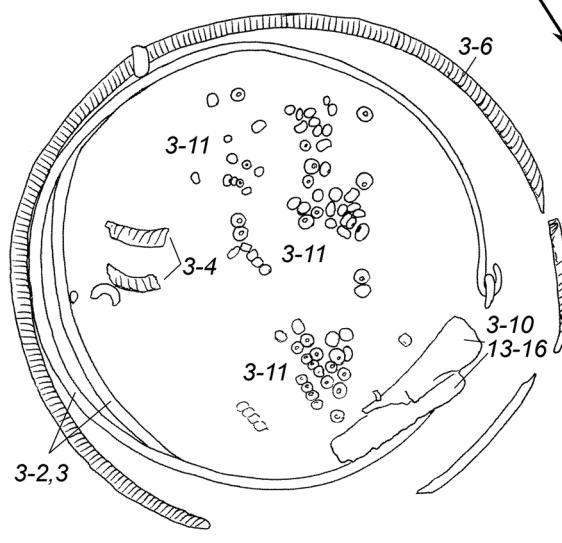
Ж.К.

уровень -105-107 см

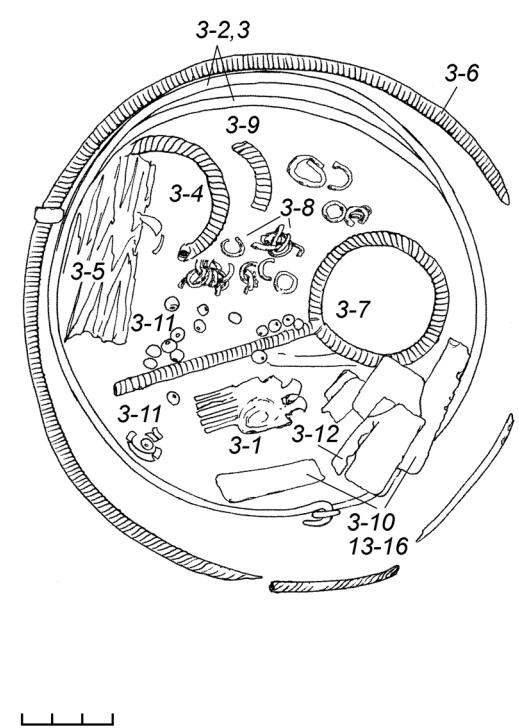
Ж.К.

уровень -107-110 см

Ж.К.

уровень -110-114 см

головной убор

уровень -102-112 см

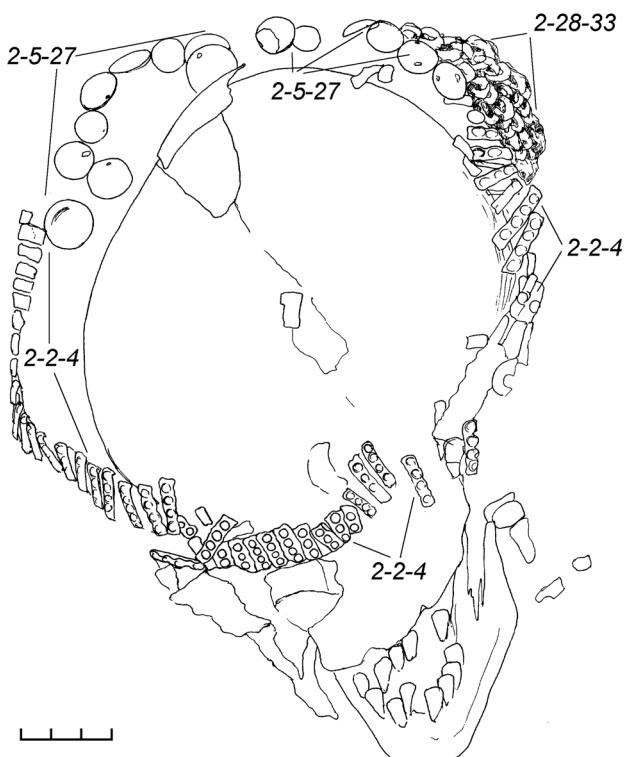
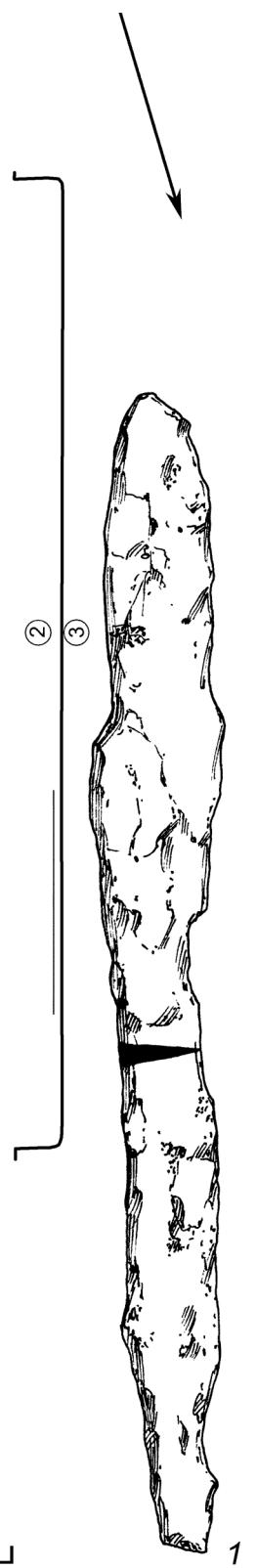
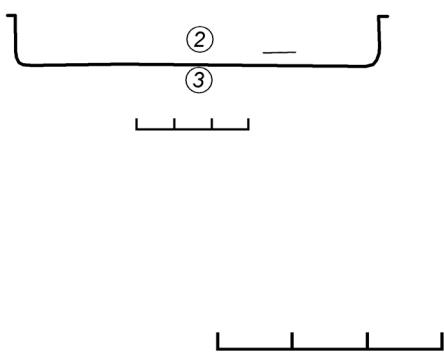
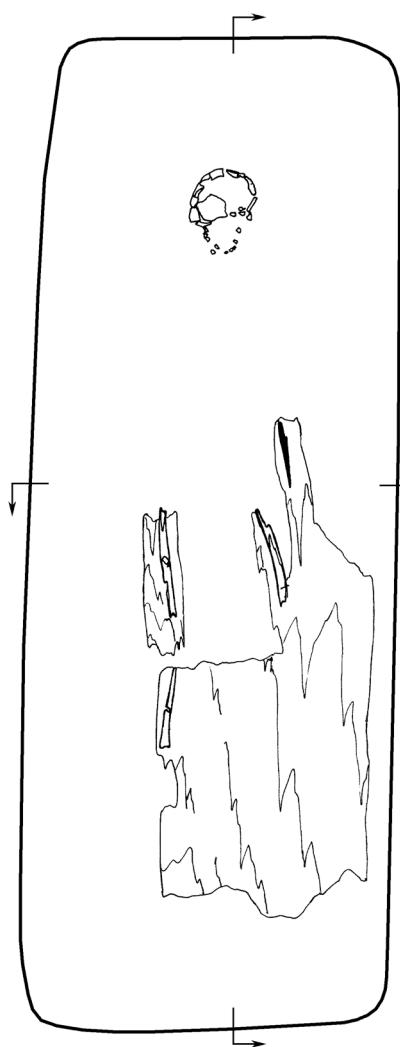

Табл. 117. Погребение 168 (продолжение).

2 – головной убор *in situ*: 2–2–4 – накладки-обоймы, 2–5–27 – бляшки-накладки, 2–28–33 – предмет кольчужного плетения;

3 – скопление вещей (ЖК) *in situ*: 3–1 – накладка, 3–2, 3, 6 – гривны, 3–4, 7, 9 – височные подвески, 3–5 – нож, 3–8 – фрагменты предмета кольчужного плетения, 3–10, 12–16 – подвески, 3–11 – бисер, 3–17 – фибула

170

172

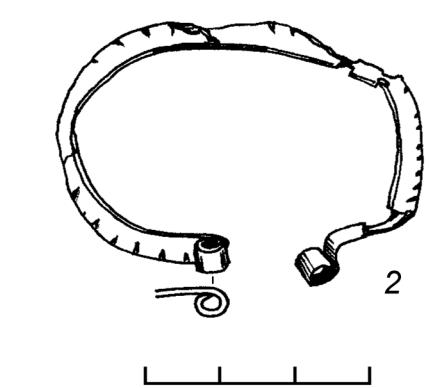
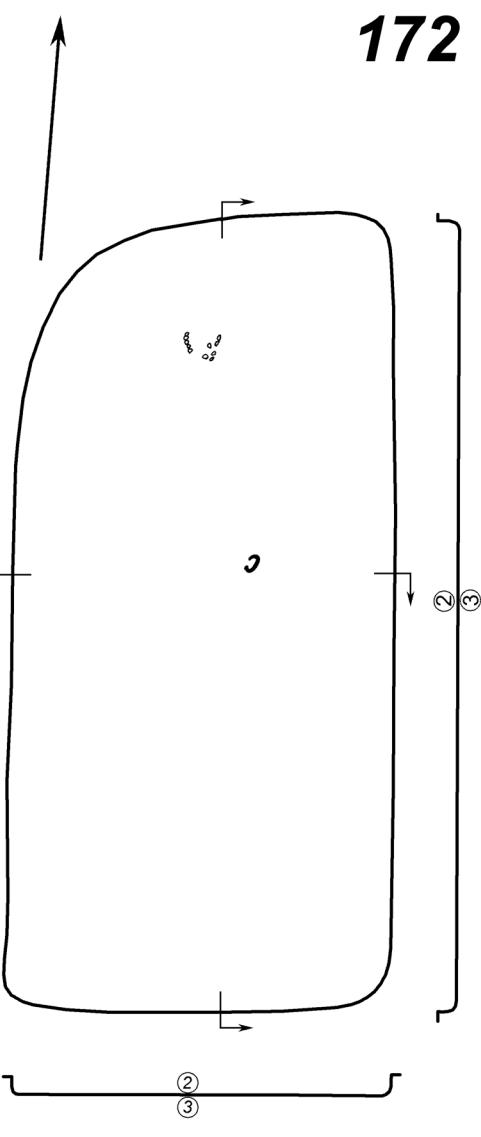
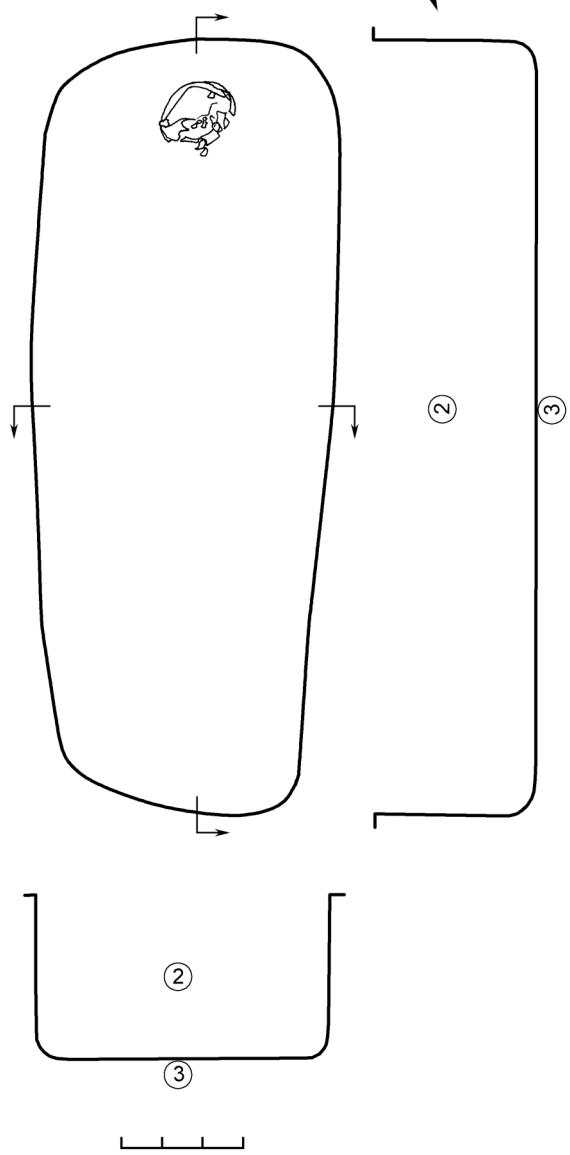

Табл. 118. Погребение 170: 1 – железный нож.
Погребение 172: 2 – бронзовая сюльгама

173

174

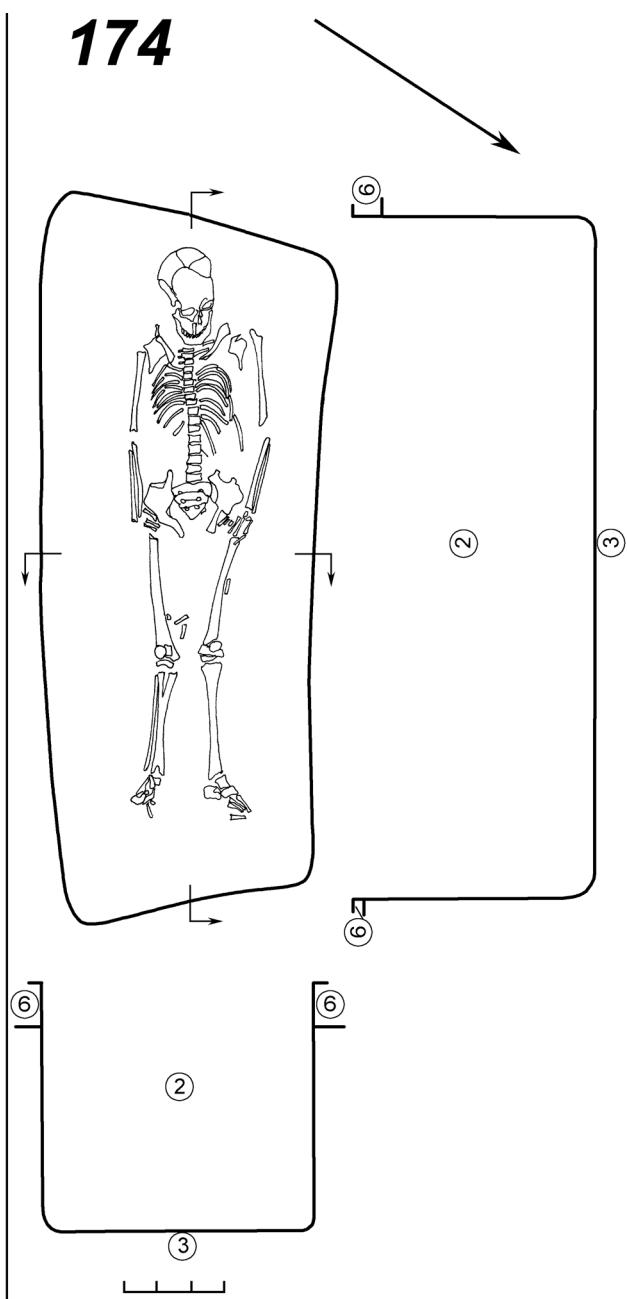

Табл. 119. Безынвентарные погребения 173, 174

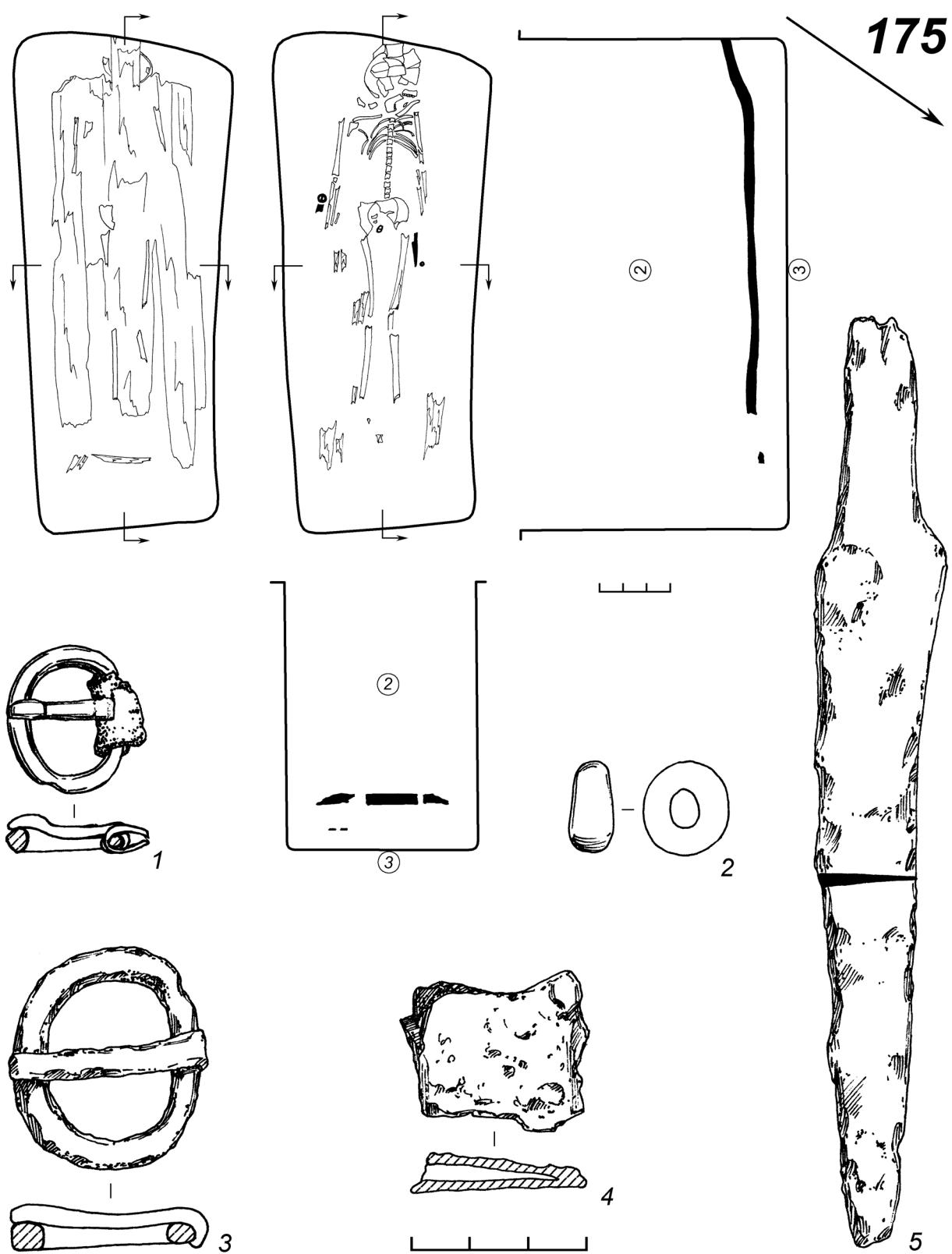

Табл. 120. Погребение 175: 1, 3 – пряжки (1 – бронза, кожа; 3 – железо),
2 – бусина (стекло), 4 – наконечник ремня (железо), 5 – нож (железо)

176

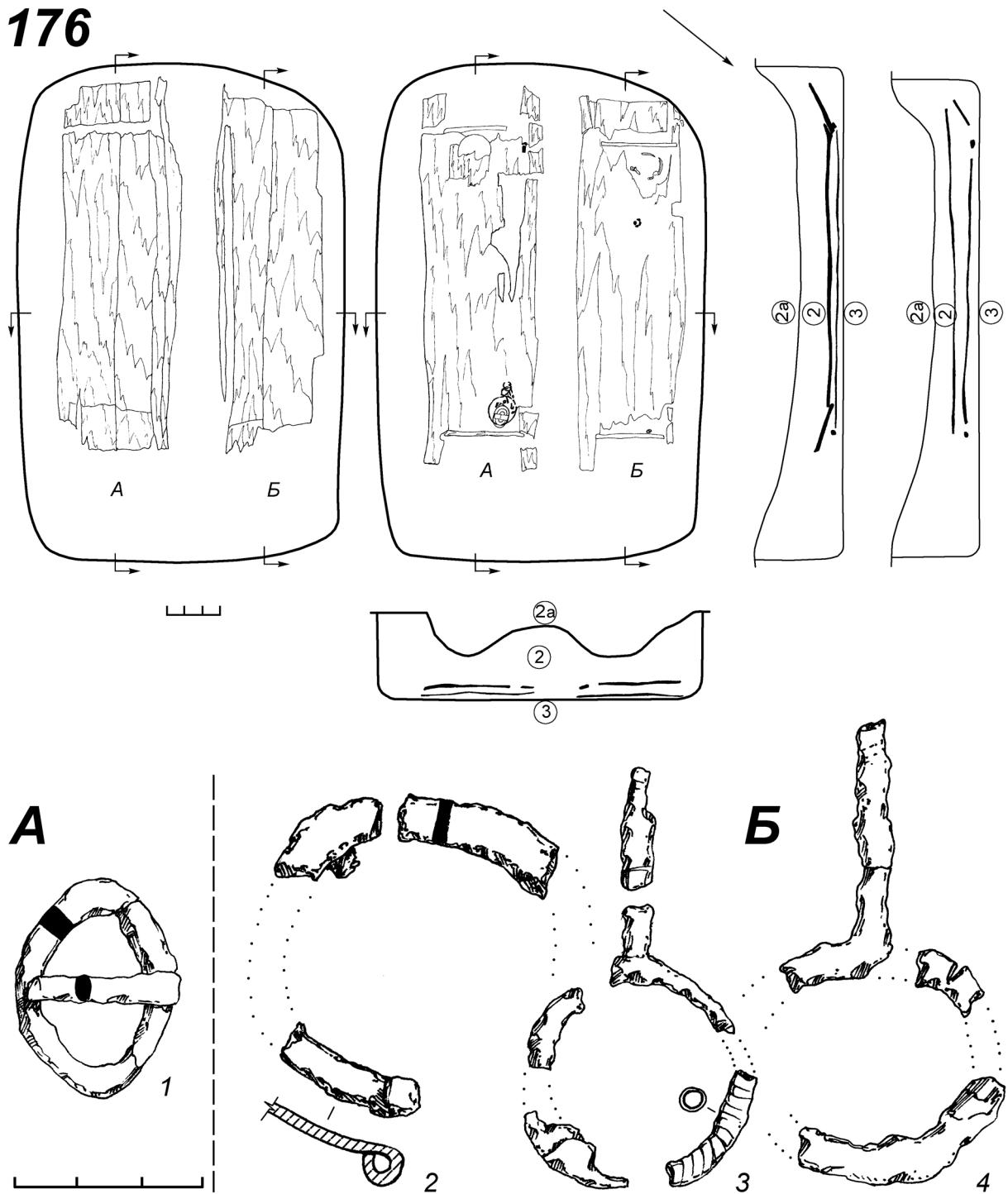

Табл. 121. Погребение 176. А: 1 – железная пряжка.

Б: 2 – сюльгама (железо), 3, 4 – височные подвески (железо, бронза)

176 А

Ж.К.

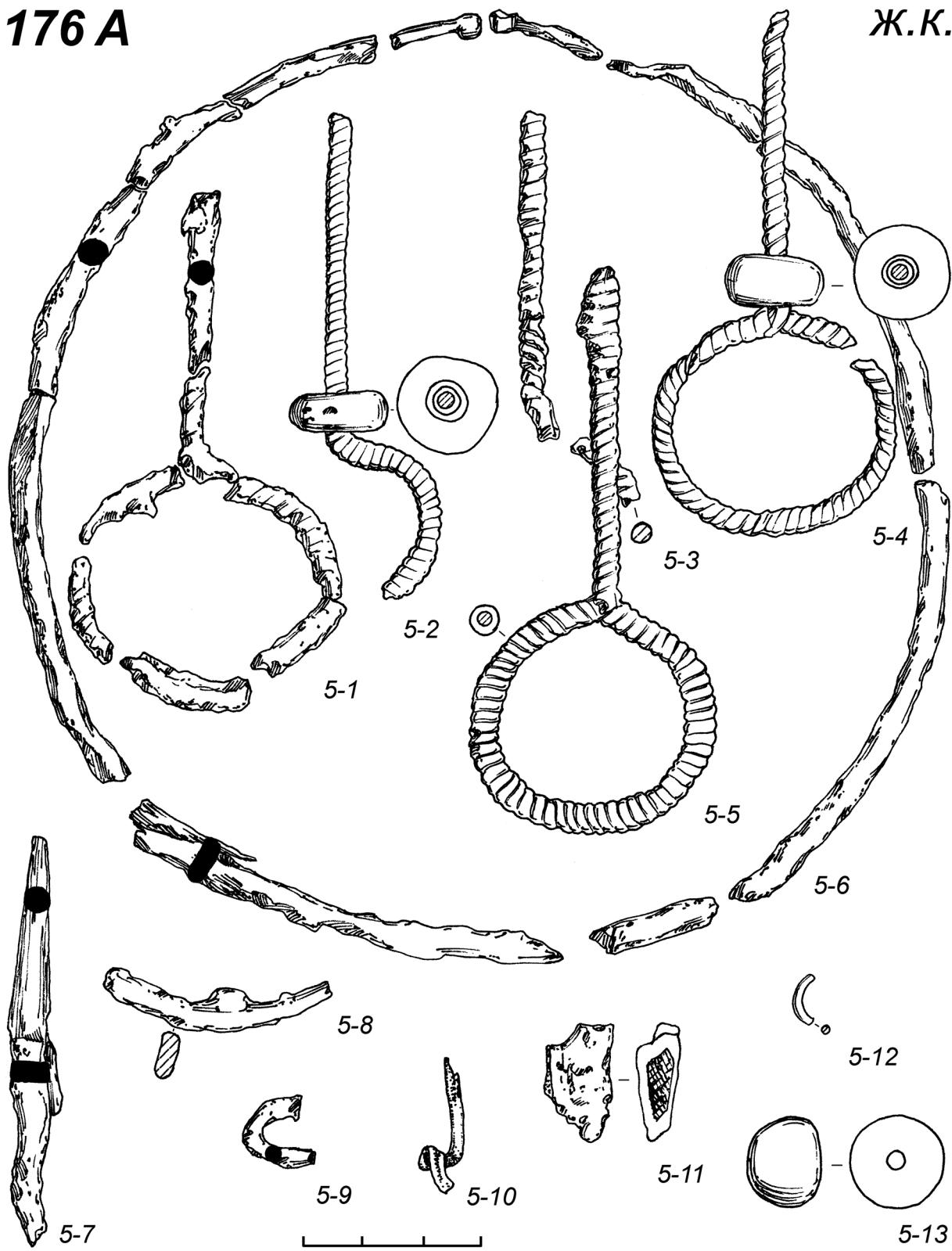
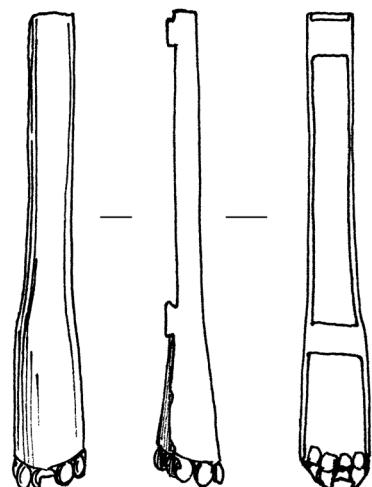

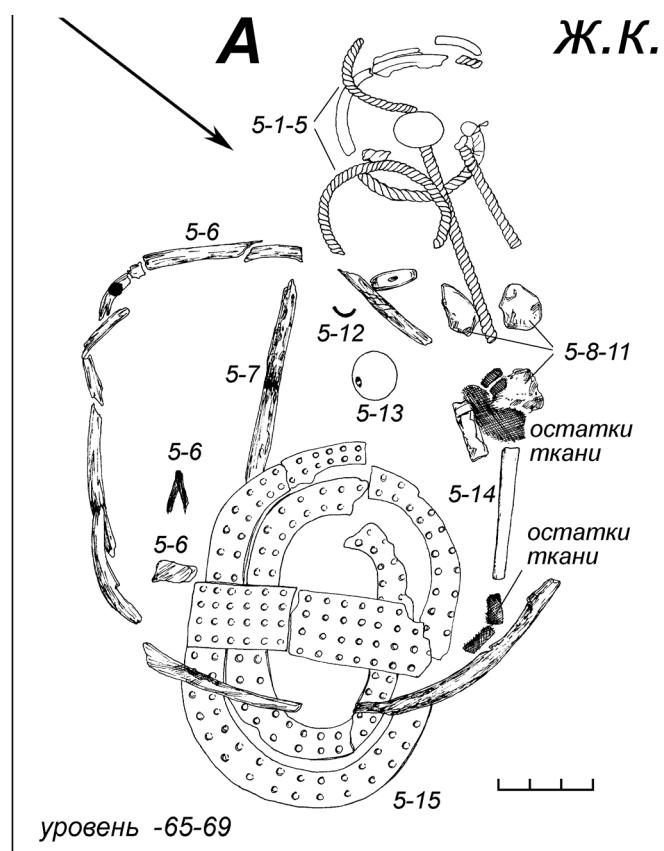
Табл. 122. Погребение 176. А: 5 – скопление вещей (ЖК): 5–1–5 – височные подвески с бусинами (железо, бронза, стекло), 5–6 – гривна (железо), 5–7 – шило (железо, дерево), 5–8–11 – фрагменты железных вещей, 5–12 – фрагмент бронзовой вещи, 5–13 – бусина (стекло)

176 А

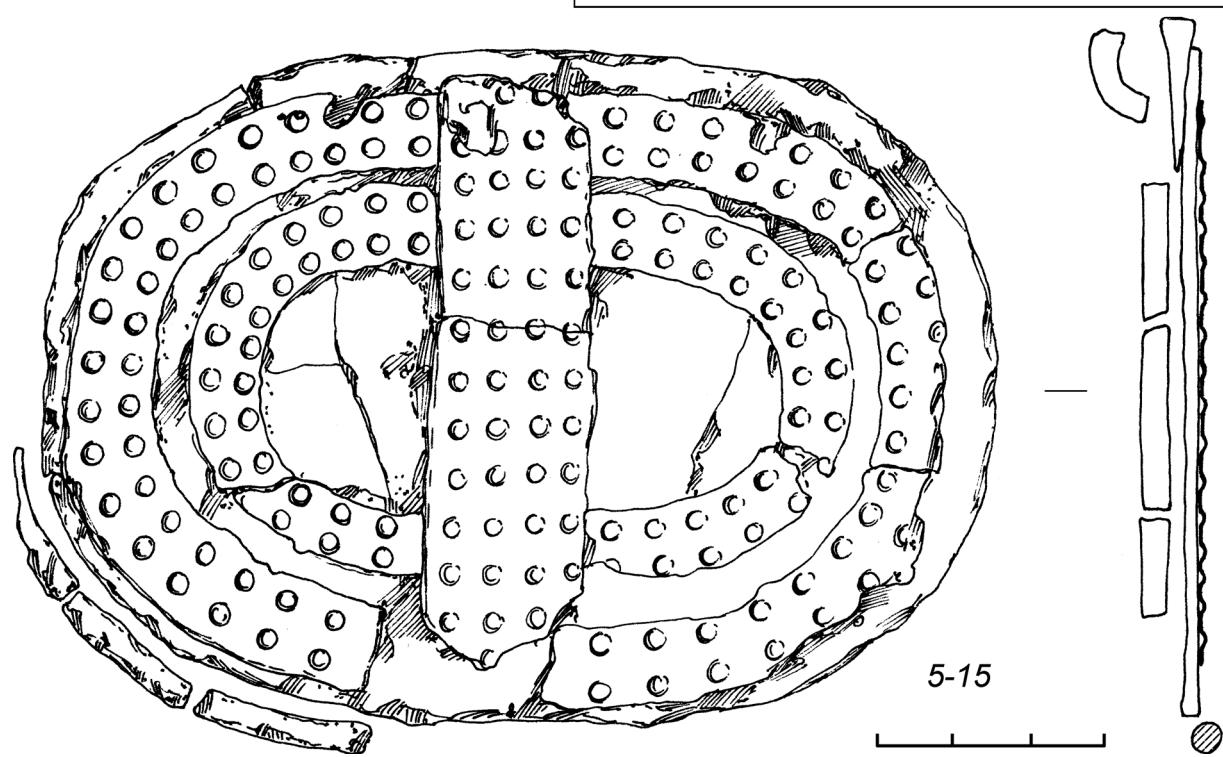
Ж.К.

5-14

уровень -65-69

5-15

Табл. 123. Погребение 176. А (продолжение): 5 – скопление вещей (Ж.К. in situ, прорисовка вещей); 5-14 – пронизка (бронза), 5-15 – фибула (железо, бронза)

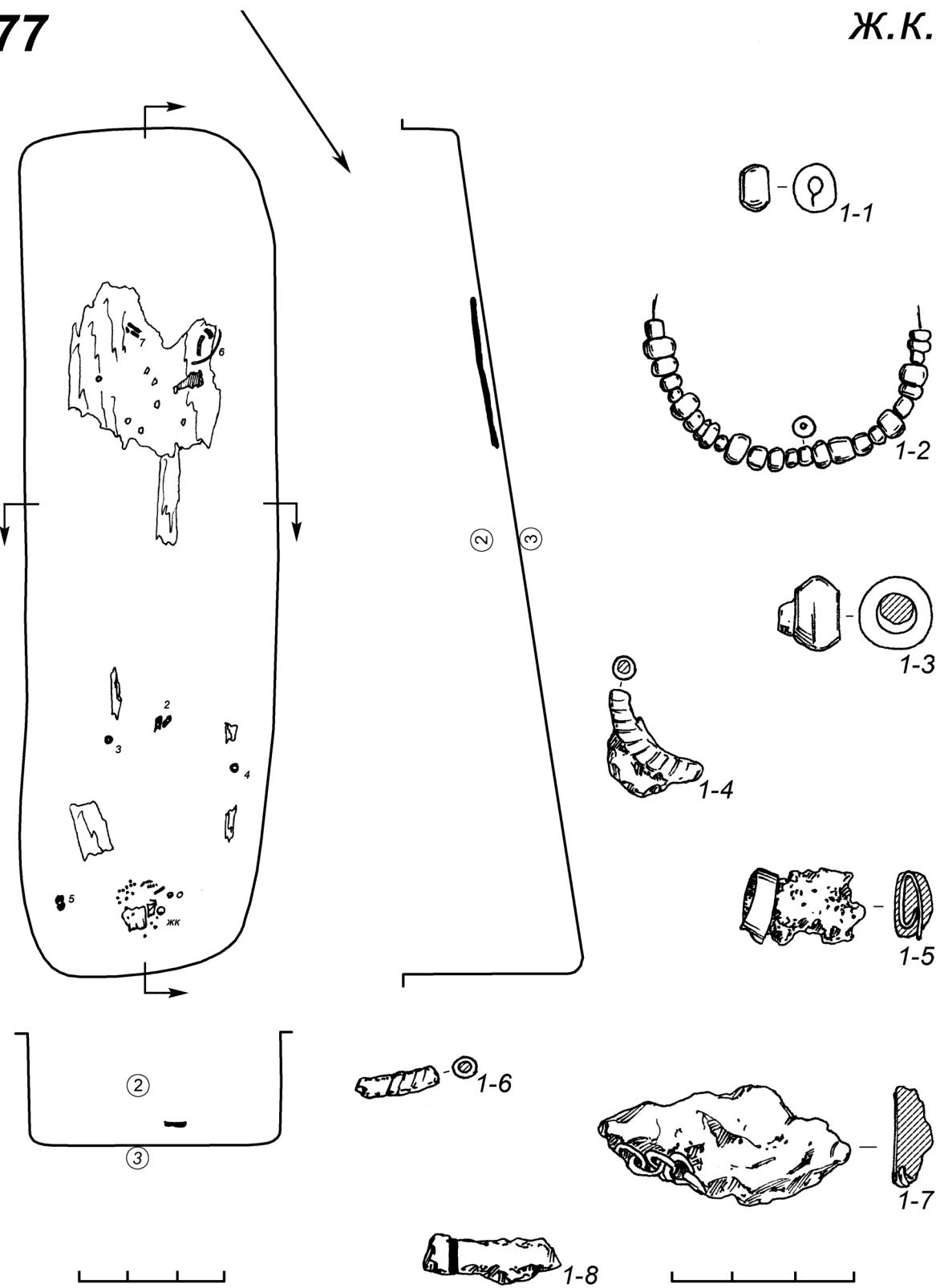

Табл. 124. Погребение 177: 1 – скопление вещей (ЖК); 1–1 – бусина (стекло), 1–2 – бисер (стекло), 1–3 – пронизка (бронза), 1–4 – фрагмент височной подвески (железо, бронза), 1–5 – спекшиеся железная вещь и бронзовая пронизка, 1–6, 8 – фрагменты железных вещей, 1–7 – спекшиеся железная вещь и бронзовая цепочка

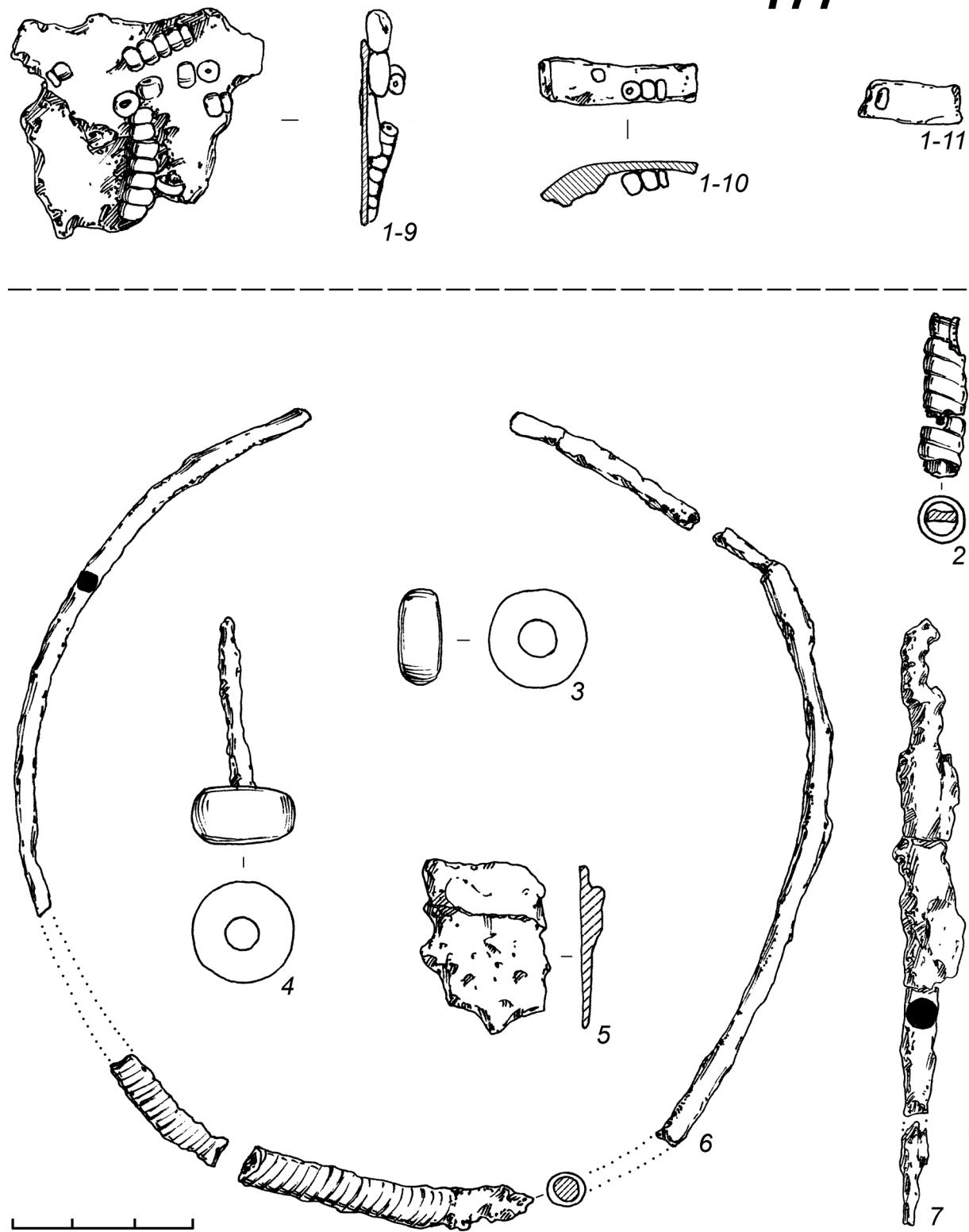

Табл. 125. Погребение 177 (продолжение): 1 – скопление вещей (ЖК); 1–9–11 – спекшиеся железные вещи и стеклянный бисер; 2 – пронизка (бронза), 3, 4 – височные подвески с бусами (железо, стекло), 5 – фрагменты железной вещи, 6 – гравна (железо, бронза), 7 – шило (железо)

178

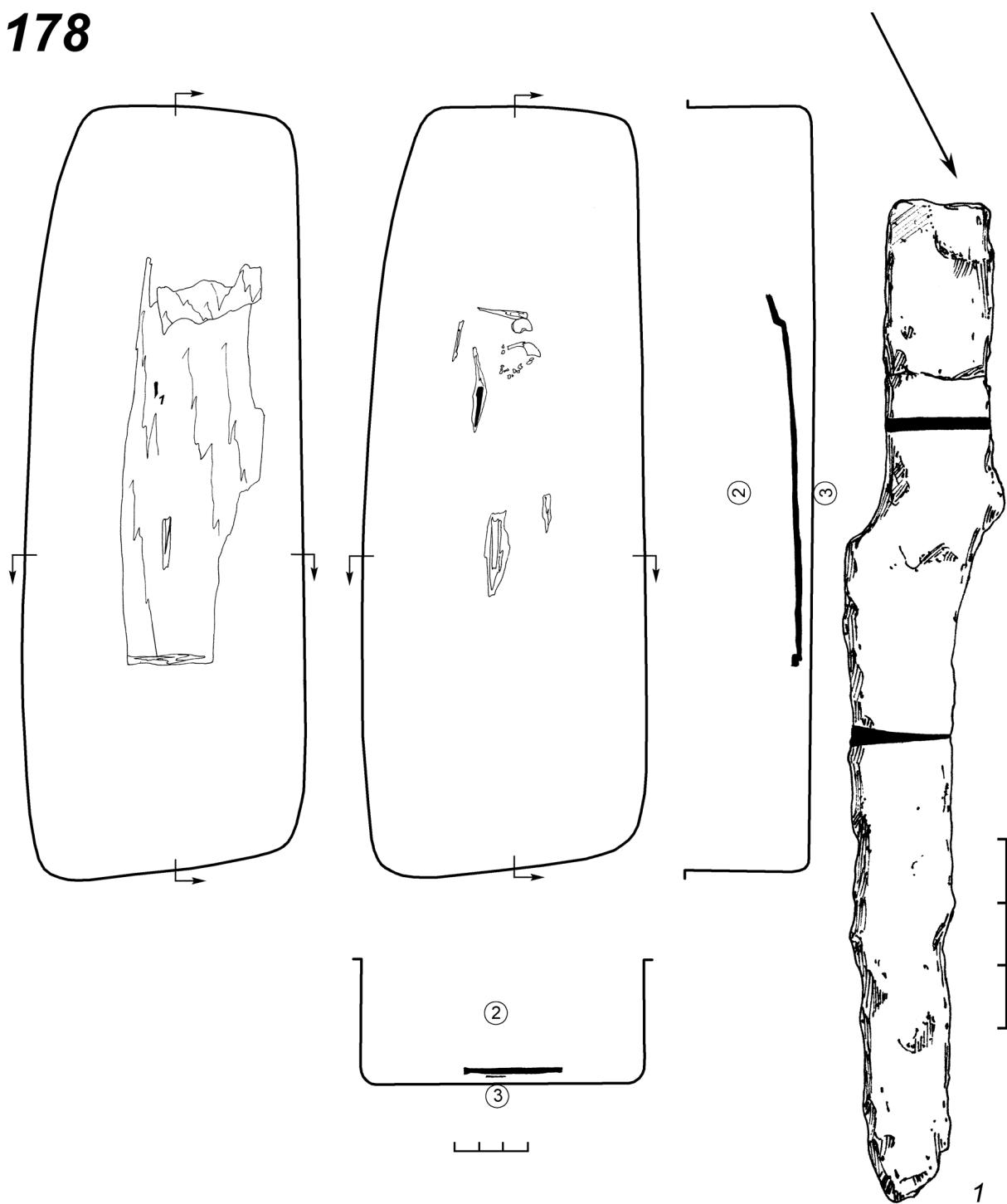
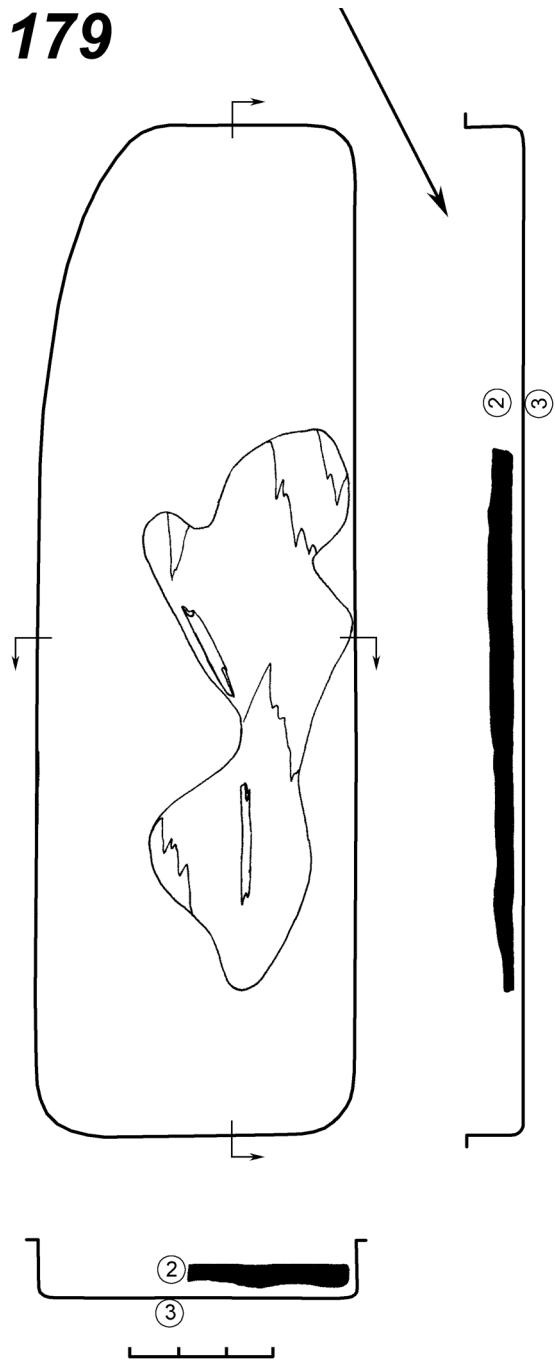

Табл. 126. Погребение 178: 1 – железный нож

179

180

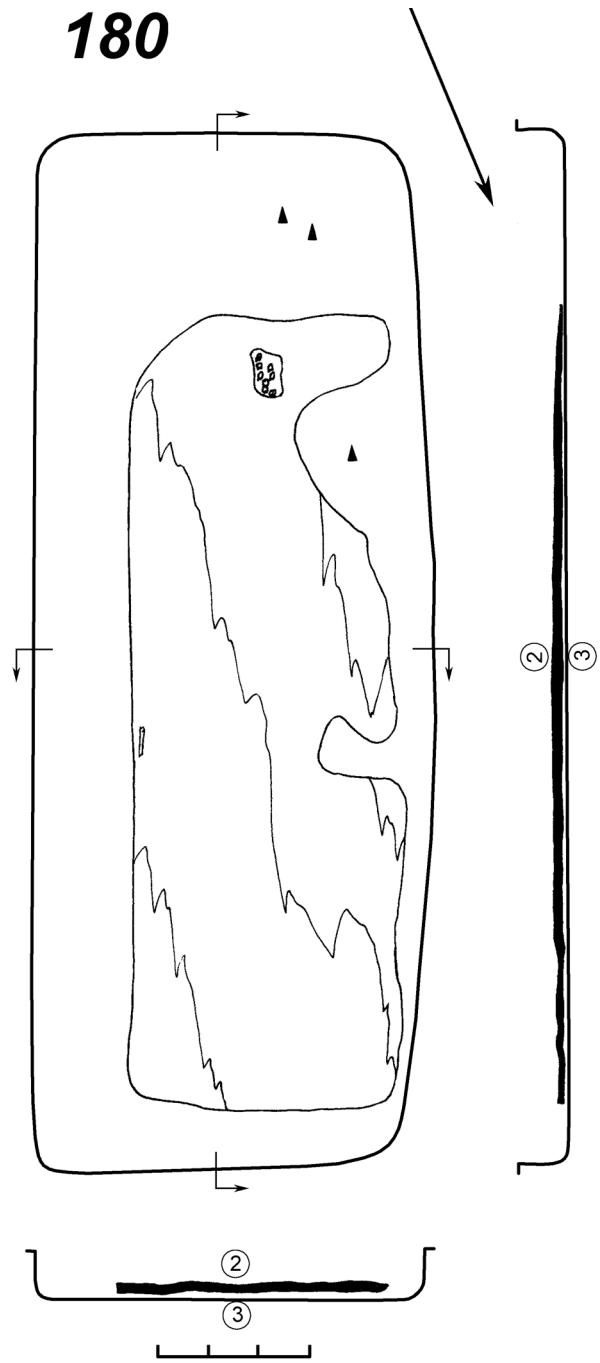
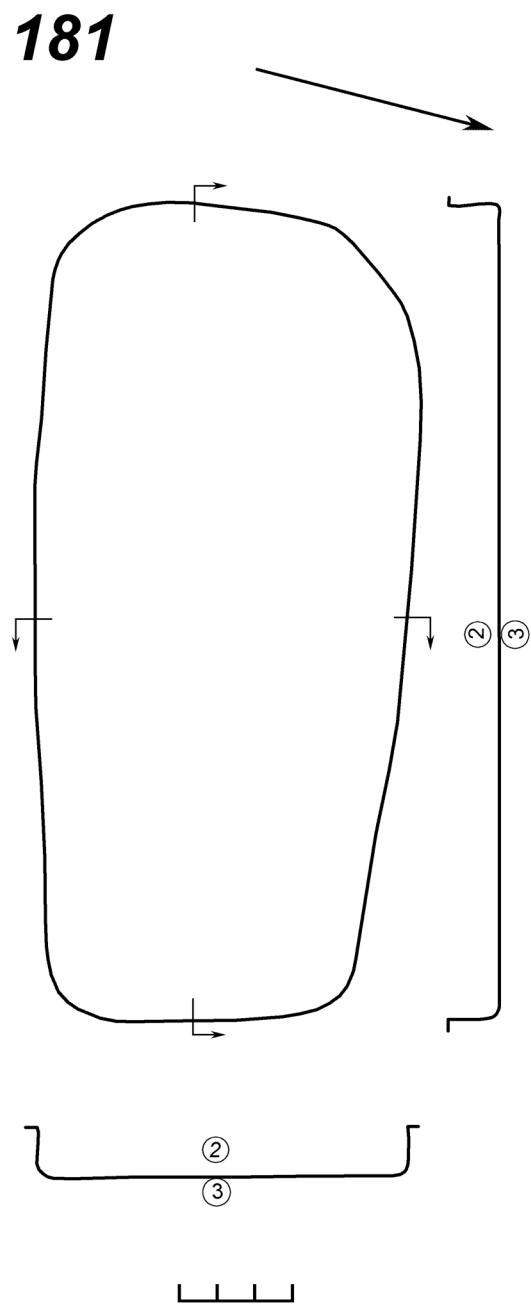

Табл. 127. Безынвентарные погребения 179, 180

181

182

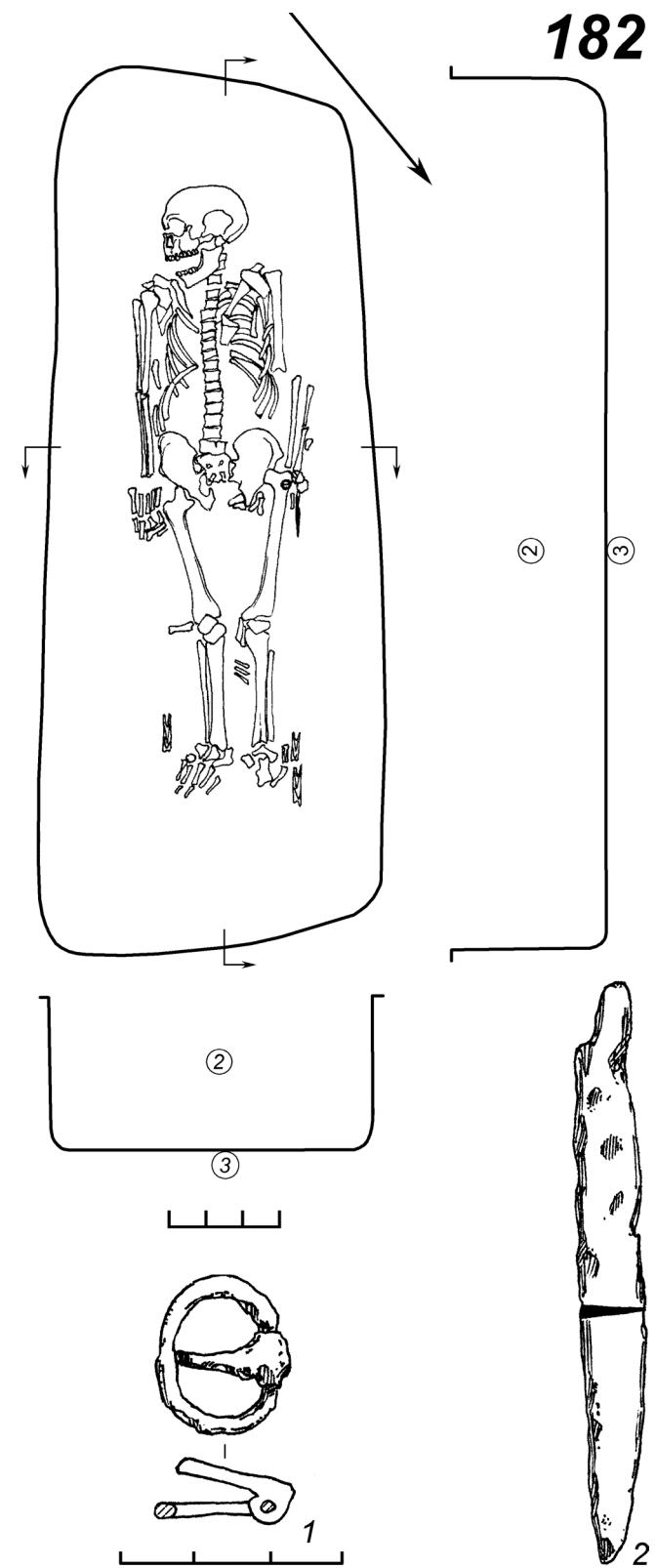

Табл. 128. Безынвентарное погребение 181.
Погребение 182: 1 – пряжка (железо), 2 – нож (железо)

183

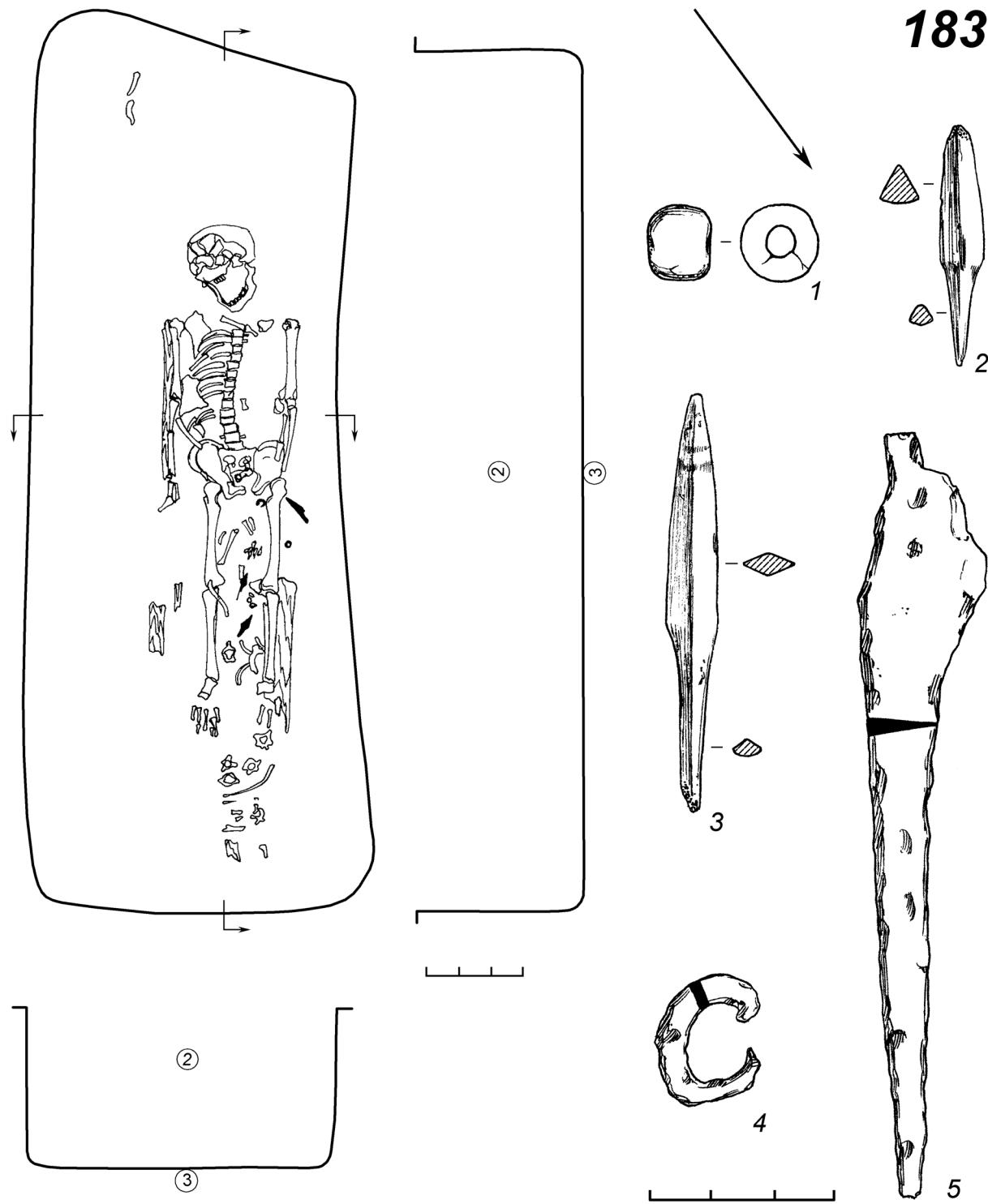

Табл. 129. Погребение 183: 1 – бусина (стекло), 2, 3 – наконечники стрел (кость),
4 – пряжка (железо), 5 – нож (железо)

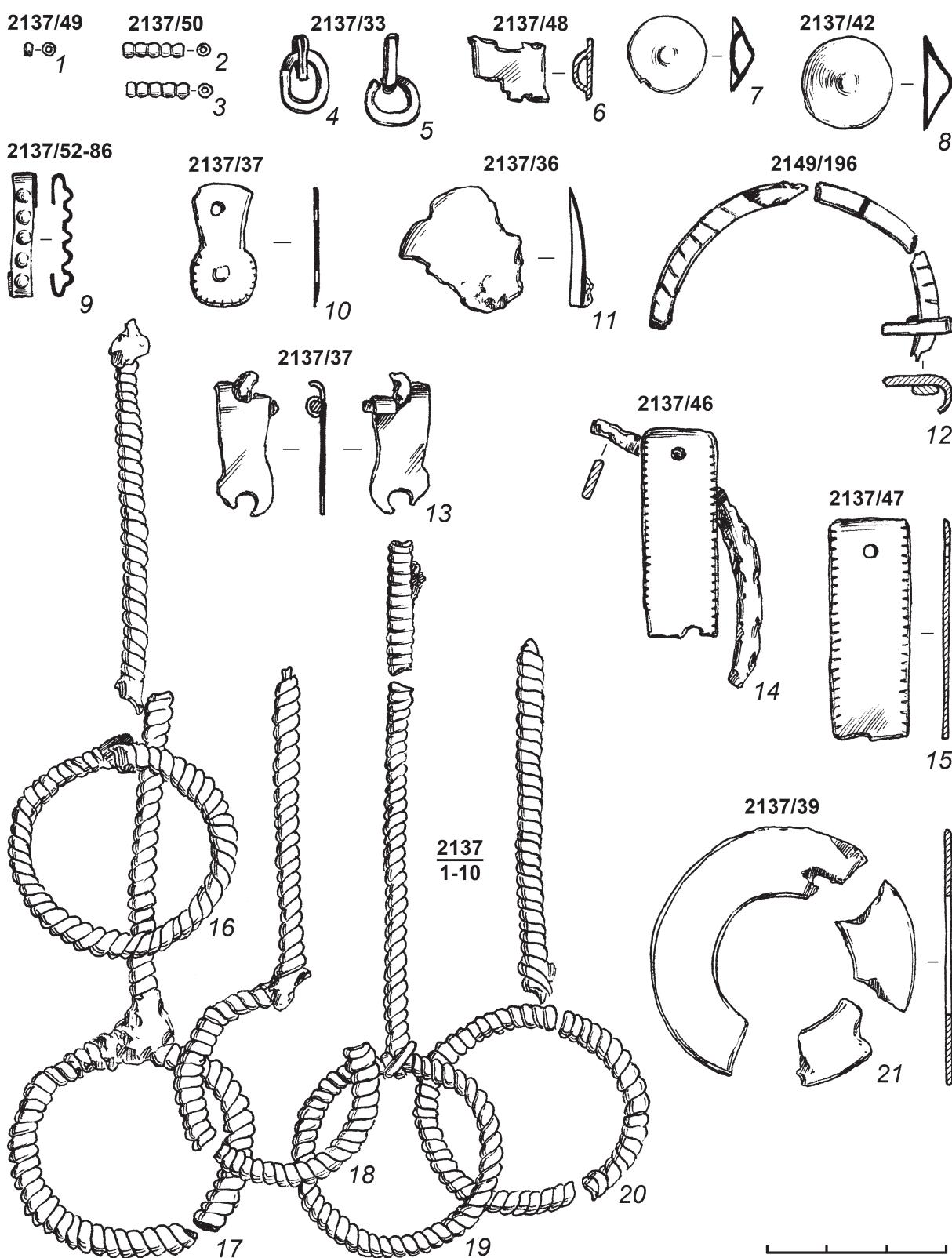

Табл. 130. Сбор с поверхности: 1–3 – бисер (стекло), 4, 5 – звенья цепочки (бронза), 6–8 – бляшки-накладки (бронза), 9 – накладки-обоймы (бронза), 10, 14, 15 – бронзовые накладки с фрагментом железной вещи (14), 11 – фрагмент накладки? (бронза, железо), 12 – сюльгама (бронза), 13 – подвеска (бронза), 16–20 – височные подвески (железо, бронза), 21 – фрагменты бляхи (бронза)

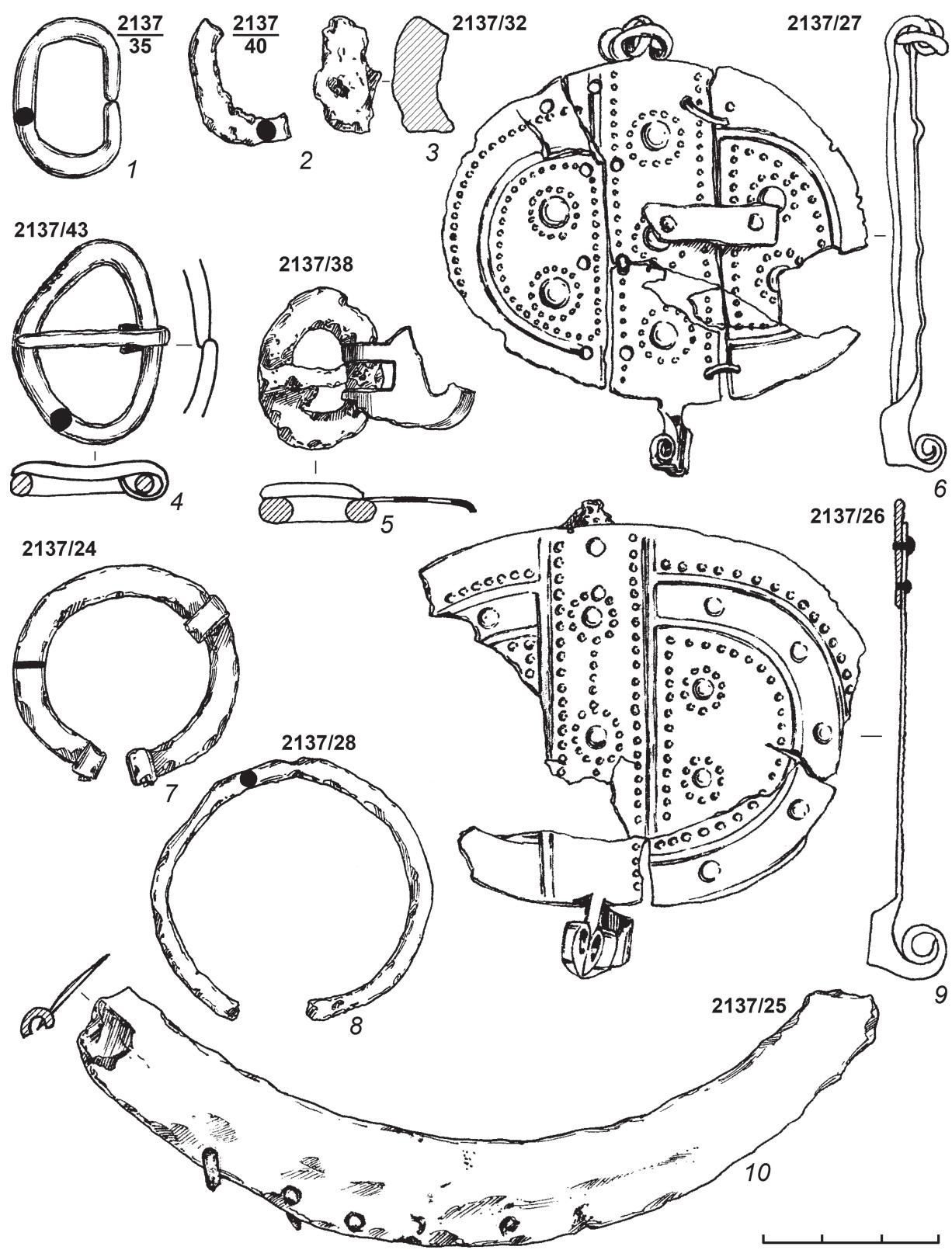

Табл. 131. Сбор с поверхности (продолжение): 1, 2, 4, 5 – пряжки (1, 4 – бронза, 2 – железо, 5 – железо, бронза), 3 – спекшиеся железная и бронзовая вещи, 6, 9 – фибулы (бронза), 7 – сюльгама (железо), 8 – браслет (железо), 10 – гривна (железо)

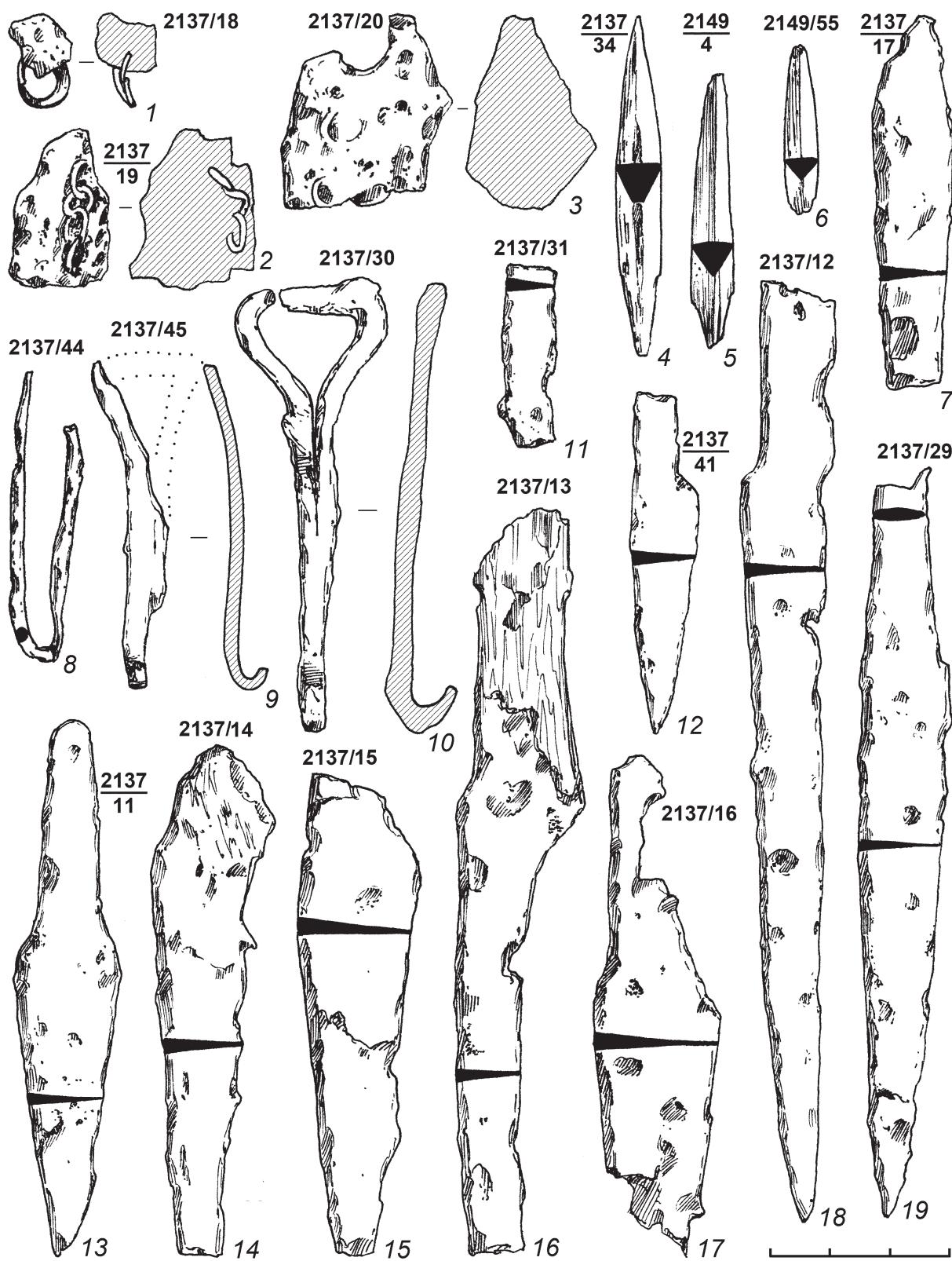

Табл. 132. Сбор с поверхности (продолжение): 1–3 – фрагменты железного предмета кольчужного плетения, спекшегося с бронзовыми колечками и цепочкой,
4–6 – наконечники стрел (кость), 7, 11–19 – ножи (железо),
8 – железный предмет, 9, 10 – колчанные крючки (железо)

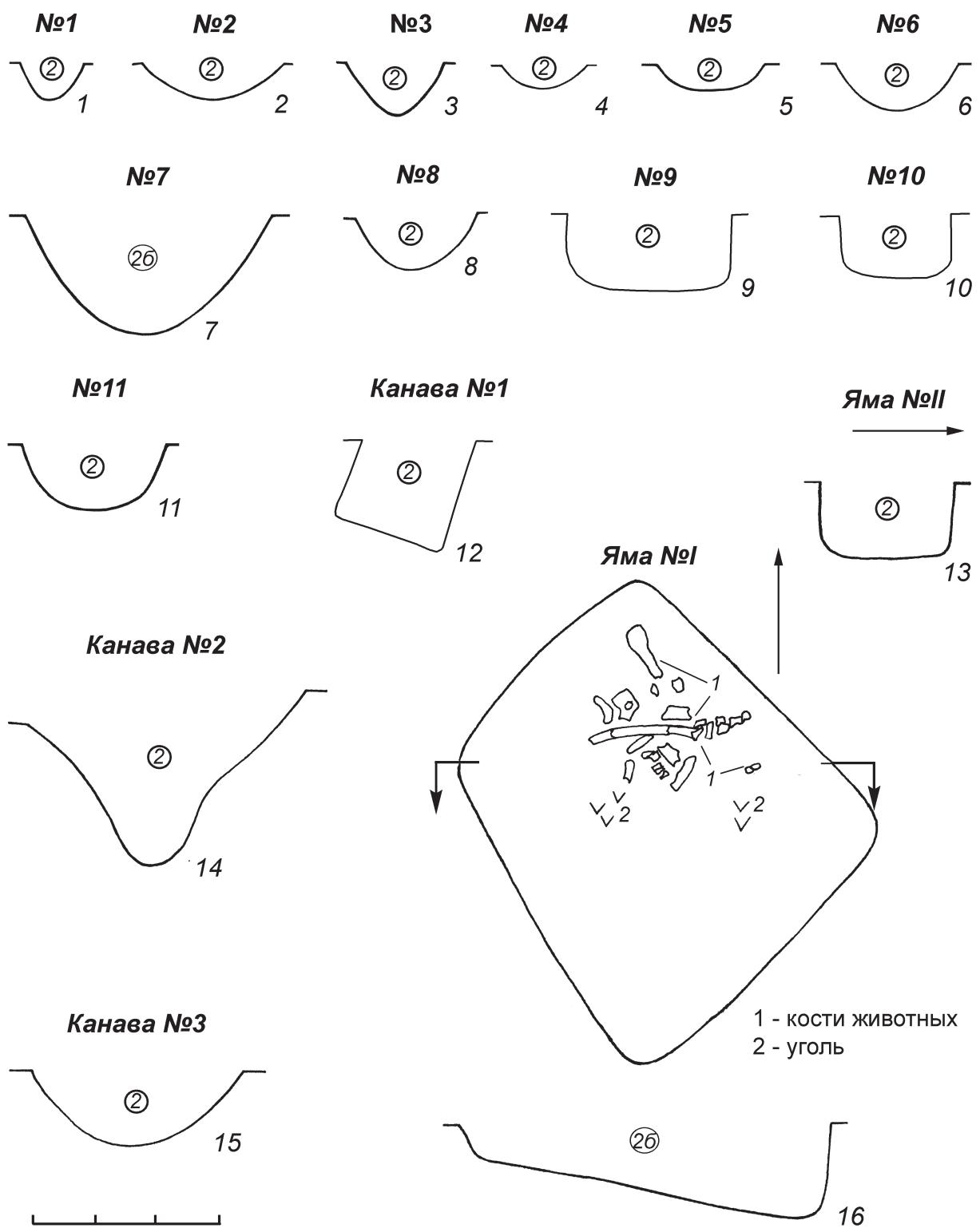

Табл. 133. Планы и профили объектов, зафиксированных на площадке Боярского «Арай» могильника: 1–11 – столбовые ямы, 12, 14, 15 – канавы, 13, 16 – ямы неясного назначения

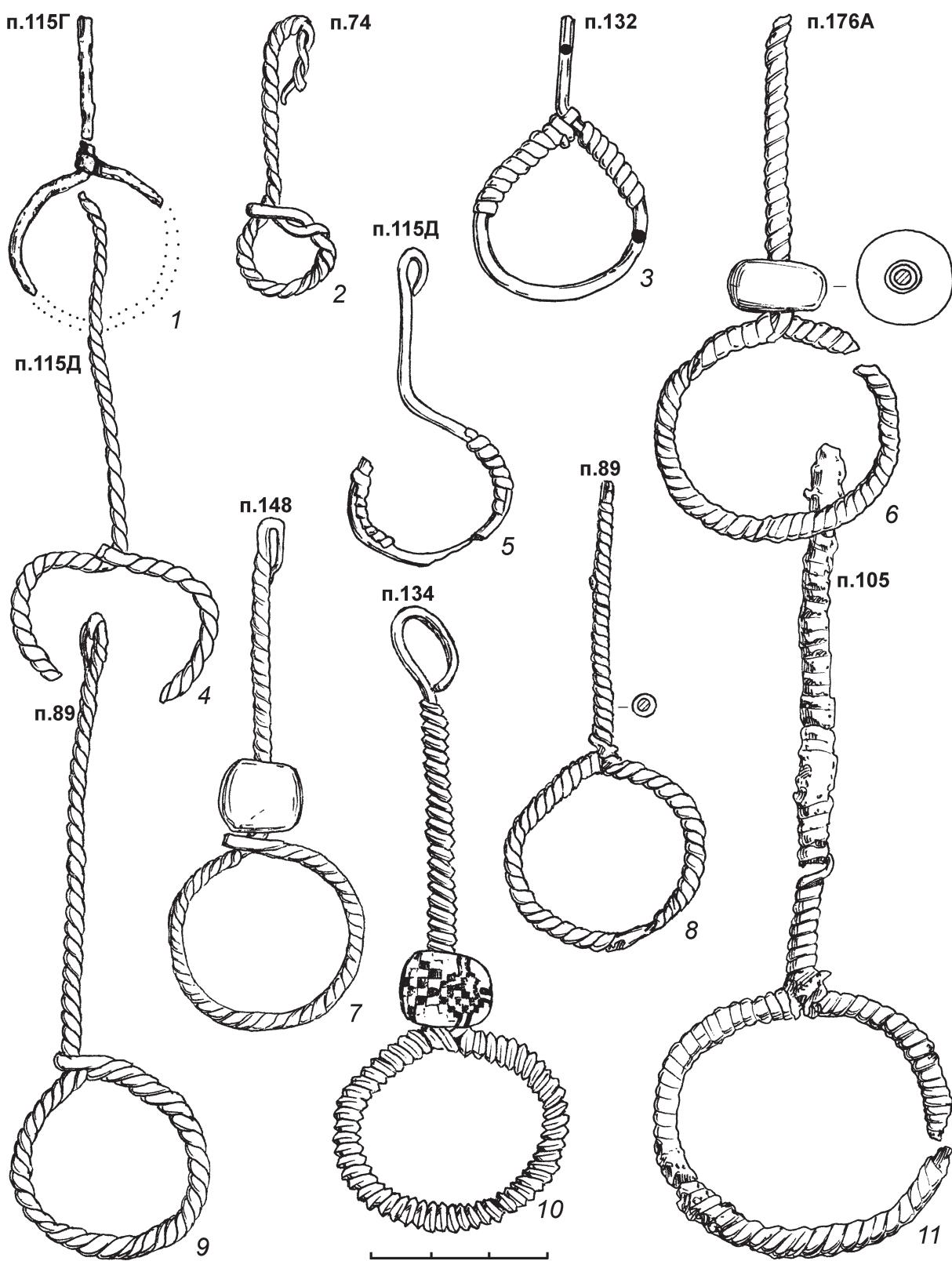

Табл. 134. Височные подвески: 1–5, 7, 9, 10 – бронза,
6, 8, 11 – железо, бронза

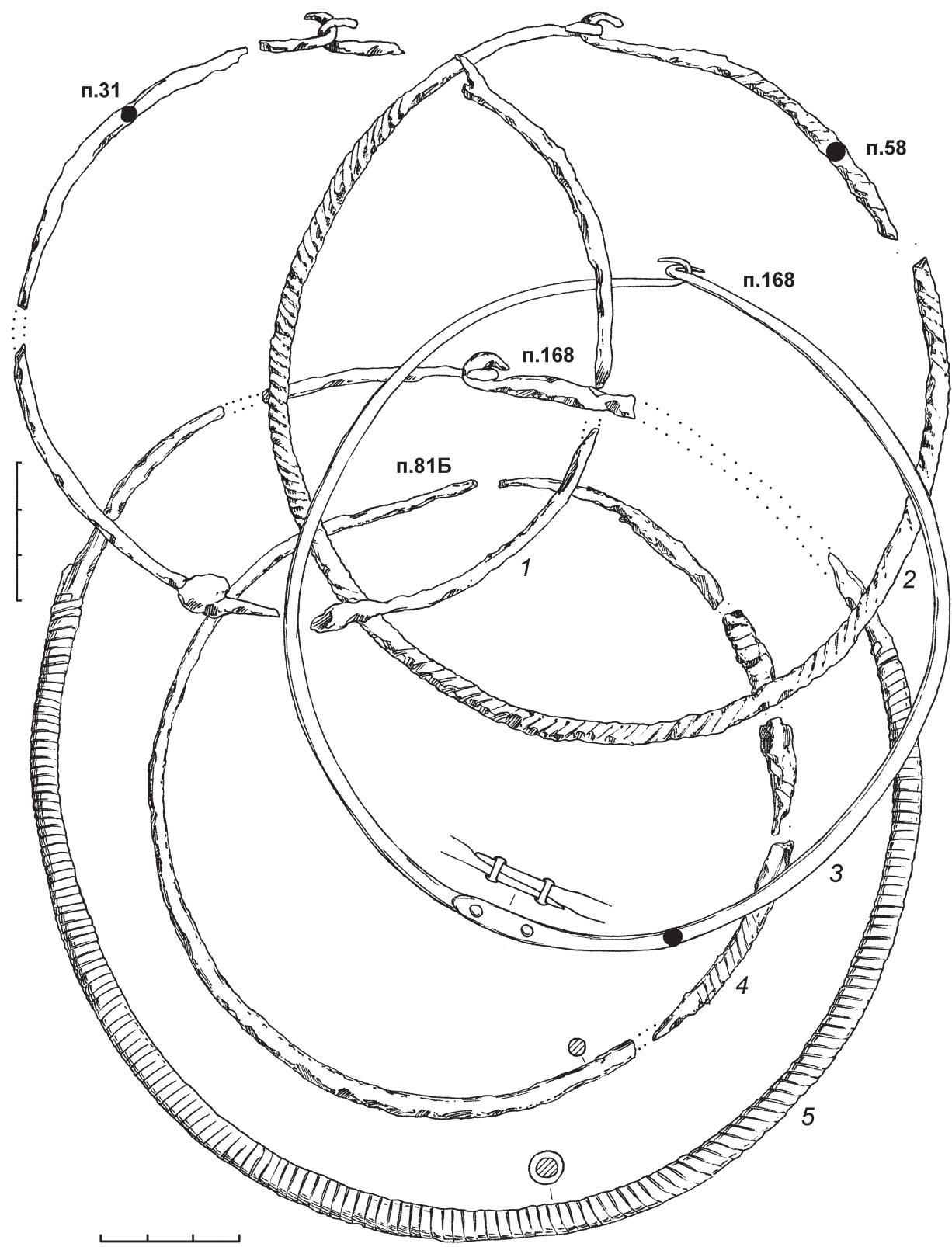

Табл. 135. Грифны: 1, 2 – железо, 3 – бронза, 4, 5 – железо, бронза

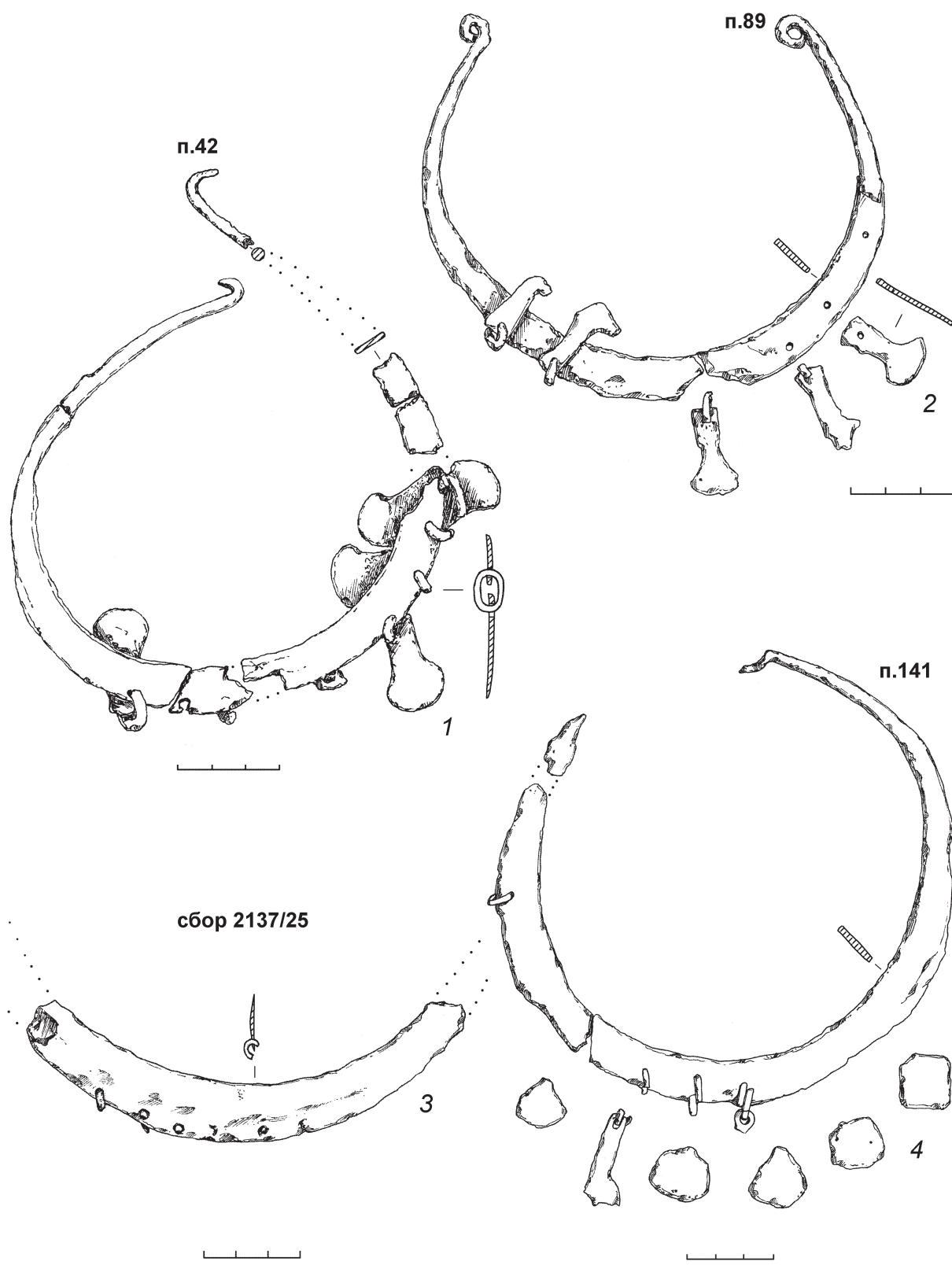

Табл. 136. Гринвы (продолжение): 1–4 – железо

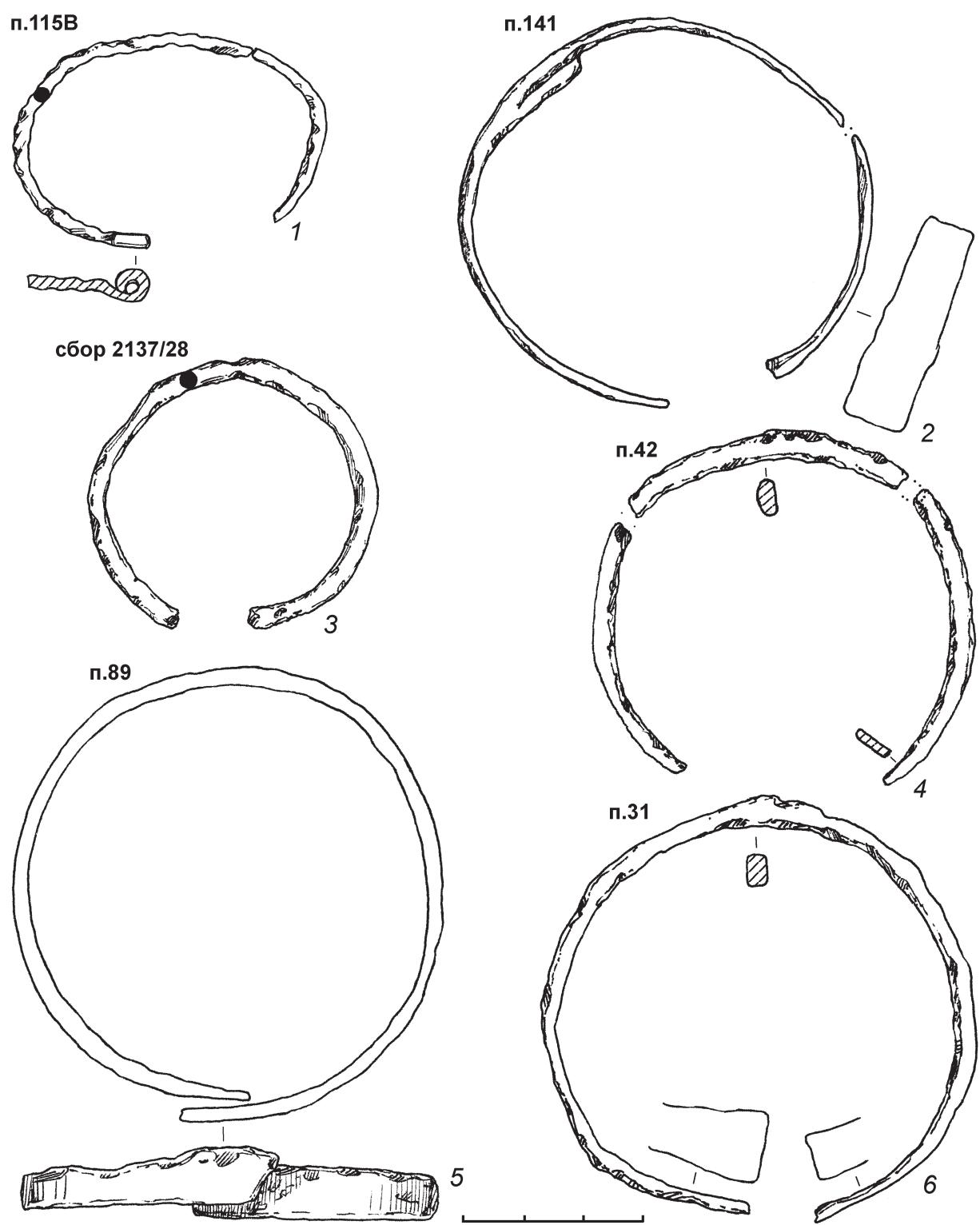

Табл. 137. Браслеты: 1–6 – железо

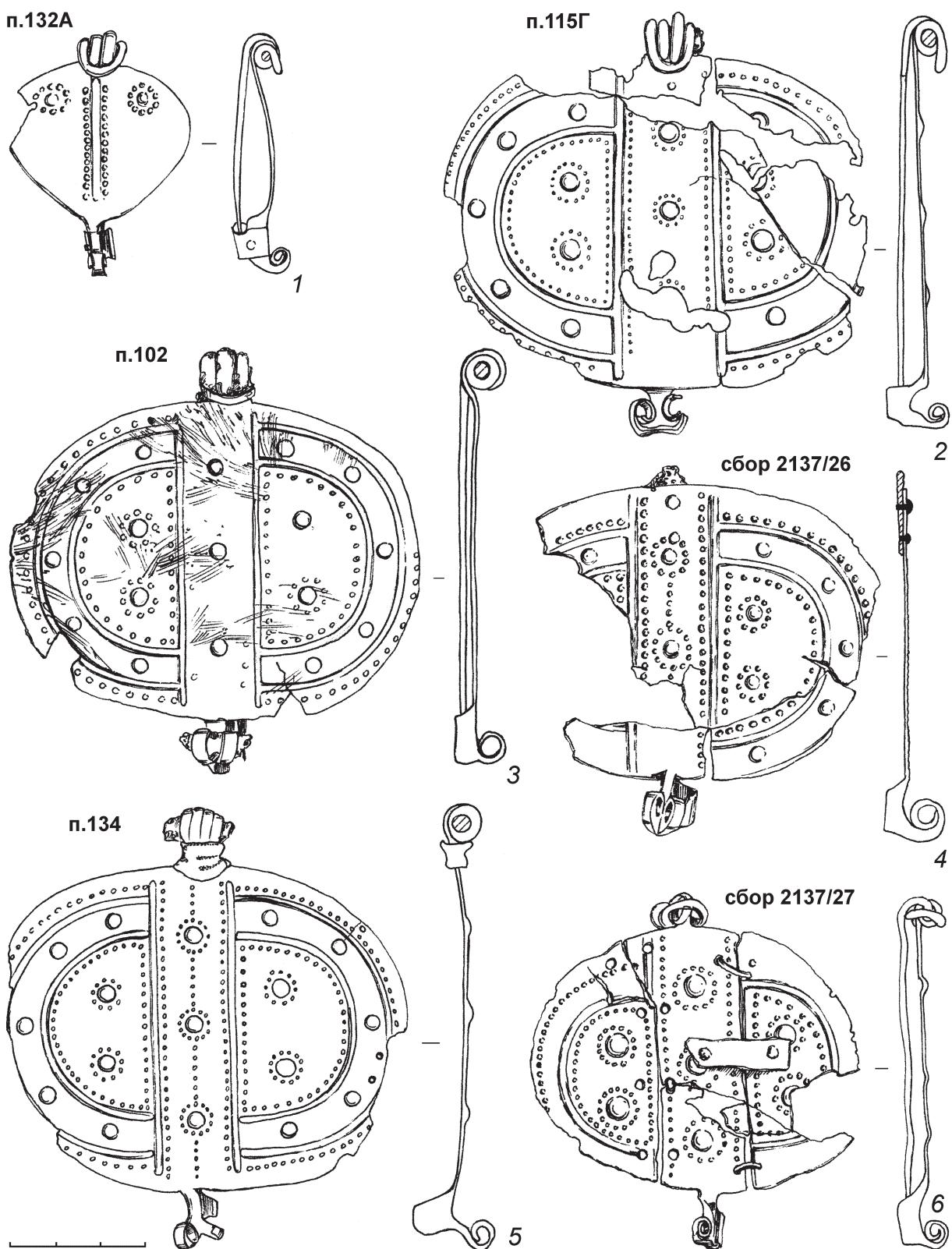

Табл. 138. Фибулы: 1–6 – бронза

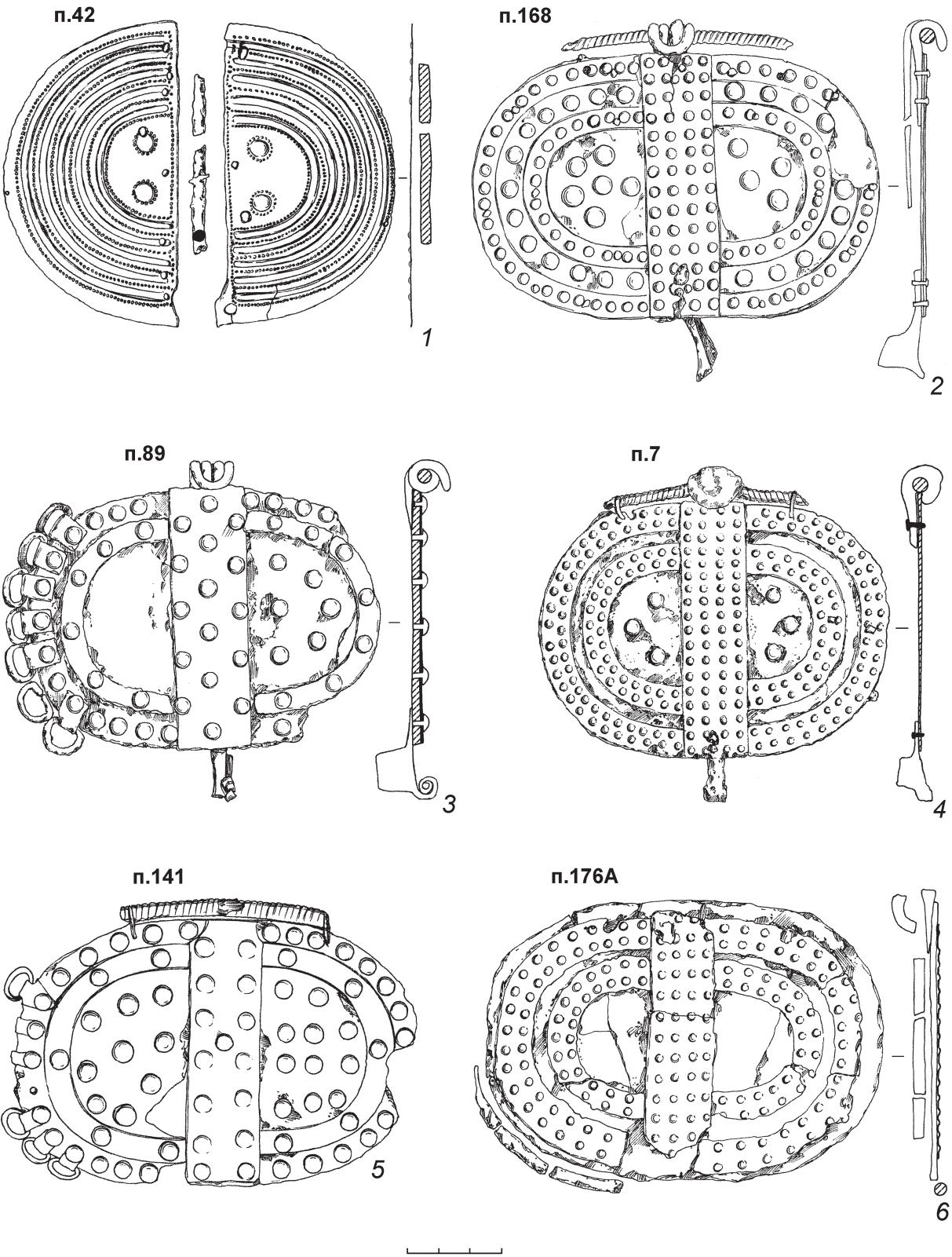

Табл. 139. Фибулы (продолжение): 1 – бронза (игла – железо), 2–6 – железо, бронза

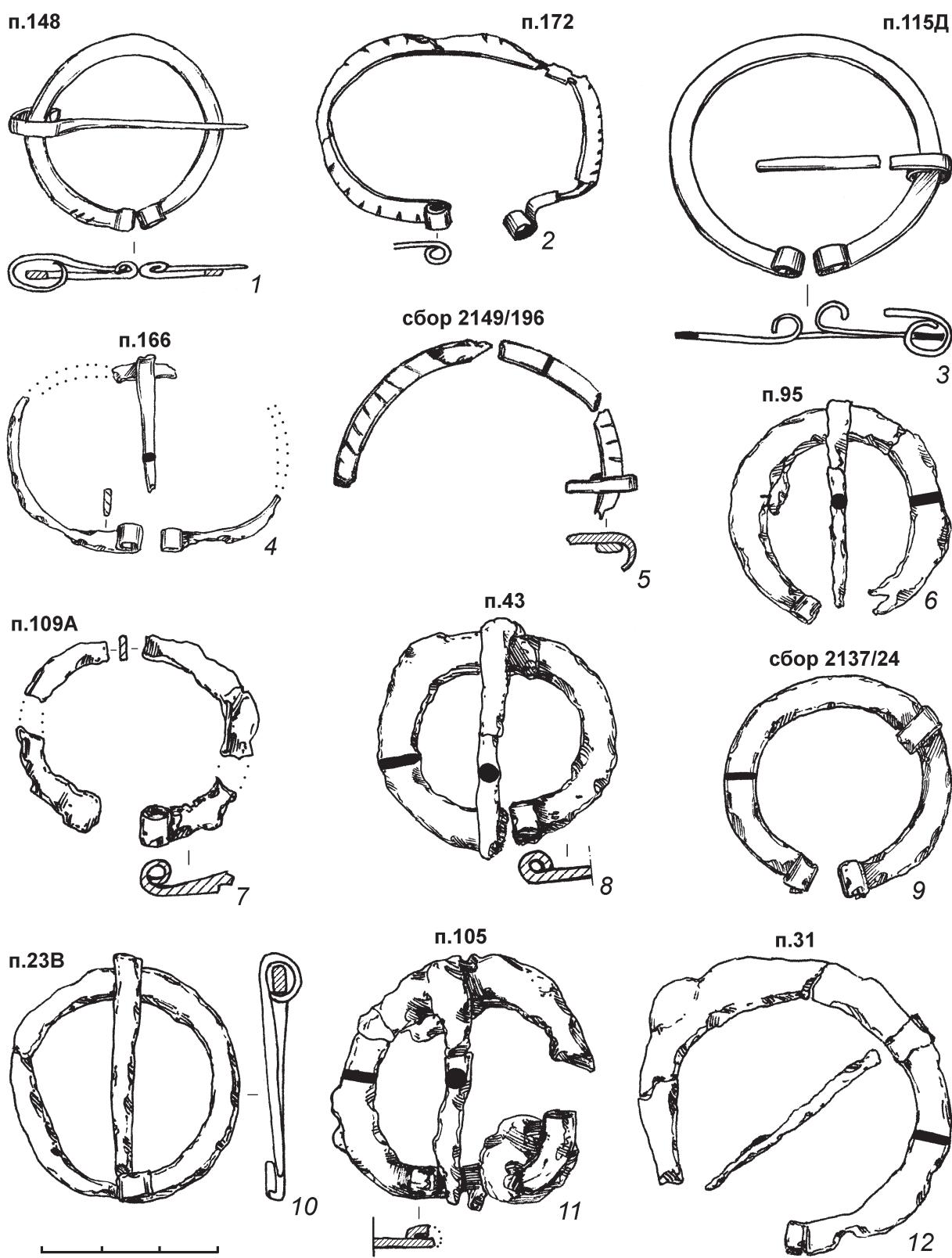

Табл. 140. Сюльгамы: 1–5 – бронза, 6–12 – железо

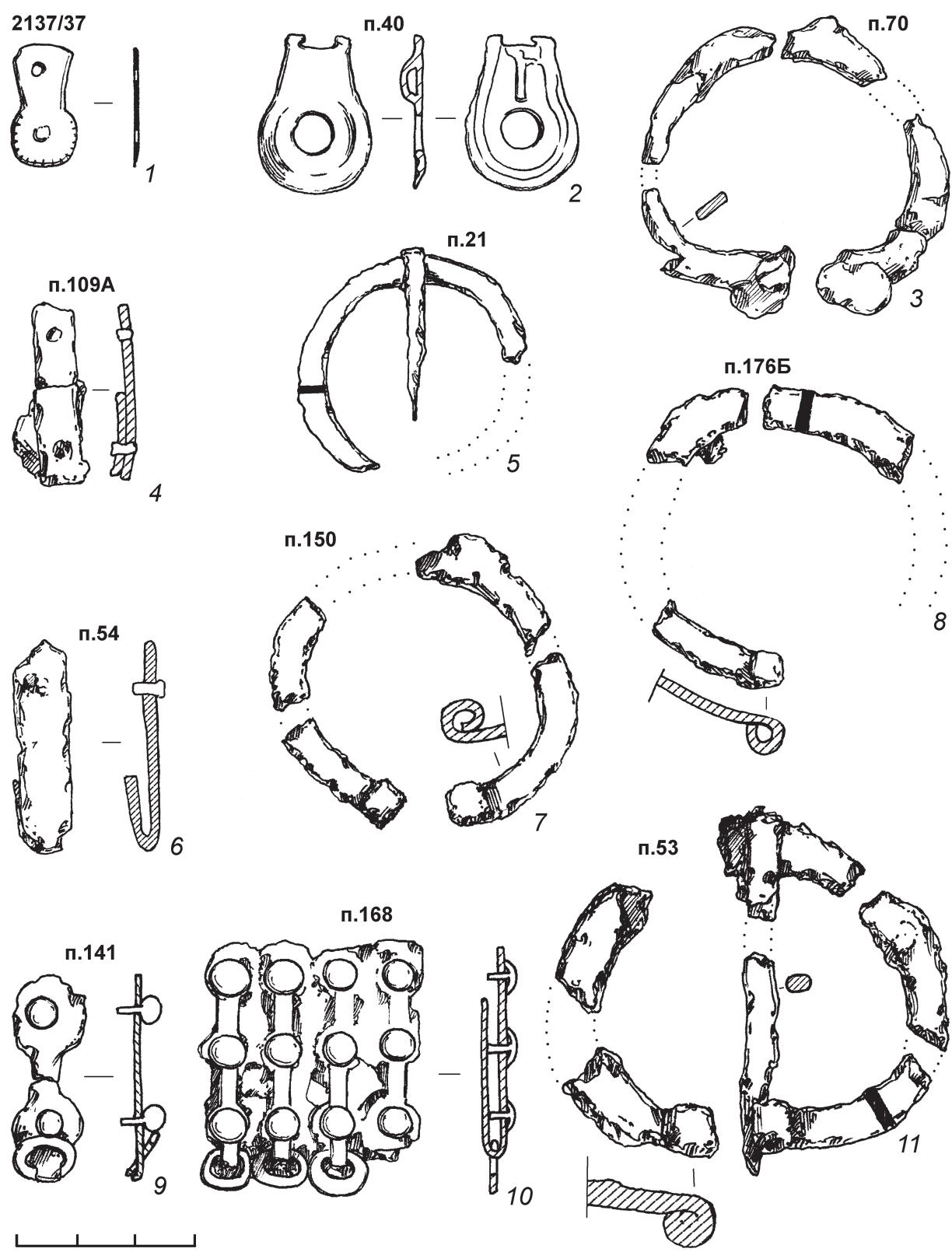

Табл. 141. Накладки: 1, 2 – бронза, 4, 6 – железо, 9, 10 – железо, бронза.
Сюльгамы (продолжение): 3, 5, 7, 8, 11 – железо

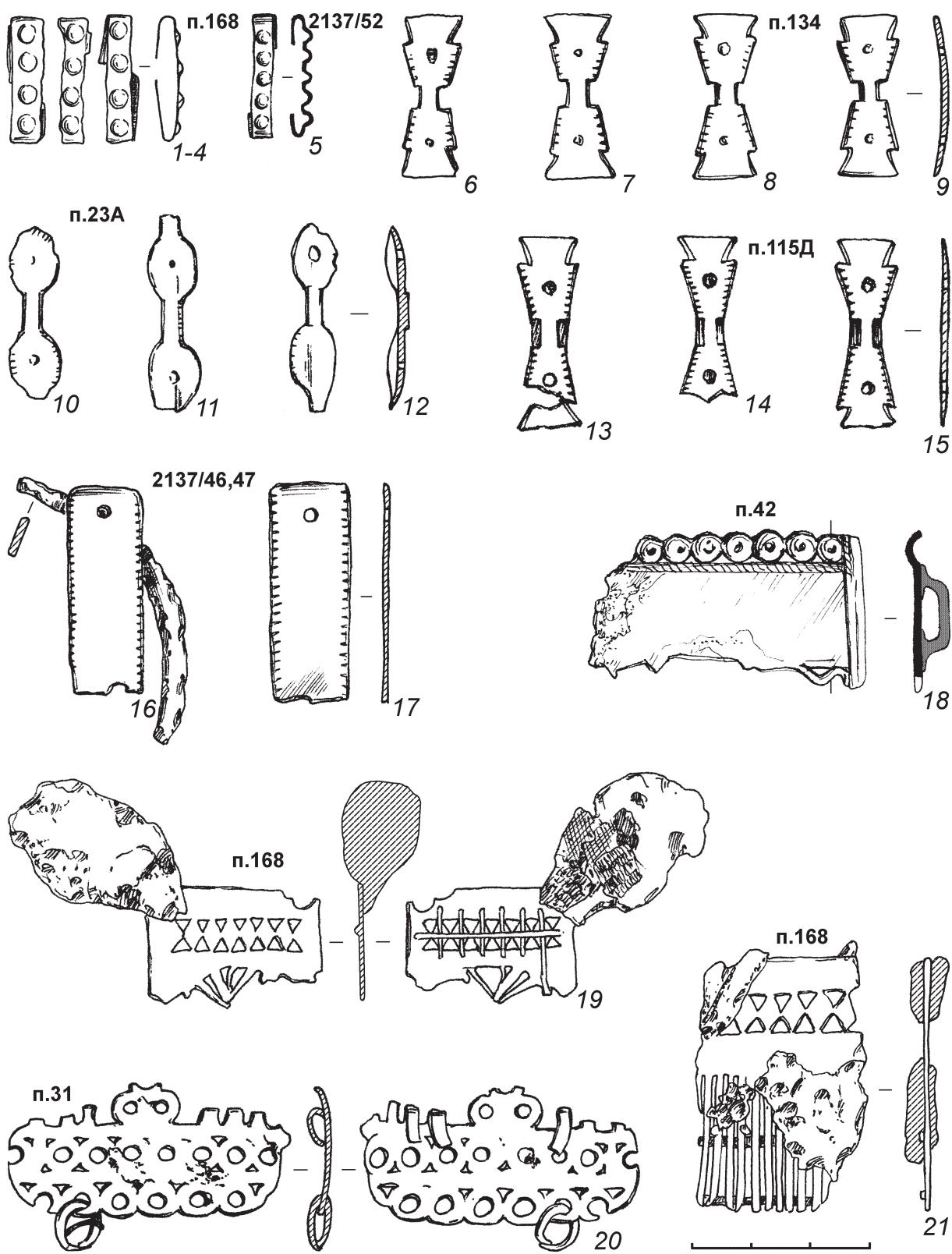

Табл. 142. Накладки (продолжение): 1–15, 17, 18, 20 – бронза, 16, 19 и 21 – бронза, спекшаяся с железом

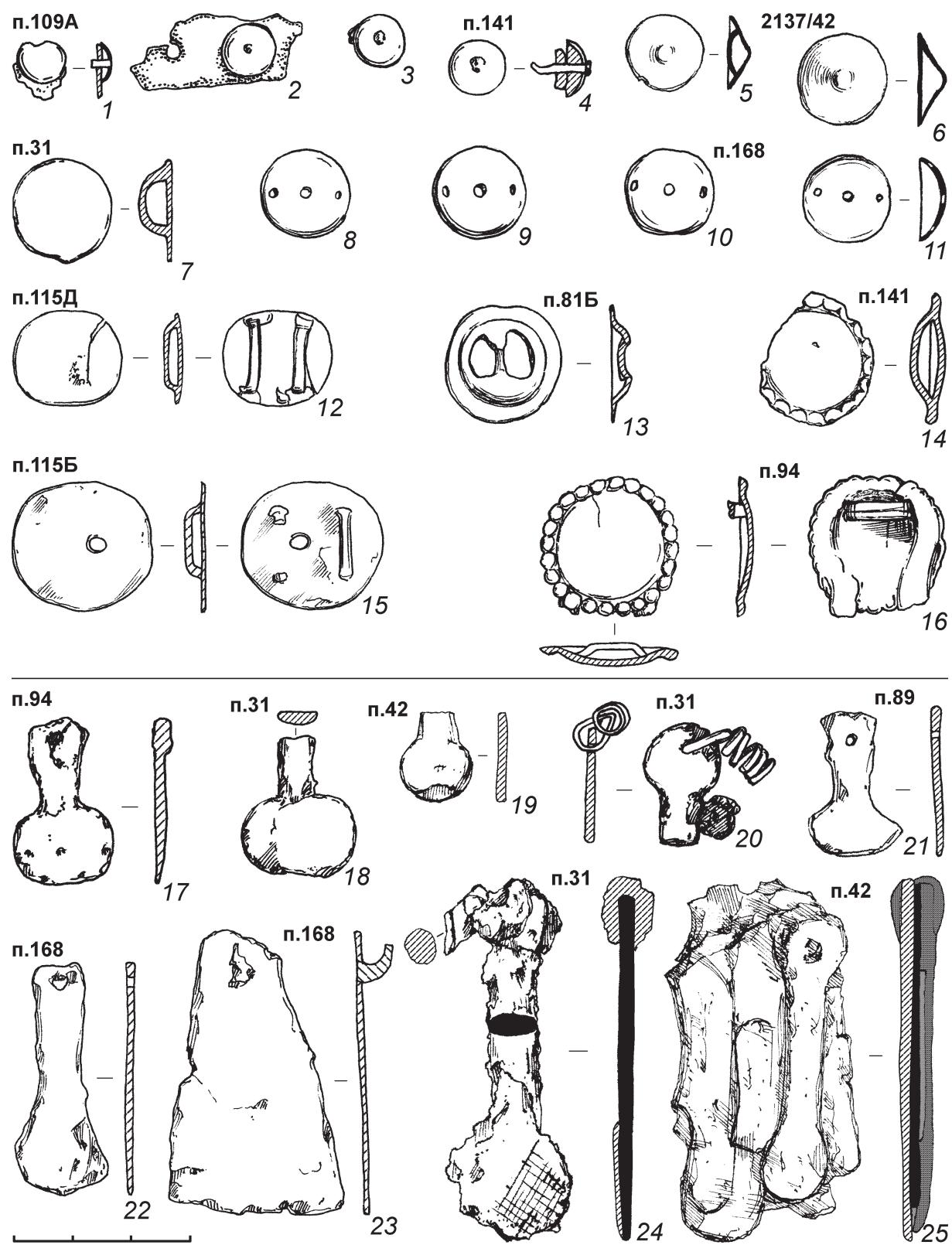

Табл. 143. Накладки (бляшки): 1–16 – бронза (2 – бронза с фрагментами кожи).
Подвески (и привески): 17–19, 21–25 – железо, 20 – железо, бронза

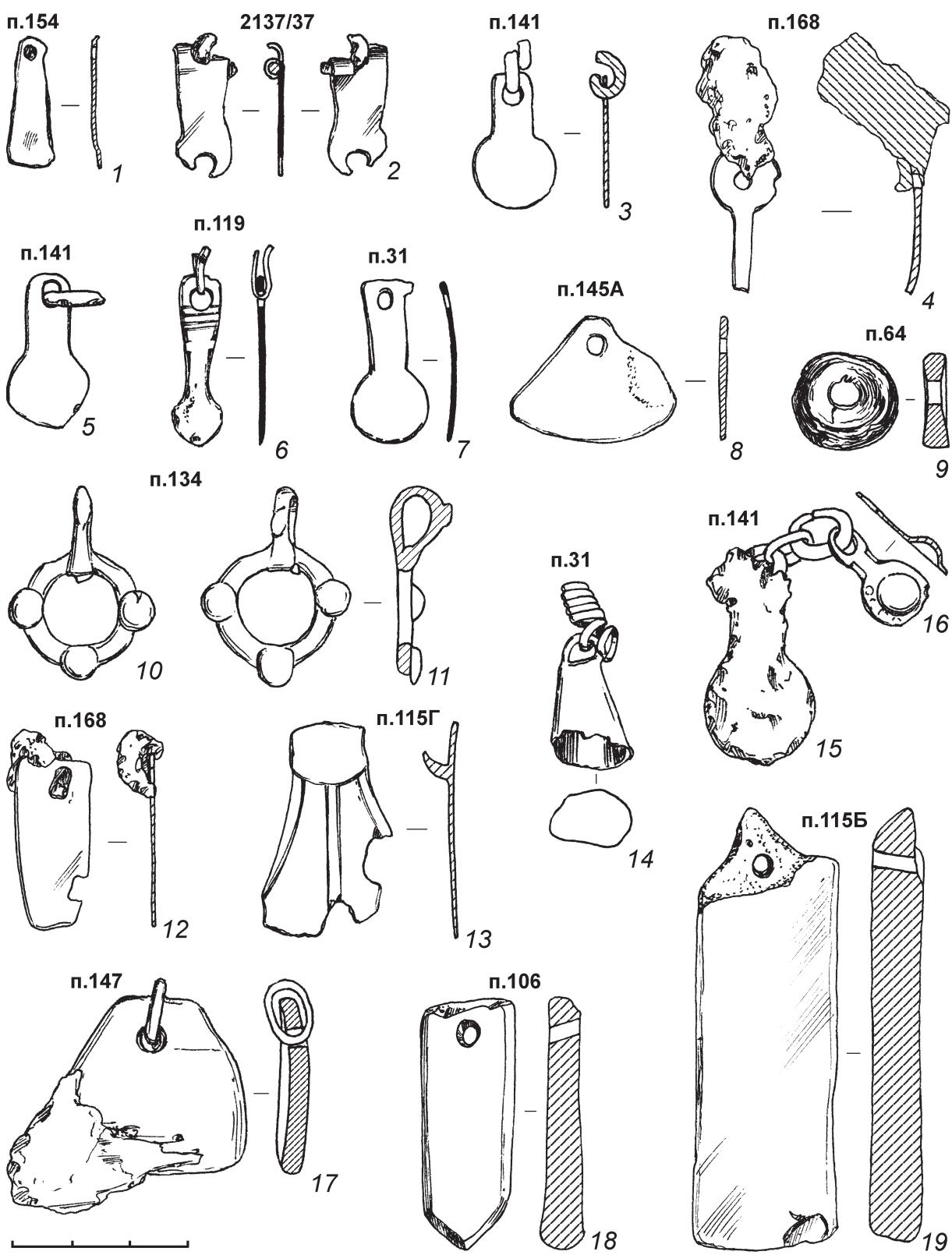

Табл. 144. Подвески (и привески): 1–8, 10–14, 16 – бронза (4 и 12 – бронза, спекшаяся с железом), 9 – кость, 15 – железо, 17 – раковина, бронза, 18, 19 – камень

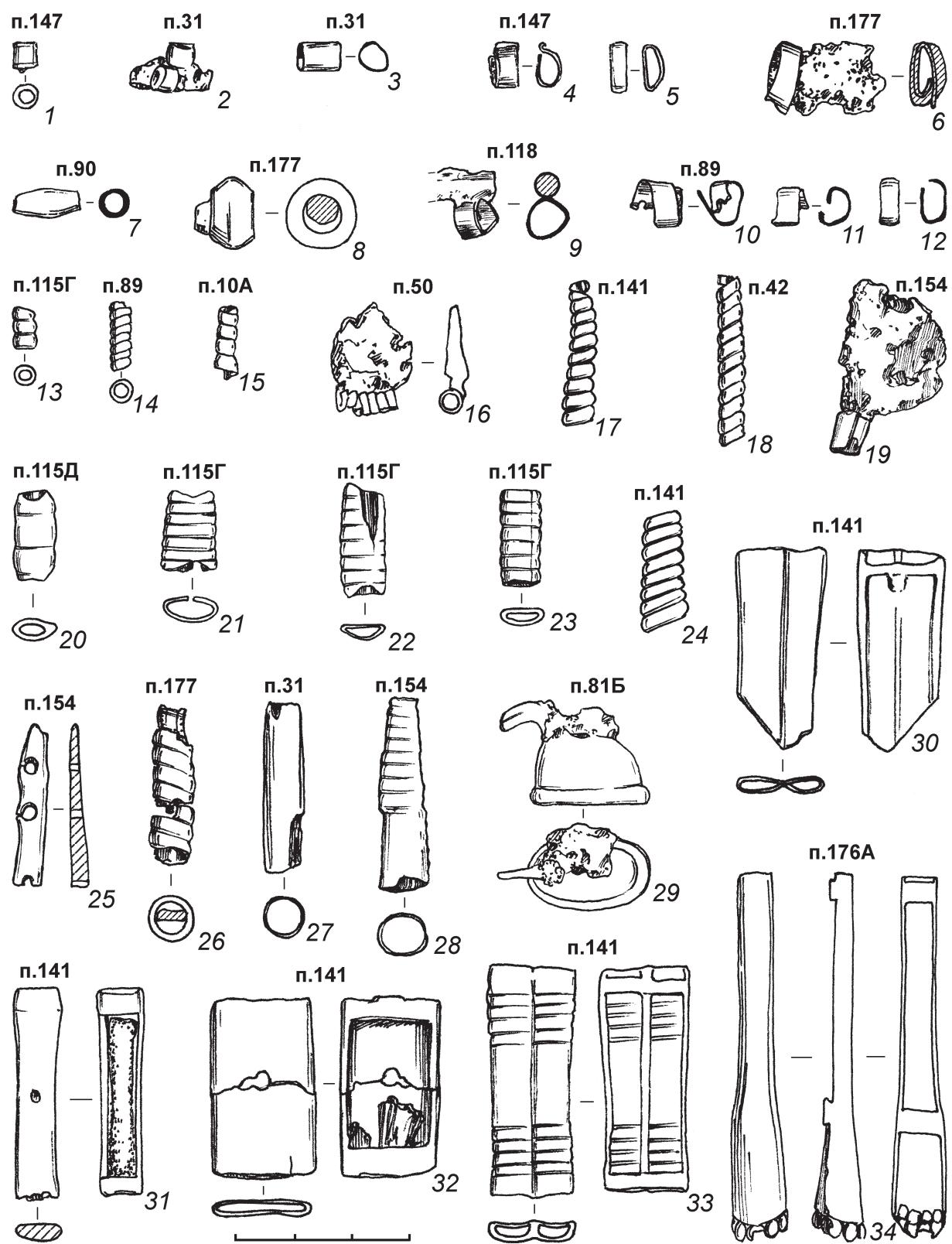
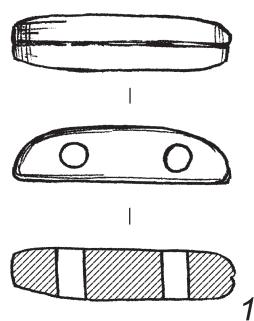
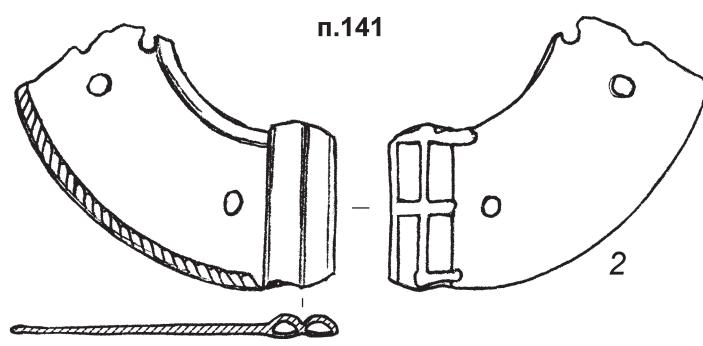

Табл. 145. Пронизки: 1–19, 23–26, 28–34 – бронза (6, 16, 19, 29 – бронза, спекшаяся с железом), 20–22 – кость, 27 – железо

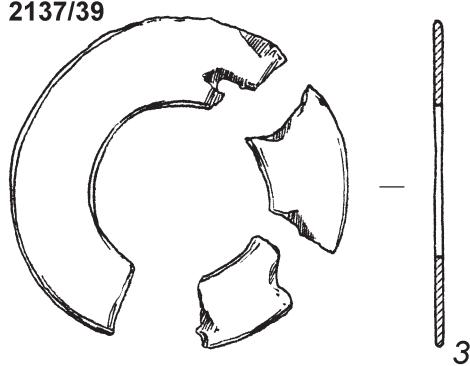
п.115Д

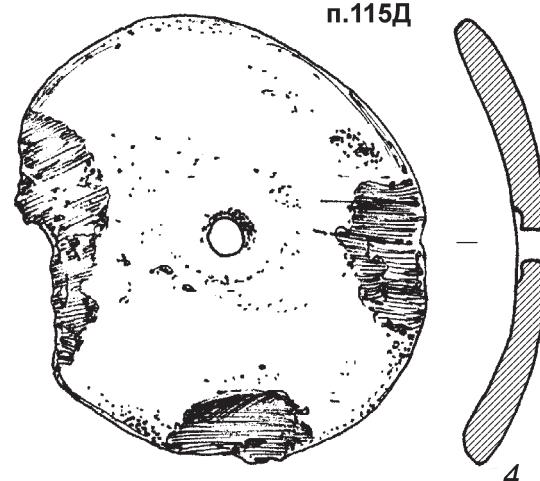
п.141

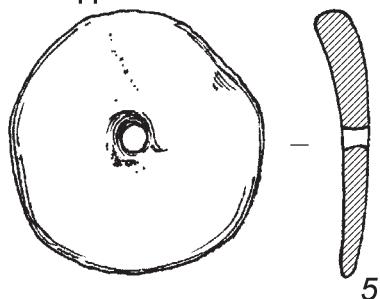
2137/39

п.115Д

п.115Д

п.147

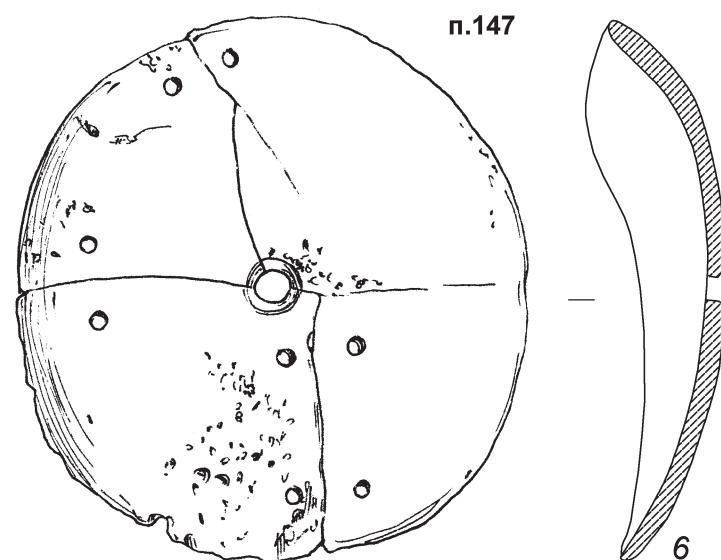

Табл. 146. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника (классификация):
1 – изделие из кости, 2–6 – бляхи (2, 3 – бронза, 4–6 – раковина)

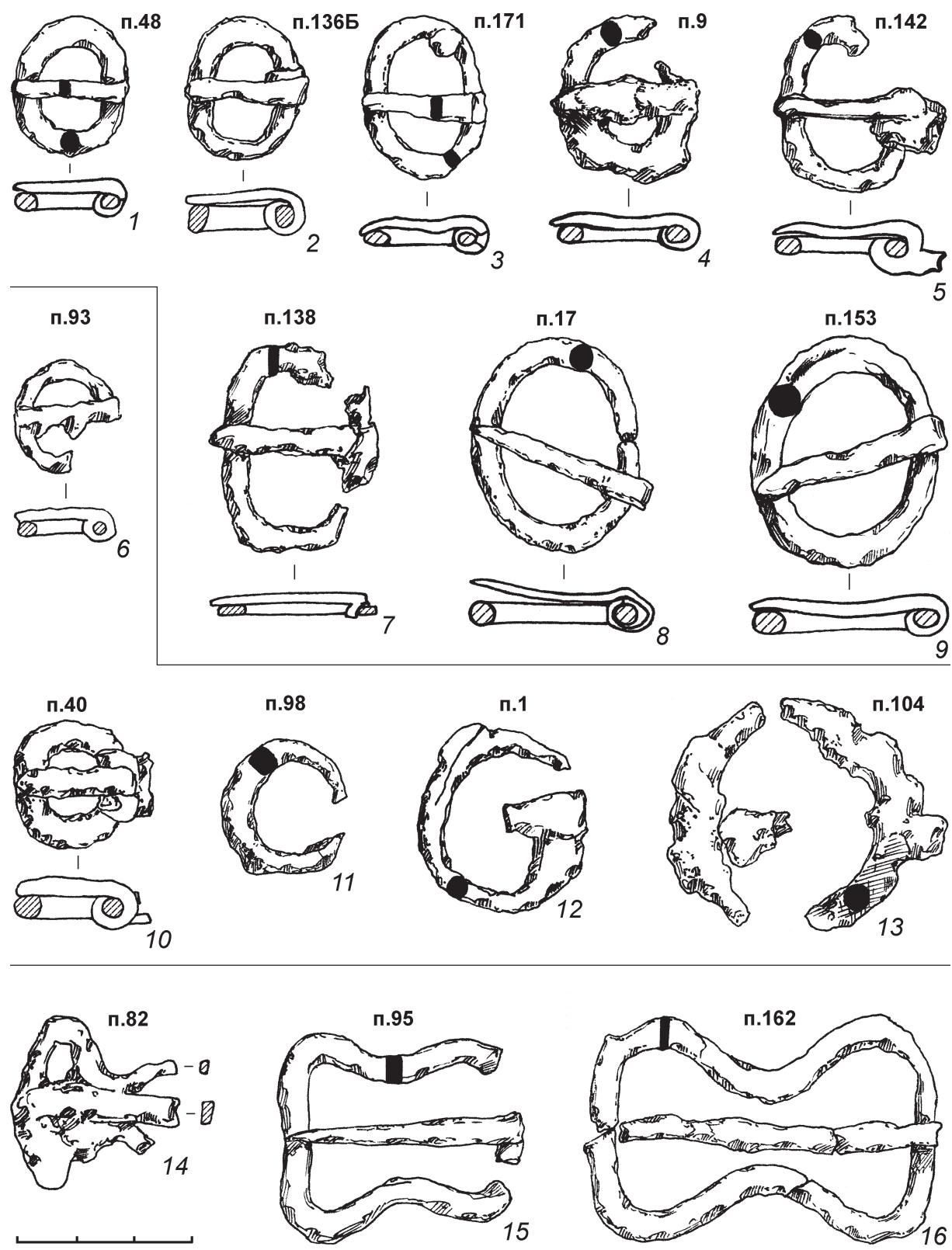

Табл. 147. Пряжки: 1–16 – железо

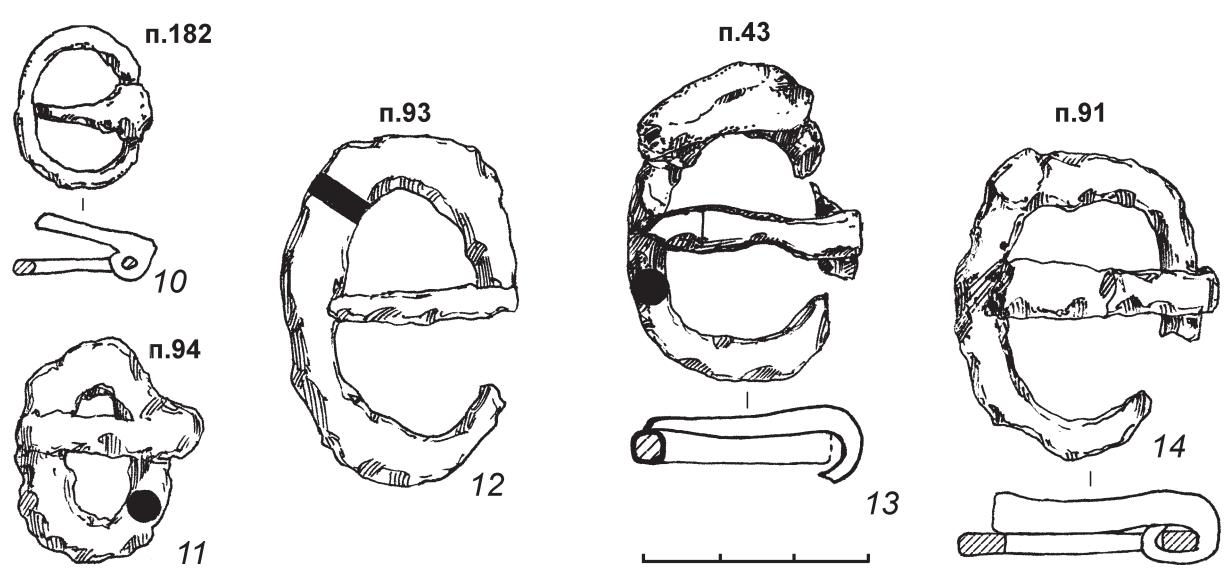
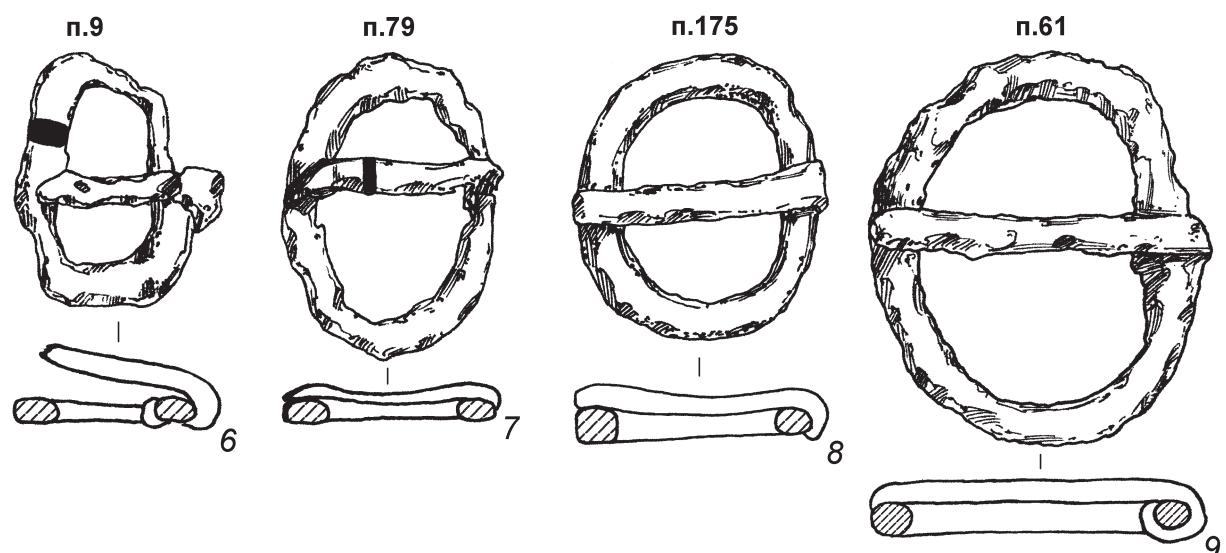
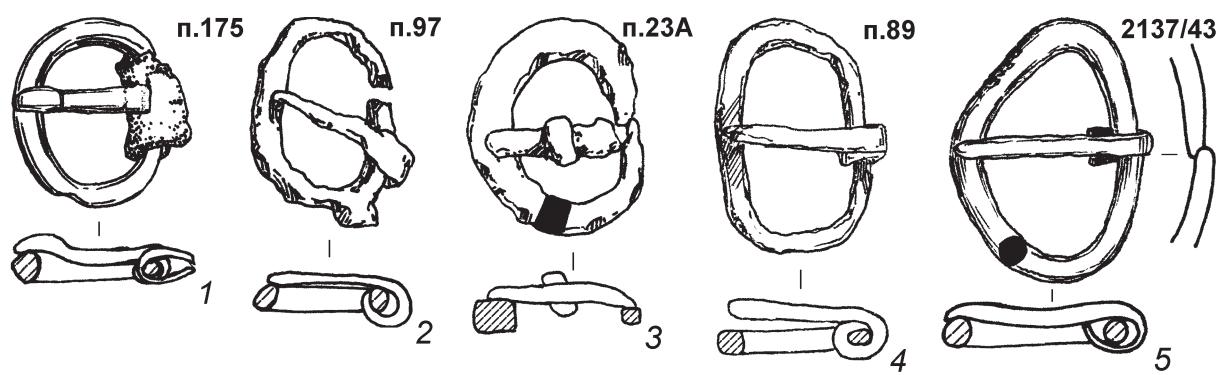

Табл. 148. Пряжки (продолжение): 1, 5 – бронза, 2–4, 6–14 – железо

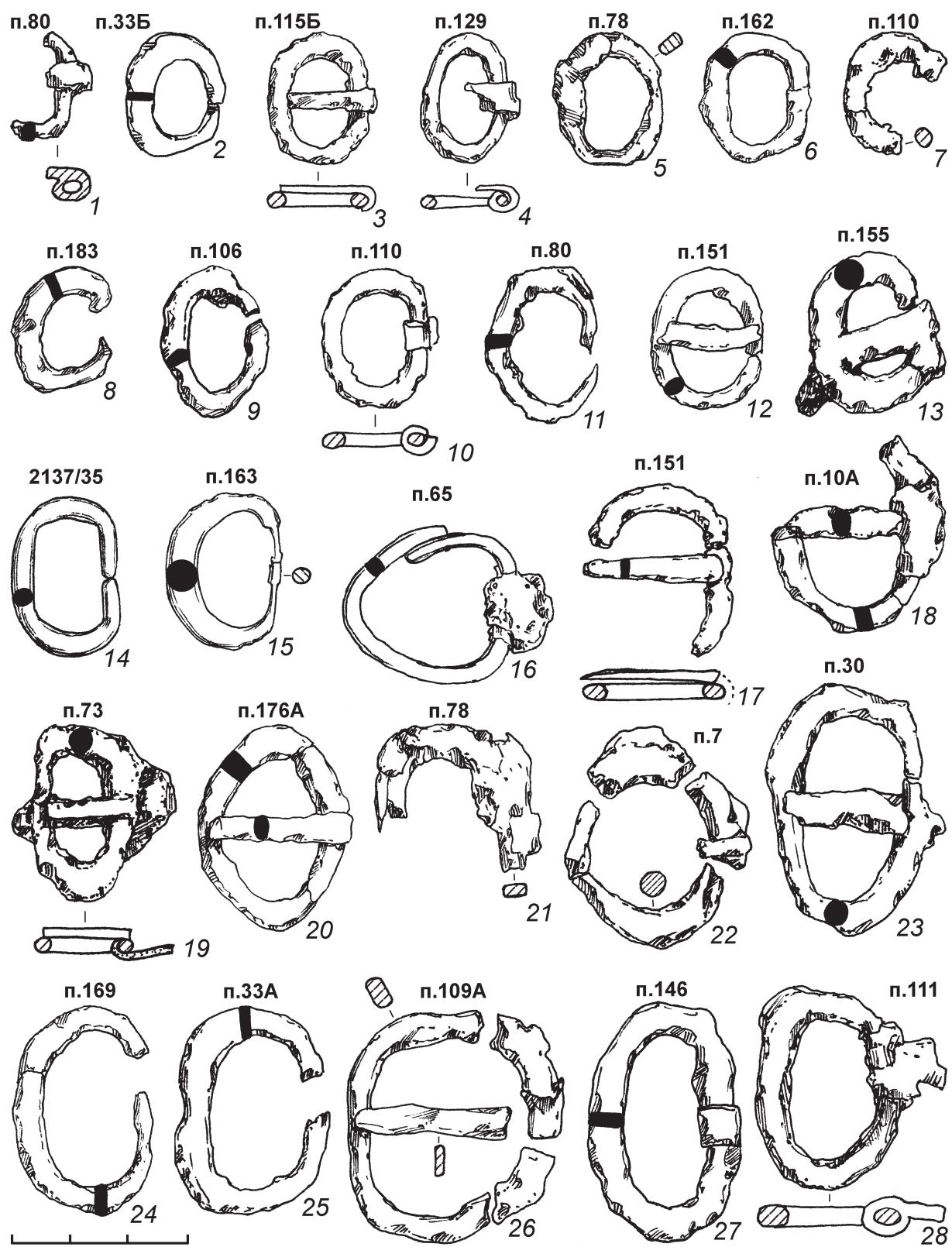

Табл. 149. Пряжки (продолжение): 1–13, 17–28 – железо, 14, 15 – бронза, 16 – бронза, железо

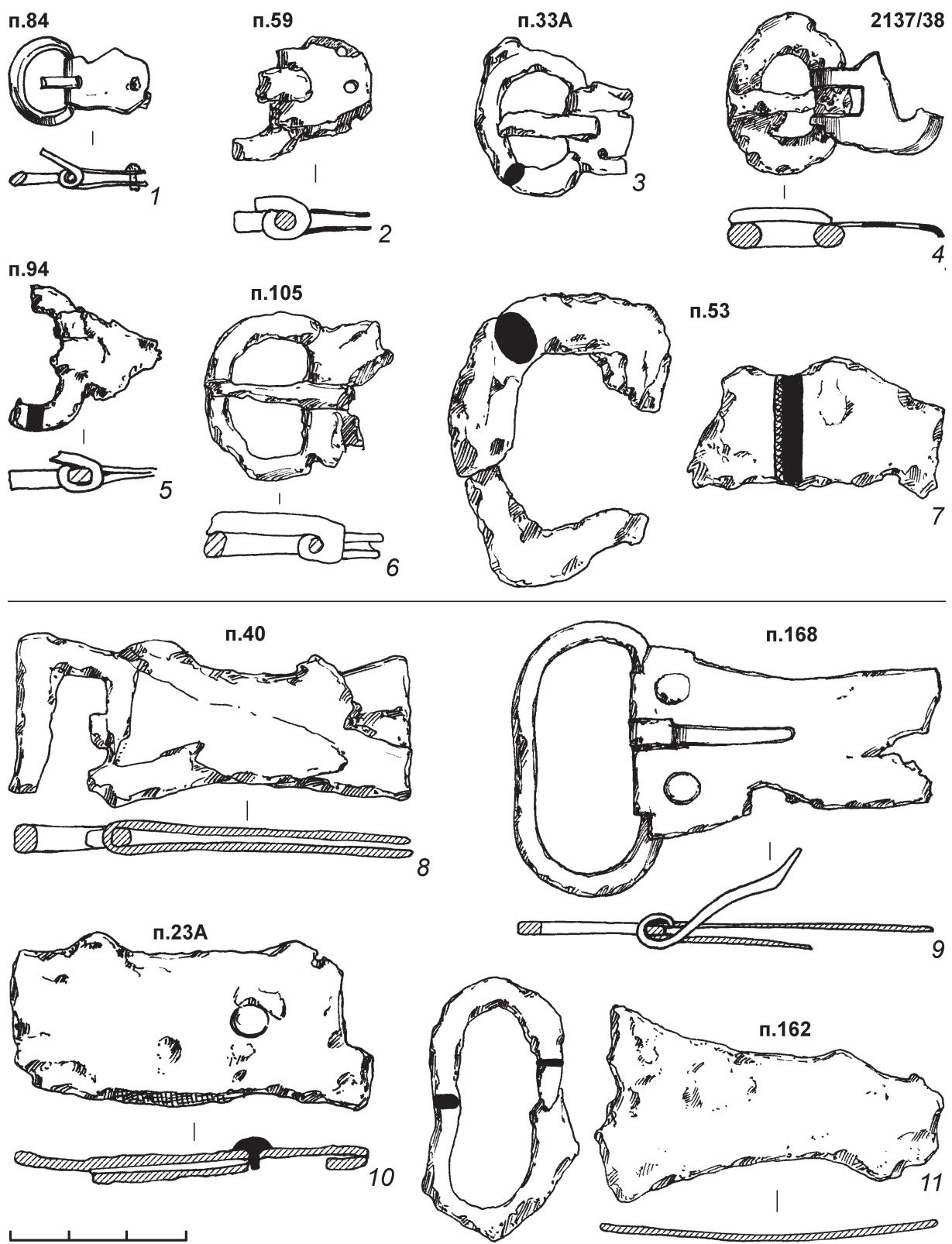

Табл. 150. Пряжки (продолжение): 1 – бронза, 2, 4, 9, 10 – железо, бронза,
3, 5–8, 11 – железо

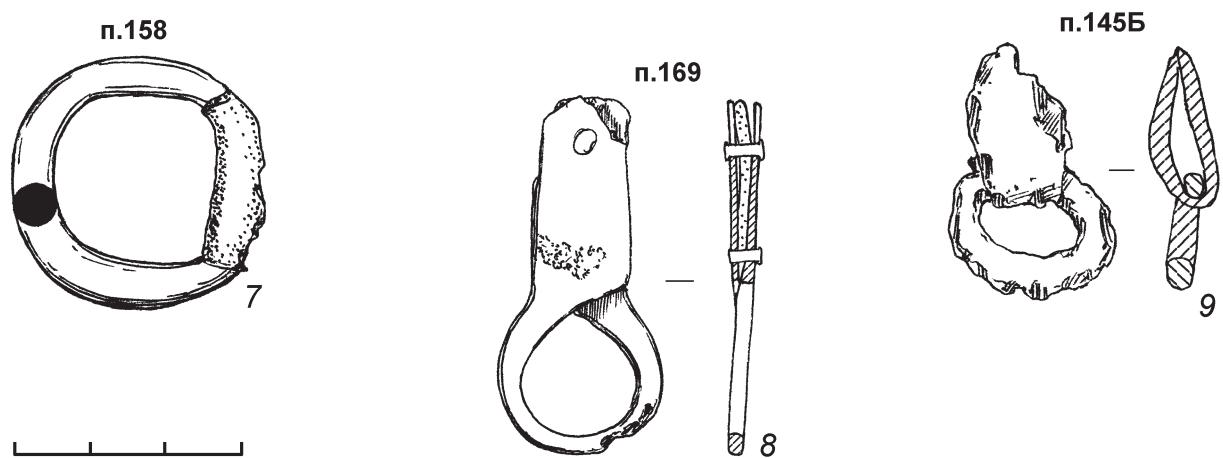
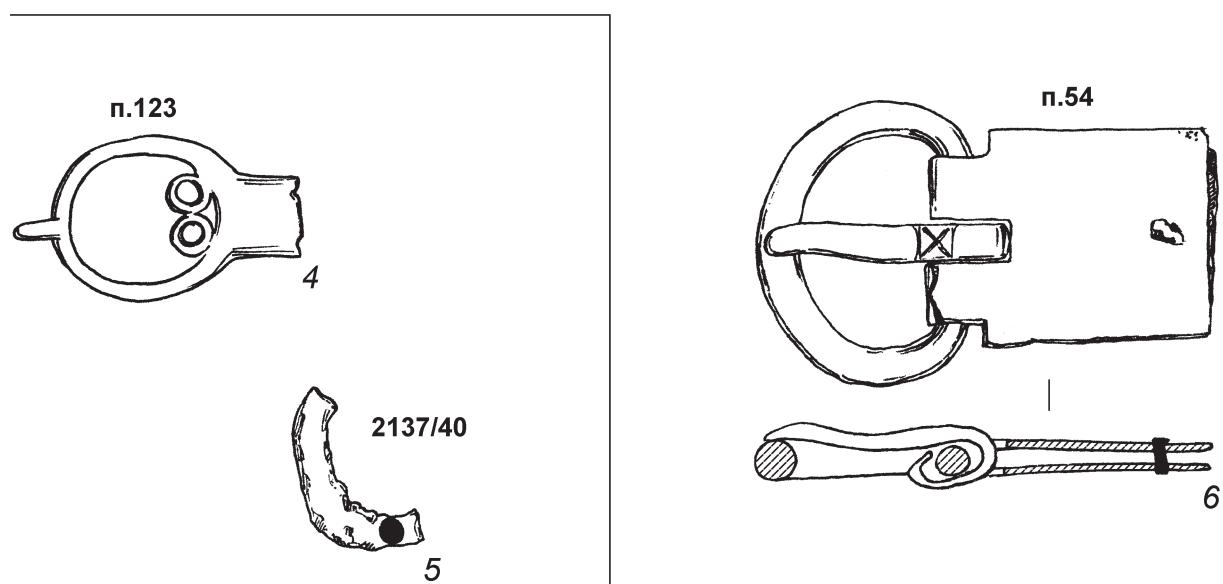
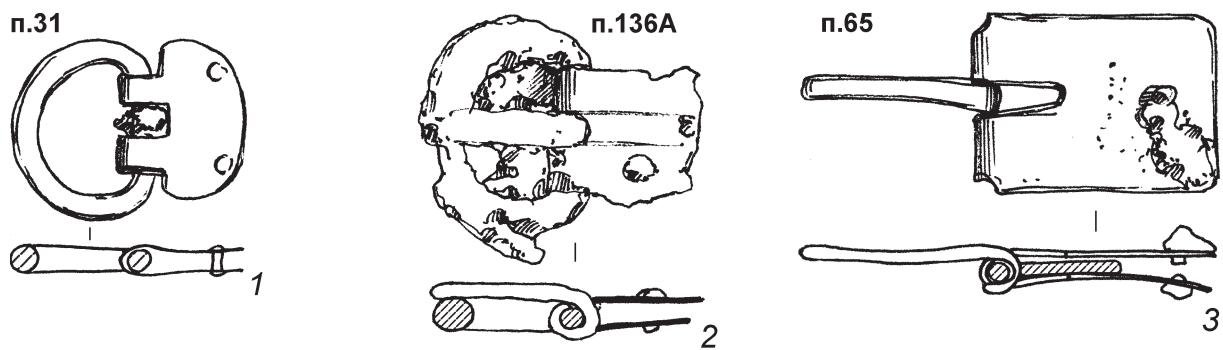

Табл. 151. Пряжки (продолжение): 1, 3 – бронза, 2 – железо, бронза, 5, 6 – железо; 4 – застежка с неподвижным крючком (бронза), 7 – кольцо (бронза), 8 – обойма-зажим (бронза), 9 – пряжка-кольцо (железо)

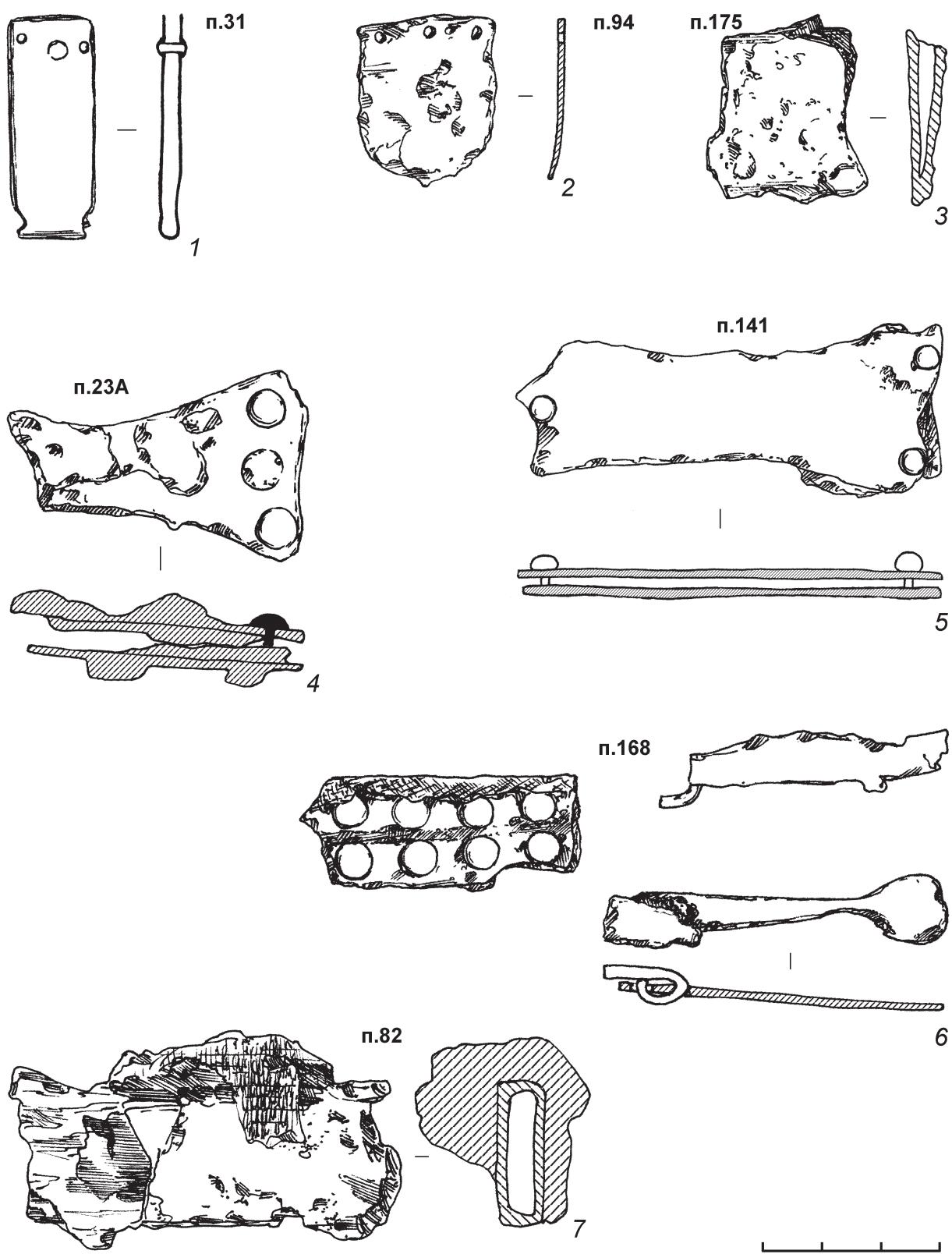

Табл. 152. Наконечники ремней: 1 – бронза, 2, 3, 7 – железо,
4–6 – железо, бронза

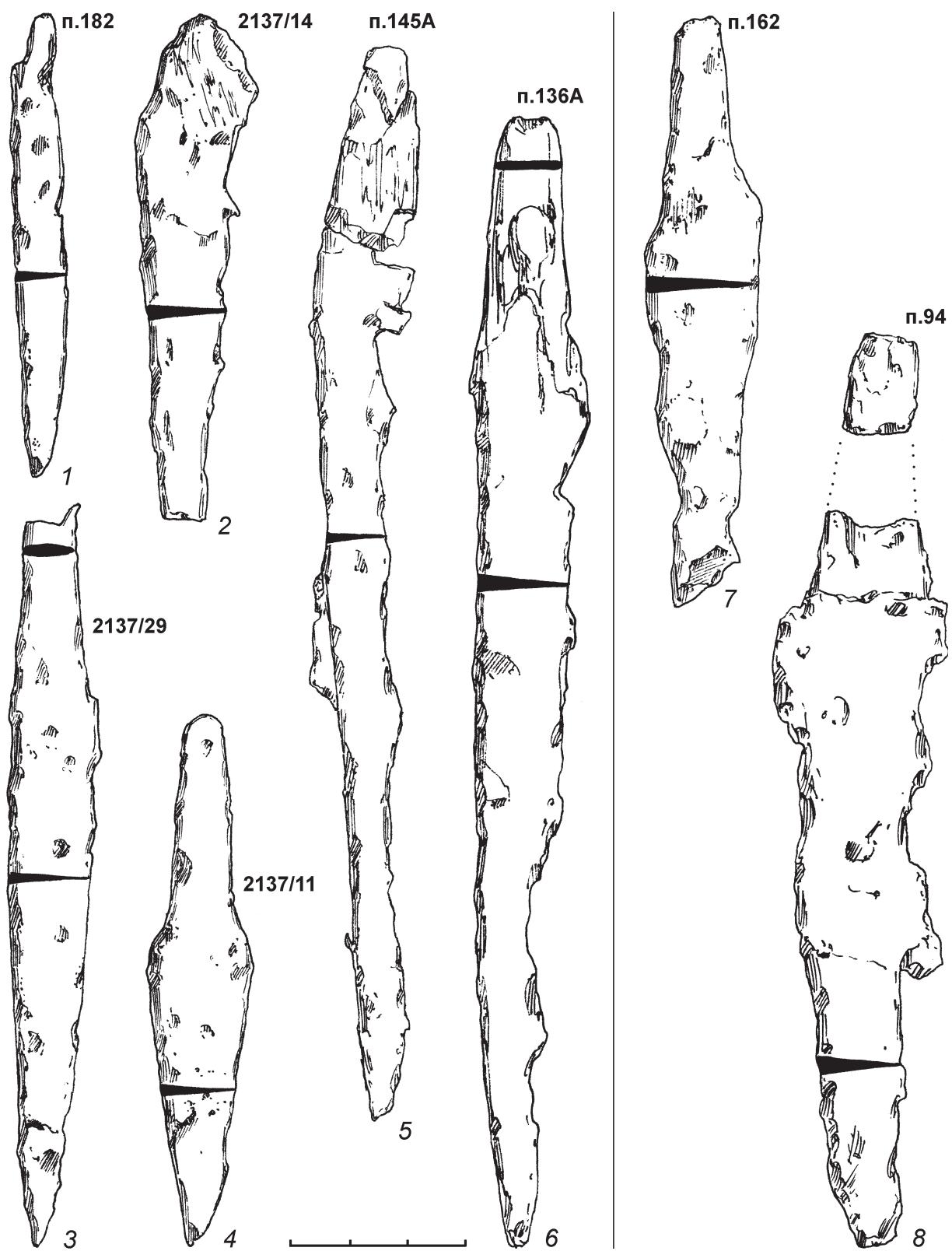

Табл. 153. Ножи: 1–8 – железо

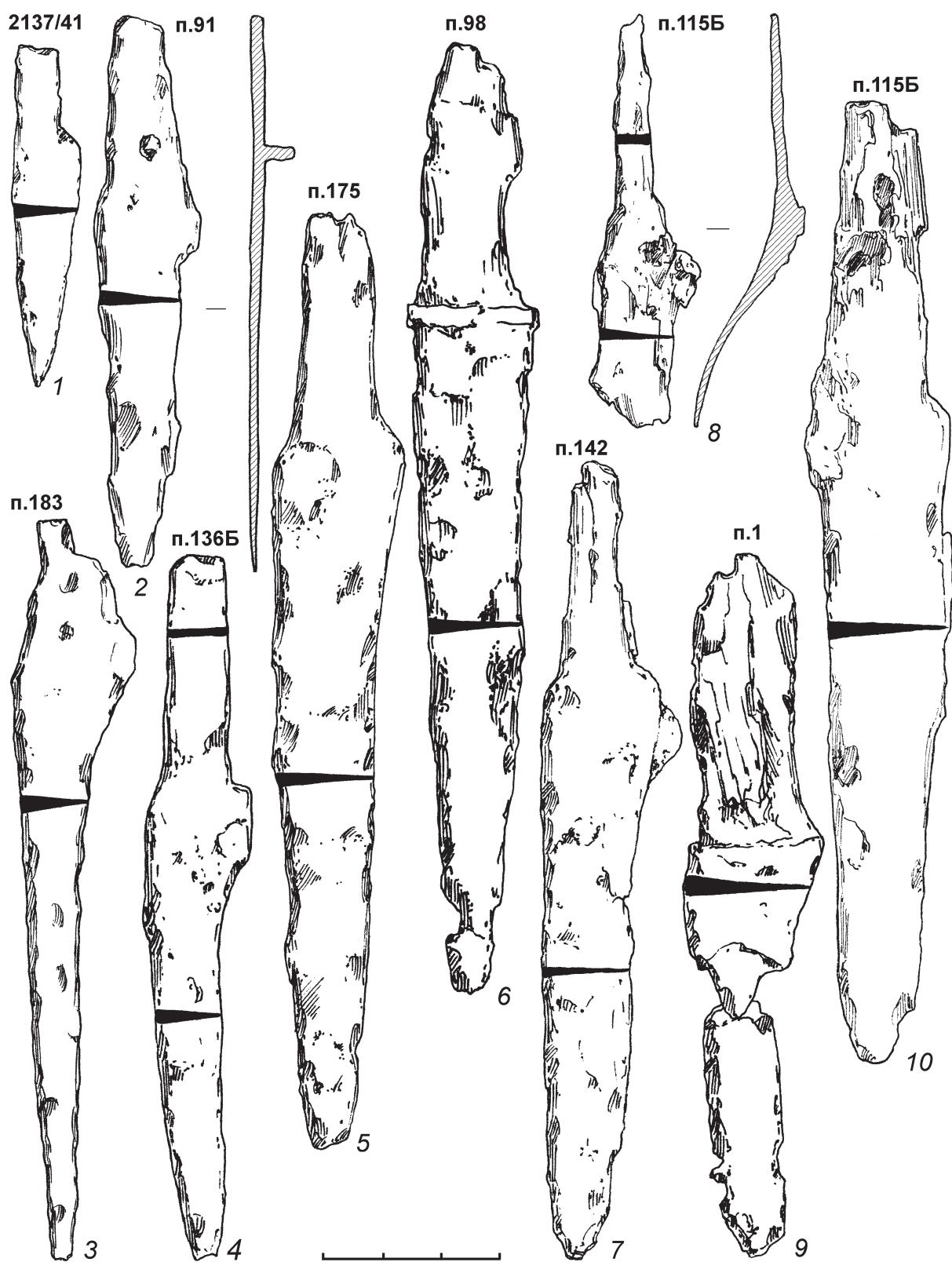

Табл. 154. Ножи (продолжение): 1–10 – железо

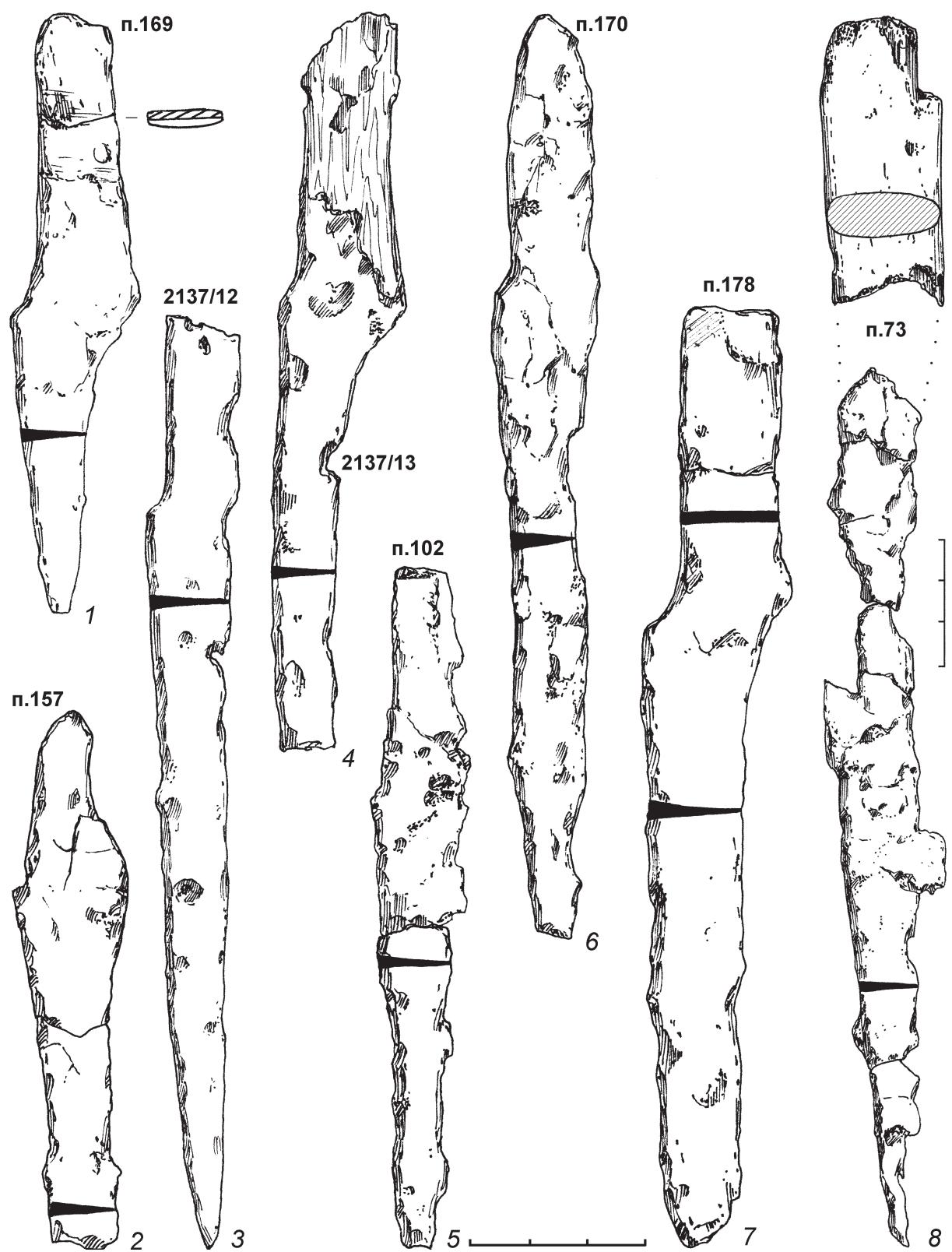

Табл. 155. Ножи (продолжение): 1–8 – железо

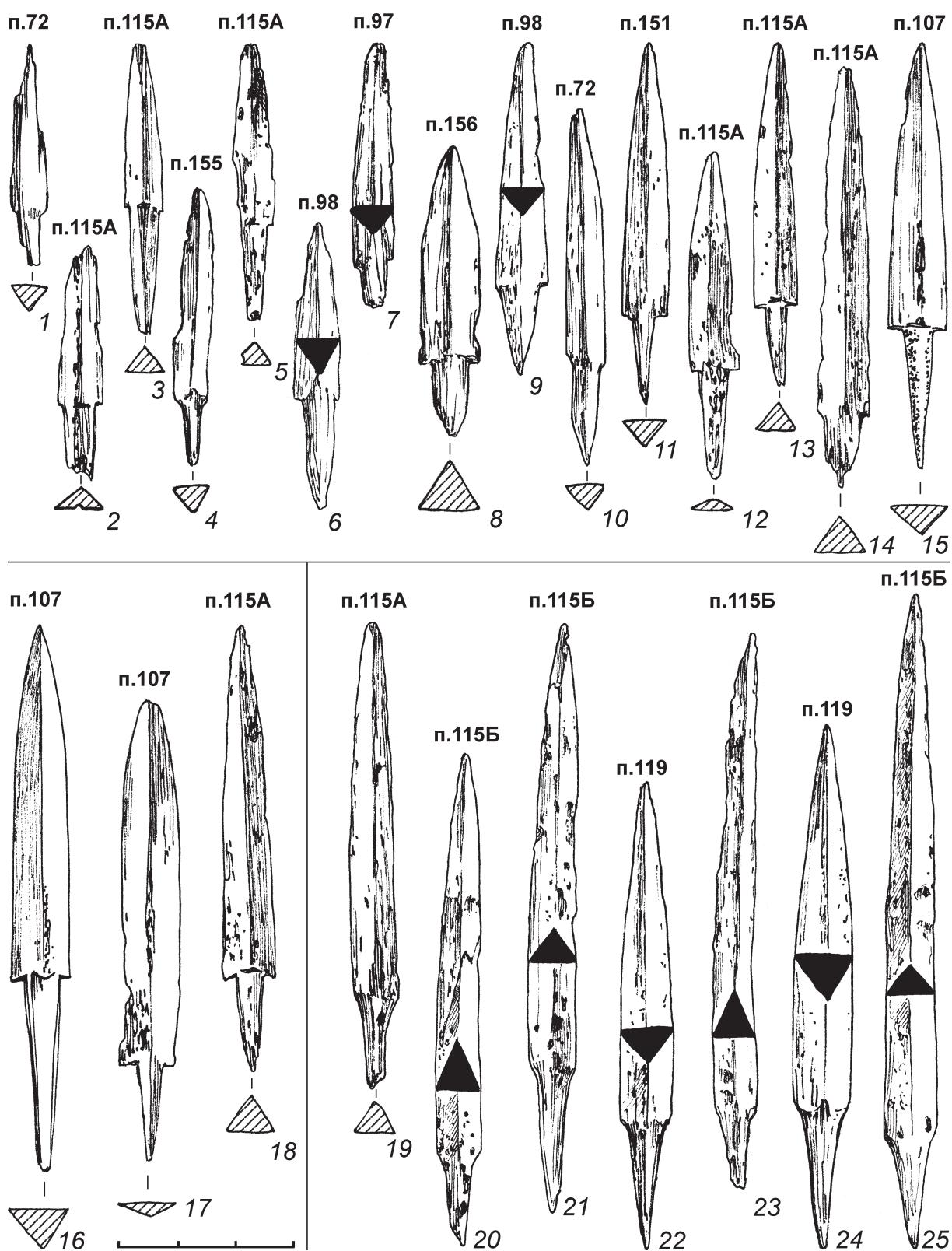

Табл. 156. Наконечники стрел: 1–25 – кость

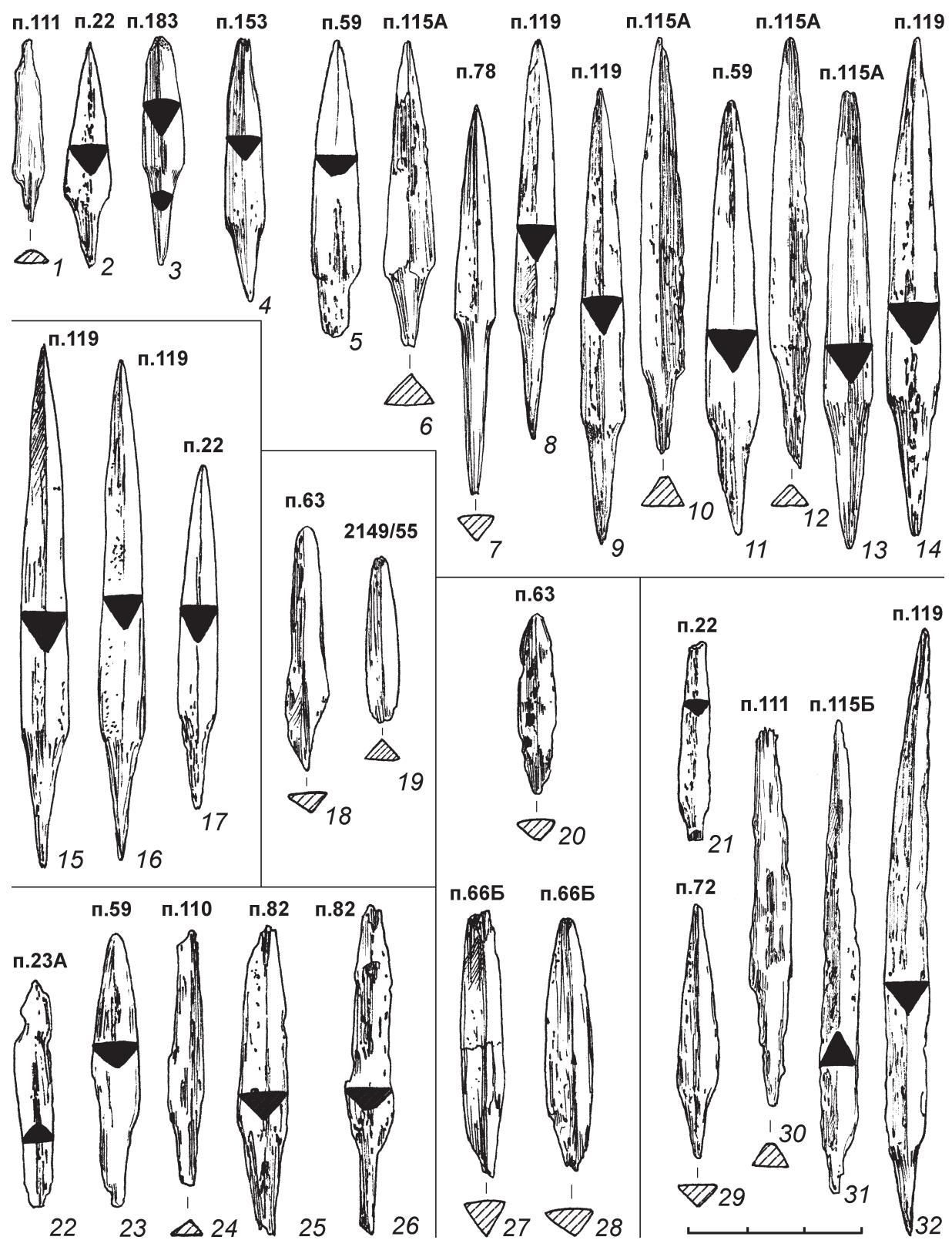

Табл. 157. Наконечники стрел (продолжение): 1–32 – кость

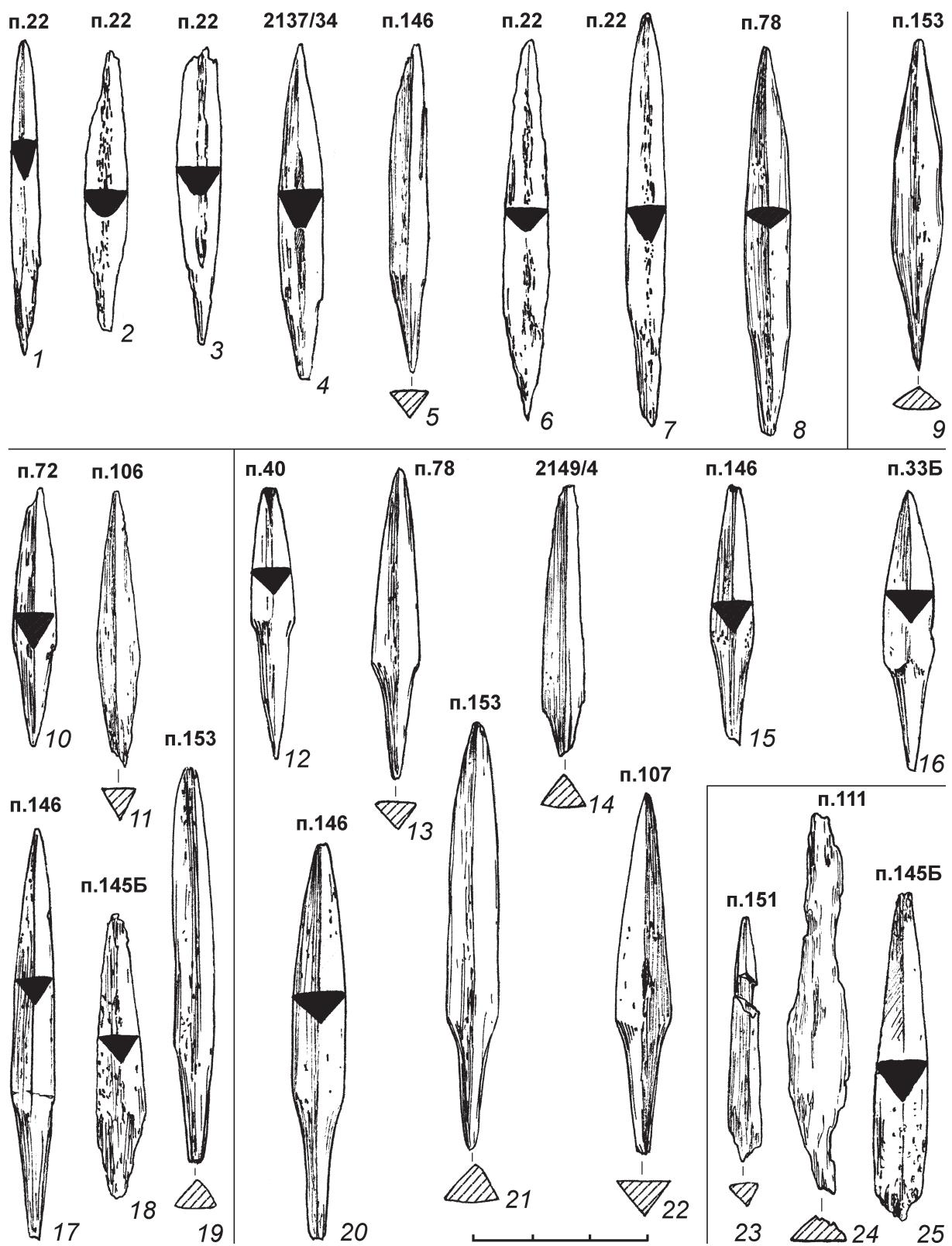

Табл. 158. Наконечники стрел (продолжение): 1–25 – кость

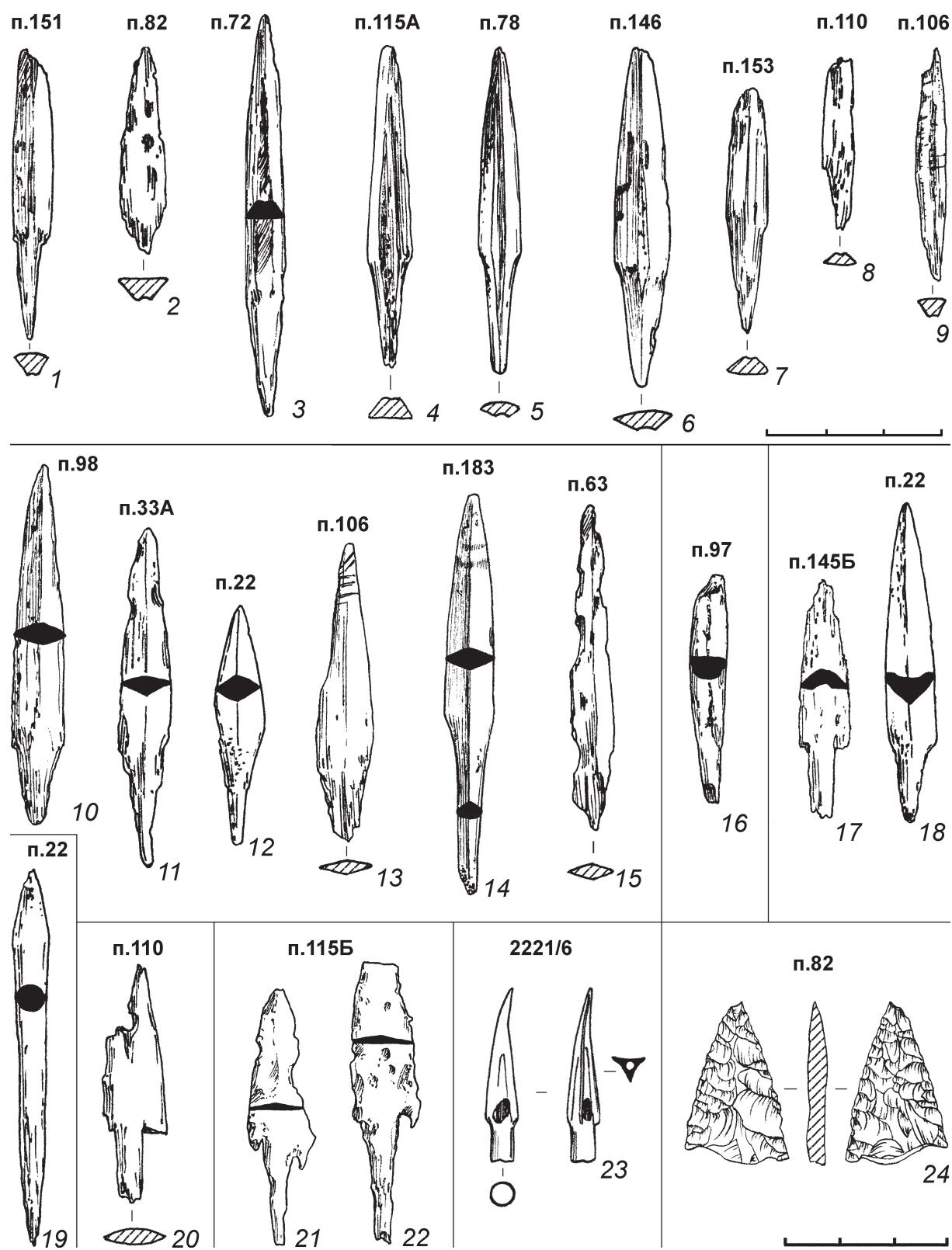

Табл. 159. Наконечники стрел (продолжение): 1–20 – кость, 21, 22 – железо, 23 – бронза, 24 – яшмовидная галька

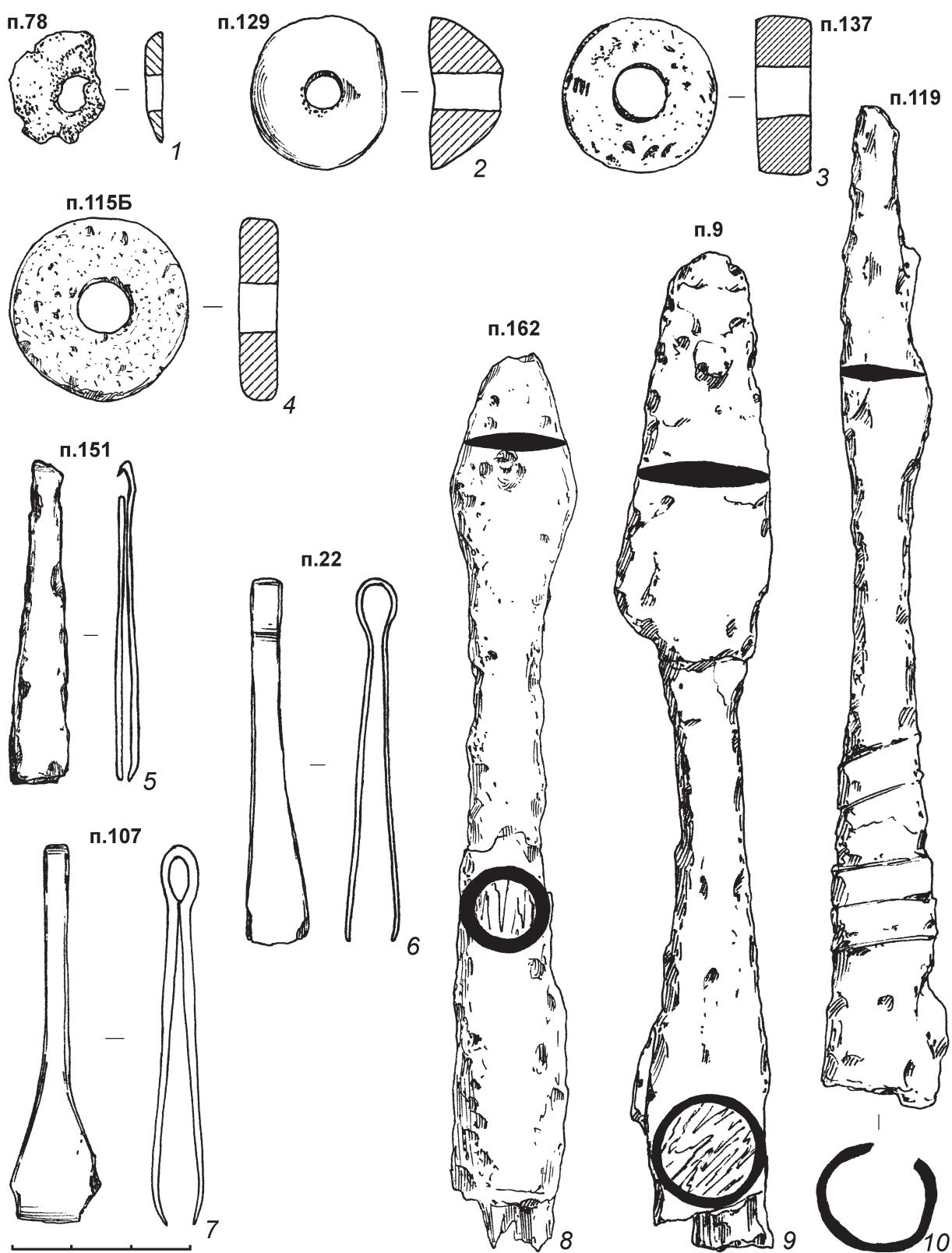

Табл. 160. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника (классификация):

1 – костяное изделие (пронизка?), 2–4 – прядлица (2 – кость, 3, 4 – глина),

5–7 – пинцеты (5 – железо, 6, 7 – бронза), 8–10 – наконечники копий (железо)

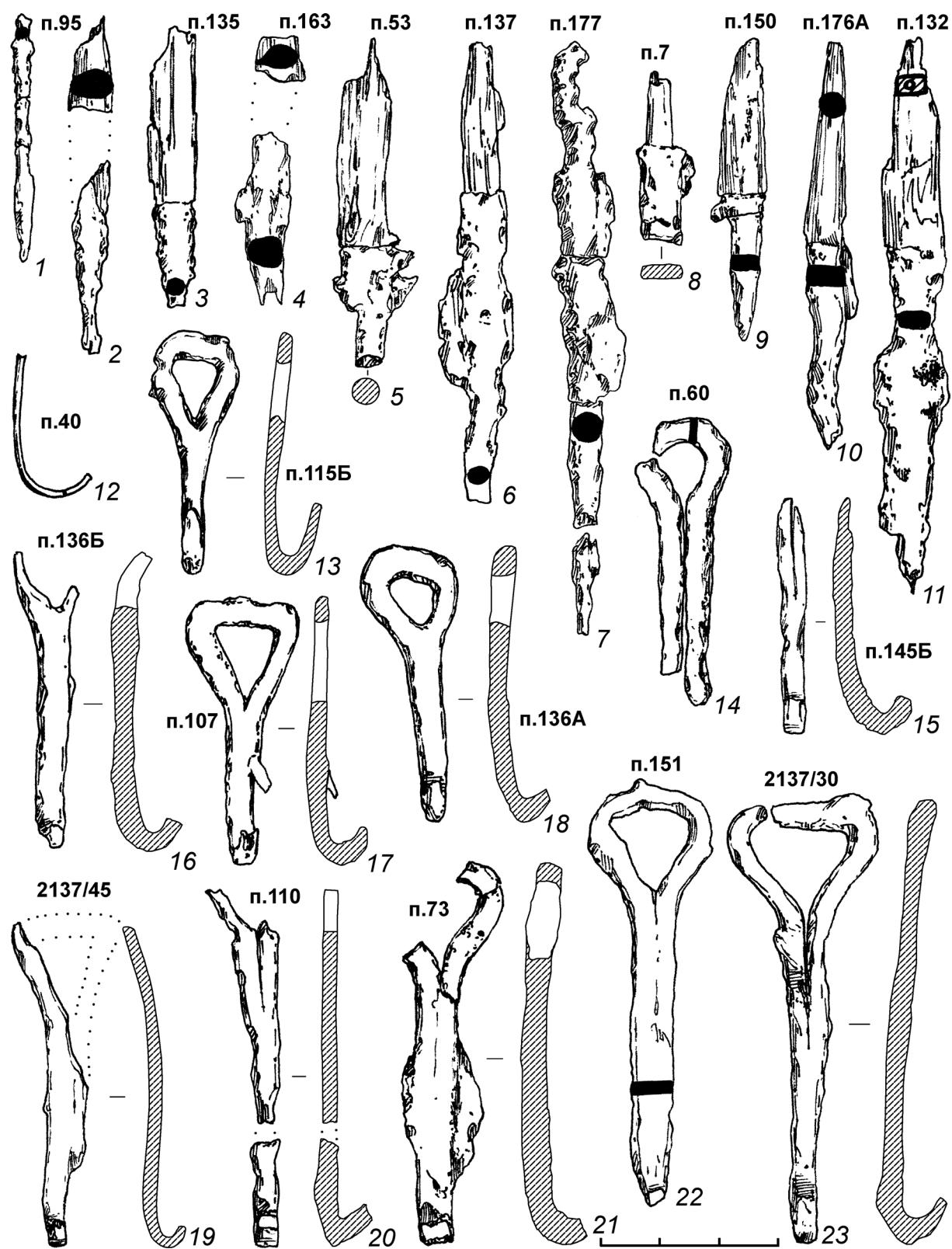

Табл. 161. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника (классификация):
1–11 – шилья (железо), 12–23 – крючки (12 – бронза, 13–23 – железо)

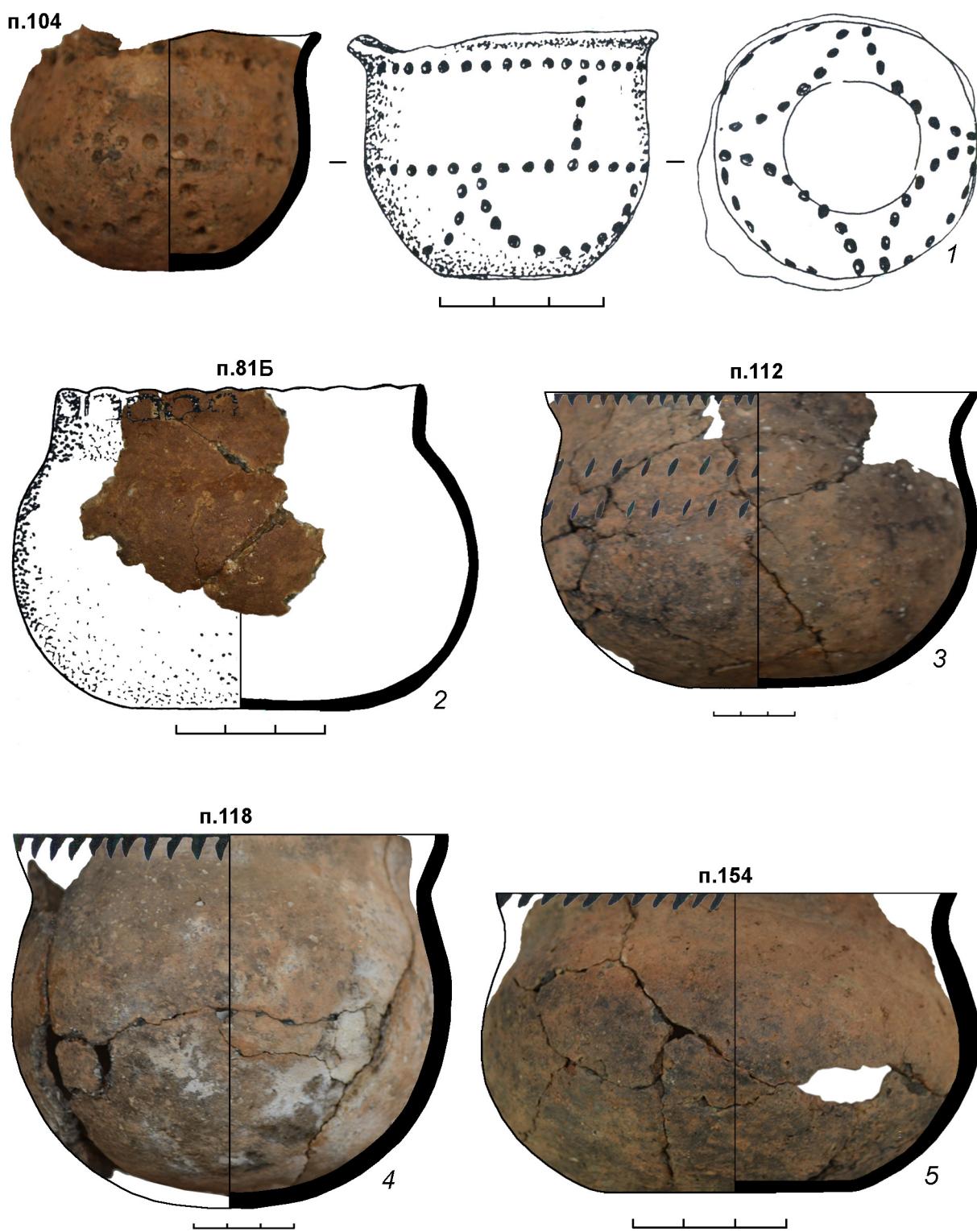

Табл. 162. Посуда: 1–5 – глина

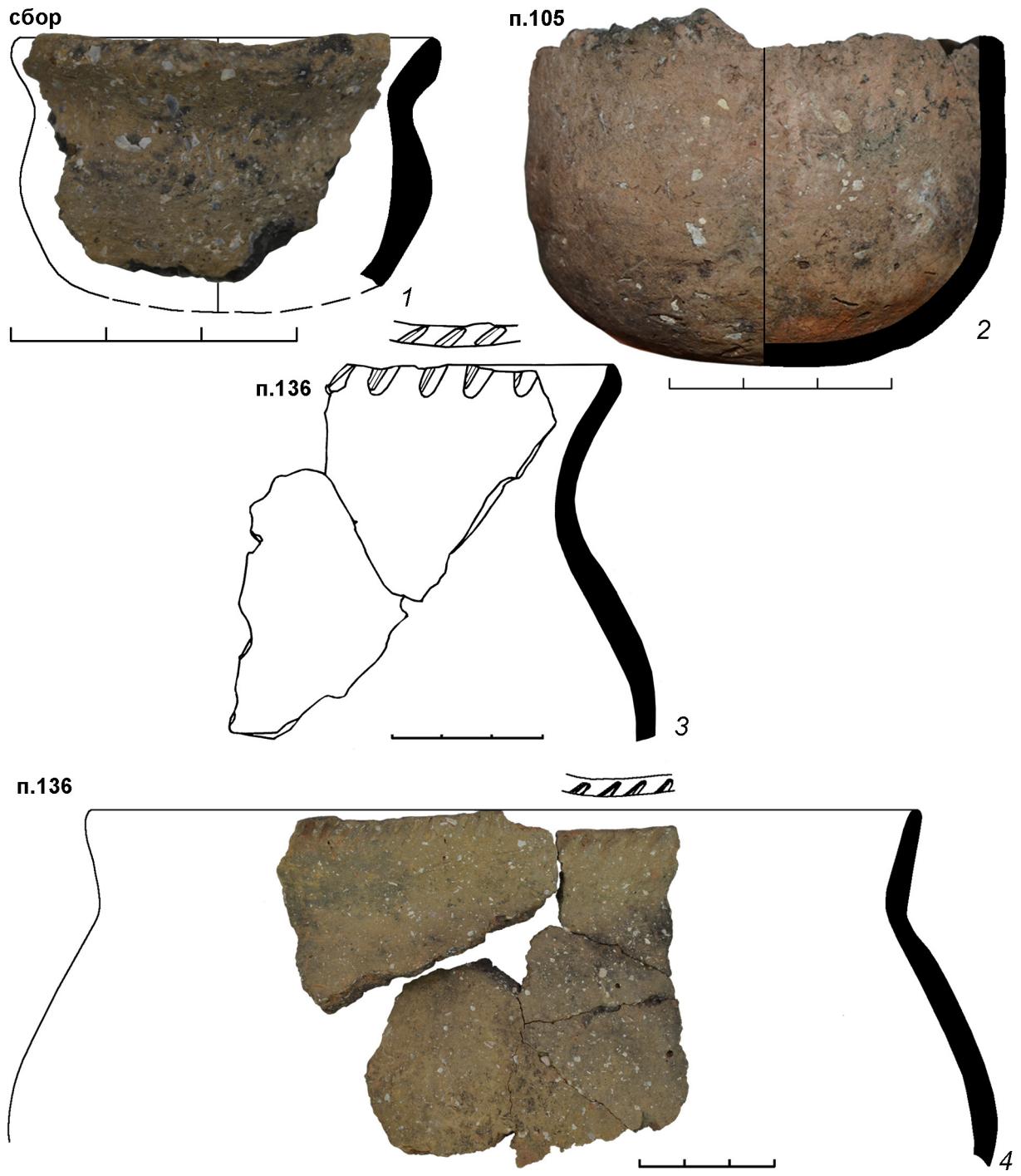

Табл. 163. Посуда и ее фрагменты (продолжение): 1–4 – глина

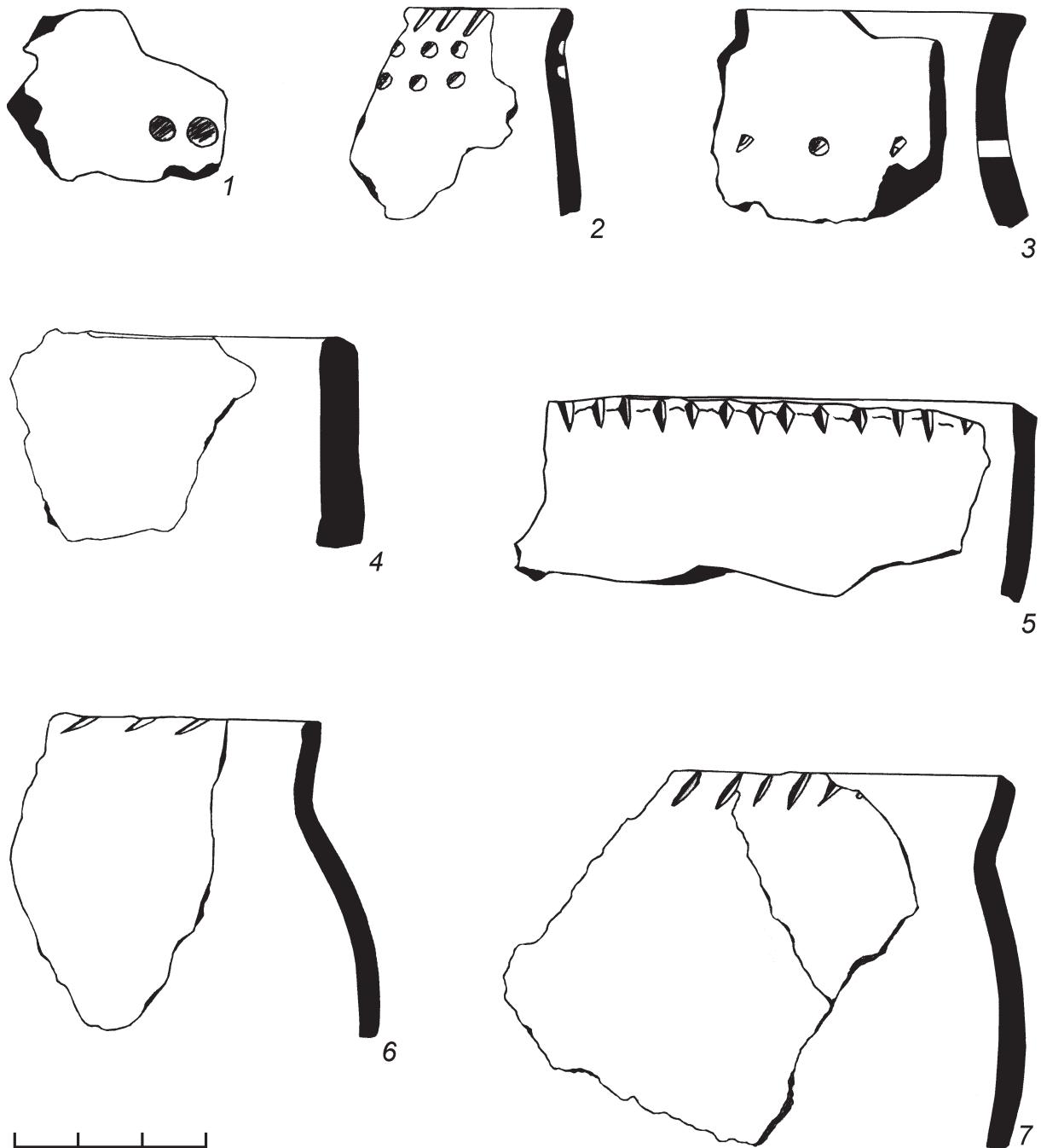

Табл. 164. Фрагменты посуды (продолжение): 1–7 – глина

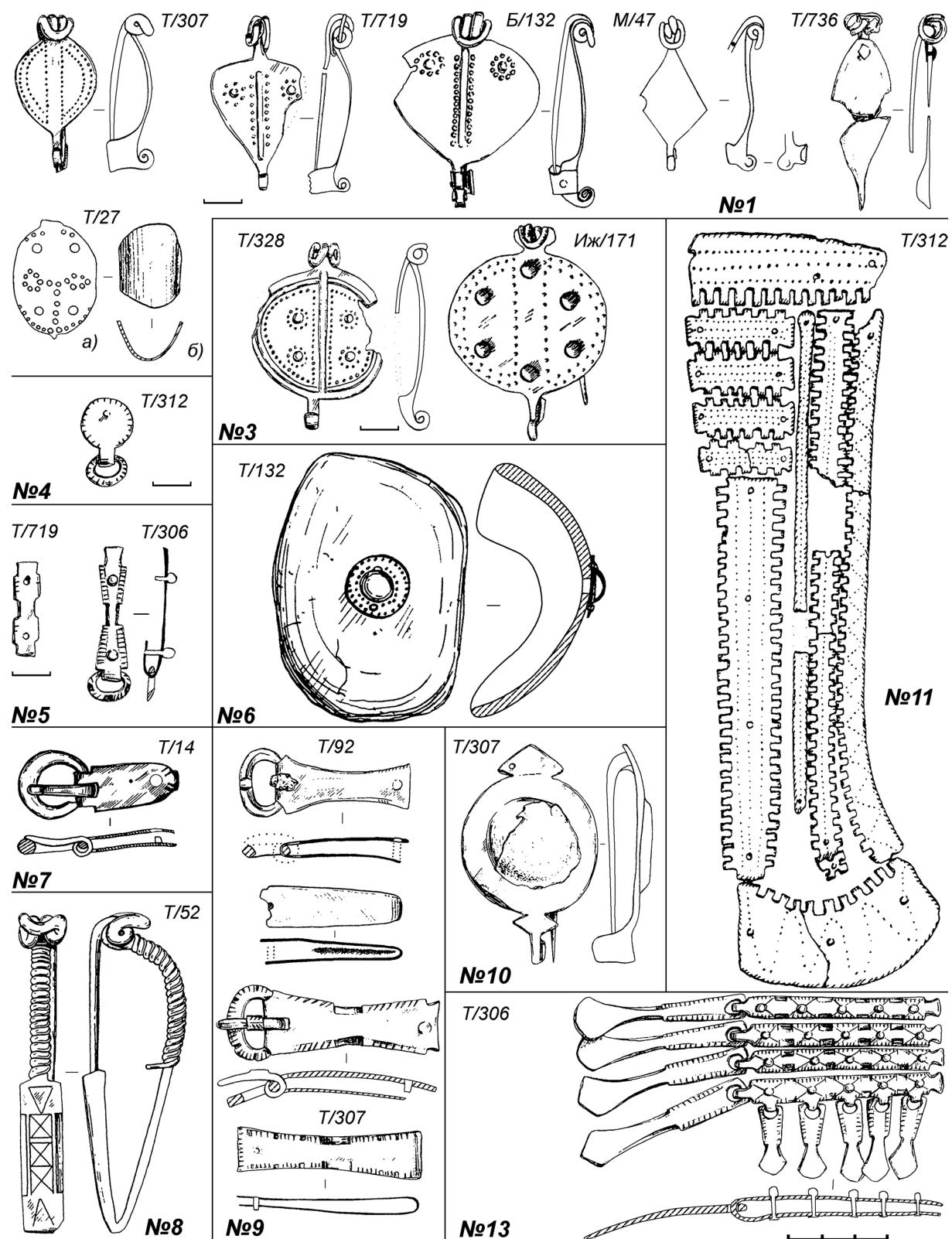

Табл. 165. Вещи «ранней» хронологической группы. Рисунки из погребений Мазунино 47 и Тарасово 27 (а) выполнены О.Ф. Хайруллиной, остальные даны по: Голдина, 2003, табл. 7, 2 (дополнен О.Ф. Хайруллиной); 11, 1–8; 19, 6–5; 32, 2, 8 (дополнен О.Ф. Хайруллиной); 48, 10–3; 132, 1–4, 1–5; 134, 2, 8; 135, 1–23, 1–25; 139, 7; 140, 8–23; 146, 8; 308, 9, 17; 317, 34; Останина, 1984, табл. 19, 7. (Б – Боярка, Иж – Ижевск, М – Мазунино, Т – Тарасово)

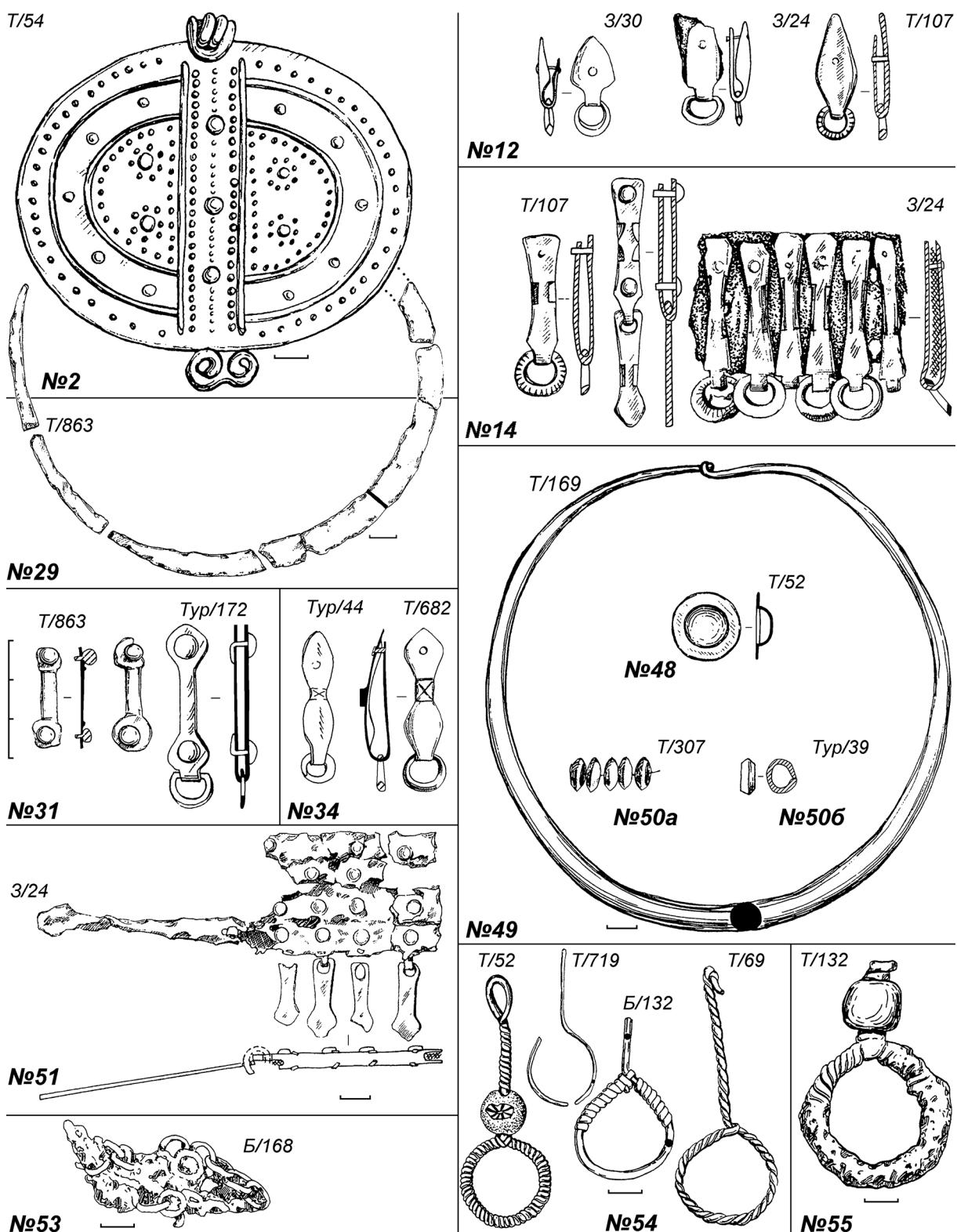

Табл. 166. Вещи «ранней», «переходной» и «поздней» хронологических групп. Рисунки даны по: Бернц, 2006, рис. 12, 4; 14, 4, 5; 21, 16; Голдина, 2003, табл. 19, 1–7, 6–2; 20, 2; 26, 1–8; 37, 3–2, 3–3, 4–2; 48, 7; 67, 4–9; 134, 3; 287, 4; 308, 1–3; 372, 1–7, 4, 6;

Голдина, Бернц, 2010, табл. 33, 3–4; 40, 4; 126, 1–1.

(Б – Боярка, З – Зaborье, Т – Тарасово, Тур – Тураево I)

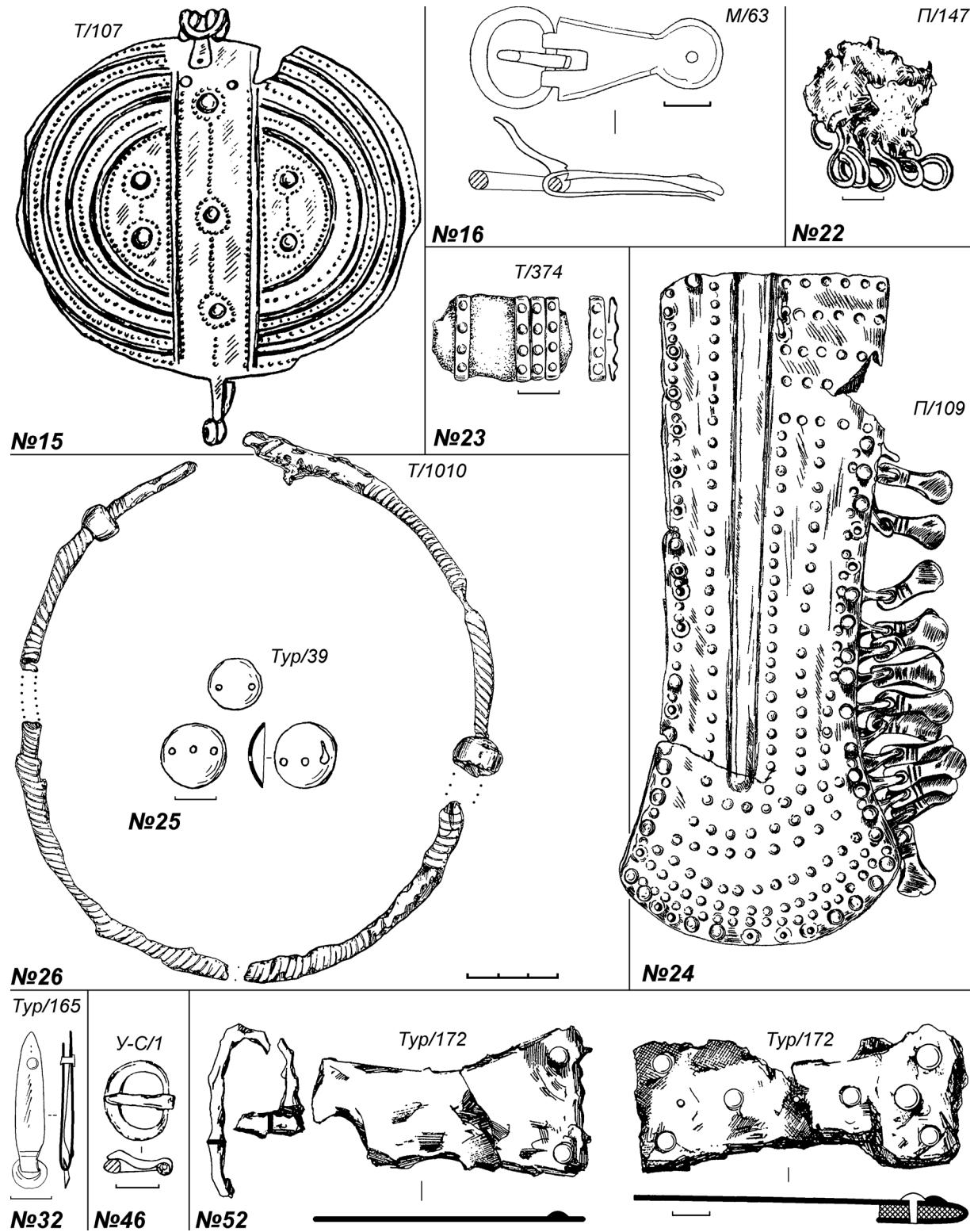
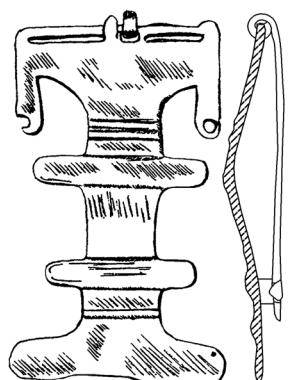
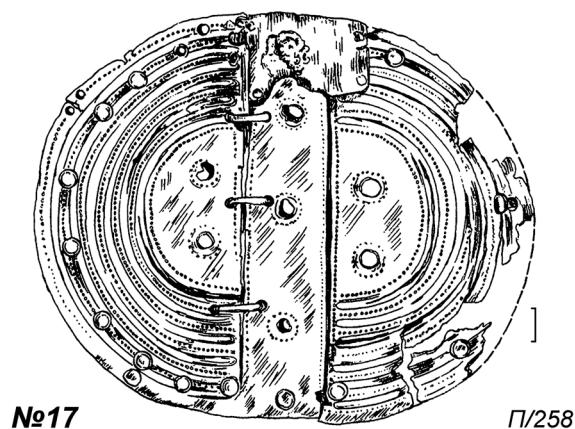
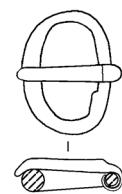

Табл. 167. Вещи «переходной» и «поздней» хронологических групп. Рисунок пряжки из погребения Мазунино 63 выполнен О.Ф. Хайруллиной, остальные рисунки даны по: Арматынская, 1986, рис. 3, 12; Голдина, 2003, табл. 37, 2; 167, 1; 415, 1–8; Голдина, Бернц, 2010, табл. 33, 3–6–8; 117, 1–5; 126, 1–4, 1–5; Останина, 1992, рис. 15, 6; 27, 9.
(М – Мазунино, П – Покровское, Т – Тарасово, Тур – Тураево I, У-С – Усть-Сарапулка)

Б-да/5

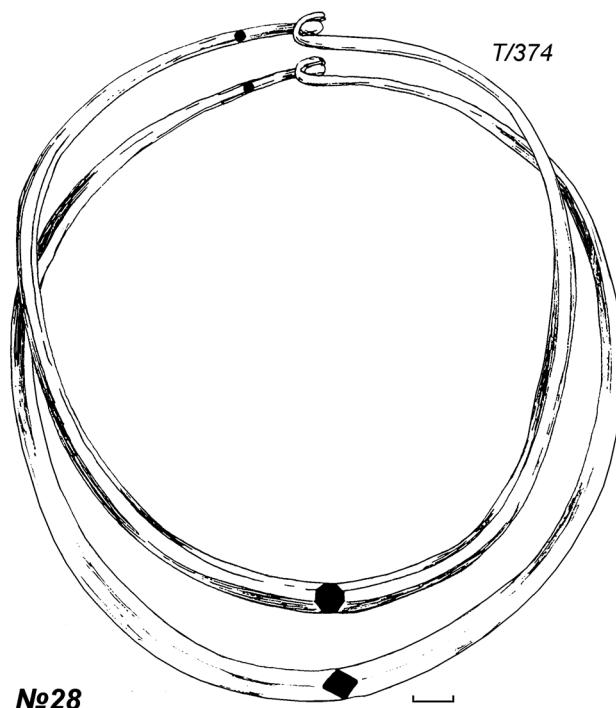

№17

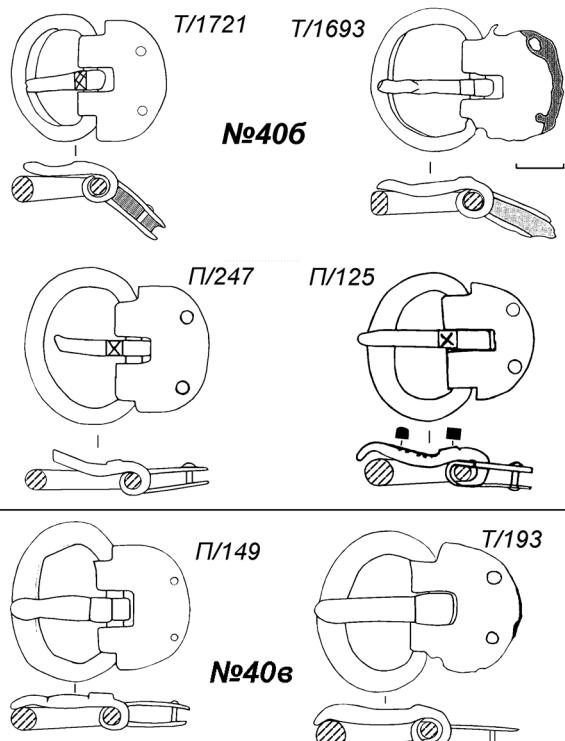
П/258

№21

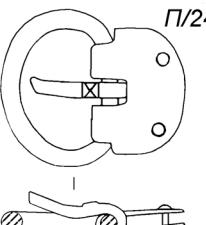
П/125

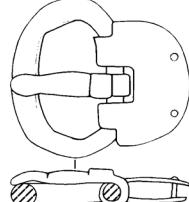
№28

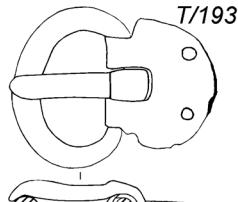
№40б

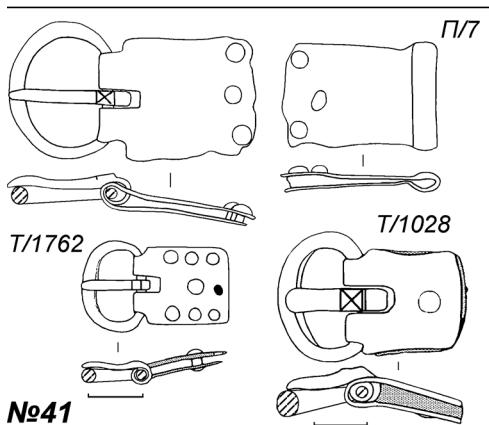
П/125

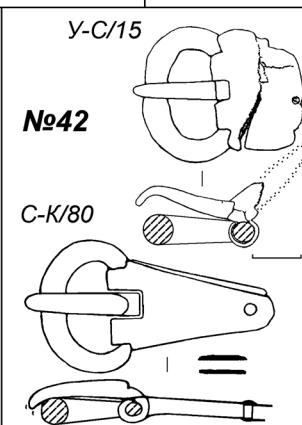
П/149

П/193

№41

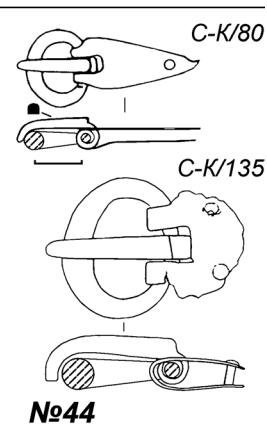
№42

У-С/15

С-К/80

№43

№44

С-К/80

С-К/135

Табл.168. Вещи «поздней» хронологической группы. Рисунки пряжек из погребений Быргында 5, Покровское 7, 149, 247, Старо-Кабаново 135, Тарасово 193, 1028, 1693, 1721, 1762, Усть-Сарапулка 15 выполнены О.Ф. Хайруллиной, остальные рисунки даны по: Гавритухин, 2022, рис. 3, 23, 26, 38, 40; Голдина, 2003, табл. 167, 8, 9; Останина, 1992, рис. 21, 14; 29, 7. (Б-да – Быргында, П – Покровское, С-К – Старо-Кабаново, Т – Тарасово, У-С – Усть-Сарапулка)

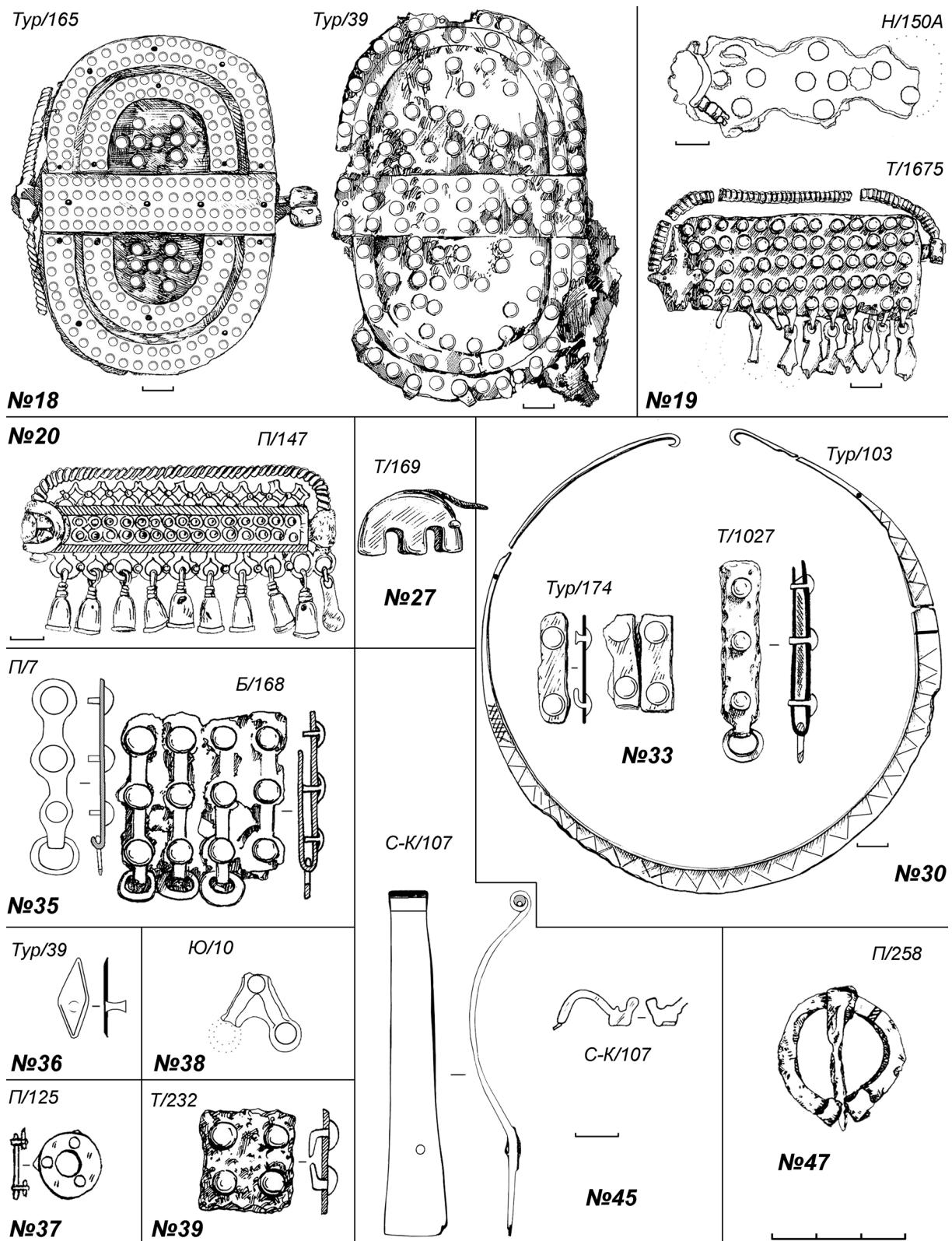

Табл. 169. Вещи «поздней» хронологической группы. Рисунки вещей из погребений Нива 150А, Покровское 7, Старо-Кабаново 107, Югомашево 10 выполнены О.Ф. Хайруллиной, остальные рисунки даны по: Васюткин, Останина, 1986, табл. 13, 9; Голдина, 2003, табл. 67, 4–3; 95, 1–3; 420, 2–1; 611, 6; Голдина, Бернц, 2010, табл. 32, 1–7; 34, 1; 79, 7; 118, 1–7; 128, 1–1, 2–1; Останина, 1992, рис. 21, 7; 27, 9; 28, 7. (Б – Боярка, Н – Нива, П – Покровское, С-К – Старо-Кабаново, Т – Тарасово, Тур – Тураево I, Ю – Югомашево)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Голдина Е. В., Черных Е. М.

МОРФО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУС БОЯРСКОГО (АРАЙ) МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ. В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-18003, опубликована по результатам XLIII заочной научной конференции International Research Journal в сборнике «Международный научно-исследовательский журнал». – 2015. – №9-1 (40). – С. 93–99.

Аннотация

В статье приведены результаты морфо-технологического анализа коллекции бус, происходящих из Боярского (Арай) могильника – одного из новых памятников мазунинского времени в Среднем Прикамье.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, бусы, морфология, технология изготовления.

MORPHO-TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE BEADS OF THE BOYARKA(ARAY) CEMETERY IV-V CENTURY A.D. IN THE MIDDLE KAMA REGION

Abstract

The article presents morphological and technological analysis of beads collection from the Boyarka (Aray) burial ground – one of the new monuments of the mazunino time in the Middle Kama region.

Keywords: The Middle Kama region, beads, morphology, technology.

Боярский («Арай») могильник расположен в Каракулинском районе Удмуртской Республики, 4 км к западу от д. Боярка. Занимает узкий мыс высотой 13 м, коренной террасы правого берега р. Камы, протекающей в настоящее время в 5 км к югу. Сведения о могильнике были получены в 2002 г. от сотрудника Сарапульского краеведческого музея Н.Л. Решетникова, которому житель д. Боярка С. Хвостовцев передал ряд вещей, происходивших с его слов из разрушающегося кладбища в окрестностях деревни. Раскопки могильника с 2002 по 2009 гг. осуществлялись к.и.н., профессором кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета Е.М. Черных, при активном участии научных сотрудников университета Т.А. Лаптевой, С.Е. Перевощикова, О.А. Карпушкиной. В результате было обнаружено 183 погребения, вещевой комплекс которых, по предварительным данным, датирован IV–V вв. н. э. и соответствует мазунинскому этапу чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности [11–14]. Всего же с площади могильника были собраны останки 217 человек (учитывая могилы, разрушенные черными копателями).

Объектом данного исследования является морфо-технологический анализ бус. Методической основой работы является учение о системах, предложенное Ю.Л. Щаповой и разработанное в рамках семинара «Морфология древностей» на кафедре археологии МГУ под ее руководством [16]. На основе данной методики были проведены исследования коллекций бус нескольких памятников Верхнего и Среднего Прикамья первой половины I тысячелетия н. э. [1–6].

Бусы обнаружены в 40 погребениях из 183 (22%) и насчитывают 2028 экземпляров, 3 экземпляра собраны на поверхности.

Материал

Почти все бусы в коллекции являются стеклянными (2011 экз., 99%), за исключением двадцати, выполненных из раковины (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение бус по материалу

Материал	Количество (экз.)	%
Стекло	2011	99
Раковина	20	1
всего	2031	100

Форма

По форме поперечного сечения все бусы округлые. По форме продольного сечения выделено 9 видов форм, среди которых наиболее распространены: зонные (1550 экз., 76,32%), бочонкообразные (401 экз., 19,74%) и цилиндрические (62 экз., 3,05%). Бусы иных форм немногочисленны (табл. 2). Бусы из раковины имеют форму цилиндра.

Таблица 2 – Форма тулова стеклянных бус

Форма поперечного сечения	Форма продольного сечения	Количество	%
Округлая	Шар	1	0,05
	Шар, усечённый дважды (зонная)	1550	76,32
	Шар, усечённый дважды многочастный (zonная многочастная)	3	0,15
	Эллипс, усечённый дважды (бочонкообразная)	401	19,74
	Эллипс, усечённый дважды многочастный (бочонкообразная многочастная)	1	0,05
	Цилиндр	62	3,05
	Цилиндр, уплощенный дважды вдоль канала	1	0,05
	Конус	1	0,05
	Биконус, усечённый дважды (линзовидная)	2	0,10
	Не установлено	9	0,44
	всего	2031	100

Размеры

Измерение бусины произведено по следующим параметрам: диаметр, высота и диаметр отверстия. Для упорядочения полученных данных была использована шкала, предложенная Ю. Каллмером [17, р.35], в которой величины диаметров разбиты на группы через каждые 2 мм. Пропорции бусины определены соотношением диаметра к высоте. В зависимости от этого бусы отнесены к группам: короткие – $H/D \leq 0,5$; средне-короткие – $0,5 < H/D \leq 1$; средне-длинные – $1 < H/D \leq 1,5$; длинные – $H/D \geq 1,5$. Данные о размерах бус нами объединены в единую таблицу, в которой по горизонтали размещены величины диаметров, а по вертикали – информация о пропорциях бус. В результате каждая бусина получает код размера, который обозначен цифрой с апострофом (табл. 3). Стеклянные бусы имеют диаметр от 2 до 18 мм. Абсолютно доминирует бисер диаметром 3–5 мм (1883 экз., 92,6%), а также встречаются экземпляры менее 3 мм (54 экз., 2,7%). Стеклянные бусы иных диаметров редки. По пропорциям почти все стеклянные бусы являются средне-короткими (1979 экз., 97,4%). Бусы из раковины имеют диаметр 5–7 мм и относятся по пропорциям к средне-коротким.

Таблица 3 – Корреляция диаметров и пропорций стеклянных бус¹

H/D D (мм)	< 3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	н/у	Всего	%
H/D≤0,5 короткие	1'* -	5' 8	9' 2	13' 4	17' 3	21' 17	25' 1	-	35	1,7
0,5<H/D≤1 средне-короткие	2' 51	6' 1873	10' 21	14' 4	18' 15	22' 14	26' 1	-	1979	97,4
1< H/D <1,5 средне-длинные	3' -	7' 1	11' -	15' -	19' -	23' -	27' -	-	1	0,1
H/D≥1,5 длинные	4' 3	8' 1	12' 1	16' -	20' -	24' -	28' -	-	5	0,3
Не установлено	-	-	-	-	-	-	-	-	11	0,5
Всего	54	1883	24	8	18	31	2	11	2031	
%	2,7	92,6	1,2	0,4	0,9	1,5	0,2	0,5		100

Цвет

Цвет бусины определен с помощью шкалы цветов, которая насчитывает 21 цветовой тон, каждый из которых имеет 8 различных оттенков по интенсивности и светлости. Шкала цветов была разработана на кафедре археологии МГУ на основе атласа цветов [10].

У одноцветных бус без декора и бус с декором определен цвет основы бусины, для бус с металлической прокладкой дается цвет внешнего слоя стекла. На памятнике встречаются декорированные бусы, у которых нельзя однозначно определить цвет основы и декора. Такие экземпляры названы многоцветными и для них отдельно проанализированы сочетания цветов.

Цветовая гамма стеклянных бус, найденных на Боярском (Арай) могильнике, насчитывает 13 цветов и оттенков (табл. 4). Одноцветные бусы без декора преобладают (2017 экз., 99,3%) и окрашены, преимущественно, в бирюзовый, синий и желто-зеленый цвета. Другие расцветки встречаются единично. Бусы с металлической прокладкой редки (12 экз., 0,6%) и, как правило, имеют желтый слабый (бесцветный) внешний слой (9 экз., 0,4%). Таким бусам желтый оттенок придает, по-видимому, цвет металлической прокладки, изготовленной из золотой фольги. Способ украшения бус золотой или серебряной фольгой был изобретен в Александрии в III–II вв. до н. э. и применялся в течение всего I тысячелетия н. э. По наблюдениям В.Б. Деопик, в первой половине I тысячелетия бытовали бусы с золотой фольгой, в VI–IX вв. – с серебряной [цит. по 8, с.100–101].

На памятнике выявлены лишь две декорированные бусины (0,1%), которые являются многоцветными. Один экземпляр окрашен в красно-коричневый, белый, бирюзовый цвета (тип VIB6a, рис. 1, цв. вклейка). Другая бусина относится к пятицветным и имеет черный, белый, красно-коричневый, желтый, бирюзовый цвета (тип VIB7a, рис. 1, цв. вклейка).

Таблица 4 – Цвет стеклянных бус

Цвет	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
сине-фиолетовый	5	-	-	5	0,2
синий	317	-	-	317	15,6
сине-зелёный	6	-	-	6	0,3
бирюзовый	1348	-	-	1348	66,4
оливковый слабый	30	-	1	31	1,5

* Цифра с апострофом означает код размера бусины.

жёлтый	13	-	-	13	0,6
желто-зеленый	237	-	-	237	11,7
бежевый	7	-	2	9	0,4
красно-коричневый	7	-	-	7	0,3
зелёный	6	-	-	6	0,3
голубой	1	-	-	1	0,1
желтый слабый (бесцветный)	7	-	9	16	0,8
чёрный	3	-	-	3	0,2
не установлен	30	2	-	32	1,6
всего	2017	2	12	2031	-
%	99,3	0,1	0,6	-	100

Декор

Основа декорированных бус изготавлена методом сварки из многоцветных стеклянных палочек, а затем согнута. Одна бусина изготовлена из палочек двух видов, которые чередуются и расположены в несколько рядов (тип VIB6, рис. 1, цв. вклейка). Другая бусина сварена из трех многоцветных палочек, каждая из которых представляет собой совокупность разноцветных квадратиков, которые образуют геометрический узор в виде цветка (тип VIB7a, рис. 1, цв. вклейка). Обе бусины относятся к мозаичным.

Прозрачность

По прозрачности выделяют бусы прозрачные, полупрозрачные и непрозрачные (табл. 5). В данной коллекции непрозрачные экземпляры преобладают (1782, 87,7%). Присутствуют также бусы, у которых не определена прозрачность. В эту группу вошли сильно корректированные (30, 1,5%) и многоцветные экземпляры, изготовленные из стёкол различной прозрачности (2, 0,1%). Все изделия из раковины непрозрачные.

Таблица 5 – Прозрачность стеклянных бус

Прозрачность	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
непрозрачные	1782	-	-	1782	87,7
полупрозрачные	179	-	-	179	8,8
прозрачные	26	-	12	38	1,9
не установлено	30	2	-	32	1,6
всего	2017	2	12	2031	-
%	99,3	0,1	0,6	-	100

Технология изготовления

Программа изучения технологии изготовления стеклянных бус и приемов наложения декора основана на методике З.А. Львовой, которая составила детальный список технологических приемов, используемых древними мастерами [7, с. 90–103]. Бусы из раковины изготовлены методом вырезания с последующим сверлением отверстия и шлифованием.

Стеклянные бусы Боярского (Арай) выполнены в четырех техниках (табл. 6). Бусы из тянутой трубочки доминируют (1947 экз., 95,9%). Этим способом изготовлена преобладающая часть одноцветных бус (1935 экз.) и все бусы с металлической прокладкой (12 экз.).

Методом разрезания одноцветной палочки с последующим проколом выполнено 34 бусины (1,7%). На памятнике выявлены изделия, изготовленные способом навивки (17, 0,8%). Метод сгибания полосы зафиксирован на одной одноцветной и двух многоцветных бусинах. Техника изготовления 30 бусин (1,5%) не установлена.

Вслед за Н.А. Школьниковой [15], выявленные технологические схемы были распределены на группы по принципу изготовления:

I – массовое (серийное) изготовление – к данной группе нами отнесены бусы из тянутой трубочки (1947 экз.; 95,9%);

II – индивидуальное изготовление – бусы, выполненные способом навивки (17 экз., 0,8%);

III – серийно-индивидуальное изготовление – бусы, выполненные методом разрезания тянутой палочки (как одноцветной, так и многослойной), а также методом сгибания полосы (37 экз., 1,8%).

Таблица 6 – Технология изготовления стеклянных бус

Технология	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
разрезание тянутой трубочки	1935	-	12	1947	95,9
разрезание палочки	34	-	-	34	1,7
сгибание полосы	1	2	-	3	0,1
навивка	17	-	-	17	0,8
не установлена	30	-	-	30	1,5
всего	2017	2	12	2031	-
%	99,3	0,1	0,6	-	100

Таким образом, бусы обнаружены в каждом пятом погребении Боярского (Арай) могильника и почти все они изготовлены из стекла. Доминирует бисер, выполненный массовым (серийным) способом производства (разрезание тянутой трубочки): зонный, бочонкообразный или цилиндрический из непрозрачного или полупрозрачного бирюзового (типы IA8, IA7, IA32), синего (типы IA59, IA1) или желто-зеленого (тип IA6) стекла. Немногочисленны по количеству, но часто встречаются как в женских, так и в мужских погребениях крупные бесцветные (оливкового слабого оттенка; типы IVA24, IVA66) или зеленые (тип VIIA1) экземпляры. В целом, коллекция бус Боярского (Арай) могильника обладает характеристиками, свойственными памятникам Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э.: доминирование стеклянного бисера (прежде всего, бирюзового цвета), изготовленного методом разрезания тянутой трубочки; доля бус, выполненных из тянутой палочки не превышает 10%; применение бус и бисера в женском костюме в качестве украшения головного убора, пояса, височных подвесок; присутствие бус и бисера в составе подарочных наборов, уложенных в могилу [2; 9, с.55–57]. Особенностью памятника является малое количество бус и бисера с металлической прокладкой и бус, выполненных методом разрезания одноцветной палочки.

Литература

- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
- Голдина Е.В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого

переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.17. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010а. С.462–474.

3. Голдина Е.В. Бусы Бартымского I селища и Бартымского I могильника // Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.13. Ижевск, Пермь: Удмуртский государственный университет, 2011. С.307–321.

4. Голдина Е.В. Бусы городища Лобач и могильника Сухой Лог // Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, С. А. Перевозчика [и др.] Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.23. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. С.237–255.

5. Голдина Е.В., Бернц В.А. Бусы Зaborинского могильника IV в. н.э. в Среднем Прикамье // Евразийский союз ученых (ЕСУ). – 2015. – №4 (13), часть 10. – С. 131–135. // http://issuu.com/euroasiascience/docs/evro_13_p10.

6. Голдина Е.В., Кузьминых Н.В. Особенности бус Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всеросс. археологической конф. с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 59-61.

7. Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып.20. Л.: Искусство, 1979. С.90–103.

8. Львова З.А. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. Вып.24. Л.: Искусство, 1983. С.90–107.

9. Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. 327 с.

10. Рабкин Е.Б. Атлас цветов. М: Государственное издательство медицинской литературы, 1956. 210 с.

11. Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перевощикова С.Е. Исследования Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 344.

12. Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощикова С.Е. Исследования могильника Боярский (Арай) // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 377–378.

13. Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощикова С.Е. Исследование Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 393–394.

14. Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощикова С.Е. Исследование Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2008 года. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 389–390.

15. Школьникова Н.А. Стеклянные украшения конца I тыс. н.э. на территории Поднепровья // Советская археология. – 1978. – №1. – С.97–104.

16. Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: МГУ, 1989. 120 с.

17. Callmer J. Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca 800-1000 A.D. Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Nr.11. Bonn-Lund: Habelt, 1977. 229 p.

References

1. Goldina E.V. Busyi mogilnikov nevolinskoy kulturyi (konets IV – IX vv.). Ijevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyiy universitet, 2010. 264 s.

2. Goldina E.V. Harakteristika bus Turaevskogo I mogilnika (beskurgannaya chast) // Goldina R.D., Bernts V.A. Turaevskiy I mogilnik – unikalnyiy pamyatnik epohi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikame (beskurgannaya chast): Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T.17. Ijevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyiy universitet, 2010a. S.462-474.
3. Goldina E.V. Busyi Bartyimskogo I selscha i Bartyimskogo I mogilnika // Goldina R.D., Pastushenko I.YU., Chernyih E.M. Bartyimskiy kompleks pamyatnikov epohi srednevekovya v Sylvenskom poreche: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T.13. Ijevsk, Perm: Udmurtskiy gosudarstvennyiy universitet, 2011. S.307-321.
4. Goldina E.V. Busyi gorodischa Lobach i mogilnika Suhoy Log // Gorodische Lobach i ego okrestnosti v epohu srednevekovya / R. D. Goldina, I. YU. Pastushenko, S. A. Perevozchikova [i dr.] Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T.23. Ijevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyiy universitet, 2012. S.237-255.
5. Goldina E.V., Bernts V.A. Busyi Zaborinskogo mogilnika IV v. n.e. v Srednem Prikame // Evraziyskiy soyuz ucheniyih (ESU). – 2015. – №4 (13), chast 10. – S. 131-135. // http://issuu.com/euroasiascience/docs/evro_13_p10.
6. Goldina E. V., Kuzminiyh N.V. Osobennosti bus Tarasovskogo mogilnika I-V vv. na Sredney Kame // Perehodnyie epohi v arheologii: Materialy Vseross. arheologicheskoy konf. s mejdunarodnyim uchastiem «XIX Uralskoe arheologicheskoe soveschanie». Syiktyivkar: IYALI Komi NTS UrO RAN, 2013. S. 59-61.
7. Lvova Z.A. Tehnologicheskaya klassifikatsiya izdeliy iz stekla (po materialam rannesrednevekoviyh steklyannyih ukrasheniy) // ASGE. Vyip.20. L.: Iskusstvo, 1979. S.90-103.
8. Lvova Z.A. Tipologizatsiya po tehnologicheskому osnovaniyu steklyannyih bus Varninskogo mogilnika kak osnova ih otnositelnoy i absolyutnoy datirovki // ASGE. Vyip.24. L.: Iskusstvo, 1983. S.90-107.
9. Ostanina T.I. Naselenie srednego Prikam'ya v III-V vv. Izhevsk, 1997. 327 s.
10. Rabkin E.B. Atlas tsvetov. M: Gosudarstvennoe izdatelstvo meditsinskoy literatury, 1956. 210 s.
11. Chernyih E.M., Krasnoperov A.A., Lapteva T.A., Perevoschikov S.E. Issledovaniya Boyarskogo (Aray) mogilnika // Arheologicheskie otkryitiya 2003 goda. M.: Nauka, 2004. S. 344.
12. Chernyih E.M., Karpushkina O.A., Perevoschikov S.E. Issledovaniya mogilnika Boyarskiy (Aray) // Arheologicheskie otkryitiya 2004 goda. M.: Nauka, 2005. S. 377-378.
13. Chernyih E.M., Karpushkina O.A., Perevoschikov S.E. Issledovanie Boyarskogo (Aray) mogilnika // Arheologicheskie otkryitiya 2007 goda. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2010. S. 393-394.
14. Chernyih E.M., Karpushkina O.A., Perevoschikov S.E. Issledovanie Boyarskogo (Aray) mogilnika // Arheologicheskie otkryitiya 2008 goda. M.: Institut arheologii RAN, 2011. S. 389-390.
15. Shkolnikova N.A. Steklyannyie ukrasheniya kontsa I tyis. n.e. na territorii Podneprovya // Sovetskaya arheologiya. –1978. – №1. – S.97-104.
16. Schapova YU.L. Drevnee steklo. Morfologiya, tehnologiya, himicheskiy sostav. M.: MGU, 1989. 120 s.
17. Callmer J. Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca 800-1000 A.D. Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4.Nr.11. Bonn-Lund: Habelt, 1977. 229 p.

БУСЫ БОЯРСКОГО (АРАЙ) МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ. В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-18003, опубликована в журнале «Известия Самарского научного центра Российской академии наук». – 2015. – Т. 17, №3(2). – С. 567–575.

В статье приведены результаты анализа коллекции бус Боярского (Арай) могильника – одного из новых памятников мазунинского времени в Среднем Прикамье. Среди них классификация материала, специфика размещения бус в погребениях, а также виды комбинаций ожерелий из бус. В итоге, сформулированы выводы о схожести коллекции бус данного могильника памятникам Среднего Прикамья первой половины I тысячелетия н.э. по таким параметрам как, доминирование стеклянного бисера, изготовленного способом разрезания тянутой трубочки, незначительная доля бус, выполненных из тянутой палочки, присутствие бирюзовых одноцветных бус, использование бус в головных уборах, ожерельях, для украшения височных подвесок и в качестве темлячных подвесок в мужских поясах. Преобладание основных ожерелий из бус, составленных из одинаковых по происхождению изделий, позволяет сделать вывод о постоянстве торговых контактов местного населения и поступлении бус на территорию Среднего Прикамья при минимуме посредников.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, Боярский (Арай) могильник, классификация бус, размещение бус в погребении, использование бус, торговые связи.

Боярский (Арай) могильник – один из новых памятников мазунинского времени, который расположен в Каракулинском районе Удмуртской Республики, в 4 км к западу от д. Боярка. Раскопки могильника осуществлялись с 2002 по 2009 гг. к.и.н., профессором кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета Е.М. Черных, при активном участии научных сотрудников университета Т.А. Лаптевой, С.Е. Перевощикова, О.А. Карпушкиной. В результате было обнаружено 183 погребения IV–V вв. н. э., соответствующих мазунинскому этапу чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности¹. Всего же с площади могильника были собраны останки 217 человек (учитывая могилы, разрушенные черными копателями).

Объектом данного исследования является классификация бус, их размещение в погребениях относительно костяка и их использование населением, оставившим Боярский (Арай) могильник.

Бусы обнаружены в 40 погребениях из 183 (22%) и насчитывают 2028 экземпляров, 3 экземпляра собраны на поверхности.

Классификация бус. Создание классификации бус Боярского (Арай) могильника проведено по системе, разработанной для бус Верхнего Прикамья IV–IX вв. н. э. по материалам могильников неволинской культуры². Классификация бус Боярского (Арай) могильника является ее продолжением. Бусы разделены на группы, подгруппы, типы и подтипы. Критерием выделения групп для стеклянных бус является технология их изготовления, а для бус, изготовленных из других материалов – вид материала. Номера групп обозначены римскими цифрами. Для выявления подгрупп учтено наличие или отсутствие декора и вид материала. Номера подгрупп обозначены прописными буквами русского алфавита. Для обособления типов учтены форма, цвет, прозрачность, вид декора (обозначены арабскими цифрами). Подтипы характеризуют цвет декора (обозначены строчными буквами русского алфавита).

В результате классификации было выделено 4 группы, 6 подгрупп, 34 типа бус. Всего в классификацию вошло 2020 экземпляров бус, тип 11 экземпляров не установлен.

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа В^{*1} – бусы с металлической прокладкой.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутой палочки.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Группа VI. Бусы, изготовленные путем сгибания полосы.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа В – мозаичные.

Группа XIV. Бусы из раковины.

Подгруппа А – без декора.

Таблица 1. Код для определения размеров бус

H/D \ D (мм)	< 3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	21-23
H/D≤0,5 короткие	1'	5'	9'	13'	17'	21'	25'	29'
0,5<H/D≤1 средне-короткие	2'	6'	10'	14'	18'	22'	26'	30'
1< H/D <1,5 средне-длинные	3'	7'	11'	15'	19'	23'	27'	31'
H/D≥1,5 длинные	4'	8'	12'	16'	20'	24'	28'	32'

Каталог бус Боярского (Арай) могильника.

Группа I. Бусы, изготовленные из вытянутых трубочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IA1 (33 экз., здесь и далее: *рис. 1, цв. вклейка*). Зонная синяя полупрозрачная: погребение (погр.) 10 (10-5', 6-6')^{**}, погр.54 (13-6'), погр.115Г (3-6'), погр.154 (1-5').

Тип IA4 (13 экз., рис. 1). Зонная желтая непрозрачная: погр.115Г (1-6'), погр.168 (12-6').

Тип IA6 (222 экз., рис. 1). Зонная желто-зеленая непрозрачная: погр.10 (5-6'), погр.21 (2-6'), погр.115Г (7-6'), погр.168 (69-6'), погр.177 (4-6').

Тип IA7 (41 экз., рис. 1). Зонная бирюзовая полупрозрачная: погр.10 (39-6'), погр.154 (2-5').

Тип IA8 (1271 экз., рис. 1). Зонная бирюзовая непрозрачная: погр.21 (2-6'), погр.31 (47-6'), погр.41 (76-6'), погр.43 (22-6'), погр.50 (2-6'), погр.53 (155-6'), погр.54 (222-6'), погр.95А (14-6'), погр.115Г (2-6'), погр.118 (2-6'), погр.137 (28-6'), погр.141 (50-2', 264-6'), погр.147 (3-6'), погр.168 (348-6'), погр.177 (33-6'), сбор с поверхности (1-2').

Тип IA9 (3 экз., рис. 1). Зонная чёрная непрозрачная: погр.53 (1-6'), погр.168 (2-6').

Тип IA13 (5 экз., рис. 1). Бочонкообразная бесцветная полупрозрачная (серый слабый оттенок): погр.141 (4-10'), погр.177 (1-6').

Тип IA14 (7 экз., рис. 1). Бочонкообразная бежевая полупрозрачная: погр.115Г (7-6').

Тип IA17 (5 экз., рис. 1). Бочонкообразная бирюзовая непрозрачная: погр.54 (5-5').

Тип IA18 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная: погр.141 (1-10').

Тип IA31 (2 экз., рис. 1). Цилиндрическая синяя полупрозрачная: погр.54 (2-6').

Тип IA32 (27 экз., рис. 1). Цилиндрическая бирюзовая непрозрачная: погр.21 (5-6'), погр.54 (10-6'), погр.95А (12-6').

Тип IA41 (1 экз., рис. 1). Многочастная зонная синяя непрозрачная: погр.137 (1-6').

Тип IA58 (1 экз., рис. 1). Зонная красно-коричневая непрозрачная: погр.137 (1-7'), погр.168 (4-6').

* Пропуск буквенного или цифрового обозначения групп, подгрупп или типов означает отсутствие этой градации в изучаемой коллекции.

** Первая цифра в скобках означает количество экземпляров, вторая – код размера бусины (для расшифровки кода см. табл. 1).

Тип IA59 (282 экз., рис. 1) Зонные синие или сине-фиолетовые непрозрачные: погр.31 (8-6'), погр.43 (27-6'), погр.41 (69-6'), погр.50 (1-6'), погр.53 (22-6'), погр.168 (64-6'), погр.177 (91-6').

Тип IA60 (13 экз., рис. 1) Цилиндрическая желто-зеленая непрозрачная: погр.10 (5-6'), погр.54 (3-6'), погр.95А (5-6').

Тип IA66 (1 экз., рис. 1) Зонная бесцветная непрозрачная (серый слабый оттенок): погр.115Г (1-6').

Тип IA70 (1 экз., рис. 1) Бочонкообразная сине-фиолетовая непрозрачная: погр.74 (1-13').

Тип IA88 (1 экз., рис. 1). Конусовидная желто-зеленая непрозрачная: погр.21 (1-8').

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой.

Тип IB29 (3 экз., рис.1) Многочастная зонная с бежевым внешним слоем: погр.95А (1-4'), сбор с поверхности (2-4'). Возможно, желтый оттенок дает золотая металлическая прокладка.

Тип IB35 (9 экз., рис. 1). Бочонкообразная или шарообразная с бесцветным (желтоватым) внешним слоем. Возможно, желтый оттенок дает золотая металлическая прокладка: погр.31 (1-10'), погр.42 (1-14', 1-18'), погр.74 (1-14', 1-18'), погр.104 (1-14'), погр.119 (1-18'), погр.141 (1-17', 1-18').

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IVA16 (1 экз., рис. 1) Бочонкообразная сине-фиолетовая полупрозрачная: погр.136А (1-14').

Тип IVA19 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная: погр.141 (1-18').

Тип IVA22 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная голубая непрозрачная: погр.177 (1-10').

Тип IVA24 (17 экз., рис. 1) Бочонкообразные оливкового слабого цвета полупрозрачные: погр.31 (7-22'), погр.42 (2-22'), погр.46 (1-18'), погр.110 (1-18'), погр.115Г (1-26'), погр.139 (1-22'), погр.148 (1-18'), погр.163 (1-18'), погр.176А (1-22'), погр.183 (1-18').

Тип IVA26 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная (близка к цилиндрической) сплюснутая с двух сторон вдоль канала бирюзовая непрозрачная: погр.115Г (1-12').

Тип IVA36 (2 экз., рис. 1) Биконическая (линзовидная) бирюзовая полупрозрачная: погр.119 (1-9'), погр.147 (1-9').

Тип IVA66 (11 экз., рис. 1) Зонные оливкового слабого цвета полупрозрачные: погр.6 (1-21'), погр.74 (1-13'), погр.115Г (1-21'), погр.132 (1-13'), погр.134 (4-21'), погр.141 (1-13', 2-17').

Группа VI. Бусы, изготовленные путем сгибания полосы.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип VIA8 (1 экз., рис. 1) Зонная оливкового слабого цвета полупрозрачная: погр.135 (1-21').

Подгруппа В. Мозаичные.

Полоса (пластина) сварена из глазков по принципу мозаики, затем согнута.

Тип VIB6 (1 экз., рис. 1) Бочонкообразная. Сварена из глазков двух видов, которые чередуются и расположены в несколько рядов.

Вариант а: глазок белый, красно-коричневый; глазок бирюзовый: погр.115Г (1-18').

Тип VIB7 (1 экз., рис. 1) Бочонкообразная. Сварена из трех глазков, затем согнута. Глазок изготовлен из разноцветных квадратиков, которые образуют геометрический узор в виде цветка на бирюзовом фоне. Фон является частью глазка.

Вариант а: глазок коричневый, белый, красно-коричневый, желтый, бирюзовый: погр.134 (1-18').

Группа VIII. Бусы, изготовленные способом навивки.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип VIIIА1 (14 экз., рис. 1) Зонная зеленая (сине-зеленая или желто-зеленая) полупрозрачная: погр.1 (1-21'), погр.83 (1-21'), погр.111 (1-22'), погр.141 (2-21'), погр.142 (1-22'), погр.154 (1-18'), погр.166 (1-25'), погр.175 (1-21'), погр.176А (2-21', 1-22'), погр.177 (2-21').

Тип VIIIА2 (1 экз., рис. 1) Зонная оливкового слабого цвета прозрачная: погр.78 (1-21').

Тип VIIIА7 (3 экз., рис.1) Зонная сине-фиолетовая полупрозрачная: погр. 141 (2-18', 1-22').

Группа XIV. Бусы, изготовленные из раковины.

Подгруппа А. Без декора.

Тип XIVА4 (20 экз., рис.1). Цилиндрическая: погр.115Д (7-6', 9-10'), погр.141 (4-10').

Тип не определен для 11 экземпляров. На памятнике обнаружена стеклянная подвеска грибовидной формы из сине-зеленого полупрозрачного стекла (погр. 154).

Особенности встречаемости бус в погребениях. Количество бус в погребениях варьирует от 1 до 499 экземпляров (табл. 2). Более половины погребений (28; 66,4%) содержали малое количество бус – от 1 до 5, наборы от 10 до 83 экземпляров обнаружены в восьми погребениях (19,2%). Крупные скопления бус более сотни экземпляров (от 132 до 499 экз.) зафиксированы в шести могилах (14,4%).

Таблица 2. Распределение бус по числу находок в погребениях

Количество бус в погребении	№№ погребений	Количество погребений	%	Общее количество бус	%
1	1, 6, 46, 78, 83, 104, 110, 111, 132, 135, 136А, 139, 142, 148, 163, 166, 175, 183	18	42,8	18	0,9
2	118, 119	2	4,8	4	0,2
3	50, 115Б, 176А	3	7	9	0,4
4	74, 147, 154	3	7	12	0,6
5	42, 134	2	4,8	10	0,5
10	21	1	2,4	10	0,5
16	115Д	1	2,4	16	0,8
29	115Г	1	2,4	29	1,4
31	137	1	2,4	31	1,5
34	95А	1	2,4	34	1,7
62	43	1	2,4	62	3,1
65	10	1	2,4	65	3,2
83	31	1	2,4	83	4,1
132	177	1	2,4	132	6,5
196	41	1	2,4	196	9,7
222	53	1	2,4	222	10,9
261	54	1	2,4	261	12,9
335	141	1	2,4	335	16,5
499	168	1	2,4	499	24,6
Всего		42	100	2028	100

Специфика размещения бус в погребениях и их использование. Анализ размещения бус в могиле проводился на основании сведений о 40 погребениях, содержащих 42 костяка (табл. 3). В половине случаев (52%) пол погребенного определен как женский (22), 12 погребений – мужские (29%). Особенностью памятника является сравнительно большое количество захоронений детей с бусами (8 погребений, 19%). В целом, доля детских захоронений на некрополе одна из самых высоких в мазунинском ареале (33,4%).

Таблица 3. Размещение бус в погребениях³

Расположение бус Пол погребенного	Женщина	Мужчина	Пол не определён (ребенок)	Всего наблюдений	%
голова	п.10 (65)*, п.166 (1)	-	-	2	4,77
голова, пояс	-	-	п. 21 (?; 10)	1	2,38
шея	п. 139 (1)	-	-	1	2,38
плечо	-	п. 83 (1)	-	1	2,38
таз	-	п.78 (1), п. 110(1) п. 111 (1)	-	3	7,14
бедро	-	п. 1(1), п. 142(1) п. 175 (1), п.183 (1)	-	4	9,52
между бедер	-	п. 136А(1)	-	1	2,38
колено	п. 46 (1)	-	-	1	2,38
голень, между бедер	-	п. 119 (2)	-	1	2,38
стопы	п. 135 (1)	-	-	1	2,38
подарочный набор	п. 31 (83), п. 42 (5), п. 43 (62), п. 53 (222), п. 54 (261), п. 95А (34), п.115Г (29), п. 115Д (16), п. 132 (1), п. 134 (5), п. 137 (31), п. 141 (335), п. 147 (4), п. 148 (1), п. 168 (499), п. 176А (3)	п. 115Б (3)	п. 74 (4) п. 50 (3) п. 104 (1) п. 118 (2)	21	50
подарочный набор, плечо, локоть	-	-	п. 41 (190; 3; 3)	1	2,38
подарочный набор, между бедер	-	-	п. 154 (3; 1)	1	2,38
подарочный набор, не установлено	-	-	п. 177 (130; 2)	1	2,38
не установлено	п. 163 (1)	п. 6 (1)	-	2	4,77
Всего	22	12	8	42	
%	52	20	19		100

В женских**⁴захоронениях бусы, чаще всего, были обнаружены в составе подарочного набора (16 погребений, 73% от женских могил с бусами; табл. 3), который укладывали у стоп (преимущественно слева; 9 погребений) или в области головы (5 погребений). В единичных случаях подарочные наборы, содержащие бусы, были обнаружены в области шеи (погр.115Г) и правого плеча (погр. 42). Подарочные наборы, по-видимому, представляли собой берестянную коробочку, в которую, помимо иного инвентаря, размещали бусы (от 1 до 499), представленные разнообразным бисером, экземплярами с металлической прокладкой (типы IB29, IB35), а также крупными бусинами (типы IVA24, IVA66, VIIIА1, VIIIА7 и др.). В ряде случаев в состав подарочных наборов входили ожерелья из крупных бус (например, погр. 31, 134) или из крупных бус, чередующихся с бронзовыми (спиральновитыми) пронизками (погр. 42, 141).

* Цифра в скобках означает количество бус.

**Антропологические определения выполнены к.и.н., научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) И.Г. Широбоковым.

Кроме того, в погребениях женщин зрелого возраста (более 30, 40 или 50 лет) обнаружены одиночные бусины (типы IVA24, VIA8, VIIIА1) в области головы (погр.166), шеи (погр.139), правого колена (погр.46) и стоп (погр.135). Уникальна находка фрагментов женского головного убора в погребении 10, который располагался вокруг головы и включал в себя желто-зеленый, синий и бирюзовый бисер (65 экз.) и бронзовую пронизку (погр.10).

В **мужских** захоронениях бусы зафиксированы преимущественно по 1 экземпляру (10 погребений; табл.3) и располагались у левого бедра (3 погребения: 1, 142, 175), между бедер (2 погребения: 119, 136А) или в области таза (3 погребения: 78, 110, 111). Такие бусины достаточно крупны (диаметр 11–16 мм) и имеют оливковый слабый, зеленый или сине-зеленый цвета (типы VIIIА1, VIIIА2, IVA24). Анализ сопровождающего инвентаря в этих погребениях показал, что крупные бусины часто лежат рядом с ножом и пряжкой (погр.83, 110, 136А, 175) или ножом (погр.1) или ножом и иными предметами: костяной пронизкой (погр.78), железным наконечником дротика (погр.119). По-видимому, бусины были неотъемлемой частью пояса мужчины и выполняли роль темлячной подвески ножа или привески. Практика применения крупных бусин в поясах обнаружена и на других памятниках Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э., например, Тарасовском и Зaborынском. Причем на Тарасовском могильнике подобные находки зафиксированы как в мужских, так и женских захоронениях³.

Иное размещение бус в мужских погребениях встречается редко. Так, по одной бусине найдено в области голени (погр.119) и левого плеча (погр.83). В составе подарочного набора бусы (3 экз.) в мужском погребении были зафиксированы лишь один раз (погр.115Б). В погребении 183 невозможно определить местоположение бусины вследствие нарушения анатомического порядка расположения костей.

В погребениях с неопределенным полом, которые все отнесены к **детским**, бусы почти всегда встречались в составе подарочного набора (табл.3). Наблюдается закономерность – чем старше ребенок, тем больше бус и бисера присутствует в подарочном наборе (от 1 до 190 экз.).

Также как и на других памятниках Среднего Прикамья этого времени, на Боярском (Арай) могильнике зафиксированы височные подвески, украшенные бусинами. Они найдены у 24 умерших (57% от 42 захороненных). Всего обнаружено около 60 височных подвесок (цифра неточная, в связи с плохой сохранностью некоторых экземпляров). Височные подвески с бусинами сопровождали 5 погребенных (12% от 42): четырех женщин зрелого возраста (25–50 лет) и одного ребенка (5–7 лет). В этих могилах всего найдено около 11 височных подвесок и почти все они украшены крупными бусинами (диаметр 14–17 мм; табл. 4) оливкового слабого, зеленого или сине-зеленого цветов (типы VIIIА1, IVA24, IVA66). Аналогичные типы бус были обнаружены и в мужских погребениях на поясах. По-видимому, такие экземпляры были наиболее пригодны для нанизывания на металлический прут височной подвески, на темляк ножа или кожаный шнурок пояса. Единожды на височной подвеске зафиксирована декорированная бусина (погр.134; тип VIB7a; рис. 1).

Таблица 4. Височные подвески с напускными бусинами

№ п/п	№ погр.	пол	возраст	всего височных подвесок в погребении	из них с бусинами	количество бус на височной подвеске
1	134	жен	40–50	2	2	1
2	141	жен	25–30	2	2	1
3	148	жен	40–45	2	2	1
4	176А	жен	н/у	7 фрагментов	3	1
5	177	реб.	4–10	2	2	1

Виды комбинаций ожерелий из бус. Как и в ряде предыдущих исследований, посвященным бусам Верхнего и Среднего Прикамья, была применена идея о виде комбинации ожерелий*,⁵ предложенная Р. Андреа и впервые апробированная в России Ю.Л. Щаповой⁴. Эта идея помогает различать способы и место, где были составлены наборы бус. Исследователем выделено 3 вида комбинаций: образцовая, основная и сборная. Считается, что *образцовая* комбинация, которую составляет сам изготовитель или торговец, связанный с ним, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. *Сборная* комбинация создается из различных по материалу и технологии изготовления бус, которые оказались в распоряжении потребителя в данный момент. *Основная* комбинация – изменённая образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение между образцовой и сборной комбинациями, но более тяготеет к образцовой.⁵

Для анализа наборов бус с точки зрения типа комбинаций были взяты ожерелья, содержащие не менее двух бусин. Данному критерию соответствовало 20 погребений (табл.5). Если с определением *образцовых* комбинаций нет никаких трудностей (они включают в себя стеклянные бусы, изготовленные в одной технологической схеме), то на принципах выделения основных комбинаций необходимо остановиться подробнее. Коллекция бус Боярского (Арай) могильника, как и иных памятников Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (например, Тарасовский, Тураевский, Зaborынский), не отличается разнообразием технологий изготовления стеклянных бус. Поэтому к *основным* отнесены ожерелья, которые содержат стеклянные бусы, выполненные в двух техниках изготовления. Наборы, содержащие бусы, изготовленные в трех и более техниках изготовления, а также из иного материала обозначены как *сборные*.

В соответствии с выбранными критериями к *образцовym* комбинациям на Боярском (Арай) могильнике можно отнести 13 погребений (65%), которые содержали от 2 до 499 бусин, изготовленных путем разрезания тянутой трубочки (11 погребений; табл.5). В одном захоронении найдено 16 бусин из раковины (погр.115Д). В погребении 115Б технология изготовления трех бусин не установлена.

Основные ожерелья выявлены в 4 погребениях (20%) и характеризуются следующими сочетаниями: тянутая трубочка + палочка (погр. 31, 147); тянутая трубочка + навивка (погр.154) и тянутая палочка + сгибание полосы (погр.134). Основные ожерелья содержали от 4 до 83 экземпляров бус.

Наборы бус, которые можно отнести к *сборным* ожерельям немногочисленны (3 погребения, 15%) и содержат следующие сочетания:

- тянутая трубочка + палочка + навивка (погр.177);
 - тянутая трубочка + палочка + сгиб полосы + не установлено (погр.115Г);
 - тянутая трубочка + палочка + навивка + не установлено + раковина (погр.141);
- Сборные ожерелья содержали от 29 до 335 бусин.

Таблица 5. Характеристика комбинаций комплексов бус⁶

№ п/п	Стекло					Раковина	№ погр.	Общее кол-во бус в погр.
	Тянутая трубочка	Тянутая палочка	Навивка	Сгибание полосы	н/у			
1	+ (65)**	-	-	-	-	-	10	65
2	+ (10)	-	-	-	-	-	21	10
3	+ (62)	-	-	-	-	-	43	62

* Термин «ожерелье» для могильников Среднего Прикамья условен, т. к. бусы, чаще всего, применялись не в качестве собственно ожерелий, а в составе головных уборов, были нанизаны на височные подвески и т.д.

** Цифра в скобках означает количество бус.

4	+ (3)	-	-	-	-	-	50	3
5	+ (196)	-	-	-	-	-	41	196
6	+ (222)	-	-	-	-	-	53	222
7	+ (261)	-	-	-	-	-	54	261
8	+ (34)	-	-	-	-	-	95А	34
9	+ (2)	-	-	-	-	-	118	2
10	+ (31)	-	-	-	-	-	137	31
11	+ (499)	-	-	-	-	-	168	499
12	-	-	-	-	-	+ (16)	115Д	16
13	-	-	-	-	+ (3)	-	115Б	3
14	+ (3)	+ (1)	-	-	-	-	147	4
15	+ (76)	+ (7)	-	-	-	-	31	83
16	+ (3)	-	+ (1)	-	-	-	154	4
17	-	+ (4)	-	+ (1)	-	-	134	5
18	+ (129)	+ (1)	+ (2)	-	-	-	177	132
19	+ (21)	+ (3)	-	+ (1)	+ (4)	-	115Г	29
20	+ (321)	+ (4)	+ (5)	-	+ (1)	+ (4)	141	335
Итого								
	17 (1937)	6 (20)	3 (8)	2 (2)	3 (8)	2 (20)	-	1994

Таким образом, по материалам бус, Боярский (Арай) могильник – это типичный памятник мазунинского этапа чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности. Бусы (в том числе и бисер) присутствовали как в женских захоронениях (они составляют половину от всех погребений с бусами), так и в мужских (около трети от погребений с бусами). В коллекции бус доминирует бисер, выполненный массовым (серийным) способом производства (разрезание тянутой трубочки): зонный, бочонкообразный или цилиндрический из непрозрачного или полупрозрачного бирюзового (типы IA8, IA7, IA32), синего (типы IA59, IA1) или желто-зеленого (тип IA6) стекла. Немногочисленны по количеству, но часто встречаются как в женских, так и в мужских погребениях крупные бесцветные (оливкового слабого оттенка; типы IVA24, IVA66) или зеленые (тип VIIIА1) экземпляры. Для некоторых типов бус найдены аналогии на памятниках Северного Причерноморья, где они датированы I–III вв. н.э. (табл. 6).⁶

Таблица 6. Аналогии типам бус Боярского (Арай) могильника на памятниках Северного Причерноморья

Тип	Кол-во бус	Тип по Е.М. Алексеевой	Дата по Е.М. Алексеевой
IA13	5	17	I–II вв. н. э.
IA58	1	3	I–III вв. н. э.
IA59	282	15	I–II вв. н. э.
IA66	1	2	I–II вв. н. э.
IB29	3	16	первые века н. э.
IB35	9	16	первые века н. э.
IVA36	2	85	II–III вв. н. э.
IVA66	11	17	I–II вв. н. э.

Анализ встречаемости бус в погребениях, по нашему мнению, может являться свидетельством особого статуса их хозяев. Более половины могил содержали по 1–5 бусин, одна пятая часть погребений с бусами содержала среднее число экземпляров (10–83) и лишь в шести могилах (14%) зафиксированы крупные наборы (свыше 100). В женских и в детских захоронениях бусы редко располагались так, как их носили при

жизни и найдены в большинстве случаев в составе подарочного набора. Исключение составляет лишь фрагменты головного убора в погребении 10, представленного скоплением вокруг головы желто-зеленого, синего и бирюзового бисера и бронзовой пронизкой. В подарочные наборы иногда укладывали ожерелья из крупных прозрачных бусин, которые в некоторых случаях чередовались с бронзовыми пронизками. По мнению исследователей, ожерелья из чередующихся спиральновитых пронизок и стеклянных бус можно считать особенностью мазунинского населения⁷. Крупные бесцветные или зеленые бусины нанизывали на височные подвески, а также включали в состав мужского пояса вместе с ножом, пряжкой, некоторыми другими предметами. В мужских поясах крупные бусины выполняли функцию темлячной подвески или привески к поясу.

Анализ комбинации ожерелий (иными словами набора бус в погребении) показал, что на изучаемом памятнике преобладают образцовые ожерелья из бус, выполненных в одной технике (их количество в одном наборе достигает 499 экземпляров). Это позволяет предположить, что бусы попадали на территорию Среднего Прикамья в первой пол. I тыс. н. э. постоянно и при минимальном количестве посредников. Преобладание образцовых ожерелий зафиксировано и на других могильниках Среднего Прикамья изучаемой эпохи (например, Тарасовский, Тураевский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перевощиков С.Е. Исследования Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С.344; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощиков С.Е. Исследования могильника Боярский (Арай) // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С.377-378; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощиков С.Е. Исследование Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С.393-394; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощиков С.Е. Исследование Боярского (Арай) могильника // Археологические открытия 2008 года. М.: Институт археологии РАН, 2011. С.389-390; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е. Раскопки и разведочные работы в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2009 года. М.: Институт археологии РАН, 2013. С.244-245.
2. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
3. Голдина Е.В. Бусы в мужских погребениях Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Клио. Журнал для ученых. СПб: Издательство «Полторак». 2015. №1 (97). С.174-181. Голдина Е.В. Бусы в женских погребениях Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Вестник Пермского университета. История. Пермь. 2015. Вып.1 (28). С.53-69.
4. Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX-XII вв. (по находкам стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVII международному конгрессу византинистов. М.: МГУ, 1991. С.150-160.
5. Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С.250.
6. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. ГI-12. С.29-65.
7. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С.38; Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. - V в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. // Архив ИИКНП. Ф. 4/1, д.86, 86а. Ижевск, 2006. С.106; Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С.68.

Прокопьева Т.Ю., Черных Е.М.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА УКРАШЕНИЙ БОЯРСКОГО («АРАЙ») МОГИЛЬНИКА¹

Работы по изучению древних предметов из цветного металла в Удмуртском государственном университете планомерно проводятся в течение нескольких последних лет. Химический состав металла определяется методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) с помощью электронного анализатора Bruker S1 TURBOSDLE. К настоящему времени этим методом сотрудниками Удмуртского университета исследованы и опубликованы представительные серии металлических украшений из памятников пьяноборской общности в Среднем Прикамье (Ныргындинский I, Тарасовский и Красноярский могильники) и на Вятке (Ошкунский могильник) (Голдина, Переvoщиков и др., 2012; Переvoщиков, Сабирова, 2014а, 2014б; Казанцева, Переvoщиков и др., 2015). Указанные могильники относятся к первой половине I тыс. н. э. (Голдина, Красноперов, 2012; Казанцева, 2012; Лещинская, 2014), то есть к периоду, либо непосредственно предшествующему формированию памятников мазунинского типа, к которым относится Боярский («Арай»), как например, Ныргындинский I и Ошкунский, либо синхронизируются с ним в поздней части (Красноярский, Тарасовский). Это открывает возможности для сравнительно-сопоставительного изучения приводимых результатов, а в дальнейшем, с получением более широких серий, реконструкции истории металлообработки и производства ювелирных украшений в Прикамье.

Отбор предметов для аналитического исследования² был продиктован, в первую очередь, их хронологической позицией (важно, чтобы выборка охватила предметы из всех трех хронологических групп могильника). Таким образом, проанализированные изделия характеризуют состав 5-ти погребений «ранней» группы (№№ 102, 115, 123, 132, 134); 8-ми погребений «поздней» (№№ 7, 31, 81, 89, 105, 141, 168, 176) и 2-х погребений «переходной» (№№ 23А, 42). Во-вторых, не менее важно было учитывать при отборе степень сохранности изделий, поскольку для выполнения анализа поверхность предмета подвергается механической очистке от патины и инородного металла (например, железа) до получения поверхности чистого металла. Этому условию, к сожалению, отвечают далеко не все интересные с точки зрения морфологии и хронологии археологические предметы.

РФА-методом были исследованы 54 предмета из 23 погребений Боярского «Арай» могильника. Всего в составе погребального инвентаря некрополя выявлено 28 категорий вещей, представляющих собой украшения костюма, орудия труда, предметы вооружения и быта (см. п. 2.3, главы 2). Вариативность форм присуща, в основном, массовым категориям украшений – пронизкам, подвескам, накладкам. К индикаторам мазунинского культурно-хронологического комплекса в коллекции могильника относятся височные подвески в виде знака вопроса («мазунинский» тип), представленные, в основном, техникой навивки бронзовой проволоки на железный стержень, бабочковидные фибулы, некоторые типы гравен (круглопроволочные гладкие и с бронзовой обмоткой), подвесок и привесок (трапециевидные, «каплевидные» и «секировидные»), сюльгамы, поясные накладки (со сдвоенными площадками овальной и трапециевидной форм). Вместе с тем

¹ В статье представлены основные результаты выпускной квалификационной работы (бакалаврской работы) Т.Ю. Прокопьевой, подготовленной в период обучения на кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии под руководством к.и.н., профессора Е.М. Черных (рекомендована ГАК к публикации).

² Авторы благодарны заведующей научно-исследовательским центром «Камско-Вятская археологическая экспедиция» Удмуртского госуниверситета, к.и.н. С.А. Переvoщикову за действенную помощь в проведении рентгенофлуоресцентного анализа образцов.

в коллекции присутствует группа украшений, характерных для комплексов чегандинской культуры (лапчатая подвеска, обувная накладка с декором в виде выпуклин-полугорошин и шнура, ажурные накладки, некоторые типы бляшек-накладок и пронизок, а также застежка с неподвижным крючком).

В анализируемую выборку вошли следующие категории вещей: височные подвески (8 экз.), накладки (бляшки и поясные – 8 экз.), пронизки (7 экз.), фибулы (10 экз.)³, гривны (4 экз.), пряжки (2 экз.), наконечник ремня (1 экз.), сюльгамы (2 экз.), пинцеты (2 экз.), ажурные накладки (3 экз.), подвески/привески (5 экз.). Застежка с неподвижным крючком, плоская кольцевидная бляха из погр. 141 единичны, но важны для сравнительного изучения.

Полученные в ходе анализа химического состава цветного металла результаты были классифицированы по используемым в археологии параметрам (Ениосова и др., 2008, табл. 12.8–12.9). При определении группы сплава учитывалось процентное присутствие таких элементов как медь, олово, цинк, свинец. Результаты измерений представлены в таблице I с процентными показателями элементного состава.

Пять изделий в боярской выборке – гривна (погр. 105), две височные подвески (погр. 42, 134), фибула из погр. 42 и деталь фибулы типа Останина–1–4 из погр. 134 – изготовлены из технически «чистой» меди (рис. 1). Концентрация меди варьирует от 94,9 до 99%; в качестве примесей в основе присутствуют свинец и олово, а также серебро (не превышают порогового значения 1%).

Выполненные измерения с привлечением номенклатуры, предложенной Н.В. Ениосовой, Р.А. Митояна и Т.Г. Сарачевой (2008), позволили выделить в выборке изделий из Боярского («Арай») могильника 7 типов сплавов на основе меди и еще один на основе свинца (табл. II).

Как показывают многочисленные исследования по составу цветных металлов, древние сплавы содержат ряд примесей в виде химических элементов в малых концентрациях (например, Ag, Co, Ta, As, Mn, Mo). Происхождение микропримесей может быть различным. Например, присутствие железа часто объясняется коррозией. Но большинство примесей имеют естественное происхождение и являются частью первоначального состава медных руд. Они не особо влияют на свойства сплава, но иногда могут указывать на источники рудных месторождений. Примеси в образцах из Боярки представлены 18 различными химическими элементами. В большинстве случаев их сумма в сплаве не превышает 1%, однако, для некоторых изделий, прежде всего, изготовленных из латуни, характерно высокое содержание таллия, вольфрама и марганца.

Приводимая в таблице I статистика показывает, что подавляющая часть проанализированных предметов из Боярского могильника изготовлена из сплава меди с цинком, то есть принадлежит группе латуней (34 предмета) (рис. 2, 3, 4–5–9). Значительная часть изделий отлита из двойной латуни (CuZn), с содержанием цинка более 10%. Обосновываются 2 вида рецептур сплавов: в первом концентрация цинка варьируется от 26,6 до 37,6% (20 предметов). Из высокоцинковой латуни отлиты бляшки-накладки и ажурная накладка, пронизки, подвески и привески, обе пряжки и накладки из поясных гарнитур; здесь же гривны и две височные подвески «мазуинского» типа (одна – скрученная из двух проволок, проволока другой навита на железный стержень). Вторую подгруппу составляют 7 изделий, в составе сплава которых на долю цинка приходится от 10% до 14,3%. Это украшения местных типов: бабочковидные фибулы, сюльгама и височные подвески. Как правило, в рецептуре таких сплавов присутствуют в незначительных количествах олово (0,61–0,97%) и свинец (0,13–0,63%). Можно предположить, что во всех указанных изделиях был использован импортируемый металл.

³ В выборке также учтены фибулы, проанализированные Т.М. Сабировой при подготовке диссертации на соискание степени кандидата исторических наук и опубликованные в монографии (Сабирова, 2019, табл. 13). В прилагаемой нами таблице I они выделены знаком «*».

Таблица I

Элементный состав украшений и деталей поясов Боярского «Арай» могильника (в процентах)

Наимено- вание предмета	№ ин.	шифр	Cu	Zn	Pb	Sn	Fe	Co	Nb	Ag	Ta	W	Mn	Zr	Rh	As	Ni	Mo	Cr	Ru	Sb	Pd	In	Re	«Чистая» медь (Cu)	
Гривна	105	2149/74	99				0,4	0,1		0,47														0,03		
Височная подвеска	134	2149/298	98				0,41	0,41	0,05		0,32		0,65												0,18	
Височная подвеска	42	2139/438	94,9		0,44		4,3			0,39																
Фрагмент фибулы – завиток	134	2149/305	98,4		0,54		0,54			0,53																
Фибула*	42	2139/436	98,7				0,32	0,52		0,26														0,02		
Лагунъ (CuZn)																										
Фибула	115Г	2149/267	87,7	12,1	0,15				0,07																	
Фибула	134	2149/299	83,1	14,3	0,13	0,97	0,37		0,15	0,27			0,53											0,1		
Фибула	102	2149/36	80,4	13,7	0,63	0,89	0,64	0,15	0,15	0,25			2,79											0,12		
Височная подвеска	115Д	2149/286	66,9	28,8				0,25					8,98												0,28	
Височная подвеска	132	2149/315	88,2	10	0,3	0,91	0,5																	0,1		
Височная подвеска	141	2149/772	72,2	10,1					1,27															0,43		
Височная подвеска	168	2186/34	84,2	12,3	0,24	0,61	1,19	0,04		0,27			1,24	9,43	0,66	4,69										
Височная подвеска	148	2149/10	71,1	28,5									0,07	0,37												
Сюльгама	115Д	2149/289	84,2	13,6									0,33													
Бляшка-накладка	115Д	2149/284	71	28,2									0,35	0,07	0,07	0,31										

Оловянно-свинцовая бронза (CuSnPb)									
Наконечник ремня	31	2139/17	50,4	17,9	25,2	4,22		1,88	0,19
Височная подвеска	74	2139/1038	81,6	13,3	3,78	0,44		0,57	0,1
									0,2
									0,22

Оловоянная латунь (CuZnSn)

Свинцовая латунь (CuZnPb)

ЗНК	123	2149/197	84,5	6,88	7,16	1,46
Пронизка	141	2149/426	85,1	1,78	13,1	
Пиннет	107	2149/153	77,9	21,8	4,15	

Сплав свинца с медью (PbCu)

O - ε - (C - S -)

Моногидрат сульфата цинка (CuZnS₂·H₂O)

Итоговая оценка плавки (титановий в)							
Фибула*	132	2149/316	85,4	8,01	1,83	2,27	0,95 0,13 0,07 0,33 0,99
Фибула*	141	2149/418	83,23	8,00	2,23	3,25	2,79 0,41
Фибула*	89	2149/25	83,97	8,23	1,41	1,83	2,29 0,62 0,39
Фрагмент аккуратной накладки	31	2139/148	89,1	1,23	2,47	3,36	3,3 0,09 0,37 0,05 0,03

Таблица II

Типы сплавов Боярского «Арай» могильника

Тип сплава	Элементы	Количество анализов
Оловянная бронза	Cu+Sn	3
Оловянно-свинцовая бронза	Cu+Sn+Pb	6
Свинцовая бронза	Cu+Pb	1
Сплав свинца с медью	Pb+Cu	1
Оловянная латунь	Cu+Zn+Sn	3
Свинцовая латунь	Cu+Zn+Pb	3
Латунь	Cu+Zn	28
Многокомпонентные сплавы	Cu+Zn+Sn+Pb	4

С критически низким содержанием цинка (менее 5%) изготовлена пронизка (п. 132). В этом случае предполагается использование многократно переплавленного местными мастерами металла (Перевощиков, Сабирова, 2014б, с. 457).

По три изделия вошли в подгруппы трехкомпонентных латунных сплавов – оловянной и свинцовой. Из *оловянной латуни* (CuZnSn) изготовлены круглая бляшка-накладка из п.94, «бабочковидная» фибула и проволочная обмотка железной гривны из п.168 (рис. 5–6, 8, 9). Концентрация цинка в сплаве сильно варьирует – от 5,5 до 25,8%, олово содержится в меньшем количестве – 1,33–3,34%. Свинец в сплаве присутствует во всех трех предметах, однако его концентрация не является значимой – 0,46–0,53%. Три предмета изготовлены из *свинцовой латуни* (CuZnPb): это раннечегандинская застежка с неподвижным крючком (п. 123), сдвоенная пронизка (п. 141) и пинцет (п. 107) (рис. 6–1, 2, 4). Свинец содержится в количестве от 4,15 до 13,1%. Содержание цинка в сплаве не превышает 6,88%, за исключением пинцета, максимальное значение содержания цинка в котором достигает 21,8%. Высокое содержание цинка в сплаве, из которого отлит пинцет (21,8%), может служить признаком его неместного происхождения. Любопытно, что застежка из погр. 123 относится к кругу раннепьяноборских украшений; она имеет аналогии среди подобных застежек с крючком и обоймой для крепления к ремню в могильниках Средней Камы, Вятки и Белой (Голдина, 2018, рис. 9, 20–22). В отличие от боярской застежки находка из вятского Ошкинского могильника изготовлена из «местного» сплава – свинцово-оловянной бронзы, – обычного для металлообработки пьяноборских ювелиров Прикамья (Перевощиков, Сабирова, 2014б, с. 457).

Многокомпонентный сплав выявлен в четырех изделиях, среди которых три бабочковидных фибулы (пп. 89, 132, 141) и ажурная накладка из п. 31 (рис. 6–5–8). При этом, судя по составу элементов, фибулы изготовлены из многокомпонентной латуни (значение содержания цинка близко во всех трех застежках – 8,00–8,23%). Из микропримесей в сплаве можно отметить присутствие серебра (Ag) со значением 0,33–0,62%. Заметим, что у двух фибул Боярского («Арай») могильника (пп. 89 и 141) вид сплава определен Т.М. Сабировой (2019, каталог, №№ 362, 371, табл. 13). Татьяной Михайловной на значительной выборке из могильников Среднего Прикамья был установлен статистический факт абсолютного преобладания фибул из различных латуней (84,5%) над застежками из бронзы или «чистой» меди (Сабирова, 2019, с. 62). Серия из Боярки, как можно видеть, этот тезис подкрепляет. В ажурной накладке содержание в сплаве олова незначительно превышает как значение цинка, так и свинца. Многокомпонентные сплавы, как уже было замечено, могут являться результатом многочисленных переплавок изделий (Перевощиков, Сабирова, 2014б, с. 457).

Собственно бронзы (сплава меди с оловом) в выборке украшений из Боярки оказалось немного, хотя по легирующим компонентам они отличаются заметной вариабельностью.

Оловянная бронза (CuSn). Этот сплав выявлен в 3-х предметах: пинцет (п. 22), ажурная накладка (п. 168) и фибула из погр. 7 (рис. 4–2–4). Для всех изделий характерно высокое содержание меди ($\text{Cu} > 80\%$) и доля олова (Sn) в диапазоне 3,88–8,68%. Примеси свинца и цинка отмечены в двух изделиях, но их концентрация не превышает десятой доли пороговых 1%. Бронзовые сплавы практически всегда содержат такую добавку как свинец. Часть олова иногда может быть заменена свинцом, значительно улучшающим литейные свойства сплава.

Группу *свинцовых бронз* представляет одно изделие – пронизка из сдвоенных полуцилиндров (п. 141) (рис. 6–3). Лапчатая подвеска из п. 115Г, судя по компонентам, отлита из сплава свинца с медью (рис. 4–1). Что характерно, оба украшения принадлежат к кругу ранних пьяноборских.

Трехкомпонентный сплав – *оловянно-свинцовая бронза* – выявлен в 6 образцах: височная подвеска (п. 74), сюльгама (п. 148), наконечник ремня и привеска-«колокольчик» (п. 31), пронизка-полуцилиндр (п. 176А), кольцевидная бляха-застежка (п. 141) (рис. 5–1–5, 7). Концентрация легирующих элементов сильно варьирует. Содержание свинца характеризуется в пределах от 1,24% до 28,1%. По содержанию олова в сплаве выделяются 2 группы: сплав с содержанием 1,01–7,39% (височная подвеска, привеска-колокольчик и сюльгама) и сплав с содержанием 16,9–27,7% (наконечник ремня, пронизка и бляха). Столь высокую лигатуру сплава оловом возможно объяснить дополнительным вводом этого металла в тройную бронзу (с содержанием олова до 10%). Из микропримесей отметим железо (от 0,44 до 4,22% со средним значением 2,07%) и серебро, количество которого варьирует от 0,41 до 1,88%. Близкие показатели по лигатурам были выявлены и в составах бронзовых сплавов, из которых изготовлены украшения пьяноборских могильников Камы – Ныргындинского I (Голдина, Переображенов и др., 2012, с. 345) и Вятки – Ошкунского (Переображенов, Сабирова, 2014а, табл. 1).

Таким образом, анализ результатов измерений позволил выделить семь групп сплавов на основе меди, из которых изготовлены металлические изделия Боярского «Арай» могильника, и в одном случае сплав свинца с медью. Заметно выделяется данная выборка на фоне уже опубликованных результатов аналитических исследований камских украшений первой половины I тыс. н. э., прежде всего, многочисленностью латуней, их доля в выборке составляет 70,6%. В то же время, латуни отмечены Т.М. Сабировой как абсолютно превалирующий сплав при изготовлении мазунинских фибул (см. выше). Вторая по численности группа – изделия из оловянно-свинцовой бронзы (11,8%), используемой местными мастерами-литейщиками Прикамья раннепьяноборского времени – значительно уступает группе латуней.

Пример проанализированной выборки украшений из Боярского («Арай») могильника показывает, что в конце III–IV вв. н. э. прикамскими мастерами широко используются, помимо распространенных прежде оловянных и свинцово-оловянных бронз, другие виды сплавов (например, на основе цинка или свинца). Исследования каждой из проб показали чрезвычайное разнообразие химического состава металла. Практически все элементы представлены в металле Боярского могильника в самых разнообразных концентрациях. Металл содержит олово от десятых долей до 20% и более. Цинк встречается от сотых долей до 30%. Свинец также можно рассматривать как постоянную примесь к меди; характеризуется диапазоном концентраций от сотых долей до 10–20% и более. Эти три элемента – цинк, свинец и олово, – по-видимому, являлись основными искусственными приплавами к меди. Железо, содержание которого зачастую достигает в изученной меди нескольких процентов, относится, тем не менее, к разряду естественных примесей, или коррозийных образований.

Литература

- Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. №1(23). С. 150–177.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
- Голдина Р.Д., Перевоцников С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 341–362.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–187.
- Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИКВАЭ. Т. 24. Ижевск: ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2012. 180 с.
- Казанцева О.А., Перевоцников С.Е., Сабирова Т.М. Состав изделий из цветного металла Красноярского I могильника // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. Вып. 4 (24). С. 100–107.
- Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т.27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
- Перевоцников С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014а. № 1. С. 71–82.
- Перевоцников С.Е., Сабирова Т.М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э. / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014б. С. 452–470.
- Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2019. 238 с.

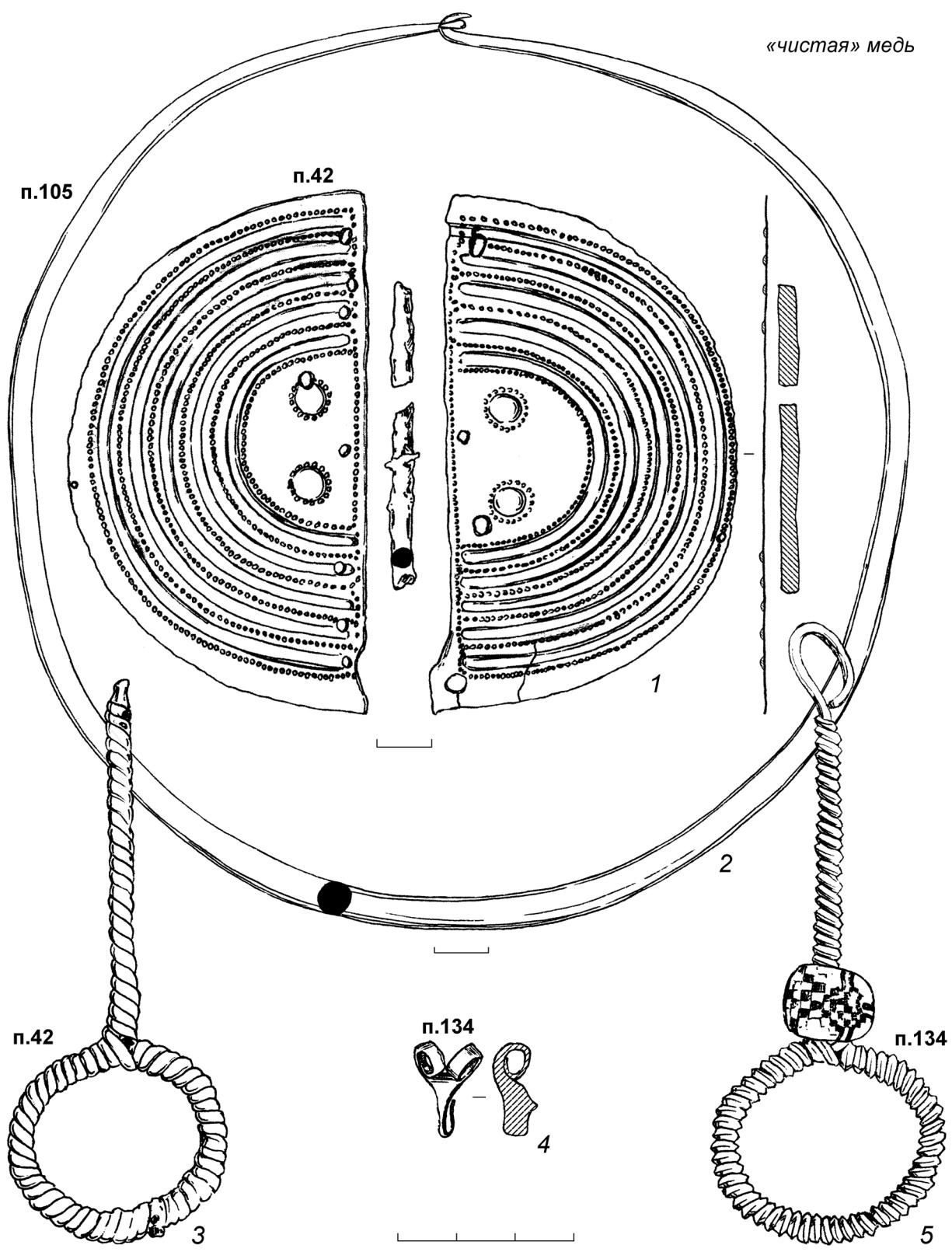

Рис. 1. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из «чистой» меди: 1 – фибула,
2 – гривна, 3, 5 – височные подвески, 4 – фрагмент фибулы («завиток»)

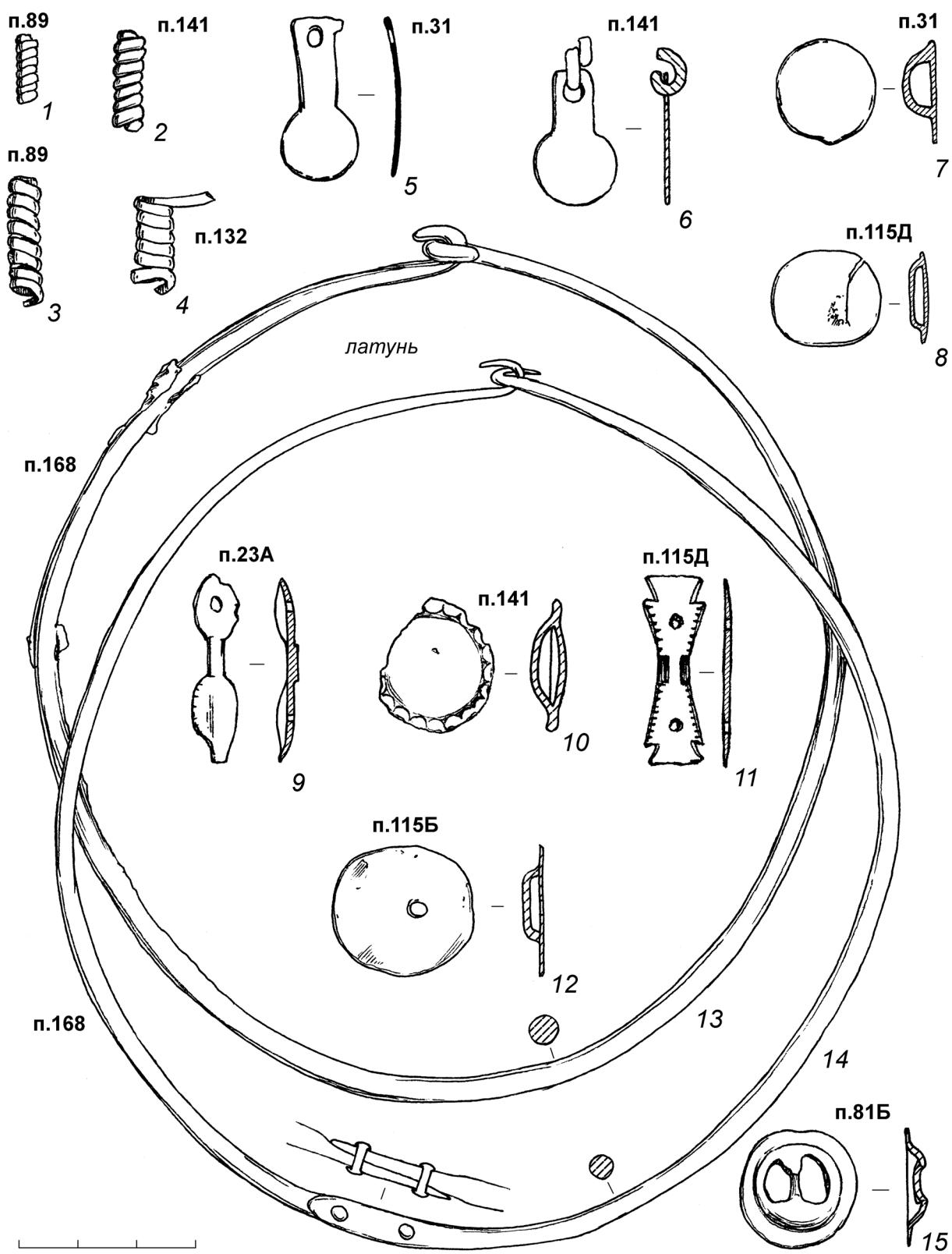

Рис. 2. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из латуни: 1–4 – пронизки,
5–6 – подвески (и привески), 7, 8, 10, 12, 15 – бляшки-накладки,
9, 11 – поясные накладки, 13, 14 – грифны

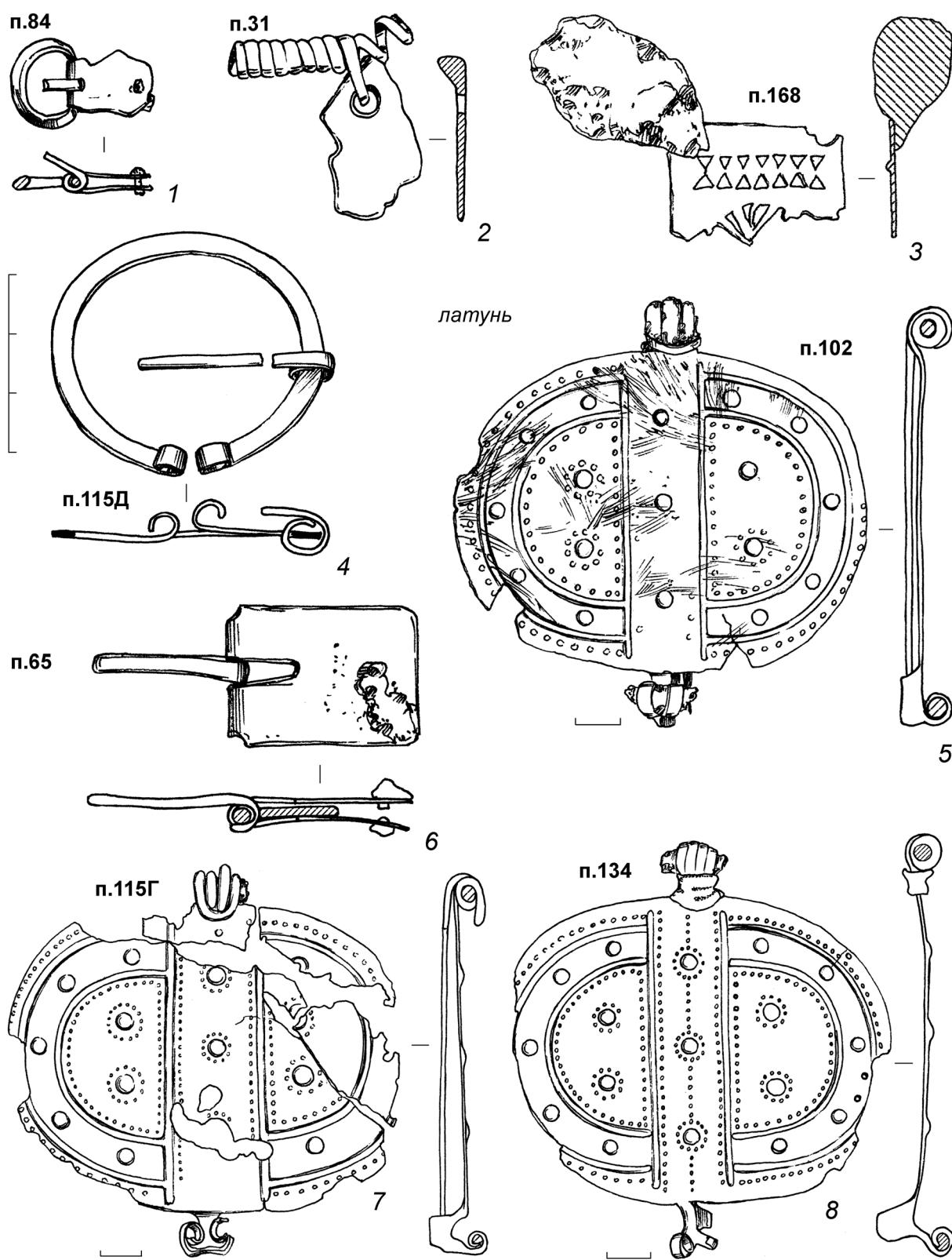

Рис. 3. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из латуни (продолжение):
1, 6 – пряжки, 2 – привеска, 3 – ажурная накладка, 4 – сюльгама, 5–8 – фибулы

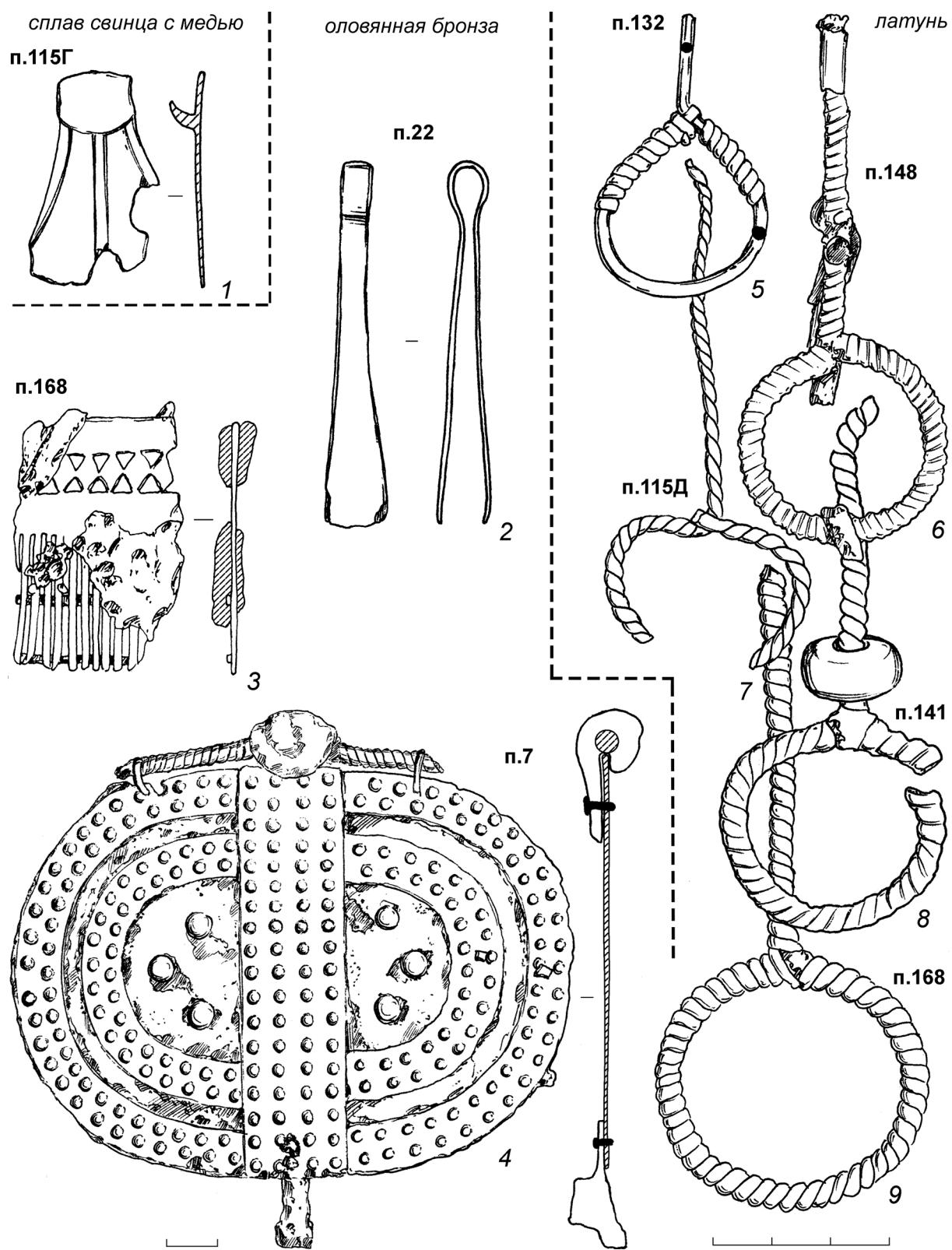

Рис. 4. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из сплава свинца с медью (1), оловянной бронзы (2–4), латуни (5–9): 1 – подвеска-лапка, 2 – пинцет, 3 – ажурная накладка, 4 – фибула, 5–9 – височные подвески

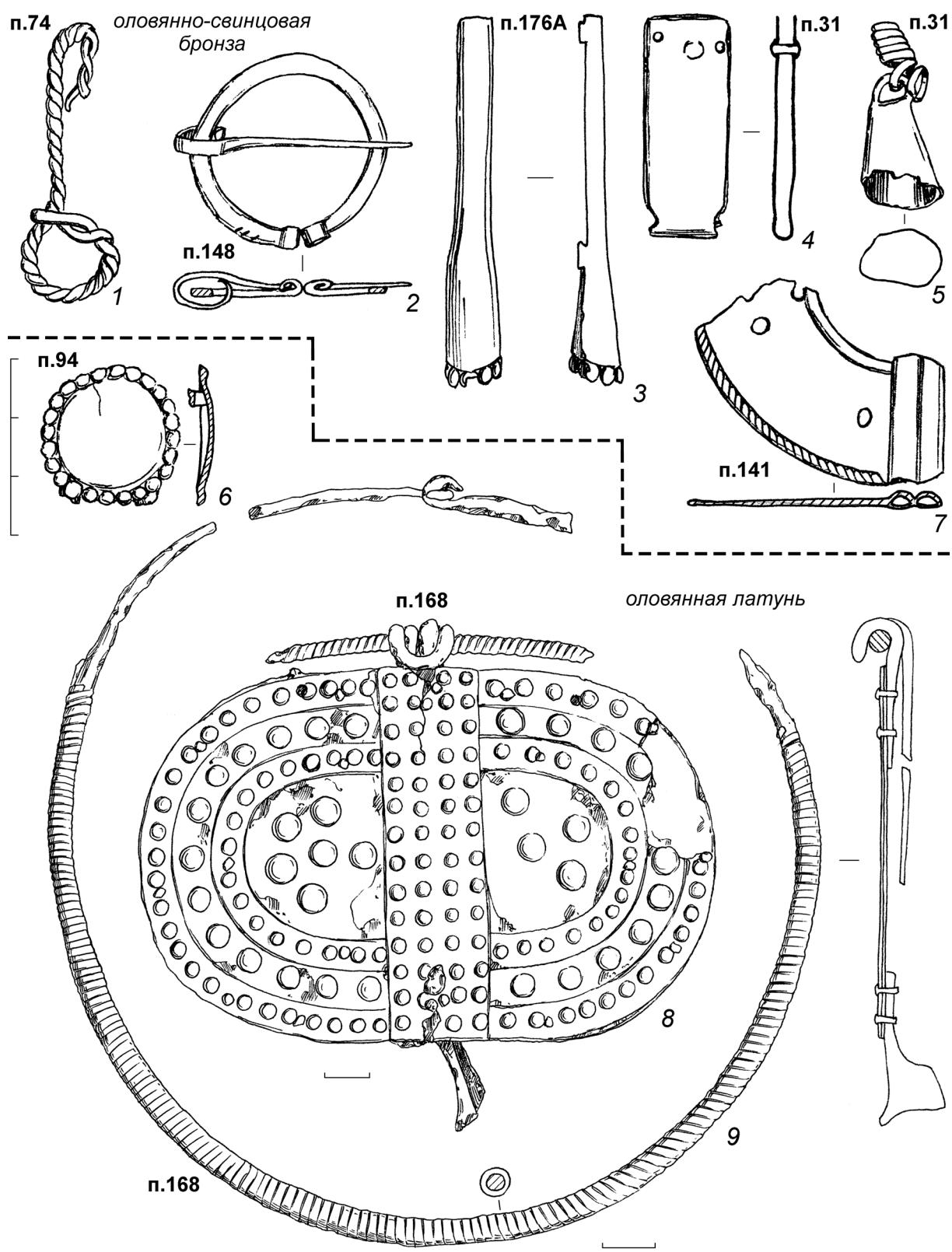

Рис. 5. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из оловянно-свинцовой бронзы (1–5, 7) и оловянной латуни (6, 8, 9): 1 – височная подвеска, 2 – сюльгама, 3 – пронизка, 4 – наконечник ремня, 5 – привеска-колокольчик, 6 – бляшка-накладка, 7 – фрагмент бляхи, 8 – фибула, 9 – гравна

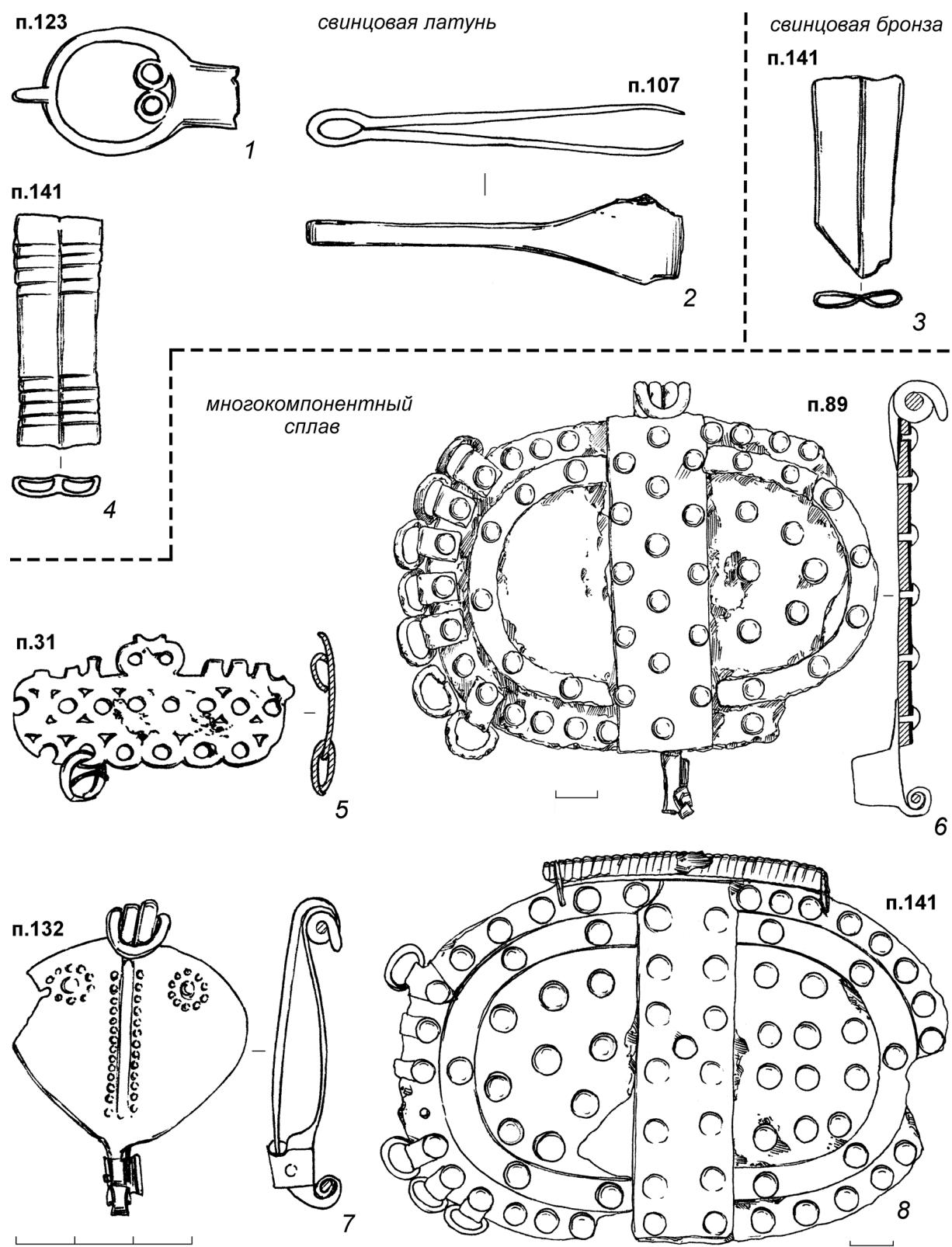

Рис. 6. Украшения Боярского «Арай» могильника, отлитые из свинцовой латуни (1, 2, 4), свинцовой бронзы (3), многокомпонентного сплава (5–8): 1 – застежка с неподвижным крючком, 2 – пинцет, 3, 4 – пронизки, 5 – фрагмент ажурной накладки, 6–8 – фибулы

РЕЗУЛЬТАТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БОЯРСКОГО («АРАЙ») МОГИЛЬНИКА

Введение. Результаты исследований, описанию которых посвящена настоящая публикация, дополняют и отчасти корректируют ранее опубликованные данные (Широбоков, Черных, 2016). Характеристика населения, оставившего Боярский могильник, была дополнена за счет проведения палеодемографического анализа и кратких описаний генетических данных. Сравнительное изучение краниологических и остеометрических данных несколько расширено за счет привлечения новых материалов, опубликованных за последние десять лет. Кроме того, был применен новый, более корректный по сравнению с принятым сегодня (с точки зрения автора) способ расчета расстояний Махalanобиса между выборками для оценки морфологического сходства между ними.

Палеодемографическая характеристика. Всего в ходе проведения работ было выявлено 183 погребения. С учетом одиночных погребений, скелеты в которых не сохранились или представлены фрагментами зубов, а также разрозненных костей, происходящих из грабительских раскопок, минимальное установленное число погребенных на могильнике составило 217 человек. При определении демографических параметров популяции были учтены останки 194 человек (индивидуы, для которых удалось установить пол и/или возраст), при расчете вероятной численности населения – общая минимальная численность погребенных. Определение пола и возраста проводилось в соответствии с принятыми в современной физической антропологии методиками (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; White, Folkens, 2005; Schaefer et al., 2009). Биологический возраст индивидов по возможности устанавливался по результатам изучения комплекса признаков, включивших в себя: 1. Степень облитерации швов свода черепа; 2. Степень стертости зубов; 3. Степень сращения эпифизов и состояние суставных поверхностей длинных костей. Возраст детей оценивался преимущественно путем сопоставления возрастных интервалов, в которых находятся размеры длинных костей и которым соответствует наблюдаемая картина прорезывания зубов (Schaefer et al., 2009). Половая принадлежность индивидов определялась преимущественно с учетом морфологии тазовых костей и черепа. Однако в некоторых случаях пол вынужденно устанавливается по признакам частично разрушенных элементов скелета (угол большой седалищной вырезки, признаки рельефа разрозненных элементов черепа, метрические характеристики головок бедренной и плечевой костей). Такие определения отмечены в основном тексте знаком вопроса, поскольку являются менее надежными.

Относительное распределение умерших по возрастным группам дано в таблице 1. Около трети от общего числа индивидов с установленным возрастом относятся к категории моложе 15 лет (больше половины из которых вошли в первый пятилетний интервал), каждый восьмой погребенный – к старшей когорте (более 50 лет). Средний возраст смерти составляет 26 лет, средний возраст смерти среди взрослых (старше 15 лет) – 37 лет. В пределах выборки погребенных с установленным полом средний возраст смерти у мужчин несколько выше, чем у женщин (39 и 36 лет соответственно). Доля мужчин среди погребенных с установленным полом несколько выше (57 и 43% соответственно), однако эти различия статистически незначимы.

Если подходить к анализу палеодемографических данных в рамках стационарной модели, до сих пор принятой российскими антропологами в качестве основной, то мы получим следующую картину. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении соответствовала

среднему возрасту смерти и составляла около 26 лет. Кривые, описывающие динамику вероятности смерти, говорят о несколько более благополучной демографической картине в мужской части выборки. Как у мужчин, так и у женщин фиксируется постепенное увеличение вероятности смерти, достигающее локального максимума в возрастном интервале 30–35 лет. Однако у мужчин в большинстве возрастных интервалов вероятность смерти ниже, чем у женщин. Выравнивание показателей между полами происходит лишь в интервале 45–49 лет.

Таблица 1. Распределение умерших по возрастным группам

Возрастная группа (лет)	Все погребенные (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)
0–4	22,8	-	-
5–9	6,1	-	-
10–14	4,3	-	-
15–19	5,4	4,5	7,1
20–24	7,5	9,9	12,2
25–29	8,8	10,7	15,6
30–34	9,6	13,7	17,4
35–39	6,9	9,7	11,3
40–44	8,5	12,7	12,8
45–49	8,0	15,7	8,8
50+	12,1	23,1	14,9

Могильник функционировал со второй половины или конца III века до третьей четверти IV века, то есть на протяжении 100–120 лет. Воспользовавшись формулой Ачади–Немешкери можно рассчитать численность одновременно проживавшего населения, использовавшего могильник (Acsadi, Nemeskeri, 1970, p. 65–66). Расчетная величина составит 59–67 человек. Сходные оценки численности и ожидаемой продолжительности жизни были получены ранее при анализе выборки Дубровского могильника (Широбоков и др., 2018). Как и в последнем случае, можно утверждать, что могильник единовременно использовался группой семей численностью в несколько десятков человек. Об использовании могильника несколькими родственными группами, с точки зрения исследователей, свидетельствует и распределение погребений на плане могильника.

Стационарная модель предполагает, что популяция, оставившая могильник, имела нулевую скорость естественного прироста (показатели смертности и рождаемости одинаковы), а возможные миграции не оказывали никакого влияния на популяционную структуру населения. Кроме того, при классическом подходе не учитываются возможные ошибки в оценке пола и возраста погребенных, в т.ч. систематические, связанные с несовершенством использованных методик и условно введенными ограничениями, такими как финальная возрастная группа «старше 50 лет».

Между тем, с одной стороны, такие ошибки, весьма вероятно, допускались автором (например, вследствие использования неоправданно узких интервалов при оценке возраста, что является общим недостатком определений большинства антропологов). С другой стороны, принимаемое по умолчанию предположение о нулевом темпе роста населения ($r=0$) может быть ошибочным. Стационарная модель, долгое время принимавшаяся в качестве стандарта в палеодемографии, было подвергнута решительной критике еще несколько десятилетий назад (Bocquet-Appel, Masset, 1982; Wood et al., 1992). В частности, было показано, что предположение о стационарности населения в доиндустриальную эпоху

несостоятельно для локальных популяций, которые, как правило, испытывали значительные колебания численности из-за миграций, эпидемий и изменений в рождаемости (Johansson, Horowitz, 1986; Chamberlain, 2006). Современные подходы требуют явного учета скорости естественного прироста (r) как ключевого параметра, так как даже его незначительное отклонение от нуля может привести к серьезному искажению демографических реконструкций (Sattenspiel, Harpending, 1983).

По этой причине для оценки ожидаемой продолжительности жизни и возрастного профиля смертности были дополнительно использованы модели, предложенные французскими палеодемографами Ж.-П. Боке-Аппелем, К. Массе (Bocquet-Appel, Masset, 1996) и И. Сегюи (Сегюи, Бренже, 2010). Эти модели базируются на основе анализа множества таблиц смертности доиндустриального населения с высоким уровнем смертности и рождаемости. В обоих случаях входными параметрами являются оценка скорости естественного прироста населения (r), а также индекс ювенильности (IJ) – палеодемографический показатель, который, вероятно, наиболее устойчив к возможным ошибкам в оценке возраста, в т.ч. межисследовательским. Индекс рассчитывается как соотношение числа детей 5–14 лет относительно числа погребенных старше 20 лет. Для Боярского могильника величина IJ составляет 16,9%.

К сожалению, оценить скорость естественного прироста точно невозможно, даже если исходить из предположения, что показатели смертности и рождаемости были стабильны на протяжении всего периода существования могильника, и число погребений, относящихся к определенному периоду, положительно коррелирует с численностью живого населения того же времени. Какие-либо признаки эпизодической катастрофической смертности в археологических и антропологических материалах могильника не фиксируются, и потому предположение о стабильности показателей выглядит допустимым. Однако имеющиеся данные по датировке отдельных захоронений неполны, а распределение захоронений разного времени на плане могильника не имеет четкой структуры. При этом самые ранние захоронения встречаются в центральной и северной частях некрополя, тогда как поздние встречаются практически повсеместно, по мере использования могильника охватывая новые участки в направлении от центра к периферии. При этом в его южной половине к раннему периоду фактически не было отнесено ни одно захоронение. В пределах площади могильника, на которой располагаются ранние захоронения, зафиксированы 83 погребения, в пределах участка, на котором находятся могилы позднего этапа, – 143 погребения. Площади этих участков большей частью пересекаются между собой, поэтому соотношение числа погребений в их пределах может быть использовано для грубых вычислений максимальной скорости естественного прироста. При условии, что могильник использовался на протяжении 100 лет, максимальный прирост составит $r=\ln(143/83)/100=0,0058$ (0,6% в год). Если в качестве расчетного использовать период в 120 лет, показатель составит 0,0048 (0,5% в год). Минимальная оценка r будет соответствовать 0. В пользу такой оценки свидетельствует то, что из 39 проанализированных погребений Боярского могильника к каждому из трех хронологических этапов отнесено равное число погребений: 13 – к «раннему», 13 – к «переходному», 13 – к «позднему». Впрочем, эти данные также не вполне достаточны для окончательного решения о скорости прироста населения, поскольку априорные вероятности отнесения захоронений к каждому из этапов (или признанию невозможности датировки), вероятнее всего, различаются между собой. В противном случае пришлось бы признать, что любые археологические комплексы могут быть датированы с одинаковой степенью надежности и в равных интервалах, что очевидно не соответствует действительности.

Внесение показателей IJ и r в формулу, предложенную Ж.-П. Боке-Аппелем и К. Массе (Bocquet-Appel, Masset, 1996), позволяет произвести более корректные расчеты ожидаемой

продолжительности жизни при рождении местного населения. С учетом погрешности она находится в диапазоне 26–33 лет, где максимальная оценка соответствует верхней границе значения при $r=0,0058$.

Формула Боке-Аппеля – Массе основана на анализе 40 таблиц смертности, среди которых почти нет относящихся к периоду до XIX столетия. Могут возникнуть справедливые сомнения в надежности полученной оценки, особенно с учетом весьма приблизительного способа вычисления скорости естественного прироста. Однако расчеты, основанные на модельных данных И. Сегюи, дают близкий результат. И. Сегюи с коллегами использовала гораздо более широкую и репрезентативную выборку из 167 «доиндустриальных» таблиц, охватывающих период с XVI по XX век. В этом случае был применен алгоритм для реконструкции таблицы смертности по оценкам вероятностей смерти для каждого из возрастных интервалов (q_x) при $r=0$ и $r=0,005$ (Сегюи, Бренже, 2010). В соответствии с рекомендациями сначала на основе значения IJ был рассчитан коэффициент $5q5$, а затем все последующие и предыдущие коэффициенты. Расчетная ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 29 лет при $r=0$ и 32 года при $r=0,005$. При этом для индивидов, достигших 15-летнего возраста, ожидаемая продолжительность жизни составила около 54–55 лет в независимости от значения r , что почти на 20 лет выше показателя, основанного на исходных возрастных определениях, предположительно подверженных систематическому занижению возраста в старших возрастных группах.

На рисунке 1 (цв. вклейка) показана динамика вероятности смерти (q_x) согласно расчетам, основанным на исходных данных, и реконструированная в соответствии с описанным выше алгоритмом. Оценка вероятности смерти в первом пятилетнем интервале, необходимая для корректного сравнения результатов, полученных двумя способами, была рассчитана по формуле $5q0=1-((1-q0)*(1-q1))$. На диаграмме хорошо заметны ограничения стандартного подхода, в значительной степени обусловленные как недооценкой детской смертности, так и вынужденным использованием финальной когорты «50+» из-за сложностей в оценке возраста пожилых людей. Вероятность смерти для взрослых людей всех возрастных когорт оказывается завышенной, тогда как для младшей когорты, напротив, несколько уступает величине, рассчитанной по модельным данным.

Таким образом, проведенный анализ дает основание полагать, что в период функционирования Боярского могильника локальная мазунинская популяция сохраняла стабильную численность или же характеризовалась умеренным положительным приростом населения и имела среднюю или высокую по меркам доиндустриальной эпохи ожидаемую продолжительность жизни при рождении (около 26–33 лет), что свидетельствует об относительно благоприятных демографических условиях и эффективной адаптации к окружающей среде. В дальнейшем это заключение может быть подтверждено или подвергнуто корректировке, например, по результатам изучения скелетных останков генетиками и палеопатологами и, конечно, при появлении новых данных о датировке захоронений некрополя.

Остеометрическая характеристика. По стандартной остеометрической программе (Алексеев, 1966) удалось измерить серию из 45 мужских и 40 женских скелетов. Средние значения основных остеометрических показателей выборки приведены в таблице 2. По рубрикации Д.В. Пежемского (Пежемский, 2011), составленной для описания изменчивости длинных костей у мужчин, продольные размеры плечевой, бедренной, большой берцовой костей в выборке имеют среднюю величину, лучевые кости – среднюю на границе с большой. В соответствии с рубрикацией А.А. Хохлова и А.П. Григорьева (Хохлов, Григорьев, 2020), как у мужчин, так и у женщин наибольшие длины четырех длинных костей попадают в категорию средних размеров. Среднюю величину имеют также указатели массивности костей и соотношения наибольших длин длинных костей

конечностей, за исключением луче-плечевого указателя, имеющего большую величину у мазунинцев (как мужчин, так и женщин). Кроме того, берцово-бедренный указатель у женщин также попадает в категорию больших.

Таблица 2. Средние остеометрические показатели в выборке из Боярского «Арай» могильника

Признаки (при достаточной сохранности измерялись преимущественно кости правой стороны)	Мужские скелеты			Женские скелеты		
	n	X	s	n	X	s
Плечевая кость						
Наиб. длина (H1)	31	321.1	13.1	20	293.5	16.3
Общая длина (H2)	29	315.4	12.8	23	290.2	15.3
Окруж. сер. диаф. (H7a)	31	68.3	4.0	24	60.9	4.0
Наим. окружность (H7)	31	62.5	3.0	24	55.7	3.0
Наиб. ширина головки (H9)	19	43.6	2.1	15	38.6	2.5
Вертикал. диаметр головки (H10)	32	46.5	2.3	22	40.7	2.4
Лучевая кость						
Наиб. длина (R1)	22	248.5	11.0	19	226.3	14.2
Физиологическая длина (R2)	22	233.1	10.6	19	212.7	13.7
Окруж. серед. диаф. (R5/5)	22	44.3	3.5	19	38.2	2.9
Наим. окружность (R3)	22	41.0	2.9	19	36.0	2.4
Бедренная кость						
Наиб. длина (F1)	41	438.8	18.9	35	412.8	22.8
Длина в естеств. полож. (F2)	37	433.2	19.6	34	406.7	22.0
Окруж. сер. диаф. (F8)	41	87.0	6.2	35	77.9	4.8
Вертикал. диаметр головки (F18)	38	47.0	2.4	34	41.9	2.1
Сагит. диаметр головки (F19)	34	46.3	2.8	31	41.1	2.1
Большая берцовальная кость						
Общ. длина (T1)	37	359.7	18.6	32	340.8	20.3
Наиб. длина (T1a)	37	363.9	18.4	31	345.7	20.4
Окруж. сер. диаф. (T10)	38	78.6	6.1	32	70.1	4.7
Наим. окруж. сер. диаф. (T10b)	36	71.8	5.1	32	64.8	3.9
Таз						
Иллюокристальная ширина таза	6	253.5	13.4	10	263.5	16.6
Указатели и реконструированные показатели длины тела						
Указатель прочности (H7:1)	31	19.5	1.0	20	19.0	0.9
Указатель прочности (R3:2)	22	17.6	1.3	19	17.0	0.9
Указатель массивности (F8:2)	37	20.1	1.1	34	19.2	1.1
Указатель массивности (T10:1b)	35	19.9	1.0	32	19.0	1.0
Интермембральный указатель (H1+R1)/(F1+T1)	17	71.4	1.2	13	70.5	1.2
Берцово-бедренный указатель (T1:F2)	36	82.9	2.4	31	83.5	2.2
Луче-плечевой указатель (R1:H1)	22	77.9	2.5	17	76.5	2.2
Плече-бедренный указатель (H1:F2)	25	73.8	2.0	17	72.7	1.4
Луче-берцовый указатель (R1:T1)	18	68.5	1.7	13	67.5	1.8
Длина тела (Пирсон, Ли, F1)	41	163.8	3.6	35	153.3	4.6
Длина тела (Бунак, F1+T1)	36	164.5	4.4	32	156.7	5.1

Остеометрические данные по населению Волго-Камского региона по-прежнему недостаточны для проведения качественного сравнительного анализа, хотя за последнее десятилетие в научный оборот были введены некоторые новые материалы. Помимо данных по трем мазунинским могильникам, были опубликованы данные по ломоватовской культуре (Брюхова, 2015), а также по пьяноборью (Волкова, Куфтерин, 2020; Куфтерин, Волкова, 2021). Выборки из близких к современности удмуртских кладбищ (Радзюн, 1980; Рыкушина, 1991) дополнила шарканская серия (Широбоков, 2024).

По регрессионным формулам, основанным на измерениях как суммарной длины бедренной и большеберцовой костей, так и только длины бедренной кости, была рассчитана средняя прижизненная длина тела погребенных. У мужчин величина показателя составила 164–165 см, у женщин – 153–157 см. По сравнению с другими группами мазунинского населения, для которых имеются опубликованные остеометрические данные (Рыкушина, Тихонов, 2000; Широбоков и др., 2018), мужская часть выборки отличается относительной низкорослостью, тогда как женщины имеют сопоставимую длину тела. Так, реконструированная длина тела мужчин Покровского могильника составляет 168–169 см (155–158 см у женщин), мужчин Дубровского могильника – 169–170 см (154 см у женщин). Несколько ближе к боярской выборке оценки длины тела у мужчин чегандинского населения, оставившего могильники Ново-Сасыкульский и Старый Чекмак (Волкова, Куфтерин, 2020; Куфтерин, Волкова, 2021). У чегандинцев средняя длина тела составляет 165–167 см среди мужчин, и 152–157 см среди женщин.

Вариативность средней величины основных указателей в сериях представлена на рисунке 2 (цв. вклейка). По большинству параметров мазунинские выборки в большей степени сближаются с чегандинскими и сборной ломоватовской выборками, нежели с удмуртскими сериями Нового времени.

Краниометрическая характеристика. По стандартной краниометрической программе (Алексеев, Дебец, 1964) были изучены 43 черепа (25 мужских и 18 женских). Средние значения признаков приведены в таблице 3. Размеры несколько отличаются от ранее опубликованных (Широбоков, Черных, 2016): значения большинства признаков сохранили близкую величину, заметно уменьшился скапулевой диаметр. В мужскую серию был добавлен ранее не учтенный череп мужчины с участка ГД/19 (возможно, относящийся к погребению 33), а также включен череп из погребения 5, ранее считавшийся женским. Генетический анализ (некоторые результаты которого приведены в конце текста) показал, что череп принадлежал мужчине.

В целом, краниологическая характеристика серии свидетельствует о том, что как мужские, так и женские черепа имеют европеоидный облик, своеобразие которого заключается в относительно слабом выступании носовых костей к линии профиля.

Сравнительный анализ серии был проведен при помощи квадратов расстояний Махalanобиса (D2) с поправкой на численность, предложенной Райтмайром (Rightmire, 1969). При анализе учитывался набор из 14 краниометрических признаков (№№ по Мартину и др.): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS:SC, 75(1). Для расчетов использовалась усредненная матрица корреляций (Широбоков, 2021). Ранее отмечалось, что выборка Боярского могильника морфологически неоднородна (Широбоков, Черных, 2016). При этом число наблюдений (измерений) заметно варьирует между признаками из-за заметных различий в сохранности отдельных черепов. Эти особенности выборки позволяют считать, что для получения корректных результатов расчет D2 стандартным способом не будет оптимальным решением.

Выход был найден в использовании доверительного интервала, в котором находится истинное значение D2 между боярской выборкой и каждой из сравниваемых серий. Из выборки были сформированы 100 псевдовыборок исходного размера путем случайного

отбора черепов с возвращением. Между каждой из псевдовыборок и сравниваемыми группами были рассчитаны расстояния D2 с поправкой Д. Райтмайра, а также медиана и интервал, в котором находятся 95% всех расстояний.¹ Для вычислений использовалась программа, написанная автором на Python.

Таблица 3. Средние краинометрические показатели в выборке из Боярского «Арай» могильника

№№ признаков по Мартину и др.	Признаки	Мужские черепа			Женские черепа		
		n	X	s	n	X	s
1	Продольный диаметр	14	183.3	6.3	12	179.7	4.9
8	Поперечный диаметр	14	140.1	6.4	12	134.1	3.9
8:1	Черепной указатель	14	76.5	3.4	12	74.7	3.0
17	Высотный диаметр	7	132.4	5.9	7	127.1	3.6
9	Наименьшая ширина лба	25	97.3	5.0	18	94.1	4.0
45	Скуловой диаметр	8	136.1	8.5	9	128.3	5.0
48	Верхняя высота лица	17	70.9	4.3	13	67.9	3.5
43	Верхняя ширина лица	18	105.9	5.8	12	101.3	3.1
46	Средняя ширина лица	17	100.7	4.9	13	94.6	4.6
55	Высота носа	18	51.3	2.8	14	49.3	3.7
54	Ширина носа	17	26.0	1.6	12	25.7	1.7
54:55	Носовой указатель	17	50.8	3.5	12	52.0	4.9
51	Ширина орбиты от mf	18	42.5	2.6	14	41.5	1.7
52	Высота орбиты	20	32.7	1.9	14	32.1	1.9
52:51	Орбитный указатель от mf	18	77.2	7.7	14	77.4	3.6
fmo-fmo	Бималярная ширина fmo-fmo	18	99.2	5.0	14	96.4	3.0
sub.n/fmo-fmo	Высота n над fmo-fmo	10	18.0	2.7	14	16.8	1.9
77	Назомалярный угол	10	140.2	4.7	14	141.7	3.6
zm'-zm'	Зигомаксиллярная ширина	15	100.6	4.8	12	94.3	5.3
sub.ss/zm'-zm'	Высота ss над зигомаксиллярной хордой	15	24.3	1.7	12	22.5	2.5
Hzm'	Зигомаксиллярный угол	13	128.2	3.3	12	129.0	3.4
SC	Симотическая ширина	19	9.5	2.3	14	9.4	2.0
SS	Симотическая высота	19	4.0	1.1	14	3.6	1.0
SS:SC	Симотический указатель	19	43.0	9.2	14	38.3	10.0
DC	Дакриальная ширина	6	22.7	3.0	4	22.8	3.3
DS	Дакриальная высота	6	12.2	1.4	4	11.2	3.1
DS:DC	Дакриальный указатель	6	54.8	12.2	4	48.9	11.0
fc	Глубина клыковой ямки	9	3.8	1.0	10	3.8	1.1
75(1)	Угол выступания носа	10	22.9	2.3	8	18.6	5.0
	Надпереносье	16	2.7	1.7	8	1.3	0.5
	Надбровные дуги	18	1.8	0.7	9	1.1	0.3
	Наружный затылочный бугор	12	1.2	0.7	8	0.8	0.7
	Сосцевидный отросток	15	1.6	0.5	8	1.1	0.4
	Передне-носовая кость	9	1.9	0.8	6	1.2	0.4
	Нижний край грушевидного отверстия	Antr. 100% (12)			Antr. 83% (5) F.pr. 17% (1)		

¹ В действительности рассчитываемый описанным способом интервал может считаться 95%-ым доверительным интервалом лишь условно, поскольку случайные подвыборки извлекались только из серии Боярского могильника, для большинства же сравниваемых серий в публикациях отсутствуют необходимые для расчетов индивидуальные данные измерений. Реальный интервал, вероятно, будет несколько шире.

Анализ проводился с привлечением широкого круга сравнительных материалов в двух вариантах: 1. С краинологическими сериями синхронного и предшествующего времени Поволжья, Приуралья, Центральной Азии и Западной Сибири (Акимова, 1961; 1968; Алексеев, 1969; Исмагулов, 1970; Фаттахов, 1978; 1980; 1981; Ефимова, 1981; 1991; Алексеев, Гохман, 1984; Багашев, 2000; Рыкушина, Тихонов, 2000; Балабанова, 2003; Ражев, 2009; Газимзянов, Хохлов, 2012; Нечвалода, Воробьева, 2018; Куфтерин, 2020; неопубликованные данные И.Р. Газимзянова и А.И. Нечвалоды²); 2. С близкими к современности сериями тех же регионов (Алексеев, 1969; 1971; Исмагулов, 1970; Юсупов, 1989; Багашев, 2000; Широбоков, 2014; 2024).

На рисунке 3 (цв. вклейка) приведены результаты первого сравнительного анализа. Нижняя полоска представляет собой интервал D2, в котором находятся расстояния между псевдовыборками Боярского могильника и полной выборкой. Медиана приблизительно равна 0, поскольку представляет оценку истинного расстояния D2 от выборки до самой себя. Интервал расстояний в этом случае отражает внутригрупповую изменчивость выборки. Его пересечение с интервалами, рассчитанными между боярской выборкой и сравнительными сериями, использовалось как признак близкого морфологического сходства.

Среди мужских краинологических серий эпохи железа наибольшее сходство с выборкой из Боярского могильника обнаруживают отдельные чегандинские, мазунинские и кара-абызские серии. Из мазунинских серий сходными характеристиками отличаются выборки Ижевского и Дубровского могильников. При этом выборки предшествующего времени с территории современной Башкирии из могильников разной культурной принадлежности неизменно входят в число ближайших групп. Это делает соблазнительным предположение о том, что истоки населения, оставившего Боярский могильник, следует искать именно в этом регионе. Как показывают результаты сопоставления с современными группами, представленные на следующем графике, современные башкиры также сохраняют некоторое морфологическое сходство с боярской серией, не слишком очевидное и все же более выраженное по сравнению с удмуртами. Любопытно, что выборки могильников Центральной Азии первой половины I тыс. н.э. в среднем демонстрируют тенденцию большего сближения с исследуемой выборкой по сравнению с западносибирскими. Это наблюдение может быть как обусловлено не слишком продуманным подбором сравнительных серий или даже случайностью (что, впрочем, демонстрируют и широкие доверительные интервалы расстояний), так и со временем найти объяснение в древней популяционной истории региона. Очевидно, что использованные здесь краинометрические данные сами по себе недостаточны для проведения подобной реконструкции.

Среди близких к современности групп наибольшее сходство с выборкой из Боярского могильника демонстрируют марийцы, мокша, казанские татары, ханты, чуваши, коми-пермяки, эрзя и башкиры (рисунок 4, цв. вклейка). Большинство этих групп объединяет присутствие в их составе уральского компонента (Моисеев, 1999; Аксянова, Аксянов, 2000). Возможно, выявленное сходство является отражением реального генетического родства современных и древних групп, связанного с включением в их состав общего субстрата.

Финно-угорские группы с низкой долей уральского компонента (коми-зыряне, финны, карелы), группы монголоидного и смешанного европеоидно-монголоидного облика значительно уступают по степени сходства с боярской выборкой. При этом удмурты также не входят в число ближайших групп. В краинологической характеристике удмуртов XVIII–XX столетий тенденция к уральскому сдвигу выражена заметно слабее, чем в других близких к современности финно-угорских группах Поволжья (Моисеев, 1999). Анализ

² Автор приносит искреннюю признательность И.Р. Газимзянову за данные по гляденовской культуре и А.И. Нечвалоде за данные по захоронениям II в. до н. э. – II в. н. э. Шиповского могильника.

соматологических данных показывает, что удмурты характеризуются специфическим комплексом признаков в строении лицевого отдела, отличающим его от уральского типа, представленного у других финно-угорских народов (Давыдова, 1989). Краиниологические материалы позволяют утверждать, что в середине I тысячелетия н. э. морфологическая характеристика населения Прикамья имела более выраженный уральский сдвиг.

Вместо заключения. В настоящее время доступны некоторые результаты генетического анализа шести образцов из мазунинских памятников, в т. ч. Боярского, Дубровского, Зaborинского могильников (McColl, 2024, Supplementary tables). В публикации образцы фигурируют в качестве сравнительных данных, а потому информация о них ограничена данными в приложении. Все исследованные индивиды имеют аутосомный генетический профиль, характерный для популяций Северной Евразии. Анализ митохондриальной ДНК выявил наличие западно-евразийских митохондриальных гаплогрупп U4a1d, U4b3 и U4d2 (в образцах всех трех могильников), а также восточно-евразийских B4c1b2c2, G2a1 и F1b1 (в образцах из Боярского могильника) и C4b (в образце из Дубровского могильника), что указывает на наличие как западных, так и восточных генетических компонентов в материнском генофонде мазунинского населения. При этом филогенетический анализ Y-хромосомы у мужчин выявил восточно-евразийские гаплогруппы N1alalala и N1alalala2 (индивидуа из Боярского и Дубровского могильников), а также западно-евразийскую R1a1a1b2a2 у одного индивида из Дубровского могильника. Полученные данные можно рассматривать как подтверждающие участие носителей уральских языков в формировании населения мазунинской культуры – указанные гаплогруппы Y-хромосомы являются типичными для прибалтийских (N1alalala) и поволжско-permских финно-угров, а также хантов и манси (N1alalala2).

В целом, имеющиеся генетические данные не противоречат результатам краиниологического исследования. Более того, морфологическая неоднородность серии Боярского могильника находит объяснение в генетических данных. Фактически в четырех образцах из Боярского могильника выявлены четыре разных митохондриальных гаплогруппы, три из которых имеют различное восточноазиатское происхождение (G2a1, F1b1, B4c1b2c2) и одна западноевразийское (U4b3). Это наблюдение согласуется с предположением о том, что захоронения на могильнике оставлены представителями нескольких родственных групп: изученные образцы происходят из погребений 5, 58, 111 и 136Б, имеющих разную локализацию на плане могильника.

В настоящее время генетические данные недостаточны для полноценного анализа популяционной истории мазунинского населения. Однако автор надеется, что в будущем комплексный анализ данных генетики, археологии и антропологии позволит детально изучить родственные связи и демографический профиль местного населения, а вместе с ним хронологию и этапы формирования могильника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М.С. Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. №8. М., 1961.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
- Аксянова Г.А., Аксянов Е.А. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М., 2000.
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краиниологическое исследование). М., 1969.
- Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных

каниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропология азиатской части СССР. М., 1984.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск. 2000.

Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Брюхова Н.Г. Исследование конституциональных особенностей средневекового населения Пермского Предуралья (анализ остеометрических показателей) // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики. СПб., 2015.

Волкова Е.В., Куфтерин В.В. Население пьяноборской культуры Нижнего Прикамья по данным остеометрии (материалы могильника Старый Чекмак) // Поволжская археология. 2020. №1 (31).

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннему железному веку // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. №2 (28).

Давыдова Г.М. Древнеуральский компонент в составе современных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1981. Вып. 67.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата, 1970.

Куфтерин В.В. Краниология Ново-Сасыкульского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 1(48).

Куфтерин В.В., Волкова Е.В. Физический тип населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа по данным остеометрии (материалы Ново-Сасыкульского могильника) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48).

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

Нечвалода А.И., Воробьева С.Л. Мужские и женские погребения носителей караабызской культуры по материалам Охлебининского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всерос. с междунар. участ. науч. конф. (г. Уфа, 19-22 ноября 2018 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2018.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс. ... к.б.н. М., 2011.

Радзюн А.Б. Внешнее и внутреннее строение длинных костей скелета разных этнотерриториальных групп // Современные проблемы и новые методы в антропологии. М., 1980.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.

Рыкушина Г.В. Заключение о скелетных останках из Нязь-Ворцинского могильника // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991.

Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России. Антропология. Часть 2. М., 2000.

Сегюи И., Бренже А. Анализ смертности древнего населения с использованием стандартных демографических таблиц для доиндустриального населения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2010. Вып. 3.

Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья

- середины I тысячелетия н. э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.
- Фаттахов Р.М.* Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1980. Вып. 36.
- Фаттахов Р.М.* Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- Хохлов А.А., Григорьев А.П.* К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник МГУ. Серия 23. Антропология. 2020. Вып. 3.
- Широбоков И.Г.* Материалы к антропологии пермских народов XVII–XIX вв. (краниологические данные) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск, 2014.
- Широбоков И.Г.* О применении усредненной корреляционной матрицы в краниометрии // Camera praehistorica. 2021. №1 (6).
- Широбоков И.Г. Некоторые результаты антропологического обследования скелетных останков из раскопок Шарканского могильника // Удмурты между язычеством и православием (по материалам Шарканского могильника XVIII – первой половины XIX в.). Ижевск, 2024.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2016. Т. 26. Вып.1.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И.* Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника//Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4.
- Юсупов Р.М.* Краниология башкир. Л., 1989.
- Acsadi G., Nemeskeri J.* History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970.
- Bocquet-Appel J.P., Masset C.* Farewell to paleodemography // Journal of Human Evolution. 1982. Vol. 11.
- Bocquet-Appel J.P., Masset C.* Paleodemography: expectancy and false hope // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 99.
- Chamberlain A.* Demography in archaeology. Cambridge University Press, 2006.
- Johansson S.R., Horowitz S.* Estimating mortality in skeletal populations: Influence of the growth rate on the interpretation of levels and trends during the transition to agriculture // American Journal of Physical Anthropology. 1986. Vol. 71 (2).
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Mensforth R.P., Barton T.J.* Multifactorial determination of skeletal age at death: a method and blind tests of its accuracy // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68 (1). P.1–14.
- McColl H. et al.* Steppe Ancestry in western Eurasia and the spread of the Germanic Languages // bioRxiv. 2024. DOI: 10.1101/2024.03.13.584607.
- Milner G.R., Wood J.W., Boldsen J.L.* Problems, progress and potential // Biological Anthropology of the Human Skeleton. Wiley-Blackwell, Hoboken, NJ., 2018.
- Rightmire G.P.* On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D2) // American Journal of Physical Anthropology. 1969, Vol. 30.
- Sattenspiel L., Harpending H.C.* Stable populations and skeletal age // American Antiquity. 1983. Vol. 48(3).
- Schaefer M., Black S., Scheuer L.* Juvenile osteology: A laboratory and field manual. New York, 2009.
- White T.D., Folkens P.A.* The human bone manual. New York, 2005.
- Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss, K.M.* The Osteological paradox: Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples // Current Anthropology. 1992. Vol. 33(4)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА ЖИТЕЛЕЙ ПРИКАМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ БОЯРСКОГО («АРАЙ») МОГИЛЬНИКА

По трем черепам из Боярского («Арай») могильника были выполнены графические реконструкции (рис. 1–3, цв. вклейка). Черепа принадлежали двум молодым женщинам из погребений №№31 и 89 (18–25 лет) и мужчине из погребения №97 (25–35 лет).

После реставрации частично разрушенных черепов были проведены необходимые краниологические исследования. Помимо некоторых стандартных краниологических измерений (Алексеев, Дебец, 1964), выполнялись дополнительные, необходимые для реконструкции отдельных частей лица: морфологическая высота лица – расстояние от супраорбитале до точки гнатион, высота носа от супраорбитале до субспинале и ширина между клыковыми точками (ШМК).

Краниофициальные реконструкции были выполнены по методике М.М. Герасимова (Герасимов, 1949, 1955) с дополнениями и уточнениями различных авторов. На основе контура черепа в проекциях фас и профиль производилось построение контура головы. Толщина мягких тканей корректировалась в соответствии с таблицами, составленными на основе ультразвуковых (Веселовская, 1997: 320–326) и КТ-исследований (Рассказова и др., 2020: 72). Реконструкция профиля носа была выполнена по методике Г.В. Лебединской (Лебединская 1998: 60–66) с учетом формы грушевидного отверстия, направления и формы носовых костей, подносового шипа, высоты нижних носовых раковин, формы лобных отростков верхнечелюстных костей и носового отростка лобной кости. Ширина носа и высота ушных раковин рассчитывались по уравнениям регрессии (Веселовская, Балуева 2012: 39; Рассказова и др., 2020: 73–74).

Реконструкции выполнены с тщательной проработкой света и теней, максимально приближенной к портретному изображению. Цвет глаз и волос на реконструкциях носит гипотетический характер. Одежда соответствует археологическим данным о костюмах мазунинской культуры. На портретных реконструкциях женщин из погребения 31 и 89 изображены гривны, сюльгамы, фибулы, височные подвески, бусины, спиралевидные пронизки и пронизки с привесками, найденные в этих захоронениях в составе жертвенных комплексов (или подарочных наборов).

Библиография

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований.* М.: Наука, 1964. 128 с.
- Веселовская Е.В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. Ч.1. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 312–335.*
- Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 22–42.*
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 188 с.*
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек).* М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство.* М.: Старый сад, 1998. 123 с.
- Рассказова А.В., Веселовская Е.В., Пеленицына Ю.В. Краниофициальные соотношения среднего этажа лица по материалам компьютерных томограмм // Вестник Московского университета. 2020. Серия 23: Антропология. № 4. С. 66–78.*

Сведения об авторах:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО «Удмуртский университет», г. Ижевск;

Хайруллина Ольга Фаридовна, лаборант НИЦ «Камско-Вятская археологическая экспедиция», эксперт Агентства по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики, г. Ижевск.

Авторы приложений:

Голдина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, г. Ижевск;

Прокопьева Татьяна Юрьевна, хранитель музейных предметов отдела фондов БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики им. К.Герда», г. Ижевск;

Широбоков Иван Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург;

Рассказова Анна Владимировна, младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, НИИ и Музей антропологии МГУ, г. Москва.

Благодарности

Выражаем искреннюю благодарность БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики им. К.Герда» (г. Ижевск), МБУК «Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Сарапул), Музею археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН (г. Уфа), а также сотрудникам данных учреждений – Прокопьевой Татьяне Юрьевне, Решетникову Николаю Леонидовичу и Камалееву Эльвиру Винеровичу – за возможность ознакомления с археологическими коллекциями данных учреждений.

Научное издание

**Черных Елизавета Михайловна
Хайруллина Ольга Фаридовна**

при участии
Голдиной Екатерины Владимировны
Прокопьевой Татьяны Юрьевны
Широбокова Ивана Григорьевича
Рассказовой Анны Владимировны

**Могильник Боярский «Арай» мазуинского типа
в Удмуртском Прикамье**

Монография

Компьютерная подготовка и оформление:
О.Ф. Хайруллина
Компьютерная верстка: О.Ф. Хайруллина
Художники: Л.И. Липина, И.Г. Соловьева
Дизайн обложки: И.Г. Соловьева

Авторская редакция

Подписано в печать 11.11.2025. Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 26,15. Уч. изд. л. 23,15.
Тираж 300 экз. Заказ № 1702.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18